ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2010 Том 16

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 4

октябрь – декабрь

Учредитель
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ. ЭКОЛОГИЯ

5 **Платонов А.Н.**
Количественная оценка ихтиофауны реки Унжа

8 **Поздеев А.В., Промоненков В.К., Лысенко Н.П.**
Использование препарата на основе куркумы в качестве радиопротектора

11 **Морошкина Е.Б., Седова О.Б.**
Взаимодействие ДНК с производным актиноцина, содержащим в амидных группах радикал – (бензо-15-краун-5) в растворе с ионной силой 0,1

15 **Полянская Т.А., Криницын И.Г.**
Экологическое разнообразие бореальных подземно-столоноклубнеобразующих многолетников

ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА. ЭСТЕТИКА

19 **Березина Е.М.**
Идея милосердия в религиозной морали

23 **Днепровский В.В.**
Постиндустриальное общество в условиях информационного противоборства: диалектика субъекта и объекта

27 **Жирнов А.А.**
Проблемы социализации современной российской молодежи

33 **Козырев М.С.**
Классовый подход к анализу социальной структуры современной России

38 **Коромыслов В.В.**
Проблема существования социального пространства в контексте концепции сущности человека как результата единого закономерного мирового процесса

43 **Оськин В.А.**
Специфика «нового религиозного сознания»

47 **Янковская О.В.**
Воплощение национальной идеи в авторской песне

ИСТОРИЯ

50 **Барунов В.Ю.**
Постановка учета ответственных советско-партийных работников уездно-губернского масштаба в начальный период нэпа: теория и практика

55 **Борщукова Е.Д.**
Особенности общественного сознания российских подданных в начальный период Первой мировой войны
60 **Барунов В.Ю.**
Роль рабочих факультетов в формировании новой интеллигенции в начале НЭПа

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

63 **Армеева Л.А.**
Соотношение традиции и авторского начала при копировании икон в системе подготовки современного иконописца
67 **Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю.**
Новый церковно-национальный стиль А.Д. Кастальского
72 **Губанов С.А.**
Онтологическое понимание смысловых пределов семантических коннотаций антиномий символа о. П.А. Флоренского
75 **Зленко Г.А.**
Феномен диалога русской и немецкой культур в раннем творчестве В. Набокова
79 **Кашина Н.К.**
О границах и горизонтах формализма (к проблеме восприятия розановских текстов)
84 **Королев М.Ю.**
Репрезентация в творчестве Марка Шагала

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

88 **Андреева В.Г.**
Символика в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»
92 **Баталова Т.П.**
Роман Ф.М. Достоевского «Бесы»: к поэтике сюжета
98 **Бондаренко В.А.**
Социальная и эстетическая рефлексия молодого В.В. Вересаева (на материале рассказа «Товарищи»)
102 **Васина С.Н.**
Функции повествователя и рассказчика в прозе В.М. Гаршина
106 **Савчук И.Н.**
Автометапаратекст и черты духовного портрета В.С. Высоцкого (к вопросу о ненормативной лексике в лирике поэта)
109 **Сокаева Д.В.**
Представления о загробном мире в нартском эпосе и несказочной прозе осетин
113 **Честнова Н.Ю.**
О диалектичности жанровой формы «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского
116 **Вовна А.В.**
Философские и мифопоэтические коды в романе А. Белого «Петербург»

ЛИНГВИСТИКА

120 **Ахмедов О.С.**
Лексико-семантическая адекватность при переводе налоговых и таможенных терминов (на материале английского и узбекского языков)
124 **Булавина Н.В.**
Отсубстантивные новообразования в периодической печати
127 **Василенко А.П.**
Полимотивация и псевдоэтимологизация фразеологического образа
131 **Лобанова И.В.**
Акцентные нормы современного немецкого языка: проблемы вариантности
135 **Петрова Е.В.**
Обучение стратегии визуализации технической лексики на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе
139 **Садыкова А.Г., Тулусина Е.А.**
Устойчивые метафорические модели педагогического дискурса в немецком и русском языках
143 **Третьякова И.Ю.**
Семантические виды окказионального преобразования фразеологизмов
146 **Тютрина В.С.**
Авторские сентенции в структуре языковой личности писателя (по произведениям Семёна Липкина)

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

150 **Александрова Е.В.**
Самодеятельное художественное творчество как фактор формирования социального опыта личности
152 **Ананьин Г.Е.**
Зарождение идей системной методологии в педагогике
156 **Банюхова А.Е., Шемелина О.С.**
Личностные предпосылки социальной креативности студентов
162 **Борисов Р.В., Зульфикаров Ш.М.**
Деформация этнической идентичности как проблема социальной адаптации студентов вузов
165 **Володина А.С.**
Нарушения понимания текстового сообщения и пути их выявления у детей с недоразвитием речи
169 **Головчанская Р.Г.**
Технологическая карта для контроля формирования иноязычной компетенции у студентов заочной формы обучения неязыковых вузов

174 **Даньковская Я.Ю.**
Аграмматизмы в устной и письменной речи учащихся младших классов с задержкой психического развития (нейропсихологический подход)
177 **Девятерикова Е.В.**
Сущность процесса социально-педагогического сопровождения событий воспитанников школы-интерната
181 **Ефимова О.И., Ощепков А.А.**
Особенности ценностной структуры микрогрупп подростков с девиантной ориентацией
186 **Заимцян Д.Р.**
Синтаксические правила языка и их использование в речевой продукции детей с недоразвитием речи
190 **Карасев Д.Ю., Кетоев К.Э.**
Инновационные технологии физического развития детей дошкольного возраста в условиях дошкольного образовательного учреждения
194 **Киян И.В.**
Тест как инструмент управления качеством педагогических технологий в системе дистанционного обучения
202 **Ларина Е.А.**
Технология исследования уровней сформированности интонационной стороны речи у детей младшего школьного возраста в устной и письменной речевой деятельности
207 **Морозова Н.В., Жаркова Л.С.**
Компетентностный подход к инновационному проектированию педагогической деятельности в общей языковой подготовке
209 **Мошкина М.А.**
Экстралингвистические факторы в процессе обучения школьников письменной речи
213 **Муравьёв С.А.**
Социокультурные предпосылки формирования русского национального идеала воспитания
217 **Никишина В.Б., Запесоцкая И.В.**
Построение психологического тезауруса состояния зависимости
223 **Николаева И.А.**
Исследование психолого-акмеологических особенностей развития прогностического потенциала у студентов вузов
227 **Пазекова Г.Е., Еливанова Н.Е.**
Психологическая гармония личности как детерминанта здоровья
231 **Полякова Е.Я., Пашкова М.В.**
Личностная тревожность и глубинные влечения у больных алиментарным ожирением: клинико-психологические аспекты
236 **Рагозинская В.Г.**
Особенности структуры депрессивных состояний у больных психосоматическими заболеваниями
239 **Рапацкая Л.А., Бученкова М.Н.**
Технологии музыкальной терапии как средство общего оздоровления детей с задержками психического развития
245 **Рудыхина О.В., Шемелина О.С.**
Когнитивные и ценностно-мотивационные особенности толерантного студента вуза в контексте стилевого подхода
250 **Сафукова Н.Н.**
Психолого-акмеологические особенности личностно-профессиональной Я-концепции студентов государственных и негосударственных вузов
253 **Свешников С.Ю.**
Становление родителя в юношеском возрасте: попытка осмысления проблемы
258 **Селиванова Е.А.**
Проблемы эмоционального развития воспитанников детских домов
263 **Степанова О.Н., Осокина Е.А.**
Использование комплексных фитнес-программ в системе физического воспитания студенток
267 **Уварова С.Я., Дубовицкая Т.Д.**
Психологическая поддержка старшеклассников в принятии жизненно важных решений

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

272 **Алексеева М.А.**
Развитие творческого мышления будущих педагогов-художников в процессе перспективного анализа и графической реконструкции картины
275 **Корчагина Н.В.**
Профессионализм педагога-музыканта как результат подготовки студента в вузе (акмеологический подход)
280 **Реутова Н.В., Никишина В.Б.**
Взаимосвязь особенностей социальной перцепции и структуры профессиональной идентичности судебных приставов в контексте внутрипрофессиональной дифференциации

284 **Сабанчиева Р.З.**
Карьерные ориентации и профессиональная самореализация преподавателей высшей школы
288 **Соловьева О.Б.**
Особенности содержания обучения иноязычному общению специалистов водного транспорта
292 **Третьякова О.Н.**
Информационные технологии и разработка дистанционного физического практикума
295 **Ходыкина А.В.**
Теоретико-методологический статус интегративного подхода в обучении иностранным языкам
299 **Милованов М.А., Цветков М.П.**
Система спортивно-оздоровительной деятельности в условиях детско-юношеской спортивной школы

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
303 **Груздев В.В.**
Элементы правового уровня системы личности
311 **Рощин Б.Е.**
Основные принципы российского трудового права на первоначальном этапе социалистической организации труда (октябрь 1917–1920 гг.)

СОЦИОЛОГИЯ
317 **Ермилова А.В.**
Проблемы самоидентификации инженерно-технической интеллигенции: социологический анализ
322 **Смирнова Е.А.**
Влияние терапевтической среды на качество жизни и социальное функционирование потребителей психиатрической помощи
326 **Демин М.В.**
Новая социальная роль: формирование и измерение в бюджете времени
328 **Калабекова М.А.**
История и развитие англосаксонской модели местного самоуправления в Великобритании

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ
330 **Чекмарев В.В.**
Научное творчество М.И. Скаржинского и его вклад в развитие экономической науки
349 **Василенкова Н.В.**
Совершенствование системы подготовки высококвалифицированных рабочих кадров для судостроительной отрасли Астраханского региона
353 **Глухова С.М.**
Контрактные отношения в условиях неопределенности
357 **Василенкова Н.В.**
Формирование оптимальных условий развития отечественного судостроения
361 **Стулов С.А., Александрова Е.А.**
Коррупция и статусная рента в системе теневых экономических отношений
364 **Хартанович К.В., Маньковский В.А., Шатрова Я.О., Шкабарня И.С.**
Модернизация и антикризисная региональная стратегия
368 **Штукерт А.Б.**
Модернизация муниципального здравоохранения
371 **Шувалова О.В., Тимонин А.Ю.**
Уровень жизни как экономическая характеристика качества жизни
376 **Бартюкова И.А.**
Экономическая модель развития предприятий машиностроительного комплекса
381 **Кузьмина Л.А.**
Инновационный процесс и качество экономического роста

386 **SUMMARY**

399 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ. ЭКОЛОГИЯ

УДК 574.5

Платонов А.Н.
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Glodnar@mail.ru

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ИХТИОФАУНЫ РЕКИ УНЖА

В представленной статье описывается двухлетнее исследование ихтиофауны реки Унжа Костромской области. Были выделены виды-индикаторы чистоты воды, проведены исследования по количественной динамике каждого вида по годам, определен видовой состав ихтиофауны реки Унжа, благодаря которому возможен дальнейший многолетний мониторинг объекта и сравнение биоразнообразия рыб водотока до и после строительства и запуска Мантуровского ЦБК.

Ключевые слова: *ихтиофауна, особь, отряд, семейство, вид, индикатор, мониторинг, ЦБК, водоток.*

Для исследования была выбрана река Унжа, которая используется как источник водоснабжения для хозяйственных и бытовых нужд, как зона отдыха, для судоходства, является охотничьими угодьями. Это и место нерестилищ промысловых рыб.

Данный водоток был выбран для исследования не случайно. В ближайшее время планируется строительство целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) вблизи города Мантурова.

В ходе исследования были проведены контрольные отловы рыбы в летний период 2007–2008 годов, с последующим определением ее видов. В это время водоток характеризуется наименьшей глубиной летней межени, что позволяет свести к минимуму возможность пространственного избегания рыбами орудий активного лова. Для каждого экземпляра устанавливали его видовую принадлежность в соответствии с современными сводками по систематике пресноводных рыб России. Отловы проводились на специально выбранных участках реки, расположенных на расстоянии примерно 10 км друг от друга. Всего было обследовано 16 участков, каждому из которых был присвоен ранг (L) от 1 до 16, в зависимости от расстояния данного участка от исходного: L1 – 0–10 км, L2 – 11–20 км, L3 – 21–30 км и т. д. (см. рис. 1). Дополнительно осматривались уловы рыб у местного населения.

В ходе практического исследования ихтиофауны с помощью отлова были определены следующие виды рыб: подкаменщик обыкновенный,

Рис. 1. Частота встречаемости видов по группам (%) в 2007 г.

© Платонов А.Н., 2010

Рис. 2. Частота встречаемости видов по группам (%) в 2008 г.

обыкновенный ерш, речной окунь, обыкновенный судак, налим, серебряный карась, плотва, язь, обыкновенная верховка, лещ, уклейка, щука, стерлядь волжская, хариус, линь, обыкновенный сом, пескарь, густера, чехонь.

Самые распространенные виды: щука, язь, плотва, лещ, речной окунь, обыкновенная верховка, уклейка и обыкновенный ерш. Самую низкую численность имели обыкновенный судак, стерлядь волжская, налим, подкаменщик обыкновенный и хариус. В исследуемой реке также встречаются: линь, обыкновенный сом, пескарь, густера, серебряный карась и чехонь (см. рис. 1–2).

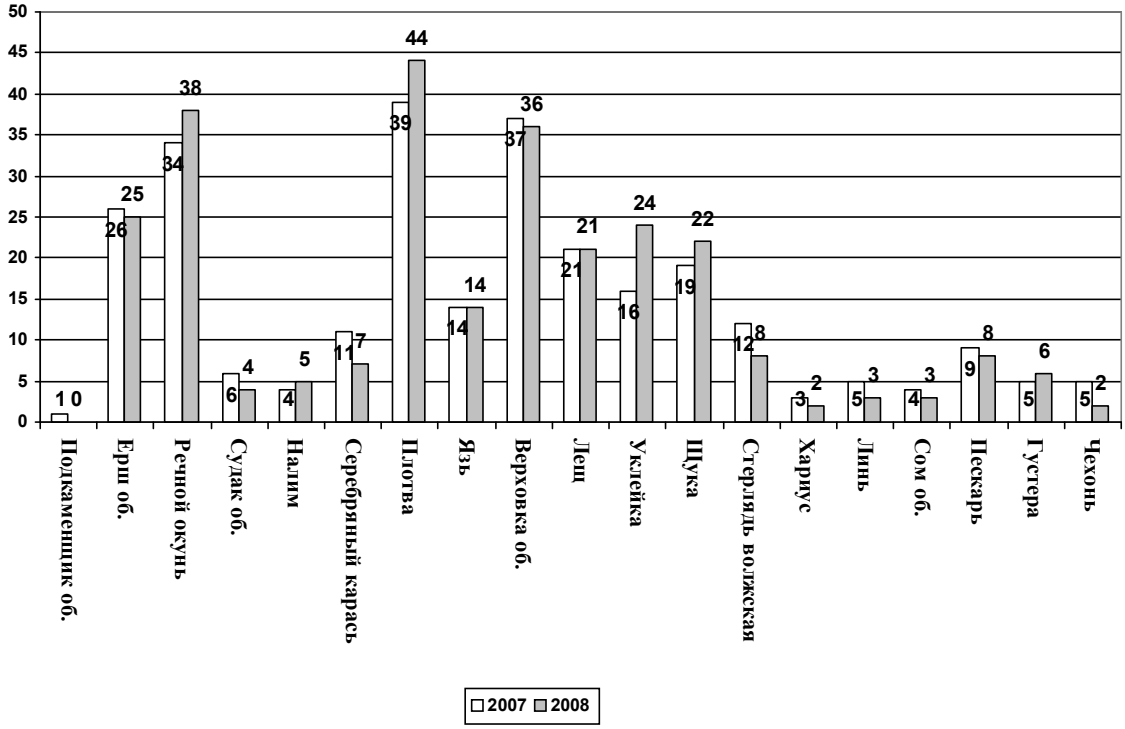

Рис. 3. Колебание численности отловленных видов в 2007–2008 гг.

Проанализировав гистограммы (рис. 1 и 2), выделим, что на участках L7, L8, L9, L14 и L15 встречаемость редких видов – индикаторов чистоты водотока – минимально или отсутствует вследствие высокой антропогенной нагрузки. На данных участках зафиксированы: сильные обмеления реки, возникшие в результате промышленных лесозаготовок, отмечен сброс бытового мусора в водоток.

Наличие в реке таких видов, как хариус, стерлядь волжская, подкаменщик обыкновенный, серебряный карась, указывают на чистоту исследуемого водотока, поскольку они являются биоиндикаторами качества поверхностных вод. Наиболее часто встречаются виды-индикаторы на участках L1–L4, что говорит о чистоте исследуемого водотока. Это объясняется наибольшей удаленностью от населенных пунктов, а также труднодоступностью. На участке L1 был обнаружен подкаменщик обыкновенный (Cottus gobio Linnaeus), занесенный в Красную книгу РФ.

Количественный учет. В ходе исследования были отловлены и определены 543 особи: 271 – в 2007 г. и 272 – в 2008 г., данные занесены в сводные таблицы по годам соответственно.

Большинство отловленных особей по возрастной шкале относятся к двухлеткам и трехлеткам (данные получены при осмотре годичных колец на чешуе особей).

Также нами было исследовано колебание численности отловленных видов, отраженное на рисунке 3, которая показывает, что в период с 2007 по 2008 г. особых изменений в водотоке не происходило, промысел рыбы населением не превышает допустимые нормы. Подводя итог, следует отметить, что в целом экологическая обстановка на реке Унжа остается стабильной, основным лимитирующим фактором, сдерживающим численность популяций рыб, является антропогенный.

При вводе в эксплуатацию Мантуровского ЦБК возможна дополнительная нагрузка на исследуемый водоток, которая негативно отразится на видовом разнообразии гидробионтов и в том числе на ихтиофауне реки Унжа.

В ходе проведенных исследований, был составлен видовой состав ихтиофауны реки Унжа, представленный 7 отрядами, 8 семействами и 19 видами, благодаря которому возможен дальнейший многолетний мониторинг объекта и сравнение биоразнообразия рыб водотока до и после строительства и запуска Мантуровского ЦБК.

Библиографический список

1. Аннотированный каталог круглоротых рыб континентальных вод России / Под ред. Ю.С. Решетникова. – М.: Наука, 1998. – 220 с.

2. *Васильев Л.И.* Формирование ихтиофауны Рыбинского водохранилища // Тр. биол. ст. Борок. АН СССР. – 1950. – Вып. 1.

3. *Жаков Л.А.* Структурные различия озёрных и речных ихтиоценозов // Биоценология рек и озер Волжского бассейна. – Ярославль, 1985.

4. *Жуков П.И.* Справочник по экологии пресноводных рыб. – Минск: Наука и техника, 1988. – 310 с.

5. Каталог растений и животных водоемов бассейна Волги / Отв. ред. В.Н. Яковлев; Ин-т биологии внутренних вод им. И.Д. Папанина. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2000. – 309 с.

6. *Котегов Б.Г.* Особенности видового состава и структуры сообществ рыб малых рек Удмуртской Республики // Экология. – 2007. – №4.

7. Красная книга Ярославской области / Ред. Л.В. Воронин. – Ярославль: Изд-во "AR", 2004. – 382 с.

8. *Кузнецов В.А.* Рыбы Волжско-Камского края. – Казань, 2005. – 208 с.

9. *Кузнецов И.В., Макковеева И.И.* Животный мир Ярославской области. – Ярославль, 1959. – 126 с.

10. *Кузнецов Н.В., Горохов Ю.А., Постнов И.Е., Тельнов Э.А.* Список рыб Горьковской области // Вопр. ихтиологии. – 1974. – Т. 14. – Вып. 1.

11. *Лакин Г.Ф.* Биометрия. – М.: Высш. шк., 1990. – 352 с.

12. *Николаев С.А., Куделин В.М.* Ихтиоценозы малых рек Ярославской области // Биогеоценология рек и озер Волжского бассейна. – Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1985.

13. *Павлов Д.С., Савваитова К.А., Соколов Л.И., Алексеев С.С.* Редкие и исчезающие животные. Рыбы. – М.: Высш. школа, 1994. – 334 с.

14. Рыбохозяйственное освоение Горьковского водохранилища / Под ред. Г.П. Кожевникова. – Лениздат, 1965.

15. *Слынько Ю.В., Кияшко В.И.* Ихтиофауна малых рек Верхнего Поволжья // Экологическое состояние малых рек Верхнего Поволжья. – М.: Наука, 2003.

16. *Соколов Л.И., Цепкин Е.А.* Исторический обзор антропогенных изменений ихтиофауны рек Центрального региона России (на примере бассейна Москвы-реки и других рек Подмосковья) // Вопр. ихтиологии. – 2000. – Т. 40. – Вып. 2.

17. *Шатуновский М.И.* Мониторинг биоразнообразия популяций пресноводных рыб // Мониторинг биоразнообразия. – М.: ИПЭЭ РАН, 1997.

УДК 619:616-001.28/29

Поздеев Александр Владимирович
кандидат ветеринарных наук,
Военная академия войск радиационной, химической
и биологической защиты и инженерных войск имени С. К. Тимошенко (г. Кострома),
Промоненков Виктор Кириллович
доктор химических наук,
ООО «Лимекс – Фарма» (г. Москва),
Лысенко Николай Петрович
доктор биологических наук,
Московская государственная академия
ветеринарной медицины и биотехнологии им. К. И. Скрябина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕПАРАТА НА ОСНОВЕ КУРКУМЫ В КАЧЕСТВЕ РАДИОПРОТЕКТОРА

В представленной работе в качестве радиозащитного средства исследуется применение растительного препарата на основе куркумы. Экспериментально выявлено повышение выживаемости лабораторных животных на фоне применения куркумина при облучении в летальных дозах.

Ключевые слова: *куркумин, радиация.*

Обоснованием для выбора препаратов на основе куркумы в качестве потенциальных радиопротекторов послужили многочисленные данные о физиологической активности, фармакологических и питательных свойствах.

Куркума длинная (Curcuma longa L.) происходит из Восточной Индии и Вьетнама. Сырая куркума содержит от 0,3 до 5,4% куркумина, эфирное масло 4–14%, включая тумерон, атлантон, цингиберон, которые обладают лекарственными свойствами. В её состав входят также сахара (28% глюкозы, 12% арабинозы), белки и смолы.

В индийской и китайской медицине куркуму широко употребляют уже тысячи лет. В последние годы было проведено немало медицинских исследований, в результате которых западные специалисты признали куркуму одним из самых чудодейственных средств.

Куркумин известен своими антиоксидантными, противоопухолевыми, противоамелоидными и противовоспалительными свойствами [1–5].

Целью исследования являлось изучение действия жидкого препарата куркумы на выживаемость мышей при ионизирующем облучении. Задача исследования заключалась в оценке противолучевого действия куркумы.

Методика исследований. На производственных мощностях ООО «Лимекс-Фарма» (г. Москва) был произведён из растительного сырья жидкий препарат куркумы, полученный по специальной технологии полифазной экстракции с последующим концентрированием и стабилизацией. Для экспериментов исследовался препарат куркумин в разведении с физраствором 1:3. Перед применением куркумин разливали во флаконы ёмкостью 20 мл, для стерилизации добавляли стрептомицина сульфат. Исследование радиозащитных свойств проводили на белых беспородных мышах в количестве 180 штук. Были сформированы группы: контрольная и испытуемые. Также была проверена полулетальная доза облучения. Животные были облучены дозой 600 Р и 700 Р. Затем облучение продолжилось с испытуемыми и контрольной группами. Животные были подвергнуты однократному тотальному равномерному воздействию гамма-излучения Cs-137 на установке «Панорама» при мощности 4,3 Р/мин. в дозах 12,18 Гр (1400 Р). Препарат вводили внутримышечно в объёме 0,2 мл. Животные были разделены на группы:

1) введение куркумина за 12 ч до облучения;
2) введение куркумина за 20–30 минут до облучения;
3) введение куркумина через 20–30 минут после облучения;
4) введение куркумина через 20–30 минут и на 5 сутки после облучения;
5) введение куркумина за 20–30 минут до облучения и через 20–30 минут после;
6) введение куркумина за 20–30 минут до облучения и через 20–30 минут после облучения и на 5 сутки;
7) контроль (препарат не вводили).

 © Поздеев А.В., Промоненков В.К., Лысенко Н.П., 2010

Таблица 1

Выживаемость мышей при дозе облучения 1400 Р (12,18 Гр)

Группы	Кол-во жив-х	Результат	Сутки										
			3	5	7	8	23	25	26	27	28	30	Более 30 сут.
1	10	Пало						1	1	5			1
		Выжило						9	8	3		**3**	**2**
2	10	Пало							2	6			
		Выжило							8	2		**2**	**2**
3	10	Пало							1	7		1	
		Выжило							9	2		**1**	**1**
4	10	Пало						2	3				1
		Выжило						8	5	5		**5**	**4**
5	10	Пало								6		4	
		Выжило								4		**0**	
6	10	Пало					7			1			
		Выжило					3	3	3	2	1	**1**	**1**
7	10	Пало	1	2	5	2							
		Выжило	9	7	3	**0**						**0**	

Параллельно с испытанием при облучении была проверена токсичность препарата на 10 беспородных белых мышах-самцах. Препарат куркумина был введён внутримышечно в дозе 0,2 мл. Выживаемость к 30 суткам составила 100%.

Основными показателями эффективности применения куркумина служили выживаемость животных в течение 30 суток после облучения, продолжительность жизни мышей, фактор изменения дозы (ФИД).

Результаты исследований. Результаты изучения радиозащитных свойств куркумина представлены в таблице 1. Абсолютно смертельной дозой облучения для мышей является доза 7,83 Гр (900 Р).

Полулетальная доза облучения для мышей составила 600 Р (6 из 10 остались живы) и 700 Р (5 из 10 животных остались живы).

Практически во всех группах животные, облучённые сверхсмертельной дозой в 1400 Р и получавшие препарат, в единичных количествах особей дожили до 30 суток.

Выживаемость в группе №4 (введение куркумина через 20–30 минут и на 5 сутки после облучения) достигла 50 %, что является предопределяющим для выведения показателя эффективности радиопротектора – фактора изменения дозы.

$$\textit{Фактор изменения дозы}\,(\textit{ФИД}) = \frac{\textit{Доза, вызывающая ЛД}\,50/30\,\textit{с препаратом}}{\textit{Доза, вызывающая ЛД}\,50/30\,\textit{без препарата}}$$

Коэффициент (ФИД) препарата куркумина, введённого через 20–30 минут после облучения

Таблица 2

Выживаемость мышей при дозе облучения 1400 Р (12,18 Гр)

Группы	Кол-во жив-х	Результат	Сутки										
			2	5	7	8	9	10	14	21	26	30	Более 30 сут.
1	10	Пало						1	1	2	3		
		Выжило						9	8	6	3	**3**	**3**
2	10	Пало							2	1	2	2	
		Выжило							8	7	5	**3**	**3**
3	10	Пало						2	1	2			
		Выжило						8	7	5		**5**	**5**
4	10	Пало					1	2	1	1	1		
		Выжило					9	7	6	5	4	**4**	**4**
5	10	Пало						2	2		1	1	
		Выжило						8	6		5	**4**	**4**
6	10	Пало	1	2	1	3	2						
		Выжило	8	6	5	2	0					**0**	

Таблица 3

Выживаемость мышей при дозе облучения 1300 Р (11,31 Гр)

Группы	Кол-во жив-х	Результат	Сутки											
			2	3	4	5	7	9	11	13	17	25	30	Более 30 сут.
1	10	Пало					1		1		2	1	1	
		Выжило					9		8		6	5	**4**	**4**
2	10	Пало							2	1	1	2	1	
		Выжило							8	7	7	5	**4**	**4**
3	10	Пало							2	1	2			
		Выжило							8	7	5		**5**	**5**
4	10	Пало	1	1	2	4	1	1						
		Выжило	9	8	6	2	1	0					**0**	**0**

и последующего введения на 5 сутки, составляет 2,0.

Для проверки повторимости результатов ФИД были сформированы дополнительные группы животных:

1–5 группы – введение куркумина через 20–30 минут и на 5 сутки после облучения;

6 группа – контрольная (облучение без введения препарата).

Результаты воспроизведения повторимости представлены в таблице 2.

Выживаемость мышей, облучённых дозой 1400 Р (12,18 Гр), на фоне применения препарата составила 30–50%, при 100% гибели в контроле. Поэтому было принято решение протестировать работу препарата при дозе 1300 Р (11,31 Гр). Были сформированы группы:

1–3 группы – введение куркумина через 20–30 минут и на 5 сутки после облучения;

4 группа – контрольная (облучение без введения препарата).

Результаты по выживаемости мышей, облучённых дозой 1300 Р (11,31 Гр), представлены в таблице 3.

Выживаемость мышей, облучённых дозой 1300 Р (11,31 Гр), на фоне применения препарата составила 40–50%, при 100% гибели в контроле.

Коэффициент (ФИД) препарата куркумина, введённого мышам через 20-30 минут после облучения дозой 1300 Р (11,31 Гр) и последующего введения на 5 сутки, составляет 1,8.

В целом, оценивая «работу» куркумина в «запредельных» дозах облучения, следует отметить, что его применение увеличивает продолжительность жизни мышей в сравнении с контролем, эффективно как до облучения, так и после, при 100%-ной гибели в контроле. Животные переболели лучевой болезнью и пережили 30-дневный рубеж.

Выводы. Впервые проведёно исследование куркумина в качестве радиозащитного препарата. В лабораторных условиях показана его эффективность до и после облучения. Фактор изменения дозы равен 1,8–2,0. Результаты экспериментов свидетельствуют о перспективности использования и дальнейшего изучения препаратов куркумина в качестве потенциальных радиопротекторов.

Библиографический список

1. *Харламова О.А., Кафка Б.В.* Натуральные пищевые красители. – М.: Пищевая промышленность, 1979. – С. 29–137.

2. Curcumin ingibits Hypoxia-inducible Factor-1 by Degrading Aryl Hydrocarbon Receptor Nuclear Translocator: A Mechanism of Tumor Growth ingibition // Molecular Pharmacology. – 2006.

3. *Kelloff G.J, Crowell J.A, Hawk E.T., et al.* Strategy and planning for chemopreventive drug development: clinical development plans II // Cell Biochem. – 1996. – №63. – P. 54–71.

4. *Kawamori T., Lubet R., Steele V.E. et al.* Chemopreventative effect of curcumin, a naturally occurring anti-inflammatory agent, during the promotion/progression stages of colon cancer // Cancer Res. – 1999. –№59. – P. 597–601.

5. *Rao C.V., Rivenson A., Simi B., Reddy B.S.* Chemoprevention of colon carcinogenesis by dietary curcumin, a naturally occurring plant phenolic compound // Cancer Res. – 1995. – №55. – P. 259–266.

УДК 537.323.2

Морошкина Евгения Борисовна
кандидат физико-математических наук
Санкт-Петербургский государственный университет
evmorosh@mail.ru,
Седова Ольга Борисовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
sedova_olga_fmf@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДНК С ПРОИЗВОДНЫМ АКТИНОЦИНА, СОДЕРЖАЩИМ В АМИДНЫХ ГРУППАХ РАДИКАЛ – (БЕНЗО-15-КРАУН-5) В РАСТВОРЕ С ИОННОЙ СИЛОЙ 0,1

Методами спектрофотометрии и кругового дихроизма в присутствии ионов K^+ и Na^+ при ионной силе μ=0,1 исследовано взаимодействие молекулы ДНК с аналогом противоопухолевого антибиотика актиномицина D, содержащим в амидных группах радикалы – (бензо-краун-5)-4'-ил. В зависимости от природы катиона соединение связывается с ДНК в виде димера, мономера или образует агрегаты.

Ключевые слова: *актиноцин, ДНК, краун-группировка, спектрофотометрическое и спектрополяриметрическое титрование.*

Молекула ДНК является мишенью действия многих агентов, обладающих противоопухолевой активностью. Среди них – антибиотик актиномицин D, содержащий в положениях 1, 9 актиноцинового хромофора пентапептидлактонные группировки. В процессе направленного поиска новых активных противоопухолевых препаратов на кафедре органической химии Санкт-Петербургского государственного технического университета были синтезированы многочисленные аналоги этого антибиотика, содержащие вместо пентапептидлактонных группировок радикалы различной природы [1, с. 23–30]. Спектральными, гидродинамическими и оптическими методами было показано, что способность актиноцинового хромофора интеркалировать в двойную спираль ДНК зависит от ионного состояния лиганда [9, с. 438–443] и от положения катионоидного центра [10, с. 448–455]. Заместители, способные специфическим образом взаимодействовать с ДНК в составе молекулы лиганда, могут препятствовать интеркаляции хромофора в двойную спираль ДНК [7, с. 950–956].

Было установлено, что пептидлактонные группировки актиномицина D способны, подобно краун-эфирам, связывать катионы Na+ [2, с. 1983–1986]. Это явилось предпосылкой нового направления конструирования комплексонов ДНК на основе объединения в одной молекуле фрагментов, ответственных за взаимодействие с ДНК, и различных краун-соединений [5, с. 1573–1576; 6, с. 406–408].

В настоящей работе исследовали взаимодействие ДНК с производным актиноцина, содержащим в амидных группах радикал – (бензо-15-краун-5) в водно-солевом растворе (KCl и NaCl) с ионной силой 0,1.

Экспериментальная часть

Использовали ДНК из тимуса теленка фирмы «Sigma» с молекулярной массой $M = 10^7$ Да. Концентрацию ДНК определяли спектрофотометрически по методу А.С. Спирина [11, т. 23, с. 656].

Исследуемое в работе соединение (рис. 1) было синтезировано на кафедре органической химии Санкт-Петербургского государственного технического университета [5, с. 1573–1576]. Соединение растворяли в этиловом спирте, насыщенном NaCl или KCl, и затем разбавляли водно-солевым раствором до нужной концентрации. Комплексы готовили путём смешивания растворов ДНК и лиганда соответствующих концентраций. При этом концентрация спирта не превышала 5% и ДНК в растворах оставалась в B-форме.

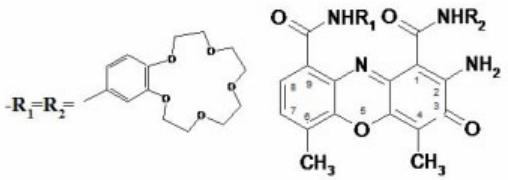

Рис. 1. Структура производного актиноцина, содержащего в амидных группах радикал - (бензо-15-краун-5)

© Морошкина Е.Б., Седова О.Б., 2010

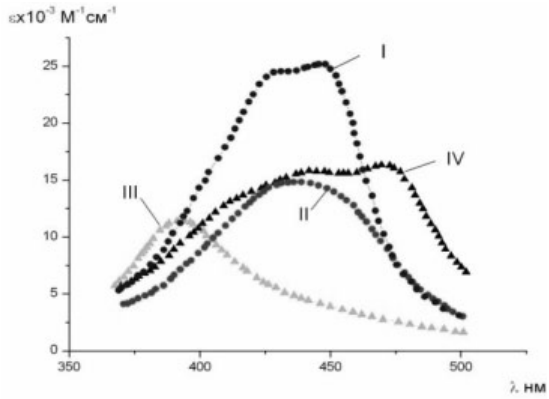

Рис. 2. Форма спектра поглощения лиганда. Кривая I – мономерная форма, II – димерная форма, III – H-агрегаты, IV – J-агрегаты

Ионная сила полученных растворов была равна 0,1 и в дальнейшем сохранялась при концентрационных измерениях. Концентрацию соединений определяли по величине оптической плотности растворов и коэффициенту экстинкции ε_{450}=25000 $M^{-1}см^{-1}$.

Параллельно проводили спектрофотометрическое титрование (СФТ) и спектрополяриметрическое титрование (СПТ) с использованием одних и тех же растворов. Спектры поглощения регистрировались на спектрофотометре «Specord UV-Vis». Спектры КД регистрировались с помощью дихрографа «Jobin-Ivon Mark 5».

Спектр поглощения исследуемого соединения в присутствии ионов K^+ при μ=0,1 изображен на рисунке 2 (кривая II) и соответствует спектру поглощения димеров актиноцина, образованных в результате взаимодействия хромофоров [3, с. 47–125]. Такая форма соединения стабильна во времени. В присутствии ионов Na^+, независимо от ионной силы среды, при переходе из спиртового в водный раствор сначала наблюдается спектр поглощения III (рис. 2), соответствующий агрегатам H-типа, который затем в течение 5–15 минут переходит в спектр IV (рис. 2), соответствующий агрегатам J-типа. В случае H-агрегатов плоскости хромофоров молекул находятся друг над другом, их центры – на одной оси, перпендикулярной плоскости молекулы, «стопка». В случае J-агрегатов плоскости хромофоров молекул сдвинуты относительно друг друга – «край к краю» [4, с. 721–722]. Агрегаты соединения H- и J-типа могут образоваться в результате взаимодействия краунгруппировок разных молекул с образованием структур типа «сэндвич».

Поскольку в присутствии ионов Na^+ исследуемое соединение изменяло свое состояние во времени, СФТ и СПТ растворов, содержащих ионы Na^+, проводилось двумя способами. В первом случае в каждый раствор, содержащий различную концентрацию ДНК, непосредственно перед измерением спектров поглощения или КД

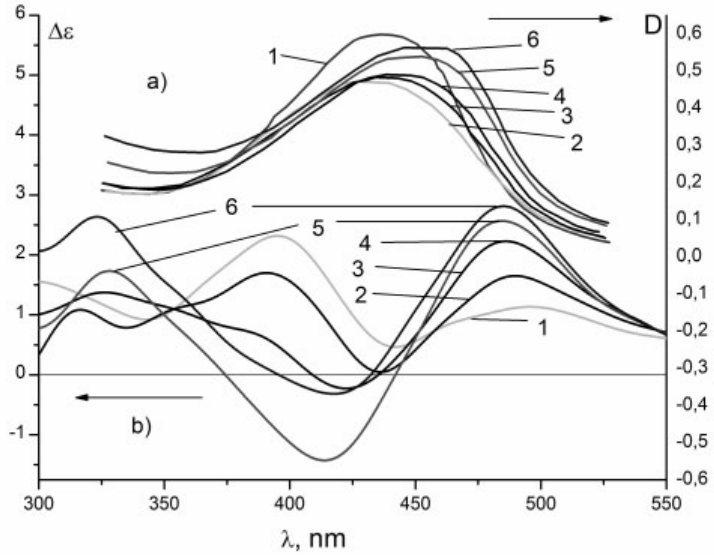

Рис. 3. Спектрополяриметрическое (шкала слева) и спектрофотометрическое (шкала справа) титрование лиганда в 0,1 M KCl при разных r:
1) чистый лиганд; 2) r=0,73; 3) r=0,5; 4) r=0,26; 5) r=0,13; 6) r=0,07

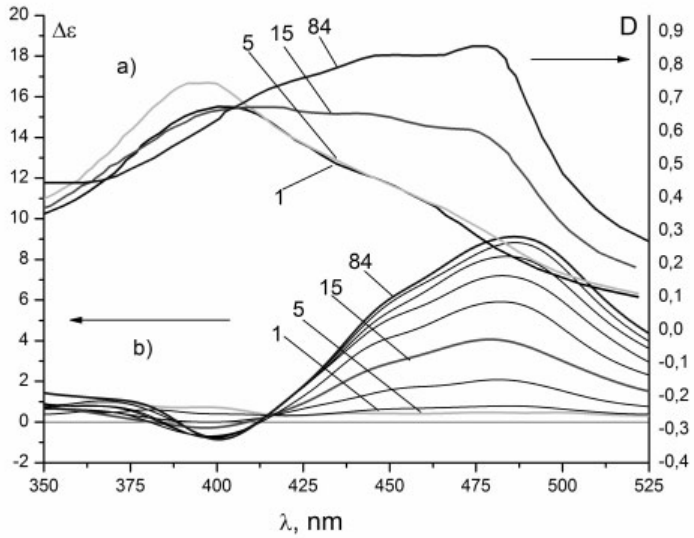

Рис. 4. Изменение во времени спектров поглощения и кругового дихроизма для комплекса лиганд-ДНК при r=0,27 в 0,1M NaCl (номер спектра соответствует времени с момента приготовления в минутах)

добавляли концентрированный спиртовой раствор лиганда в мономерной форме. Во втором случае в растворы, содержащие соответствующие концентрации ДНК, добавляли водный раствор лиганда в J-форме.

Результаты и их обсуждение

Титрование растворов лиганда растворами ДНК в 0,1M KCl показывает, что свободный лиганд в данных условиях находится в димерной форме (кривая 1, рис. 3a). Изменения спектров поглощения, происходящие при последовательном увеличении концентрации ДНК, свидетельствуют о связывании лиганда с ДНК сначала в виде димеров (кривые 2–4, рис. 3a), а затем в виде мономеров (кривые 5,6, рис. 3a). Аналогичное поведение наблюдалось ранее в случае производных актиноцина, содержащих в амидных группах радикалы – (бензо-18-краун-6) [8, с. 2015–2020]. Появление индуцированного КД и его изменение в процессе спектрополяриметрического титрования позволяет сделать вывод, что при соотношении концентраций лиганда и ДНК r≈0,6 димеры лиганда интенсивно связываются с молекулой ДНК, образуя на ее поверхности агрегаты (кривые 2, 3, рис. 3b). При увеличении концентрации ДНК (r≈0,2) связанный лиганд находится в виде димеров (кривые 4,5, рис. 3b), а при большом избытке ДНК (r≤0,1) – в виде мономеров (кривая 6, рис. 3b). Большое сродство лиганда к ДНК в этих условиях обусловлено тем, что димер лиганда содержит 4 краунгруппировки, каждая из которых ассоциирует один ион K^+, а фосфатные группы ДНК имеют отрицательный заряд.

При проведении СФТ и СПТ в 0,1M NaCl 1-ым способом (введение лиганда в виде спиртового раствора мономеров в водные растворы, содержащие ДНК) наблюдали изменения во времени спектров поглощения и индуцированного КД (рис. 4). Сначала формируются спектры H-формы, которые затем переходят в спектры J-формы. Концентрация ДНК в растворе оказывала влияние только на скорость этого перехода: чем больше концентрация ДНК, тем медленнее происходит переход.

Можно предположить, что сродство мономеров лиганда к ДНК в этих условиях не велико. По этой причине процесс образования H-агрегатов идет и в присутствии ДНК, однако идет тем медленнее, чем больше концентрация ДНК. Это связано с тем, что в образовании свободной H-формы принимают участие только не связанные с ДНК молекулы лиганда. Переход свободного лиганда в H-форму нарушает равновесие свободный – связанный лиганд, что приводит к постепенной диссоциации лиганда с ДНК и переходу его в H-форму. Затем наблюдается переход H-формы в J-форму. Этот переход сопровождается появлением сравнительно интенсивного сигнала кругового дихроизма (рис. 4b). Интенсив-

ность конечного спектра ИКД в несколько раз превышает интенсивность спектра КД J-формы свободного лиганда. Это позволяет сделать предположение, что в присутствии ДНК образование J-агрегата идет на поверхности молекулы ДНК.

Для выяснения возможности связывания лиганда с ДНК в J-форме проводилось СФТ и СПТ второго типа, когда соединение вводится в растворы, содержащие ДНК в виде уже сформировавшихся в растворах NaCl J-агрегатов. В этом случае отсутствуют изменения во времени как спектров поглощения, так и спектров КД лиганда. При этом оба типа спектров практически не отличаются от спектров свободной J-формы. Можно сделать вывод, что сформированные в отсутствие ДНК J-агрегаты соединения практически не взаимодействуют с молекулой ДНК.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что наличие двух краун-группировок существенно расширяет возможности соединения взаимодействовать с молекулой ДНК различными способами в зависимости от ионных условий среды. Это делает подобные соединения перспективными для создания специфичных противоопухолевых средств в тех случаях, когда в опухолевых клетках нарушается K^+/Na^+ обмен.

Библиографический список

1. *Glibin E.N.* Synthesis of Phenoxazone Drugs with Different Functional Groups in the Side Chains // Anti-Cancer Drug Design: Biological and Biophysical Aspects of Synthetic Phenoxazone Derivatives. – Sevastopol: Sevntu Press, 2002. – С. 23–30.

2. *Khorti A.G., Glibin E.N., Korshunova Z.I.* Influence of Complexation by Metal Cations on Solvophobic Retention of Crown Compounds in Reverse-phase High-performance Liquid Chromatography // Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Division of Chemical Sciences. – 40. – №10. – P. 1983–1986.

3. *Maleev V.Ya., Semenov M.A., Kruglova E.B.* A Spectroscopic and Calorimetric Study of DNA Complexation with a New Series of Actinocin Derivatives // Anti-Cancer Drug Design: Biological and Biophysical Aspects of Synthetic Phenoxazone Derivatives. – Sevastopol: Sevntu Press, 2002. – P. 47–125.

4. *McRae E.G., Kasha M.* Enhancement of phosphorescence ability upon aggregation of dye molecules // J. Chem. Phys. – 1958. – №28. – P. 721–722.

5. *Глибин Е.Н., Овчинников Д.В., Плеханова Н.Г.* Синтез аналогов актиномицина. XXI. Бензокраун-4'-илкарбамоилалкиламиды // Журнал органической химии. – 1997. – №33. – С. 1573–1576.

6. *Глибин Е.Н., Плеханова Н.Г., Овчинников Д.В.* Синтез аналогов актиномицина. XX. Амиды актиноцина, содержащие краун группировки // Журнал органической химии. – 1996. – №32. – С. 406–408.

7. *Кривцова М.А., Морошкина Е.Б., Глибин Е.Н.* Взаимодействие ДНК с низкомолекулярными лигандами различной структуры. III Комплексы ДНК с дистакцинами // Молекулярная биология. – 1984. – №18. – С. 950–956.

8. *Морошкина Е.Б., Дрещинский А.В., Плеханова Н.Г.* Влияние ионной силы на взаимодействие ДНК с краунсодержащими производными актиноцина // Журнал физической химии. – 2002. – №76. – С. 2015–2020.

9. *Морошкина Е.Б., Кривцова М.А., Глибин Е.Н.* Взаимодействие ДНК с амфолитами на основе актиноцина // Молекулярная биофизика.– 2002. – №47. – С. 438–443.

10. *Морошкина Е.Б., Кузьменко Е.В., Кривцова М.А.* Взаимодействие ДНК с амидвми актиноцина, содержащими катионоидные центры в амидных группах // Молекулярная биология. – 2000. – №34. – С. 448–455.

11. *Спирин А.С.* Спектрофотометрическое определение суммарного количества нуклеиновых кислот // Биохимия. – 1958. – Т. 23. – С. 656.

УДК 581.55

Полянская Татьяна Аркадьевна
Национальный парк «Марий Чодра» Республики Марий Эл
zamnayki@maill.ru,
Криницын Игорь Георгиевич
кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
hek@rambler.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ БОРЕАЛЬНЫХ ПОДЗЕМНО-СТОЛОНОКЛУБНЕОБРАЗУЮЩИХ МНОГОЛЕТНИКОВ*

Группа подземно-столоноклубнеобразующих многолетников отличается морфологическими и экологическими признаками. Лимитирующими факторами, определяющими их распространение, являются омброклиматический, увлажнения почв и солевой режим почв. Установлено, что данные виды могут обитать в более широких диапазонах почвенных условий.

***Ключевые слова**: подземно-столоноклубнеобразующие травянистые многолетники, экологические шкалы, Trientalis europaea L., Adoxa moschatellina L. и Circaea alpina L.*

Подземно-столонообразующие многолетники (ПСМ) – своеобразная морфологическая группа растений, объединенная общими морфологическими признаками: подземные годичные побеги этих растений представлены плагиотропными столонами и клубнями, которые располагаются в подстилке, и надземным ортотропным побегом. Из клубней на концах столонов этих растений весной развиваются новые побеги возобновления. ПСМ типичны для влажных и избыточно увлажненных местообитаний с рыхлой, мало плодородной (иногда заторфованной) почвой, например, в хвойных лесах. Эта жизненная форма растений характерна для мест, в которых четко выражена смена периодов покоя и вегетации (в связи с зимой или засухой) [1]. В бореальную эколого-ценотическую группу (Br ЭЦГ), составленную О.В.Смирновой и Л.Б. Заугольновой [2; 3] на основе экспертных сведений о приуроченности видов к определенным типам местообитаний, вошли три таежных вида: *Adoxa moschatellina* L. (адокса мускусная), *Circaea alpina* L. (цирцея альпиская) и *Trientalis europaea* L. (седмичник европейский), являющиеся объектами наших исследований.

Цель данной работы: выявить экологическое разнообразие модельных видов растений с помощью экологических шкал Д.Н. Цыганова [4] .

Сбор материала для изучения экологических условий местообитаний *A. moschatellina* проводился в различных фитоценозах течение 1995–2008 гг. на территории Московской области и Республики Марий Эл, *C. alpina* – в Республике Марий Эл и Чувашии, *T. europaea* – в Мурманской, Архангельской, Московской, Челябинской областях, в Республике Марий Эл и Чувашии. В исследуемых фитоценозах были сделаны геоботанические описания с учетом обилия видов по Браун-Бланке [5]. Флористические списки видов растений обработаны с помощью компьютерной программы EcoScalWine [6] с использованием экологических шкал Д.Н. Цыганова [4]: *климатических* – термоклиматической (Tm), континентальности климата (Kn), омброклиматической (Om), криоклиматической (Cr); *почвенных* – увлажнения почв (Hd), солевого режима почв (Tr), богатства почв азотом (Nt), кислотности почв (Rc), переменности увлажнения почв (fH) и шкалы освещенности – затенения (Lc). Латинские названия видов приведены по сводке П.Ф. Маевского [7].

Экологическое разнообразие модельных бореальных видов оценивалось по методике Л.А. Жуковой [8]. Экологическая валентность – мера приспособленности популяций конкретного вида к изменению только одного экологического фактора. Потенциальная экологическая валентность вида (PEV) равна доле диапазона баллов (ступеней) конкретного вида ко всей шкале:

$$PEV = \frac{(A_{\max} - A_{\min} + 1)}{n},$$

где A_{max} и A_{min} – максимальные и минимальные значения баллов (ступеней) шкалы, занятых отдельным видом; n – общее число баллов (ступеней) в шкале; 1 – добавляется как 1-е деление шкалы, с которого по данному фактору начинается диапазон вида.

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 07-04-00952.

© Полянская Т.А., Криницын И.Г., 2010

При проведении исследований конкретных ценопопуляций (ЦП) в сообществе можно определить реализованную экологическую валентность (REV) по следующей формуле:

$$REV = \frac{(A_{\max} - A_{\min} + 0{,}01)}{n},$$

где A_{max} и A_{min} – максимальные и минимальные значения баллов (ступеней) шкалы, занятые конкретными ЦП на шкале; n – общее число баллов (ступеней) в шкале; 0,01 – добавляется как 1-е деление шкалы, с которого встречаются изученные ценопопуляции.

Эффективность освоения экологического пространства вида конкретными ЦП оценивается при помощи коэффициента экологической эффективности (К.ес.eff.), вычисляемого по формуле:

$$Kec.eff. = \frac{REV}{PEV} \times 100\%,$$

где PEV – потенциальная экологическая валентность, REV – реализованная экологическая валентность.

В основе распределения видов по фракциям валентности лежит экспертная оценка Л.А. Жуковой, согласно которой стеновалентными считаются виды, занимающие менее 1/3 шкалы, эвривалентными – более 2/3 шкалы, остальные виды – мезовалентными [8].

Как указывал А.И. Толмачев [9], характер распространения видов рода *Trientalis* и связь с таежными условиями, которые наилучшим образом соответствуют строению и ритму развития этих растений, заставляют думать, что становление рода проходило именно в таежных условиях. Значительная обособленность рода говорит о его древности.

C. alpina является одной из наиболее южных по своему распространению в пределах таежной зоны. Это таежный представитель неморального происхождения, но именно под пологом темнохвойных лесов находит оптимальные условия. Но, поскольку морфологические и географические данные указывают на значительную древность этого вида, видимо, переход его в таежные условия совершился весьма давно.

По мнению М.М. Старостенковой [10], особенности жизненной формы, вегетативное размножение, сезонный ритм развития и многие другие экологические свойства сближают *A. moschatellina* с неморальной флорой. Распространение адоксы мускусной на севере и востоке Евразии несет следы миграций лесов в послеледниковое время. Так, Б.А. Тихомирв [11] считает ее реликтом, сохранившимся в тундровых ценозах от периода послеледникового термического максимума, когда леса продвинулись к северу. Современное же распространение и фитоценология вида несет в себе следы многих сложных процессов, протекающих в лесах Евразии в связи с климатическими переменами четвертичного периода и влиянием человека.

Анализ диапазонов местообитаний адоксы мускусной по отношению к различным экологическим факторам показал, что данный вид по классификации Л.А. Жуковой [8] является стеновалентным по увлажнению почв (PEV=0,22), солевому режиму почв (PEV=0,26), гемистеновалентным по богатству почв азотом (PEV=0,36) и по кислотности почв (PEV=0,38). Этот вид эвривалентен по всем климатическим шкалам: термоклиматической (PEV=0,76), континентальности климата (PEV=0,80), омброклиматической (PEV=0,73) и криоклиматической шкалам (PEV=0,68) и по шкале освещенности-затенения (PEV=0,67). Общий индекс толерантности составляет 0,54 – вид мезобионтен.

Проведенный анализ экологических характеристик *A. moschatellina*, полученных в Республике Марий Эл и в Московской области показал, что позиции этого вида в двух районах исследований схожи: диапазоны изученных экологических шкал совпадают с потенциальными по 5 шкалам и различаются по 3 шкалам (богатства почв азотом, солевого режима почв и освещенности-затенения) (табл. 1). Экологические позиции у этого вида в изученных регионах сдвинуты влево по шкале Nt, Rc и Lc, а по шкале Hd – вправо в сторону увеличения действия фактора только в Республике Марий Эл. Наибольшие экологические возможности реализованы у этого вида в Республике Марий Эл по шкале увлажнения почв – К.ес.eff.=74% и по шкале богатства почв азотом К.ес.eff.=61%. Нами определена отсутствующая экологическая позиция вида по шкале переменности увлажнения почв (fH): от относительно устойчивого увлажнения (балл 3,8) до умеренно переменного увлажнения (балл 6,8).

Для другого таежного вида – *C. alpina* – потенциальные экологические характеристики близки (табл. 1): у него немного уже экологические позиции по трем из 4-х климатических шкал – по термоклиматической (6–13), омброклиматичес-

Таблица 1

Экологические характеристики подземно-столоноклубнеобразующих многолетников видов

Вид	Экологические шкалы Д.Н. Цыганова									
	Tm	Kn	Om	Cr	Hd	Tr	Nt	Rc	fH	Lc
Adoxa moschatellina	7,0–8,4* 2–14**	7,6–8,9 3–14	7,6–8,7 5–15	6,3–7,9 1–13	11,9–**15,6** 11–15	5,2–7,3 5–9	**4,8**–7,2 7–10	5,6–**7,3** 5–7	**3,8–6,8** -	**3,5**–5,8 4–9
Circea alpina	7,1–8,2 6–13	8,0–9,3 3–15	7,8–8,9 5–11	6,3–7,5 3–13	12,8–14,4 11–19	4,8–6,3 3–9	5,1–7,1 3–9	4,9–**7,4** 5–7	**4,0–6,1** –	4,4–6,0 4–7
Trientalis europaea	4,7–8,6 3–10	7,8–9,4 4–15	**7,8–9,8** –	5,6–8,1 1–10	10,0–15,1 10–19	4,0–**8,2** 1–6	3,0–**7,2** 1–5	3,0–**8,0** 1–7	**3,0–6,4** –	**2,9**–5,9 3–9

Примечания: * – реальный диапазон, ** – экологическая позиция вида по шкале фактора, жирным шрифтом выделены уточненные данные.

кой (5–11) и криоклиматической (3–13) шкалам, немного шире позиция вида по шкале континентальности климата (3–15). Но в целом, вид гемиэврибионтен по климатическим шкалам. По сравнению с *A. moschatellina* данный вид по почвенным шкалам может занимать более широкие экологические пространства: позиции по трем шкалам из 4-х гемистеновалентны или гемиэвривалентны и только по шкале солевого режима почв этот вид стеновалентен. По шкале освещенности-затенения *C. alpina* эвривалентна (PEV=0,67). Общий индекс толерантности вида составляет 0,53, что позволяет отнести его к мезобионтной группе. Экологические характеристики для цирцеи альпийской получены нами в фитоценозах Республике Марий Эл и в Республике Чувашия. В Республике Чувашия полученные характеристики совпадают с теоретическими данными, а в Республике Марий Эл – отличаются по шкале Rc. По этой шкале произошло расширение диапазона вида от 4,9 баллов (кислых почв) в сторону увеличения действия фактора – до 7,4 баллов (слабокислых /нейтральных почв); по этой же шкале в исследованных местообитаниях Республики Марий Эл реализованы наибольшие экологические возможности этого вида. Нами определена экологическая позиция *C. alpina* по шкале переменности увлажнения (fH) от 4,0 до 6,1 балла (от промежуточного между относительно устойчивым и слабо переменным увлажнением до промежуточного от слабо переменного и умеренно переменного увлажнения).

T. europaea характеризуется мезовалентными и эвривалетными позициями по климатическим факторам (табл. 1) и мезовалетными или стеновалентными позициями по почвенным шкалам. Этот вид эвривалентен по шкале освещенности-затенения (PEV=0,78). Общий индекс толерантности составляет 0,54 – вид мезобионтен. ЦП этого вида были изучены нами в Мурманской, Архангельской, Московской, Челябинской областях, в Республиках Чувашия и Марий Эл. Экологические позиции *T. europaea* во всех изученных районах совпадают с теоретическими по семи шкалам и различаются по четырем шкалам (Tr, Nt, Rc, Lc). Расширение диапазонов произошло в сторону увеличения действия фактора (во всех районах, кроме Мурманской области). По шкале солевого режима почв – диапазон вида расширен до 8,2 баллов (богатых почв), по шкале богатства почв азотом – увеличен до 7,2 баллов (до достаточно обеспеченных азотом/ богатых азотом почв), а по шкале солевого режима почв – до 8,0 баллов (нейтральных почв). Наибольшие экологические возможности у седмичника европейского реализованы в Республике Марий Эл по шкале солевого режима почв – К.ес.eff.=72% и по шкале богатства почв азотом – К.ес.eff.=64%. Нами определена отсутствующая экологическая позиция этого вида по шкале переменности увлажнения почв, которая составляет интервал от 2,9 баллов до 6,4 баллов (от устойчивого/относительно устойчивого увлажнения до умеренно переменного увлажнения).

Таким образом, для модельных ПСМ видов Br ЭЦГ лимитирующими экологическими факторами являются омброклиматический, увлажнения почв и солевой режим почв. Наибольшее экологическое разнообразие выявлено по двум шкалам Д.Н. Цыганова: омброклиматической и кислотности почв. По ним отмечены фракции экологической валентности видов: стеновалентные, гемистеновалентные, мезовалентные, эвривалентные. Модельные таежные виды могут обитать в более широких диапазонах почвенных условий, чем предложенные Д.Н. Цыгановым; определены отсутствующие экологические позиции данных видов по шкале переменности увлажнения почв.

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность научному консультанту, д-ру биол. наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ Жуковой Людмиле Алексеевне за консультации и внимание к работе, канд. биол. наук Дороговой Ю.А. за обработку геоботанических описаний, канд. биол. наук Акшенцеву Е.В. и канд. биол. наук Налимовой Н.В. за предоставленные материалы.

Библиографический список

1. *Полянская Т.А.* Популяционное разнообразие компонентов травяно-кустарничкового яруса лесных фитоценозов лесных сообществ национального парка «Марий Чодра». – Йошкар-Ола: ООО «Реклайн», 2006. – 156 с.

2. *Смирнова О.В., Заугольнова Л.Б., Ханина Л.Г. и др.* Оценка и сохранение биоразнообразия лесного покрова в заповедниках Европейский России. – М.: Научный Мир, 2000. – 196 с.

3. *Флинт В.Е., Смирнова О.В., Заугольнова Л.Б. и др.* Сохранение и восстановление биоразнообразия. – М.: Издание научного и учебно-методического центра, 2002. – 286 с.

4. *Цыганов Д.Н.* Фитоиндикация экологических режимов в подзоне хвойно-широколиственных лесов. – М.: Наука, 1983. – 196 с.

5. *Миркин Б.М.* Метод классификации растительности по Браун-Бланке и современная отечественная фитоценология // Бюлл. МОИП. Отд. биол. – 1978. – Т. 83. – Вып. 3. – С. 77–88.

6. *Зубкова Е.В., Ханина Л.Г., Грохлина Т.И., Дорогова Ю.А.* Компьютерная обработка геоботанических описаний по экологическим шкалам с помощью программы EcoScaleWine. – Йошкар-Ола, 2008. – 96 с.

7. *Маевский П.Ф.* Флора средней полосы Европейской части России. – М.: Т-во научн. изданий КМК, 2006. – 600 с.

8. *Жукова Л.А., Дорогова Ю.А., Турмухаметова Н.В. и др.* Экологические шкалы и методы анализа экологического разнообразия растений. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2010. – 386 с.

9. *Толмачев А.И.* К истории возникновения и развития темнохвойной тайги. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 155 с.

10. *Старостенкова М.М.* Адокса мускусная // Биологическая флора Московской области. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – Т. 5. – С. 147–155.

11. *Тихомиров Б.А.* О лесной фазе в послеледниковой истории развития севера Сибири и ее реликтах в современной тундре // Материалы по истории флоры и растительности СССР. – 1941. – №1.

ФИЛОСОФИЯ. ЭТИКА. ЭСТЕТИКА

УДК 27-46

Березина Елена Михайловна
кандидат философских наук
Пермский государственный институт искусства и культуры
berezina@psiac.ru; aleksss2008@mail.ru

ИДЕЯ МИЛОСЕРДИЯ В РЕЛИГИОЗНОЙ МОРАЛИ

Статья посвящена анализу милосердия в христианской традиции. Особое внимание уделяется рассмотрению понятий «любовь» и «сострадание», а также сопряженных контекстов милосердия и справедливости, в том числе в Ветхом и Новом Завете.

Ключевые слова: *мораль, религиозная мораль, милосердие, «золотое правило», справедливость, сострадание.*

Между религией и моралью существует весьма тесная связь, которая формировалась на протяжении всей истории. Мораль рождается в повседневной практике, вбирает в себя нормы и ценности, уже бытующие в данном обществе, и закрепляется в обычаях и традициях народа. В свою очередь, нормы морали отражаются в искусстве и в праве. Но, по всей видимости, едва ли не напрямую, прежде всего, эти нормы фиксируются в религии, сакрализуются в «священных» текстах» и исповеданиях, концептуализируются в богословских построениях, в той или иной мере обратно воздействуя на нравственные ориентиры повседневной жизни людей.

Практически во всех развитых вероучениях запечатлены нормы, являющиеся по своей сути общечеловеческими нравственными достояниями. Наивысшая из них («священный дар Небес») – это человеческая жизнь. Среди других высших ценностей – свобода и достоинство личности, правда, любовь, семья и т.п. Именно поэтому моральные кодексы развитых религий аксиологически схожи, не имея общего вероучительно-генетического родства.

Религиозная мораль фиксирует две сферы отношений – «человека и Бог» и «человек и человек». Первая группа определяется особыми чувствами – любовью, благоговением, страхом и т.д. Вторая группа отношений «человек – человек» возникает на основе повседневного опыта и тоже включается в религиозные учения. Правда, в ранних религиозных учениях аксиологической окраски почти нет – все персонажи в равной степени совершают как добрые, так и злые поступки. Постепенно формируются четкие критерии («что такое хорошо или плохо»), отсюда складываются и религиозно-моральные кодексы.

Как в любой системе, в этической системе можно выделить иерархические базовые элементы, выражающие ее крайние состояния. По мнению российского исследователя Т.А. Гореловой, в качестве таких базовых элементов могут выступать «оптимизм – пессимизм», «рациональность – иррациональность», «эгоизм – альтруизм», «индивидуальная – социальная значимость» [4, с. 13–14]. По мнению Т.А. Гореловой, данные элементы являются «морфологическими» структурами наподобие тех, что в биологической систематике применяются для классификации живой природы и построения эволюционного древа. Мораль как позиция, описывающая взаимодействие типа «Ответ – на Вызов» или «Преступление – Наказание», предполагает три логические возможности: Ответ (Наказание) многократно превосходит Вызов (Преступление); Ответ равен Вызову; Ответ (как действие) слабее Вызова. Соответственно, можно говорить об этике возмездия, этике справедливости и **этике милосердия.** В этике возмездия ощутима инстинктивная реакция на агрессию – гнев, который не поддается контролю. Этика справедливости зарождается в «осевой время» и отражает разумные установки общежития людей, поэтому ярче всего она проявляется в юридическом нормотворчестве. **Этика милосердия** знаменует рождение духовности как способности любить Бога, а через нее – другого человека.

Уже в буддизме звучит призыв: «Я должен принять на себя все страдания ради чувствующих существ, дать им возможность уйти от бесконечных страданий рождений и смерти» (Сутра Ожерелья 23; с. 513). В контексте отношения к другому формулируется принцип: «когда кто-либо обращается с другим, думая так: “Как и я, так и они, как они,

© Березина Е.М., 2010

так и я", он никогда не убьет и не подвигнет других к убийству (Сутра Нипата 705; с. 96).

Весьма основательно разработана проблема милосердия в исламе. В соответствии с вероучением, Аллах, будучи милостивым и милосердным, требует и от мусульман проявлять такие же качества: «уверовавший, который участвует в жизни людей, подвергая себя ее мукам и страданию, заслуживает большего, чем тот, кто оградил себя от таких страданий» (Хадис ибн Маджаха; с. 513); «Все человеческие существа – дети Аллаха, и дороже всех Аллаху те, кто добр к его детям» (Хадис Байхаки; с. 508). А золотое правило формулируется следующим образом: «Никто из вас не верующий. Покуда он не полюбит своего брата как самого себя» (Сорок хадисов ан-Навави 13; с. 95).

В Ветхом завете встречается др.-евр. слово «рахамим» – как инстинктивная привязанность одного существа к другому. Это чувство нежной любви (благоутробие), непосредственно выражающееся в действиях, как сострадание по случаю бедственного положения (Пс 105.45) или как прощение обид (Дан 9.9).

Второе др.-евр. слово «гесед» само по себе указывает на чувство преданности (благочестие), на связь между двумя существами, предполагающую верность. В силу этого, в библейском кодексе милосердие получает твердую основу: оно уже не просто отзвук инстинктивной доброты, которая может ошибиться в своем предмете и в его характере, но доброта сознательная, направляемая волей; оно есть как бы ответ на внутренний долг, выражение верности самому себе. В современных языках переводы этих еврейских и аналогичных греческих слов колеблются от милосердия до любви, проходя через благость, благоутробие, жалость, сострадание, милость и даже благодать, имеющую, однако, гораздо более широкий смысл. Несмотря на это разнообразие, их библейское понимание можно уточнить.

В Ветхом завете и в язычестве бог открывается человеку как сила, но еще не как Отец. Яхве в Пятикнижии характеризуется как Бог карающий и грозный, и вместе с тем милостивый (Втор., 4:31). Милосердие Яхве – это милосердие судьи, определяющего минимальный уровень наказания при максимально необходимом. Особого милосердия заслуживают чужаки, становящиеся соседями, а также вдовы и сироты: «жильца не притесняй и не подавляй его, ибо жильцами вы были в Стране Египетской, всякую вдову и сироту не угнетай. Если ты будешь угнетать его, то если он возопит во мне, услышу Я его вопль, ибо милостив и милосерден Я. И возгорится мой гнев, и Я убью вас мечом. И будут ваши жены вдовами, а ваши сыновья сиротами» (Исх. 22621–23). Ветхозаветная этика содержит «талион» – как правило ответного действия на злые действия чужих и заповедь любви – как правило инициативного действия к своим [1, с. 80]. Милосердие Ветхого Завета может отождествляться со справедливостью щадящей, то есть более мягкой (по сравнению с неограниченной местью) формой человеческих взаимоотношений, и щадящей (мягкой) формой самой справедливости [9, с. 75].

Христианский Бог – это своеобразный этический прорыв. Бог посылает в дольний мир Сына Своего, чтобы искупить слабости человека и приблизить его к Царству Бога. Поэтому Он становится Богом сострадающим, Богом – «другом мытаря и грешника». Бог предстает в качестве вездесущего, всемогущего, всеведущего, и вместе с тем всеблагого, всемилостивого («Ты, Господи, благ и милосерд и многомилостив ко всем» – Пс. 85:5,); в ипостаси Бога-отца он является заботливым защитником, покровителем, хранителем («Отец милосердия и Бог всякого утешения», 2 Кор. 1:3); в ипостаси Бога-сына он принимает на себя грехи людей и отдает себя в жертву за них. Сам Христос воплощает и олицетворяет это милосердие, т.е. он Сам, в определенном смысле, – милосердие. Формула «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Иоанн. 4,8 и 16) особенно ярко передает моральную суть этой мировой религии.

Отметим дуализм религиозной этики. Один ее вектор ориентирован сверху вниз: от Бога – к людям, от божественной, трудноуловимой нравственности – к жестким, предписательным, непререкаемым заповедям религиозной морали. В этой направленности исчезает личный смысл нравственности. Другой вектор религиозной этики: из морали – в нравственность. Каждая моральная норма здесь неотвратимо переключается в сферу собственно нравственных коллизий, во внутренний суд совести верующего. Здесь в мире нравственных коллизий становится ясным, что христианскому идеалу свободной и любящей личности противостоит внутренняя несвобода и наследованная от праотцов «греховность».

Апостол Павел сформулировал один из важнейших постулатов христианства: «Благодарение

Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя. Освободившись от греха, вы стали рабами праведности» (Римл. 7, 17-18). Рабство праведности означает требование свободной рефлексии, внутреннего соотнесения своих поступков с религиозно-этическими заповедями.

Христианство, по мнению М. Фуко, приносит с собой новый тип отношений. Эта «технология себя» поддерживает различие между знанием о бытии, знанием о словах, знанием о природе и знанием о себе. По существу – это рождение нового «гносеологического я» [7, с. 94]. Причем, и это особенно важно, «истина невозможна без самопожертвования» как «условия открытия себя в качестве поля бесконечной интерпретации» [7, с. 95]. Под «технологией себя» понимается «определенное число операций на своих телах и душах, мыслях, поступках и способах существования, преобразуя себя ради достижения состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» [7, с. 100]. В качестве одного из механизмов такового является тщательное исследование себя или исследование совести. Это означает, что христианин должен изучать любую мысль, которая появляется в уме, чтобы увидеть связь между актом и мыслью, истиной и реальностью, чтобы понять, есть ли в этой мысли что-то, что заставит дух человека двигаться, вызовет в нем желание, отвратит дух от Бога. Именно здесь рождается христианская герменевтика себя с характерной для нее расшифровкой внутренних мыслей. Она подразумевает, что в каждом человек есть что-то скрытое и что мы всегда вводим себя в заблуждение, пряча от себя свою тайну [7, с. 120].

В отличие от Декалога, в новозаветных текстах от человека ожидается не тщательное следование правилам, но праведность, покоящаяся на непосредственном движении души и зове сердца. Важнейшим условием выполнения нравственных обязанностей становится нравственная свобода, под которой понимается «присущая человеку способность определять себя в добром или злом направлениях, независимо от чьих-либо внешних давлений, сторонних принуждений» [2, с. 3]. Итак, человеку дается исходная свобода, чтобы осуществить моральный выбор и тут же отказаться от этой свободы ради служения высшему благу. Свобода и предопределение, по христианскому вероучению, не мыслятся друг без друга. Предопределение предполагает в том числе и избранничество, ощущение которого приводит к осмыслению свободы в качестве ответственности за творимое личностью («Вы куплены дорогою ценою, не делайтесь рабами человеков» – Кор. 7.28).

Человек существует в ценностно-ориентированном мире, где его подлинная свобода проявляется в свободной устремленности к Богу («Где Дух Господен, там свобода» – 2 Кор. 3.17). Но «Бог есть любовь» (1 Иоанн. 4.8 и 18), а значит, свобода подразумевает осознанное и добровольное принятие заповедей, принципов, норм любви, милосердия, сострадания, высвобождающих человека от рокового влечения к порокам («грех сладок»).

В новозаветных текстах требование милосердия имеет универсальный характер, содержит в себе и требование Моисеевых заповедей. Однако уже у апостола Павла получает развитие различение закона Моисея и заповеди любви, которое помимо чисто теологических аспектов имело и существенное этическое содержание, особенно значимое в контексте милосердия (1 Кор. 18:1–8). Здесь неотделимое от милосердия сострадание является одним из высших проявлений нравственного долга по отношению к тем, кто нуждается, кто беззащитен и бедствует, и в то же время овеществленное выражение благочестивых помыслов и всеобщей любви к ним, духовно роднящее и объединяющее творящих благодеяние и принимающих его.

Проявление чувства сострадания и милосердия в дохристианский период было спонтанным и исходило преимущественно из естественно-гуманистической природы человеческих взаимоотношений и общественно-бытовых условий жизни людей. В новых условиях сострадание становится одной из нравственных обязанностей христианина. В христианской традиции сострадание не просто отличается от справедливости, но положительно сопряжено с ней: справедливость выводится из сострадания. В индивидуальном выборе личности справедливость опосредуется состраданием.

Действительно, уже в Ветхом Завете этические наставления не исчерпываются «правилом талиона», в нем содержатся и идеи любви. Причем милосердие в определенном смысле противопоставляется Божественной справедливости, указывается, что любовь больше справедливости – принципа равного воздаяния и ответного действия (Ос. 1.7–9; Иер. 31.20; Ис. 54.7–8). Но заповедь любви здесь распространяется только на

своих (избранный народ). Анализ источников (в том числе и Ветхого Завета) показывает, что заповедь любви как заповедь любви к ближнему не столь древняя как талион (она противопоставляется талиону), но она древнее «золотого правила».

Особенность христианской заповеди любви заключается в том, что она носит комплексный характер, в ней объединены две, данные в Пятикнижии заповеди, а именно: заповедь любви к Богу (Втор. 6:5) и заповедь любви к ближнему. В Новом Завете сострадание, сочувствие обращено ко всякому человеку, а в пределе – к любому живому существу, к среде обитания. Заповедь любви возвышается над всеми другими принципами. Само милосердие является проявлением превосходства любви, в частности над справедливостью. Заповедь любви становится высшим нравственным требованием, формирующимся на основе «золотого правила», но отчасти и преодолевающим его. Это преодоление подобно историческому преодолению «правила талиона» «золотым правилом».

«Золотое правило» преодолевается вследствие сопряженности двух векторов религиозной морали: божественного и человеческого. Любовь-милосердие достигает нравственной полноты, когда воплощается в действиях, не только направленных на удовлетворение интересов другого, но и основанных на стремлении к совершенствованию. Следовательно, милосердие значимо как в интимно-личностном, так и в активно-социальном аспектах. «Золотое правило» предполагает взаимность и равенство. Но ни взаимность, ни равенство не являются непременными условиями для любви, осуществляющейся по логике избыточности.

Заповедь любви к ближнему отличает от «золотого правила» лишь содержательная определенность: не просто относись к другому, как к самому себе, но люби его. При этом «как самого себя» в заповеди любви так же, как «как ты желаешь» в «золотом правиле», может получать субъективистскую интерпретацию и практически выражать индивидуальную ограниченность тех, кто мерит по себе. Но в христианской заповеди любовь к ближнему соотнесена с любовью к Богу. Любовь к Богу как к совершенству – это ключ любви к человеку. И хотя сказано: «Возлюби Ближнего как самого себя», в Новом завете в качестве прообраза любви к ближнему является не себялюбие, а именно милосердие Бога.

Бог милосерден к человеку, им дается пример отношения к ближнему. Но человек не может быть милосердным к Богу. Возможность самой любви к человеку изначально предопределяется Божьей любовью к человеку, его милостью в отношении человека, она результат божественного дара, без которого не было бы у человека силы любить несимпатичных, чужих и врагов. Тем самым заповеди любви к ближнему задается возвышающий ее перфекционистский контекст, в принципе исключающий какие-либо патерналистские или гедонистические ее интерпретации.

Милосердие – жертвенная любовь, самопожертвование, одно чистое побуждение – облегчить страдания других. Эта высшая любовь приносит страдания, так как втягивает человека в запутанные проблемы, заставляет сталкиваться со слабостями и недостатками других, призывает помочь другим, невзирая ни на что, символизируя бескорыстие. В этом смысле милосердие было возвышено над подаянием, услугой, помощью.

Человек, чтобы быть добрым, должен быть активным (деятельным). Причем свою добродетель он может обнаружить (т.е. сделать явной) только по отношению к другим людям. Не случайно именно поэтому в общественном сознании добро ассоциируется в первую очередь с делами милосердия.

С момента появления христианства противопоставление линий морали, основанных на разуме и милосердии, всегда будет прослеживаться в европейской культуре. Это этика справедливости и этика милосердия, этика убеждений и этика ответственности (М. Вебер), этика закона и этика благодати (Б.П. Вышеславцев). Этика милосердия, на наш взгляд, получила наибольшее обоснование и практическое служение в лоне религиозного подвижничества.

Библиографический список

1. *Апресян Р.Г.* Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // Вопросы философии. – 2001. – №3. – С. 80.

2. *Бронзов А.А.* Лекции (в сокращенном издании). – СПб., 1919. – С. 3.

3. Всемирное писание: Сравнительная антология священных текстов / Под общей ред. П.С. Гуревича: Пер. с англ. – М.: Республика, 1995. – 591 с.

4. *Горелова Т.А.* Эволюция этики: от «этики» природы к космической этике. – М.: СТИ МГУС, 2003. – С. 13–14.

5. *Иоанн Павел II.* Бог, богатый милосердием // Мысли о земном. – М., 1992. – С. 45–54.

6. *Кемпийский Фома.* О подражании Христу // Богословие в культуре средневековья. – Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. – С. 244–245.

7. *Фуко М.* Технологии себя // Логос. – 2008. – №2(65). – С. 94–120.

8. *Шрейдер Ю.А.* Лекции по этике: Учебное пособие. – М.: МИРОС, 1994. – С. 55.

9. Этика: новые старые проблемы: К шестидесятилетию А.А. Гусейнова / Отв. ред. Р.Г. Апресян. – М.: Гардарики, – 1999. – С. 75.

УДК 008 (208)

Днепровский Вячеслав Владимирович
Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского
slava_dn@mail.ru

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА: ДИАЛЕКТИКА СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА

В статье рассмотрено значение информационного противоборства в общественной жизни и развитии общества. В условиях информационного противоборства общество становится как объектом воздействия, так и субъектом производства уникального интеллектуального ресурса. Данная статья будет интересна специалистам в области социальной философии, политологии, психологии.

Ключевые слова: *современное общество, информационное противоборство, информатизация, субъект, объект, информационно-психологическое воздействие, манипуляция общественным сознанием.*

Под современным постиндустриальным обществом мы понимаем общество модернизированное, противопоставляемое традиционному. Основными характеристиками современного общества, на наш взгляд, являются: отход от многих ранее существовавших форм личной зависимости в семье, касте, сословии и т.д.; персонализированное существование индивида в обществе; рационализм, формализм межличностных отношений (способы общения индивидов на корыстной, денежной, юридической почве); повышение уровня самоидентичности (национальная, классовая, гражданская); гомогенизация и вестернизация ценностей, постепенный переход к универсальным нормам права и социального контроля без личного общения; статус личности в обществе определяется не принадлежностью к какой-либо страте и размером наследства, а собственными достижениями в реализации личностного потенциала.

Любой конфликт, в том числе и конфликт в информационной сфере – информационное противоборство, предполагает наличие не менее двух участников взаимозависимого процесса. В данном случае диалектика взаимодействия противостоящих сторон – субъекта и объекта воздействия – играет важное значение для осмысления гносеологических и социально-прикладных проблем деятельности человека в информационной сфере.

Историко-философский экскурс в процесс становления категориальных понятий субъекта и объекта представляет собой картину логического развития различных форм научного познания, в каждой из которых субъект-объектные отношения реализуются особым историческим способом. Античные философы рассматривали проблемы субъекта и объекта в категориях познания истины, где человек выступал субъектом познания чувственных вещей (Аристотель) или духовной реальности (Платон). Философское осмысление категорий субъекта и объекта в эпоху средневековья осуществлялось в рамках философско-религиозного мировоззрения. Философы Нового времени (Р. Декарт, Г. Лейбниц, Б. Спиноза и др.) субъектом идеалистического познания признавали разум человека, Ф. Бэкон познавательную способность видел в опыте. Однако только в немецкой классической философии (И. Кант, И. Фихте, Г. Гегель, Л. Фейербах) за терминами «субъект» и «объект» закрепилось то содержание, которое сохранилось до сих пор. Так, в учении И. Канта концепция субъекта-объекта основана на утверждении их дуализма. Объект – это

© Днепровский В.В., 2010

конструкция субъекта, он возникает в результате априорного синтеза чувственных восприятий (данных в априорных формах пространства и времени) и рассудка (совокупности априорных категорий). Поэтому субъект первичен к объекту. Однако если данные философы стремились лишь объяснить (в основном, с позиций идеализма) процесс познания мира, то в философии К. Маркса и Ф. Энгельса заключался деятельностный подход к изменению мира. В свою очередь, практическая деятельность субъекта-индивида, по их мнению, невозможна без познания, оказывающегося средством для изменения, преобразования объекта, а уже через объект – природы и общества.

Таким образом, «субъект» и «объект» являются категориями, фиксирующими как познавательное, так и практическое отношение людей к окружающему миру. Субъект и объект – соотносительные категории, подобно сущности и явлению, содержанию и форме. Говорить об одной из них, не выявляя сущности другой, невозможно [3, с. 235].

На наш взгляд, в условиях информационного противоборства современное общество выступает: 1) как объект (нечто, существующее в реальной действительности независимо от сознания, предмет, явление или процесс, на который направлена предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта (наблюдателя)); 2) как субъект (тот (или то), кто (или что) действует, познает, мыслит).

При этом можно выделить три основных уровня взаимодействия субъекта и объекта в информационном противоборстве:

– глобальный уровень (взаимоотношения человека и всей мировой инфосферы, самым существенным образом определяющие его мировоззренческий выбор);

– социальный уровень (взаимоотношения внутри одной информационной страты во многом формируют поведенческий образ человека);

– индивидуальный уровень (когда можно исследовать закономерности информационного взаимодействия на личностном уровне, выявлять психологические аспекты информационного противоборства, управления и т.д.).

Исходя из этого, информационное противоборство в новейших условиях выступает как синтетическая область знаний, находящаяся в процессе постоянного обновления и осмысления, находясь на стыке психологии, политологии, социологии, конфликтологии, философии, менеджмента и военных наук.

В зависимости от объекта информационное противоборство может быть информационно-психологическим, для которого объектом выступает общество, социальные группы или человек, и информационно-техническим, нацеленным на технические системы [2, с. 10]. А.В. Манойло полагает, что конфликты, возникающие в современном обществе под влиянием информационного противоборства, интегрированы в структуру политической системы конфликтующих сторон и могут быть использованы ими для политического регулирования [1, с. 152]. Отсюда, например, обеспокоенность правительства США размахом хакерских атак, в ходе которых наносится многомиллиардный ущерб экономике страны и системе обеспечения национальной безопасности. Ни в коей мере не демонизируя деятельность отдельных хакеров-хулиганов, но описывая существующую тенденцию, мы можем утверждать, что использование отдельными политическими группировками, лидерами некоторых социальных групп, религиозными организациями экстремистского толка хакерской активности в своих целях также представляет собой разновидность информационно-технического противоборства. В данном случае хактивизм (организованная, спланированная деятельность хакеров) принимает организованный, целенаправленный характер и, как правило, имеет политическую окраску и финансирование извне.

Однако особый эффект информационное противоборство получает именно в условиях глобализации и информатизации. Под воздействием информационного противоборства современное общество (как объект) трансформируется. Казавшиеся незыблемыми понятия меняются. Информационное воздействие становится главным рычагом управления людьми, все более заменяя физическое воздействие, в течение всей истории человечества считавшееся непременным средством управления. Так, по-новому воспринимаются сегодня вопросы обеспечения государственного суверенитета и национальной безопасности, поскольку в условиях информационного общества границы государства становятся технологически проницаемыми. Появляется возможность использования информационно-коммуникационных технологий в целях экстер-

риториального проникновения вплоть до вмешательства во внутренние дела других государств, проведения враждебных информационных кампаний с целью манипулирования как локальным, так и мировым общественным мнением.

Развитие технологий, в силу объективной консервативности и недостаточной мобильности государственных структур, гораздо быстрее и эффективнее используется неформальными, негосударственными акторами на политической арене. Поэтому методы информационного противоборства уже входят в инструментарий международного терроризма. Международный терроризм превращается в постоянно действующий и активно используемый различными субъектами информационного противоборства нелегитимный метод радикальных социально-политических изменений как внутри отдельных государств, так и в международных отношениях [1, с. 8]. По нашему мнению, информационный терроризм – одна из разновидностей международного терроризма, главной отличительной чертой которой является акцент на использовании в качестве основного инструмента средств информационного противоборства.

Информационный терроризм предъявляет новые требования к информационной безопасности общества. В современных условиях международные террористические организации практикуют не только захват заложников, угоны самолетов, но и взлом сайтов, размещение в СМИ деструктивных материалов, компромата, разжигание межнациональной и межрелигиозной розни. Если в результате действий террориста-смертника число жертв будет исчисляться десятками, то в результате теракта с применением методов и средств информационного противоборства возможно возникновение конфликтов, ведущих к изменению баланса сил в современном глобализирующемся обществе, к деградации и откату от становления гражданского общества к его замкнутой и самоизолирующейся модели.

В настоящее время общество формируется за счет горизонтальных связей, включает в себя как отдельных людей, так и социальные группы, страты и сообщества, и в своем высшем проявлении принимает образ «гражданского общества». Его «законопослушность» определяется готовностью со стороны государства считаться с интересами всех акторов, признания общества субъектом отношений. Каждая из подсистем как международной системы, так и общества может *действовать* в информационной сфере как самостоятельно, так и во взаимодействии с другими элементами, однако все они объединены общими признаками субъекта информационного противоборства: наличием собственных интересов в информационной сфере (в частности, у управляющей элиты – удержание власти, у отдельных социальных групп – отстаивание и повышение своего статуса); выделение в составе субъекта структур (отдельных групп людей и даже отдельного человека) для ведения информационного противоборства; *познавать и мыслить*, то есть, в данном случае, избирать наиболее выгодные пути и способы информационного противоборства. Примером такого субъекта информационного противоборства, является группа из нескольких людей, которые благодаря новым технологиям имеют возможность осуществлять воздействие на массовое сознание и вести пропаганду своих экстремистских политических либо религиозных целей в сети Интернет.

Общество как субъект информационного противоборства в информационной сфере *действует* путем защиты жизненно важных интересов управляющей элиты и отдельной личности, обеспечения социальной стабильности и развития экономики, науки, технологий, сохранения общественного согласия, для гармоничного развития и повышения креативности людей; использования информации и информационной инфраструктуры для управления общественными делами, поддержания правопорядка. Общество как субъект информационного противоборства, кроме того, на пути к становлению гражданского общества стремится к признанию государством институтов самоуправления и развитию демократии.

Информационное противоборство, помимо угроз, рисков и вызовов безопасности общества, выполняет и функцию поддержания гомеостазиса, регулирует отношения в иерархии «руководящая элита – исполнительные органы – население». С возрастанием значимости и роли информационного противоборства активизируются исследования в данной области, разрабатываются новые виды воздействия на массовое сознание, официально создаются специализированные структуры, в функции которых входит разработка, усовершенствование, поддержание в готовности сил и средств информационного противо-

борства. В то же время есть понимание, что информационное противоборство – это всего лишь инструмент, его деструктивные, дестабилизационные качества субъективны и возникают в зависимости от целей и качеств применяющего его методы субъекта.

Информационное противоборство в настоящее время переходит на принципиально новую стадию – глобального, тотального информационного противоборства (full-time & full-spectrum information operations). В сущности, информационное противоборство второго поколения сводится к усилиям по видоизменению противостоящей стороны: к уничтожению ее традиционного содержания и наполнению ее новым. Таким образом, речь идет не о внушении каких-то отдельных представлений отдельным людям или группам, а о формировании полноценного общественного мировоззрения, обладающего способностью саморазвития в нужном направлении, формирования средствами информационного противоборства информационной матрицы как средства генного управления одних этносов другими.

Как следствие, активно разрабатываемые в последнее время возможности воздействия информационных технологий на общественное сознание выводят на первый план общество как объект информационного противоборства. Еще более важен аспект осознания общества как субъекта воспроизводства совершенно уникального интеллектуального ресурса, как субъекта разворачивающегося вокруг него интеллектуального противостояния, составляющего ядро не только информационного противоборства, но, возможно, и геополитической конкуренции как таковой. Исходя из этого, можно утверждать, что достижению политических целей в недалеком будущем будет способствовать воздействие непосредственно на сознание человека и завоевание превосходства в информационно-управляющих структурах государства и общества, поскольку именно информация и информационные ресурсы дают возможность их системного переформатирования.

Библиографический список

1. *Абрамов В.А., Антонов Г.А.* Международный терроризм – возрастающая угроза национальной безопасности России. – Чита: ЧитГУ, 2005. – 167 с.

2. *Модестов С.А.* Информационное противоборство как фактор геополитической конкуренции. – М.: Издательский центр учебных и научных программ, 1998. – 150 с.

3. *Черкасов В.И.* Материалистическая диалектика как логика теории познания. М.: Изд-во МГУ, 1962. – 478 с.

УДК 60.0

Жирнов Алексей Александрович
Волжский государственный инженерно-педагогический университет (Нижний Новгород)
alexeizhirnov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена состоянию и роли молодежи и молодежного образа жизни в современной России. Для активного участия российской молодежи в модернизации страны нужно изменить молодежную политику в РФ в направлении доступности образования, трудовой занятости, экономической обеспеченности, правовой помощи, организации досуга, поддержки молодой семьи, борьбы с преступностью, алкоголизмом и наркоманией. В условиях глобализации, постиндустриализации, модернизации на первое место выступают такие черты российской молодежи и молодежного образа жизни, как патриотизм, гражданственность, общечеловеческие ценности.

Ключевые слова: *молодежь, молодежный образ жизни, гражданственность, патриотизм, общечеловеческие ценности.*

Проблема социализации молодежи является наиважнейшей, особенно в переходный период от одного общественного строя к другому. В течение 1985–2005 гг. Россия совершила революционный переход от советского (индустриально-социалистического) к советско-капиталистическому обществу. Россияне пережили психологический шок в результате девальвации советских ценностей (коммунизма, коллективизма, равенства и т.п.), которые им пришлось поменять на буржуазные (массовое потребление, индивидуализм, предпринимательство и т.п.). Этот шок в значительно меньшей мере испытала и молодежь в процессе социализации. Какие же задачи должны решаться социализацией нынешней российской молодежи?

После прихода к власти В. Путина произошла «мягкая» смена политического режима. В результате в стране произошла стабилизация советско-капиталистического социума, а общий социально-психологический климат стал умеренно благоприятным. Последние годы в стране происходит заметный экономический рост, который привел к некоторому улучшению жизни народа и российской молодежи. Правда, этот рост связан с развитием нефтегазовой промышленности и не носит инновационного характера, в период финансово-экономического кризиса он прекратился. Страна вступила в новый, советско(государственно)-капиталистический период, в котором молодость общества проявляется по-новому. Общее изменение состояния российского социума, позволяющее проводить новую молодежную политику, выглядит следующим образом (см. табл. 1).

Результаты исследования показывают улучшение состояния социума, объективных факторов, формирующих образ жизни молодежи. Тем не менее исследования ИКСИ РАН не фиксируют *существенных* сдвигов в оценке россиянами сво-

Таблица 1

Оценка изменения положения в РФ за период пребывания В. Путина у власти в % от числа опрошенных [4, с. 31]

Сферы общества	Улучшилось	Осталось прежним	Ухудшилось
Состояние экономики	34,1	37,2	11,6
Своевременная выплата зарплат и т.п.	63,6	25,5	5,5
Эффективность управления страной	22,9	35,7	11,3
Международное положение РФ	40,6	25,4	11,7
Уровень жизни населения	21,6	44,8	25,5
Положение с безработицей	18,6	48,2	18,9
Психологический климат в РФ	22,6	35,9	21,6
Состояние демократии	11,6	43,5	13,5
Безопасность граждан	6,4	50,8	32,2
Положение в армии	8,5	44,1	29,4
Положение в правоохранительных органах	6,8	42,5	26,9
Борьба с коррупцией	6,5	43,2	26,3

© Жирнов А.А., 2010

его демосоциального положения, образования, питания, возможности реализации себя в профессии, проведения семейного отдыха и т.п. Более половины россиян продолжают считать себя проигравшими от реформ, причем их доля возросла с 41,7% в 2001 году до 47,2% в 2003 году. Но доля выигравших в мегаполисах (62,6%) в 1,5 раза превышает такой же показатель в небольших городах (44,4%). Оценка состояния объективных факторов образа жизни связана еще с тем, что общественные ожидания обычно обгоняют динамику этих перемен и реальных возможностей самих людей. В этой связи можно согласиться с тем, что «в 2003 г. *в стране наметились первые симптомы "усталости" значительной части населения от предложенной экономической и политической модели стабилизации. Общество, по всей видимости, вошло в период "испытания стабильностью"»* [4, с. 31]. Но нынешняя российская молодежь воспринимает все это в смягченном виде.

Молодые россияне, прежде всего горожане, сознают основные факторы их социализации, которые существенно изменились по сравнению с советским периодом: родители, прежде всего матери – 58%; друзья – 24%; книги – 19%; фильмы – 15%; родственники – 13%; учителя – 12% [4, с. 31]. В советское время учителя занимали второе место после школы среди факторов социализации. Произошло падение роли книг как факторов социализации, бывших в советское время на третьем месте по значимости. Влияние СМИ, прежде всего телевидения и Интернета, сознается самой молодежью слабо. Но объективные социологические исследования в РФ и за рубежом убедительно свидетельствуют о решающем влиянии этих СМИ на психологию детей и подростков. Коварство ТВ и Интернета заключается в скрытом кумулятивно-негативном влиянии на молодежь.

Негативным фактором социализации РФ является колоссальный децильный коэффициент (15–30), который раскалывает народ на богачей и бедных, в условиях которого формирование людей нравственных, патриотичных, солидарных чрезвычайно затруднено. В этом же направлении действует навязчивая реклама тотального потребительства, в условиях которой формирование нравственности, патриотизма, солидаризма невозможно. Визуальный и смысловой ряд этой рекламы поражает своей пошлостью и бесстыдством. В таком же направлении действуют дискотеки, ночные клубы, бары, нецензурный «юмор» и т.п. Бесконечные сериалы про бандитов, мошенников, проституток, реалити-шоу (типа «Дом-2») и т.п. не способствуют воспитанию ни любви, ни семьи, ни труда, ни патриотизма. Если деятельность российских СМИ ориентирована на оболванивание молодежи в духе потребительства, то семье, школе и т.п. не справиться с задачей формирования полноценных граждан РФ. Мы полностью согласны с В.Е. Семеновым: *«Необходимо добиваться Закона об информационно-психологической безопасности детей, подростков и молодежи от негативного воздействия рекламы, Закона о нравственном контроле в сфере СМИ (включая мобильную связь) в русле Доктрины информационной безопасности РФ»* [6, с. 42].

Проблема социализации молодежи в РФ заключается также не только в снижении ИРЧП России по сравнению с прежним его уровнем и уровнем других стран, но и в том, что этот еще мощный потенциал не находит возможности для своей реализации, обгоняет возможности, предоставляемые нынешним советско-капиталистическим обществом. В меньшей мере это касается человеческого потенциала городской молодежи и в несколько большей степени сельской. Налицо зреющее недовольство молодежи РФ состоянием возможностей для реализации своего человеческого капитала. На наш взгляд, обоснованным является предупреждение М. Делягина по поводу движущих сил ожидаемой им в РФ социально-политической революции, если власть не начнет социальные реформы: «Ударной политической силой станет молодежь, которую реформаторы лишили будущего, – как не получающие реального образования студенты, так и маргиналы "спальных районов"» [2]. Ее будут направлять, с одной стороны, различные группы силовой олигархии, с другой – пытающиеся использовать стихийный протест «политические группы… возможно, некоторые исламские диаспоры и "Хизб – ут – Тахрир", ставящие целью создание всемирного исламского государства» [3, с. 68].

Для того чтобы это не произошло, необходимо радикальное изменение молодежной политики в РФ; осуществление ряда мер, направленных на смягчение конфликтогенных факторов в отношениях молодежи и общества. Исследование этих факторов, проведенное Т.В. Черкасовой, показывает следующие требования молодежи: доступ-

ность образования – 87,1%; трудовая занятость и экономическая обеспеченность – 83,0%; социально-правовая помощь – 71,5%; организация досуговой деятельности – 60,2%; поддержка молодой семьи –57,8%; улучшение условий жизни – 55,5%; предоставление кредитов на приобретение жилья – 54,3%; борьба с преступностью – 52,9%; борьба с алкоголизмом и наркоманией – 51,9% [7, с. 106]. Перед нами типично социал-демократические требования, совпадающие с таковыми же требованиями западной молодежи.

Как известно, молодёжь в значительной части обладает тем уровнем мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который отличает ее от других групп населения. Какие же черты российской молодости нужно формировать в первую очередь, исходя из наличной ценностной ориентации молодежи, с одной стороны, и историческими вызовами (глобализацией, космополитизацией, постиндустриализацией, экологическим кризисом) – с другой. На наш взгляд, такими чертами российской молодости должны быть *патриотизм, гражданственность и* общечеловеческие ценности (*космополитизм*). Это связано с тем, что социологические исследования показали: ни «общечеловеческие ценности», ни «национальные идеи» сами по себе не могут быть факторами консолидации постсоветской России. Русские всегда были патриотами своей страны и доверяли в большей мере сильному и справедливому государству, а не капиталистическому рынку, не вопиющему социальному неравенству.

Можно согласиться с О.Н. Полухиным, что «утверждение гражданственности – главное средство возрождения России, укрепления российской государственности, достижения согласия (договора) между властью и обществом…» [5, с. 3]. Но что понимать под гражданственностью? В.В. Гаврилюк, В.В. Маленков понимают под гражданственностью «*совокупность базовых, сложившихся на определенный момент времени ценностей, норм и ролей, принятых за образец*. Критерием определенной степени гражданственности личности является соответствие между социетальной *моделью*, объективированной как декларируемые, возможные и желаемые характеристики человека, *и реальным поведением индивида…*» [1, с. 45]. Но какие ценности, нормы и роли взять за основу гражданственности? Прошлые – советские, настоящие – советско-капиталистические или будущие – социал-демократические? А как быть с ценностями православными, являющимися во многом общечеловеческими? Ведь гражданственность может быть православной, советской, либеральной, социал-демократической и т.п. Таким образом, возникает сложнейшая социально-философская проблема социализации молодежи: какую гражданственность взять за основу? И можно ли в условиях плюрализма взять за основу какую-то одну гражданственность?

На наш взгляд, нынешняя гражданственность может быть основана на *сочетании* советских, либеральных, общечеловеческих ценностей и норм. В этом случае мы сохраняем преемственность с православными и советскими ценностями, с одной стороны, и дополняем их частично либеральными ценностями, по которым живет весь цивилизованный мир, с другой стороны. «Среди них, – пишут В.В. Гаврилюк и В.В. Маленков, – особое значение приобретает вариант, основанный на учете советского опыта гражданственности. Следует отметить, что он не предусматривает возврата к прежнему идеалу, а апеллирует к позитивным чертам, присущим советскому опыту» [1, с. 45]. Этими чертами являются целенаправленная политика в сфере гражданского воспитания, усиление воспитательной функции образования, контроль за деятельностью СМИ и т.п.

Идеи гражданственности, патриотизма, интернационализма (космополитизма) были подвергнуты в переходный период от социализма к советскому капитализму серьезной ревизии, вплоть до полного отрицания их позитивного смысла для нового поколения молодежи. Усилился интернациональный элемент, в ущерб национально-патриотическому. Возрождение исторически оправданного для россиян смысла ключевых для идеологии постсоветской России понятий – необходимое условие нового этапа социализации. Современный этап социализации, включающий формирование гражданственности, патриотизма, космополитизма, приобретает следующие черты: 1) противостояние либеральной гражданственности; 2) поиск путем гражданственности современного российского типа; 3) интеграция православных, либеральных, советских ценностей в ценностях социал-демократических; 4) усиление демосоциальной и идеологической функции государства; восстановление системы гражданского воспитания молодежи.

В каком же состоянии находится формирование гражданственности, патриотизма, интернационализма в РФ? Мы воспользуемся результатам специального социологического исследования, в котором определялись следующие индикаторы вышеназванных ценностей молодежи РФ: значимость социальных проблем; оценка качеств гражданина РФ; жизненные планы молодежи; отношение к российскому государству; представление об идеальном гражданине РФ; модели гражданской идентичности; участие в общественных организациях; участие в патриотически-гражданских акциях; участие в избирательном процессе [1]. Некоторые из названных индикаторов мы частично уже исследовали, но в общесоциологическом плане.

Исследование показало, что гражданские, патриотические, интернациональные проблемы меньше всего беспокоят современную российскую молодежь. В период нынешней российской трансформации одним из ключевых является вопрос о проекте желаемого для молодого человека будущего. Среди ценностей, которые были предложены молодым людям в качестве основополагающих, были выбраны следующие: безопасность – 57,4%; стабильность – 53,2%; свобода и права человека – 40,6%; равенство и справедливость – 38,3%; возрождение сильной России – 33,6%.; духовность и нравственность – 18,8%; рынок и предпринимательство – 17,7%; возрождение традиций – 8,6%; интересы моей нации – 7,5%; самостоятельность регионов – 5,2% опрошенных. Очевидно, что перед нами совокупность советско(коллективистско-)-буржуазно(либерально-)-интернациональных ценностей, среди которых либеральные ценности занимают ведущее место. Все это свидетельствует о современности молодых россиян, их готовности к глобализации, с учетом гражданственности и патриотизма.

В каком же отношении находятся вышеназванные советские, либеральные, интернациональные ценности с идейно-политическими течениями и партиями, которые их выражают? Ответ на вопрос «Какому идейно-политическому течению Вы симпатизируете?» был следующим: защитникам природы – 11,6%; социал-демократам – 11,2%; сторонникам рыночных реформ – 6,1%; коммунистам – 3,9%; центристам, стремящимся избегать крайностей, – 3,5%; русским националистам – 2,5%; националистам других народов – 2,7%. Большинство опрошенных – сторонники рыночных реформ (17,3%), что подтверждает вывод, сделанный выше в отношении преобладания в ментальности молодежи ценностей либерализма и социал-демократизма.

На вопрос «Что значит для Вас быть гражданином России?» были получены следующие ответы: проживание в России – 51,9%; обладать российским гражданством – 47,1%; быть связанным чувством гражданского долга – 40,5%; патриотизм – 16,5%; причастность к истории и культуре России – 11,2%; своей активностью способствовать развитию гражданского общества и демократии – 11,2%; не задумывались об этом – 7,1%. Из приведенных данных следует важный вывод: гражданственность молодых людей носит в основном формальный характер, она не стала чертой их ментальности, характера и поведения. Она значительно слабее по своей интернационализации в ментальность и характер молодых людей, по сравнению с либерально-рыночными чертами. А это еще раз подтверждает запущенность гражданского, патриотического и интернационального воспитания в РФ.

Гражданственность неразрывно связана с патриотизмом молодых людей в их ментальности и характере. Патриотизм либо подтверждает усвоенность гражданственности, либо не подтверждает. На вопрос молодежи «Что значит для Вас “быть патриотом”?» были получены следующие ответы: любить и гордиться Россией – 65,5%; быть готовым защитить Россию – 48,9%; уважать традиции и культуру России – 35, 6%; своим участием способствовать процветанию России – 22,0%; стремление обустроить Россию – 12,9%. Таким образом, реальный патриотизм, в отличие от декларируемого, очень слаб, что свидетельствует и о слабости гражданственности ментальности и характера молодежи. Это подтверждает и следующий вопрос. На прямой вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом России?» были получены следующие ответы: да – 44,3%; нет – 18,2%; не задумывался – 35,7%.

Важная составляющая гражданской ментальности молодых людей – их готовность выехать за границу, т.е. покинуть Россию, при наличии такой возможности: готовы выехать за границу навсегда – 13,7%; поехать на время учебы и работы за границу – 59,6%; жить в России при плохом развитии событий – 18,3%; затруднились с ответом – 7,4%. Таким образом, значительное число молодых людей патриотами России не являются

Таблица 2

Мнение богатых и бедных о наиболее острых противоречиях между группами российского народа (в %) [4, с. 31]

Межгрупповые противоречия	Улучшилось	Осталось таким же	Ухудшилось
Богатые – бедные	44,4	30,7	48,9
Русские – нерусские	37,2	46,2	33,7
Молодежь – пожилые	14,6	15,5	13,3
Православные – мусульмане	17,6	20,8	15,4
Между людьми разных политических убеждений	13,5	13,9	12,3
Олигархи – общество	27,1	17,8	30,2
Собственники предприятий – наемные работники	20,4	11,2	22,8
Между разными властными группировками	24,3	32,0	20,5
Чиновники – граждане	26,4	26,7	25,5
Острых противоречий нет	9,2	8,9	9,6

и готовы ее покинуть либо навсегда, либо на длительное время. Что же понимают под Россией молодые люди? «Россия в целом» – 56,2%; современная Россия – 48,1%; город (поселок), в котором живут – 14,6%; СССР – 3,7% (в старших группах молодежи – 9,2%) опрошенных. Следовательно, гражданская идентификация современной молодежи носит общероссийский, а не региональный характер, что свидетельствует о наличии в стране политической нации.

В советское время человек был носителем коллективных планов, исходил из подчинения личного общественному, защитной реакцией человека был уход в частную жизнь, которая считалась областью добра, чести, достоинства. При социализме люди были ориентированы на охаивание прошлого и восхваление коммунистического будущего, считая настоящее несущественным. При социализме действовали строгие правила, которые указывали индивиду, что и как делать, личная инициатива вне пределов правил наказывалась. Марксистская идеология мифологизировала прошлое, настоящее и будущее, лишая людей умения самостоятельно мыслить. В советско-капиталистическом обществе интересы индивида, его права и обязанности, борьба за личный успех стали главными. Буржуазная демократия требует общественной активности, лояльности к политическим институтам, готовности участвовать в государственной деятельности, критического отношения к будущему, уважения к прошлому и жизни в настоящем. Капитализм основан на демифологизации мира и рационализации прошлого, настоящего и будущего с точки зрения трезвого учета прибылей и убытков, веры в науку и эффективную организацию.

Переходный период от социализма к капитализму и советско-капиталистическому строю сопровождался ожесточенными конфликтами, носящими идеологический характер: социалистический, либеральный, православный, социал-демократический и т.п. В сегодняшней России идейно-политическая дифференциация не исчезла, но соответствующие конфликты смягчились. Снизилась актуальность «конфликта поколений», который был весьма острым до прихода В. Путина к власти. Некоторые предполагали, что на смену идеологическим и политическим конфликтам 90-х годов XX века придет конфликт между олигархами и народом, между бюрократией и гражданами. Однако социологические исследования показали, что, по мнению россиян, наиболее конфликтными являются отношения между богатыми и бедными, русскими и нерусскими, что стало результатом вопиющего социального неравенства и массовой миграции в Россию нерусских (см. табл. 2).

Россиян, прежде всего, возмущает расслоение на богатых и бедных, которое считается ими неестественным, проистекает из советской государственной собственности, в которую они все «вложились» и которая оказалась приватизированной («прихватизированной») несправедливо. Здесь основная линия конфликта, в которую вовлечена и российская молодежь, проходит не по линии «труда и капитала», а по линии «советские – буржуи», т.е. носит идейно-нравственный характер. Вышеприведенные социологические исследования показывают, что молодежь (14–29 лет) более спокойно относится к этому противостоянию, считая, что это их не касается. Более остро стоит проблема «русской молодежи» и «нерусской молодежи». На фоне сравнитель-

но высокого уровня межнациональной толерантности (54% опрошенных) налицо рост «охранительного национализма», ставшего новым явлением в образе жизни российской молодежи. За последние восемь лет число стоящих на открыто шовинистических позициях («Россия для русских») выросла с 11,3% в 1995 году до 15,3% в 2003 году. В инородцах российская молодежь видит, прежде всего, представителей организованных этнических сообществ, конкурирующих с ней за работу и культуру. Особенно это болезненно воспринимается в российской глубинке, в которой каналы социальной мобильности совсем небольшие.

Вышеприведенные социологические данные свидетельствуют, прежде всего, о том, что советская молодежь, являющаяся родителями нынешней российской молодежи, отлична от нее по своему мировоззрению, ментальности, ценностям. Цивилизационную (культурную) травму, связанную с распадом советского строя и советской цивилизации, современная молодежь пережила успешно и полностью адаптировалась к советско-капиталистическому обществу. И, наконец, между этими поколениями есть цивилизационный конфликт, выражающийся в смещении от коллективизма к индивидуализму, от общественного к частному, от будущего к настоящему, от предопределенности к активности, от необходимости к свободе, от мифологии к реализму, от справедливости к реализму.

Российскую молодежь характеризует толерантное отношение к советско-капиталистическому настоящему, вера в будущее России, патриотизм и интернационализм. Укрепление этих ценностей в характере, ментальности, мировоззрении российской молодежи в условиях глобализации, постиндустриализации, экологического кризиса предполагает, с одной стороны, смягчение безработицы, падение инфляции; рост уровня и качества жизни; преодоление социального неравенства; введение бесплатного образования; создание условий для восходящей социальной мобильности и т.п. С другой стороны, требуется перестройка всей информационно-культурной сферы общества для формирования молодых профессионалов, граждан, патриотов, интернационалистов.

Библиографический список

1. *Гаврилюк В.В., Маленков В.В.* Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социс. – 2007. – № 4.

2. *Делягин Михаил.* Россия после Путина. – М.: РАКУРС, 2005.

3. *Делягин Михаил.* Социально экономическая программа будущей революции // Свободная мысль – XXI. – 2005. – № 7.

4. *Петухов В.В.* Новые поля социальной напряженности // Социс. – 2004. – №3.

5. *Полухин О.Н.* Идея, опыт и идеал гражданственности: философский проект. – М.: Муниципальный мир. 2003.

6. *Семенов В.Е.* Ценностные ориентации современной молодежи // Социс. – 2007. – №4.

7. *Черкасова Т.В.* Молодежь о конфликтогенных факторах и молодежной политике // Социс. – 2004. – №3.

УДК 316.343.6

Козырев Максим Сергеевич
кандидат философских наук
Военная академия РВСН имени Петра Великого (Москва)
Max-han@yandex.ru

КЛАССОВЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируется современная социальная структура РФ, а также перспективы ее развития. В качестве основного системного признака социальной дифференциации использовано понятие класса.

Ключевые слова: *классовый подход, социальная структура, перспектива социальных трансформаций.*

Социальная структура порождает социальные законы не в меньшей степени, чем физическая порождает физические законы, поэтому её анализ и есть ключевое звено, «потянув» за которое можно «вытащить» всю цепь общественных противоречий и проблем. Причем не только в настоящем, но и в будущем. Именно этой причинной объясняется столь пристальное внимание к социальной структуре со стороны науки.

Важным является выбор подхода к исследуемому явлению. Ведь различные методы обладают и различными эвристическими возможностями. Классовый подход, который будет использоваться в этой работе, бесспорно, несет в себе немалый объяснительный и прогностический потенциал. И было бы большой оплошностью не применить его к анализу современной социальной жизни России. Но основная сложность в том, что его трактуют чрезвычайно широко и классами обозначают чуть ли не все социальные группы, имеющие хоть какие-то существенные различия. Это на самом деле означает, что понятие «классовая дифференциация» становится простонапросто синонимом термина «стратификация» (структурирование социального неравенства), хотя еще советскими учеными (и не только ими) они противопоставлялись.

Критерии, по которым индивидов объединяют в классы, весьма многообразны. В качестве примера следует привести концепцию Эрика Олина Райта, в которой критериями классификации выступают власть в процессе производства (контроль труда других) и власть над капиталом (контроль средств производства и инвестиций). Или же можно отметить представителя «исторического марксизма» Э.П. Томпсона, выводящего классы из общих интересов людей, базирующихся на их совместном опыте [7].

Этими двумя примерами все имеющиеся модели классовой дифференциации не исчерпываются, продолжать список можно и далее. Чаще всего существующие подходы обозначаются как марксистские, неомарксистские, веберианские или же неовеберианские с отдельным выделением представителей постструктурализма. Всех их объединяет то, что они разработаны или апробированы на эмпирическом материале стран Запада. И здесь возникает вполне закономерный вопрос: применима ли хотя бы часть из них к социальной действительности современной России?

По мнению автора, метаморфозы социальной действительности современной России последних 20 лет создали в стране явно капиталистический общественный строй, анализом которого и занимались приверженцы классового подхода различных направлений. Следовательно, нет достаточных оснований полагать невозможность использования описываемых методов, по крайней мере, в его ключевых и существенных моментах.

В данной работе за основу взят марксистский подход, который обладает большими эвристическим и прогностическим потенциалами. Однако сами производственные отношения со времен К. Маркса претерпели качественные изменения, произошло усложнение как классовой структуры обществ, так соответствующих ей социальных отношений. Поэтому более целесообразно использовать в дополнение и другие подходы, т.е. подойти к вопросу «синтетично».

Прежде всего необходимо дать определение классам, которыми «называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в обще-

© Козырев М.С., 2010

ственной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [2, с. 15].

Далее следует рассмотреть каждый из признаков более подробно.

Место в системе общественного производства. В данном случае общественное производство следует толковать расширительно как материальное, духовное, социальное и политическое [3, с. 8]. Цель существования этой системы – удовлетворение самых различных потребностей человека. Первичным, безусловно, является материальное производство. Не в том контексте, что экономический базис определяет весь ход исторического процесса и социальное устройство вообще (этот вопрос является дискуссионным, видимо, не одну сотню лет и в данной статье не рассматривается), а в том, что без удовлетворения основных физиологических потребностей (пища, одежда, жилище) удовлетворение оставшихся лишено всякого смысла.

Отношение к средствам производства. В самом упрощенном виде общество можно поделить на тех, кто именуются собственниками средств производства, и тех, кто их в своем распоряжении не имеет. Однако подобная дифференциация вряд ли принесет значимый научный результат на сегодняшний момент. Было бы уместней выделить группы, которые хоть и не выступают титульными владельцами средств производства, но в состоянии извлекать полезные свойства из них в своих целях (к примеру, топ-менеджеры крупных корпораций).

К этой категории также следует отнести определенного рода чиновников, которые имеют право распоряжаться государственной собственностью и извлекать из этого положения для себя немалые выгоды.

Главным здесь должно выступать то, что обладание, пользование и распоряжение средствами производства дают возможность извлекать те преимущества, которые позволяют приобрести для себя высокий социальный статус. Юридическое оформление своего положения является второстепенным в рассматриваемом смысле.

Роль в общественной организации труда. На полюсах в общественной организации труда стоят классы высших управленцев и рядовых наемных работников низшего звена. Между ними находятся достаточно широкие слои инженерно-технических работников, клерков и менеджеров, которые занимают противоречивые социальные позиции. Как и рабочий класс (классический пример работников низшего звена), они отчуждены от основных решений, касающихся распределения инвестиций и управления накоплением. Однако, в отличие от рабочих, они имеют определенный контроль над средствами производства и трудом рабочих в процессе производства [8].

Еще одним примером социальных групп, занимающих промежуточную позицию, являются средние и мелкие предприниматели. Безусловно, что они полностью контролируют процесс своего производства, но вряд ли мелкие и средние буржуа способны оказывать сколько-нибудь социально значимое влияния на общественное производство и организацию труда в целом.

Указанные примеры демонстрируют то, что однозначная классовая идентификация, четкое определение роли в общественной организации труда многих социальных групп не является тривиальной задачей.

Размер получаемого общественного богатства. Это наиболее явно проявляющий себя критерий. Оценка общественного богатства получаемого тем или иным индивидом позволит с высокой долей достоверности разместить его на определенной ступени социальной лестницы, хотя исключения из этого правила не так уж редки. В качестве иллюстрации можно привести шахтеров или высококвалифицированных рабочих на оборонных предприятиях в Советском Союзе, чьи заработные платы были сопоставимы с таковыми у высших чиновников общесоюзных министерств.

Важным замечанием будет то, что все четыре критерия следует применять в совокупности, ни в коем случае произвольно не отбрасывая какой-либо из них. В противном случае эвристическая ценность данного подхода значительно снизится.

Также хотелось бы обратить внимание на такое явление, как классовое сознание. Мало быть классом с точки зрения исследователя, надо еще и осознать себя им, т.е., по выражению самого К. Маркса, из «класса в себе» превратиться в «класс для себя» [4, с. 106]. Центральным элементом процесса такого превращения выступает классовый интерес, артикуляция и агрегирование которого переводят противоречия в явное, политическое русло.

Каждый класс объективно заинтересован, прежде всего, в воспроизводстве самого себя, а в преде-

ле – в монополизации того положения, которое позволяет ему извлечь максимальную выгоду. Очевидно, что чем выше роль в общественной организации труда, чем выше размеры получаемого богатства, чем больше возможностей по использованию в своих интересах средства производства, тем больше шансов у того или иного класса монополизировать свои преимущества. Данные положения являются ключевыми в процессе понимания и прогнозирования дальнейших социальных изменений в рамках определенного уровня развития науки и техники (средств производства).

Итак, применим все вышесказанное к анализу нынешней российской социальной структуры.

На вершине общественной иерархии находятся владельцы и руководители наиболее прибыльных отраслей добывающей промышленности (добыча углеводородов, алюминия, драгоценных металлов и камней и т.д.). Примыкает снизу к этой группе представители финансового капитала и другие крупные предприниматели в различных отраслях материального производства.

Смежным с этими группами является так называемый политический класс (высшее политическое руководство страны, включая руководителей регионов). Интересы обоих высших классов полностью не совпадают, и между ними имеются определенные противоречия. Участь известных олигархов Ходорковского, Березовского и Гусинского, по всей видимости, есть внешнее проявление соперничества этих групп. Однако, как кажется автору, общность интересов все же преобладает над их конкуренцией.

Все четыре признака классовой принадлежности для обоих социальных групп очевидны, поэтому не стоит на этом акцентироваться.

Следует уберечь от ошибки тех, кто считает этакратичность (сращивание высшего политического и экономического класса) уникальной особенностью современной России. Подобное наблюдается в той или иной степени и в иных странах.

Прибегая к удельной количественной оценке данных классов, можно предположить, что она не превысит 0,5% от общей численности населения РФ [12].

На другом уровне находятся мелкие и средние предприниматели, руководители среднего уровня. Если на высшей ступени общественной иерархии преобладают представители материального и политического производства, то здесь в массовом порядке появляются режиссеры, продюсеры, эстрадные исполнители, писатели, поэты, ректоры высших учебных заведений и т.д. Материальное благосостояния на этой ступени социальной лестницы у ее представителей не однородно. Как и в первом случае, здесь присутствуют сразу несколько классов.

Во-первых, это занятые в сфере материального производства – средние и мелкие предприниматели, руководители среднего звена различных отраслей.

Во-вторых, духовную сферу представляют, как уже было отмечено, режиссеры, продюсеры, эстрадные исполнители, писатели, актеры, поэты, ректоры высших учебных заведений, крупные ученые.

В-третьих, политическим классом здесь являются государственные и муниципальные чиновники среднего звена.

И четвертым классом на данном уровне будут представители всех сфер общественного производства: преподаватели, ученые, специалисты, врачи, учителя, часть высококвалифицированных рабочих. Объединяет их всех примерно одинаковый уровень доходов, отсутствие собственности на средства производства, и в большинстве своем их положение характеризуются незначительной ролью в общественной организации труда.

Общая численность всех четырех классов в этом звене социальной иерархии примерно составляет 35% от общей численности населения России [5; 12; 10].

Далее идет наиболее эксплуатируемая и угнетаемая часть российского общества. Ее состав также разнороден. В первую очередь это высококвалифицированные рабочие, служащие и крестьяне. Однако встречаются менеджеры среднего звена, немалая доля врачей и учителей. В основании социальной пирамиды стоят неквалифицированные рабочие и пенсионеры, зачастую уже люмпенизированные. Характерная черта данных классов – это неуклонная деградация рабочей силы, препятствующая ее воспроизводству. Более или менее сносное существование некоторых представителей этого уровня объясняется присутствием у них относительно крупной собственности (недвижимости, земельных участков) и товаров длительного пользования, приобретенных еще в советское время, но данных факт способен только продлить «агонию».

Любопытно, что одна из особенностей нашей страны – это присутствие неявного типа эксплу-

атации. Прежде всего активно «эксплуатируется» труд старшего и прошлых поколений. Ведь подавляющее большинство ныне высокодоходных предприятий создано еще на советские инвестиции, посредством самоотверженного труда советского народа.

Видимо, частный случай данного феномена необходимо обозначить как притеснение без эксплуатации. К примеру, служащих практически не функционирующих предприятий трудно назвать объектом эксплуатации: они практически не получают заработную плату, но они и не работают. Эта категория людей оказываются просто лишними на отечественном рынке труда. Справедливости ради стоит сказать, что подобная ситуация есть следствие встраивания России в современную мировую капиталистическую систему.

Следующая не менее любопытная особенность – это то, что трансформации социальной действительности России вывели на первое, центральное место материальную составляющую жизни человека. Причин тому немало. Это и значительное ухудшение экономического благосостояния многочисленных масс населения, что делает борьбу за простое физическое выживание сверхактуальной. Это и изменение ценностных ориентаций многих социальных групп.

Данные факты нивелируют, оттеняют такие признаки социальной классификации, как престиж, партийный, должностной или квалификационный статус. Именно получаемое материальное вознаграждение определяет в большинстве своем престижность того или иного рода занятия, востребованность на рынке образовательных услуг той или иной профессии.

В дополнение к сказанному необходимо заметить, что неравенство носит не только социальный, но и региональный характер. Статистические данные демонстрируют существенную дифференциацию регионов по уровню доходов. К примеру, среднедушевой денежный доход в месяц в республике Ингушетии на 2008 год составлял 5512 рублей, в Саратовской области – 9061 рубль, в Самарской – 15805 рублей, а в Москве уже 34207 рублей [9]. При этом на региональные различия накладываются поселенческие, и заработная плата представителей одних и тех же социальных классов, проживающих в одном и том же регионе, но в разных типах поселений, различается в разы.

Важным моментом современной российской социальной структуры оказывается то, что она не демонстрирует своей окончательной устойчивости. Стабильными и вполне определенными характеристиками обладают только высшие и низшие классы. В этой связи целесообразно рассмотреть вопрос о том, что же ждет Россию в ближайшие десятилетия при условии сохранения обозначенной классовой структуры?

Стремление к монополизации своего положения превратит высшие классы в сверхзамкнутые социальные группы, чья численность останется на том же уровне, что и сейчас – 0,5%.

Количественные характеристики средних классов будут подвержены более существенным изменениям. Причем численность первых трех классов этого уровня будет составлять не более 20% от общей численности населения. Возможны колебания четвертого среднего класса в пределах 20–30%. Судьба последнего больше всего будет зависеть от экономической конъюнктуры, а его пограничное состояние приведет к повышенному уровню депривации, делая данный класс благоприятной средой зарождения всевозможных революционных элементов.

Что же касается низших классов, то их общая пропорция вряд ли опустится ниже половины от численности россиян.

Замкнутость высшего класса (и отчасти среднего) порождает существенное снижение возможностей социальной мобильности для остального населения. В первую очередь, будет ограничен доступ к высшему образованию. Этой цели соответствует переход к платной системе обучения и сокращение общей численности вузов. Также повысятся требования к занятию должностей на государственной службе и необходимому стартовому капиталу при организации собственного дела. Однако, учитывая тот факт, что высшие классы уже сейчас монополизируют получение прибыли от своего весьма выгодного социального статуса, такое положение дел имеет место быть и в настоящее время. В дальнейшем, по всей видимости, произойдет институализация этих процессов.

Образование устойчивой и стабильной классовой структуры приведет к активному использованию государства как средства подавления и эксплуатации высшими слоями оставшегося населения. Только под прикрытием государственной власти высший класс будет чувствовать себя уверенно.

Безусловно, неявная эксплуатация и завуалированные классовые различия способствует медийному блокированию процессов, формирующих классовое сознание, но даже в этом случае отказ от государственного аппарата как средства насилия со стороны высшего класса маловероятен. Следовательно, в рамках данной стратегии необходимо наделение правоохранительных органов и, возможно, Вооруженных Сил карательными функциями с соответствующей их реорганизацией под стать этим ролям. Также вероятно произойдет бо́льшая акцентуация на охранительный и пеницитарный аспекты права. Обозначенные тенденции наблюдаются и сейчас, но с момента окончательного становления классовой структуры в России они приобретут свою законченную форму.

Потенциально взрывоопасный характер формирующихся общественных отношений, по всей видимости, принуждает высшие классы искусственно дробить социальное пространство по этническому, конфессиональному и региональному признакам в целях недопущения агрегирования и артикуляции классовых интересов иных слоев. Введение в школах основ православной, исламской, буддийской и др. культуры – в зависимости от выбора родителей, регионализация среднего образования, пропаганда противопоставления индивида, сознательно ориентированного на мораль успеха и строящего целерациональные стратегии, – и массы «неприспособленных» находятся в рамках этой цели [6].

Лишенные доступа к высшему образованию, качественной медицинской помощи, не обеспеченные жильем в соответствии с санитарными и социальными нормами, не имеющие возможности устроиться на работу, удовлетворяющую хотя бы первичные физиологические потребности, низшие классы, перебиваясь случайными заработками, превратятся в люмпенизированную массу. Алкоголизм, высокий уровень преступности, хроническая безработица, бродяжничество станут их постоянными спутниками.

Учитывая то, что численность низших классов вряд ли опустится ниже 50% от общей численности населения России, распространенность вышеобозначенных явлений будет повсеместной. Что, кстати, не исключает наличие «оазисов благополучия» в океане хаоса и безысходности. Таковыми будут мегаполисы страны, в частности Москва.

Чтобы обезопасить свое место проживания от толп «неприспособленных», высшие классы, скорее всего, предпримут попытку законодательного и экономического ограничения свободы передвижения.

Вообще же перспективы классовой борьбы, которая прогнозируется с неизбежностью при применении данной методы, будет зависеть, во-первых, от уровня развития классового сознания низших и в большей степени средних классов. Более весомый вклад именно средних классов обосновывается тем, что, по сравнению с первыми, они имеют большие возможности по доступу к качественному образованию, а следовательно, процесс агрегирования и артикуляции интересов будет проходить быстрее и более интенсивно. К тому же пограничное состояние последних создает благоприятные условия для массовых депривaций.

Во-вторых, мировая и внутрироссийская политическая и экономическая конъюнктура будет определять условия протекания классовой борьбы. К примеру, мировое падение цен на углеводороды снизит возможность господствующих классов подкупать те или иные социальные группы.

В-третьих, способность властвующей элиты канализировать энергию социальной напряженности, медийно и политически блокировать акции протеста и революционную деятельность также окажет влияние на возможность актуализации классовых противоречий.

Конечно, перспективы социальных трансформаций России, описанные в данной работе, не выглядят радужными. Но при сохранении всех имеющихся тенденций классовые противоречия и борьба проявят себе в наиболее одиозной форме, а в настоящее время нет достаточных оснований делать более оптимистичные прогнозы.

Подытоживая сказанное, следует еще раз указать на движущие социальные силы, которыми являются стремление к монополизации своего положениями высшими и отчасти средними классами и процесс формирования классового сознания у всего населения современной России. От этого зависит не только сама возможность социальных столкновений, но также перспективы развития всех сфер общественной жизни.

Поэтому, чтобы держать под контролем изменения и трансформации в социальной структуре, необходимо разработать и принять стратегический план развития общества и государства

хотя бы на ближайшие 30–50 лет. Безусловно, подобный документ должен учитывать интересы всех социальных групп страны, т.е. быть ориентированным на всё население России. В противном случае он станет одним из многих инструментов насилия господствующих классов.

Библиографический список

1. *Бородин Е.Т.* Общественное производство как предмет философского исследования. – М.: Высшая школа, 1989. – 125 с.

2. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – 623 с.

3. *Маркс К.* К критике политической экономии. – М.: Политиздат, 1990. – 204 с.

4. *Маркс К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. – М.: Прогресс, 1985. – 200 с.

5. Модернизация социальной структуры российского общества / Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 287 с.

6. *Панарин А.С.* Правда железного занавеса. – М.: Алгоритм, 2006. – 336 с.

7. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. – М.: Наука, 1995. – 240 с.

8. *Райт Э.* Марксистские концепции классовой структуры // Politics & Society. – 1980. – №3. – Pp. 323–370 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scepsis.ru/library/id_608.html (10.09.2010).

9. Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2009. – 795 с.

10. Социальное неравенство в социологическом измерении. Аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality.html.

11. *Тихонова Н.Е.* Классы в современной России: миф или реальность? // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 62–92.

12. *Тихонова Н.Е.* Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: Институт социологии РАН, 2007. – 320 с.

УДК 111.7

Коромыслов Виталий Валерьевич
кандидат философских наук
Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д.Н. Прянишникова
vvk79@mail.ru

ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК РЕЗУЛЬТАТА ЕДИНОГО ЗАКОНОМЕРНОГО МИРОВОГО ПРОЦЕССА

В данной статье рассматривается проблема существования социального пространства как формы бытия материи. Анализируются подходы к его изучению, предлагается авторское видение решения этой проблемы, которое опирается на конкретно-всеобщую теорию развития. Обосновывается существование специфических форм пространства и времени, свойственных каждой из основных форм бытия материи. Выявляются некоторые особенности и свойства биологической и социальной форм пространства.

***Ключевые слова**: социальное пространство, биологическое пространство, социальное время, свойства социального пространства, конкретно-всеобщая теория развития.*

В последнее время активизировалась дискуссия по проблеме существования особой формы пространства, связанного с жизнедеятельностью человеческого общества. В обиход всё больше входят такие понятия, как социальное, культурное, информационное, виртуальное и т.д. пространство. Здесь встаёт проблема об определении статуса такого рода пространственных форм, соотношения этих понятий с классическим представлением о пространстве и времени. На наш взгляд, ключ к решению этой проблемы лежит в конкретно-всеобщей теории развития [13; 16; 17 и др.].

Согласно конкретно-всеобщей теории развития человек есть закономерный результат единого закономерного мирового процесса, аккумулирующий в себе бесконечное число качеств и сущностей предшествовавших форм материи. Отсюда логичным выглядит предположение о том, что общество аккумулирует в себе результаты разви-

 © Коромыслов В.В., 2010

тия, связанные с развитием и пространственно-временных форм. И в этом смысле пространство, в котором существует социальная форма материи, является *итогом материального обобщения по мере предшествовавшего развития.*

Существование пространства, связанного с *физическими* параметрами и свойствами, характерными для физической формы материи, ставит проблему возможного существования пространств, характерных для иных форм организации материи. Нелепо было бы полагать, что вытекающая из положения диалектического материализма о бесконечности форм существования материи субфизическая форма материи [см., напр., 9] существует в физическом пространстве с физическими свойствами (возможно, именно поэтому применение стандартов пространства и времени макромира в отношении исследования микромира, связываемого некоторыми учёными с субфизической формой материи, даёт такие противоречивые результаты).

Логично поэтому допустить, что пространство как форма бытия материи, обусловленная её содержанием, зависит от всё усложняющихся форм движения в ней. В силу этого, каждая из основных форм материи должна быть связана с определённым своеобразием пространства, во всяком случае, его структурирования.

В отношении обозримых сейчас уровней организации материи в настоящий момент не было выявлено специфичных форм пространства (полноправных наравне с физическим) с отличными от физических параметрами. В то же время это и не удивительно, ибо подход к исследованию таких форм пространства должен быть соответствующим их сложности, специфике, исходить из особенностей свойственных им взаимодействий. Так, бессмысленно искать особую специфику пространства химического или биологического мира с физическими мерками и стереотипами, привязывающими наше понимание о пространстве с современными научными данными о свойствах физического пространства. Если бы такие предполагаемые формы пространства действительно существовали, то их параметры и свойства должны были бы быть связаны собственно с биологическим или химическим и т.д. качеством. Ведь и физическая форма материи образует единую целостность физического пространства, объединённую физическим же взаимодействием, а не помещена в некую среду особого физического пространства, существующего помимо этого взаимодействия. Так и химическое, биологическое и социальное пространство, если таковые существуют, должны быть рассматриваемы не по аналогии с привычным представлением о человеке, бактерии, химическом элементе, существующими на фоне физического пространства, а как имеющие место быть в аспекте свойственных им взаимодействий, т.е. не обнаруживающими того же уровня кажущейся цельности, непрерывности и пустоты, каким нам предстаёт с высоты высшей формы материи на несколько ступеней нижележащая нам форма пространства (физического).

Мнение о наличии специфических форм пространства и времени, соответствующих специфическим видам материи и формам её движения, высказывалось неоднократно. С точки зрения В.С. Барашенкова, нет оснований абсолютизировать известные нам свойства пространства и времени [2]. Такого же мнения придерживается и А.М. Мостепаненко, он пишет: «Из принципа неисчерпаемости материи вытекает, что в мире… имеет место неисчерпаемое многообразие типов взаимосвязей и закономерностей. Так как природа пространства и времени тесно связана с характером взаимосвязей и закономерностей, то из разнообразия последних следует возможность многообразия самих пространственно-временных форм» [12, с. 175].

Основанием для выделения специфических форм пространства и времени, свойственных соответствующим формам бытия материи, часто принимается положение диалектического материализма о пространстве и времени как формах бытия материи. Так, как отмечает А.В. Ласточкин, поскольку материя существует в различных формах, то различны и пространственно-временные формы её существования. Признавая развитие материи, следует признать и развитие всех её атрибутов. Тогда пространство и время нижележащих уровней организации материи, должно быть, выступают в качестве общей основы, входящей в более развитые, сложные их формы. Таким образом, можно выделить основные формы пространства-времени, являющиеся атрибутами основных форм материи (из которых нам известны физическая, химическая, биологическая и социальная) [10, с. 125].

Тем не менее распространено также мнение, согласно которому существует только одно, уни-

версальное пространство-время, связываемое с их физическими свойствами. Так, Р.А. Аронов пишет: «Биологические, психологические и социальные процессы в том виде, в котором они известны нам, суть макроскопические процессы и существуют в макропространстве и макровремени. То, что иногда называют биологическим, психологическим и социальным пространством и временем, есть, при ближайшем рассмотрении, абстрактные пространства, описывающие специфические пространственно-временные свойства этих процессов» [1, с. 153].

Однако, как отмечает Г.Е. Зборовский, физические пространство и время в этом смысле также являются абстрактными, они лишь экстраполируются на иные сферы бытия [8, с. 8]. Таким образом, выделение этих особых пространственно-временных форм противоречит не научному их пониманию, а скорей нашей психологической установке, согласно которой нас окружает единое пространственно-временное поле, отождествляемое нами в силу привычки с характеристиками физического пространства и времени.

Исследования в направлении обнаружения этих особых пространственно-временных форм, с той или иной долей успеха, ведутся уже давно. Так, в отношении химической формы материи обнаруживается ряд пространственных эффектов [14]. В отношении биологической формы материи впервые такая гипотеза была высказана в 30-х годах XX века В.И. Вернадским, который открыл особое свойство пространства биологических объектов в биосфере, связанное с их «левизной» и «правизной» (хиральность) [4]. В последующей научной литературе эта проблема изучалась целым рядом авторов [6; 7; 15].

Как отмечает Г.Е. Зборовский, современные биология и физиология рассматривают обусловленность биологического пространства и времени процессами, которые происходят в живом организме и окружающей его среде, точнее, процессами взаимодействия организма со средой. Это находит своё выражение прежде всего в функционировании вестибулярного аппарата и «биологических часов» организма [8, с. 17].

Анализируя специфику пространственно-временных отношений в живой природе Ю.А. Урманцев отмечает, что последняя «сама формирует своё пространство и своё время, имеет место самопростирание и самопрехождение аналогично её самодвижению» [15, с. 215].

Г. Бакман считает, что живые организмы развиваются в «логарифмическом мире», где пространственные и временные измерения имеют логарифмический масштаб [11].

По их мнению, специфика биологического пространства связана с иной организацией биологической системы, в которой, к примеру, существенное значение имеет асимметричность расположения органических молекул, которая на более высоком эволюционном уровне проявляется в асимметрии правого и левого полушарий головного мозга человека. Например, Ю.А. Урманцев и Ю. П. Трусов указывают, что «биологическое пространство характеризуется качественно новыми пространственными формами и строениями, видами симметрии, невозможными для затвердевшего окристаллизованного вещества…» [15, с. 53–54]. Эти авторы выделяют такие особенности биологического пространства, как неэвклидовость, новые виды симметрии, наличие в последних кривых линий и поверхностей, обособленность такой формы пространства от окружающей среды [15].

Следует также обратить внимание на такую особенность организации биологического пространства: если в пространстве с эвклидовой топологией кратчайшим соединением между двумя точками выступает прямая, то здесь кратчайший путь для взаимодействия (передачи информации) может представлять собой кривую, траектория которой обусловлена химической организацией. Таким образом, разумно будет предположить, что организация химического пространства должна быть обусловлена физической, а та в свою очередь субфизической и т.д. Иными словами, если мировое пространство в целом обладает непрерывностью, то пространство каждой отдельной формы организации материи занимает в нём свою определённую нишу, является относительно его дискретным. А так как в отношении самого себя и последующих строящихся на её основе уровней организации материи оно представляет некую качественную целостность (непрерывность), то, очевидно, в нём должны существовать преломления, в зависимости от степени используемого потенциала непрерывности мирового пространства. Если принять во внимание, что отмечаемую дискретность не следует понимать чисто механически, как отсутствие или наличие вещества, то возможно именно с этим связано установленное теорией относи-

тельности искривление физического пространства под воздействием гравитационного поля (чем сильней поле тяготения, тем больший потенциал пространства используется, и оно, тем самым, раздвигается в отношении последующих форм организации материи).

В настоящее время в философской литературе весьма распространённым является также представление о существовании специфических форм пространства и времени, свойственных социальной форме материи, которые связываются со способом человеческого бытия. Авторы концепции социального пространства исходят из того, что пространство, которым человек себя окружает по мере своей деятельности, является *особым образом упорядоченным, «очеловеченным»*, «несёт на себе печать социальных отношений». Оно характеризуется *особым типом пространственных отношений*, который принципиально отличен от физического, имеет сложную социальную природу, связанную с *особенностями социального взаимодействия* [3; 8; 10 и др.]. Если физическое пространство обладает свойствами изотропности и однородности, то многие авторы этой концепции считают, что по отношению к пространству человеческого бытия будет неправомерно говорить о том, что все его точки и направления являются одинаковыми, ибо они тесно привязаны к форме социального взаимодействия (например, в виртуальной реальности) и наполнены определённой социально-культурной значимостью.

По-видимому, необходимо различать *собственно социальное пространство* и *интегральное пространство социальной формы материи.* С одной стороны, пространство, аккумулировавшее в себе результаты развития всех его форм, свойственных предшествовавшим уровням организации материи, т.е. в рамках которого человек существует и к которому он встаёт в универсальное отношение как высшая форма материи, социально-интегральное существо; и, с другой стороны, ту форму пространства, что образуется собственно социальным способом существования, трудовой и мыслительной деятельностью.

Результаты трудовой деятельности человека несут в себе определённый смысл, социальную значимость. Поэтому пространство, которое человек вокруг себя создаёт, существует не только в объективной плоскости, как совокупность материальных результатов труда, но и как *социально значимое* пространство, существующее в отношении к человеческой природе (например, культурное пространство). Такое пространство, взятое в его наиболее широком смысле, есть *поле для разворачивающейся человеческой истории* (во всех существующих её измерениях: экономическом, политическом, бытовом, национальном, индивидуальном, культурном, информационном, виртуальном и т.д.), универсальная форма бытия общества.

Развитие социального пространства связано с *тенденцией его сжатия, уплотнения*, которое иногда рассматривается как эффект изменения восприятия пространства [8, с. 69]. Однако, с другой точки зрения, он рассматривается как реальный феномен, действительная тенденция в развитии собственно социального пространства, обусловленная производительным характером социальной деятельности [10, с. 127–128]. Тем не менее её следует рассматривать не как физическое сжатие географического, природного пространства, а как изменение пространственных характеристик социальной деятельности, сжатие и обогащение связей между её определёнными элементами. Это связано с сокращением времени физического перемещения людей, предметов, передачи информации, вызванным развитием средств сообщения, связи и форм коммуникации. В результате чего происходит упрочнение социальных связей, отношений, более тесное и разностороннее взаимодействие людей, сопровождающееся ростом богатства социального содержания и расширением сферы деятельности человека [10, с. 128].

Пространство общества, как система пространственных свойств и связей общества в целом, существует посредством пространственных отношений индивидов [10, с 126]. В этом контексте имеет смысл выделение особой *индивидуальной формы пространства*, которая существует в отношении к специфике индивидуальной человеческой сущности, образуется материальной и духовной деятельностью индивида. Это есть пространство, которым живёт конкретный индивид и которое наполнено индивидуальной значимостью.

Такая форма пространства имеет свою субстратную сторону, связываемую с человеческим телом и реализующуюся посредством биологических пространственных эффектов, которые при этом, однако, наполняются социальным содержанием, являются производными от способа су-

ществования человека. Так, симметрия живого вещества, в частности, право-левосторонняя симметрия в человеке выражена в наиболее развитой, сложной форме. Её связывают с симметрией в сфере сознания, возникновением двоичной символики и бинарных оппозиций [6; 7]. Особым пространственным свойством субстрата человека является асимметрия больших полушарий головного мозга, связанная с различием их социальных функций [10, с. 130–131].

Таким образом, можно заключить, что выделяемые формы социального пространства являются *формами бытия человека*, общества, индивида, образуют *поле, в котором развёртывается многогранная человеческая сущность*, они определяют *специфику использования человеком природных пространственных форм и эффектов.*

Библиографический список

1. *Аронов Р.А.* Рецензия на книгу Мостепаненко А.М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени // Вопросы философии. – 1970. – №1. – С. 149–153.

2. *Барашенков В.С.* Представления о пространстве и времени в современной физике // Философские науки. – 1984. – №4. – С. 33–40.

3. *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики. – М.: Алетейя, 2005. – 576 с.

4. *Вернадский В.И.* Проблемы биогеохимии. Ч. 4: О правизне и левизне. – М.; Ленинград, 1940. – 320 с.

5. *Вернадский В.И.* Пространство и время в неживой и живой природе. – М., 1975. – 227 с.

6. *Голицын Г.А., Сербиенко. М.В.* Межполушарная ассиметрия и проблема сознания // Методологические аспекты науки о мозге. – М., 1983. – С. 231–238.

7. *Дубров А.П.* Симметрия биоритмов и реактивности. – М., 1987. – 184 с.

8. *Зборовский Г.Е.* Пространство и время как формы социального бытия. – М., 1974. – 223 с.

9. *Калашников В.Ю.* Вакуум и субфизическая форма материи // Новые идеи в философии. Вып. 13. – Пермь, 2004. – С. 183–190.

10. *Ласточкин А.В.* Социальная форма материи. – Свердловск, 1990. – 177 с.

11. *Мауринь А.М.* Проблема биологического времени и функция Г. Бакмана // Моделирование и прогнозирование в экологии. – Рига, 1982. – 206 с.

12. *Мостепаненко А.М.* Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. – Л.: Наука, 1969. – 229 с.

13. Новые идеи в философии. – Пермь, 1992–2009. – Вып. 1–18 и др.

14. Пространственные эффекты в органической химии / Под ред. М. Ньюман. – М., 1960. – 719 с.

15. *Урманцев Ю.А., Трусов Ю.П.* О специфических пространственных формах и отношениях в живой природе // Вопросы философии. – 1958. – №6. – С. 42–55.

16. Философия пограничных проблем науки. – Пермь, 1967–1975. – Вып. 1–8.

17. Фундаментальные проблемы философии. – Пермь, 1977–1991.

УДК 130.2:2

Оськин Владимир Алексеевич
Московская государственная академия делового администрирования
ALEXOSKIN@mail.ru

СПЕЦИФИКА «НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ»

В статье рационально изложены основные черты «нового религиозного сознания». Автор привлекает внимание к все еще недостаточно изученной русской культуре Серебряного века в части исследования вопросов философии и религии, имеющих сходство с современными культурными процессами. В работе прослеживается идея сопоставления концепций главных идеологов «нового религиозного сознания» – Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева. В результате, систематизация черт «нового религиозного сознания» позволила глубже осознать сущность религиозно-философских исканий.

Ключевые слова: *«новое религиозное сознание», религия, культура, историческая церковь, человеческое творчество, мистика.*

Общая неудовлетворенность безрелигиозной культурой, отсутствием реальных духовных ценностей в России конца XIX – начала XX века явила плеяду общественных деятелей из среды русской интеллигенции, единых в своей направленности и сплотившихся под эгидой «нового религиозного сознания» (понятие, воспринятое современниками, как «направление общественной деятельности людей, которых объединил интерес к обновлению церковно-общественных отношений») [6, с. 5].

Русской церкви предстояло отказаться от суеверий (чудеса, дьявол, загробный мир), стать активным участником социальной жизни. Для этого была необходима автономия церкви (отделение ее от государства) и скорейший созыв Поместного Собора.

«Религиозное сознание всегда было «важнейшим атрибутом, позволяющим человеку ориентироваться на главные, наивысшие ценности сущего и должного, восходящего к абсолюту Бога» [1, с. 219–220]. Поэтому вера в исцеление религией и духовное начало, сочетаясь с личными представлениями о Боге и морали, стали предметом обширных дискуссий, явивших множество мнений по поводу «нового религиозного сознания» (НРС). Среди них особенно привлекательны взгляды Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева, касающиеся специфических черт данного понятия. Они еще не достаточно структурированы в современной литературе. Поэтому систематизация таких черт, как недовольство «исторической» и современной церковью, необходимость религии, проблема соотношения «плоти и духа», антроподицея («оправдание человека»), мистическое начало, – представляется наиважнейшей задачей.

Итак, недовольство «исторической» и современной церковью во многом обусловило становление НРС. Рассматривая смысл жизни в канве религиозного поиска, Мережковский пытался выйти за рамки христианской догматики через соединение русской культуры и Вселенской Церкви. Безусловно, соединение это болезненно. Ортодоксальность русской церкви всегда была чужда философу. Историческая церковь, по его мнению, не выполнила социальной функции, «не смогла свести небо на землю», не осуществила Божьей правды. Мережковский критикует и современную церковь, выступая против ее пассивности. Ведь отказываясь от участия в решении насущных проблем, она способствует погружению мира во власть Антихриста. В его лице государственная власть заслонила власть Христа. Эта ошибка должна быть преодолена за счет установления Царства Божьего.

В этом ключе неоднозначным представляется тезис современного исследователя религиозно-философской мысли XX века в России И.В. Воронцовой, согласно которому социальная революция легко вписывается в НРС «как необходимый вид религиозного действа при смене эпох» [6, с. 58]. Но возможно ли «установление царства Божьего» через насилие и разрушение?! Как показала практика, – нет.

Критика церкви выразилась также в том, что цензура не хотела принимать нового взгляда на существующие таинства и догматы. Именно поэтому авторитет церкви не воспринимался Мережковским как нечто сакральное. Получается, что церковь борется с людьми, в которых «пылает религиозный огонь». Догматы не должны быть статичными, поскольку наша вера обращена к живому Христу.

© Оськин В.А., 2010

Проблема сущности Церкви, ее «материализации на земле» волновала и Н.А. Бердяева. В ходе исторического процесса подлинного критерия церковности найдено не было. Была сделана попытка повысить авторитет церкви, сделать ее носителем абсолютный религиозной истины, требующей полного подчинения. Но вот границ истинной Церкви определить не удавалось. Инквизиция, ставившая своей целью поддержание этого авторитета, парадоксальным образом способствовала его утрате. Религиозный путь был утерян, и обрести его вновь человечеству не удавалось. Таким образом, недоверие к самой Церкви и ее признакам усиливалось и, в конечном итоге, привело к тому, что человеческая культура как творческий акт развивалась вне церковных стен, оставаясь в «мистической церкви», в которой для Бердяева заключена истина.

Вселенские соборы, положившие начало разногласию между Восточной и Западной церквями, для Бердяева не были абсолютным постулатом любви к Христу. Часто они наполнялись неблагочестивыми людьми, которые посредством человеческих голосов «устанавливали» критерии религиозной истины, хотя авторитетность Соборов должна исходить из присутствия в них Духа святого. Истина открывается через членов Собора, которые «высказывают мнения не человечески субъективные, а сверхчеловечески объективные» [2, с. 194]. Для Бердяева же истинность Церкви определяется «религиозным восприятием», которое выше самой Церкви, выше самого Священного Писания. Он выступает против церковного принуждения: нельзя «организовать церковь», в нее можно войти лишь внутренне, мистически. Истинная церковь не уничтожает все то, «что лежит за пределами ее колпака». Ее органическое начало там, где Любовь, где Христос. Поэтому молитва должна произноситься везде (не только в храме). Вся жизнь для Бердяева есть Молитва, поскольку мир у него отождествляется с Божьим храмом. Именно этот постулат способен сделать религиозное возрождение Вселенским. Выступая против иерархического построения Церкви, философ утверждает, что в «Евангелии» ничего не говорится о принадлежности «Благодати священства» только избранным. Его идеал – свободная община, каждый член которой обладает правом на совершение таинств. Церковь, в которой таинства осуществляются «уединенно», мертва для него. Он отмечает, что в таинствах языческих было гораздо больше соединения с миром, с людьми, и что нам очень дорого церковное величие, но нельзя не признать тот факт, что «историческая церковь» явила собой лишь богадельню, в то время как должна была бы стать и «рабочей мастерской, и ученым кабинетом, и художественной студией» [11, с. 150].

Нельзя не отметить, что желание оставаться в лоне русской церкви никогда не иссякало у Бердяева. Проблема «новой церковности», поставленная Мережковским в центр НРС, его не привлекала, поскольку он не верил в создание «новой Церкви», а главное, – не был убежден в верности понимания мережковцами того, что есть Церковь, и не принимал их «квартирных богослужений». Но во многом они были едины. Например, в неприятии существующей исторической церкви, которую считали мифом. Наконец, оба философа были уверены в том, что «приход новой религиозной эпохи знаменует объединение всех христианских церквей в одну Вселенскую» [2, с. 233]. Правда, теократия для Мережковского есть прямое правление Христа, для Бердяева же «царство всеобщего священства». К слову сказать, русская интеллигенция в полной мере не осознавала всей важности религиозных проблем. Религия интересовала ее «постольку, поскольку она связывалась с политикой или же с проповедью атеизма» [5, с. 67]. Российское общество, игнорирующее религиозные вопросы, обрекало себя на гибель.

Необходимость религии была осознана деятелями НРС. Мережковский, например, придавал религии огромное значение, усматривая ее связь с культурой. Это не случайно, поскольку начало XX века ознаменовалось мощным культурным всплеском в жизни России. Для представителей символизма культура вообще стала сакральна. Впоследствии она должна «соединиться с религией и занять свое место в Церкви, а потом и вовсе стать самой религией. Взаимосвязь культуры и религии должна быть отражена в сознании людей – только так «религия Троицы» Мережковского явится России.

Вопросы, связанные с необходимостью религии, стали сокровенными и для Бердяева. Он подчеркивает взаимосвязь религии и творчества. Признание божественной сущности творческого акта приводит философа к мысли о возможности культуры и религии заменять друг друга. Вообще в религии он видит неисчерпаемую силу,

способную в корне поменять социальную жизнь, сделать ее религиозной. Немаловажно замечание Бердяева о взаимоотношениях религии и философии. Он считает, что «философия, став служанкой религии» [3, с. 14], так и не стала носителем религиозной жизни. Именно поэтому философское знание, не подкрепленное религиозностью, становится опустошенным. Вот почему Н.А. Бердяев всегда отдавал предпочтение «философии церковной», в которой сохраняется проблема мирового смысла» [2, с. XVII].

Одной из главных черт НРС явилась проблема «плоти и духа», с вытекающим из нее вопросом «святой плоти». Ее разработка осуществлялась в ходе религиозно-философских собраний 1901–1903 годов. Аспект чувственной любви, ставший приоритетным у В.В. Розанова, явился важным для Мережковского в контексте «святости» пола, его преображения во Христе». Розановская чувственность для Мережковского лишь знамение «духовной любви». Он критикует Розанова за пренебрежительное отношение к личности, которую тот считает «функцией пола». Мережковский же считает ее сущностью. Пол интересует его только в контексте социальной проблематики, а именно в доминировании мужского над женским. В докладах философа («Гоголь и о. Матфей», «Н.В. Гоголь и православие») плоть была представлена как совокупность культурных ценностей, сакрализация которых обусловила неуклонное им следование. Поэтому плотское начало автономно для Мережковского. Объединение «духа» и «плоти» он видит в «тайне «Рождества», «тайне Воплощения» тайне «Воскресения Плоти», данных Христом. Дух и Плоть в «догмате о Богочеловеке» равны. Христианство не последовало этому догмату, обусловив противостояние плотского начала – аскетическому христианству. Но у Мережковского в «Смерти богов (Юлиан Отступник») «…изображения языческих богов …считались изображением христианских святых» [8, с. 27] .

Вопрос о соотношении Духа и Плоти интересовал и Бердяева. В проблеме «освящения плоти» его интересовал аспект, связанный с религиозной значимостью пола. Человечество часто стыдилось пола, но между тем это «вопрос вечный», стоящий на одном уровне с категориями жизни и смерти. Это показывает, что Бердяев считает категорию пола более значимой, нежели Мережковский. Пол был ошибочно связан с «греховностью плоти», хотя сама плоть имеет метафизическую основу, как и дух. Бердяев полагает, что в церкви слишком много «плоти». Здесь он вновь противоречит Мережковскому, для которого церковь лишь «дух». Единство «плоти» и «духа» заключено для Бердяева в преобразующей творческой деятельности человека. Эта деятельность напрямую связана с плотью, которая есть мировое тело, требующее «воскресения».

Проблема единства «плоти и духа» интересует современного исследователя И.В. Воронцову. Ее рассуждения о «претворении человечества в Богочеловечество» [6, с. 51] неоднозначны, поскольку непонятно, смогут ли когда-нибудь «плоть» и «дух», будучи долгое время непримиримыми врагами, соединиться.

Таким образом, обвинения, адресованные Бердяеву другими представителями НРС о невнимании к «плоти», неправомерны, так как он рассматривал этот вопрос с другой точки зрения, а именно – творческой деятельности человека. Творческая деятельность, любимая Н.А. Бердяевым, нашла свое отражение в «антроподицее» (идее оправдания человека) – одной из существенных черт «нового религиозного сознания».

Н.А. Бердяев считает, что Бог – Иисус Христос заложен в человеке. В этой связи не случайно наделение человека божественной сущностью. Христос для философа есть человек «второго рождения в духе», совершенная личность, свободная от биологической сферы. И, если Христос, живущий в человеке, – «сын Божий», то и сам человек – «сын Божий». Творчество является требованием Бога от человека и обязанностью человека. Но для Бердяева Бог не является абсолютом и первопричиной всего. Здесь что-то выше, а именно бездна, в которой сосредоточен анархический идеал. Это и есть сотворение мира посредством свободы. В ней «…скрыта тайна мира. Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира» [4, с. 224].

Мережковский, напротив, не был слишком увлечен проблемой человеческого творчества. Его волновал исключительно Христос, загадка Святой Троицы – Отца, Сына и Святого Духа. Именно во Христе он увидел возможность воссоздания великой гармонии на Земле – единение религии Отца (дохристианские религии) и религии Сына (христианство). Так мыслитель знаменует создание Третьего Завета, наполнением которого становится «религия Святого Духа» («Тре-

тья ипостась божественной Троицы»). Даже в его художественном произведении из уст самодержца Павла I слышатся фразы: «Спи с Богом!…, С нами Бог!..., Господи…, Прости, Господи…» [9, с. 71–75]. В «Иисусе Неизвестном» он задумывается о подлинном лике Христа, через истинное восприятие Евангелия пытается прийти к Иисусу. Именно это может приблизить истинных христиан к «Церкви будущего века». Несмотря на все расхождения, Мережковского и Бердяева объединяла позиция признания изначального присутствия человека «во Христе».

Незыблемой чертой НРС была мистика, которая нашла свое отражение в философии Мережковского и Бердяева. Именно мистическое начало привело Мережковского к опыту декадентства и символизма. Русских декадентов он назвал «самозародившимися мистиками», отражением в искусстве того, что происходит в жизни. Они стали первым поколением людей, «взыскавшим тайны. Какой именно…? Божеской или дьявольской – это вопрос, который решается уже по выходе из декадентского подполья … в новое религиозное сознание» [10, с. 77–79]. Символизм, по мнению Мережковского, обречен быть внесенным в церковь и освященным ею. Культура через движение к мистической цели может стать религией, поскольку мистическое начало в ней очень сильно.

Н.А. Бердяев же рассматривает мистику через философию свободы. В ее основе он видит два типа: «мистический» и «магический». Мистика пребывает в сфере свободы, в ней – «трансцедентный порыв из необходимости естества в свободу божественной жизни» [3, с. I–IV]. Требованием времени становится переход от скрытой мистики к выявленной. Именно универсальная мистика способна вернуть человечество к религии исповедания Бога. В то же время мистика, будучи таинственной, не несет спасения. Рассуждения о магии приводят его к заключению: «Магический путь – путь человекобожеский. Путь же мистический – путь богочеловеческий» [3, с. IV]. Магия, лежащая вне христианства, деструктивна. Здесь явно просматривается невозможность отречения от Бога, хотя Мережковский заключает, что никакой «белой» магии не существует. Любая магия демонична по сути своей, а сам маг обладает подлинной силой только в случае отречения от имени Божьего. В этой связи «новое религиозное сознание» не мыслится без гнозиса, призванного перейти от христианства «исторического» к «мистическому».

Итак, проанализировав черты НРС, отметим, что это социокультурное явление не могло быть односторонним. Представители русской интеллигенции, обладая обширными знаниями в области религии, все же были наивны в вопросах понимания ее сущности. Поэтому динамически развивающаяся проблематика НРС требовала обязательного участия духовенства в ее обсуждении, поскольку и представители интеллигенции, и представители от Церкви хотели придать обществу новый религиозный импульс. Долгожданная встреча двух сторон стала возможной в рамках возникших религиозно-философских собраний, прежде всего, Петербурга и Москвы. Они дали огромный теоретический и фактический материал, который отображен в докладах, протоколах заседаний, в прениях видных деятелей культуры, «проповедников религиозно-философской мысли в начале XX века» [7, с. 3].

Библиографический список

1. *Бачинин В.А.* Религиоведение. – СПб.: Изд-во В.А. Михайлова, 2005. – С. 219–220.

2. *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. – СПб.: Издание М.В. Пирожкова, 1907. – С. 1–233.

3. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. – М.: Путь, 1911. – С. 2–278.

4. *Бердяев Н.А.* Самопознание. – М.: Книга, 1991. – С. 5–445.

5. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. – М.: Грифон, 2007. – С. 57–109.

6. *Воронцова И.В.* Русская религиозно-философская мысль в начале XX века. – М.: ПСТГУ, 2008. – С. 5–420.

7. *Ермичев А.А.* Религиозно-философское общество в Петербурге (1907–1917). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – С. 3–333.

8. *Мережковский Д.С.* Смерть богов (Юлиан Отступник) // Христос и Антихрист. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – С. 27–308.

9. *Мережковский Д.С.* Павел Первый // Царство зверя. Т. 3. –М.: Правда, 1990. – С. 7–91.

10. *Мережковский Д.С.* Не мир, но меч. – СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1908. – С. 3–208.

11. *Семенкин Н.С.* Философия Богоискательства. – М.: Изд-во политической литературы, 1986. – С. 3–172.

УДК 374.7

Янковская Оксана Вячеславовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

ВОПЛОЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В АВТОРСКОЙ ПЕСНЕ

В данной статье автор пытается осмыслить идейные корни авторской песни – общественно-культурного феномена советской действительности 50–70-х гг. XX века. Национальный стиль «борьбы» за справедливость, обличение зла является тем духовным исканием, которое объединяет авторскую пеню и юродство как культурно-исторический тип.

Ключевые слова: *авторская песня, юродство, обличительство, бард.*

Авторская песня – общественно-культурный феномен советской действительности 50–70-х гг. XX века, который продолжает традиции русской национальной культуры. Факты бытования авторской песни (охват многомиллионной молодёжной аудитории в эти годы, например) свидетельствуют о глубоких генетических корнях. Эти корни, на наш взгляд, нужно искать в традициях особой русской духовности, связанных с русским стилем жизни, отличающимся от западного.

Если попробовать определить общее, что могло бы связать, объединить авторскую песню с неким явлением или идеей из далёкого прошлого, вырисовывается специфический национальный стиль «борьбы» за справедливость, обличение зла. Бард Юлий Ким пишет: « В 50-е годы на фоне надоевшей уже тотальной лжи, в которой жило наше общество, естественно возникла мощная потребность в правде. Эта потребность в какой-то очень значительной степени была удовлетворена XX съездом партии и всем, что с ним было связано: не только разоблачением культа личности, но и некоторой свободой, которую получили все виды творчества и песенного – в том числе» [1].

Обратимся к юродству как жизненной идее, которая господствовала уже в Древней Руси. Юродство – уникальная духовная направленность в обществе, особый культурно-исторический типаж. Факт, что православная церковь чествует 28 юродивых, первым из которых был Исаакий Печерский, говорит о том, что идея продолжает жить в русском обществе.

В чём заключаются предпосылки объединения столь отдалённых во времени и несовместимых, на первый взгляд, явлений: юродства и авторской песни? Их объединяет идея, свойственная русскому обществу, – обличительство. Действительно, активная сторона юродства заключается в обязанности «ругаться миру», обличая грехи сильных мира («ты не князь, а грязь»), не обращая внимания на общественные приличия. Презрение к общественным приличиям, пишет А.М. Панченко [2, с. 87], составляет нечто вроде привилегии и непременного условия юродства, причём юродивый не считается с условиями места и времени, «ругаясь миру» даже в божьем храме во время службы.

Различают как бы две стороны юродства: пассивная и активная. Пассивная его сторона, «самопроизвольное мученичество», обращена на себя. Это аскетическое самоуничижение, мнимое безумие, оскорбление и умерщвление плоти. Активная часть юродства – это, как мы уже говорили, обличительство. Две стороны юродства, активная и пассивная, как бы уравновешивают и обусловливают одна другую: добровольное подвижничество даёт юродивому право «ругаться горделивому и суетному миру». Но как только обличения «Христа ради юродивого» затрагивали интересы сильных людей или, что ещё хуже, «устои», положение юродивого становилось двусмысленным: теперь только от богобоязненности власть придержащих зависела его свобода и даже жизнь. Часто пускалась в ход уловка: обличитель объявлялся мнимоюродивым, лжепрорицателем, и его жизнь находилась в опасности. В.О. Ключевский на этот счёт имеет следующее мнение: «Духовная нищета в лице юродивого являлась ходячей мирской совестью, «лицевым» в живом образе обличением людских страстей и пороков, и пользовалась в обществе большими правами, полной свободой слова: сильные мира сего, вельможи и цари, сам Грозный терпеливо выслушивали смелые, насмешливые или бранчливые речи блаженного уличного бродяги, не смея дотронуться до него пальцем» [3]. Тем не менее, как отмечает А.М. Панченко, многих юродивых лишали жизни. Исследователь их под-

© Янковская О.В., 2010

вижничества указывает на юродивых Фёдора и Киприяна, последователей Аввакума, которых казнили. (1670 г, 1675г.)

Размышляя о природе этого уникального явления, А.М. Панченко предполагает, что юродство – одна из форм проявления интеллигентного и интеллектуального критицизма, поскольку тяготы подвига более или менее обеспечивали свободу высказывания. Исследователь объединяет по принципу типологических параллелей юродство – старинную традицию античного кинизма и, может быть, мусульманских дервишей.

Жизнь юродивого, как и жизнь киника, – это сознательное отрицание красоты, опровержение общепринятого идеала прекрасного, своего рода инверсия эстетических смыслов (прекрасного-безобразного). Это – возвращение к раннехристианским идеалам, согласно которым плотская красота – от дьявола. Несмотря на различия, оба феномена, на наш взгляд, близки в философском осмыслении жизни. Действительно, и киник, и юродивый стремятся достичь духовной свободы, их цель – благо, а благо не может зависеть от плотской красоты. Действительно, противоречивость образа юродивого выражается в обличении греха и в то же время – в опровержении общепринятого идеала прекрасного.

Тяготы юродства, его «безобразие» – это одновременно и плата за позволение обличать. В этом отношении юродивые могут быть сопоставлены с институтом шутов. Однако, шут лечит пороки смехом, юродивый провоцирует к смеху аудиторию, перед которой разыгрывает свой спектакль. Панченко обозначает тип общения юродивого с аудиторией как «спектакль одного актёра» [2, с. 89]. Но не смеяться надо зрителям, а плакать, рыдать – вот эффект, к которому стремится юродивый.

Если вспомнить песни Высоцкого, то многие исследователи склоняются к мысли, что он играл свои песни как актёр. Его песни отличались обличительным правдивым тоном, сатиричностью и даже жёсткостью: «Он был непримиримым противником какого бы то ни было застоя: социального, духовного, нравственного, творческого… Он высвечивал тёмные стороны человеческого бытия, заставляя увидеть в своих отрицательных персонажах «сильных мира сего» [4].

Отметим необычную черту в обличительстве юродивых. Панченко приводит некоторые эпизоды из жизни юродивого Саввы: этот человек умудрялся совмещать «крайнее молчание» и обличительство; он пользовался «языком жестов». Эта специфическая черта подчёркивает театральность юродства – качество, чрезвычайно важное при рассмотрении его в культурно-историческом контексте.

Момент лицедейства в подвиге юродства отразил протопоп Аввакум, когда рассказывает о споре со вселенскими патриархами на заседании церковного собора 17 июня 1667 г. Выражая презрение к церковному собору, Аввакум в то же время даёт понять, что праведность достигается не через «внешнюю мудрость», что совершенное богосознание может быть присуще «простецам» – в том числе и юродивым [2, с. 90–91].

Черты обличения общественных устоев наиболее ярко отразил бард Александр Галич. Е.Евтушенко называет песни Галича «горькими, подчас ядовито саркастическими…» [1, с. 53]. Говоря о творчестве этого талантливого человека, необходимо остановиться на его трагичной судьбе. Одно из первых публичных выступлений Галича перед массовой аудиторией в Новосибирске с антисталинскими песнями привело к тому, что его исключили из Союза писателей. Все контакты Галича с издателями, с театрами, с киностудиями были разорваны; бард оказался в общественной изоляции и вынужден был эмигрировать на Запад. Галич противопоставил либеральным официальным позициям обличительную линию в творчестве.

Возвращаясь к идейным истокам явления, следует подчеркнуть, что многие юродивые были грамотными людьми. Например, книжным человеком был Серапион Синдронит, который побеждал в диспутах афинских философов. Андрей Цареградский любил читать и хорошо выучил чужой для него греческий язык. Был образованным Авраамий Смоленский, в монашестве инок Авраамий.

В нашем исследовании важно проследить логическую цепь, осознание которой необходимо для выявления национальных истоков интересующей нас проблемы. Основные звенья её таковы: юродство – пострижение – писательство. Таков путь юродивого Афанасия – инока Авраамия. Ставши монахом, Авраамий получил возможность сочинять. Последние годы его жизни заполнены неустанным литературным трудом. Обширность его наследия поразительна. Авраамий творил главным образом в прозе, но его ин-

тересовала и поэзия. Итак, Авраамий принадлежал к типу не только душевно здоровых, но и интеллигентных юродивых.

Связь юродства как идеи с обличительным пафосом русской литературы XIX века обнаружил А.М. Панченко в своих исследованиях. В своей последней статье «Русский поэт, или Мирская святость как религиозно-культурная проблема» учёный подводит итог: «Итак, от царей нация отвернулась, святых меньше приобрела, чем потеряла. Остались поэты. И нация выбрала Пушкина» [5].

Таким образом, национальный стиль «борьбы» за правду, обличение несправедливости, зла характерны и для юродивых, и для русской литературы XIX, и для советской авторской песни XX века.

Библиографический список

1. Нет хода нам назад. 33 московских барда: Сборник / Сост. Р.А. Шипов. – М.: Прейскурантиздат, 1991. – С. 5.

2. Инок Авраамий, он же юродивый Афанасий // Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. – Л.: Наука, 1973.

3. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. III: Курс русской истории. Ч. 3. – М., 1957. – С. 19.

4. *Макарова Б.А.* Литература. Высоцкий в школе: Материалы к урокам и внеклассной работе. 5–11 классы. – М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. – С. 46–47.

5. *Панченко А.М.* Я эмигрировал в Древнюю Русь. Россия: история и культура. Работы разных лет. – СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда», 2008. – С. 3.

ИСТОРИЯ

УДК 947

Барунов Вадим Юрьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Barunov_@mai.ru

ПОСТАНОВКА УЧЕТА ОТВЕТСТВЕННЫХ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ УЕЗДНО-ГУБЕРНСКОГО МАСШТАБА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД НЭПА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В статье, на основе широкого круга источников, статистического материала и исследовательской литературы, анализируются слабоизученные проблемы создание системы учета ответственных советско-партийных работников в начальный период нэпа. Доказывается, что эта система была бюрократически основательной.

Ключевые слова: *выдвиженцы, рабоче-крестьянская интеллигенция, новая экономическая политика, учет ответственных работников, учраспред ЦК, учетно-распределительные отделы губкомов.*

О том, что необходима правильная постановка учета советско-партийных работников, большевистское руководство заговорило еще в конце Гражданской войны. Однако радикально ситуация в системе учета изменилась с переходом к нэпу. Новая экономическая политика и общественный порядок, порождению которого она способствовала, оказали большое влияние на все стороны социально-экономической жизни страны, и не в последнюю очередь на практику выдвиженчества во все учреждения, в том числе и в советско-партийные органы власти и учета выдвиженцев. Правящая партия большевиков со всей осторожностью подходила к сложившейся ситуации, когда в экономике были разрешены и стали набирать силу капиталистические элементы, а рабочий класс, на который РКП(б) делала основной упор, активно деклассировался. Многие партийцы не воспринимали таких лозунгов, как «Научитесь торговать», «Передышка», «Отступление». По свидетельству меньшевика Н. Валентинова, некоторые высокопоставленные большевики легче могли отрезать себе губы, чем произнести подобные фразы. В альтернативном проекте партийной программы «левая оппозиция» рассматривала как катастрофу, когда в РКП(б) самой многочисленной социальной прослойкой стали служащие[1].

И чтобы не потерять политического контроля, большевики еще больше внимания уделили подбору и расстановке кадров. X съезд РКП(б) обязал ЦК и его Оргбюро тщательно следить за выдвигающимися работниками и систематически и неуклонно втягивать их в ответственную работу в центре и на местах[2]. Особое внимание уделялось учету и выдвижению членов большевистской партии. От местных партийных организаций требовали правильного и целесообразного их использования, для чего предполагалось введение строгого учета.

Оргбюро ЦК в инструкции, направленной в Костромской губком (думается, что такая инструкция была направлена и в другие губкомы), достаточно откровенно оценило положение дел, сложившееся в партийно-советских учреждениях. В ней говорилось, что нэповское окружение объективно способствует разложению и отрыву от партии и требует от работника большой моральной устойчивости и тесной связи с партией. В связи с этим Оргбюро ЦК постановляло назначение и перемещение ответственных работников производить с утверждения ЦК, а на местах – соответствующих партийных комитетов. Предполагалось установить твердый перечень должностей, которые независимо от того, кем и по каким причинам данное лицо выдвигается, должны всегда обязательно утверждаться ЦК, а также перечень должностей, назначение которых производится после предварительного уведомления учраспреда ЦК.

Персональный учет ответственных работников учреждения осуществлялся по личным делам и карточной системе. Карточная система состояла из должностной карточки и архивно-алфавитной карточки. В 1922 г. были разработаны даже условные цвета «хвостиков» этих карточек. Что они собой представляли – видно из таблицы 1.

Полное личное дело работника включало: личный листок, к которому прилагалась развернутая

 © Барунов В.Ю., 2010

Таблица 1

Цвет	Его значение
розовый	выдвижение
желтый	степень подготовки не совсем выявлена
темно-шоколадный	негоден к выдвижению
зеленый	выдвиженец местного масштаба
лиловый	выдвиженец уездного масштаба
синий	выдвиженец всероссийского или областного масштаба

РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, д. 31, л. 41.

инструкция по его написанию, анкета, с обязательными для всех учреждений основными данными, автобиографией, характеристикой, оценкой работы, формами №6 и №12 и др. документами, являющимися материалом для изучения работника и касающимися изменений в его личном и служебном положении[3].

Учетные аппараты центральных учреждений заводили и хранили у себя личные дела ответственных работников центрального аппарата и тех местных учреждений, которые брались ими по номенклатуре на учет. В 1922 г. был разработан новый табель донесений, посылаемый учетными подотделами губкомов в учраспред ЦК и предполагающий упрощение форм отчетности[4]. Что представляло собой такого рода упрощение, показывает сноска. Но эти упрощения не затрагивали форм и сведений, посылаемых по табели донесений в статотдел ЦК[5].

Губернские партийно-советские органы принялись за выполнение решений центра. Правда, в организации и проведении губкомами работы по выдвижению и учету выдвиженцев часто имел место административно-командный подход, а именно: дача директив, вынесение постановлений, резолюций, издание циркуляров и т.д. Особенно это было характерно для начального периода нэпа. Так, Ярославский губком разослал всем уездкомам резолюцию, в которой констатировал наличие очень тонкого и износившегося слоя ответственных работников губернии, необходимость исполнения решений X съезда партии по партийному строительству и предлагал: во-первых, следить, чтобы при выдвижении передовые члены партии поднимались с работы менее ответственной на более ответственную, во-вторых, не реже одного раза в неделю присылать списки годных к выдвижению, в-третьих, персонально по каждому выдвиженцу предоставлять рекомендации местной партийной ячейки и общегородского партийного собрания, в-четвертых, укомам предлагалось подбирать беспартийных товарищей, могущих занимать и вести ответственную советскую и профсоюзную работу. Губком при проведении указанных выше мероприятий требовал внимательного и осторожного подхода к рабочим и трудовым крестьянам и однозначно отрицательного отношения к «прослоечным элементам» и тем, кто ранее принадлежал к оппозиции (эсерам, меньшевикам и т.д.). При этом ячейки и укомы несли круговую ответственность за рекомендованных[6]. Эта инструкция в полной мере отражает характерную противоречивость в практике учета выдвиженцев в начальный период нэпа. С одной стороны, получив директивы о выдвижении, местные руководящие партийные органы относились к ним, по большей части, как к очередной ударной кампании. И практическим выводом из этого являлась разверстка выдвиженцев по ячейкам. Причем такие разверстки сопровождались припиской относительно срочности, а в резолюции Ярославского губкома еще и относительно круговой ответственности. С другой стороны, прослеживается тенденция поставить работу по выдвижению и учету на более организованную и планомерную основу. И первыми органами, начавшими это делать, явились учетно-распределительные отделы губкомов, которые были созданы еще во время Гражданской войны. После X съезда их реорганизовали в учетно-статистические подотделы организационных отделов. ЦК в специальном постановлении так определил их цели и задачи:

1. Учет определенных категорий ответственных работников.
2. Регистрация штрафных.
3. Регистрация исключенных и выбывших в губернии и во всей партии.
4. Учет кандидатов к перемещению из губернии и внутри губернии.
5. Учет выдвигаемых новых работников.
6. Учет подлежащих переводу к станку и плугу.

7. Учет спроса на работников.

8. Выдача всех мандатов и командировок, выдаваемых Губкомом, и регистрация командированных в Губком.

9. Статистическая разработка данных о членах РКП и кандидатах (основная и текущая).

10. Статистический учет партработы в губернии.

11. Подготовка материалов к составлению проектов, разверсток, массовых мобилизаций по постановлению ЦК и Губкома и к плановой переброске работников.

12. Организация архива на учтенных и регистрируемых работников (личные дела).

13. Наблюдение за постановкой дела учета и статистики в нижележащих парторганизациях[7].

В постановлении Иваново-Вознесенского губкома от 12 декабря 1921 г. эти задачи конкретизировались применительно уже к губернским условиям: «Задача учетных подотделов губернии, – говорилось в постановлении, – провести подготовительную работу для составления развернутого распределительного плана, или губернского бюджета на работников. Они должны изучить состав губкомов, губисполкомов, губпрофсоветов и т.д. Одна из важнейших задач учетных подотделов – изучение состава выборных органов, начиная с бюро ячеек, и кончая Пленумами укомов»[8].

Назначением и распределением работников занимались бюро или секретари губкомов и укомов с обязательным использованием данных учета. Однако в начале восстановительного периода, как считает Г.П. Андреюк, не было отдельного учета выдвиженцев из рабочих и крестьян. Они не отделялись от учета лиц умственного труда, перемещавшихся из одной отрасли в другую, с менее ответственной должности на более ответственную[9].

Однако есть документы, указывающие на обратное. Из циркуляра ЦК в Иваново-Вознесенский губком мы узнаем, что «опыт заданий по исполнению постановлений Пленума от 12 мая 1921 г. по учету состава организаций, выдвижения, передвижения и переброски членов, по учету ответственных работников, а также по статистической разработке данных вызвал необходимость введения многих форм и таблиц»[10]. Это содействовало поднятию делопроизводства. Для наиболее полного и точного учета центральными и местными органами были разработаны специальные карточки кандидата к выдвижению[11], учетно-аттестационные карточки выдвигаемых для работы в уездном масштабе, карточки выдвигаемых к станку и выдвигаемых на ответственные должности, анкеты для ответственных политико-просветительных работников[12] и т.п. Причем губкомы требовали от укомов не только статистических данных о том или ином работнике, но и сведений о его квалификации. Так, организационно-инструкторский отдел Ярославского губкома предлагал укомам и райкомам подразделить всех членов партии по опыту практической работы на четыре группы с обязательным предоставлением сведений о социальном положении[13]. Костромской губком не ограничился простой инструкцией и потребовал от укомов создания специальных Комиссий на предмет учета подготовки членов организации как с политической, так и с практической стороны, а также предоставления полных сведений о том, в какой отрасли советского строительства, какую должность необходимо заполнить. Причем эти сведения должны были поставляться регулярно в конце месяца[14]. И такие отчеты по выдвижению укомы и райкомы неукоснительно посылали в губком, а те, в свою очередь, переправляли в ЦК. Анализ этих отчетов позволяет сделать вывод, что процесс выдвижения на местах шел не всегда гладко из-за малочисленности волостных ячеек и «перегруженности работы коммунистов в связи с выполнением государственных заданий»[15]. Не выполняли плана по выдвижению также исключительно крестьянские уезды, такие как Любимский Ярославской губернии, Галичский Костромской губернии и т.п.

Со временем учёт выдвиженцев в системе всех ответственных работников еще более специализируется и усложняется. В декабре 1922 г. Секретариат ЦК провел совещание секретарей и завотделами губкомов и областных комитетов партии, приехавших в Москву на X Всероссийский съезд Советов. Совещание поддержало и утвердило положение о том, что ЦК учитывает и распределяет партийных работников всероссийского, областного и губернского масштаба и что все более или менее крупные назначения производятся Оргбюро и Секретариатом ЦК. Только с апреля 1922 г. по март 1923 г. учетно-распределительный отдел ЦК провел 4750 назначений на ответственные посты[16].

К учету и распределению ответственных уездных работников учраспред ЦК после декабрьского совещания 1922 г. должен был иметь непос-

редственное отношение постольку, поскольку речь шла о широких плановых перебросках, о контроле над использованием их губкомами или о выдвижении уездных работников на более ответственную работу. В задачу учраспредов входил также сбор характеристик, отзывов и т.п. об ответственных партийных работниках в том или ином учреждении или партийном комитете. Совокупность этих материалов дала возможность учраспреду иметь на каждого коммуниста исчерпывающее досье, что исключало возможность случайного назначения[17].

На XII съезде РКП(б) Сталин говорил: «…Ясно, что руководящая роль партии должна выразиться не только в том, чтобы давать директивы, но и в том, чтобы на известные посты ставились люди, способные понять наши директивы, способные провести их честно»[18]. По сути, Сталин намекал на необходимость расстановки на местах креатур, что в дальнейшем облегчит ему возможность захвата власти. Резолюция съезда мотивировала расширение полномочий учраспреда тем, что ему «надлежит теперь сыграть в порядке правильного распределения сил особо большую роль для обеспечения за партией действительного руководства во всех без исключения областях управления»[19]. Все ответственные работники, начиная с конца 1922 г., стали разбиваться на группы специализации по сетке, разработанной ЦК РКП(б). Прикрепление проходило на общем собрании организации. Данные на ответственного работника заносились в анкету, где давалось и заключение по его работе[20]. Так, Костромской губком рекомендовал всем укомам во исполнение постановления XII партийного съезда по учету выдвигаемых работников четко определять, на какую работу больше подходит товарищ: партийную, советскую, хозяйственную, землеустроительную, профессиональную, для работы в деревне или по специальности.

Учитывалась и такая категория потенциально ответственных работников, как «подпольники», т.е. те, кто в Гражданскую войну находился на подпольном положении. Правда, это нужно было документально доказать, т.к. это давало определенные льготы, в том числе при назначении на руководящие должности, прежде всего советско-партийные. Из числа таких «подпольников» в Костромской губернии было 5 работников губернского масштаба, 12 работников уездного масштаба, 1 работник волостного масштаба и 11 рядовых работников[21]. В Ярославской губернии таковых было: 8 – губернского масштаба, 24 – уездного, 12 – волостного и 21 рядовой работник[22].

В 1924 г. происходит переход от неплановой практики выдвиженчества к плановой. Это отразилось и на политике учета ответственных работников. 21 января 1924 г. учетно-распределительный отдел ЦК направил в Ярославский губком секретную инструкцию «Положение о постановке учета ответственных работников в Наркоматах и центральных учреждениях», в которой провозглашалось, что центральные партийные, советские, хозяйственные, кооперативные и профессиональные учреждения и их органы обязаны были вести: персональный учет ответственных работников; учет подлежащих к выдвижению, переходу на работу в другие учреждения и негодных работников; учет специалистов-студентов; количественный учет всех работников; учет потребностей партийно-советских органов и ведомств в ответственных работниках и т.п.

Целью этого учета провозглашался контроль ответственных работников и их изучение с деловой стороны, выявление квалификации и специальности каждого из них в той или иной отрасли работы и накопление необходимых учетных материалов для правильного распределения, рационального использования, своевременного выдвижения и т.д.[23]

Однако, несмотря на такую активную работу, развернувшуюся в Центре по учету ответственных работников, на местах она осуществлялась не столь активно. Так, оргаспред ЦК в 1923 г. обращался в учетный подотдел Ярославского губкома с третьим за короткий срок посланным письмом, на которое ярославские партийные работники не спешили отвечать. В нем говорилось, что отсутствие конкретных данных по вопросу о выдвижении не дает возможности в полной мере изучать выдвижение партийных рабочих и крестьян[24].

Из доклада о постановке учетной работы в Рыбинском укоме 4 июля 1924 г. мы узнаем, что учет ответственных работников там был неудовлетворительный. Он велся, как сообщалось в докладе, по каким-то своим соображениям. На каждого работника составлялось сразу два личных дела, зато в делах недоставало личных листков, автобиографий и т.п. Форма №6 велась неаккуратно, в некоторых делах совсем не было отметок с места работы, благодаря чему невозможно было проследить движение товарища по службе[25]. «Ма-

териалы, которые мы получаем, – сообщалось в письме из ЦК в Иваново-Вознесенский губком, – показывают, что до сих пор большинство учетных подотделов не приступили к изучению выдвигаемых работников»[26].

Однако ЦК не пускал эту работу на самотек. Регулярно проводились стихийные проверки советско-партийных организаций, причем не только губернского масштаба, но горкомов, райкомов, укомов и т.п. Проверка местных организаций, о которой докладывал в апреле 1925 г. Е. Ярославский, показала удручающее состояние деревенских ячеек. Повсеместное пьянство, карты, драки, подлоги[27] и т.д. В Сибири, по словам Е. Ярославского, работники райкомов не знали ни точного числа ячеек, ни количества коммунистов, причем члены деревенских ячеек «не всегда считали себя обязанными перед партией отчитываться»[28]. И такое состояние дел, констатировал Е. Ярославский, было повсеместно, в том числе и в изучаемом регионе. На это указывают соответствующие документы. Так, проведенная в 1923 г. проверка Костромской партийной организации показала, что многие укомы ограничивались учетом лишь по спискам. Личные дела находились в беспорядке, необходимых документов они не содержали. Работники к группам прикреплялись неправильно. Это положение заставило ЦК обратить исключительное внимание Костромского губкома на учет ответственных работников. В свою очередь Костромской губком организовал соответствующую повторную проверку Костромских укомов с целью выяснения, как они отреагировали на замечания ЦК. «Каждой организации, – требовал Костромской губком, – нужно знать, каким направлением должно идти распределение ее сил, сколько работников она должна дать на партийную, советскую, финансовую, кооперативную и т.д. Эти потребности она должна сопоставить с тем, как ее силы сейчас распределены на данных участках работы. Необходимо наметить приоритеты, из каких органов можно взять, какие органы можно слить, иначе говоря, организация должна иметь бюджет на работников и знать, к чему сводятся ее потребности»[29]. Аналогичные проверки были осуществлены в Ярославской и Иваново-Вознесенской губерниях[30].

Таким образом, постановка учета ответственных партийно-советских работников в начальный период НЭПа не отделялась от аналогичной постановки учета ответственных работников других специальностей. Однако сам учет с введением новой экономической политики по сравнению с периодом Гражданской войны значительно усложняется и конкретизируется. Огромный набор документов (различных форм, характеристик, листков учета и т.п.) составляет личное дело ответственного работника любого уровня. И это притом что до 1924 г. политика выдвижения и учета выдвиженцев происходила практически полустихийно. Когда же началась плановая деятельность большевистского руководства по выдвижению и учету выдвиженцев, то система делопроизводства еще более усложнилась. Правда, большое количество различных резолюций, постановлений, решений, спускаемых сверху на места, не улучшали качество работы местных советско-партийных органов. Как в волостях и уездах, так и во всех губерниях изучаемого нами региона возникали постоянные проблемы, на что регулярно обращало внимание высшее советско-партийное руководство. И вплоть до 1925 г. ситуация не была изменена.

Примечания

[1] *Киселев А.Ф., Чураков Д.О.* Бюрократия и НЭП // Власть и общественные организации в России в первой трети XX в. – М., 1993. – С. 106.

[2] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. – М., 1983. – С. 329.

[3] ГАРФ, ф. 1565, оп. 8, д. 117, л. 12.

[4] Перечень документов, посылаемый губкомами в ЦК (ЦДНИ ГАЯО, ф. 1, оп. 27, д. 1021, л. 43.):

1. Сведения о перемещениях и назначениях, находящихся на полном учете ЦК ответственных работников (форма №12), а также сообщения о постановлениях ГубКК, выполняемых специальных заданиях, мобилизациях и т.п. этих же работников (форма 12а).

2. Личные дела ответственных работников, назначаемых на должности, учитываемые ЦК, если они ранее не были высланы в ЦК.

3. Копии 2-х месячных отчетов учетных подотделов, предоставляемые в учраспред ЦК.

4. Списки учитываемых ЦК ответственных работников и их резервов 1 раз в год по состоянию на 1 января (по полной форме № 31).

5. Списки учитываемых ЦК выборных организаций (форма № 31)

6. Суммарный отчет о коммунистическом студенчестве (форма №№ 31/1 и 32/2) и именные списки, личные листки и характеристики комстудентов последних курсов.

7. Отчет об израсходовании полученных из ЦК бланков партбилетов.

[5] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 243, л. 19.

[6] ЦДНИ ГАЯО, ф. 1, оп. 27, д. 433, л. 57.

[7] РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 563, л. 18.

[8] ГАЯО, ф.р. 829, оп. 1, д. 13, л. 82.

[9] *Андреюк Г.П.* – С. 14–16.

[10] ГАИО, ф. 2, оп. 5, д. 16, л. 34.

[11] ГАРФ, ф. 1565, оп. 10, д. 17, л. 1.

[12] РГАСПИ, ф. 17, оп. 34, д. 42, л. 23.

[13] ГАЯО, ф.р. 829, оп. 1, д. 41, л. 58.

[14] Там же, д. 45. л. 14.

[15] ЦДНИ ГАЯО, ф. 1, оп. 27, д. 745, л. 38 (об.).

[16] Известия ЦК РКП(б). – 1923. – №3. – С. 39–40.

[17] *Павлова И.В.* Сталинизм: становление механизма власти. – Новосибирск, 1993. – С. 70.

[18] Правда. – 1923. – 16 окт.

[19] *Павлова И.В.* Указ. соч. – С. 72.

[20] РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 167, л. 89.

[21] ЦДНИКО, ф. 713, оп. 1, д. 3, л. 5.

[22] ГАЯО, ф.р. 829, оп. 1, д. 65, л. 233.

[23] ГАРФ, ф. 1565, оп. 3, д. 424, л. 6.

[24] ЦДНИ ГАЯО, ф. 1, оп. 27, д. 812, л. 3.

[25] ГАЯО, ф.р. 829, оп. 1, д. 56, л. 67.

[26] ГАИО, ф. 2, оп. 7, д. 178, л. 16 (об).

[27] *Березкина О.С.* Партийные форумы переходного периода: соотношение формального и реального (1921–1927 гг.) // Социальная история. Ежегодник. – М., 2000. – С. 129.

[28] II Пленум ЦКК созыва XIV съезда ВКП(б). Стенографический отчет. – М., 1926. – С. 80–82.

[29] Красный мир. – 1923. – 23 марта.

[30] ЦДНИ ГАЯО, ф. 1, оп. 27, д. 285, л. 61; ГАИО, ф. 2, оп. 5, д. 89, л. 16.

УДК 94 (47+57) 1914/1918

Борщукова Елена Дмитриевна
кандидат исторических наук
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
skazochnik8@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ РОССИЙСКИХ ПОДДАННЫХ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Работа посвящена изучению феномена общественного сознания российских подданных в условиях начавшейся Первой мировой войны. Прослеживаются различные формы выражения патриотических чувств, в том числе и верноподданнические, особенности их проявления в разных социальных слоях общества.

Ключевые слова: *общественное сознание, патриотизм, верноподданнические чувства, пацифистское движение.*

Первая мировая война стала испытанием всей общественной и государственной системы Российской империи на прочность. Вступление России в войну вызвало в различных слоях общества взрыв патриотизма, который принял весьма разнообразные формы. Однако патриотический порыв продолжался недолго и по мере ухудшения положения на фронте пошел на спад. Меры, принимаемые правительством и общественными организациями для удержания патриотических настроений на высоком уровне, не дали результатов, хотя силы и средства были затрачены значительные.

Реакция российских подданных на начавшуюся войну до сих пор недостаточно изучена. В работах Е.С. Сенявской, Ю.И. Кирьянова, О.С. Поршневой, Б.И. Колоницкого и др. исследовались патриотические настроения, проблемы войны и российского общества. Всплеск патриотических чувств у населения Российской империи привел к патриотическим манифестациям и национальной мобилизации.

Спецификой российского патриотизма времен Первой мировой войны следовало бы, вероятно, считать выражение верноподданнических чувств представителями различных слоев российского общества. Верноподданнические чувства граждан выражались как в лояльности населения по отношению к государственной политике, так и в проявлении любви к своей стране, одним из главных символов, олицетворением которой были Государь император и его семья.

© Борщукова Е.Д., 2010

С началом войны российский патриотизм стал не менее ценной составляющей боевого потенциала страны, чем боевая техника, вооружение, боеприпасы и продовольствие. В связи с этим государственный подход к развитию патриотизма требовал стройной и целенаправленной системы практических действий.

Патриотические чувства охватили представителей всех слоев населения Петербурга. Так, служащие Санкт-Петербургского почтамта, не призванные в армию в силу особых условий их деятельности, через военного министра обратились с выражением верноподданнических чувств к Государю императору, заявив о своей полной готовности по первому призыву направиться на фронт, чтобы «стать на защиту Родины от нападения дерзкого врага» [1, с. 21–26].

Представители крестьянства, рабочих, составлявшие основу армии, в силу малограмотности смотрели на военные события более прямолинейно. В их сознании меньше было места для борьбы нравственных противоречий и определения своего места в разворачивавшихся событиях. Газеты того времени в один голос утверждали, что люди всех политических взглядов, разной партийной принадлежности выразили свою готовность грудью встать на защиту Родины от напавшего врага, доказав таким образом свою «государственность». Особо отмечалось, что на призывных участках Петербурга – толпы народа. «Молодежь вся рвется в армию», «настроение у всех приподнятое. Не видно ни одного пьяного ...одушевленные высоким чувством патриотизма, идут охотно», – писали современники о первых днях войны. «Русский народ не испытывал подобного патриотического подъема с 1812 года», – такой вывод сделал М.В. Родзянко, председатель Государственной Думы [6, с. 23].

Начало Первой мировой войны вызвало патриотический подъем в студенческой среде. 9 октября 1914 года в Петербурге часть студентов участвовала в промонархическом шествии. Осудив попытки академистов толкнуть учащуюся молодежь «на дорогу рабского патриотизма и угодничества», студенты-трудовики призвали своих товарищей к борьбе «за честь и достоинство Родины». Принимая решение защищать Россию, «левое студенчество» требовало от царского правительства амнистии политическим заключенным. Антисамодержавный патриотизм имел и такое выражение: «Я бы вступил в бельгийскую армию – защищать ее независимость, вступил бы во французскую армию – защищать свободу Франции, но в ряды русской армии вступать считаю невозможным, так как русская армия защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя и даже арестует... готовых сражаться за Родину» [3, с. 152]. Это заявление студента Каминского прозвучало 13 октября 1914 года на митинге в Петербургском политехникуме.

Между тем высшая школа стала почти основным источником пополнения таявшего в боях младшего командного состава офицерского корпуса. Российская империя начала воевать без необходимого командного резерва. Военное ведомство вынуждено было даже закрывать свои академии, направив в действующую армию всех их слушателей и преподавателей.

Положением Совета Министров от 30 сентября 1914 года отменились отсрочки от военной службы для студентов. Они мобилизовались в запасные полки, сообразно специальностям. Достойных направляли на краткосрочное обучение (4–8 месяцев) и затем определяли в войска унтер-офицерами, менее «достойных» – рядовыми.

С 1915 года поминальные списки погибших в боях и от ран регистрировались в годовых отчетах учебных заведений.

Бессмысленное растрачивание молодых интеллектуальных сил тревожило министерство народного просвещения, т.к. студенческие мобилизации шли одна за другой. Так, Петроградский политехникум 1915–1916 гг. направил в армию 1615 студентов; Институт инженеров путей сообщения в Петрограде в 1915 году – 400 человек; Московский коммерческий институт в 1916 году – 1800 человек.

Медицинские факультеты были переведены на сокращенную программу обучения, студенты и курсистки составляли немалую часть низшего и среднего персонала полевых, стационарных госпиталей и поездов для раненых воинов. В один из таких поездов попал студент-филолог К. Паустовский [5, с. 342]. Военные поражения, каждодневные вести об убитых и покалеченных, тяготы быта – все это умерило пыл учащейся молодежи.

Анализ документов, направлявшихся на имя Государя императора и его семьи в 1915 году, свидетельствует о том, что уже меняется не только тональность документов, но и их сущностный

характер. На смену здравицам в Дом Романовых стали чаще приходить письма и телеграммы, в которых осуществлялись частные и коллективные попытки высказать конструктивные предложения по улучшению ситуации на фронте и в тылу. Появились отдельные нотки жалоб на трудности и лишения военного времени. В 1916 году обращения к Государю императору стали носить еще более резкий характер. Заверения в верноподданнических чувствах носили лишь формальный, протокольный характер, являясь данью традиции и своеобразным проявлением формы обращения российских подданных к своему Государю. На этом фоне конструктивизм обращений к Государю стал более жестким, нередко гранича с требованиями, близкими к ультиматумам.

Так, в письме председателя Астраханской народной монархической партии Н. Тихановича-Савицкого от 20 марта 1916 года предлагалось распустить союзы и военно-промышленные комитеты, Думу, издать новые Основные законы [9, с. 88].

В письмах промонархического «Союза русского народа» и других промонархических организаций содержались требования разгона Государственной Думы, роспуска военно-промышленных комитетов и созыва съезда монархистов для обсуждения вопроса об изменении Основных законов и положения о Госсовете [9, с. 47]. Крайне важным и любопытным источником являются солдатские письма и дневники [2, с. 37–42]. Они дают ценные сведения не только о быте солдат в плену, но и об изменениях в духовном мире военнослужащих на завершающем этапе войны. Интересно, что автор писем ни разу не упоминает царскую семью, не пишет патетических фраз о любви к родине. Все содержание его записок проникнуто горечью и болью за положение российских солдат на чужбине, верой в скорейшее возвращение домой. Это не исключение, а характерная черта всего эпистолярного наследия военнослужащих и жителей тыла периода 1916 года. В письмах, телеграммах, дневниках уже нет восхваления царской семьи. Им на смену пришли апатия, безразличие, а подчас и озлобленность из-за неправильной деятельности военно-политического руководства страны. Как частные лица, так и общественные организации требовали от Государя императора решительных действий. Даже такая промонархическая организация, как «Союз русского народа», в телеграмме, направленной 5 декабря 1916 года в Ставку на имя Николая II, не заверяла его в своих верноподданнических чувствах, а требовала решительно бороться с парламентаризмом и попытками ограничения самодержавия [9, с. 89].

По-разному проявлялся патриотизм со стороны военнослужащих. В ряде случаев офицерство, находившееся на фронте, видело свой патриотический долг не столько в службе «царю и отечеству», сколько в выполнении своих профессиональных обязанностей. Боязнь запятнать честь мундира была страшнее смерти. Анализ неопубликованных материалов о драматических событиях Первой мировой войны позволяет ученым утверждать, что общая атмосфера, царившая среди российских военнослужащих в тот момент, представляла собой обстановку всеобщей подавленности. Эта подавленность была вызвана массовым отступлением наших войск. Но на ее фоне не было паники, войска не были деморализованы. Не произнося высоких слов, не думая о своих патриотических чувствах, офицеры не представляли себе иных действий, кроме противоборства врагу. В то же время офицеры, находившиеся в штабах, относились к событиям иначе. Как известно, Петроградский военный округ во время войны считался находящимся на театре военных действий. По этой причине чины его управлений, равно как и располагавшиеся в том же здании (Дворцовая пл., 4) управления армий, получали боевые награды. Этому очень завидовали офицеры Главного штаба, находившегося в соседнем доме, доказывавшие вполне серьезно, что они находятся к противнику ближе на целых 200 метров... [7, с. 84]

Свою специфику имел и патриотизм высшего командного состава. Так, отставной генерал от инфантерии А.Ф. Редигер, бывший в 1905–1909 годах военным министром России, писал в своих мемуарах о том, что во время войны долгое время с тестем и тещей играл в бридж. Он гордился тем, что весь выигрыш от карточной игры за время войны (более 300 рублей) он передал раненым. Он указывал: 252 рубля – в лазарет в Таврическом саду, 17 рублей – в лазарет Государственного Совета, а последние 36 рублей отосланы пленному Семену Панину... [8, с. 375]

Решение вопроса, связанного с утверждением патриотизма в России в начальный период войны, было осложнено тем, что Российская империя была самым многонациональным государством в мире. Принадлежность к той или

иной нации очень часто означала и принадлежность к той или иной конфессии. Это положение дел не позволяло использовать какой-либо «усредненный» вариант выражения патриотических чувств гражданами. Превалирующим началом было проживание всех на едином географическом пространстве, в рамках общего государства, однако национальные и религиозные противоречия существенно осложняли этот процесс.

Самодержавная власть с первых дней войны стремилась воспользоваться патриотическим подъемом российских подданных в целях упрочения своего положения. Государь император, высшие государственные чиновники надеялись с помощью военно-патриотического почина «залатать» многочисленные внутриполитические «прорехи». Одной из наиболее заметных из них был так называемый «польский вопрос». Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко уже с первых дней ведения боевых действий заявлял: «Смотрите, – можем мы сказать [врагу], – вы думали, что нас разъединяет вражда, а между тем все народности, населяющие необъятную Русь, слились в одну братскую семью, когда общему отечеству грозит беда» [8, с. 376[.

Патриотические настроения, которые выражали представители дома Романовых, в основном поддерживала и интеллигенция. Отметим, что и она по своему составу была неоднородна. Ее настроения в начальный период убедительно показал Л.В. Успенский [11, с. 206–207]. Он отмечал: «...Мои собственные политические взгляды были довольно невнятными. Единственное, что их тогда определяло, – с молоком матери впитанное, не рассуждающее патриотическое обожание России, Родины... Дальше я не шел. В семнадцатом году я еще свято верил в Справедливость идущей войны. Я мечтал через год оказаться сначала юнкером, потом – офицером. Я верил в святость союзнических взаимных обязательств. Я читал “Тень птицы” И.Бунина и грезил о том, что Босфор, Царь-град, Айя-София станут “нашими”... “Великодержавные” наклонности эти из меня так и перли, хотя были они не столько политическими, сколько “поэтическими”». Подобных взглядов придерживалась значительная часть российской интеллигенции, в том числе и молодежь. Как считал Л.В. Успенский, он и его единомышленники в ту пору не просто боялись проигрыша в войне, а того, что внутренние враги в стране, «разрушив армию и военную промышленность, сдадут Россию – бесснарядную и безвинтовочную, голую и босую – на милость Вильгельма Гогенцоллерна» [11, с. 206].

Война вызвала патриотический подъем у творческой интеллигенции. На фронт ушли С. Черный, Н. Гумилев, К. Редько, В. Чекрыгин, В. Фаворский, В. Вересаев, В. Хлебников, С. Есенин и многие другие. Поручик А. Куприн в дни объявления войны стыдился своего писательства: «Мне до сих пор неловко за то, что я писатель и наиболее штатский среди старших товарищей, но я всеми силами постараюсь их наверстать» [10, с. 1–2]. Общеизвестно, что он в период войны на собственные средства содержал в своем гатчинском доме небольшой военный госпиталь.

Однако справедливо утверждение московского историка И.В. Купцовой о том, что Первая мировая война привела к идейно-политическому размежеванию творческой интеллигенции и что уже в 1914 году четко обозначились два лагеря – патриотов и пацифистов [4, с. 109].

Автор отмечает, что лагерь «патриотов» был представлен И. Буниным, А. Веселовским, М. Горьким, А. Серафимовичем, И. Шмелевым, Л. Андреевым и многими другими. К числу «пацифистов» относился, например, М. Волошин, заявивший в личном письме к военному министру В. Сухомлинову: «Я отказываюсь быть солдатом, как европеец, как художник, как поэт...» [10, с. 1] Чудовищной нелепостью называл М. Волошин войну и при этом замечал: «Поскорее бы кончилась эта мировая нелепица... Так все нелепо кругом, такие грандиозно-нелепые формы принимает ее (войны) отражение в окружающей жизни» [10, с. 1–2].

Возникший в связи с объявлением войны патриотический порыв и, как следствие, единение русского общества, столичной интеллигенции были очень хрупкими, неустойчивыми и достаточно условными. Настоящее «национальное согласие», как довольно быстро обнаружилось, отсутствовало не только в рядах интеллигенции, но и в обществе в целом. Во-первых, с течением времени все ярче начали проявляться прежние разногласия. Во-вторых, потенциал разногласий усилила сама война. После первых же серьезных поражений русской армии тональность выступлений меняется, в них все больше и больше будут проявляться пессимистические нотки.

К «пацифистам» принадлежали и З. Гиппиус и Д. Мережковский. Они и их единомышленники

отстаивали свое право проявлять патриотические чувства путем презрения к войне, влиянием слова на умы и сердца людей. З. Гиппиус отрицала войну «метафизически, и лишь практически ее признавала», потому что «всякая война, кончающаяся полной победой одного государства над другим... носит в себе зародыш новой войны, ибо рождает национально-государственное озлобление» [1, с. 21–26]. Сторонников именно подобных взглядов и убеждений стали называть пацифистами. Разрываясь между своими идеалами и суровой действительностью, они испытывали душевные муки, понимая, что ничего не могут сделать, чтобы прекратить эту бойню. Кроме того, численность пацифистов была очень невелика, и уже в силу этого их проклятия в адрес войны тонули в дружном хоре «патриотических голосов». Пацифизм в условиях военного времени в глазах многих был равносилен предательству, а отказ некоторых его сторонников «нести военную службу» воспринимался «патриотами» как измена не только Родине, но и нравственным заповедям интеллигенции.

Таким образом, особенностями общественного сознания российских подданных в начальный период войны были верноподданнические чувства, адресованные императорской семье, которые формировались как стихийно, так и целенаправленно. Стихийность была следствием процессов, предшествовавших началу Первой мировой войны. Их продолжительность была различной, однако самосознание российских подданных пробудилось.

Искренние порывы и почины частных лиц и общественных организаций сменялись «организованными сверху» патриотическими письмами и телеграммами, не обладавшими прежней искренностью и верностью существующему общественному порядку. Патриотический порыв, носивший почти общегосударственный размах, по мере ухудшения положения на фронте и в тылу постепенно угасал. Ему на смену создавались общественно-политические предпосылки формирования нового общероссийского движения, носившего совершенно противоположную внутриполитическую направленность.

Библиографический список

1. *Гиппиус З.Н.* Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1917 г. – Белград, 1929.

2. *Злоказов Г.И.* Солдатские письма с фронта в канун Октября // Россия XXI век. – 1998. – № 9–10.

3. *Иванов А.* Студенты в окопах // Родина. – 1993. – №8–9.

4. *Купцова И.В.* «Когда пушки стреляют, музы молчат...?» // Художественная интеллигенция в годы первой мировой войны. Вып. 1. – СПб.: Клио, 1997.

5. *Паустовский К.* Собрание сочинений. Т. 3. – М., 1958.

6. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. – Пг., 1923.

7. *Полторак С.Н.* Неопубликованная рукопись С.А. Соколова (С. Кречетова) о событиях Первой мировой войны как историко-психологический источник // Первая мировая война: История и психология. – СПб., 2002.

8. *Редигер А.Ф.* История моей жизни: Воспоминания воен. министра. Т. 2. – СПб., 1999.

9. РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 1009.

10. *Сухомлинов В.А.* Воспоминания о Максимилиане Волошине. – М., 1990.

11. *Успенский Л.В.* Записки старого петербуржца. – Л., 1990.

УДК 947

Барунов Вадим Юрьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Barunov_@mai.ru

РОЛЬ РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЧАЛЕ НЭПА

В статье рассмотрены проблемы выхода страны из «кадрового» голода в условиях восстановления народного хозяйства и индустриализации СССР. Показаны роль и место партийных и советских органов в этой работе, как в центре, так и на местах. Одним из путей подготовки кандидатов для поступления в ВУЗы явились рабочие факультеты (Рабфаки), отбором и зачислением в них занимались специальные комиссии.

***Ключевые слова**: Наркомпрос, рабфак, НЭП, Агитпропа ЦК РКП(б).*

В сентябре 1919 г. Наркомпрос принял постановление «Об организации рабочих факультетов при университетах». В нем предлагалось открыть рабфаки при всех высших учебных заведениях. А их учреждение официально закрепил декрет СНК от 17 сентября 1920 г. «О рабочих факультетах». В юбилейном выпуске «Известий» называются основные условия для открытия рабфаков. Это, во-первых, большое количество рабочих, которых следовало обучить, во-вторых, необходимость пролетаризации высшей школы и, в-третьих, наличие крупной промышленности, требующее революционных специалистов[1]. Аналогичные условия приводились в качестве главных для открытия рабфаков и в соседних губерниях[2]. Однако, на наш взгляд, главным условием решения о создании рабфаков явилось то, что органы власти всё же признали необходимым критерием для принятия в вузы не только социально-классовое положение, но слабые способности и низкий уровень подготовки абитуриентов.

В губерниях рабфаки открывались в 1919–1920 гг. Для того, чтобы поступить на рабочий факультет, необходимо было уметь читать, писать и считать. Согласно действовавшим в годы Гражданской войны правилам, на рабфак принимались только рабочие и крестьяне от 16 лет, не эксплуатировавшие чужой труд. В первую очередь зачислялись командированные профсоюзами, фабзавкомами, парткомами, губернскими и волостными исполкомами, и лишь затем работники не физического труда, если они были членами РКП(б) с не менее чем 3-х месячным стажем. Рядовые красноармейцы приравнивались к первой категории, а остальные военнослужащие ко второй[3].

Введение НЭПа и вызванное этим оживление частнокапиталистических элементов заставили РКП(б) пересмотреть политику по отношению к рабочим факультетам. Были приняты меры по усилению идеологического и социально-классового контроля за работой рабфаков. Начиная с 1921–1922 учебного года, прием на рабочие факультеты стал осуществляться Отделом рабфаков под непосредственным наблюдением Агитпропа ЦК РКП(б)[4]. При Отделе рабочих факультетов создали межведомственную комиссию из представителей руководящих партийных и профсоюзных органов, которая предоставляла 75% мест профсоюзам и 25% партийным и комсомольским организациям[5]. На местах создавались свои комиссии по приему на рабфаки, которые действовали не менее строго, чем центральные. Так, комиссия при Ярославской прядильно-ткацкой фабрике в 1921 г. из 32 поданных заявлений отобрала только 17. Не были приняты заявления от лиц, ранее занятых физическим трудом и выдвинутых на руководящую должность, а также от рабочих, не работающих из-за остановки фабрики[6].

Некоторым партийным организациям приходилось по несколько раз просить за своих кандидатов, не совсем удовлетворявших необходимым требованиям. Так, например, Ростовский уком дважды ходатайствовал о зачислении товарища Кишенкова на рабфак Ярославского университета, мотивируя это тем, что Кишенков «…сын фабричного рабочего, т.е. почти пролетарий, член союза совработников и кандидат РКП(б)»[7]. Однако говорить о 100% рабоче-крестьянском составе на рабфаке не приходилось. Непролетарским и даже беспартийным элементам, особенно в начальный период НЭПа, все же удавалось туда проникнуть. Это происходило потому что, как указывала Костромская газета «Красный мир», не было, во-первых, достаточной планомерности в организации набора, во-вторых, не было четко разработанной индивидуальной оценки командируемых[8]. Чтобы исправить создавшееся поло-

 © Барунов В.Ю., 2010

жение, по указанию ЦК РКП(б), Наркомпрос в 1922 г. и в 1924 г. провел «социально-экономические» чистки. С этой целью создавались специальные комиссии. Так, на общем собрании учащихся Костромского рабфака в 1922 г. была образована комиссия, которая ставила перед собой задачу избавиться от лиц непролетарского происхождения и непролетарской идеологии[9]. В результате этой чистки на Костромском рабфаке, как сообщала газета «Красный мир», из 76 лиц нефизического труда остались единицы, а рабочие и крестьяне составили 99%, из которых 75% были членами партии[10]. Правда, к 1924 г. количество непролетарских элементов опять увеличилось. Из 445 человек, обучавшихся на Костромском рабфаке, 227 (64,4%) были рабочими, 122 (27,2%), крестьяне и 46 человек (8,9%) – лица нефизического труда[11]. Подобные процессы происходили и на других рабфаках, для чего и потребовалась чистка 1924 г. А президиум рабфака ИВПИ по соглашению с бюро ячейки вуза в 1924 г. предложил уволить с факультета беспартийных, хотя они и были командированы губкомом[12].

6 августа 1921 г. Главпрофобром были разработаны единые рабочие планы для всех рабочих факультетов. Они включали 15 предметов: математику, русский язык и литературу, общественные науки, графическую грамотность, физику, химию и др. В связи с этим на дневных рабфаках устанавливался трехлетний срок обучения, а на вечерних четырех летней.

На Втором Всероссийском съезде рабфаков (1923 г.) учебный план был изменен в связи с решением ввести на рабочих факультетах большую специализацию и запретить рабфаковцам поступать в вуз не по той специальности, которую они избрали на рабфаке. Специализация вводилась со второго курса[13]. Студенты подавали заявления-анкеты о зачислении их на одно из отделений. При удовлетворении этих заявлений принимались во внимание как профессиональная подготовка, так и академическая успеваемость. Но помимо овладения общеобразовательными предметами, перед рабфаковцами ставили задачи по подготовке к идеологической борьбе в вузе. Так, заведующий Костромским рабфаком В. Овсейчик призывал рабфаковцев развивать склонность к общественной борьбе, чтобы быть готовыми оказать идейное сопротивление антисоветскому старому студенчеству[14]. А на общем собрании рабфака при Ярославском университете в 1923 г. обсуждались даже перспективы на вторую Октябрьскую революция в вузах. В принятом постановлении говорилось: «Мы, студенты рабфака, заявляем, что будучи красными командирами отвоюем те экономические высоты у старых специалистов, без которых сейчас не можем обойтись и этим окончательно приблизить время коммунизма»[15].

Наряду с разработкой программ на рабфаках осуществлялась большая методическая деятельность. Вначале преобладающей формой была классная беседа, которая привлекала своей живостью и доступностью. Но вскоре стало понятно, что при этом методе большинство студентов остается пассивным, поскольку в беседе принимала участие только развитая часть студенчества. Попытались применить докладную систему, но и здесь сразу появились свои недостатки: готовилась лишь небольшая часть студентов, доклады превращались в те же лекции[16]. Интересным методом, который с успехом использовался во всех учебных заведениях, были экскурсии. Для их планомерного проведения на каждом рабфаке имелось экскурсионное бюро. Было разработано пять типов экскурсий: общественно-научные, литературные, естественнонаучные, производственные и художественные. Экскурсии были местные и выездные, тематические по какой-либо дисциплине и комплексные – по нескольким предметам. Подготовка к ним начиналась с проработки материала в классе. После этого учащиеся должны были представить письменный отчет. Такой порядок заставлял их во время экскурсии вести записи, делать зарисовки, схемы и т.д.

Начиная с 1923 г., на рабфаках вводился лабораторный метод преподавания или Дальтон-план, который, несмотря на все свои недостатки, ориентировал учащихся на исследовательские методы.

Экспериментируя в учебном процессе, на Костромском и Ярославском рабфаках пришли к пониманию того, что лучше всего использовать их в комплексе. Например, на Ярославском рабочем факультете при изучении физики 50% времени отводилось на лабораторный метод, 25% на иллюстративно-демонстративный, 15% на лекционный и 10% на доклады[17].

В начальный период образования рабочих факультетов на них преподавали в основном те же лица, что и на других факультетах вуза. Затем постепенно складывался свой профессорско-преподавательский состав рабфака.

Правда, на беспартийных преподавателей рабфака оказывалось идеологическое воздействие, вплоть до отказа студентами посещать их предметы. Так поступили студенты Костромского рабочего факультета, которые выполнили совет, данный им в Москве М.Н. Покровским, по вопросу преподавания истории и истории литературы. Покровский порекомендовал совсем выбросить эти предметы из программы преподавания, если не найдется преподавателей-коммунистов[18].

28 июня 1924 г. Совнарком утвердил специальное положение о преподавателях рабочих факультетов. Ими могли быть лица с достаточной научно-педагогической подготовкой, ученой степенью или званием и имевшие отзывы соответствующих учреждений.

Итак, какова роль рабфаков в формировании новой интеллигенции? Выполнили ли они те задачи, которые ставились перед ними? На наш взгляд, однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Конечно, в плане подготовки к поступлению в вузы людей, не принадлежавших прежде к привилегированным слоям, а также в пролетаризации студенчества рабфаки изучаемого региона достигли определенных успехов. Положительной и отличительной чертой рабфаков, изучаемых губерний, была их специализация. Так, рабочие факультеты Костромы и Ярославля, возникшие и долгое время существовавшие при университетах, наряду с естественнонаучными специальностями успешно готовили будущих студентов гуманитарного профиля. Кроме того, рабфаки Иваново-Вознесенской, Костромской, Ярославской губерний соответственно реагировали на конъюнктуру спроса тех или иных профессий. И это также было положительной и отличительной их чертой.

Но, с другой стороны, вряд ли можно говорить о достаточно хорошей подготовке рабфаковцев, которым, в большинстве своем в зрелом возрасте, имея семьи и значительный стаж работ на производстве, приходилось проходить курс средней школы всего за три года. В связи с этим им было трудно успешно учиться в вузах, что, в свою очередь, несколько снижало качество подготовки выпускников.

Примечания

[1] См.: Известия ИВПИ. Юбил. выпуск. – Т. 8. – С. 45.

[2] См.: Юбил. сб-к Костромского рабфака. – С. 6; ЦДНИ ГАЯО, ф. 1, оп. 27, д. 969, л. 23.

[3] См.: Отчет о деятельности Костромского государственного Рабоче-крестьянского университета за 1920 г. – Кострома, 1921. – С. 12.

[4] РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 78, л. 12.

[5] См.: *Катунцева И.М.* Опыт СССР по подготовке интеллигенции из рабочих и крестьян. – С. 39.

[6] ГАЯО, ф.р. 829, оп. 1, д. 11, л. 88.

[7] ЦДНИ ГАЯО, ф. 1, оп. 27, д. 921, л. 182.

[8] Красный мир. – 1922. – 11 мая.

[9] ЦДНИКО, ф. 678, оп. 1, д. 307, л. 1.

[10] Красный мир. – 1923. – 30 нояб.

[11] *Беляев С.* Пятилетие Костромского рабфака // ЛедокоЛ. – 1925. – №1. – С. 11.

[12] ГАИО, ф. 2, оп. 6, д. 14о. – л. 19.

[13] См.: *Ярошевская Т.* Учебно-воспитательная работа на рабфаках (1919–1940) // Народное обозрение. – 1957. – №10. – С. 23.

[14] См.: *Овсейчик В.* Новый прием в Костромской рабфак // Известия Костромского губернского комитета РКП (б). – 1923. – №4. – С. 24.

[15] ГАЯО, ф.р. 829, оп. 1, д. 25, л. 34.

[16] См.: *Кондрагьев А.* Эволюция методов преподавания на рабфаке // 10 лет строительства рабфаков. – С. 109.

[17] Там же. – Л. 11.

[18] Красный мир. – 1923. – 4 апр.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 75.23/28

Армеева Людмила Алексеевна
Московская православная духовная академия
Armeeva@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ТРАДИЦИИ И АВТОРСКОГО НАЧАЛА ПРИ КОПИРОВАНИИ ИКОН В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СОВРЕМЕННОГО ИКОНОПИСЦА

В наше время наблюдается стремительное возрождение традиционной иконописи, но отсутствие методологической базы мешает созданию творческих и канонически правильных работ. Главное место в обучении иконописца должно занять копирование древних икон и их внимательное изучение. Авторское начало проявляется во внутренней полноте образа как в рамках традиционной иконографии, так и при разработке новых образцов.

Ключевые слова: *традиционное иконописание, копирование икон, рекомендации по копированияю, творческое копирование, новая иконография.*

Церковное искусство в целом и иконописание в частности развиваются сегодня достаточно быстро и повсеместно. Они востребованы Церковью и обществом. Вспомним, что церковная иконописная традиция после двух столетий забвения только-только начинала возрождаться на рубеже XIX–XX веков. За советский период если она и не прервалась окончательно, то сохранялась лишь на уровне отдельных личностей. В 30-х гг. прошлого столетия философ и искусствовед Н.М. Тарабукин писал даже так: «Я думаю, что Новгород и Москва XV столетия навсегда стали только историческими фактами. К их возрождению, не повторному, но полному своеобразия, культура XX в. не дает никаких предпосылок»[10, с. 121].

Но в конце 1980-х годов иконописание «вышло из подполья». Перед иконописцами остро встала вначале задача освоения техники и технологии древней канонической иконы, а несколько позже обозначилась и более сложная и, безусловно, более глубокая проблема – осознания и освоения православной канонической иконы во всей ее полноте, осмысления глубины традиции, умения свободно говорить на ее языке. Иными словами, это проблема свободного творчества в рамках канонического церковного искусства.

Об этой проблеме сегодня говорят не только иконописцы, но также и богословы, искусствоведы, историки искусства. Издаются книги и статьи, ведутся дискуссии на конференциях и круглых столах. Именно эту задачу Церковь всегда ставила перед своими художниками: воспринять традицию, сохранить и передать ее последующим поколениям в неискаженном виде, а если можно, то и обогатить ее духовным и художественным опытом, не переступая при этом выработанные Церковью иконографические и стилистические каноны.

Входя в сферу церковного искусства, важно осознавать, что канон, являясь его стержнем, не есть нечто застывшее и неизменное, жесткое и страшное. Внутри канона обязательно существуют развитие, эволюция. Каждый век, каждая эпоха неизбежно что-то добавляют в общую копилку.

Любую традицию невозможно сохранять без изменений; особенно опасно следовать только букве традиции, а не духу, ратовать о внешнем, упуская внутреннее. Так и иконописная традиция, существуя внутри Церкви и будучи непосредственно связанной с литургической жизнью, не может оставаться неизменной, застывшей. Церковь, как любой живой организм, испытывает потребность в развитии, в творчестве. В беседе с французским богословом О. Клеманом Константинопольский патриарх Афинагор так сравнил традицию и творчество в иконописи: «С иконой дело обстоит так же, как с мышлением Отцов. Оставаясь всецело верным Преданию и основным канонам священного искусства, нужно осмелиться творить. А иначе мы не превзойдем благочестивой археологии. Основной поток жизни Предания должен принять в себя поиски нашего времени, осветить жизнь во всех ее аспектах, как это делало не раз византийское искусство, особенно в эпоху Палеологов» [5, с. 24].

© Армеева Л.А., 2010

Таким образом, перед современным иконописанием стоит крайне актуальная проблема – проблема соотнесения единого канона, соборного опыта Церкви с индивидуальным творчеством иконописца, которое проявляется не в слепом следовании букве закона, а в усвоении духа. Вопрос в том, как подойти к решению этой серьезнейшей задачи?

Анализируя путь, пройденный церковными художниками за последние два десятилетия, можно сказать, что все мастера проходят через копирование известных образцов. Дольше или быстрее, но практически никто его не минует. Проблема заключается в том, что не существует отработанной методики копирования, и к этому вопросу можно подойти по-разному, в том числе и крайне неграмотно, умаляя, а иногда и вовсе отрицая такой способ обучения или сводя копирование к механическому, бездумному размножению образца. Беда многих иконописцев заключается в том, что к процессу копирования они относятся поверхностно, по-школярски. Далеко не всегда они ставят задачу осознать, почувствовать и передать глубину образа, а лишь срисовывают более или менее точно внешнее, видимое глазу. От иконы остается лишь иконографическая схема.

Современное иконописание часто упрекают в копийности, подразумевая под этим термином вторичность. Иногда это происходит от непонимания принципов церковного искусства, которое оценивается по светским критериям. Но нередко такие упреки справедливы. Те поверхностные, механические повторения подлинника, в которых за внешними формами нет сакрального содержания молитвенного образа, к сожалению, заслуживают таких слов. «Икона, написанная со всем знанием иконописных приемов, хотя бы и со вкусом, но без творческого осознания законов иконописного тела, производит впечатление обратное тому, какое она должна производить. Вместо собирания души, она рассеивает и беспокоит, как бы она ни походила на древнюю икону высокого стиля – она фальшива, и тем более, чем отдельные ее элементы походят на древние» [6, с. 11], – писал в 1930 г. иконописец В.А. Комаровский.

Во многом ложное противопоставление творчества и копирования обусловлено и неясностью самого термина «копирование». Под ним можно понимать процесс обучения через внимательное изучение древних образцов, а можно – бездумное тиражирование этих же образцов. Единственно правильным с художественной и религиозной точек зрения является только первый подход, тогда как, замечает Г.И. Вздорнов, бытовое, поверхностное понимание часто склоняется ко второй позиции [1, с. 3]. В доказательство верности концепции самообучения приведем авторитетное мнение И.А. Кочеткова: «Рассмотрение роли образцов в различные эпохи русского иконописания приводит к выводу, который может показаться парадоксальным: эпоха высшего расцвета русского иконописания – XV век – является вместе с тем временем наиболее точного копирования образцов» [8, с. 75]. Копирование в контексте православного церковного искусства может быть как учебным методом начинающего иконописца, так и творческим методом состоявшегося мастера, «стремящегося возможно более точно воспроизвести священный оригинал» [1, с. 4].

При копировании древнего образа передача композиционных форм и цветовых отношений – не самая важная задача. Это важно для научного, музейного копирования, в котором на первом месте стоит строгая, иногда даже холодная идентичность подлинника и его повторения, и тем самым определяющей становится внешняя сторона, художественная форма. Для иконописца гораздо важнее наполнить эти внешние формы – линию, цвет, композицию внутренним содержанием, передать отсвет небесного мира. Для художника, работающего в Церкви, крайне важно наряду с внешней формой передать теплоту, искренность, молитвенную наполненность образа, чтобы икона помогала молиться, «была чужда суеты мира сего, не несла в себе материальной отяжеленности, была возвышенной» [9, с. 3]. Приступая к копированию иконы, необходимо осознавать, как важно участие сердца, а не только руки и глаза.

Такое проникновение в суть иконного образа возможно только через непосредственное общение с древней иконой. Знаменитый иконописец и реставратор Мария Николаевна Соколова (монахиня Иулиания) в своей работе «Труд иконописца» именно так и пишет: «Иконописи нужно учиться только через копирование древних икон… Копируя икону, человек всесторонне познает ее и невольно приходит в соприкосновение с тем миром, который в ней заключен, постепенно начинает ощущать реальность этого мира, истинность данного образа. Потом постигает глубину его содержания, поражается четкостью форм и внутренней обоснованностью его деталей и по-

истине святой простотой художественного выражения…» [3, с. 39].

При обучении академическому, реалистическому изобразительному искусству – рисунку, живописи, скульптуре – применяется такой основной метод обучения, как работа с натурой. Ученик выполняет постановки, начиная от простых (натюрморта, пейзажа, гипсов) до сложных – головы, фигуры человека в различных положениях и ракурсах. Мы знаем, что этот метод рисования с натуры гипсовых фигур и голов применяли в иконописных школах, в том числе монастырских, в XIX в. Так было в иконописном училище Троице-Сергиевой лавры, иконописных классах, учрежденных при семинариях, иконописных школах Валаамского, Павло-Обнорского и других монастырей, Это было время, когда пути возрождения традиции только нащупывались, храмы и дома были наполнены вполне благочестивыми, но живописными образами (так называемый васнецовский стиль).

Но сегодня, когда открыто богатство классических образцов византийского, балканского и древнерусского искусства, вряд ли можно идти по этому пути. Древней иконе весьма проблематично учиться традиционными академическими методами. Место живой натуры, природы, гипсов должны занять дошедшие до нас подлинные древние образцы церковного искусства – фрески, мозаики, иконы, через общение с которыми – через созерцание и копирование – мы только и можем приобщиться к миру древней иконы. Стоит привести здесь слова известного сербского богослова Иустина Поповича: «Учеба иконописца – это не академическая штудия, а дело всей жизни, подвиг, учеба духовная – как вместить в краски и линии невместимое, как человеческими средствами явить Богочеловеческое. Только божественная благодать может помочь в этом свершении иконописцу» [4, с. 37].

В качестве примера грамотно применяемой методики копировании икон можно назвать Иконописную школу при Московской духовной академии, существующую с 1990 г. В ней в течение всего срока обучения учащиеся изучают древнюю икону в различных музейных экспозициях (в Сергиевом Посаде, Москве, Петербурге, Ростове, Ярославле, Вологде, Новгороде, Пскове и в др. местах). В число учебных заданий входит и разработка иконографии вновь прославленных святых – новомучеников XX столетия, которым нужно писать иконы. А это задача крайне непростая, требующая от иконописца оригинального творческого подхода. В качестве дипломной работы после пятилетнего обучения выпускник, как правило, должен разработать и выполнить большую житийную икону, не имеющую аналогов. В процессе обучения студенты выполняют точные копии с хорошо сохранившихся образцов, копии-реконструкции. Параллельно они изучают порядок церковных служб, историю Церкви, историю церковного искусства и другие дисциплины, необходимые для развития личности иконописца. Большое время занимает и участие в богослужениях, т.к. правильный, благочестивый настрой человека является необходимой составляющей личности иконописца.

В заключение хотелось бы привести ряд методических рекомендаций. Начиная учиться иконе с копирования, учащийся должен осознавать несколько важных моментов:

1. Время. Монахиня Иулиания (Соколова) так описывает соотношение времени и глубины понимания иконы: «Иконописи нужно учиться только через копирование древних икон… но чтобы глубоко понять икону, нужно время и иногда довольно длительное…» [3, с. 17]. А один из ведущих современных иконописцев архимандрит Зинон (Теодор) говорит более конкретно: «…В наше время этому (церковному искусству. – *Л.А.*) – нужно учиться самое малое пятнадцать лет, независимо от уровня художественной подготовки. Более того, если есть какая-либо подготовка в области светского искусства, то и еще больше» [2, с. 39].

2. Подлинники. Нужна, особенно в начале обучения, обязательная работа с подлинниками, а не с репродукциями. Опытный иконописец может разобраться и по репродукции в особенностях рисунка, верности цветовых отношений; он сумеет восстановить утраченные детали, увидеть богатство и сложность живописной фактуры. Начинающему иконописцу очень трудно и даже опасно начинать работу с репродукций. Нужно найти возможность работать с иконой, и если нет возможности копировать в музейном или частном собрании, то хотя бы смотреть. Смотреть, размышлять, сравнивать и учиться видеть.

3. Размышление. Учебное копирование с самых первых шагов должно быть сознательным. Это не срисовывание форм и линий, не механическое перенесение пятен и мазков, не списывание фактуры. Это осмысленное, аналитическое

повторение процесса создания иконы с пониманием всей полноты ответственности, которая стоит перед иконописцем.

Копирование подразумевает не только перенесение линий и цветовых пятен, но и осмысление иконы, размышление над ней, рассматривание, созерцание иконы. Важно понимать ее роль в жизни Церкви и конкретного человека. Этому тоже нужно учиться.

4. Учитель. Начинающему иконописцу необходим рядом опытный наставник, который поможет войти в мир иконы, увидеть характер и особенности каждого образа: обратит внимание и раскроет все богатство языка иконы. Новичку трудно бывает различить записи на иконе, разновременные вставки, разобраться: где есть потертости и утраты красочного слоя, где тонко положенные лессировки, где цвет изменен слоем олифы, где первоначальный рисунок, а где опись.

5. От простого к сложному. При обучении следует соблюдать принцип «от простого к сложному». Желательно начинать работать с понятных, несложных, хорошо сохранившихся икон или с небольших фрагментов и постепенно переходить к сюжетным композициям, пробовать работать с иконами разного времени, разной стилистики, научиться анализировать, видеть общее для разных школ и различное. Далее можно выполнить копию-реконструкцию, т.е., взяв за образец икону неидеальной сохранности или имеющую утраты, восстановить утраченное. Это более сложная творческая задача. А на заключительном этапе задачу можно еще усложнить: например, выполнить новую икону в заданной стилистике; к существующим нескольким праздничным иконам в ряду написать недостающую или к образу Богородицы образ Спасителя и т.д. И надо помнить, что когда идет речь об учебном копировании, то подразумевается безусловная конечность этого этапа и переход его в другой этап – этап вхождения «в сферу свободной композиции», по выражению В.А. Комаровского [7, с. 150]. Не стоит разграничивать эти этапы как последовательно копийный и творческий, противопоставляя творчество и копирование. По меткому замечанию Н.М. Тарабукина, «творчество подменяется копировкой не потому, что ему ставятся ограничения в виде традиций, а потому, что иссякают его силы» [10, с. 119].

Библиографический список

1. *Вздорнов Г.И.* Предисловие // Проблема копирования в европейском искусстве: Материалы научной конференции. – М., 1998.

2. *Зинон (Теодор), архимандрит.* Беседы иконописца. – М., 2003.

3. *Иулиания, монахиня (Соколова М.Н.).* Труд иконописца. – Сергиев Посад, 1995.

4. *Иустин (Попович), преподобный.* Собрание творений. – М., 2004. – Т. I.

5. *Клеман О.* Диалоги с патриархом Афинагором. – Брюссель, 1993.

6. *Комаровский В.А.* О природе церковного искусства // Собор. Верхнеудинск. – 1992. – №4.

7. *Комаровский В.* Письмо об иконописи // Православная икона. Канон и стиль. – М., 1988.

8. *Кочетков И.А.* Копия и образец в иконописании XV–XVI вв. // Проблема копирования в европейском искусстве: Материалы научной конференции. – М., 1998.

9. *Лука (Головков), архимандрит.* Вступительное слово // Иконописец. – 2009. – №21.

10. *Тарабукин Н.М.* Смысл иконы. – М., 1999.

УДК 78
Б 825

Борисова Елена Юрьевна,
Погорелова Наталья Юрьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

НОВЫЙ ЦЕРКОВНО-НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ А.Д. КАСТАЛЬСКОГО

В данной статье подробно освещается творчество ключевой фигуры духовно-музыкального возрождения России рубежа XIX–XX веков А.Д. Кастальского, который вошёл в плеяду композиторов, создавших на основе старинного церковного наследия новый церковно-национальный стиль.

Ключевые слова: *русская духовная музыка, переложения древнерусских церковных роспевов, народно-песенные интонации в духовных произведениях, новый тип концертной духовной музыки.*

Духовно-музыкальное творчество Кастальского, по мнению многих музыковедов, является кульминацией векового развития хоровых переложений древних церковных роспевов, которое открывает историю Нового направления в русской духовной музыке. Его музыкальный стиль оказал в той или иной степени влияние на многих композиторов, писавших духовную музыку в конце XIX – начале XX века: П.Г. Чеснокова, М.М. Ипполитова-Иванова, В. Калинникова, К.Н. Шведова, Н.С. Голованова, С.В. Рахманинова и многих других авторов.

Сравнивая духовную музыку А.Д. Кастальского, П.Г. Чеснокова и В. Калинникова, можно сделать следующий вывод: для первого характерен ориентир на крестьянскую песню, эпическую или протяжную, для его произведений типична народная подголосочная манера и терпкий диатонизм; второй соединил в своём творчестве все характерные черты предыдущих эпох: инструментальность партесного пения, полифонию итальянской музыки, строгость немецкого хорала, красоту русского городского романса и позднего духовного стиха; Виктор Калинников отдавал предпочтение не прямым переложениям традиционных роспевов, а свободному сочетанию их элементов и глубокому, осмысленному прочтению богослужебных текстов. С Кастальским духовно-музыкальное творчество Калинникова сближает не написание богослужебных циклов, а отдельных духовных хоров, которые отличались элегичностью настроения, изяществом письма и тонкой отделкой фактуры.

В настоящее время мы располагаем сведениями о существовании ста тридцати шести духовно-музыкальных сочинений и переложений Кастальского. Из них авторскими являются 23 духовно-музыкальных сочинения композитора, в основе которых лежат древние роспевы, а также обработки знаменного, киевского, сербского, болгарского, греческого, грузинского, монастырских и др. роспевов. В основе двух церковных сочинений лежит демественный роспев. Почти каждое основное песнопение церковного богослужения у Кастальского существует в нескольких вариантах, что составляет одну из особенностей его духовно-музыкального наследия. Например, «Херувимская песнь» знаменного роспева, сербского роспева, «Старо-Симоновская», «На разорение Москвы». Следует отметить, что Александр Дмитриевич внёс огромный вклад в церковно-певческую культуру русской провинции, для которой он делал переложения духовной музыки для разных составов хоров и их исполнительского уровня, что давало возможность небольшим приходским хорам исполнять высокохудожественные произведения.

Методические приёмы, которыми пользовался А.Д. Кастальский в своих переложениях древних роспевов, можно разделить на четыре части:

1. Напев оригинала использован полностью, без каких-либо сокращений и изменений, не считая изменения высотного расположения напева, то есть его транспонировок. Этот метод сложился у Кастальского сразу и оставался на протяжении всего творческого пути. К этой группе относятся гласовые песнопения – тропари, стихиры, подобны, ирмосы, догматики. Для его тропарей характерно: постоянное четырехголосие, преобладание трезвучий и секстаккордов всех ступеней, частое использование трихордовых интонаций в басу. В связи с изменением высотного расположения напева, в гармонии активизируются переменные функции. Например, в тропаре в день Святой Троицы мягкая ладовая переменность охватывает F миксолидийский, B ионийс-

© Борисова Е.Ю., Погорелова Н.Ю., 2010

кий и миксолидийский, Es ионийский, эолийские c и g. В догматиках, стремясь избежать статичности в изложении, Кастальский использовал следующие приёмы:

а) перенос мелодии роспева в разные голоса;

б) применение различных видов дублирования (терция, секста, октава, две октавы, три октавы);

в) гармоническое варьирование: один и тот же звук мелодии может сопровождать унисон, кварто-квинтовые созвучия, трезвучия разных ступеней с различными удвоениями.

2. В напеве оригинала сделаны сокращения и изменения, их степень колеблется от минимальной до значительной, могут быть добавлены фрагменты собственного композиторского материала. Например, в переложении «Херувимской» знаменного роспева Кастальский изменяет ритмическую сторону первоисточника, а также эпизодически двукратно уменьшает ритм. Такие же изменения и сокращения вносятся и в мелодический рисунок напева. Примеры данного отношения к первоисточнику многочисленны: «Достойно есть» сербского роспева, «Херувимская песнь» напева Московского Успенского собора, обработки монастырских напевов и т.д.

3. Наиболее важные мотивы оригинала становятся основой вариационного развития. Этот метод является наиболее характерным для переложений Кастальского. Варьирование начальных или особенно ярких в мелодическом, ритмическом смысле попевок становится мощным средством образно-драматургического развития. К этой группе относятся самые выдающиеся творения композитора – «Блажени яже избрал», икос из панихиды «Сам един еси Безсмертный» и т.д.

4. Мотивы оригинала лишь отчасти вплетаются в музыкальное развитие, не имея главенствующей роли. По сути дела, такие песнопения являются свободными сочинениями композитора, например, песнопение «Свете тихий».

Новый подход к переложениям древних роспевов сложился у Кастальского уже в 1896 году – это песнопения «Достойно есть» и «Милость мира» сербского роспева.

«Достойно есть» содержит в себе характерные черты Нового направления русской духовной музыки: линеарность голосоведения, мелодическую самостоятельность каждой партии хора, строфическую вариационность, диатонизм, модальность. Песнопение состоит из семи строф. Несмотря на минимальную строфическую вариационность в самом роспеве, молитвословие воспринимается как единый «звуковой поток». Такой эффект достигается композитором за счёт мелодического варьирования хоровых партий, выполняющих роль «подголосков» роспева, благодаря которому возникает гармоническое варьирование. Наряду с мелодическим и гармоническим варьированием композитор применяет и тембровое варьирование: проведение роспева в теноровой партии, эпизодическое звучание хора без басов. В отличие от традиционных обработок древних роспевов, в которых басовая партия выполняет лишь функцию гармонической поддержки, Кастальский использует мелодическую подвижность и гибкость этой партии. Созданию ощущения бесконечного мелодического движения способствует отсутствие единого тонального центра. В переложении этого песнопения Кастальский постоянно чередует тональности g-moll, B-dur и Es-dur, а окончание песнопения в g-moll (в мелодическом положении терции) не даёт ощущение устоя, движение может быть продолжено. Следует отметить, что в переложении «Достойно есть» Кастальский применяет исключительно плагальные обороты – это аккорды трезвучий (часто с пропуском терции, квинты), а также септаккорды относящиеся к субдоминантовой группе. В переложении «Достойно есть» композитор, сохраняя изложение музыкального материала по строфам, организует его в трёхчастную репризную форму. Функцию коды выполняет повтор двух первых тактов роспева.

В песнопение «Милость мира» сербского роспева Кастальский, с одной стороны, использует уже найденные средства музыкальной выразительности (линеарность голосоведения, мелодическая активность хоровых партий, строфическая вариационность, диатонизм, эпизодическое звучание хора без басов, передача роспева в другую хоровую партию), а с другой – использует и новые средства музыкальной выразительности. Наиболее важным моментом данного песнопения является введение в переложение авторского музыкального материала. Этот принцип в дальнейшем становится характерным для всего его творчества и является одним из качеств Нового направления русской духовной музыки.

Таким образом, анализ работы Кастальского с древним роспевом, на примере переложений «Достойно есть» и «Милость мира», показывает одновременно творческое и в то же время бе-

режное отношение композитора к оригиналу. С одной стороны, Кастальский изменяет музыкальный материал роспева в сторону большей выразительности, образности, ясности формы, что являлось необходимым для соответствия переложений стилю своего времени, для сохранения художественного воздействия. С другой стороны, добиваясь этих задач, композитор максимально использует возможности самого роспева: на основе развития его наиболее ярких попевок динамизирует форму. Новый материал он также создаёт, используя «попевочный фонд» сербского роспева.

Следующим духовно-музыкальным сочинением Кастальского является «Херувимская песнь» знаменного роспева (1897 г.). В этом произведении стиль Кастальского предстаёт во всей его красе. Хоровая фактура предельно мелодизирована. Напевность и интонационная осмыслённость присущи каждому голосу, растворённому в обильных divisi. Ритмической организации ткани свойственна большая свобода. Гармоническая организация переложения «Херувимской» Кастальского представляет собой постоянное чередование C-dur и G-dur, а также использование их параллельных тональностей – a-moll и e-moll. В этом песнопении автор впервые применяет новые приёмы гармонизации и новые хоровые звучности, зависящие от различных комбинаций голосов. Так, первая строфа «Иже херувимы тайно образующе» решается как сопоставление двух групп хора – детской и мужской (этот приём будет неоднократно использоваться Кастальским и в других песнопениях). Вторая строфа «И животворящей Троице трисвятую песнь припевающе» – новый вариант обработки, в фактурном смысле решённый как последовательное, сверху вниз, вплетение хоровых голосов с последующим «выключением» мужской группы. Третья строфа «Всякое ныне житейское отложим попечение» – новое варьированное повторение роспева излагается блестящими компактными аккордами детской группы хора в сопровождении «подголашивающих» мужских голосов. Звучность уплотняется и усиливается за счет divisi и тесситурного сближения всех партий. Четвертая строфа «Яко да Царя всех подымем дориносима чинми» по способу изложения сходна с решением третьей строфы, но с более длительным развёртыванием, которое приводит к яркой кульминации. В пятой строфе используется типичный для музыки «кучкистов» приём: октавное проведение темы в верхних голосах, дублируемое октавной терцовой «второй» в нижних голосах. Заключительное проведение этой строфы достаточно неожиданно, но довольно часто встречается в сочинениях Кастальского – это вполне баховское прелюдирование на фоне длинной «педали» басовой группы. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в «Херувимской» Кастальский весь мелодический материал создаёт по-новому. Разбирая знаменный роспев на попевки и в соответствии с музыкальным языком рубежа XIX–XX веков, композитор заново «складывает» мотивы этого роспева, отличающиеся от него большим динамизмом развития и организацией формы.

Объединяя в своих сочинениях творческий, новаторский и в то же время бережный, сохраняющий своеобразие роспева подходы, Кастальский в каждом последующем переложении песнопений использует новые способы организации звукового материала.

Созданное вслед за «Херувимской» переложение «Милость мира» знаменного роспева отличается ещё большей свободой организации звукового материала. В данном переложении Кастальский использует приёмы контрапункта, организуя раздел «Осанна» в форму фугато. В этом разделе композитор использует следующие приёмы: активные вступления темы знаменного роспева в различных хоровых партиях, стреттное проведение темы в конце фугато. Завершается раздел вокализом детской группы хора. В нём, с одной стороны, создаётся образ ангельского пения, с другой стороны, выполняется функция связки, перехода к следующему разделу – благодарственной молитве «Тебе поем», изложенного в целом без длительного распевания слогов, но завершающегося большим выразительным распевом на заключительном слове «наш».

Во многих переложениях неизменяемых песнопений малой формы Кастальский полностью сохраняет мелодическую линию древнего роспева. Это связано с единством образного содержания данных песнопений, что предопределяет меньший диапазон используемых музыкально-выразительных средств. Анализ переложения «Достойно есть» роспева царя Феодора показывает наряду с полным сохранением мелодической линии оригинального роспева стремление Кастальского к подчеркиванию его древности, архаичности. В переложении композитор исполь-

зует строгое, аскетичное звучание диатоники (преобладают аккорды трезвучий, часто с пропуском терции, квинты). Композитор выделяет начальное и заключительное проведения роспева, которые излагает в унисон партиями дискантов и альтов, удвоенных в октаву теноровой партией (в заключительных тактах – басовой). Подчеркивая духовный смысл молитвословия (начало фразы «и Матерь Бога нашего»), Кастальский применяет параллельные октавы во всех хоровых партиях. Способы организации музыкального материала переложения полностью обусловлены своеобразием оригинального роспева.

В первые годы XX века Александр Дмитриевич Кастальский начал работу над песнопениями «Всенощного бдения». Это богослужение открывает молитва «Благослови, душе моя, Господа» на стихи 103 псалма. Композитор использовал вариант греческого роспева, употребляемый в Московской епархии. В этом песнопении, подобно многим другим сочинениям Кастальского, развитие идёт по линии постепенного усложнения фактуры, усиления динамики и расширения диапазона хоровых партий. От сдержанного, приглушенно звучащего в низком регистре хорала до экстатического блеска всех хоровых красок в заключительной «Славе» – такова амплитуда состояний, запечатлённых в этой хоровой миниатюре.

В ряде духовно-музыкальных сочинений Кастальского, в том числе и в песнопениях «Всенощного бдения», используются роспевы Московского Успенского собора. Художественные полотна композитора вобрали в себя не только интонации, но и особый дух замечательного храма-памятника, совмещающего в себе черты древнего и нового. В этом смысле показательным является первый антифон первой кафизмы «Блажен муж», основанный на сопоставлении архаичных унисонных запевов, в которых используется знаменный роспев, и «новостильных» припевов – многоголосных гомофонных «аллилуйя». Стремясь к созданию динамичного образа песнопения, в заключительной, троекратно повторяемой строфе «Аллилуйя, слава Тебе, Боже» композитор в двух первых повторах использует новый, авторский материал, а в третьем кульминационном повторе Кастальский сохраняет в ярком гармоническом «облачении» звучание знаменного роспева.

В переложении песнопения «Хвалите имя Господне» Кастальский полностью сохраняет мелодическую форму оригинального знаменного роспева, но при этом расширяет его звуковое пространство, используя не только многоголосное изложение, но и творчески преломляемый композитором древнейший принцип антифонности. Каждая строфа песнопения начинается призывным октавным возгласом хоровой группы дискантов и теноров, подчёркивающим торжественность, эпичность и архаику оригинального роспева. Создавая новую многоголосную форму звучания знаменного роспева, композитор использует как возможности самого роспева, так и древние традиции его исполнения.

Многие композиторы, представители Нового направления русской духовной музыки, писали не только духовную музыку, предназначенную для исполнения в церкви, но и произведения, ориентированные на исполнение в домашних или концертных условиях, не оказался исключением и А.Д. Кастальский. Им была написана оратория «Братское поминовение» для солистов, хора, органа и оркестра, посвящённая павшим в Первую мировую войну солдатам стран России, Франции и Великобритании. Первая редакция оратории была завершена к концу 1915 года. Она написана в форме католического реквиема и состоит из 12-ти частей, изложенных на церковнославянском, латинском и английском языках. Вторая редакция оратории (1916 год) была создана композитором для хора, солистов и оркестра. В ней Кастальский, мечтавший об исполнении «Братского поминовения» в разных странах мира, сделал подтекстовку всех номеров на современном русском, латинском, английском и французском языках. В основу второй редакции положена первая редакция, к которой композитор добавил две оркестровые интерпретации, посвящённые японским и индийским войскам альянса. В 1917 году Кастальский написал ещё три части, в которых отдал дань румынским, греческим, португальским и американским союзникам. Имеется и третья редакция «Братского поминовения», озаглавленная композитором как «Вечная память героям. Избранные песнопения панихиды». Она была написана в 1916 году для хора a cappella на православные канонические тексты и предназначена для исполнения в русских церквах.

В числе духовно-музыкальных сочинений Кастальского, созданных после 1917 года, – цикл хоров «Из патриаршего и архиерейского служения», «Из архиерейского облачения» (написан

в 1918 году по просьбе Святейшего Патриарха Тихона), тропарь Преображению – «Преобразился еси на горе», Многолетие в честь юбилея П.Г. Чеснокова, антифон «Во царствии Твоем» – рукопись этого песнопения была найдена 17 декабря 1926 года под подушкой усопшего композитора. Можно не сомневаться в том, что Кастальский окончил свои дни верующим православным человеком.

Библиографический список

1. *Астафьева Л.Е.* Функции диалога культур в генезисе знаменного распева (на материале Нового направления в духовной музыке): Автореф. дис. … кандидата культурологи. – Кострома, 2007. – 232 с.

2. *Зверева С.Г.* А.Д. Кастальский // История русской музыки. Т. 10А / Редколлегия: Ю.В. Келдыш, О.Е. Левашёва, А.И. Кандинский, Л.З. Карабельникова, М.П. Рахманова – М., 1997.

3. *Зверева С.Г.* День памяти: К 150-летию со дня рождения Александра Кастальского // Музыка и время. – №7. – С. 48–52.

4. *Зверева С.Г.* Композитор с особой судьбой // Музыкальная академия. – 2007. – №1. – С. 82–86.

5. *Левашёв Е.М.* Традиционные жанры православного певческого искусства в творчестве русских композиторов от Глинки до Рахманинова. 1825–1917. – М.: «ТехноИнфо», 1994. – С. 105.

6. *Лисицын М.А.* О новом направлении в русской церковной музыке // Русская духовная музыка в документах и материалах. – М.: Языки русской культуры, 2002. – Т. 3. – С. 525–561.

7. *Плотникова Н.* Принципы обработки древних роспевов в творчестве А.Д. Кастальского // Гимнология. Материалы Международной научной конференции «Памяти протоирея Дмитрия Разумовского» (к 130-летию Московской консерватории) 3–8 сентября 1996. Книга вторая – М., 2000.

8. *Плотникова Н.* Музыкант со вкусом и талантом // Встреча. – №10. – С. 15–17.

9. *Рахманова М.П.* Новое направление в духовной музыке: исторические тенденции и художественные процессы // История русской музыки – М., 2004. – Т. 10Б. – С. 392–456.

10. *Рахманова М.* Александр Кастальский и перспективы его идей. // Советская музыка. – 1977. – №6. – С. 101–107.

УДК 141

Губанов Сергей Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
marker6186@list.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ СМЫСЛОВЫХ ПРЕДЕЛОВ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОННОТАЦИЙ АНТИНОМИЙ СИМВОЛА о. П.А. ФЛОРЕНСКОГО

В данной исследовательской работе значительная часть внимания сосредоточена на выявлении сущностных характеристик смысловых пределов антиномий символа в отношении привносимых ими в онтологический дискурс пространства смысловых коннотаций, оказывающих влияние на природу их понимания в творчестве о. П.А. Флоренского. Доминантами формирования парадигмы смысловых коннотаций антиномий символа становится функционирование двух уровней их развития: пространственно-временная модель Бытия и европейское искусствознание, которые в то же время не исчерпывают их многозначную сущность. Особое место в работе занимает рассмотрение онтологии символа, которая определяется в виде одной из фундаментальных единиц смыслового познания человеком культурного пространства Бытия в мировосприятии о. П.А. Флоренского.

Ключевые слова: *пространство, дискурс, смысл, антиномия, духовность, Бытие, диалектика, абсолют, символ, онтология.*

Символизм есть больше, чем философское учение, он есть целое жизнеощущение, опыт. Символ часто понимается уничижительно, как знак, внешний, произвольный, субъективный… Но символы делает символами не это, произвольное и обманчивое их употребление, но их реализм, то, что символы живы и действенны; они суть носители силы, некоторые конденсаторы и приемники мировой энергии.

М. Хайдеггер

Дискурс онтологического воззрения на действительность Флоренский фиксировал в виде духовного согласия, предполагающего то, чтобы по пути научных изысканий и размышлений в разных областях его вел Святой Дух, его символ провидений и благодатности. И различные экскурсы в область искусства с особенной яркостью высвечивают феномен этого диалога с Богом, открывающим ученому пути, которые его мысль должна осветить и прояснить для науки и духовного сознания его современников и последователей.

В искусствоведческом наследии Флоренского поражают несколько совершенно четко взаимодействующих между собой и в то же время дифференцирующих собственную сущность момента. Первый онтологически соотносится с постулатом, эксплицирующим поразительную чуткость его мыслительной деятельности к художественному контексту пространства и времени как одних из первооснов познания Бытия. В своих рассуждениях о. Павел крайне мало обращался к генезису современного ему искусства, ограничиваясь, в основном, общетеоретическими рассуждениями и не анализируя конкретные стилевые явления и персоналии. Центром его исследовательских постижений была, прежде всего, православная икона, выступающая в качестве необыкновенного символа духовного средоточия и антиномии символа антропологического единения в пространстве жизненного процесса: «Таким образом, философия о. Павла Флоренского, особенно в части обоснования и раскрытия феномена православной духовности, может не только свидетельствовать о продолжении и жизненности христианского философствования в целом, а и представлять собой апологию христианства в наши дни, аналогичную по задачам той, которая стала знаковой в первых веках нашей эры и привела, в конце концов, к победоносному утверждению веры Христовой» [3, с. 57]. Однако, анализируя иконопись, он говорил о ней именно то, что читатель начала прошлого века был в состоянии понять, благодаря воздействию важнейших стилей и форм современной ему культуры – прежде всего литературного и художественного символизма.

Онтологическая сущность второго достаточно важного феномена состоит в неопределимо

 © Губанов С.А., 2010

близкой связи суждений о. Павла об искусстве с фундаментальными проблемами современного ему европейского искусствознания. Интегративное начало таких суждений мотивировалось двусторонними поисками, связанными как с научными исследованиями Венской школы – крупнейшего очага искусствоведческой мысли первой трети прошлого века, так и с набирающей силу в Германии 1920-х годов иконологией. В области искусствознания о. Павел Флоренский представляется человеком своего времени и своей конфессиональной традиции, консолидирующей в себе не только ее высокие откровения, но также ее идеологические стереотипы и предрассудки. Особенность неповторимого взгляда на развитие христианской культуры формировалась в контексте предубеждения ведущих русских духовных мыслителей по отношению к христианской культуре Запада, что особенно ярко проявилось в православной эстетике Серебряного века. В эту эпоху разговор об иконописи или русском храмовом зодчестве был немыслим без жесткой эстетической апологетики и обязательного противопоставления иконы западной религиозной картине (разумеется, не в пользу последней) или архитектурной гармонии русского храма так называемому «мрачному аскетизму» готических базилик. Сравнение русского духовного религиозного мировоззрения с западным восприятием религиозной культуры использовалось по любому поводу, в том числе и в ситуациях, когда без него спокойно можно было вполне свободно обойтись. Непосредственно анализ художественных феноменов православной культуры нередко понимался как определенная система доказательств их превосходства над аналогичными явлениями католической и протестантской традиций (причем у наиболее критических авторов искусствоведение плавно переходило в усердную апологию вероучения). Однако проблема антиномии духовной культуры России и Запада, выявление специфики ее онтологических точек соприкосновения и расподобления – тема отдельного культурологического исследования. В рамках же данной работы важной задачей является идентификация экспликации антиномии символа в пределах культурфилософской концепции о. П.А. Флоренского. На уровне поставленной задачи мы попытаемся выявить и определить уникальные и универсальные онтологические особенности антиномии символа в размышлениях философа как методологического инструмента для познания духовного феномена культуры и корреляции с ним антропологических установок в дискурсе Бытия в целом.

Одной из распространенных и в детальном отношении широко разработанных категорий феноменологического анализа культуры в теоретическом отношении следует признать категорию «символа». Именно он становится центральным элементом разнообразных культурологических построений в творчестве не только П.А. Флоренского, но и других исследователей феноменологической природы культурфилософии действительности. Категории символа оказываются настолько универсальной онтологически интеграционной структурной системой, что предоставляют возможность увидеть сопричастность антропологического Бытия к органическому единству Абсолютного и установить саму пограничность трансцендентной и имманентной областей реальности, то есть место их встречи, в качестве особой онтологической области: «Человек оказывается в зависимости от этих метафизических обстоятельств, но именно они делают его место центральным в бытии <…>. Человек оказывается не просто медиумом при таком положении дел, ведь его духовное местоположение в таком космосе центрально, а сам космос в духовном отношении антропоцентричен» [4, с. 80]. Совмещение, точнее, конструктивизация подобной области, образует возможную модель антиномии символа реальности, воссоздает ее духовную сущностность и феномен духовной синхронии.

Признание антиномии символа духовным стержнем, располагающимся между уровнями имманентного и трансцендентного, помогает Флоренскому диагностировать символ в разрезе того, что его логическое присутствие в реальности не определяет саму его содержательность, а только лишь монументальность идентификации данности в качестве продукта мировоззрения. Поэтому антиномия символа – это лишь отвлеченное условие человеческого миросозерцания, абстрактная модель гностицизма. Методология процесса познания стимулирует состояния антиномий символа только преимущественно в имманентных формах, то есть углубляет представление о содержательности явления, раздвигает границы его онтологической перспективы. По мнению Флоренского, полноценный дискурс антиномии символа ретранслируется в процессе

стагнации его смысловой диалектики в пределах трансцендентальности, где происходит совершенствование, обновление и эсхатологичность бытийственных состояний.

Одновременно с этим антиномия символа истолковывается мыслителем как доминанта пространственно-временной модели человеческого естества, организующее и реорганизующее духовное познание вещи не через смысловую явленность ее категорий (хотя это тоже имеет место быть), а через онтологическое созидание и воплощение совмещения дихотомии имманентности и органической природы трансцендентности как конечной ипостаси в представлениях сознания об объективной, символьной стороне объекта: «По утверждению Флоренского, в познании природы идея единства и связанности всех явлений мира и человека, их восприятие как неделимого целого неизбежно должны превалировать над фрагментарной картиной бытия» [6, с. 69]. Другими словами, когда человеческое познание достигает предельной чистоты объективности суждений, тогда и наблюдается истинное постижение антиномии символа явления в самых разнообразных его вариациях, эксплицируется момент смыслового катарсиса, результатом которого становится признание Бытия в форме превосходящего и переживающего самого себя антиномического единства символического таинства: «Бытие, которое больше самого себя, – таково основное определение символа, – отмечает П.А. Флоренский. – Символ – это нечто, являющее собою то, что не есть он сам, больше его, и, однако, существенно чрез него объявляющееся»[5, с. 287].

Отмеченное в размышлениях Флоренского в формальном отношении понятие символа раскрывается как органическое двуединство «символизирующего» (вещества, феномена) и «символизируемого» (идеи, ноумена), когда между идеей и вещью возникает не просто смысловое, но реальное тождество: «Монады как реальные логические единицы сливались бы в неразличимое, стихийное единство, но как духовные, обожженные, состояния они едино-сущны, но и разно-ипостасны» [1, с. 47]. Этим утверждением верифицируется не только природа антиномии символа, но и антиномия познания человеком символических томлений в явлениях действительности. Представляясь содержащимся в реальности компонентом, антиномии символа обладают специфической онтологической способностью прочитывать духовные категории, составляющие сущностную ипостась вещи, и открывать, в буквально смысле, завуалированное таинство объекта познания, углубляющее, тем самым, содержание символической природы познаваемого, его теургического единства.

Модель теургического единства Абсолютного в чем-то таинственно определенном, конкретно выраженном – антиномии человеческого духа и духовности, познающегося явления – и есть одна из онтологически зафиксированных ипостасей о представлении символа как нерасторжимого духовного целого на части и ретрансляции духовной природы познающегося объекта в качестве ноуменального сегмента картины символа: «Бог не есть нечто физическое, что можно познать с помощью органов чувств, единственным методом Его познания, по Флоренскому, является духовное самосовершенствование, а последним этапом – восхищение, о котором говорится во «Послании к Филиппийцам» [2, с. 62]. Область движения антиномий, происходящая вокруг символа, внутри него и через него, детерминирует культивацию духовных средоточий Бытия, преимущественно располагающихся в предельных смысловых соответствиях чувственно постигаемых вещей имманентным сознанием. Только исключительность этого состоит в том, что любая опосредованная смысловая субстанция вещи осознается в процессе ее умозрительного расщепления не как окончательная граница истолкования объекта, а как нечто большее, символическое.

Таким образом, символическая антиномия вещи не замыкается в собственном, подчас индивидуальном содержательном единстве, а при помощи человеческого прочувствования ее ноуменальной энергии источает еще больший, превосходящий от известного, установленного синергетический потенциал, придающий творческому открытию мысли неисчислимую доминанту онтологических открытий. Приоритетная особенность претворения антиномии символа в реальности, в размышлениях Флоренского, состоит в самости антиномического движения в символической синхронии Бытия, где оно воспринимается в форме живого, безгранично-органического начала парадигмы (идейной сущности) явления, в которой интегрируются амбивалентно различные системы познания символа.

Библиографический список

1. *Ахунзянова Ф.Т.* Понятие Софии – Вечной Женственности в эстетике Серебряного века (Вл. Соловьев, Д.С. Мережковский, П.А. Флоренский) // Энтелехия. – 2005. – №10. – С. 47.

2. *Груздева Е.Ю.* Пути постижения Бога в трудах Флоренского и Розанова // Энтелехия. – 2008. – №18. – С. 62.

3. *Матюшко Б.К.* Отец Павел Флоренский и феноменология православной духовности // Энтелехия. – 2008. – №18. – С. 57.

4. *Океанская Ж.Л.* Язык и космос в книге «Философия имени» С.Н. Булгакова // Энтелехия. – 2005. – №10. – С. 80.

5. *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли. – М., 1990. – С. 287.

6. *Яковлев В.Ю.* Философия всеединства П.А. Флоренского в контексте оснований современной науки // Энтелехия. – 2005. – №10. – С. 69.

УДК 306

Зленко Галина Александровна
Костромской государственный технологический университет
galinazlenko@rambler.ru

ФЕНОМЕН ДИАЛОГА РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУР В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ В. НАБОКОВА

В статье рассматривается проблема диалогичности культурного пространства, дается анализ теоретических аспектов взаимодействия культур сквозь призму раннего творчества В. Набокова.

Ключевые слова: *диалог культур, периферийное зрение, раннее творчество Набокова.*

Вся история человечества – это диалог. Диалог пронизывает всю нашу жизнь. Слово «диалог» происходит от греческих dia – «два» и logos – «понятие», «мысль», «разум», «язык» и означает, следовательно, встречу двух сознаний, логик, культур. Бинарность – одна из универсальных структур всей действительности: социальной, культурной, психологической, языковой. Диалог – это общение с культурой, реализация и воспроизводство её достижений, это обнаружение, понимание и взаимопроникновение ценностей других культур. Он является необходимым условием научного поиска истины и процесса творчества в искусстве. Диалог – это понимание своего «Я» через другого. Понятие диалога актуально для современной культуры [7, с. 9–32].

Проблему диалога, как формы межчеловеческого общения, учёные умы постигали с древних времён, но особенно глубоко к диалогизму обратились немецкие философы И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг при осмыслении категории субъекта и его познающих возможностей, субъектных и межсубъектных отношений. Далее, развивая идеи Фихте об инаковости и взаимообусловленности «я» и «другого», Л. Фейербах открыл тему диалога для XX века.

В XX веке философы-культурологи, такие как М. Бубер, М. Бахтин, В. Библер, полагали, что осмысление культуры возможно лишь через точки соприкосновения отличающихся друг от друга культур. Смысл этих идей заключен в утверждении, что обладать культурой – значит быть вне собственного бытия, т.е. вступать в общение с другими. Только в этом общении (в диалоге) культура обнаруживает сама себя и понимает свою уникальность. Культурный диалог есть не просто сравнение или взаимодействие культур: он способствует логическому порождению новых смыслов культуры.

Современные культуры сформированы в результате длительного культурного диалога. В историческом плане обращение к диалогу всегда является свидетельством смены научной парадигмы. Возникновение диалога в античности было показателем того, что мифическое сознание сменялось философско-дискурсивным, критическим сознанием. Диалоги эпохи Возрождения показывают, что формируется новая парадигма, новый тип сознания. Современная культура тоже начинает переходить к новому типу бытия человека в культуре. В XX веке культура смещается в эпицентр человеческого бытия, что происходит во всех сферах жизни. Диалог культур – это общение многих уникально-всеобщих личностей, доминантой которого является взаимопонимание. Совершенно справедливо замечено исследователем, что «в глубинной идее диалога культур фор-

© Зленко Г.А., 2010

мируется новая культура общения. Мышление и бытие другого человека не только углублено в каждом из нас, оно – это иное мышление, иное сознание, внутренне насущное для нашего бытия» [4, с. 78–81].

Классиком теории диалога считается Мартин Бубер. Центральная идея философии М. Бубера – бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром. Диалог созидателен и спасителен, когда он осуществляется при посредстве Бога, его заповедей о нравственности и любви. Именно в этом диалоге выявляется жизненность и самого Бога. Исходным пунктом концепции М. Бубера служит диалогический принцип. Человек обретает собственную сущность, только вбирая в себя всечеловеческое, соотнося себя с другими людьми. Межкультурные взаимодействия не могут происходить иначе, чем через взаимодействия индивидуальных мировоззрений. Инокультурное содержание занимает двойственное положение – и как «чужое», и как «своё». Таким образом, взаимовлияние и взаимопроникновение культур является следствием косвенного взаимодействия, диалога культуры с собой, как диалога «своего» и «чужого» (имеющего двойственную природу) [3, с. 6].

Суть диалогичности – в продуктивном взаимодействии суверенных позиций, составляющих единое и многообразное смысловое пространство и общую культуру. Диалог есть всеобщность взаимодействий, через которую формируется семейство мыслителей. Философ, собирая по крупицам чужое, воссоздает подлинный образ. Эту черту подчеркивал и Х. Ортега-и-Гассет, говоря о том, что вся вереница философов выступает как единый философ, проживший как бы две с половиной тысячи лет. Диалог, который подразумевает идею культуры и является подразумеваемым идеей культуры, в принципе неисчерпаем. Диалог лишь тогда диалог, когда он может осуществляться как бесконечное развёртывание и формирование всё новых стилей каждого вступающего в диалог феномена культуры. В ходе сложного, многослойного диалога культур происходит формирование общечеловеческих ценностей.

Тема взаимодействия культур, диалога культур, была разработана в трудах М.М. Бахтина. Диалог, по Бахтину, – это всегда объединение, а не распадение. Диалог – это показатель культуры общества. «Диалог не средство, а самоцель. Быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, всё кончается. Поэтому диалог, в сущности, не может и не должен кончаться» [1, с. 433]. По мнению учёного, каждая культура живёт только в вопрошании другой культуры, а великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, только в точке их пересечения. Способность одной культуры осваивать достижения другой – один из источников её жизнедеятельности. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом..., между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [2, с. 354].

Общим качеством, единящим все человеческие культуры, является их социальность, т.е. человеческое и человечное. «Взаимопонимание столетий и тысячелетий, народов, наций и культур обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур (сложное единство человеческой культуры), сложное единство человеческой литературы» [2, с. 390]. Нет единой мировой культуры, но есть единство всех человеческих культур, обеспечивающее «сложное единство всего человечества» – гуманистическое начало. В статье «К эстетике слова» М. Бахтин утверждает, что каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьёзность и значительность – отвлечённый от границ, «он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [2, с. 266]. Следовательно, границы не только разъединяют, но и объединяют, обнаруживая смысловую целостность. И Пушкин, и Достоевский формировались на границе российской и западной культур. Они считали, что Запад – это наша вторая родина, а камни Европы священны.

Европейская культура диалогична: она основана на стремлении понять иное, на обмене с другими культурами, на дистанцированном отношении к самой себе. В развитии мирового социокультурного процесса важную роль играет диалог культур Запада и Востока, который приобрёл в современных условиях всечеловеческую значимость. В этом диалоге Россия играет особую роль, являясь своеобразным мостом, связываю-

щим Европу и Азию. В российской культуре продолжается процесс синтезирования восточных и западных культурных традиций. Двуединая природа российской культуры позволяет ей быть посредником между Востоком и Западом.

Взаимодействие культур происходит и на уровне межличностного общения, так как в ощущении реализуются общезначимые ценности культур. Характер восприятия зависит как от содержания ценностей культуры, так и от комплекса индивидуально-личностных особенностей воспринимающего. Восприятие ценностей культуры осуществляется на основе сравнения прежнего опыта и нового. При этом познание происходит не только на рациональной, но и на иррациональной основе. Чувства стимулируют понимание или препятствуют пониманию, устанавливают его границы. Сравнение – есть основа всякого понимания и всякого мышления.

Человек достигает высшего культурного развития тогда, когда большая духовная работа происходит в нём самом. Но прийти к этому он может лишь благодаря общению. Познание духовной культуры другой нации предполагает эмоционально-интеллектуальную активность субъекта восприятия, систематичности накопления знаний о содержании инонациональных культурных ценностей. Процесс влияния национальных культур состоит не в дублировании достигнутых результатов путем их перевода на другой язык, не в подражании им, а в выражении мыслей и страстей человека, живущего интересами эпохи.

Во взаимодействии культур всегда срабатывает закон: культура не отвергает культуру. В процессе взаимодействия культур можно выделить два вида диалога: прямой и косвенный. Прямой диалог – это когда культуры взаимодействуют друг с другом благодаря компетентности и толерантности её носителей, тогда происходит обмен на уровне языка. Косвенный диалог при взаимодействии культур происходит внутри культуры, в составе её собственных структур. Человек вступает в диалог не только с другим человеком. Он вступает в диалогические отношения и с самим собой как с «другим», обращая своё сознание не только на себя, но и к себе. Сопоставляя своё сознание с сознанием «другого» в диалоге, человек познаёт себя как «другого» и «другого» как себя, что и обуславливает саморазвитие сознания личности и обеспечивает её культурное возвышение. Влияние нужно рассматривать как творческий процесс, по ходу которого чужое наследие становится неотъемлемой частью собственного духовного опыта.

Диалог – это форма связи субъектов, акцентирующая внимание на взаимонеобходимости «Я» и другого «Я». По мнению М.М. Бахтина, «у человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе» [2, с. 329]. Поэтому диалог есть «противостояние человека человеку, противостояние “Я” и “Другого”» [1, с. 299]. И в этом главнейшая ценность диалога. Диалог, следовательно, не просто общение, но взаимодействие, в ходе которого человек открывается себя и другим, обретает и узнает своё человеческое лицо, научается быть человеком. В диалоге происходит «встреча» субъектов. «Я» ничего не могу сказать о себе, не соотнося себя с «Другим», «Другой» помогает мне узнать себя.

Надо отметить, что для каждой культуры и для каждой индивидуальности проявления диалога различны. На самом деле их столько, сколько субъектов культуры принимает участие в этом диалоге. Яркий пример межнационального культурного взаимодействия – трагичность и противоречивость авторского выражения себя через другую культуру, явленное русской эмиграцией. Множество ярких, талантливых представителей русского культурного ренессанса начала XX века замолчало в условиях чужой (хотя ранее изученной и знакомой) культуры. Но были и те, чей творческий потенциал, напротив, расцвёл в условиях иного менталитета. Наиболее показательным и уникальным в этой связи представляется гений писателя русского зарубежья В.В. Набокова.

Уже в первых строках своего первого романа «Машенька», созданного в Берлине, Набоков описывает берлинский пансион, постоянно содрогающийся от грохота проходящих мимо поездов. Живущие в нём русские эмигранты как бы едут неизвестно куда. Дом сотрясается, но не сдвигается, и эта тряска на месте, движение без продвижения представляется метафорой эмиграции: «Пансион был русский и притом неприятный. Неприятно было главным образом то, что деньденьской и добрую часть ночи слышны были поезда городской железной дороги, и от того казалось, что весь дом едет куда-то» [5, т. 1, с. 37]. Этот наполненный русскими дом едет в Россию, которой уже нет. Писатель, проживая в эмиграции в Берлине, предельно негативно относился к немцам и Германии. Он отказывался понимать

немецкий язык. «Американские мои друзья явно не верят мне, когда я рассказываю, что за 15 лет жизни в Германии я не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка» [8, с. 159]. Почему писатель, гордившийся безупречным знанием английского и французского, так настаивал на своем незнании немецкого языка, которое он, по мнению исследователей [6, с. 163], намеренно преувеличивал?

На уровне рационализации Набоков отвечал, что в тот период ему нужно было отключиться от внешнего влияния, чтобы работал исключительно механизм его русской, прежде всего детской, памяти. А для этого нужно было, чтобы всё немецкое – и прежде всего окружающий берлинский ландшафт – перестало вокруг него существовать. И тогда была бы достигнута искомая чистота воспоминаний. Теперь понятно, почему писатель отказывался видеть Германию центральным зрением, но его периферийное («птичье», как он называл его в книге о Гоголе) зрение не отключалось ни на секунду и фиксировало мельчайшие детали окружающего мира, нюансы освещения, интонации речи, мелкие предметы (форма трамвайного кондуктора, пуговицы на его мундире, литые решетки подземки). Он как бы придаёт черты вечности всем окружающим деталям, на фоне которых прорастают его детские воспоминания. Более того, без этих опор не может функционировать сам механизм его воспоминаний. По справедливому замечанию исследователя, необходимой частью набоковской России «оказывается увиденная периферийным зрением, хотя и декларативно отвергаемая Германия, прежде всего Берлин…» [6, с. 163]. Таким образом, писатель воспользовался отстранением от окружающей культуры, чтобы акцентировать материал своих произведений.

Веймарская Германия усиливала в Набокове чувство бесприютности, утерянной родины. В Берлине в 1922 году был убит его отец. Возможно, это трагическое событие сделало из юного В. Набокова писателя В. Сирина, во всяком случае, оно символически воспроизводится в его романах. Жить литературой в Берлине для русского автора было невозможно. В таких условиях *символические требования* к литературе возрастали, а Германия теряла собственную плотность и, как казалось писателю, отступала перед грандиозными видениями России. Но в том-то и суть набоковского диалога с Россией через немецкое окружение. Видения, возможно, могли возникать только на этом, веймарском фоне. Не случайно в Америке, где Набоков был профессионально востребован и как преподаватель, и как писатель, и как энтомолог, диалог его творчества с русской культурой стал менее живым, но более объективным: воспоминание о России перестало быть воспоминанием только о личных утратах.

Германия же, наоборот, обеспечивала ситуацию двойной утраты, обострявшей первоначальную травму: Россия была утрачена на фоне утрачивающей себя Германии. Приход к власти нацистов воспринимался писателем по аналогии с приходом к власти большевиков, т.е. был зеркальным повторением уже пережитой травмы, ставшей причиной эмиграции. Мир романов Набокова во многом структурировался не только утратой России, но и вторичной немецкой травмой, во время которой писались его лучшие тексты; вторичная немецкая травма помогла понять логику травмы первичной и значительно более тяжелой.

В Америке набоковское письмо попало в зависимость от совершенно других условий, что исследователи называют «другой экономией желания» [6, с. 165]. Связь автора с родным языком, бывшая абсолютно необходимой в бесприютной Германии, прерывается. Теперь он декларировал не полную отстранённость (как в случае с немецким языком), а, напротив, совершенное владение английским языком. В Америке Россия становится более абстрактной и принимает форму подстрочного перевода и комментариев к «Евгению Онегину» – работы, которую Набоков считал главным делом своей жизни (правда, наряду с «Лолитой»).

И всё же почему для воссоздания России писателю было противопоказано знание немецкого языка, но не английского или французского? В этом суть набоковского диалогизма – миф об уникальности русской утраты мог быть создан через сознательное отстранение от немецкой культуры, но бессознательное её присутствие. Если бы писатель не прозревал утраченную Россию в ещё не утраченной Германии, разрушился бы смысл таких текстов, как «Машенька», «Король, дама, валет», «Камера обскура», «Защита Лужина», «Дар».

С приходом к власти в Германии диктатора, сходство которого с Лениным или Сталиным для

Набокова было очевидным (поскольку все диктаторы для него были на одно лицо), он переживает символическое возвращение в постреволюционную Россию. Начиная с 1933 года, его отстранение от всего немецкого приобретает дополнительный смысл – теперь он относится к Германии так же отрицательно, как к Советской России, а многие его позднейшие суждения о советских людях вдохновлены наблюдениями за немцами первых лет гитлеровского правления.

Таким образом, Россия и Германия в раннем творчестве Набокова были всегда связаны между собой, а Германия его романов – это отправная точка для писательских фантазий на тему России. В. Набоков, сопоставляя и противопоставляя свое сознание сознанию «другого», вступает в косвенный диалог с немецкой культурой и, тем самым, включает немецкую культуру в собственный духовный опыт.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1972.

2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1986.

3. *Бубер М.* Я и Ты. – М., 1993.

4. *Вострякова Ю.В.* Проблемы познания в диалоговом пространстве современной культуры // Философско-методологические проблемы науки и техники. – Самара, 1998.

5. *Набоков В.В.* Собрание сочинений в 4 т. – М.: Правда, 1990.

6. *Рыклин М.* Свобода и запрет: Культура в эпоху террора. – М.: Логос: Прогресс-Традиция, 2008.

7. *Сайко Э.В.* О природе и пространстве «действия» диалога // Социокультурное пространство диалога. – М., 1999.

8. Terra incognita. – М.: ДЭМ, 1990.

УДК 82

Кашина Наталья Константиновна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

О ГРАНИЦАХ И ГОРИЗОНТАХ ФОРМАЛИЗМА (к проблеме восприятия розановских текстов)

Одним из первых смог выявить своеобразие розановских текстов автор манифеста формалистов В. Шкловский. В данной статье рассматривается продуктивность понятия «приём» в постижении творческого процесса, уточняются сферы употребления терминов «онтологизм» и «художественность».

Ключевые слова: *формализм, образ, приём, характер, тип, художественное и мифологическое мышление, онтологизм, художественность.*

В. Шкловский в статье «Искусство как приём» отправной точкой для размышлений выделяет фразу: «искусство – это мышление образами». Оспаривая справедливость концепций А. Потебни, Д. Овсянико-Куликовского, учёный утверждает, что этому определению противоречит сама природа таких видов искусства, как музыка, архитектура и …лирика («в тесном смысле этого слова» [6, с. 59].

Непосредственной реализацией трактовки искусства как мышления образами учёный считает символизм. Но именно образы, считает В. Шкловский, и лишены индивидуальности и неповторимости, «почти неподвижны; от столетия к столетию, из края в край, от поэта к поэту текут они, не изменяясь. Образы – “ничьи”, “божьи”. Чем больше уясняете вы эпоху, тем более убеждаетесь в том, что образы, которые вы считали созданными данным поэтом, употребляются им взятыми от других и почти неизменными. Вся работа поэтических школ сводится к накоплению и выявлению новых приёмов расположения и обработки словесных материалов и, в частности, гораздо больше к расположению образов, чем к созданию их» [6, с. 60].

Когда В. Шкловский ставит под сомнение справедливость тезиса «Искусство – мышление образами», он не рассматривает возможность возражения: «А не является ли само мышление искусством?» Заявляя о том, что искусство есть способ переживать деланье вещи, он не допускает сомнения: не оказывается ли сам процесс *деланья вещи* её восприятием, уже являющимся не чем иным, как своеобразным, *мифологическим мышлением*?

© Кашина Н.К., 2010

Процесс восприятия в искусстве провозглашается самоцелью, и именно ему должен служить весь творческий акт: «Цель образа – не приближение значения его к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, *создание "виденья" его, а не* "узнаванья"» [6, с. 68]. В этих словах и заключается основа рождающейся эстетики. *Видение* предполагает непосредственность восприятия в отличие от *узнавания* как проекции знания на предмет. Именно видение предопределяет *понимание*. Иными словами, В. Шкловский обозначил изменение парадигмы искусства, когда на смену миметическому пришло искусство погружения в мир сущностей. При этом совершенно справедливо учёный выводит как основной элемент, основное средство этой эстетики приём *остранения*, который и составляет, по мнению автора, суть *художественности*.

Само понятие художественности автор связывает с нарочитостью выведения из автоматизма восприятия той или иной вещи. Именно такими возможностями обладает *поэтический язык*. В этом контексте становится актуальным *приём* как средство остановки внимания. Именно на таком определении основана трактовка поэтической речи как речи-построения, которой противопоставляется проза как речь обычная.

Вечные и неизменные образы начинают функционировать как художественные только при осуществлении приёма. На этом основании В. Шкловский критикует А. Потебню, который «не различал язык поэзии от языка прозы. Вследствие этого он не обратил внимания на то, что существуют два вида образа: образ как практическое средство мышления, средство объединять в группы вещи, и образ поэтический – средство усиления впечатления»[1] [6, с. 60–61]. Далее следует пример того, как одно и то же слово может оказаться тропом прозаическим (метонимией) и образом поэтическим (метафорой) в зависимости от поставленной задачи: создать наибольшее впечатление или обобщение (отвлечение) отдельных качеств предмета. При этом В. Шкловский делает категорическое заявление: «Это – мышление, но это не имеет ничего общего с поэзией» [6, с. 61].

Категорическое противопоставление мышления поэзии, на котором настаивал В. Шкловский, теряет свою остроту, если вновь обратиться к работам А. Потебни. Так, в лекции «Мышление поэтическое и мифическое» учёный рассматривает миф с точки зрения его участия в акте познания, при этом выводит закономерность: «…Чем немифичнее мышление, тем явственнее сознаётся, что прежнее содержание нашей мысли есть только *субъективное средство* познания; чем мифичнее мышление, тем более оно представляется *источником* познания» [1, с. 418]. В этой ситуации особую ценность приобретает априорность мышления. Не эта ли априорность является целью *выведения вещи из автоматизма восприятия*, о котором так заботился В. Шкловский.

Статья В. Шкловского «Искусство как приём», ставшая манифестом формальной школы, была написана в 1916 г., а в 1886 г., за 30 лет до неё, был опубликован труд В. Розанова «О понимании». Именно в этой работе задолго до «Уединённого», коробов «Опавших листьев», принесших литературную известность автору, осмысливается понятие ***художественности***.

Декларации отказа от художественности хорошо известны в русской литературе XIX века – от А. Пушкина до А. Блока. Н. Чернышевский после двух глав романа помещает «Предисловие», в котором, затевая с читателем игру, категорически заявляет: «У меня нет ни тени художественного таланта. Я даже и языком-то владею плохо» [5, с. 37]. Смысл игры заключается в том, чтобы «добрейшая публика», но «не мастерица отгадывать недосказанное», увидела новый способ письма, где главная роль принадлежит истине. Оставим споры о сомнительных достоинствах романа «Что делать?» – автор его действительно обозначил важную проблему художественности в литературе.

При всей кажущейся очевидности и прозрачности понятия «художественность», оно требует к себе особого внимания. Чаще всего его актуализация приводила к категорическим отказам от самой литературы, что провозглашали в своё время и А. Пушкин, и Л. Толстой, но с особенной силой этот отказ прозвучал у В. Розанова: «Литература вся празднословие… Почти вся… Исключений убийственно мало» [4, с. 61]. «Не литература, а *литературность* ужасна; литературность души, литературность жизни. То, что всякое *переживание* переливается в играющее, живое слово: но этим всё и кончается, – само *переживание* умерло, нет его…», – уточняет писатель [4, с. 171].

В. Розанов пытается преодолеть литературу как устоявшуюся эстетическую систему со своими *технологическими* приёмами. В сущности, это не что иное как предчувствие власти симулякра в последующей практике постмодернизма.

Иными словами, литература может создать имитацию реально переживаемого, некие фантомы, порождённые автором.

Ещё в трактате «О понимании» В. Розанов категорически развёл два понятия: «поэзия» и «художественная литература»: «Литература до Гоголя была у нас исключительно поэзиею, так что ранее этого писателя не было ни одного даже посредственного художника и самое явление художественности было неизвестно <…> Многие чувствовали, что его творения есть нечто совершенно разнородное с тем, что дотоле появлялось в нашей литературе, и отказывали ему в названии “поэта”, не желая одним именем называть два различные явления» [3, с. 465]. Для В. Розанова сам Гоголь – фигура ключевая, означающая некую внемирность, неестественность.

О гоголевской художественности В. Розанов пишет: «На этой картине совершенно нет живых лиц: это крошечные восковые фигурки, но все они делают так искусно свои гримасы, что мы долго подозревали, что уж не шевелятся ли они. Но они неподвижны… Передвигают руками и ногами, но вовсе не потому, чтобы хотели это делать; это за них автор переступает ногами, поворачивается, спрашивает и отвечает: они сами неспособны к этому» [2, с. 163].

В. Розанов заботливо оберегает творчество от власти внешнего мира: так в образной системе литературы он различает *характеры* и *типы*. Первые изображаются в поэзии и в «художественной литературе», а типы – достояние исключительно художественное. Различаются они по участию личности автора: в поэзии происходит движение от образов, родившихся в воображении поэта, к жизни, в художественной литературе – от наблюдаемых в жизни образов к субъективным: «Там, в поэзии, происходит сближение с жизнью того, что не сходно с нею и не из неё произошло; здесь, наоборот, происходит удаление от жизни того, что тождественно с нею и из неё взято» [3, с. 458].

Розановский отказ от литературы гораздо серьёзнее, чем некая риторическая фраза или литературный приём. В трактате «О понимании» он, рассматривая виды творчества, предлагает обстоятельную характеристику творчества религиозного. При этом существенна оговорка, помещённая автором в сноску: «В религии же истинный человеческий дух является не творящим, но воспринимающим и передающим» [3, с. 427]. В связи с этим его установка «Не я пишу – во мне пишется» является принципиальной. Отказ от авторского права на вымысел, на иллюзию и есть подлинная причина отказа от художественности во имя религиозного творчества: «…В нём человеческая природа возвращается к той первозданной чистоте, которой постепенное затемнение составляет, по-видимому, необходимое зло в истории» [3, с. 429–430].

Принципиальной установкой в творчестве является синкретичность, свойственная творчеству религиозному, так как и религиозное чувство восходит «ко всей человеческой природе в её целом», а само религиозное учение, результат этого творчества, «содержит в себе все элементы человеческого существа, не чуждо ни одного из них: оно всегда и одновременно бывает проникнуто и глубокою мудростью – хотя не есть произведение мышления, и чистою нравственностью – хотя не есть нравственное поучение, и исполнено высокой красоты – хотя не создано художественным чувством» [3, с. 428].

Именно такое понимание сущности творческого процесса и объясняет своеобразие и уникальность произведений В. Розанова.

В розановской трактовке творчества есть наблюдение над свойством пространственности как элементе формы: «…Поэтические образы, картины и сцены суть формы, исходящие из духа, которые ранее прошли через душу поэта в *цельном виде* (т.е. как пространственные) и переходят в воображение читателя также в цельном виде, хотя и передаются по частям, в ряде преемственных сцен, которые сильнее и сильнее оттеняют и обрисовывают выводимое лицо» [3, с. 453]. Процитированный фрагмент удивительным образом перекликается с текстом В. Шкловского, увлечённого борьбой с *автоматизацией* образа. Автор рассматривает только «алгебраический» способ мышления, при котором «вещи берутся счётом и пространством, они не видятся нами, а узнаются по первым чертам. Вещь проходит мимо нас как бы запакованной, мы знаем, что она есть, по месту, которое она занимает, но видим только её поверхность» [6, с. 63]. Если вспомнить его замечание о вневременном характере образов, вечных образов, то лежащие в основе понятия «художественность» способы *остранения* прямо соотносятся с розановской трактовкой ***сюжета*** как временного начала: «Это частное, с помощью чего разрабатывается то общее, что уже сказано в преемственных очертаниях поэзии, есть *сюжет*» [3, с. 452].

Таким образом, рождается пространственно-временное целое произведения, что и создаёт особое содержание: «Вследствие того, что поэтическое произведение, в противоположность произведениям всех других видов искусства, не только не расстраивается от введения различных и даже противоположных образов, сцен и картин, но даже выигрывает, происходит то, что <…> поэзия отражает в себе и *человека*, и *жизнь* его. В неё входят и думы, и чувства, и желания поэта, и текущая жизнь во всём своём разнообразии и со всеми своими контрастами» [3, с. 453].

Подчеркнём последнее уточнение: разнообразие жизни и контрасты не нарушают единства, но являются обязательными средствами отражения в поэзии полноты уже не вещи, а человека и всей его жизни. Так предопределяет В. Розанов мифологическую логику своих произведений – логику контраста, логику парадокса, которая соответствует самой жизни.

Целью поэтического искусства у В. Шкловского является стремление «вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи» [6, с. 63]. Но если, по Шкловскому, достаточно создать ситуацию остранения, вывести вещь из автоматизма восприятия, чтобы цель искусства была достигнута, то В. Розанов рассматривает сюжет как организацию восприятия целостного произведения. Таким образом, само произведение – это не просто видение вещи, а её переживание во времени через сюжет. Именно пространственно-временная форма позволяет поэтическому произведению вобрать в себя человека, его жизнь во всех её противоречиях.

У В. Розанова есть ещё одно важное уточнение: речь идёт не о человеке вообще (о типе в художественной литературе), а о характере (в поэзии), который движет жизнь, опираясь на себя, сообразно своим целям: «Характер – это прежде всего дух, самостоятельный и замкнутый, богатый целями и сильный в стремлении. <…> Деятельность – это то, что входит различающим началом в жизнь, что уничтожает тождество её с собою самой. <…> Если среди шумной и суетливой жизни, однообразно изменчивой, появляется человек с созерцательною душою, если в вихрь меняющихся взглядов и мыслей он вводит своё ясное и спокойное миросозерцание, глубоко обдуманное в тиши, то он характер» [3, с. 455].

В статье «Розанов» В. Шкловский провозглашает: «Содержание (душа сюда же) литературного произведения равно сумме его стилистических приёмов» [6, с. 121]. А затем после рассуждения о судьбе жанров в литературе автор пытается определить розановские книги «Уединённое», «Опавшие листья» как подобие романа пародийного типа, «со слабо выраженной обрамляющей новеллой (главным сюжетом) и без комической окраски» [6, с. 125]. Несмотря на то что трудно представить пародию без «комической окраски», наблюдения В. Шкловского, «посмиревшего с годами» («Мне минуло двадцать восемь лет 12-го января», – сообщает автор), представляют собой попытку определить фору анализируемых произведений. Под формой учёный понимает не только литературные тропы и сюжетные приёмы: книги В. Розанова, как он подчёркивает, составляют литературные, публицистические статьи, биография автора, сцены из его жизни и, в том числе, фотографические карточки. Это действительно новая форма, явление, выходящее за рамки собственно литературы, – книга.

Новая форма, как считает автор, связана с необычными «кухонными» темами, которые ввёл В. Розанов. Затем автор статьи резюмирует: «Среди вещей, созданных заново, создался и новый образ поэта» [6, с. 125]. Заметим, не *писателя*, а *поэта*. Очевидно, именно этим обстоятельством обусловлено то, что именно Розанов – поэт, особенный и гениальный, как определил его В. Шкловский, смог дать вещам «ореол» и «прославление».

От проницательного взгляда исследователя не ускользнуло и особое отношение В. Розанова к графическому оформлению: семейные фотографии вклеены иначе, чем другие иллюстрации, без полей, что и «производит впечатление не книжной иллюстрации, а подлинной фотографии, вклеенной или вложенной в книгу» [6, с. 127]. Другие же, официальные и фотодокументы, опубликованы с полями, что, по мнению В. Шкловского, является стилистическим приёмом, подчёркивающим документальность изложения.

В. Шкловский настаивает на продуманности применяемого приёма «домашности». Логику творческого становления писателя исследователь представил таким образом: от противоречивости политических выступлений Розанова-публициста («Правда, он писал в одной газете как чёрный, а в другой как красный. Но это делалось всё же под двумя разными фамилиями» [6, с. 127]) – к произведениям художественным, где «да»

и «нет» существуют одновременно: факт биографический возведён в степень факта стилистического. «Чёрный» и «красный» Розанова создают контраст как Розанов «грязный» и «божественный». «Само “пророчество” его изменило тон, потеряло провозглашение, теперь это пророчество домашнее, никуда не идущее» [6, с.127].

Основной принцип построения розановских произведений автор исследования назвал оксюмороном, развитым в сюжет: «Великий Розанов, охваченный огнём, как пылающая головня, пишущий Священное писание, – любит папироску после купанья и пишет главу на тему “1 рубль 50 коп.” …

Творчество и мировые слова, сказанные Розановым на фоне “1р. 50 коп.”, и рассуждения о том, как закрывать вьюшки, – является одним из прекраснейших примеров оксюморона» [6, с. 129]. Этот приём осуществляется также в несоответствии мысли и указания автора на место и время, когда она появилась. В. Шкловский, ссылаясь на текст «Опавших листьев», говорит, что это стремление к документальности, в сущности, тоже не случайно, это, как пишет В. Шкловский, «указания на выпад из литературы обычно служат для мотивировки ввода нового литературного приёма» [6, с. 131]. Однако автор процитированных строк, увлечённый вычленением приёмов, не заметил, как сам писатель обозначил его цель: эти несовпадения нужны были для того, чтобы сделать очевидным факт самостоятельности жизни души, которая имеет источник вне зависимости от ощущений, имеет другой толчок.

«Откуда же?

От Бога и рождения» [4, с. 759].

Автор статьи «Розанов» вряд ли обратил внимание на это признание В. Розанова, который, будучи почти в таком же возрасте, написал свой трактат «О понимании» (издан, когда автору исполнилось 30 лет). Однако для него это признание принципиально важно. Заявив в трактате, что поэт черпает свои откровения не из окружающей жизни, В. Розанов действительно предопределил своё будущее творчество.

Углубляясь в исследуемые тексты, учёный убедительно воспроизвёл сюжетную схему трёх самых известных. Выделив 8 тем, В. Шкловский определил механизм их ввода и развития от неожиданного появления в произведении – к развёртыванию в разрозненных фрагментах – к устойчивому и теперь закономерному присутствию. «Этим достигается то, что прежде всего новая тема не появляется для нас из пустоты как в сборнике афоризмов, а подготовляется исподволь, и действующее лицо или положение продёргиваются через весь сюжет» – резюмирует исследователь [6, с. 133].

В итоге своих размышлений В. Шкловский делает вывод о том, что «Уединённое» и короба «Опавших листьев» можно определить как *романы без мотивировок*. В заслугу писателя ставится канонизация новых тем и создание композиции, построенной на обнажении приёма. В. Шкловский предполагает, что сама немотивированность связи частей – результат газетной техники, которая и стала затем стилистическим приёмом.

Учёный заметил отличительную черту розановских образов: их непосредственную значимость, которая подобна детскому восприятию, где стул есть сам по себе явление, а не «подробность мебели». Увлёкшись исследованием способов создания подобных образов, В. Шкловский снова *не заметил*, как за этой непосредственностью и яркостью образа проступает и возможность интерпретировать его как предпосылку мифологического мышления, задачей которого и является дорефлексийное восприятие мира.

Статью «Розанов» В. Шкловский опубликовал позже отдельной брошюрой. Темпераментный, романтичный учёный был, очевидно, наполнен пафосом первооткрывателя, осваивая новый уровень литературоведения. Произведения В. Розанова, которые формировали новую литературу, позволили молодому учёному обрести почву для интуиций. Ограничивая предмет исследования приёмом, он открыл способ проникновения в розановский текст, но отказавшись от образа, Шкловский-формалист, в сущности, отказался от его постижения. Однако именно В. Шкловскому удалось связно высказаться о мастерстве В. Розанова.

Примечание

[1] Трудно согласиться с подобной критикой А. Потебни, так как в лекции «Поэзия и проза. Их дифференцирование» А. Потебня различает поэтическое слово как слово с *живым представлением* и прозаическим, *лишь звуковым посредником между познаваемым или объясняемым и объяснением.*

Библиографический список

1. *Потебня А.А.* Эстетика и поэтика / Сост., вступит. статья и примеч. И.В. Иванько и А.И. Колодной. – М., 1976.

2. *Розанов В.В.* Мысли о литературе / Вступ. статья, сост., комментарии А. Николюкина. – М.: Современник, 1989.

3. *Розанов В.В.* Сочинения: О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М., 1995.

4. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей / Сост., предисловие, комментарий В.Г. Сукача. – М.: Моск. рабочий, 1990.

5. *Чернышевский Н.Г.* Что делать? Из рассказов о новых людях. Роман. – Л.: Худ. литература, 1971.

6. *Шкловский В.Б.* Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). – М.: Сов. писатель, 1990.

УДК 748

Королев Марк Юрьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МАРКА ШАГАЛА

Данная статья посвященная проблеме культурной репрезентации в творчестве Марка Шагала.

Ключевые слова: *репрезентация, культурная репрезентация, витражи синагоги Медицинского центра Эйн Керем в Израиле, двенадцать колен Израилевых, Ветхий Завет, витражи Шагала.*

Понятие репрезентации вошло в научный обиход в начале XX века в результате психологических исследований Витгенштейна, Титчинера, Хольта, Выготского, а затем и философских трудов Э. Гуссерля. Сегодня в научной среде под репрезентацией подразумевается многозначное понятие, широко употребляемое в философии, психологии, социологии и культурологи. Наиболее общее определение может быть зафиксировано как «представление одного в другом и посредствам другого». Репрезентация является конститутивной функцией знака, поэтому понятия «репрезентация» и «знак» взаимно определяют друг друга. Репрезентация создает знак и сама предстает как знаковый феномен. Оба понятия раскрываются через связь презентацией как присутствием или наличием, что демонстрирует исторически-традиционный подход к их определению. Связь выражается в том, что феномен репрезентации изначально задается как «запаздывающий» или вторичный относительно присутствия – презентации, то есть репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент репрезентирования) объекта, который она репрезентует. Отсюда выводится ее значение правомочного «представительства». Понятие репрезентации изначально оказалось осложнено значением «отображения» или образного представления.

Исходным этапом образования репрезентации является перцептивная информация. Целый ряд психических явлений, например ощущения, мысли, чувства, а также мысленные образы, не может непосредственно наблюдаться другими людьми. В этой связи можно говорить о том, что мысленные образы и репрезентации имеют «личный», персонифицированный характер.

Взгляд ученых на психологическую репрезентацию как на мысленный образ, по сравнению с тем, который основан на перцептивном аспекте ее возникновения, имеет существенные отличия. Они заключаются в том, что объектами репрезентации – мысленного образа рассматриваются сложные социальные явления, вплоть до целых сфер общественного сознания, таких как архитектура, живопись, театр.

Таким образом, выделяется культурная репрезентация, понимаемая как связанность культурных феноменов и социальных процессов, интегрирующая общественную систему в единое целое, проявляющаяся либо как моностилистическая (т.е. каноническая), либо как полистилистическая (множественная). Культурная репрезентация не только способствует культурной интерпретации тех или иных общественных явлений, но и предопределяет форму и способ их социальной онтологичности, то есть реального бытия.

Понятие «репрезентация» является, пожалуй, ключевым для современной парадигмы «культурных исследований», и в то же время это – одно из наиболее проблематичных в плане корректного собственного определения терминов. Репрезен-

 © Королев М.Ю., 2010

тацией в искусстве или философии следует считать представление чего-либо существующего другими средствами или же определять репрезентацию как процесс, посредством которого субъекты культуры используют язык (любую систему знаков) для производства значений. Объекты репрезентации не обладают смыслом сами по себе, смысл рождается в процессе интерпретации и коммуникации, кодирования и декодирования текстов и зависит от культурного контекста.

С этой позиции примерами репрезентации могут служить произведения изобразительного искусства как полистилистическое представление некой существующей идеи, явления, вещи средствами художественного языка для выражения собственного отношения к ним автора произведения: «…Есть …мастера, которые любой сюжет трактуют как неотъемлемую часть собственной биографии, видят себя прямыми участниками изображаемого, пусть даже это возможно при помощи мечтательных допущений и фантасмагорий» [1, с. 131]. К такому явлению относятся и двенадцать витражей Марка Шагала в синагоге Медицинского центра Эйн Керем в Израиле, открытого в 1962 году.

По существу, двенадцать цветных окон, представляющих в технике витража образ двенадцати колен Израилевых, есть репрезентация еврейского мироощущения второй половины XX века через мировоззрение отдельного художника-еврея, осмыслившего 49 главу книги Бытия с общечеловеческой позиции: «…Мы живем в истории, и история живет через нас. Эта …констатация отчасти и позволяет нам осмыслить тексты ветхозаветного канона – при тысячелетиях их предыстории и исторического сложения, при всей хронологической растянутости, лингвистической сложности и при всем жанровом разнообразии библейских нарративов – как особый пласт общечеловеческого исторического наследия» [3, с. 37]. Историк и философ Е.Б. Рашковский определяет сверхсюжетный и сверхжанровый стержень ветхозаветных повествований как *сквозную сагу*, то есть историю народа как семьи, человечества как семьи или совокупности семей [см.: 3, с. 41], и указывает на то, что «сквозная библейская сага о судьбах древнего Израиля опирается на огромный пласт вовлеченных исторических источников – от мифов и устных преданий до авторских, авторизированных или вольно пересказанных личных и официальных документов» [3, с. 42]. Таким образом, сам текст Библии является культурной репрезентацией, в которой «история человека в контексте истории космоса, истории социальности, истории этнокультурных потоков, истории своего ближайшего окружения – …и есть тема ветхозаветной сквозной саги. Увиденная и воспринятая напрямую соотнесенность человеческих судеб с их сложным тео-космо-историческим контекстом – непременная и важнейшая характеристика любого из разделов, любой из книг Ветхого Завета» [3, с. 42].

Темой витражей в синагоге Медицинского центра Эйн Керем взята 49 глава книги Бытия, в которой рассказывается о том, как третий из библейских патриархов Иаков перед смертью пророчески благословлял каждого из своих двенадцати сыновей: «И призвал Иаков сыновей своих и сказал: соберитесь, и я возвещу вам, что будет с вами в грядущие дни; сойдитесь и послушайте, сыны Иакова, послушайте Израиля, отца вашего» [Быт., 49: 1–2]. Содержание этой главы связано с темой распространения и разъединения еврейского народа по миру, характеристикой каждого рода (колена) и будущей судьбы еврейства.

В пространстве синагоги витражи располагались четырьмя группами по три витража в каждой, подобно тому, как, согласно Библии, размещались вокруг Скинии Завета шатры двенадцати колен Израиля во время их странствий по пустыне. Порядок расположения стекол по периметру здания определялся последовательностью, с которой Иаков произносил свои благословения (в свою очередь обусловленной старшинством его сыновей).

Цикл открывался витражом, посвященным Рувиму: «Рувим, первенец мой! ты – крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и верх могущества; но ты бушевал, как вода, – не будешь преимуществовать, ибо ты взошел на ложе отца твоего, ты осквернил постель мою, [на которую] взошел» [Быт., 49: 3–4]. В витраже преобладает синий цвет, очевидно, потому, что Рувим «бушевал, как вода», водную стихию обозначают рыбы, над которыми летят птицы, таким образом, определяется единство (земное и небесное) мироздания, над которым светится золотистое солнце с начертанными на нем словами Писания.

Далее – витражи, обозначающие братьев Симеона и Левия: «Симеон и Левий братья, орудия жестокости мечи их; в совет их да не внидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава

моя, ибо они во гневе своем убили мужа и по прихоти своей перерезали жилы тельца; проклят гнев их, ибо жесток, и ярость их, ибо свирепа; разделю их в Иакове и рассею их в Израиле» [Быт., 49: 5–8]. Второе окно, посвященное роду Симеона, также выполнено в синих тонах, но в мрачно-синих с изображением крылатого коня – вестника войны и смерти («орудие жестокости меч их»), опосредованно указывающего на жестокую расправу, учиненную Симеоном вместе со своим братом-близнецом Левием над жителями города, из которого происходил возлюбленный их сестры Дины. Так как Симеон и Левий издавна отождествлялись с созвездием Близнецов, Шагал включил в композицию изображения планет. Самая большая – Земля – разделена на две полусферы, дневную и ночную. Выше можно увидеть две небольшие планеты, цветущую и пустынную («разделю их в Иакове и рассею их в Израиле»), а также словно обагренных кровью птиц («ибо они во гневе своем убили мужа»). Крылатый телец – образ жертвы – «по прихоти своей перерезали жилы тельца».

В третьем окне – витражная репрезентация рода Левия. Ее образы-знаки отвечают уже не тексту книги Бытия, а более позднему тексту Второзакония, в котором Моисей, выполняя повеление Бога, провозглашает левитов избранным сословием, помощниками священников, ааронитов: «ибо они, *левиты,* слова Твои хранят и завет Твой соблюдают» [Втор., 33: 9]. Отсюда сияющие солнечно-желтые тона (золотой свет символизирует Божественное сияние), изображения звезды Давида, скрижалей, свечей, священных животных, держащих вазу с цветами.

И так обозначается каждый род, символами фигуративных изображений и символикой цвета, художник «кодирует» информацию об израильских родах, как о собственной семье: «…Шагал крепко держался за национальный (или даже родовой, чуть ли не «племенной») миф еврейства диаспоры» [1, с. 312]. «Родовой микрокосм Шагала …принадлежит тому измерению архаической цивилизации, которое связано с биокосмическим целым вселенской жизни. Люди, животные, вещи не отделяют себя друг от друга в этом биокосмосе, поэтому …визионерские совмещения разных существ и предметов, закономерным образом населяют его картины» [1, с. 322]. Все эти изображения репрезентируют человеческую историю, частью которой является и история еврейского народа, через собственную личность художника: «…Он уникален глубиной своего чувства, которое провело его от поверхностных проявлений его личностного существования до фундаментальных мировых символов – основы всего личного существования» [2, с. 196]. В сущности, в этих словах речь идет о репрезентативности всего творчества Шагала, какими бы художественными средствами он ни пользовался.

Не случаен и выбор витражной техники, так как одним из сквозных мотивов всего шагаловского творчества был мотив окна, который выражал присущий Шагалу взгляд на внешний мир изнутри, из глубины своего сознания и бессознательного. С другой стороны, художник на всех этапах своего творчества мечтал о чистоте цвета и его слиянии со светом и уверенно двигался в данном направлении. Также в анналах истории имеется учение средневековой Каббалы, согласно которому создание Вселенной было сопряжено с «разбиением сосудов света», наполненных Божественной благодатью, и его катастрофическим рассеянием, в котором сохранялся, тем не менее, отсвет божественной гармонии, фрагменты которой и попытался собрать в своих витражах Шагал. Таким образом, Шагал отождествляет сущность мира с огнем и светом.

Витражи в синагоге в подобном виде могли появиться лишь во второй половине XX века, после Холокоста и появления государства Израиль: «…У Шагала образами и красками впервые говорит то, что зарождается в той же самой психической среде, откуда происходит и еврейское пророчество. В той новой исторической ситуации, в которую попал еврейский народ и которая трансформирована в глубинах его бессознательного, пророчество говорит на новом языке и обретает новое содержание – начала нового еврейского послания миру» [1, с. 197]. Новизна этого послания заключается в непривычной форме – обычное еврейское пророчество с библейских времен облекалось в форму слова, у Шагала «в форму таинственного образа – явный признак сдвига, произошедшего в еврейской душе» [2, с. 197].

Итак, витражи Шагала являются полистилистической репрезентацией внутреннего мироощущения современного человечества, частью которого является еврейский народ, от библейских времен через текст Ветхого Завета средствами художественного языка. Смысл этих витражей раскрывается в процессе интерпретации и ком-

ментирования, который в свою очередь зависит от уровня реципиента.

«Как бы произведения Шагала ни были близки еврейскому мистицизму и символам, типа *hitlahavut* (страстная преданность) и *dveikut* (привязанность к божественному), его работу не следует загонять в такие узкие рамки. Глубина и масштаб откровения соответствуют глубине и масштабу психического замысла, который добился этого откровения, перед которым мир, как целое, впервые предстал в качестве творческого секрета. Подобные намерения и бессознательные озарения мы обнаруживаем в современной живописи, современном искусстве вообще и в современном человеке, – повсюду, где он пробирается в самое сердце реальности. Ибо реакцией современного человечества на механизированные и бездушные силы, как человека, так и машины, на грозящую удушить мир бездушную механизацию является бунт души и погружение вовнутрь» [2, с. 203].

Изложенное выше определяет путь дальнейшего исследования множественных репрезентаций в витражах Шагала: через представление истории еврейского народа в Ветхом Завете, через историю еврейского народа как неотъемлемой части человечества от Ветхого Завета до XX века, через личностное восприятие художником этих историй, его авторское сознание и бессознательное и т.д.

Библиографический список

1. *Каменский А.* Мифология счастья // Панорама искусств – 12: Сборник статей / Сост. А. Зиновьев. – М.: Советский художник, 1989. – С. 111–142.

2. *Нойман Э.* Заметки о Марке Шагале // Юнг К., Нойман Э. Психоанализ и искусство / Пер. с англ. – М.: REFL-book, К. Ваклер, 1996. – С. 196–205.

3. *Рашковский Е.Б.* Смыслы в истории: Исследования по истории веры, познания, культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 376 с.

4. *Якимович А.К.* Врата Шагала // Двадцатый век. Искусство. Культура. Картина мира: От импрессионизма до классического авангарда. – М.: Изд. дом «Искусство», 2003. – С. 312–324.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882

Андреева Валерия Геннадьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

СИМВОЛИКА В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Автор статьи рассматривает роль символа в организации мироподобной структуры романа «Анна Каренина», отличие символа от эмблемы и пытается доказать неуместность определения художественного метода Л.Н. Толстого с помощью выражения «эмблематический реализм».

Ключевые слова: *символ в художественном мире романа, внутренние сцепления, эмблематический реализм, религиозное сознание писателя.*

В «Анне Карениной» Л.Н. Толстой воплотил целостность бытия, причастность друг к другу всех явлений и событий, лиц и предметов. Отвечая С.А. Рачинскому, не уловившему внутренних связей в романе, и пытаясь скорректировать его восприятие, Толстой писал: «…Но если вы уже хотите говорить о недостатке связи, то я не могу не сказать – верно вы ее не там ищите, или мы иначе понимаем связь; но то, что я разумею под связью – то самое, что для меня делало это дело значительным, – эта связь там есть – посмотрите – вы найдете» [10, т. 62, с. 377].

В романе Толстого словно существует несколько уровней связи, или, лучше сказать, присутствующий в нем «бесконечный лабиринт сцеплений» дает литературоведу возможность все более утончающегося и проникновенного понимания художественного мира. На поверхности для восприятия лежат интриги и столкновения героев, более глубоким оказывается осознание «родства», похожести или непохожести персонажей друг на друга, их возможностей влиять на жизнь остальных людей. Еще тоньше и труднее для объяснения связь, образованная едиными условиями и законами, существующими в художественном мире романа, и выражающаяся наиболее ярко с помощью созданной автором рифмовки жизненных ситуаций, системы мотивов и символов.

Не случайно в своих пусть часто ироничных замечаниях по поводу критики и критиков Л.Н. Толстой основывался на диалогичности. Для верного восприятия произведения, по Толстому, нужно обладать пониманием искусства. «…Искусство потому только искусство, что оно *все*», – заявил он в письме к Н.Н. Страхову [10, т. 62, с. 264]. Писатель неоднократно отмечал, что функция критиков состоит не в перечислении вопросов, затронутых в произведении. Он подчеркивал, что «для критики искусства нужны люди, которые показывали бы бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства» [10, т. 62, с. 269].

Нам кажется естественным здесь акцентировать внимание на ключевом словосочетании во фразе Л.Н. Толстого. Это не будет отвлечением от темы, ведь, по мнению А.Ф. Лосева, П. Флоренского, С.Н. Булгакова, слово имеет символическую природу. Значение слова «лабиринт» означает «запутанный, трудный для прохождения». «Сцепление» – это последовательное развитие мыслей, их (мыслей, облаченных в форму) взаимосвязь и постоянная перекличка. «Бесконечный» указывает на отсутствие конца во времени и пространстве. Трехступенчатая система, присутствующая в произведении: возникновение целостности – развитие ее – завершение, как результат работы автора, выводится на уровень читательского понимания. Бесконечность разворачивается не только в пространстве художественного произведения, но за счет диалогичности выходит далее, лабиринт становится жизнью, с ее «бесчисленными, никогда не истощимыми проявлениями» [10, т. 61, с. 100]. Детали, символы, мотивы, образы романа организуют сложное переплетение и при этом выполняют также гносеологическую функцию, заменяя многочисленные ряды размышлений.

Понятно, что в «бесконечном лабиринте сцеплений» символика играет значительную роль, поскольку символ вбирает в себя интуитивное и чудесное, соотносится с мифом, что очень об-

 © Андреева В.Г., 2010

стоятельно доказано А.Ф. Лосевым. Л.Н. Толстой отрицал абсолютную логичность как основу создания произведения искусства: «Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения» [10, т. 62, с. 269].

Для того чтобы приблизиться к верному пониманию романа «Анна Каренина», необходимо подняться над частными судьбами героев, увидеть всех персонажей в совокупности, в движении, прямом или косвенном влиянии друг на друга. В романе Л.Н. Толстого над судьбами частных лиц стоит закон жизни, вложенный автором в произведение благодаря прозрению, *интуитивному* постижению Божественного замысла мира через «бесконечный лабиринт сцеплений». В свою очередь, этот закон жизни может быть доведен до читателя только благодаря прохождению по «лабиринту сцеплений». Так, символ, с одной стороны, в своей недосказанности содержит зерно интуитивного видения художника, его гармонического чувства; с другой стороны, благодаря своей уникальной природе, становится одним из центральных звеньев в раскрытии глубинного смысла произведения.

В свете всего вышеизложенного, вряд ли можно не согласиться с точкой зрения (рассматриваемой А.Ф. Лосевым, С.С. Аверинцевым), согласно которой смысловая структура символа *многослойна* и требует активности реципиента. Символ в произведении – это объединение устойчивого содержания с динамикой жизни и авторским видением. М.М. Гиршман отметил, что «ключевые слова и слова-символы “выступают своего рода кульминациями стилевого выражения целостности в отдельных элементах становящегося художественного единства”» [3, с. 78]. Символ в «Анне Карениной» обретает широкую валентность, причем разнонаправленную. Выражая авторскую концепцию, символ выступает в этой роли не явно, нуждается в осмыслении. Он «содержит в себе всегда какую-то *идею*, которая оказывается законом всего его построения», – пишет А.Ф. Лосев [5, с. 259].

Усложнения, концентрации идейного содержания в романе разворачиваются в двух уровнях. Во-первых, символ неоднозначен в своих многочисленных реализациях, во-вторых, каждый из символов у Толстого переплетается с массой других структурных компонентов, трансформируя и обогащая исходное смысловое наполнение.

Работа Толстого с символами способствовала созданию эффекта мироподобия, о котором много говорят в литературоведении по поводу романа «Анна Каренина». Однако писателю был чужд символизм, уводивший в области отвлеченные, не связанные с миром реальным. «Символизм для Толстого – искусство вычурное, элитарное, манерное… Искусство для Толстого всегда слито с реальностью…» [8, с. 317]. В символе, как компоненте романа, действительно отражается, содержится целостность всего произведения. Но символ у Толстого не обладает самодостаточностью, он становится значимым, лишь включаясь в «лабиринт сцеплений», оказываясь звеном в поэтике романа, организуя внутренние связи. «Содержание подлинного символа *через опосредованные смысловые сцепления* соотнесено с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума», – отметил М.М. Бахтин (курсив мой. – *В.А.)* [1, с. 361].

Р.Ф. Густафсон в книге «Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого» определяет художественный метод писателя как *эмблематический реализм*. Причем эмблематический характер у Густафсона принимают как отдельные образы, символы (раздавленный сторож, раковина из облаков), так и целые эпизоды (эпизод приезда Анны в Москву, эпизод скачек, косьбы). Такая попытка унификации элементов художественного мира романа кажется нам излишней. Во-первых, вместо уже существующей и широко разработанной теории символа, вводится понятие эмблемы, символ заменяется эмблемой, а ведь еще А.Ф. Лосев писал об авторитете символа и его устойчивости на фоне прочих структурно-семантических категорий. Более того, символ и эмблема в нашем случае *не являются синонимами* и могут быть названы таковыми лишь в сферах, принципиально *чуждых художественности*. Во-вторых, в работе Густафсона не дается исчерпывающего объяснения эмблемы, необходимости выделения эмблематического реализма. «Литературная задача Толстого состояла в том, чтобы преобразить природу реализма. Его реализм, как и сама реальность, эмблематичен», – пишет Р.Ф. Густафсон [9, с. 210]. Даже в этих словах заметна избыточность: реальность содержит те обобщения и сгущения смысла, которые Густафсон «прибавляет» к ней в виде

определения «эмблематичности», а ведь теоретики литературы говорят о насущной необходимости «очищения этого термина (реализма. – *В.А.*) от примитивных и вульгаризаторских напластований» [11, с. 401].

Несомненно, в стиле и творческой манере Л.Н. Толстого от первой трилогии до романа «Воскресение» происходят значительные изменения. Однако автор «Анны Карениной», по нашему мнению, не выходит за рамки классического реализма XIX века. Попытка выделить творчество Толстого должна основываться не на «достраивании» его художественного метода, а на анализе жанровых особенностей, композиции, архитектоники его произведений, в частности, романа «Анна Каренина».

Примечательно, что Густафсон почувствовал особенность мировосприятия писателя: «…Для Толстого реальность – это не мир, отдельный от Бога; реальность – это Божья жизнь, осуществляющаяся в ее принятии и отвержении» [9, с. 209]. Однако к самой реальности литературовед пытается приложить узкие мерки эмблем, стремится вместить весь мир в рамки аллегорий. Скорее всего, такой подход неуместен, как и подобная ему попытка Густафсона описать все богатство личности и духовной жизни Толстого в рамках двух полярных понятий: «Обитатель» и «Чужак».

Терминологию и концепцию профессора Принстонского университета Густафсона использует И.Ю. Лученецкая-Бурдина для объяснения на материале романа «Анна Каренина» особенностей эмблематического реализма Л.Н. Толстого. Она считает (вслед за Густафсоном), что «эмблематическая поэтика позволяла писателю расширять повествовательное пространство и придавать ему духовное измерение» [7, с. 146]. Но произведение русского классического реализма просто немыслимо без духовного измерения, здесь Толстой не исключение, а роман «Анна Каренина», скорее всего, вершина в рамках построения произведений подобного типа. Как мы уже попытались показать выше, «духовное измерение» не может быть обусловлено «эмблематической поэтикой». Вызывает недоумение сам факт объяснения одного понятия через другое. Вероятно, религиозное сознание автора отражается в «бесконечном лабиринте сцеплений» произведения и способствует изначальной организации повествовательного пространства, которое расширяется за счет эпической сущности романа, отражающей не только широту, но скрытую глубину жизни, таинственные основы ее.

В «Анне Карениной» Толстой, сохраняя за собой признанную в литературоведении особенность «всевидящего автора», словно устраняется на второй план, он сознательно пытается приблизить внутренний мир произведения как «вторичную реальность» к «“первичной” реальности», что оказывается возможным лишь при условии прозрения единого для этих реальностей закона, а также признания над ними высшего творческого начала, Бога.

Кроме того, сама эмблема чрезвычайно ограничена, не способна выражать, разворачивать скрытые смыслы. Важно в данном случае подчеркнуть и различие между символом и эмблемой, прекрасно отраженное в статье Ю.М. Лотмана «Между эмблемой и символом». Как отмечает ученый, «между эмблемой и ее значением существует отношение взаимной переводимости», «эмблема логична по своей природе», а «символ со своим значением находится в отношениях принципиальной неоднозначности и полной непредсказуемости» [6, с. 417]. Понятно, что, рассуждая об эмблемах, И.Ю. Лученецкая-Бурдина вынуждена не только абсолютизировать знания автора о мире, но и представлять полюса реальности, как созданные мыслью Толстого противоречия: «Толстой по-прежнему творец мира, обладающий всеобщим знанием. Однако это знание раздвоилось как жизнь и смерть, красота духовная и красота плотская» [7, с. 143]. Вероятно, что двоится в этом случае не знание Толстого: оно как раз едино, благодаря воплощению в произведении уловленного автором закона жизни. Раздваиваются, даже более, расщепляются на множество несхожих знаний и пониманий представления героев об этом законе жизни, стоящем над ними.

Важно подчеркнуть, что художественный образ шире символа, а в «Анне Карениной», наряду с существованием непосредственно символов (круг, лестница и др.), уместно говорить об отдельных образах-символах. Для примера обратимся к образу-символу собаки в романе.

К Левину, возвратившемуся из Москвы ни с чем, подбегает его любимая собака. Удивительно описание ее, подмеченные Л.Н. Толстым детали: «Он погладил ее, и она тут же у ног его свернулась кольцом, положив голову на высунувшуюся заднюю лапу» [10, т. 18, с. 103]. Как собака Левина требует внимания и ласки, обращая на

себя внимание хозяина, так и Вронский, пока негласно, требует от Анны взаимности. Собака радуется просто присутствию хозяина, и Вронский заявляет Анне: «Вы знаете, я еду для того, чтобы быть там, где вы» [10, т. 18, с. 109]. Но ведь это сравнение двух существ, стоящих на *разных ступенях понимания и развития*: то, что для Ласки является естественным выражением радости, для Вронского оказывается животной страстью.

Сравнение человека с собакой в романе открывает не только животные стороны, но и радость, не зависящую от разума, логических мыслительных операций. «Развиваясь в направлении к интеллекту, человек оставил по дороге много других способностей, – эти способности сильны в животных, развившихся в ином направлении. Разум, который дал человеку власть и силу над миром, в то же время сузил человека, сделал его однобоким, задержал его развитие в других направлениях», – отметил В. Вересаев, наблюдая за жизнью в романе Л.Н. Толстого [2, с. 88]. Так и Левин, шутя, сравнивает себя с собакой, когда откладывает мысль о религии и думает о женитьбе. Но есть в романе и упоминание о собачьем законе, где погибает слабый, о той жизни, в которой все определяется борьбой за существование. Это жизнь людей света, жизнь Каренина: «Он чувствовал, что люди уничтожат его, как собаки задушат истерзанную, визжащую от боли собаку» [10, т. 19, с. 76].

В лице Вронского, твердого и честного человека, неравнодушные к нему женщины (Кити и Анна) видят выражение собаки, что говорит не о низости и недостатках этой личности, а о характере его чувства. На бале Кити видит лицо Вронского, «похожее на выражение умной собаки, когда она виновата» [10, т. 18, с. 95]. Вспоминая свои отношения с Вронским перед гибелью, Анна отмечает эту смысловую связь – собаки и Алексея: «Она вспоминала его слова, выражение его лица, напоминающее покорную легавую собаку…» [10, т. 19, с. 342]. Данное наблюдение открывает слепую силу страсти Вронского, животную неуправляемость его чувства, мало подчиняющегося разуму. Г.Б. Курляндская отметила часто встречающуюся у положительных героев Толстого гармоничность сочетания духовного и телесного, возникающую при одном условии: «Биологическая, естественная жизнь, по Толстому, может быть глубоко очеловеченной, одухотворенной при условии, если она изнутри освещается светом высшего нравственного сознания» [4, с. 146]. В каждом человеке, по Толстому, есть животное начало, но заслуга личности в том, насколько она преодолеет в себе низшие проявления материи и преобразует их в духовные стремления. И если Левина наполняют мечты, то Вронского – в основном, желания. Примечательно, что Анна сравнивает Алексея Вронского с легавой собакой, а не с какой-либо другой. Легавые собаки – это порода, специально тренируемая для охоты на пернатую дичь. Такой породы была и Ласка Левина: «Легавая сука Ласка, чуть не сбив с ног Кузьму, выскочила тоже и визжала…» [10, т. 18, с. 99].

Описание картины железной дороги повторяется в романе несколько раз. А при приближении паровоза, в котором едут в Москву Анна Каренина и мать Вронского, мы видим сначала саму машину, движение вагонов, рычаги колес, тендер – то есть ту массу железа, тяжесть, которая убьет Анну, и среди прочих вагонов – «вагон с багажом и с визжавшею собакой» [10, т. 18, с. 65]. И это, еще не оправдываемое изображенной болью визжание, уже настораживает внимательного читателя. Всё страдание еще впереди, в восьмой части романа, где, словно в объяснение визжания, мы увидим боль Вронского, пронзившую его при взгляде на тендер и рельсы: «Рыдания искривили его лицо» [10, т. 19, с. 362].

Стоит только вспомнить сцену охоты с Васенькой Весловским, когда Левин на второе утро уходит один с Лаской, не разбудив Стиву и Васеньку. Ласку Толстой очеловечивает, собака у него берет на себя ответственность за исход охоты – Вронский лишь пытается заботиться об Анне. Страсть Вронского, особенно в разгар, кульминацию, очень походит на выслеживание дичи. Но Ласка – существо из мира Левина, мира природы, согласует чутье, нюх с делом: «Но я не могу идти, – думала Ласка. – Куда я пойду? Отсюда я чувствую их, а если я двинусь вперед, я ничего не пойму, где они и кто они» [10, т. 19, с. 168]. Если Левин ошибается, то Ласка исправляет его. У Анны и Вронского, напротив, идет напряженная тяжба, в основе которой лежит нежелание понять другого, уступить, помочь. Если у Анны и Вронского главный вопрос: кто в чьей власти находится, то в мире Левина этот вопрос даже не может быть поставлен (несмотря на то, что речь идет о хозяине и собаке!): там чувствуют, что изначально все во власти Божьей и на земле суще-

ствует установленная иерархия подчинения. Поведение Ласки очень точно изображает это: «Она послушала его, притворяясь, что ищет, чтобы сделать ему удовольствие, излазила кочкарник и вернулась к прежнему месту и тотчас же опять почувствовала их» [10, т. 19, с. 167].

Каждый из нас совершенно по-разному воспринимает окружающий мир, кто-то не замечает конструирующий и модельно порождающий вещь смысл, а кому-то воображение «повелевает вернуться к обобщаемым вещам, внося в них смысловую закономерность» [5, с. 272]. В отличие от стабильной, замершей в своем смысловом наполнении эмблемы, символ в романе «Анна Каренина» помогает организовать автору стереоскопическое изображение, мироподобную структуру, в которой, в свою очередь, только и возможно появление ряда смысловых сцеплений.

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

2. *Вересаев В.В.* Живая жизнь. О Достоевском и Льве Толстом. – М., 1911. – 214 с.

3. *Гиршман М.М.* Литературное произведение: Теория художественной целостности. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 560 с.

4. *Курляндская Г.Б.* Нравственный идеал героев Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. – М.: Просвещение, 1988. – 256 с.

5. *Лосев А.Ф.* Логика символа // Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.

6. *Лотман Ю.М.* Между эмблемой и символом // Лотмановский сборник. Т. 2. – РГГУ, 1997. – С. 416–423.

7. *Лученецкая-Бурдина И.Ю.* Особенности эмблематического реализма Л.Н. Толстого (на материале романа «Анна Каренина») // Духовно-нравственные основы русской литературы. – Кострома: КГУ, 2009 – С. 142–146.

8. *Полякова Е.* Символ и аллегория в реализме Толстого // В мире Толстого. – С. 315–350.

9. *Ричард Ф. Густафсон.* Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. – СПб.: Академический проект, 2003. – 480 с.

10. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. в 90 тт. – М.: Худ. лит., 1928–1958.

11. *Хализев В.Е.* Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.

УДК 821.161.1

Баталова Тамара Павловна
кандидат филологических наук
Коломенский государственный педагогический институт
slava964964@mail.ru

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»: К ПОЭТИКЕ СЮЖЕТА

В предлагаемой статье анализируется взаимодействие мотивов красоты и деспотизма. На этом основании делается вывод о том, что деспотизм искажает или губит красоту. Эти мотивы придают произведению публицистичность.

Ключевые слова: *Достоевский, роман, сюжет, мотив, красота, деспотизм.*

О романе Ф.М. Достоевского «Бесы» (1872) существует обширная литература. Предлагаемая статья продолжает эти исследования. В ней рассматриваются сюжетообразующие мотивы – духовной Красоты и Деспотизма. Они выражают противостоящие друг другу силы: стремление к совершенству («сила неутолимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая») и страсть к самовластию. Отмечается также, что в произведении подчёркивается связь между духовной Красотой (или некрасотой) героя и его портретом. В личном плане взаимодействие данных мотивов проявляется, прежде всего, во взаимоотношениях Варвары Петровны и Степана Трофимовича.

Варвара Петровна – богатейшая помещица, имеющая большое влияние в своей губернии. Губернатор «Иван Осипович приходился ей близким родственником и был когда-то ею облагодетельствован. Супруга его трепетала при одной мысли не угодить Варваре Петровне, а поклонение губернского общества дошло до того, что напоминало даже нечто греховное» [1, с. 26].

И вместе с тем, она – непривлекательна: «высокая, жёлтая, костлявая <...> с чрезмерно длинным лицом, напоминающим что-то лошадиное» [1, с. 18].

 © Баталова Т.П., 2010

И, может быть, не только для воспитания сына, но и для собственного престижа, для возвеличения себя – она ищет сближения со Степаном (Степан – с греч. «венец») Трофимовичем, «чрезвычайно красивым» в молодости, напоминавшим ей её кумира – поэта Кукольника [1, с. 19].

Её привлекала его известность в научных и литературных кругах: «Его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не наряду с именами Чаадаева, Белинского, Грановского и только что начинавшегося тогда за границей Герцена» [1, с. 8].

Интересовала и его гражданственность: «Он всегда играл, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти, – так даже, что, мне кажется, без неё и прожить не мог. <...> Тут всё могло быть делом привычки или, лучше сказать, беспрерывной и благородной склонности, с детских лет, к приятной мечте о красивой гражданской своей постановке» [1, с. 7].

Однако эта «приятная мечта», видимо, не подразумевала жертвенности – и карьера его продолжалась «только одну минуточку».

«А если говорить всю правду, – признаётся Хроникёр, – настоящею причиной перемены карьеры было ещё прежнее и снова возобновившееся деликатнейшее предложение ему от Варвары Петровны Ставрогиной, супруги генерал-лейтенанта и значительной богачки, принять на себя воспитание и всё умственное развитие её единственного сына, в качестве высшего педагога и друга, не говоря уже о блистательном вознаграждении» [1, с. 10].

Обратим внимание, что «блистательное вознаграждение» – ключевая деталь. Она амбивалентна. С одной стороны, Варвара Петровна получала возможность направлять деятельность её «друга» в нужное ей русло. С другой – материальная заинтересованность Степана Трофимовича ставила под сомнение последовательность его духовных воззрений. Кроме того, уточнялся и характер устанавливавшихся отношений.

Действительно, «блистательное вознаграждение» убеждало в желании Варвары Петровны сделать Степана Трофимовича «своим другом», но оно же предполагало и его обязанности перед нею, которые могли воспрепятствовать осуществлению «красивой гражданской постановки». И тем не менее, «эти два столь замечательные существа» соединила «самая тонкая и самая деликатнейшая связь», – иронизирует Андрей Лаврентьевич [1, с. 11].

Следующий его комментарий приобретает саркастический оттенок.

В Варваре Петровне «таилась какая-то нестерпимая любовь к нему; среди беспрерывной ненависти, ревности и презрения. Она охраняла его от каждой пылинки, нянчилась с ним двадцать два года, не спала бы целых ночей от заботы, если бы дело коснулось до его репутации поэта, учёного, гражданского деятеля. Она его выдумала и в свою выдумку сама же первая и уверовала. Он был нечто вроде какой-то её мечты… Но она требовала от него за это действительно многого, иногда даже рабства [1, с. 16].

Итак, стилевой интонацией автор намекает на то, что по самой своей природе Варвара Петровна не могла не быть деспотом. А привычка Степана Трофимовича к комфорту, видимо, заглушала в нём даже чувство собственного достоинства.

«Степан Трофимович несколько раз, и иногда после самых интимных излияний глаз на глаз с Варварой Петровной, по уходе её вдруг вскакивал с дивана и начинал колотить кулаками в стену. <...> Но вот что случалось почти всегда после этих рыданий: назавтра он уже готов был распять самого себя за неблагодарность» [1, с. 12].

Таким образом, он превращался в её «приживальщика». В итоге – унижающий и оскорбляющий Степана Трофимовича приказ Варвары Петровны о его женитьбе «на чужих грехах». Самой же ей он казался теперь «опустившимся», «пустым, малодушным человеком» [1, с. 61].

С потерей жизненной независимости Верховенский утратил и способность к творчеству: «Всё чаще и чаще он говорил нам: “Кажется, готов к труду, материалы собраны, и вот не работается! Ничего не делается!” – и опускал голову в унынии» [1, с. 20].

И «красивая гражданская постановка» так и не реализовалась. Небольшой кружок, собравшийся около него, в городе слыл «рассадником вольнодумства, разврата и безбожия». А между тем там была «одна самая невинная милая вполне русская весёленькая либеральная болтовня» [1, с. 30].

Душевная пассивность Степана Трофимовича проявилась и в равнодушии к Вере: он «не холоден и не горяч»: «…Я в Бога верую <...> я верую, как в существо, себя лишь во мне сознающее. Не могу же я верить, как моя Настасья (служанка) <...> я – не христианин. Я скорее древний язычник» [1, с. 33].

Отметим, что измена христианству связана здесь с презрением к Настасьям. В этом отношении ещё выразительнее судьба бывшего крепостного Федьки, который в отрочестве Петрушу «на руках нашивал». Он был проигран Верховенским-отцом в карты, в рекруты, попал на каторгу, бежал и теперь совершал убийства по наводке Верховенского-сына. Это говорит уже о том, что Деспотизм с помощью «блистательного вознаграждения» опустошил душу Степана Трофимовича.

Праздность на даровых хлебах проявилась и в его эстетических установках: «Сапоги ниже Пушкина, и даже гораздо» [1, с. 23].

Это «зряшное» (Гегель) противопоставление символов, нарушающее органическую связь идеального и материального, искажает роль искусства.

Интересно, как эта символика реализовалась в «последнем странствии» Степана Трофимовича. Встретившиеся ему Мужик и Баба на телеге именно по «сапогам» узнают в нём, вышедшем на «большую дорогу» умереть за «великую идею», – похожего на иностранца «с чугунки», «из господ»:

«…словно не по здешнему месту у вас сапоги такие…, – заметила Баба. “Военный сапог!” – самодовольно вставил мужик» [1, с. 482–483].

Беспомощность в этом путешествии – завершающий штрих образа Верховенского-старшего как «либерала-идеалиста».

Привычное фразёрство – и в другом его высказывании: «Шекспир и Рафаэль – выше освобождения крестьян, выше народности, выше социализма, выше юного поколения, выше химии, выше всего человечества, ибо они уже плод, настоящий плод всего человечества и, может быть, высший плод, какой только может быть! <...> без науки можно, без хлеба можно, без одной только красоты невозможно…» [1, с. 373].

За этой выспренностью скрывается «перевёрнутая» бездуховность.

Через эстетические взгляды в романе выражена и «генетическая» связь (от крайности – к крайности) либерализма и нигилизма. В трактовании Красоты Петром Степановичем пренебрежение идеалами камуфлируется «заботой» о пользе всего человечества:

«…“стук колёс, подвозящих хлеб человечеству”, полезнее Сикстинской Мадонны» [1, с. 173].

Итак, это «сходство», казалось бы, несходного – этих умонастроений – в их бездуховности. Не случайно Степан Трофимович в близости этих формул видит связь поколений: «…Дух жизни веет по-прежнему, и живая сила не иссякла в молодом поколении. <...> Произошло лишь одно: перемещение целей, замещение одной красоты другою! Всё недоумение лишь в том, что прекраснее: Шекспир или сапоги, Рафаэль или петролей?» [1, с. 372]

Смена поколений и связанное с ней вытеснение либерализма нигилизмом играет в романе и сюжетно-композиционную роль. Мотив Деспотизма из области личных отношений перемещается в общественную сферу. Здесь происходит поворот сюжета. Варвара Петровна и Степан Трофимович отходят на второй план, в «нашем городе» – новый губернатор.

Заметим, что Андрей Антонович фон Лембке – немец (намёк на прусские порядки?). Хроникёр рассказывает только о двух его деяниях, и причём, как бы пытаясь ослабить впечатление, – с большими оговорками (стилевой ход писателя). Был «Описан» такой «опасный» человек, как Степан Трофимович. Правда, в этом больше виноват не сам фон Лембке, а «чиновник его канцелярии» (но почему-то – его тёзка) – Блюм. Сам Андрей Антонович попирает честь, но – не интеллигента. Он расправился только с рабочими, пришедшими к «самому генералу» просить защиты от «хозяйского управляющего». Правда, губернатор в этот день был не совсем здоров, но «виновных» высекли.

Такой деспотизм поддерживался бездуховностью губернаторши. Её отношение к картине Рафаэля свидетельствует уже о том, что она не пренебрегает идеалами, но – отвергает их: «Я просидела два часа перед этой картиной и ушла разочарованная. Я ничего не поняла и была в большом удивлении.<...> Теперь все ничего не находят, и русские и англичане. Всю эту славу старики прокричали» [1, с. 266]. Заметим, что слово «старики» говорит здесь больше о «старых» взглядах, нежели о возрасте.

Солидарна с губернаторшей и Варвара Петровна, разошедшаяся теперь со Степаном Трофимовичем: «Нынче никто, никто уж Мадонной не восхищается и не теряет на это времени, кроме закоренелых стариков. Это доказано. <...> Она совершенно ни к чему не служит. Эта кружка полезна, потому что в неё можно влить воды; этот карандаш полезен, потому что им можно всё записать, а тут женское лицо хуже всех других лиц

в натуре. Попробуйте нарисовать яблоко и положите тут же рядом настоящее яблоко – которое вы возьмёте? Небось не ошибётесь. Вот к чему сводятся теперь все ваши теории, только что озарил их первый луч свободного исследования» [1, с. 264].

«Либеральная болтовня» сменилась либерализмом «новой моды». Юлия Михайловна «ласкает» молодёжь, чтобы «тем самым удержать её на краю».

Писатель показывает, как в условиях самовластия, опирающемся на бездуховность, и «распустились» «таланты» нигилиста Петра Степановича. Он как бы синтезировал в себе в высшей степени деспотизм Варвары Петровны и гражданственные притязания Степана Трофимовича.

Обратим внимание на то, что, как и Варвара Петровна, он лишён обаяния. И изображает его автор также с большой долей иронии; она усиливается по мере приближения взгляда к наиболее существенным его чертам. Кажется, уже в портрете его есть какая-то фальшь.

«Это был молодой человек лет двадцати семи или около, немного повыше среднего роста, с жидкими белокурыми, довольно длинными волосами и с клочковатыми, едва обозначавшимися усами и бородкой. Одетый чисто и даже по моде, но не щегольски; как будто с первого взгляда сутуловатый и мешковатый, но, однако ж, совсем не сутуловатый и даже развязный. <...> Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится. <...> Кажется, ничто не может привести его в смущение; при всяких обстоятельствах и в каком угодно обществе он останется тот же. В нём большое самодовольство, но сам он его в себе не примечает нисколько».

Главное в его «хлопотах» – разговоры. И именно эта его особенность и вызывает сарказм автора.

«Слова его сыплются, как ровные, крупные зёрнушки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам. Сначала это вам и нравится, но потом станет противно, и именно от этого слишком уже ясного выговора, от этого бисера вечно готовых слов. Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту должно быть, какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно вострым, беспрерывно и невольно вертящимся кончиком» [1, с. 144].

Такое же отталкивающее впечатление производят и «дела» его, и верится, что название данной главы – «Премудрый змий» – относится и к этому герою.

Его лживость и самодовольство, видимо, импонировали губернаторше. Она благоволит к нему.

«Молодой человек стал её фаворитом, ел, пил и чуть не спал в доме» [1, с. 244] и имел полную свободу действий. Члены его «пятёрки» и близкие к ней распространяют прокламации и подсовывают в мешок книгоноши с Евангелием «соблазнительные» «мерзкие» заграничные фотографии, при его непосредственном участии грабят монастырскую икону Богоматери, пускают мышь в киот, срывают городской благотворительный праздник. Такое кощунственное глумление над честью и Верой горожан во многом превосходит жестокость губернатора, сближает Деспотизм с нигилизмом.

Об этом «родстве» говорит и городская трагедия – большой пожар, устроенный «шпигулинцами». Это результат, с одной стороны, расправы губернатора с рабочими, с другой – подговора поджигателей членами «пятёрки» Петра Степановича. То есть действия властей создали условия для «успехов» провокаторов.

Такое «содействие» вдохновляет Верховенского на создание «стратегии» достижения предводительства во всей России. Опорой для этого должны служить новые «кучки»: «Ещё несколько таких кучек, и у меня повсеместно паспорты и деньги <...> и сохранные места, и пусть ищут. Одну кучку вырвут, а на другой сядут» [1, с. 322].

В его теории Деспотизм основывается на «послушании», которое приводит, по мнению Кармазинова и согласившихся с ним Верховенского и Ставрогина, к «отрицанию чести» [1, с. 300].

«Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостаёт: послушания. <...> Мы пустим пьянство, сплетни, доносы; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю, полное равенство. <...> У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность…» [1, с. 323].

Эта градация бездуховности – программа «построения» идеального, по Петру Верховенскому, общества. В своей «пятёрке» он добивается послушания страхом ответственности за общее преступление (так сказать, «общее дело»), например, за убийство Шатова.

Такой «мазью» можно «слепить» «кучку» – не Народ. Но история говорит, что его можно увлечь ложной идеей. И вновь в романе – Деспотизм стремится подчинить себе Красоту.

Пётру Степановичу для достижения своих целей необходимо окончательно склонить на свою сторону Николая Ставрогина, и красавца, и готового, как он думает, к роли самозванца Ивана Царевича.

«Ставрогин, вы красавец! <...> Вы мой идол! <...> Вы именно таков, какого надо. <...> Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк <...> без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стклянке, Колумб без Америки» [1, с. 323–324].

Образ Николая Всеволодовича Ставрогина противоречив. Об этом говорит уже его поименование. Николай – отсылает к христианским мотивам помощи людям в тяжёлых обстоятельствах; «Ставрос» – с греч. – «крест», т.е. – соединение, скрещение противоположных элементов; «Всеволод» – «Владеющий всем» – подчёркивает эту двойственность. Интересно, как это проявляется в восприятии его «нашими дамами»: «Это был очень красивый молодой человек, лет двадцати пяти, <...> это был самый изящный джентльмен, <...> чрезвычайно хорошо одетый, державший себя так, как мог держать себя только господин, привыкший к самому утончённому благообразию. <...> Все наши дамы были без ума от нового гостя. Они резко разделились на две стороны – в одной обожали его, а в другой ненавидели до кровомщения…» [1, с. 37]

Такая раздвоенность героя, во многом, следствие его воспитания. Степан Трофимович открыл в нём «избранную душу» – «сумел дотронуться в сердце своего друга до глубочайших струн и вызвать в нём первое, ещё неопределённое ощущение той вековечной, священной тоски, которую иная избранная душа, раз вкусив и познав, уже не променяет потом никогда на дешёвое удовлетворение» [1, с. 35].

Но одновременно воспитатель «отравил» эту душу, показав ей низменные страсти, чем «несколько расстроил нервы своего воспитанника»: «Он не раз пробуждал своего десяти- или одиннадцатилетнего друга ночью, единственно чтобы излить перед ним в слезах свои оскорблённые чувства или открыть ему какой-нибудь домашний секрет, не замечая, что это совсем уже непозволительно. <...> Надо думать, что педагог несколько расстроил нервы своего воспитанника» [1, с. 35].

Этими неразрешимыми противоречиями – между высоким и низким, добром и злом – и терзается «беспредельная сила» Ставрогина.

«Я пробовал везде мою силу, – пишет он Дарье Павловне. – <...> как и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась беспредельною. <...> Но к чему приложить эту силу – вот чего никогда не видел, не вижу и теперь, <...> Я всё так же, как и всегда прежде, могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие. Но и то и другое чувство по-прежнему всегда слишком мелко, а очень никогда не бывает. Мои желания слишком несильны; руководить не могут» [1, с. 514].

Он задумывается над основами мира: «Народы слагаются и движутся силой, повелевающею и господствующею, но происхождение которой не известно и не объяснимо. Эта сила есть сила неутолимого желания дойти до конца и в то же время конец отрицающая. <...> Начало эстетическое, как говорят философы, начало нравственное, как отождествляют они же» [1, с. 198]. И он же разрабатывает, по просьбе Петра Верховенского, новый устав «общества».

О силе и противоречивости убеждений Николая Всеволодовича свидетельствует и преклонение перед ним героев с противоположными взглядами: «…Был учитель, вещавший огромные слова, и был ученик, воскресши из мёртвых. Я тот ученик, а вы учитель» [1, с. 196], – говорит Николаю Всеволодовичу Шатов. «Вспомните, что вы значили в моей жизни, Ставрогин [1, с. 89], – напоминает Кириллов.

И в одно и то же время «учитель» приводит одного к Богу, другого – к вере в Человекобога.

Итак, Николай Ставрогин то христианин, то атеист. Он «хорошо образован» и «пробовал большой разврат и истощил в нём силы, но < …> не любил и не хотел разврата» [1, с. 514]. Эти муки самопознания сближают этого героя с Марьей Тимофеевной. Думается, что здесь возникают пушкинские аллюзии, отсылающие к стихотворению «Город пышный, город бедный…» (1828). Его героиня для лирического «Я» – символ Света, Свободы и Красоты, затмевающий «Дух неволи», «холод и гранит» «Петра творенья»:

Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьётся локон золотой [3, с. 124].

Образ Марьи Тимофеевны в чём-то пародирует её. Вместо «локона золотого» – жиденький, тёмный «узелок, толщиной в кулачок двухлетнего ребёнка». «…Я разглядел женщину, – вспоминает Хроникёр, – лет, может быть, тридцати, болезненно-худощавую, одетую в тёмное старенькое ситцевое платье, с ничем не покрытою длинною шеей и с жиденькими тёмными волосами, свёрнутыми на затылке в узелок, толщиной в кулачок двухлетнего ребёнка» [1, с. 114]. И не «маленькая ножка» у Марьи Тимофеевны, а – «короткая нога»: «Но тут с ней случилось маленькое несчастие. Должно быть, она неосторожно как-нибудь повернулась и ступила на свою больную, короткую ногу, – словом, она упала всем боком на кресло» [1, с. 147].

Думается, что из этого сопоставления можно сделать вывод, что героиня Достоевского, в противоположность пушкинской, – жертва Петербурга. Очевидно, пушкинский подтекст необходим писателю для усиления мотива духовной Красоты Марьи Тимофеевны («Госпожи, почитающей Бога»). Об этом говорит и её портрет: «Когда-нибудь, в первой молодости, это исхудавшее лицо могло быть и недурным; но тихие, ласковые, серые глаза её были и теперь ещё замечательны; что-то мечтательное и искреннее светилось в её тихом, почти радостном взгляде. <...> Странно, что вместо тяжёлого и даже боязливого отвращения <...> почти приятно смотреть на неё с первой же минуты» [1, с. 114].

С другой стороны, сопоставление с пушкинской героиней углубляет драматизм судьбы Хромоножки – высокие мечты и «скитания по чужим углам». И как следствие этого – «голова её тогда была не в порядке».

Сюжетно-композиционная роль образа Марьи Тимофеевны – показать соотношение добра и зла в душе Ставрогина в разные периоды его жизни. Её страдания, очевидно, были созвучны умственным и нравственным терзаниям Николая Всеволодовича той поры. Не случайно он защищал её от насмешек, беседовал с ней, слушал по вечерам её «повести», говорил Кириллову: «…Я в самом деле её уважаю, потому что она всех нас лучше» [1, с. 150], а Шатову – «…Да, я почти знаю, для чего я тогда женился» [1, с. 195]. Перед дуэлью с Гагановым Ставрогин просит Шатова не оставлять Марью Тимофеевну. Эти поступки и материальное содержание жены «освещают» душевную Красоту Николая Всеволодовича, которая в тот момент превосходила Зло.

Духовная сила Марьи Тимофеевны в полную меру проявилась в её последнем разговоре с мужем. Она как будто почувствовала, что он теперь уже склоняется на сторону Петра Верховенского: «…Только мой – ясный сокол и князь, а ты – сыч и купчишка! <...> Я моего князя жена, не боюсь твоего ножа» [1, с. 219].

Действительно, тот факт, что Николай Всеволодович знал о готовящемся убийстве жены и не предотвратил его, говорит едва ли не о победе в его душе идей Верховенского-младшего, т.е. Деспотизма. Но, вместе с тем, – и об обострении терзаний: «Кстати, подтверждаю, что совестью я виноват в смерти жены» [1, с. 513]. И в то же время он не мог окончательно порвать с «нашими»: «Знаете ли, что я смотрел даже на отрицающих наших со злобой, от зависти к их надеждам? Но вы напрасно боялись: я не мог быть тут товарищем, ибо не разделял ничего. <...> потому, что всё-таки имею привычки порядочного человека и мне мерзило. Но если б имел к ним злобы и зависти больше, то, может, и пошёл бы с ними. Судите, до какой степени мне было легко и сколько я метался!» [1, с. 514]

Его гибель показывает, что в единой душе Красота и Деспотизм – несовместны.

Предложенный анализ позволяет сделать некоторые выводы.

И в общественных, и личных отношениях Деспотизм с силой необходимости стремится подчинить себе духовную Красоту; он не может не попирать чести ему подвластных.

Внутреннее сходство эстетических установок отца и сына Верховенских выражает «генетическую» преемственность либерализма и нигилизма. Бездуховность нигилизма сближает его и с Деспотизмом.

В героях романа выделены как главные их черты – духовная Красота или Деспотизм. Остальные в той или иной степени приглушены. Это придаёт образам символичность.

Взаимоотношения Варвары Петровны и Степана Трофимовича говорят о том, что Красоте для её самостояния необходима жертвенность; это роднит её с Евангельскими заповедями. Отметим, что Степан Трофимович духовно прозревает при чтении Евангелия, вновь обретая душевную Красоту – христианскую любовь.

Деятельность Петра Верховенского свидетельствует о том, что его «успехи» обусловлены деспотизмом и бездуховностью властей.

Сюжетно-композиционная роль образа Марьи Тимофеевны – выразить соотношение добра и зла в душе Николая Всеволодовича. Смысл образа Ставрогина заключается в том, что он, являясь как бы итоговым, раскрывает сущность Красоты и Деспотизма, их антагонизм, несовместность. В этом плане финал романа символичен.

Думается, в романе нашли своё выражение и историософские проблемы.

Особенной красотой среди героев произведения отличаются Николай Ставрогин и Лизавета (с еврейского – «почитающая Бога) Николаевна. Их имена отсылают к христианским преданиям о Святом Николае Угоднике. Заметим также, что Маврикий Николаевич помогает не только своей невесте и её матери; он добивается освобождения оклеветанной Лямшиным книгоноши Софьи Матвеевны. Следовательно, можно считать, что Красота связана с Никольским мотивом. Эту мысль поддерживает и возникновение в романе евангельских мотивов.

С другой стороны, «Варвара» (с греч. – «Иноземка») в сочетании с «Петровна» и «Пётр Увенчанный» – вводят Петровский мотив. В этом убеждает и эскалация смыслов имени, отчества и фамилии этого героя. Вероятно, значимо и то, что Варвара Петровна – дочь «очень богатого откупщика» (роль таковых укрепилась под влиянием реформ первого русского императора) [2, с. 201–258].

В романе есть и другие указания на драматизм петровских преобразований. Например, Федька Каторжный, который «режет <...> людей <...> в борьбе за существование» [1, с. 373], – бывший рекрут. На Петровский мотив, вероятно, намекает и тот факт, что новый губернатор – фон Лембке – немец.

Таким образом, можно считать, что в романе взаимодействуют мотивы Петровский и Никольский, причём, Петровское начало искажает или губит Никольское. Следовательно, писатель говорит и о пагубности для русской жизни последствий петровских преобразований.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собр. соч. в 30 т. – Л., 1971–1990. – Т. 10.

2. *Прыжов И.Г.* История кабаков в России. – М., 1992.

3. *Пушкин А.С.* Полное собр. соч. в 19 т. – М., 1994–1996. – Т. 3.

УДК 821.161.1

Бондаренко Виктория Александровна
Воронежский государственный педагогический университет
vikabondarenko1@rambler.ru

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ МОЛОДОГО В.В. ВЕРЕСАЕВА (на материале рассказа «Товарищи»)

В данной статье анализируется общественная и художественная позиция молодого В.В. Вересаева. Рассказ «Товарищи» имеет достаточно сложную «языковую картину», которая подчеркивается «синусоидальной» композицией. Частое цитирование современных автору стихов, песен также акцентирует внимание читателя на узловых моментах сюжета. Концепт «вины», «долга», ощущение интеллигентами своей беспомощности составляют сущность эстетической рефлексии автора.

Ключевые слова: *эстетическая рефлексия, социальная практика, «долг народу».*

В.В. Вересаев является одним из крупнейших представителей литературы неореализма, наряду с И. Буниным, А. Куприным и А. Серафимовичем, начавших творческий путь в конце XIX века.

Центральная тема творчества молодого Вересаева – идейные искания русской интеллигенции в канун революции 1905 г. и в годы последовавшей реакции. На писателя, безусловно, оказали влияние идеи народничества. Вера в народ, сознание своей вины перед ним стали доминирующими мотивами в его произведениях, основными аспектами социальной и эстетической рефлексии[1].

Эстетическая рефлексия, кроме раскрытия автором своих художественных приемов, предполагает, по словам Д.П. Бака, возникновение «двух значимых особенностей». Первая состоит в том, что частые цитирования, «рассуждения о природе словесности» порождают культурный пласт, «некий вставной текст, “роман в романе”». Вторая особенность проистекает из самого при-

 © Бондаренко В.А., 2010

сутствия особого главного героя – человека, наделенного «углубленной способностью к рефлексии, самотворчеству» [1, с. 8].

Впервые выступив в печати со стихотворением «Раздумье» (1885) (и не прекращая литературной работы до последних дней жизни (1945 г.)), Вересаев почти в каждом своем произведении создает образ героя-интеллигента. Верными и очень характерными чертами обрисованы люди высоких моральных принципов, беззаветно преданные общественным идеалам, но страдающие вследствие своей оторванности от реальной жизни, невписанности в нее. В течение многих десятилетий (начиная с 1880-х гг.) Вересаев тонко и точно передавал оттенки переживаний своих персонажей. Автор изобразил рефлексирующую личность как близкий участник и в то же время как объективный наблюдатель известных исторических событий начала века, как личность, остро сопереживающая героям и испытывающая сходные чувства.

Первые этапы творчества Вересаева совпали с возникновением и развитием «теории малых дел», зародившейся в среде народнической интеллигенции как реакция на неудачу «хождения в народ» и крах «Народной воли». Эта теория была близка «постепеновцам», чье «философско-социологическое и художественное наследие» является ярким феноменом «отечественной интеллектуальной истории» [3, с. 10].

Произведения раннего Вересаева написаны преимущественно в жанре рассказа, который «основывается на случае, понимаемом как некая часть, по которой восстанавливается целое, делается вывод об этом целом» [5, с. 49].

Одной из основных особенностей этого жанра является высокая концентрация деталей значимых, нагруженных важным социальным и личностным смыслом. «Вдумчивому читателю доставляет неоценимое наслаждение не только деталь сама по себе. Деталь радует и отчетливой печатью индивидуальности писателя, и глубокой связью с замыслом писателя, с идеей произведения», – отмечал Е.С. Добин [4, с. 375].

Уже в рассказе «Товарищи» (1892) Вересаев успешно использует определенные художественные приемы, социальную тематику, столь значимые для всего его творчества. Особенности данного произведения наиболее ярко проявляются при рассмотрении движения деталей в лексико-семантических пластах, составляющих «языковую картину»[2] рассказа. Системообразующим концептом является ощущение вины, долга героев перед народом, что составляет сущность социальной рефлексии автора. В пресуппозиции возникновения концепта[3] – отсутствие общественно значимой деятельности.

При таком подходе значимы языковые средства репрезентации художественных концептов, к которым относятся лексико-семантические поля, содержащие номинации деятельности человека. За счет чередования лексико-семантических полей низменного «быта» и высокого «долга» (в большей мере этому способствует смена художественных деталей) создается особая композиция рассказа, которую назовем «синусоидальной». Важно также отметить, что, будучи начинающим беллетристом, Вересаев не всегда выражает концепт «долг» имплицитно, для молодого автора характерно «обнажение приема»[4], при этом особенно подчеркнуто проявляется его эстетическая рефлексия: в частом цитировании художественных произведений, при раскрытии приемов создания образов.

Связующим «звеном» между ассоциациями концепта «долг» являются постоянно меняющиеся оттенки настроения главного героя. Василий Михайлович просыпается «заспанный, хмурый …на душе у него щемило, а в голове неотвязно стояли два стиха, бог весть с чего пришедшие на память:

Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой…» [2, с. 10].

Как видно, перед нами известное и очень популярное в то время стихотворение Н.А. Добролюбова. В год его написания (1861) особенно остро развилась та «болезнь совести», что составила основу социальной рефлексии русской интеллигенции, отголоски которой явственно проступают в творчестве многих писателей второй половины XIX в., и очевидно, что Вересаев не стал исключением. Упоминание стихотворения Н.А. Добролюбова обусловливает эмоциональный подъем, который, в свою очередь, обеспечивает восходящий виток «синусоидальной» композиции.

С приходом друзей Василия Михайловича и первым упоминанием о предметах гастрономических – пиве – происходит смена «языковой картины» рассказа, ее разворот к бытовому лексико-семантическому полю, и как следствие – снижение графического рисунка композиции («синусоида» движется вниз).

Товарищи ведут пустые разговоры, порой грязно сплетничают. Знаменательно упоминание о зайце в истории, рассказанной акцизным чиновником Ивановым. В художественных произведениях, например, в сказках и притчах, зайцы воплощают в себе «невинный обман»[5]. Так и герои произведения обманывают себя, предпочитая вести праздные беседы и праздную жизнь, не позволяя себе думать об идеалах прошлого. «В подобных разговорах пройдет весь вечер» [2, с. 73], – отмечает автор. Лишь при взгляде на фотографическую карточку Г.И. Успенского (одна из значимых деталей), к тому моменту помещенного в Колмовскую больницу для душевнобольных (в Великом Новгороде), только два героя (Зубаренко и Иванов) задумались о чем-то важном, настоящем, остальные же сетуют, что некому научить их карточной игре «Большой шлем».

Глядя на «страдающее, измученное» лицо Успенского, Зубаренко начинает говорить о том, что действительно волновало товарищей: «В семье, в школе нам никто не говорил о наших обязанностях. Не воруй, не лги, не обижай других, не, не, не… вот была мораль. Мы думали спокойно прожить с этою моралью, как жили наши отцы. И вдруг приходит книга и обращается к нам с неслыханно громадным запросом: она требует, чтоб вся жизнь была сплошным подвигом <…> И вот результат: она только искалечила нас и пустила гулять по свету “с больною совестью”[6]…» [2, с. 74]. В этот момент происходит подъем общего настроения, и, соответственно, виток композиционной «синусоиды» устремляется вверх. Впрочем, это движение было пресечено вопросом учителя Чуваева: «…Пиво поставите вы нам сегодня?» [2, с. 74]. И вновь мечты отступают, и проявляется *бытовая* сторона жизни, вновь звучат отвлеченные беседы «о борьбе Бисмарка с Вильгельмом, о выборах в Англии» [2, с. 74]. Однако автор отмечает, что разговор шел вяло и никто не смотрел друг другу в глаза.

Под воздействием выпитого пива Чуваев и остальные начинают петь песни своей молодости и вспоминать о былых надеждах. Выражением главной мысли рассказа становится знаменитый романс Л.Д. Малашкина «Так жизнь молодая проходит бесследно», который вдохновенно поют герои. Василий Михайлович «оживился», и ему «вдруг стали милы его гости» [2, с. 75]. Однако даже этот мощный подъем настроения во многом обусловлен изрядной дозой алкоголя. Очень скоро несколько изменился репертуар, и хозяин попытался исполнить старую песню: «Этих чудных ночей уж немного осталось, золотых юных дней половина промчалась!..», но тут же прервался и с горечью констатировал: «Да, господа, не половина, а все промчались!.. Все назади осталось, – и молодость, и вера, и идеалы...» [2, с. 77].

Эта последняя попытка пробуждения совести и былых чувств прервана фразой учителя Чуваева, и опять лексико-семантическое поле переходит в бытовую сферу жизни: «Какие там идеалы! Пиво-то вот пейте: совсем выдохлось… Старая это история, Алексей Иванович, а наше пошехонское дело теперь – пиво пить» [2, с. 77]. В этих горьких словах прозвучала прямая отсылка к «Пошехонской старине» М.Е. Салтыкова-Щедрина, и в данном случае это подчеркивает беспросветную отсталость захолустных обывателей. Образное и поэтому емкое высказывание отбрасывает все надежды героев на возрождение идеалов молодости: «Но дело не клеилось. Все опять замолчали. Это не тихий ангел пролетел, а проползало что-то мутное, тяжелое, скверное. В окна смотрела темная ночь, дождь стучал по крыше…»[2, с. 77].

Как видно, молодой Вересаев достаточно явно «обнажает прием», впускает читателя в свою творческую лабораторию, показывает, *как* он создает свои образы, *как* строит «синусоидальную» композицию. Портрет измученного Успенского, пение гражданских песен, «высокие» реплики героев – все это примеры проявления эстетической рефлексии писателя, «самоопределения» [6, с.4] его личности, его творческой индивидуальности.

Образ главного героя рассказа помогает создавать преимущественно глагольная лексика, которая отражает черты эпохи конца XIX в.: гибель надежд и мечтаний русской интеллигенции. Нельзя не заметить, что глагольные номинации статичны: «задумчиво и неподвижно смотрел», «дни вяло тянулись за днями», «сердце спало, мысль довольствовалась готовыми ответами и ни разу не шевельнулась самостоятельно».

Именные номинации и лексико-семантическое поле «погоды» также раскрывают состояние души главного героя и его «сослуживцев» – акцизников, врачей, учителей. Выйдя из университета, они забрались в глушь и вот теперь собираются вместе, говорят о пустяках, пьют пиво и даже боятся вспомнить о том, что когда-то у них были твердые убеждения и высокие гражданские иде-

алы. Всем им до боли жалко светлого прошлого, но высказаться об этом чувстве определенно никто из них не решается. Потому-то их образы сопровождаются мотивами холода и уныло моросящего дождя. «Все, были несчастны, – поясняет Вересаев, – но никто из них не уважал своего горя, да и не стоило оно уважения… Горе их – горе дряблое, бездеятельное – ему нет оправдания; стыдиться его нужно, а не нести в люди» [2, с. 32].

Автор подводит неутешительный итог жизни своих *«неплательщиков»*[7]: «Все позади…, – и молодость, и вера, и идеалы…». Все, что им осталось – ностальгия по ушедшему, по тому времени, когда «будущее было светло, думалось, что не на пустяки даны силы» [2, с. 76].

Как видно, ранний Вересаев создает свои образы с прямолинейностью начинающего беллетриста: его социальная и эстетическая рефлексия направлены на то, чтобы отразить крайнее разочарование, подавленность и смятение людей, в молодости рассчитывавших прожить свою жизнь плодотворно и граждански значимо. Для достижения своей творческой цели молодой писатель использует художественные средства (детали, цитаты, реминисценции), «прямое» слово автора, а также подчеркнуто оценочные, социально заостренные образы.

Примечания

[1] Reflexio – от лат. «движение назад». Под социальной рефлексией мы понимаем форму мыслительной деятельности человека, направленную на осмысление своей роли и места в жизни общества. Под эстетической рефлексией, вслед за исследователями В.И Баком и Д.П. Тюпой, понимается «рефлексия поиска субъектом своей актуальной позиции, на которой еще не утвердился окончательно». (См.: *Тюпа В.И., Бак Д.И.* Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1988. – С. 4–15.)

[2] Под «языковой картиной», вслед за З.Д. Поповой, И.А Стерниным, понимается «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании». (См.: *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. – 189 с.)

Под авторской картиной мира, вслед за Т.В. Медведевой, понимаем «выражаемые в литературно-художественной форме знания автора о мире, которые являются системой представлений, направленных адресату. В этой системе наряду с универсальными общечеловеческими знаниями существуют уникальные, самобытные, порой парадоксальные представления автора. Таким образом, концептуализация мира в художественном тексте, с одной стороны, отражает универсальные законы мироустройства, а с другой – индивидуальные, даже уникальные, воображаемые идеи». (См.: *Медведева Т.В.* Формирование концептуального подхода к анализу художественного текста в лингвистической науке // Материалы пятой электронной всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.acis.vis.ru/8/4/1_8/2.htm.)

[3] Под художественным концептом, вслед за И.А. Тарасовой, понимаем «разновидность культурного концепта», а именно, «единицу индивидуального сознания…, вербализованную в едином тексте творчества писателя (что не исключает возможности эволюции концептуального содержания от одного периода творчества к другому)». (См.: *Тарасова И.А.* Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2003. – С. 74.)

[4] Термин В.Б. Шкловского. См. об этом подробнее: *Берковский Н.Я.* Мир, создаваемый литературой. – М.: Советский писатель, 1989. – С. 62.

[5] Традиция истории Братца Кролика, вероятно, имеет истоки в африканских сказках (например, в сказке, где заяц обманом заставляет бегемота и слона перетягивать канат, чтобы очистить для себя землю). Подобным образом в Японии белый заяц Оки пересекает море по крокодилам, которые вытягиваются в линию, морда к хвосту, когда он делает вид, что хочет их посчитать. См. об этом подробнее: Словарь символов Тресси-дера Д. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovoed.org.ua/169.php.

[6] Прямая отсылка к очерку Г.И. Успенского «Больная совесть» (1873).

[7] Этот образ становится значимым в творчестве писателей, озабоченных политической и общественной ситуацией в стране. Изначально «*неплательщиками*» называли представителей неподатных сословий. С указа Екатерины II от 1775 г. в России довольно четко утвердилось деление общества на сословия. Они разделялись на податные – те, которые

обязаны были платить государству подати, то есть налоги, и неподатные – освобожденные от этой повинности. Податные – крестьяне и мещане.

В переносном смысле «неплательщики» – это люди «больной совести», страдающие от собственного бессилия, невозможности помочь народу, чьими защитниками в силу образования и положения должны быть. Процессу формирования и бытования в литературе типа «*неплательщика*» способствовало обостряющееся у представителей русской интеллигенции чувство вины, долга перед своим народом, чье положение приковывало пристальное внимание общества. См. об этом подробнее: *Шпилевая Г.А.* Образ «неплательщика» как авторская социорефлексия в русской литературе второй половины XIX – начала XX вв. // Художественный текст и культура: материалы междунар. науч. конф., 2–4 окт. 2003 г. – Владимир, 2004. – Вып. V. – С. 140–145.

Библиографический список

1. *Бак Д.П.* История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1992. – 81 с.

2. *Вересаев В.В.* Собр. соч. в 5 т. – Т. 1. – М.: Правда, 1961. – 478 с.

3. *Головко В.М.* И.С. Тургенев – Л.А. Полонский – Я.В. Абрамов: концепция эволюционного развития общества как феномен интеллектуальной истории // И.С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти писателя. Вып. 1. – Орел: Изд-во Орловск. гос. ун-та, 2008. – С. 3–10.

4. *Добин Е.С.* Герой. Сюжет. Деталь. – М.; Л.: Советский писатель, 1962. – 408 с.

5. *Скобелев В.П.* Поэтика рассказа. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1982. – 155 с.

6. *Тюпа В.И., Бак Д.И.* Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики. // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1988. – С. 4–15.

УДК 882.09

Васина Светлана Николаевна
Московский городской педагогический университет
vasenochek@mail.ru

ФУНКЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ И РАССКАЗЧИКА В ПРОЗЕ В.М. ГАРШИНА

В статье автор рассматривает противопоставление двух вариантов освещения событий: изображение событий от третьего лица (повествователь) и от первого лица (рассказчик). В произведениях Гаршина выявлена важная закономерность: рассказчик проявляет себя в формах изложения событий от первого лица, а повествователь – от третьего.

Ключевые слова: *Гаршин, повествователь, рассказчик, событие, субъект.*

Одна их проблем литературоведения – это разграничение категории повествования с основными субъектами изображения и речи (повествователем и рассказчиком). В нарратологии не делается подобного разделения, так как оба понятия заменяются одним общим наименованием – нарратор. И.П. Ильин пишет: «Для современных нарратологов, разделяющих в данном случае мнение структуралистов, понятие нарратор носит сугубо формальный характер и категориальным образом противопоставляется понятию “конкретный”, “реальный автор”» [2, с. 282].

Н.А. Кожевникова не разделяет эти два понятия, используя в своей книге их как синонимы. Исследователь говорит, что повествование «облекается» то в форму первого лица, то третьего. «В форме первого лица передается рассказ свидетеля или участника событий, его жизнеописание, исповедь» [3, с. 28]. Кожевникова подчеркивает, что возникает иллюзия подлинности, правдоподобия, но возможности такого рассказчика ограничены. «В форму третьего лица повествование облекается тогда, когда повествователь находится вне той жизни, о которой повествует, рассказывает о том, чему не был свидетелем. Внимание направлено не на рассказчика, сколько на изображение действительности» [3, с. 28]. Исследователь отмечает: личность повествующего уходит на второй план, в центре возникает точка зрения на события.

© Васина С.Н., 2010

Н.Д. Тамарченко говорит о трех подходах к решению этой задачи: во-первых, противопоставление двух вариантов освещения событий: изображение событий от третьего лица (повествователь) и от первого лица (рассказчик) (В.Е. Хализев, Р. Уэллек и О. Уоррен); во-вторых, идея неустранимого присутствия автора, который выражает свою позицию через «скрытого автора» (повествователя) и «рассказывающего персонажа» (рассказчика) (У. Бут, Б.О. Корман); в-третьих, характеристика типов «повествовательных ситуаций» (условий, в которых повествуют разные субъекты) (П. Лаббок, Ф.К. Штанцель).

При изучении поэтики повествования Гаршина мы в большей степени склоняемся к первому подходу, но с учетом всех существующих точек зрения на эту сложную задачу. Такая теоретическая основа необходима еще и потому, что до сегодняшнего дня проблемы поэтики повествования в прозе Гаршина не изучены с достойной полнотой и глубиной.

В прозе Гаршина мы встречаемся с примерами изложения событий как рассказчиком, так и повествователем. В рассказе «Очень коротенький роман» герой (он не представляется) ведет диалог с невидимым читателем. Поэтому складывается впечатление, что рассказчик передает разговор с собеседником. Герой излагает события во время прогулок по городу. Он задает себе вопросы: «В самом деле, зачем я брожу по пустой набережной?» [1, с. 74]; «Пойду ли я домой?» [1, с. 75]. Но изначально герой обращается не только к себе, а ведет диалог с собеседником, которому сначала представляется: «Я должен представиться читателю. Я молодой человек на деревянной ноге. Быть может, вы скажете, что я подражаю Диккенсу; помните: Сайлас Бег, литературный человек с деревянной ногой (в романе “Our common friend”)? Нет, я не подражаю: я действительно молодой человек на деревянной ноге» [1, с. 74]. Как видно из приведенного отрывка, это не просто знакомство с читателем, это еще и незримый диалог, в котором собеседник не отвечает на поставленный вопрос о герое из романа Диккенса. Рассказчик опускает реплику читателя о подражании, а сразу отвечает, что не является подражателем литературного персонажа. Далее в рассказе будет приведен один диалог с репликами с обеих сторон: «Времена крестовых походов прошли; рыцари исчезли. Но если любимая девушка скажет вам: “это кольцо я!” и бросит его в огонь пожара, ну, хоть самого большого пожара, положим Фейгинской мельницы (как это было давно!), – разве вы не броситесь, чтобы его достать? – “Ах, какой он странный, конечно нет, – отвечаете вы: – конечно нет! Я отправлюсь к Буцу и куплю ей новое в десять раз дороже”» [1, с. 76]. Рассказчик спорит с читателем, приводит аналогию с кольцом, чтобы лучше донести, объяснить собеседнику, почему он пошел на войну, как дорога ему была любимая девушка Маша. Важно отметить, как обращается субъект речи к невидимому собеседнику: «Ах, *милостивые* государыни и господа!» [1, с. 75]; «Господа, сколько горя может выдержать человек? Вы не знаете? И я тоже не знаю» [1, с. 75]; «Ах, *благосклонный* читатель!» [1, с. 76]; «Мой *добрый* читатель, я рассказал вам уже все» [1, с. 77]; «Мой *проницательный* читатель, вы напрасно не верили мне» [1, с. 77]; «*Проницательный* читатель ехидно улыбается: неужели вы хотите, чтобы я верил всем этим россказням?» [1, с. 78]; «”Ага, ага, – вопит *проницательный* читатель, – вот вы и попались, господин герой! Для чего вам понадобилось лютеранское исповедание? А для того, что в декабре православных не венчают! Вот и все-с. И все ваши россказни чистая выдумка”. Думайте, что хотите, *проницательный* читатель» [1, с. 78]; «Пора идти домой, броситься на одинокую холодную постель и уснуть. До свидания, читатель!» [1, с. 78]. Чертой выделены различные обращения героя к собеседнику: читатель и господа (государыни). Рассказчик подчеркнуто уважительно отзывается о своем слушателе. К этим обращениям прикреплены характерные определения: *милостивые, благосклонный, добрый, проницательный* – что говорит о том, как важно выговориться субъекту речи, как он ищет понимания, сочувствия, поддержки в лице незримого читателя. Мы хотим остановиться отдельно на отрывке, где рассказчик погружается в воспоминания о войне: «Когда случилась первая встреча с турками, я не струсил: за это мне дали крест и произвели в унтер-офицеры. Когда случилась вторая встреча – что-то хлопнуло, и я хлопнулся о землю. Стон, туман... Доктор в белом переднике, с окровавленными руками... Сестры милосердия... Моя отрезанная нога с родимым пятном ниже колена... Все это как сон пролетело мимо меня» [1, с. 77]. В приведенном эпизоде появляется та же неопределенность в действиях, обрывочность фраз *(«что-то хлопнуло»,*

«Стон, туман... Доктор в белом переднике, с окровавленными руками... Сестры милосердия»), как и в рассказе «Четыре дня», когда герой вспоминает, что произошло во время сражения. В сознании зафиксировались только отдельные картины и звуки. Речь рассказчика – не жесткие обвинения в адрес не дождавшейся его девушки. Это лирический монолог солдата, потерявшего на поле боя ногу, ставшего инвалидом. Герой смирился со своей судьбой, и не случайно: он не спорит с собеседником о неправдоподобности своей истории (ведь не было борьбы за Машу с ее новым избранником, рассказчик даже стал шафером на их свадьбе). Субъекту речи, который является участником событий, хочется донести до читателя, что вся эта ситуация не озлобила его против всего мира, но его рассказ явно подчеркивает: герой опустошен, надломлен.

В прозе Гаршина мы находим рассказы («Художники», «Надежда Николаевна»), в которых читатель встречается сразу с двумя рассказчиками. Приведенные произведения объединяет дневниковая форма изложения событий (уточним, что в рассказе «Надежда Николаевна» это дневник и записки).

В рассказе «Надежда Николаевна», как уже было отмечено, повествование ведется двумя рассказчиками. События излагает основной рассказчик – Лопатин, дневник Бессонова выполняет вспомогательную функцию. Оба субъекта речи ведут записи с целью разобраться в себе. Но есть существенная разница в их изложении событий: Лопатин пишет свой дневник как воспоминание (т.е. после случившейся трагедии), откуда появляется дневник Бессонова не совсем ясно, так как никаких комментариев по этому поводу основной рассказчик не дает. Поэтому получается, что Лопатин смотрит на всю ситуации как на прошлое, а у Бессонова описание всех событий происходит в настоящем времени. Основной рассказчик в начале повествования объясняет причину, побудившую его сделать записи: «Я не могу отделаться от своих воспоминаний, и странная мысль пришла мне в голову. Может быть, если я изложу их на бумаге, я этим покончу все свои счеты с ними… Может быть, они оставят меня и дадут спокойно умереть. Вот странная причина, заставляющая меня взяться за перо» [1, с. 255]. Приведенный отрывок сразу настраивает читателя на трагическое восприятие событий, которые собирается описывать герой. То, что Лопатин ведет дневниковые записи после случившегося, угадывается из фраз, которые не относятся к основной сюжетной линии повествования: «Она точно не смела войти в эту комнату, где нашла потом свое счастье, единственную свою светлую полосу жизни и … гибель. Не ту гибель, о которой говорил Бессонов… Я не могу писать об этом. Я подожду и успокоюсь» [1, с. 276]; «Соня не знает, что я пишу эти горькие страницы» [1, с. 276]; «Как живо вспоминаются мне эти долгие, тихие сеансы!» [1, с. 282]. Это возвращение в настоящее напоминает, что герой пережил все излагаемые им события. Лопатин по-другому уже смотрит на встречи с Надеждой Николаевной, которая согласилась быть натурщицей во время написания картины. Записи из дневника Бессонова трижды встречаются в произведении. Рассказчик передает свои душевные переживания, чувства, связанные с отношениями между Лопатиным и Надеждой Николаевной: «Я тщетно стараюсь решить вопрос, почему я принял такое горячее участие во всем этом деле? Не все ли мне равно?» [1, с. 287]; «Я жду, что будет. <…> Всей силы воли, какая у меня есть, было недостаточно, чтобы продолжить носить на себе надетую мною маску равнодушия и вежливости: я почувствовал, что если пробуду еще четверть часа, то сброшу ее и покажу им самого себя. Этой женщины нельзя узнать. <…> Теперь я вижу происшедшую в ней перемену» [1, с. 297]; «Иду. Так или иначе, а это нужно кончить. Я слишком измучен и больше не могу» [1, с. 309]. Дневник Бессонова раскрывает душевные противоречия, которые скрываются внутри героя и не видны окружающим его людям. Рассказчик прямо говорит о своей одержимости Надеждой Николаевной, герой так себя «загнал», что понимает: ему надо разрешить эту ситуацию, в противном случае он не может ручаться за себя. Как показывает трагический финал истории, Бессонов не смог договориться и отпустить героиню. В пылу ярости он убивает Надежду Николаевну, а Лопатин, защищаясь, смертельно ранит соперника копьем.

В рассказе «Красный цветок» события передаются повествователем и излагаются в форме третьего лица. Субъект речи, соответственно, не изображается никем из персонажей, не является участником действий. Повествователь как сторонний наблюдатель следует за героем и находится все время рядом. Его нельзя назвать всеведущим, но он сообщает не только увиденное, но и рас-

сказывает о мыслях героя («“Стереть!.. Что стереть? Кого стереть? Меня!” – подумал он и в смертельном ужасе закрыл глаза» [1, с. 235]; «“Где я? Что со мной?” – пришло ему в голову» [1, с. 236]. Построение фраз, вопросы, восклицания показывают душевные переживания главного героя. Повествователь описывает окружающую действительность и людей: внешний вид больного («Он был страшен. Сверх изорванного во время припадка в клочья серого платья из грубой парусины с широким вырезом обтягивала его стан; длинные рукава прижимали его руки к груди накрест и были связаны сзади. Воспаленные, широко раскрытые глаза (он не спал десять суток) горели неподвижным горячим блеском…» [1, с. 233]; здание больницы («Это было большое каменное здание старинной казенной постройки. Два больших зала, один – столовая, другой – общее помещение для спокойных больных, широкий коридор со стеклянной дверью, выходившей в сад с цветником, и десятка два отдельных комнат, где жили больные, занимали нижний этаж; тут же были устроены две темные комнаты, одна обитая тюфяками, другая досками, в которые сажали буйных, и огромная мрачная комната со сводами – ванная» [1, с. 234]; внешность доктора («Доктор пристально смотрел ему в глаза. Его красивое холеное лицо с превосходно расчесанной золотистой бородой и спокойными голубыми глазами, смотревшими сквозь золотые очки, было неподвижно и непроницаемо» [1, с. 237]; сад («Угол сада зарос густым вишняком; вдоль него тянулись аллеи из вязов; посередине, на небольшой искусственной горке, был разведен самый красивый цветник во всем саду; яркие цветы росли по краям верхней площадки, а в центре ее красовалась большая, крупная и редкая, желтая с красными крапинками далия» [1, с. 240] и т.д. Все эти и многие другие описания позволяют представить читателю атмосферу, царящую в сумасшедшем доме, и на контрасте сопоставить состояние героя и его восприятие окружающей действительности. Больной, которого привезли на лечение, нарушает «спокойную», «мирную», «размеренную» жизнь больницы. Повествователь через подробные описания внешности героя показывает, в каком состоянии привезли главного героя. В двух приведенных портретных характеристиках больного и доктора субъект речи останавливается на глазах (у героя – *воспаленные, широко раскрытые*; у доктора – *спокойные голубые*). Описания здания и сада позволяют повествователю подробнее сообщить о месте, вокруг которого будут разворачиваться основные события. Хотим отметить, что о больнице складывается двоякое ощущение. Повествователь дает по ходу изложения событий свой комментарий, что мы и видим в описании больного («он не спал десять суток» – эта фраза дана в скобках в рассказе). Это помогает понять поведение больного, раскрывает отношение к нему сопровождающих его людей.

Анализ показывает, что мы можем говорить о взаимосвязи формы изображения событий и субъектом речи. В проанализированных произведениях Гаршина выявлена такая важная закономерность: рассказчик проявляет себя в формах изложения событий от первого лица, а повествователь – от третьего. Именно эта закономерность в поэтике повествования занимает первую позицию.

Библиографический список

1. *Гаршин В.М.* Встреча. Сочинения, избранные письма, незавершенное. – М.: Парад, 2007. – 640 с.

2. *Ильин И.П.* Нарратор // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – М.: Intrada, 2004. – 560 с.

3. *Кожевникова Н.А.* Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. – М.: Институт русского языка РАН, 1994. – 336 с.

4. *Тамарченко Н.Д.* Повествователь // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Intrada, 2008. – 256 с.

5. *Тамарченко Н.Д.* Рассказчик // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Intrada, 2008. – 256 с.

УДК 821.161.1

Савчук Илья Николаевич
Воронежский государственный педагогический университет
iron_butterfly@bk.ru

АВТОМЕТАПАРАТЕКСТ И ЧЕРТЫ ДУХОВНОГО ПОРТРЕТА В.С. ВЫСОЦКОГО (к вопросу о ненормативной лексике в лирике поэта)

В настоящей статье анализируется комментарий (автометапаратекст) Высоцкого к песне, спетой на концерте. Поэт уверял, что старается не употреблять в своих произведениях грубых выражений (редкие исключения составляют ролевые стихотворения). Такое творческое поведение автора свидетельствует о том, что Высоцкий, воспринимавшийся при жизни как поэт маргинальный, стремился к статусу поэта официального – печатаемого. Вторая причина, на наш взгляд, состоит в том, что Высоцкий, сохраняя «чистоту языка», надеялся на духовное возрождение русской нации.

Ключевые слова: *автометапаратекст, маргинальный поэт, творческое поведение, духовный портрет автора.*

Известно, что Высоцкий иногда сопровождал свои выступления комментариями. Авторское комментирование становится одним из ключей к интерпретации произведений поэта. Этой проблемой сейчас занимаются многие исследователи (например, Ю.В. Доманский, Ю.Б. Орлицкий, А.Н. Ярко, А.Н. Безрукова), которые изучают связь «сказанного» и «написанного» (а точнее – «спетого») Высоцким.

Исследователи творчества поэта предлагают в связи с этим ввести термин *автометапаратекст.* Это «текст» (точнее, живая речь самого поэта), находящийся (в семантическом плане) «около», «рядом», выполняющий пояснительную функцию относительно основного произведения – стихотворения (песни).

Используя термин автометапаратекст, нельзя не учесть расширенное определение понятия «метатекст», которое дал составитель словаря-справочника «Русский синтаксис в алфавитном порядке» А.М. Ломов. Этот термин введен «для обозначения предложений и сочетаний слов, посредством которых говорящий раскрывает характер собственного речевого поведения» [8, с. 137].

Термин «автометапаратекст» был впервые использован исследователями в статьях, где рассматривается концертная деятельность Высоцкого. Как правило, форма существования песен Высоцкого – концерт. На это указывает сам автор: «*Мне нужны живые глаза, а иначе это все – писание в корзину. Если ты не спел песню людям – это все равно, что написал роман и выбросил его или сжег…*» [12, с. 136].

Во время выступлений можно было услышать автокомментарии, которые играли роль связующих элементов для всей ткани концерта.

Помимо этой соединительной роли, указанные дополнения имели и особую смысловую нагрузку, т.к. «авторское вступление <…> обеспечивает ролевой характер песен, способствует экспликации заглавия».

Существуют сходные термины: «авторские вступления» и «авторский комментарий», однако, по словам исследователя Ю.В. Доманского, они являются слишком «широкими» определениями и не всегда точно отражают специфику того явления, о котором идет речь. Итак, автометапаратекст – «это текст несамостоятельный, вспомогательный, он расположен “рядом” с так называемым “основным текстом” (самой песней), принадлежит автору песни и содержательно направлен на ту песню, то есть это текст о песне» [5, с. 71], – отмечает исследователь.

Существует мнение, что комментарии поэта не были «импровизированными» [13, с. 165], это были подготовленные фрагменты, режиссерски выстроенные мини-сцены. Правда, их содержание варьировалось при исполнении, что обусловливалось составом аудитории, контекстом других песен. Очевидно, что Высоцкий заранее готовился к концертам, продумывал, что, как и где он будет говорить перед той или иной песней.

Однако существует и противоположное мнение. Исследователь Ю.Б. Орлицкий отмечает: «Очень важно то, что, в отличие от текстов песен, эти комментарии, как правило, носят принципиально импровизационный характер, сочиняются исполнителем непосредственно по ходу выступления, включая в себя реакции автора-исполнителя на те или иные факторы, сопровождающие это выступление» [9, с. 141].

 © Савчук И.Н., 2010

В рамках заявленной нами темы весьма важным выглядит следующий автометапаратекст, который декларирует определенную позицию поэта: «*Должен сказать, что если вам когда-нибудь попадутся записи, где есть, во-первых, неприличные слова и, во-вторых, такая дешевая фронда, – то сразу можете считать, что эти песни – не мои. Подделывать очень легко – так как записи десятикратно и стократно переписываются. Очень просто можно сделать хриплый голос, пустить посторонний шум – и будет впечатление, что поет Высоцкий. Эти песни мне очень вредят. Меня часто по этому поводу вызывают и говорят: "Как вам не стыдно! Что вы делаете!" А несколько лет тому назад был даже такой приказ по Управлению культуры, чтобы запретить мне выступать – на год. За песни. И были названы несколько песен, которые мне вообще не принадлежат*» [12, с. 81].

Отметим ключевые слова приведенного автометапаратекста: *неприличные слова* и *фронда*. Как видно, Высоцкий пытается дистанцироваться от того, что в его произведениях было. Неприличных слов в его текстах действительно крайне мало (об этом речь пойдет ниже), но скрытая устойчивая «фронда», противостояние действительности и власти было в его стихотворениях всегда, что являлось одной из причин огромной популярности поэта и гонений со стороны власти.

Высоцкий был поэтом маргинальным (если рассматривать его творчество с позиции официальной), в то же время жизнь 1960–1980-х была немыслима без этой яркой фигуры, чье творчество отразило основные социальные тенденции современности, в том числе и языковые. Проблема «чистоты языка», способность «говорить красиво и правильно», престижность употребления «крепких» выражений представителями «элитарных кругов советского общества» [10, с. 6], органичность бытования этих выражений в народной среде, безусловно, воплотились в образной ткани произведений Высоцкого и других поэтов советского андеграунда (того же Галича). Эстетическое осмысление «низовой» речи, конечно же, давало возможность художникам слова проникнуть в глубины народного менталитета и продемонстрировать свою оппозицию литературе официальной, «приглаженной».

Употребление Высоцким «крепких слов» вполне ожидаемо, ибо автор всегда воспринимался как поэт *народный*, и словесное (образное) выражение черт национального характера могло бы создаваться в указанном русле. Но вопреки ожиданиям этот поэт избегает подобных путей. Об этом пишут А.Е. Крылов и А.В. Кулагин в комментариях к произведению Высоцкого «Что же ты, зараза, бровь себе подбрила». Эта песня «имела назв.: "Зараза", "Что же ты, зараза", "Что ж ты, б…, зараза" (в соответствии с измененной первой строкой), "Рыжая шалава"» [7, с. 12].

Одному из исполнений указанной песни был предпослан автометапаратекст, который подтверждает языковую позицию Высоцкого и поясняет, что если в его стихах и есть нелитературные выражения, то они обусловлены ролевой лирикой: «*Шалава – это такое название женщины. Понятно какое, да? Там есть несколько неприличных слов, но это не я, так сказать говорю их, а герой этой песни*» [7, с. 12].

Присутствие в поэтической системе Высоцкого большого пласта «блатной» лирики (которая предполагает использование жаргонизмов и, как следствие, нецензурной лексики) также не меняет языкового поведения художника (исключение составляют лишь те стихотворения, которые можно отнести к вышеупомянутой ролевой лирике, где «грубые» слова выступают как необходимый атрибут характеристики персонажа).

Есть в стихотворениях поэта примеры замены нелитературных выражений (которые легко восстанавливаются) созвучными приличными словами:

Дуся дремлет как ребенок,
Накрутивши бигуди, –
Отвечает мне спросонок:
«Знаешь, Коля, – *не зуди*!..» [4, т. 1, с. 393]
(курсив наш. – *И.С.*).

И все-таки почему Высоцкий, в отличие от своего «брата по цеху» А. Галича (см., например, стихотворения «Переселение душ», «Отрывок из радиотелевизионного репортажа о футбольном матче между сборными командами Великобритании и Советского Союза» и т.д.), не использует ненормативную лексику? В чем заключается причина такого лексического целомудрия?

Как нам представляется, дело отчасти состоит в том, что у Высоцкого не было открытой конфронтации с властью, что отличает его от Галича, который на определенном этапе своей жизни вступил в агрессивный диалог с тоталитарным государством.

Высоцкий, как и Галич, часто использовал сказовую форму повествования – эту смысло-

вую клоунаду, содержащую глубокие, социально окрашенные образы. «Применительно к сказу у Высоцкого <…> целесообразно говорить о двух слушателях. Один – простодушно доверчивый, исполненный “односторонней серьезности”, принимающий за чистую монету все, что он слышит от рассказчика. Между тем, другой настроен на ту же ироническую волну, что и “концепированный автор”» [11, с. 31–32], – писал исследователь творчества Высоцкого. Сказ Галича, на наш взгляд, имеет несколько иную направленность: его слушатель («концепированный читатель») не раздваивается и максимально приближен к автору, что создает условия для ярко выраженной социальной сатиры, столь характерной для этого автора.

Повествовательная манера Высоцкого мягче, в ней больше иронии, которая обусловливает многоплановую языковую игру.

В качестве примеров языковой игры рассмотрим строки из стихотворения «Летела жизнь» (1978): «Так что чечены, жившие при Грозном, / Намылились с Кавказа в Казахстан…» [4, т. 1, с. 469]. Комментарий к данному произведению поясняет: «Имеется в виду депортация чеченского населения “за сотрудничество с врагом” в феврале 1944 г.; слово *Грозный* обозначает здесь столицу Чечено-Ингушетии и одновременно является перифрастическим наименованием Сталина (по ассоциации с Иваном Грозным)» [7, с. 170]. Как видно, даже говоря об отдаленном прошлом (сталинские времена), Высоцкий не вступает в открытую конфронтацию с кровавым «чистильщиком».

Однако иногда встречаются примеры более явного проявления авторской оппозиции и недовольства властью:

…Не привыкать глотать мне горькую слюну:
Организации, инстанции и лица
Мне объявили явную войну –
За то, что я нарушил тишину,
За то, что я хриплю на всю страну,
Затем, чтоб доказать – я в колесе не спица…
[3, т. 3, с. 110].

Или:

И если б наша власть была
Для нас для всех *понятная*
(курсив наш. – *И.С.*),
То счастие б она нашла, –
А нынче жизнь – проклятая!.. [4, т. 1, с. 94].

Заметим, что власть не «плохая», а всего лишь «непонятная».

Как видно, Высоцкий в своих произведениях действительно был сдержан и тщательно «выбирал выражения», что не отменяло его внутренней оппозиции к всевозможным «инстанциям». Социально окрашенные произведения поэта могли носить шуточный характер, но за этим всегда стоял серьезный смысл (например, «А люди все роптали и роптали», «Поездка в город», «Жертва телевиденья» и т.д.). «Выбирая выражения» и стараясь сделать текст произведения лексически «нейтральным», Высоцкий, видимо, таким образом стремился к «печатному слову». Но судьба распорядилась иначе, ибо статус официального автора при жизни он, как известно, так и не получил.

О переживаниях Высоцкого по этому поводу написано много: «Твоя всенародная популярность, как бы она ни была велика, не компенсирует в твоих глазах отсутствие официального признания» [2, с. 54], – писала в своей книге жена Высоцкого.

Однако помимо стремления поэта к официальному признанию (имеется в виду публикация стихов) в отказе от «неприличных слов» видится и более глубинная причина, которая волновала художника: «Дорожа сокровищницей народного языка (со времен Лескова изрядно оскудевшей), Высоцкий не позволяет себе пользоваться непечатным (нецензурным) словом. И этот факт – лишнее доказательство веры и надежды поэта в будущее своего народа» [6, с. 8], – пишет исследователь Б.С. Дыханова. Поэт, безусловно, чувствовал огромную ответственность перед всей русской культурой и своим языковым поведением пытался вписать себя в ее контекст.

Библиографический список

1. *Безрукова А.Н.* Смыслообразующая функция автометапаратекста в концертном наследии Владимира Высоцкого // Слово. Сб. науч. тр. студентов и аспирантов. Вып. 4. – Тверь, 2006. – С. 48–52 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vv.mediaplanet.ru/articles/Bezrukova-Smisloobrazuyushchaya_funktsiya/.text

2. *Влади М.В.* Владимир, или Прерванный полет / пер. М. Влади и Ю. Абдуловой. – Алма-Ата: Жазушы, 1990. – 176 с.

3. *Высоцкий В.С.* Собрание в четырех томах. – М.: Время, 2008.

4. *Высоцкий В.С.* Сочинения в двух томах. (Предислов. С. Высоцкого) / Подгот. текста и коммент.

А. Крылова. – Екатеринбург: Изд-во «У-Фактория», 1996.

5. *Доманский Ю.В.* Заглавие песен В. Высоцкого в структуре концертных автометапаратекстов // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2007–2009 гг.: Сборник научных трудов. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2009. – С. 71–78.

6. *Дыханова Б.С.* Сказовые традиции в поэзии В. Высоцкого // Владимир Высоцкий: исследования и материалы 2007–2009гг.: Сборник научных трудов. – Воронеж: ВГПУ, 2009. – С. 3–8.

7. *Крылов А.Е., Кулагин А.В.* Песни Владимира Высоцкого. Материалы к комментарию. На правах рукописи. – М.; Коломна, 2009. – 188 с.

8. *Ломов А.М.* Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 400 с.

9. *Орлицкий Ю.Б.* Стих и проза в песнях Галича и Высоцкого: авторское вступление как компонент художественного целого песни // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: Материалы третьей междунар. науч. конф. – М.: изд-во ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2003. – С. 140–150.

10. *Русский мат (Антология)* / Под ред. Ф.Н. Ильжова. – М.: «Издательский дом ЛАДА М», 1994. – 304 с.

11. *Скобелев В.П.* Сказовый элемент в поэзии Высоцкого // Творчество Владимира Высоцкого в контексте художественной культуры XX века: Сборник статей. – Самара: изд-во Самар. дом печати, 2001. – С. 30–43.

12. *Старатель. Еще о Высоцком*: Сборник воспоминаний / Сост. А. Крылов, Ю. Тырин. – М.: Изд-во МГЦ АП, Аргус, 1994. – 400 с.

13. *Свиридов С.В.* Структура художественного пространства в поэзии В. Высоцкого: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 234 с.

УДК 398.32

Сокаева Диана Вайнеровна
кандидат филологических наук
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (г. Владикавказ)
socdial@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАГРОБНОМ МИРЕ В НАРТСКОМ ЭПОСЕ И НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ ОСЕТИН

Задачей предлагаемой статьи является рассмотрение сложной картины представлений осетин о загробном мире в двух разных жанрах фольклора. Если нартский эпос включает в себя развернутую картину «ада» и «рая», то в несказочной прозе осетин делается акцент на мотивах покровительства, пророчеств умерших, художественном описании смертного час и т.д.

Ключевые слова: *мифологическое пространство, ритуал, нартский эпос, несказочная проза.*

В возникновении и развитии религиозных верований есть общие и специфические закономерности, которые обуславливаются конкретно-историческими условиями жизни каждого народа.

«Общие закономерности проявляются в происхождении религиозных представлений на строго определенном этапе становления материального производства и соответствующего этому этапу уровня сознания, а также их эволюции, которая выражается во всеобщих универсальных формах религиозного сознания, что присуще всем народам на начальных этапах исторического развития»[13, с. 6].

К периоду распространения мировых религий у горцев Северного Кавказа сложились высокоразвитые формы религиозного мышления, представляющие собой переосмысленные, видоизмененные языческие верования. Официальное принятие христианства не исключило параллельного бытования прежних религиозных представлений с таковыми в мировых религиях. Стало возможным наслоение некоторых представлений, к которым относится представление о загробной жизни в осетинском традиционной религии. Нижний мир мифологического пространства осетин разделен на загробный и водные миры. Представления осетин о загробном мире – четко выстроенная картина в каждом жанре фольклора, в том числе в нартском эпосе и несказочной прозе.

В.И. Абаев пишет: «Христианизация никогда не была полным и крутым разрывом с “язычес-

© Сокаева Д.В., 2010

ким" прошлым. Она была скорее процессом адаптации новых понятий и имен к старому содержанию»[1, с. 11].

Исследователи не раз обращались к проблеме определения природы и генезиса религиозных представлений осетин с различных позиций [3; 4; 11], но, на наш взгляд, насущной является проверка выдвинутых гипотез на материале, в частности, фольклорном.

Мотив путешествия в загробный мир имеет место в скифской мифологии. Трехчленная по вертикали структура пространства является выразительным примером мифологической универсалии [12, с. 45]. Скифская мифология, по описаниям Геродота, имела в своем арсенале генеалогическую легенду о происхождении скифов, в содержании которой герой Таргитай-Геракл – земное существо, принадлежащее миру людей, путешествуя, проникает в пещеру «змееногой богини», т.е. нисходит в подземный мир, в обитель мертвых [8]. Некогда существовавший в языческой Скифии культ бога смерти Vayu представлен в более позднем эпическом сюжете о загробном мире в цикле Сослана нартского эпоса осетин, а также в обрядовом тексте «Посвящение коня умершему» привратником загробного мира Уаигом, в некоторых вариантах Аминоном. Помимо названного обряда представление о загробном мире отразилось в причитаниях, в народных песнях. Если в эпосе картина загробного мира включена в многосоставный сюжет, то в песне передано лишь напутствие умершему, которое соответствует обрядовой речи бæхфæлдисага (посвящающего коня):

Вот он лежит у могилы глубокой –
Путник, готовый к дороге далекой,
Той, откуда не возвращаются,
Перед которой навеки прощаются…
Долго, о путник, будешь скакать
Ты по дорогам, что наших суровей.
В том царстве случится тебе увидеть…

Затем следуют одна за другой картины загробного мира, аналогичные эпическим:

Коня оставляем тебе мы в подмогу.
Пусть он облегчает твою дорогу
К Господу Богу [10, с. 401–402], –

такова концовка песни.

Академик В.Ф. Миллер в «Осетинских этюдах» говорит о поверьях, связанных с представлениями осетин о загробном мире: «У осетин существует поверье, что души некоторых людей во время их сна оставляют тело и предпринимают поездку в таинственную область, из которой привозят счастье, урожай и болезни, особенно кашель... Люди, ездящие туда под Новый год, так называемые буркудзаута, садятся на лучших, чужих лошадей, которые после поездки начинают кашлять, или на людей во время их сна, после чего эти люди хворают» [7, с. 454–455]. Религиозные представления осетин о загробном мире наполнены жизненным, бытовым материалом, в частности, путешествие в таинственную область Курис венчается добычей чего-то полезного, например, семян.

Основной фигурой, которая спускается в загробный мир в нартском эпосе осетин, является Сослан. Он – культурный герой, которым приписывается происхождение и введение тех или иных благ: добывание огня, изобретение ремесел, земледелия, установление определенных социальных институтов, брачных правил, обычаев, обрядов.

Сюжет сказания «Сослан в Царстве Мертвых»:

а) Решив жениться на дочери Солнца, Сослан был вынужден достать листья дерева «аза», растущей только в Царстве Мертвых – в качестве части запрошенного калыма.

б) Попав в Царство Барастыра, он видит множество причудливых сцен, которые, как ему потом объясняют, рисуют воздаяния, ожидающие людей за добрые и злые дела.

в) С помощью своей ранее умершей жены Сослан получает от владыки загробного мира листья «аза» и пускается в обратный путь.

г) На обратном пути его подстерегают козни Сырдона, который, обладая даром оборотничества, выведывает секрет бессмертия Сослана и его коня. Но Сослану удается добраться до дома живым, и дочь Солнца Ацырухс становится его женой [9, с. 211–232].

Сюжет представляет собой сложную, неодночленную структуру. Мотив сватовства к дочери Солнца служит введением к рассказу о нисхождении в Царство Мертвых. «Калым» Сослана за дочь Солнца представляет собой вариацию весьма распространенного мотива о браке, обусловленном выполнением трудных поручений женихом» [2, с. 41–42].

Сватовство героя приобретает героический характер. То, что живой Сослан может войти в Царство Мертвых и возвратиться оттуда, указывает на чудесные, шаманские способности героя и, вместе с тем, воспринимается уже как своего рода богатырство. В данном случае мы имеем

дело с эпическим сюжетом, где «исконный мифологический материал причудливо компонуется с историческими воспоминаниями народа, причем обычно вокруг одного персонажа происходит «конденсация» разновременных событий, из которых иные в действительности отстояли друг от друга на столетия» [5, с. 19]. Сослан врывается в Царство Мертвых против воли владыки Барастыра, что носит богоборческий характер. Он, как герой-богатырь, применяет силу. Личный мотив сватовства уступает место грандиозной картине загробного мира. В формах возмездия отражаются моральные заповеди осетин. Наказанию подлежат непочитание отца и матери, супружеская неверность, скупость, негостеприимство, обман и воровство, несправедливость в судебных делах, нелюдимость и т.д. Отражена в описании загробного мира и философия предков. Сослан рассказывает Бедухе: «Вижу, лежит на дороге клубок пестрых ниток. И захотелось мне захватить с собой эти нитки. Коснулся я с седла, схватил конец нитки, стал мотать на руку. Мотал, мотал, а клубок все не уменьшается. Бросил я клубок и поехал дальше». Бедуха ему отвечает: «Тайны Вселенной обозначает этот клубок. Сколько бы ни стремился ты познавать их, всегда сможешь познать лишь часть из них» [9, с. 229].

Мотив сватовства становится формой, рамкой для выражения вековых идеалов народа в своеобразном описании загробного мира. Функции Сослана как культурного героя приобретают более конкретный, социально-бытовой характер. Герой выступает как защитник коллективных племенных интересов. Таким образом, классическая тема добывания огня культурным героем заменяется в осетинском эпосе темой добывания дочери Солнца, солнцеликой невесты. А эта тема, в свою очередь, уступает место другой – теме «добывания» Сосланом, потомком культурных героев, мудрости, советов, знаний умерших. Он становится своего рода пророком. Такая миссия Сослана обусловлена как раз мифологическими чертами «культурности».

Несказочная проза осетин изобилует текстами, например, о спасении ребенка умершей матерью, развивая тему о том, что умершие оберегают живущих с того света: «Эту историю мне рассказала моя бабушка. У одного мужчины умерла жена и осталась маленькая девочка. Через некоторое время мужчина женился на другой женщине. Он оказалась плохим человеком, невзлюбила девочку и уже не знала, как от нее избавиться. Как-то раз она вынесла девочку к железнодорожному полотну и оставила на рельсах. Когда поезд уже приближался, машинист смотрит – а какая-то женщина машет ему рукой. Он протирает глаза, думает, что почудилось. Но снова смотрит и видит: женщина в белом одеянии машет ему рукой. Машинист останавливает поезд, выходит и обнаруживает на рельсах ребенка. Машинист берет ребенка с собой. Через некоторое время становится известно, чей это ребенок. По описаниям машиниста его предупредила об опасности умершая мать ребенка» [6].

В несказочной прозе осетин хорошо представлен мотив судьбы, связанный со смертью, вернее, с моментом смертного часа. Ангел смерти, как правило, фигурирует в образе волка.

Еще В.Ф. Миллер зафиксировал верование осетин о том, что «в час смерти является в образе волка – yodiecaг (диг.) – извлекатель души, и, завидя его, больной страшно пугается и указывает на потолок или на темный угол. Когда душа извлечена, она летает над трупом, пока он в доме и следует за ним на кладбище. Вместе с телом в могилу сходит, и душа и снова входит в тело, вследствие чего покойник три раза приподнимается в засыпанной могиле. Затем душа снова выходит из тела и, обращаясь к нему, произносит с удивлением: как могла я поддерживать до сих пор этот дубовый чурбан! С этими словами она улетает на небо. Здесь ее заставляют пройти сквозь семь звеньев цепи, вследствие чего она снова принимает прежний человеческий образ. В загробном мире души так же стареют, как люди на земле» [7, с. 479].

Рассмотрение и определение связи собачьего хищника с загробным миром на осетинском материале – тема отдельного исследования.

Интересно заметить, что персонажи и атрибутика нартского эпоса очень редко становятся предметом размышлений рассказчиков несказочной прозы. В лучшем случае, они просто упоминают, что об этом рассказывается и в нартском эпосе. Несказочная проза существует и функционирует в общем поле фольклора, во всяком случае, это утверждение касается осетинской несказочной прозы в «другом темпе» и «на другие темы». Например, образ волка, неразрывно связанный в несказочной прозе с судьбой-смертью и с персонажем женщиной-волчицей, посещающей также другой мир, в нартском эпосе связан с образом

Уархага, прародителя Нартов. Его имя возводится по семантике к «волку», и исследователями делается вывод о тотемном оттенке образа [2, с. 15–19]. Общим, что объединяет многие жанры фольклора при развитии или упоминании темы загробного мира, – это образ Барастыра [11, с. 37–38].

Древняя осетинская религиозная система представлений, а именно образ Барастыра, является довлеющим над всеми остальными мотивами, сюжетами и сентенциями осетинского фольклора, связанными с загробным миром. Но в несказочной прозе выходят на первый план символические образы. Волк в паре с хищной птицей в сказочной прозе и нартском эпосе осетин являются сторожами загробного мира. Только выполнив определенные условия по отношению к ним, можно попасть в загробный мир, будучи живым. Волк в несказочной прозе осетин является вершителем судьбы, и, в противовес ему, в текст предания обычно вводятся образы доброжелателей либо просто пророков-птиц (мужчин с птичьими головами), которые предупреждают о надвигающейся неизбежной беде.

Представления о загробном мире в нартском эпосе и несказочной прозе осетин констатируют на разных жанровых уровнях пространственную структуру мифологического пространства.

Библиографический список

1. *Абаев В.И.* Дохристианская религия алан. – М.: Изд. вост. лит., 1961. – 14 с. (Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов).

2. *Абаев В.И.* Нартовский эпос осетин. – Цхинвали: Ирыстон, 1982. – 106 с.

3. *Бесолова Е.Б.* Лингвистическая реконструкция духовной культуры осетин (на материале ритуальной лексики): Автореф. … д-ра филол. наук. – Нальчик, 2006. – 55 с.

4. *Гутнов Ф.Х.* Социальные аспекты эволюции религиозной системы алан // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ, 1992. – Вып. 2. – С. 160–169.

5. *Дьяконов И.М.* Предисловие // Мифология древнего мира. – М.: Наука, 1977.

6. Личный архив автора. Исп. Ачеева Фаризат (1925 г.р.), 15.12.1993 г. зап. Черчесова В., ст. 1 курса фак. осет. фил. и журн.

7. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. II. 1882. Гл. VII: Религиозные верования осетин. Репринтное издание. – Владикавказ, 1992. – 716 с.

8. *Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. – М.: Наука, 1985. – 256 с.

9. Сказания о нартах. – М.: Советская Россия, 1978. – 512 с.

10. Сто истин. Песни народов Северного Кавказа. – М.: Современник, 1984. – 543 с.

11. *Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобоблев Е.Н.* Религиозные воззрения осетин (история религии – в истории народа). Хрестоматия. – Владикавказ, 2000. – 503 с.

12. *Топоров В.Н.* Первобытные представления о мире: общий взгляд // Очерки истории естественно-научных знаний в древности. – М.: Наука, 1982. – С. 8–40.

13. *Чибиров Л.А.* Древнейшие пласты духовной культуры осетин. – Цхинвали, 1984. – 216 с.

УДК 821

Честнова Наталья Юрьевна
Владимирский государственный гуманитарный университет
chestnut19@yandex.ru

О ДИАЛЕКТИЧНОСТИ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ «ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассматривается один из аспектов жанровой природы повести Достоевского «Записки из подполья». Сопоставляются два ракурса жанровых номинаций: авторский (внешний) ракурс и ракурс творчески активного героя-повествователя – подпольного парадоксалиста. Анализ взаимодействия этих двух жанровых ракурсов позволяет сделать вывод о диалектичности жанровой формы «Записок из подполья».

Ключевые слова: *жанр, герой-повествователь.*

В литературе о Достоевском не раз отмечалась сложность жанровой природы повести «Записки из подполья». О ней писали Н.М. Чирков [6], А.Б. Криницын [5], проблему жанра «Записок из подполья» затрагивал М.М. Бахтин [3]. В данной статье рассматривается один из аспектов данной проблемы, одна жанровая особенность повести. Отправной точкой исследования стало наблюдение, что в самом тексте «Записок» неоднократно встречаются характеристики его жанра и характеристики эти даны с двух разных точек зрения. Первая – точка зрения самого Достоевского, изложенная в предисловии и послесловии. С ней объединяются те определения, которые автор давал «Запискам» в процессе работы над ними. Но есть и второе мнение о жанровой природе повести – принадлежащее подпольному парадоксалисту. Обратим внимание на то, что в предисловии к «Запискам» Достоевский представляет его не просто как вымышленного героя, но и как вымышленного *сочинителя*. Подпольный наделен самостоятельной творческой инициативой, он остро переживает сам акт рождения записок. Они становятся для него единственным способом осмысления своего бытия, именно поэтому герою так важно определить статус собственного слова. (Заметим, что это общее свойство героев Достоевского, повествующих о самих себе. Таков, кроме подпольного парадоксалиста, герой романа «Подросток» Аркадий Долгорукий, таков Ипполит в «Идиоте», готовящийся прочесть свою исповедь.) Те определения, которые подпольный дает запискам, не менее важны для осмысления жанровой природы повести, чем те, которые дает им автор. Более того, при сопоставлении этих определений можно заметить, что точка зрения автора далеко не всегда совпадает с точкой зрения героя-нарратора. В повести создается два жанровых ракурса: внутренний и внешний – оба они воспринимаются читателем одновременно. Что они из себя представляют и как взаимодействуют? Об этом и пойдет речь далее.

Первый момент сопоставления жанровых ракурсов касается цельности текста «Записок». В предисловии Достоевский говорит, что перед нами *два* отрывка некого текста. В традиции русской литературы XIX века отрывок обособляется как самостоятельный жанр, в первую очередь лирический. По определению Г.А. Гуковского, он представляет собой не фрагмент текста, а фрагмент размышления лирического героя [4, с. 35]. В подобном виде Достоевский и представляет текст своей повести: это два фрагмента сознания подпольного парадоксалиста, причем качественно различные: «В этом отрывке, озаглавленном “Подполье”, это лицо рекомендует самого себя, свой взгляд, и как бы хочет выяснить те причины, по которым оно явилось и должно было явиться в нашей среде. В следующем отрывке придут уже настоящие “записки” этого лица о некоторых событиях его жизни» [1, с. 99]. Выбор публикуемых отрывков, таким образом, полностью находится в воле издателя, который якобы вычленяет их из куда более объемного текста как самые выразительные. Автор же дает каждому из отрывков заглавие. Озаглавленность подчеркивает качественное различие отрывков, а, сложенные вместе, они дают цельный портрет героя. В послесловии Достоевский подчеркивает, что образ подпольного в достаточной мере завершен: «Впрочем, здесь еще не кончаются “записки” этого парадоксалиста. Он не выдержал и продолжал далее. Но нам тоже кажется, что здесь можно и остановиться» [1, с. 179].

Однако эта внешне очевидная двучастность и фрагментарность повествования совершенно

© Честнова Н.Ю., 2010

не осознается самим подпольным, изнутри части записок прочно скреплены цельным сознанием нарратора. Каким образом происходит это скрепление? Обратим внимание на то, только в конце первой части – философских рассуждений – у подпольного начинается творческая рефлексия. Он задумывается о статусе собственных записок: «Клянусь же вам, господа, что я ни одному, ни одному-таки словечку не верю из того, что теперь настрочил! То есть я и верю, пожалуй, но в то же самое время, неизвестно почему, чувствую и подозреваю, что я вру как сапожник.

– Так для чего же писали все это? – говорите вы мне» [1, с. 121].

Подпольному необходимо дать ответ на этот вопрос, он хочет оправдать бытие своих записок и заявляет, что намерен записывать некоторые свои воспоминания, из тех, которые «человек открывает не всем…, которые даже себе …открывать боится» и которые сам он «только недавно решился припомнить…, а до сих пор всегда обходил их, даже с каким-то беспокойством» [1, с. 122]. Ранее подпольный ни словом не намекал на это свое намерение обратиться к воспоминаниям, сама логика записок не предполагала вторжения в них автобиографического повествования. Философская полемика с «господами» оборачивается исповедальным рассказом о прошлом героя потому, что ему «в голову пришла одна фантазия», потому, что «нынче» его «особенно давит одно давнишнее воспоминание», «как досадный музыкальный мотив, который не хочет отвязаться» [1, с. 122–123]. Подпольный утверждает свою авторскую свободу: «Я ничем не хочу стесняться в редакции моих записок. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу» [1, с. 122]. Таким образом, с точки зрения героя-нарратора, повествование в «Записках из подполья» *заведомо бесформенно*, оно должно двигаться исключительно волей самого подпольного, его сиюминутным желанием, его *хотением*. Свободное хотение – ключевое понятие философии подпольного. «Хотенье есть проявление всей жизни», – говорит он. Но если в жизни «хотенье» наталкивается на «стену», непреодолимые препятствия, если в жизни преодоление формулы «дважды два – четыре» невозможно, то в творческом процессе создания записок подпольный получает абсолютную свободу. «Хотенье» говорить о себе, воля к исповеди – движущая сила повествования. Она и создает внутреннее сцепление текста, сглаживает внешнюю фрагментарность.

А теперь сопоставим внешний и внутренний жанровые ракурсы повести. Они подчеркнуто различны. Со стороны автора – завершенная конструкция из двух продуманно сопоставленных «фрагментов сознания» героя, жанрово различных («рекомендация самого себя» и «настоящие записки …о некоторых событиях жизни» [1, с. 99]). Со стороны самого героя – заведомо бесформенное, сплошное, нефрагментарное повествование.

Следующий, второй, аспект сопоставления жанровых ракурсов касается непосредственно качественных жанровых характеристик текста «Записок». Начнем опять с внешнего ракурса. В одном из писем брату Достоевский пишет о своей повести: «В 1-й главе, по-видимому, болтовня, но вдруг эта болтовня в последних 2-х главах разрешается неожиданной катастрофой» [2, с. 85]. Болтовня – бесцельный, однообразный разговор. Достоевский отказывает своему герою в способности завершить свою философскую концепцию. Это качество текста «Записок» М. Бахтин назовет «дурной бесконечностью» [3, с. 268]. Кульминация же повести, по Достоевскому, сосредотачивается в катастрофе – знакомстве с Лизой, в приближении героя к просветлению и в разрушении им самим возможности просветления.

Подпольный же, в отличие от автора, не осознает собственной неспособности к завершению своей философской концепции. Более того, он вообще не переживает творение записок как длящийся акт. Времени наррации в повести не существует. На первый взгляд, записки подпольного близки к дневнику. Но дневник предполагает фиксирование событий и мыслей изо дня в день, подпольный же пишет свои записки будто бы разом. Очевидно, что создать текст такого объема единовременно невозможно. Подпольный сам дает объяснение этому. В полемике с вымышленными «господами», на одну из их реплик он отвечает: «Разумеется, все эти ваши слова я сам теперь сочинил. Это тоже из подполья. Я там сорок лет сряду к этим вашим словам в щелочку прислушивался. Я их сам выдумал, ведь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло…» [1, с. 122] По сути своей диалог с «господами» не столько рождается в процессе творения записок, сколько воспроизводится. Готовый, осмысленный философ-

ский материал, равно как и нахлынувшие навязчивые воспоминания, ищут «литературную форму». Но найти ее не могут, потому что принцип авторского «свободного хотения» окончательную форму отрицает.

Поиск литературной формы подпольным начинается в конце первой части повести. Он намерен создавать *автобиографию-исповедь*, содержанием ее должны стать «вещи…, которые даже и себе человек открывать боится» [1, с. 122]. Здесь же подпольный упоминает «Исповедь» Руссо, канонический роман-исповедь, ставя ее своим ориентиром. Он утверждает, что «Руссо непременно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия», потому что «иногда можно единственно из одного тщеславия наклепать на себя целые преступления» [1, с. 122]. Таким образом, подпольный ставит перед собой цель создать литературную исповедь, но исповедь максимально правдивую, откровенную. Выбор жанра, казалось бы, сделан, но принцип авторского «свободного хотения» приводит героя к оговорке. Исповедь потребует от него обязательного осознания собственной греховности, «суда над собой», а это может противоречить его «свободному хотению». Поэтому оговорка необходима. Рассказ о прошлом героя будет не чем иным, как *анекдотом*: «Мне кажется, я по поводу мокрого снега и припомнил тот анекдот, который не хочет теперь от меня отвязаться» [1, с. 123]. Важная жанровая черта анекдота заключается в том, что он далеко не всегда основан на реальных событиях, более того, он даже должен если не являться, то выглядеть неправдоподобным. Таким образом, подпольный ставит перед собой невыполнимую творческую задачу – написать исповедь-анекдот. Он хочет соединить два несовместимых жанра: один требует предельной откровенности, другой – насмешки, вульгарности и неправдоподобия. Именно эта внутренне противоречивая установка так и не позволяет запискам обрести конкретную литературную форму: воспоминания тяготеют то к предельной откровенности (таков рассказ об истерике героя во время второго свидания с Лизой), то к язвительной насмешке над самим собой, над вульгарностью ситуаций, в которые герой попадал. Подпольный прекрасно осознает, что его месть офицеру и высокомерие по отношению к школьным товарищам жалки, Лиза же для него остается «мерзавкой» из публичного дома. Именно поэтому записывание воспоминаний не приносит герою желанного облегчения. Его повесть не состоялась ни как исповедь с обязательным покаянием, ни как анекдот, потому что рассказ о катастрофе не может быть анекдотом. Установка на анекдотичность мешает герою осмыслить разрыв с Лизой, утраченную возможность просветления как собственную трагедию. В отличие от автора, герой не способен в полной мере понять подлинный смысл случившегося.

Вновь вернемся к вопросу о соотношении внешнего и внутреннего жанровых ракурсов повести. С позиции автора, первая часть «Записок» – «болтовня», демонстрация «бесцельной» философии, порожденной сознанием личности, особого современного писателю типа – подпольного человека. Вторая – непосредственно трагическая повесть о катастрофе, пережитой этой личностью. С позиции героя-нарратора, «Записки» в целом – поиск «литературной формы», попытка определить статус собственного текста – попытка, заведомо обреченная на неудачу.

Как мы видим, «Записки из подполья» обладают интересной особенностью: их жанр устойчив и закреплен автором – извне, но он постоянно разрушается героем – изнутри. Противоречащие друг другу жанровые ракурсы создают диалектичность, обеспечивающую стройность произведения и в то же время порождающую ощущение внутреннего хаоса.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 5. – Л.: Наука, 1973.

2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 28. Кн. 2. – Л.: Наука, 1985.

3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Советская Россия, 1979.

4. *Гуковский Г.А.* Пушкин и русские романтики. – М.: Худож. лит., 1965.

5. *Криницын А.Б.* Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. – М.: МАКС Пресс, 2001.

6. *Чирков Н.М.* О стиле Достоевского. – М.: Наука, 1964.

УДК 821.161

Вовна Алексей Владимирович
Филиал Дальневосточного Государственного технического университета (г. Уссурийск)
vovna2276@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ И МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ КОДЫ В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Статья посвящена проблеме связи мифопоэтического и философского кодов в романе А. Белого «Петербург». Показаны особенности воплощения петербургского пространства на мотивно-образном уровне и выявлен философско-мифологический подтекст ряда героев романа. Рассмотрена семантика иллюзорности, которая становится метамотивом и реализуется в парадигме семантических вариантов.

***Ключевые слова**: пространство, символ, семантика, метафора, античная мифология, петербургский миф, мифологическая структура, мифопоэтика.*

Одна из главных структурных оппозиций петербургского мифа, созданного А. Белым в своем романе, – это противопоставление аполлонического принципа дионисийскому началу, восходящее, прежде всего, к философии Ф. Ницше в ее модернистской интерпретации. В этом плане специфика воплощения петербургского пространства в романе проявляется в том, что в его смысловом поле Белый объединяет несколько разнородных культурно-семантических пластов, связанных с античностью и ее модернистскими рецепциями[1].

Однако Белый использует не только конкретные мифологемы Аполлона и Диониса, но и подключает семантические мифологические поля, связанные с этими образами. В результате чего петербургское пространство обретает античное «дно»: каждый персонаж двоится, представляя собой, с одной стороны, героя, действующего в рамках реального петербургского топоса, с другой стороны, – античную «маску» того или иного божества. При этом аполлоническое и дионисийское начала в романе теряют свою конкретную образную природу и становятся своего рода семантическими инвариантами, воплощающимися в рамках петербургского локуса в целом наборе разных образов и мотивов.

С аполлоническим началом в романе, прежде всего, связан образ Аполлона Аполлоновича (на что недвусмысленно напоминает его фамилия). В этом герое разнообразно реализуются основные функции Аполлона. Аполлон – это солнечное, светлое божество, «символ рациональной ясности» и бог светлого начала[2]. Эти солнечные небесные коннотации возникают и в образе рационального сенатора. Так, Аполлон Аполлонович часто размышляет о звездах и о солнечной системе. Ср.: «В зеленоватом освещении петербургского утра, в спасительном “кажется” пред сенатором Аблеуховым циркулировал и обычный феномен: явление атмосферы – поток людской <…> Спаянный маревом сам в себе поток распадался на звенья потока: протекало звено за звеном; умопостигаемо каждое удалялось от каждого, как система планет от системы планет»[3]. (Ср. также метафору «солнце сознания», появляющуюся в романе, с. 51). Аполлон Аполлонович подобно звезде «пролетает» над невским проспектом «за миллиардами верст от людской многоножки, попирающей тот же самый проспект» (с. 26). Семантика блеска, входящая в солнечную символику, появляется также и в описаниях гостиной Аполлона Аполлоновича. Ср.: «Холодно было великолепье гостиной от полного отсутствия ковриков: блистали паркеты» (с. 15).

Петербург в соответствии с принципами петербургского мифа является пограничным пространством. Отсюда его срединное положение между аполлоническим и дионисийским началами. Он как бы заключает в себе эти две противоположности, снятие которых возможно только в соответствии с логикой взрыва (метафора, которая, заметим, в буквальном смысле реализовалась в романе). Так, аполлоническое солнце входит в систему оппозиций к варварским ордам, которые в романе являются воплощением стихийного дионисизма и символизируют хаос. Отсюда в тексте Белого появляется своеобразный мифологический гимн – призывание солнца, связанное с борьбой против варварских орд. Ср.: «Воссияет в тот день и последнее Солнце над моею родною землей. Если, Солнце, ты не взойдешь, то, о, Солнце, под монгольской тяжелой пятой опустятся европейские берега, и над этими берегами закурчавится пена; земнородные существа вновь опустятся к дну океанов – в пра-

 © Вовна А.В., 2010

родимые, в давно забытые хаосы... Встань, о, Солнце! (с. 121–122).

Роберт Манн, подтверждая сопоставление сенатора с солнцем, отмечает, что Аполлон Аполлонович каждое утро, вставая с постели, делает ровно двенадцать приседаний, что соответствует 12 часам нахождения солнца на небесах. Затем после дневной работы сенатор ложится в постель, и реальное петербургское пространство трансформируется – он отправлялся в астральное путешествие, описания которого, по мнению исследователя, напоминают мифологическо-оккультные представления о посмертном пути заходящего солнца[4]. Выявляя солнечно-аполлоническую символику этого образа, уместно отметить, что в тексте романа неоднократно подчеркивается интересная деталь: Аполлон Аполлонович носил халат мышиного цвета. Эта символическая лейтмотивная деталь вызывает ассоциации с Аполлоном, который в своей хтонической форме был покровителем мышей.

Аполлонический принцип воплощается в романе не только на геройном уровне, но и, в силу теснейшей функциональной корреляции героя и пространства, актуализируется на уровне пространственных образов. Так, Петербург – город прямых углов и проспектов. Эта упорядоченность петербургского локуса, его внешняя строгость, блеск и лоск свидетельствуют об «аполлонической структуре» городского пространства.

Дионисийский принцип, явленный в романе, также связывается с организацией пространства и геройной структуры. При этом данное противопоставление, будучи базовым, сохраняется не только на спациальном, но и на временном уровнях: так, если Аполлон Аполлонович действует преимущественно днем, то его сын – ночью (здесь актуализируется семантика Диониса как «темного» бога, в противовес светлому солнечному Аполлону).

Образу Николая Аполлоновича сопутствуют все дионисийские атрибуты, такие, как маска (ср. с дионисиевыми празднествами), «тигровый зверь» (спутником Диониса был леопард) и проч. К этому же дионисийскому полюсу можно отнести и образ Софьи Лихутиной. Этот персонаж в парадигму дионисийских образов входит через семантику востока (она носила японское кимоно), который в системе символических соответствий А. Белого связывается со стихийным дионисийским началом.

Аполлонический принцип в романе соотносится с преодолением тела: Аполлон Аполлонович летает в свои астральные путешествия, преодолевая границы собственной телесности. Дионисийская же семантика, напротив, сополагается с телесностью в ее «натуралистическом» виде. Недаром центральный дионисийский мотив романа – это мотив разорванного в клочья тела жертвы. Однако аполлонические образы иногда отелесниваются – так сказывается переплетение дионисийского и аполлонического начал. Ср.: «над громадною частью России размножался параграфом безголовый сюртук, и приподнялся параграф, вдунутый сенаторской головою – над шейным крахмалом; по белоколонным нетопленым залам и красного сукна ступеням завелась безголовая циркуляция, циркуляцией этой заведовал Аполлон Аполлонович» (с. 408).

Дионисийский принцип в романе также воплощается на уровне традиционного для петербургского мифа мотива гибели, которая понимается не просто как смерть, но как своеобразная жертва и насыщается религиозными смыслами. Здесь Белый соединяет античные мотивы с мотивами петербургского текста, как бы подводя под первые иную семантическую базу.

И здесь античная мифология «Петербурга» неожиданно пересекается с пушкинским интертекстом романа[5]. Ср., например, ситуацию хтонической жертвы в «Медном всаднике», где смерть Евгения в мифоритуальном коде может пониматься как жертва идолу-кумиру, в роли которого выступает ожившая статуя Петра. Примечательно, что, оставляя в романе мифоритуальную символику смерти, восходящую в том числе и к «Медному всаднику», Белый меняет ее культурный код, и жертва связывается не с язычеством вообще, но прежде всего с античной мифологией. В контексте аполлоническо-дионисийских аллюзий, заявленных в романе, традиционный для петербургского мифа мотив жертвы обретает конкретную культурно-историческую реализацию. Так, в центре повествования оказывается образ-мотив разорванного человеческого тела, что, несомненно, восходит к древним античным представлениям о разрываемых божествах, а в более общем индоевропейском контексте – к мифу об умирающем и воскрешающем боге[6].

Аполлонический принцип, будучи структурообразующим фактором конституирования петербургского пространства, тем не менее, парадок-

сальным образом мотивирует его размытость и нечеткость, тем самым реанимируя одну из главных сем петербургского мифа – сему иллюзорности и призрачности города на Неве. Тема иллюзорности Петербурга разрабатывалась, прежде всего, в романе Достоевского «Подросток», где Петербург предстает маревом над Невой, туманом. Ср. с восприятием Петербурга Аркадием Долгоруким в романе «Подросток»: «Утро было холодное, и на всем лежал сырой молочный туман. <…> В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германа из «Пиковой дамы» <…>, мне кажется, должна еще более укрепиться. Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: "А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?"»[7].

Семантика иллюзорности в «Петербурге» обретает разные коннотации и обусловливает появление своего рода семантического мотивного «пучка». В этом смысле иллюзорность становится метамотивом, который актуализируется в ряде образов и мотивных схем. Примечательно, что подобная семантическая структура характерна для мифологических систем, где инвариант последовательно реализуется в ряде вариантов, что дает право с полным основанием считать «Петербург» романом-мифом, где «мифологичность» проявляется не только на уровне заимствованных из разных мифологий образов, но также и на уровне выстраивания всей мотивно-образной структуры романа[8].

Мотив иллюзорности петербургского пространства в романе является доминирующим, но Белый опять же меняет его «этимологию», мотивируя петербургскую призрачность совершенно иными факторами и причинами. Так, прежде всего, мотив иллюзорности в романе Белого коррелирует с кантианскими отсылками. Аполлоническая упорядоченность петербургского пространства связывается в художественном сознании Белого с *рациональностью* в широком смысле и *рационализмом* в узком. Речь идет о философской системе неокантианства, аллюзиями на которую изобилует роман Белого. При этом под иллюзорность Петербурга «подводятся» философские основы, которых не было у классиков. Примечательно, что эта философская база опять же коррелирует с разработкой романного пространства, при этом петербургский миф в романе предельно философизируется. Вот что пишет об этом В.Яранцев: «В мистическом трактате "Эмблематика смысла" (1909 г.), пространственно-геометрически предваряющей и подготавливающей "Петербург", А. Белый кристаллизует пространство на основе своеобразной догматики треугольника, соединившей в себе монады-треугольники Г.В. Лейбница, комбинаторику математика Н.В. Бугаева (отца Белого) и светски переосмысленного, вслед за Мережковским, догмата о Троице. Последний аспект обоснования иконографического чертежа-модели символа перекликается с тезисом С. Кэссиди, интерпретирующего "Эмблематику смысла" как светский вариант "православного учения об образе-иконе"»[9].

В соответствии с философским учением Канта одна из врожденных идей человеческого разума – это идея о пространстве. Иначе говоря, познающий субъект является носителем особых философских способностей, которые помогают ему упорядочивать окружающий мир с помощью априорных форм чувственности и разума. Одна из таких априорных форм – это способность мыслить пространственными категориями. Говоря иначе, человеческое сознание конституирует пространство, в данном случае – это пространство Петербурга, которое (в соответствии с кантовским принципом) оказывается мнимым и иллюзорным.

Характерно, что кантианская философская парадигма сыграла важную роль не только в творческом становлении А. Белого. Так, Вяч.Вс. Иванов отмечает, что для культуры начала XX века особенно значимой была роль неокантианской марбургской школы. Ср.: «В предшествующем поколении Кант был подробно изучен Флоренским. Тот особенно подчеркивает роль кантовских антиномий, считая их открытие важнейшим достижением кенигсбергского мыслителя»[10]. Однако именно Андрей Белый, всерьез занимавшийся философией, прошел через период увлечения кантианством. В его стихах этого времени кантианская рациональная критика познания выступает как альтернатива естественному, поэтическому и мистическому восприятию. Так, «противопоставление двух моделей пространства и кантианского ноуменального мира миру феноменаль-

ному лежит в основе всей исходной концепции романа «Петербург» <…> Город Петербург как средоточие империи знаменует собой то чисто теоретическое начало, которое в романе символизируется геометрическими построениями (вроде кубов карет) в отличие от хаоса всего основного русского пространства. Роман – в основе своей кантианский»[11].

Итак, иллюзорность Петербурга и некоторые другие компоненты петербургского мифа трактуются Белым весьма своеобразно. С одной стороны, Петербург оказывается несуществующим иллюзорным пространством, с другой стороны, эта иллюзия отчетливо соотносится Белым с понятием формы, в частности, с понятием геометрической формы. Это последнее соотнесение заставляет предположить, что Белый ре-интерпретирует традиционный мотив иллюзорности Петербурга. Делает он это через предельную «философизацию» пространства, и эти философемы при ближайшем рассмотрении часто оказываются мифологемами. Таким образом, соединяя в единое художественное целое античные мифопоэтические образы с отсылками к ницшеанской и кантианской философии, Белый выстраивает собственное художественное многомерное пространство, которое мотивирует персонажный уровень и содержит авторские представление о мире.

Примечания

[1] Подробно комплекс античных мотивов проанализирован в обстоятельной статье Р. Манна (*Mann R.* Apollo and Dionisus in Andrey Bely's *Peterburg* // The Russian Review. – Vol. 57. – №4. – P. 507–525).

[2] *Лосев А.Ф.* Аполлон // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – С. 95.

[3] *Белый А.* Петербург. – Киев: Дніпро, 1990. – С. 26. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

[4] *Mann R.* Указ. соч. – P. 510.

[5] Наиболее обстоятельно «реминисцентные» вводы поэмы Пушкина «Медный Всадник» в текст «Петербурга» рассмотрел Л.К. Долгополов в своей монографии об Андрее Белом и его романе (*Долгополов Л.К.* Андрей Белый и его роман «Петербург». – Л.: Советский писатель, 1988).

[6] См.: *Гринцер П.А.* Умирающий и воскресающий бог // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 547–548.

[7] *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в 15 т. Т. 8. – Л.: Наука, 1990. – С. 269–270.

[8] Подобные «вариантно-инвариантные» структуры в мифологии были проанализированы Вяч.Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым (*Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текста // Типологические исследования по фольклору. – М.: Наука, 1975. – С. 44).

[9] *Яранцев В.Н.* Структура идеального пространства в романе А. Белого «Петербург» // Гуманитарные науки в Сибири. – 1997. – №4. – С. 46.

[10] *Иванов Вяч.Вс.* Первая треть двадцатого века в русской культуре. Мудрость, разум, искусство // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 6. История науки: Недавнее прошлое (XX в.). – М.: Знак, 2009. – С. 39.

[11] Там же. – С. 40.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 336.22.811.111.37/374

Ахмедов Ойбек Сапорбоевич
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)
ahmedov.oybek@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДЕКВАТНОСТЬ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАЛОГОВЫХ И ТАМОЖЕННЫХ ТЕРМИНОВ (на материале английского и узбекского языков)

В данной статье исследованы интегральные и дифференциальные особенности налоговых и таможенных терминов при их переводе с английского на узбекский язык. В настоящее время адекватный перевод текстов, содержащих английские налоговые и таможенные термины, которые введены в терминологическую систему на основе когнитивности, считается наиболее трудной и актуальной задачей, поскольку указанные языковые единицы приобретают новые семантические особенности в терминосистеме. Как следствие, в этой статье подчеркивается важность создания билингвального (англо-узбекского) словаря налоговых и таможенных терминов.

Ключевые слова: *перевод, трансформация, налоговый и таможенный термин, адекватность, терминологическая система, когнитивность, интегральная и дифференциальная особенность, лексико-семантические значения.*

В процессе перевода определенного источника на иностранном языке последовательно реализуются методы грамматической, лексической, прагматической и стилистической трансформации. Если применяемый при переводе метод грамматической трансформации возникает вследствие корреляции во внутренней структуре языков, то стилистическая трансформация появляется из-за взаимных дифференциальных свойств в семантическом наполнении лексем. Каждая лексема языка отражает понятие, которое она обозначает. В семантической структуре слова выражается та или иная особенность концепта. Такое явление наблюдается в английской налоговой и таможенной терминологии, некоторые лексемы которой возникли на когнитивной основе.

Поскольку понятия, имеющие интегральные и дифференциальные признаки, и связанные с ними налоговые и таможенные термины невозможно передать однословными лексемами, они переводятся посредством сочетаний двух или более единиц. Известно то, что между английской налоговой и таможенной терминосистемой и литературным языком существует непосредственная связь, вследствие которой в системе языка происходят различные семантические процессы. Общеупотребительные лексемы, вошедшие в определенный пласт терминосистемы, без изменения их лексической формы активно употребляются на когнитивной основе для передачи новых значений в терминологической системе налогово-таможенной сферы английского языка.

Некоторые синтаксические единицы, имеющие стилистическую окрашенность, представляют определенные трудности при переводе их в качестве терминов. В общем языкознании адекватный перевод стилистически окрашенных единиц считается трудной и важной проблемой. Такое явление не обходит стороной и терминологическую систему. Больше всего это наблюдается в словосочетаниях с коннотативной семантикой. Выявление семантических и прагматических свойств в структуре аналогичных единиц из числа налогово-таможенных терминов английского языка требует обращения к двуязычным (англо-узбекским) толковым словарям.

Как верно отмечает ученый-языковед А.В. Федоров, «любое языковое средство может непосредственно или опосредованно служить для передачи стилистического понятия: каждое языковое явление независимо от семантического объема выражаемой мысли в известной степени может приобретать определенную стилистическую окраску» [14, с. 6].

Данное мнение в полной мере касается и налоговых и таможенных терминоединиц английского языка. Таким образом, указанные свойства языковых средств с учетом всех их лингвистических особенностей еще более сближают сопоста-

 © Ахмедов О.С., 2010

вительную стилистику и теорию перевода, на концепциях которых основываются лингвопереводческие исследования. Общепризнанным также считается то, что обращение пристального внимания на изучаемые в сопоставительном плане словосочетания английского и узбекского языков, их соответствия друг другу с содержательной, стилистической и прагматической сторон является тем особым фактором, который непосредственно обеспечивает адекватность перевода. Совершенно верно утверждает К. Мусаев: «Проблемы стилистики занимают особое место в составе лингвистического перевода. В качестве объекта лингвистического анализа стилистика во многих отношениях тесно связана с переводом. Все признаки, присущие стилистике, имеют отношение и к исследованиям в области лингвистического перевода и требуют всестороннего учета вопросов языкового анализа в соответствии с такими факторами языка, как структура, норма и традиция» [16].

Поскольку стилистические единицы в некоторых случаях содержат образные художественно-изобразительные средства, они служат выражению стилистической окрашенности. Такие явления можно выявить и в процессе перевода налоговых и таможенных терминов английского языка. Например: лексема *Brake* – имеет значения: 1) “тормоз”, 2) “преграждение экономического развития путем повышения налоговых платежей”. Слово *Shield* – означает 1) “щит”, 2) “снижение налогового бремени”. У лексемы *Barrier* имеется лексические значения 1) “преграда”, 2) “ограничение импорта с помощью повышения таможенных тарифов”. Лексема *Haven* выражает 1) “гавань, порт”, а в специальной терминологии, по правилам налогового законодательства, употребляется в значении 2) “создание необходимых условий путем предоставления государством налоговых льгот для привлечения иностранных инвестиций”. Слово *Heaven* – имеет лексическое значение 1) “небо, рай”, но при терминологической реализации понимается как 2) “территория, на которой налоговые и таможенные платежи взимаются в низких ставках”. Обратимся к переводу предложений:

В английском языке: *It is not unusual for companies to shift their headquarters to a tax haven when they fear political hazards in the country in which they are based* [13, с. 40].

В переводе на узбекский язык: *Сармояси юқори самара берадиган компанияларга шароит яратган давлатнинг сиёсий таҳликалари туфайли маъмурий бошқармаларини ўзгартириб туриши ғайри оддий ҳол эмас*[1].

В переводе на русский язык: Наблюдаются случаи, когда государство, предоставляющее условия компаниям с высокими результатами капитальных вложений, по причине политической опасности иногда прибегает к изменению способов администрирования.

А также: *Tax havens are also popular with criminals as means by which their illgotten gains can be «laundered» and come out clean* [13, с. 40–41].

В переводе на узбекский язык: *Имтиёзли солиқлардан ҳуфиёна маблағ ўзлаштирган шахс жавобгарликдан қутулиб қолиши ҳам мумкин*[2].

На русском языке: Лицо, получившее скрытую прибыль от льготного налогообложения, может избежать ответственности.

В терминологизации отражены все виды человеческий деятельности, поэтому здесь естественным и социально важным является такой факт, когда переход лексем с общелитературного языка в терминосистему происходит через определенный концептуальный этап. Термины относятся к языку, а язык присущ человеку, деятельность которого составляет основу общества. Поэтому и исследования по когнитивной лингвистике непосредственно связаны с принципами антропоцентрического направления, возникшего в современном языкознании в последнее время. Например: слово *Brainpower* как калька переводится “сила мозга” и используется в качестве термина в значении “высокая степень ума” (при совершенствовании налогового механизма). *Brainstorming* – означает “мозговая атака”, а как термин – “общественное обсуждение проблем по данной сфере”. Денотативное значение слова *brain* – “орган мышления человека”. В результате слияния с компонентами *power*, *storming* происходит трансформация значения и создается один из видов художественно-изобразительных средств – метафора, которая превращается в особую по своей семантике стилистическую единицу.

В ходе нашего исследования рассмотрена и проанализирована обширная литература, касающаяся различных сфер экономики, банковских, финансовых, налоговых и таможенных терминов, а также материалы газет и журналов. Для анализа налоговых и таможенных терминов были изучены «Современный толковой налоговый словарь»

(под редакцией А.В. Началова, 2006), «Новый англо-русский экономический словарь» (под редакцией И.Ф. Жданова, 2005), «Словарь по экономике финансов» (под редакцией А.В. Анекиной, 1993), «Налоговый словарь» (под редакцией А.В. Началова, 2004), «Англо-русский словарь сокращений экономических терминов» (под редакцией И.Ф. Жданова, 2004), «Англо-русский коммерческий словарь-справочник» (под редакцией И.Г. Анохиной, 1992), «Международные банковские термины» (под редакцией М. Оймахамедовой, Ш. Рахимовой, Г. Рахматовой, 1999), «English-Russian Glossary of Terms on External Economic Activity» (V.V. Martynov, 2004), «Толковый словарь аудиторских, налоговых и бюджетных терминов» (под редакцией Н. Г. Сычевой, В.В. Ильиной, 2003).

Следует отметить, что в структуре некоторых сочетаний, вошедших в налогово-таможенную терминосистему, содержатся и названия животных. По своим особенностям их можно разделить на две лексико-семантические группы: а) названия домашних животных; б) наименования диких животных.

Для адекватного перевода подобных единиц необходимо в совершенстве владеть языком-источником, знать уклад жизни и национальные традиции народа – носителя данного языка. Поскольку стилистические единицы, содержащие названия животных, очень часто являются полисемичными, перевод таких сочетаний путем подбора лексически подходящих вариантов не всегда дает положительные результаты.

Подобные стилистические выражения проникают в НТТ (сокращение от «налоговая и таможенная терминология») вследствие несостоятельности терминосистемы обозначать каждое понятие отдельным термином и ввиду необходимости передачи лексико-семантической определенности между близкими научными понятиями. Таким образом, для достижения своей цели в процессе перевода текстов, содержащих такие единицы, необходимо стремиться полностью учитывать семантику слов и выбрать частично совпадающий альтернативный вариант перевода. Если переводчик хорошо знает национально-культурной колорит, условия жизни и обычаи билингвального народа, то добьется адекватного перевода.

Стилистические и фразеологические единицы с одного языка на другой могут переводиться путем калькирования, описательным способом, подбором альтернативного варианта, а также использованием эквивалентных средств.

Наш опыт показывает, что применение указанных выше четырех способов при переводе на узбекский язык терминов в качестве стилистических единиц, содержащихся в английской налоговой и таможенной терминосистеме, зачастую приводит к отрицательным результатам. Например: лексема Watch-dog “верная собака” как специальное слово обозначает “комитет, группа, лицо по защите прав человека”, а также “комиссия по контролю коррупции”. Лексемы подобного типа приобретают терминологическую семантику на основе обозначения полезных для человека свойств животных. Здесь в терминах обнаруживается положительное отношение к субъекту. Например, слово Cash-cow – “дойная корова, домашнее животное приносящее пользу” как термин употребляется в значении “полезный бизнес”, “прибыльный бизнес (фермерство)”, который не требует особых затрат при рекламировании.

Рассмотрим употребление других слов, называющих животных.

Bear – медведь – 1) перекупщик (спекулянт), 2) брокер – лицо, влияющие на снижение цен: *bear-market* – медвежий базар, на котором падают цены; *covered bear* – защищенный медведь – спекулянт (перекупщик), лицо, продающее акции (за наличные деньги). *Pressure on bears* – уничтожение “медведей”, мероприятие против перекупщиков, по которому “медведи” принуждаются скупать валюту выше реализуемой стоимости (СБТ 1999, 75). *Stale bear* – медведь, попавший в безвыходное положение, проигравший перекупщик (брокер).

Как отмечалось выше, при переводе терминов можно заметить, что стилистический перенос значений осуществляется на основе характерных черт животных в соответствии со сферой употребления термина. Изучение же терминологических сочетаний свидетельствует о том, что они отражают в себе прямой стилистический контраст и имеют ироническую окраску. А при употреблении в экономической сфере выполняют отрицательную функцию (медведь как гигантское дикое животное не дает человеку прямую пользу). В лексемах с семантикой субъекта, приносящего или не приносящего пользу человеку, содержится и значение такого процесса, который в известной мере влияет на экономическую сферу. Приведенные выше примеры терминов по своей се-

мантике основаны на когнитивности и в них прослеживается связь с экспрессивностью и образностью. Стилистические единицы возникают в результате жизненных наблюдений человека.

В представлениях о материальном мире у большинства народов мира наблюдается аналогия. Однако определенная стилистическая единица одного языка, выражающая то или иное понятие образно и чувствительно, не может иметь в стилистической системе другого языка свой точный эквивалент. В таких случаях эти единицы переводятся трансформационным способом. Поэтому стилистическая трансформация является обязательным компонентом процесса перевода и требует от переводчика основательного знания разнообразных особенностей лексики и стилистики обоих языков.

Таким образом, в целях упорядочения применения налоговых и таможенных терминов и их унификации указанные выше мнения позволяют сформулировать следующие предложения и рекомендации:

а) при переводе английских налоговых и таможенных терминов в первую очередь надо обратить внимание на их интернациональный характер; если они функционируют в узбекском языке, то следует принять их без изменения;

б) в ходе перевода английских налоговых и таможенных терминов нужно учесть, в какой мере соответствует переводимое понятие своему оригиналу;

в) следует также обратить внимание на удобство произношения терминов в устной речи;

г) нужно основываться на принципе реализации узбекского соответствия иноязычного термина;

д) надо учитывать то, чтобы интегральные свойства терминов способствовали их легкому использованию в соответствующей сфере;

е) необходимо создать двуязычные (англо-узбекские) словари налогово-таможенных терминов;

ж) имеющиеся налогово-таможенные англо-русские словари при переиздании дополнить эквивалентами единиц узбекского языка;

з) издать для иностранцев, проживающих в Узбекистане, и иммигрантов специальные и адекватно переведенные справочные пособия, в которых имелось бы наиболее полное толкование всех используемых в стране терминов и содержались бы сведения о налоговых и таможенных действиях, осуществляемых в Республике Узбекистан;

и) создать для студентов образовательных учреждений лексические минимумы, содержащие сведения о налоговых и таможенных законах и правилах других государств.

Примечания

[1] Фрагмент текста переведен автором статьи.

[2] Фрагмент текста переведен автором статьи.

Библиографический список

1. *Аникина А.В.* Англо-русский экономический словарь. – М., 1981.

2. *Анохина И.Г.* Англо-русский коммерческий словарь-справочник. – М., 1992.

3. *Бархударов С.Г.* О значении и задачах научных исследовании в области терминологии // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970.

4. *Бархударов С.Г.* Проблемы языка, науки, техники, логические, лингвистические и исторические аспекты терминологии. – М.: Наука, 1970.

5. *Даниленко В.П.* Лингвистические требования к стандартизируемой терминологии // Терминология и норма. О языке терминологических стандартов. – М.: Наука, 1972.

6. *Шевчук В.Н.* Производные военные термины в английском языке. – М.: Воениздат, 1983.

7. *Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология? // Вопросы терминологии. – М., 1961.

8. *Лейчик В.М.* О языковом субстрата термина. – М., 1986.

9. *Гречко В.А.* Полисемия и деривация, термин и слово. – Горький, 1978.

10. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. – М., 1999.

11. *Началова А.В.* Толковый современный налоговый словарь. – М., 2006.

12. *Началова А.В.* Налоговый словарь. – М., 2004.

13. *Осикова Л.Н.* Английский язык: налоги и налогообложение. – М., 2006.

14. *Федоров А.В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики. – М.: Высшая школа, 1971.

15. *Мусаев К.* Таржима назарияси асослари. – Тошкент, 2005.

16. *Muminov.* A Guide To Simultaneous Translation. – T., 2005.

УДК 811.161.1'367.622:070.1

Булавина Наталья Владимировна
Орловский государственный университет
bsn230171@yandex.ru

ОТСУБСТАНТИВНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В статье рассматриваются новые слова, которые образованы от имён существительных. В первой части работы автор исследует семантические особенности личных, во второй части – неодушевлённых, в третьей части – абстрактных и собирательных имён существительных. В качестве исследуемого материала используются новообразования современной периодической печати.

Ключевые слова: *отсубстантивные новообразования; неологизмы; личные, неодушевленные, абстрактные, собирательные имена существительные; способы словообразования; лексическая система языка.*

Язык представляет собой сложную систему, которая существует не в застывшем виде, а непрерывно развивается, совершенствуется, обладает очень важной особенностью – изменчивостью. Эта важнейшая черта позволяет практически непрерывно и постоянно обновлять и обогащать словарный состав языка за счет внешних ресурсов (заимствований) и внутренних – в результате словообразовательных процессов. Изучение новой лексики связано не только с постоянной потребностью учета новых факторов в языке, но и с необходимостью выявления и изучения общих тенденций обновления лексической системы. При этом появление новых слов – это одновременно и обновление словообразовательных ресурсов языка (производящих слов, словообразовательных средств).

На рубеже XX–XXI вв. словарный состав русского языка интенсивно пополняется новыми лексическими единицами, звуковая оболочка которых отражает изменения в общественно-политической жизни, бурное развитие науки, техники, культуры, экономики.

Процесс обновления – один из самых существенных аспектов функционирования языковой системы. Для современного русского языка характерен активный рост отсубстантивных новообразований в средствах массовой информации. Под отсубстантивными новообразованиями понимаются производные слова, образованные от имён существительных (далее ИС).

Среди них преобладают имена существительные (248 слов), имена прилагательные на втором месте (56), глаголы – на третьем (33). Это подтверждает мысль учёных о ведущей роли имён существительных как мотиваторов в русском словообразовании: «Резко возрастает роль ИС как производящих основ современного словообразования» [1, с. 17].

Большинство новых слов – нарицательные ИС (244 слова – 98,4%; собственные – 3 слова; 1,6%). Среди отсубстантивов преобладают конкретные одушевлённые ИС (138 слов – 55,65% от всех новых слов, в том числе 135 личных ИС – 97,82%, неличных 3 слова – 2,18%), второе место занимают абстрактные ИС (59 слов – 25%), затем – конкретные неодушевлённые (44 слова – 15,72%), на последнем месте собирательные ИС (7 слов – 3,63%). Потребности человека отражаются в разнообразной деятельности: социальной, интеллектуальной, коммерческой, религиозной.

Социальная деятельность представлена политической, партийной, государственной деятельностью, которая отражается в наименованиях лиц – сторонников или противников политических, общественных деятелей *(рогозин**ец**, бабурин**ец**, грабов**ист**, граб**о**борец* и др. – всего 10 слов; 7,6% от наименований лиц мужского рода), членов партий (*родин**ец**, яблоч**ник**, **экс**-медведь* – 3 слова; 2,6%), общественных организаций (*шо**совец*** – 1 слово; 0,86%), молодёжных организаций (*млад**о**един**ец*** –1 слово; 0,86%), в ИС со значением противодействия *(двойк**о**борец, гранат**о**метатель, яйц**е**метатель* – 3 слова; 2,6%) и воздействия (*талон**щик*** – 1 слово; 0,86%). Появление новых учреждений приводит к созданию наименований служащих этих учреждений: силовых структур (*даи**шник**, гибэдэдэ**шник**, пэпээ**сник*** и др. – 4 слова; 3,44%), министерств (*эмчээ**сник**, эмвэдэ**шник*** и др. – 3 слова; 2,6%), холдингов (*холдинг**ец*** и др. – 2 слова; 1,72%). Активно образуются наименования должностных, выборных лиц мужского рода в государственные структуры (*дум**ец**, бел**о**дом**овец*** – 2 слова; 1,72%), в органы местного самоуправления (***спортмсэр*** –

 © Булавина Н.В., 2010

1 слово; 0,86%). Участие женщин в государственной деятельности порождает наименования лиц женского пола – деятельниц *депутат**ша**, спикер**ша**, сенатор**ша*** (3 слова – 15%).

Интеллектуальная деятельность находит отражение в наименованиях лиц мужского и женского рода, связанных со сферой телевидения (***теле**академик, **теле**генерал, реклам**щик**, сериал**ьщик*** – всего 11 слов; 9,46%, ***теле**дива, **теле**девушка, **теле**женщина* – 3 слова; 15%), развлечения (*городош**ник**, ВЗГЛЯД**овец*** и др. – 4 слова; 3,44%), в названиях лиц мужского и женского рода, занимающихся литературным творчеством (*реч**е**пис**ец**, баеч**ник*** – 2 слова; 1,72% от лиц мужского рода, *быт**о**писательница* – 1 слово; 5% от лиц женского рода), живописью (*вид**о**пис**ец**, граффит**чик*** – 2 слова; 1,72% от лиц мужского рода), музыкой (*виагр**янк**а* – 1 слово; 5% от лиц женского рода, *уматурм**овец*** – 1 слово; 0,86%). Развитие науки отражается в наименованиях учёных – лиц мужского рода (*поп**ист**, мозг**овед**, помидор**овед*** и др. – 4 слова; 3,44%). Коммерческая деятельность лежит в основе наименования лица мужского рода *ча**е**торговец* (1 слово; 0,86%). Расширение сферы религиозной деятельности обусловили появление названия лица женского рода *па**пес**са* (1 слово; 5%).

Демографическая ситуация, проблема рождения детей отражаются в названиях лиц мужского рода (*дет**о**производитель, чад**о**творец* – 2 слова; 1,72%), а появление новых методик деторождения – в наименованиях лиц мужского и женского рода (*пробирач**ник*** – 1 слово; 0,86%, *эко**шка*** – 1 слово; 5%). Имущественные отношения, связанные с личной собственностью, нашли отражение в названиях лиц мужского (*мобил**о**владелец, облак**о**владелец* – 2 слова; 1,72%) и женского рода (***без**наследств**енниц**а* – 1 слово; 5%).

Склонность, влечение человека к чему-либо или кому-либо, которые могут перерастать в болезнь, отражается в наименованиях лиц мужского рода *интриг**о**ман, трубк**о**ман* –2 слова; 1,72%, болезненное физическое состояние – в наименованиях *зуб**о**страдалец, дэцэпэ**шник**, спид**о**нос* – 3 слова; 2,6%.

Необходимость передвижения человека, перемещения из одного места в другое с помощью транспортных средств лежит в основе наименований лиц мужского рода, связанных со сферой транспорта (*авт**о**хам, автобаран* – 2 слова; 1,72%), с обслуживанием транспортных средств (*маршруточ**ник**, батискаф**чик*** – 2 слова; 1,72%).

Среди личных ИС преобладают ИС мужского рода, которые обозначают лицо вообще без указания на пол, ИС женского рода обозначают лицо женского пола. Таким образом, «категория женского рода, указывая на пол, является маркированной», а категория мужского рода – немаркированной [2, с. 207].

Развитие науки и техники порождает наименования артефактов – конкретных предметов: бытовой, компьютерной техники (***на**ладон**ник***, *пыл**е**грёб, пыл**е**хрон, **теле**ящик* – 8 слов; 18,2% от конкретных неодушевлённых ИС), средств передвижения человека, приспособлений (*моск**в**ич**онок**, жигул**ёнок*** и др. – 4 слова; 9,08%). В группе конкретных неодушевлённых ИС также представлены названия, связанные со сферой телерадиовещания (***теле**шедевр, **теле**магазин, стих**о**дром* и др. – 11 слов; 25%), наименования, связанные с международными отношениями (***заграндокумент*** – 1 слово; 2,27%), с товарно-денежными отношениями (*евр**ик**, мавроди**евк**а* и др. – 4 слова; 9,08%). Номинации подвергаются организации (*путин**югенд*** и др. – 3 слова; 6,81%), фонды (***Стабфонд*** – 1 слово; 2,27%).

Номинации подвергаются не только лица, артефакты, но и отвлечённые понятия – действия, состояния, явления, деятельность различного характера, что находит отражение в абстрактных ИС. Экономическая деятельность человека лежит в основе появления ИС *автомобил**изация**, монет**изация**, **де**приватизация, **рас**приватизация, **ре**приватизация* (5 слов – 8,47% от абстрактных ИС). Деятельность человека с целью привлечения внимания находит отражение в ИС *сам**о**пиар* (1 слово; 1,69%), деятельность, связанная с киноиндустрией, со сферой развлечения – в наименованиях *гоблин**изация**, **пред**жюр**ение**, **до**съёмка* (3 слова; 5,07%). Интеллектуальная деятельность, связанная со сферой получения знаний в какой-либо деятельности, отражается в наименованиях *стерв**о**логия, факт**о**логия* (2 слова; 3,38%).

Появление новых должностных, выборных лиц в органы местного самоуправления приводит к созданию новообразования *мэр**ство*** (1 слово; 1,69%). Социальная деятельность представлена политической деятельностью неблаговидного характера, которая отражается в наименованиях *евр**о**зуд, сам**о**оплёвывание, **политигра*** и др. (4 слова; 6,76%), в ИС со значением незаконной

деятельности *крыш**евани**е, взятк**о**ёмкость, **за**предел* (3 слова; 5,07%). В газетах находит отражение национальная политика, что приводит к появлению новых ИС *украин**изация**, кита**изация**, **де**русификация, **де**оккупация, голод**о**мор* (5 слов; 8,47%).

Борьба с алкоголизмом приводит к появлению наименований *одеколон**изация**, **о**стакан**ивани**е* (2 слова; 3,38%). События общественной жизни лежат в основе наименований *самолёт**о**пад, вертолёт**о**пад, шайб**о**пад, тарелк**о**пад, пароход**о**пад, **политсобытие*** (6 слов; 10,14%), события личной жизни – в основе наименования *гост**е**пад* (1 слово; 1,69%).

Демографическая ситуация, проблема рождения детей отражаются в названиях *недород, неурожай* (2 слова; 3,38%), интеллектуальные состояния – в наименовании *крыш**е**снос* (1 слово; 1,69%), состояние влюблённости, склонности, влечения к чему-либо или кому-либо – в ИС *турк**о**влюблённость, мач**изм**, звезд**о**мания* и др. (13 слов; 21,97%), состояние поглощенности каким-либо занятием – в ИС ***после**секс**и**е* (1 слово; 1,69%). Наименования явлений, связанных с жизнью человека, представлены ИС *экзот**изм**, перец* (2 слова; 3,38%). Наименование области, сферы деятельности представлено субстантивом ***политсцена*** (1 слово; 1,69%). В группе абстрактных ИС прослеживается две тенденции: положительно характеризующиеся явления (26 слов; 44,07%) и отрицательно характеризующиеся явления (33 слова; 55,93%).

Собирательные ИС представлены наименованиями совокупности лиц (***теле**молодёжь, **теле**пресса, нов**о**банкир**щин**а* – 3 слова; 42,85% от собирательных ИС), наименованиями совокупности предметов, посвященных какому-либо литературному герою, историческому деятелю (*саддам**иан**а, фандор**иан**а, бонд**иад**а* – 3 слова; 42,85%), наименованиями совокупности песен (*шансон**щин**а* – 1 слово; 14,3%).

Таким образом, во всех ЛГР находит отражение деятельность человека, связанная со сферой телерадиовещания, развлечения, творчества, а также политическая, партийная, государственная деятельность. Демографическая ситуация отражается в конкретных одушевлённых, абстрактных ИС. Развитие науки обусловливает появление новых конкретных одушевлённых и неодушевлённых ИС. Состояние здоровья человека представлено конкретными одушевлёнными, абстрактными ИС.

Итак, главным элементом языковой картины мира и ключевой фигурой языковых преобразований в средствах массовой информации является человек как деятель.

Библиографический список

1. *Земская Е.А.* Изменения в морфонологической структуре производного слова // Словообразование современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. – С. 17–52.

2. Словообразование современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1968. – С. 1–210.

УДК 81'367 + 81'373.612

Василенко Анатолий Петрович
кандидат филологических наук
Брянский госуниверситет имени академика И.Г. Петровского
anatvasilenko@mail.ru

ПОЛИМОТИВАЦИЯ И ПСЕВДОЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Достоверность значения фразеологической единицы всегда должна быть подвержена этимологическому разысканию, в ходе которого выявляется истинность суждения, а значит, и мотивация образа, положенного в основу фразеологизма, и, как результат, правильность понимания устойчивого оборота при актуализации в живой речи.

Ключевые слова: *фразеологическое значение, мотивация образа, умозрительная ситуация, этимологическая версия, внутренняя форма фразеологизма.*

Известно, что значения фразеологизмов возникают посредством переосмысления исходных ситуаций, обозначенных соответствующими свободными словосочетаниями. Здесь, однако, необходимо выработать убедительный способ оценки правильности существующих версий происхождения. Если предлагается несколько разных версий этимологизации того или иного фразеологизма, то наиболее убедительной надо признать ту версию, которая максимально точно соотносится с описываемым механизмом происхождения. При этом в описании механизма происхождения фразеологизма должна обязательно объясняться ситуация внутренней формы, т.е. того образно-ассоциативного комплекса, который лежит в основе мотивации современного реального значения.

Если такого объяснения нет, если во внутренней форме не найдены признаки, мотивирующие значение фразеологизма, то и невозможно ответить, почему же мы так говорим, почему применяем именно этот фразеологизм для выражения данной мысли. Или же, наоборот, существует много ситуаций (причин) возникновения одного и того же фразеологического образа. Вот тогда и возникает вопрос о «пристрастном» рассмотрении (прочтении) внутренней формы фразеологизма [4, с. 66–73]. Такая множественность происхождения фразеологического образа может объясняться двумя факторами – полимотивацией и псевдоэтимологизацией.

Полимотивация внутренней формы фразеологизма понимается как ***различное, но правильное*** видение образа, лежащего в основе оборота. Правильность понимания заключается в том, что в ходе этимологического анализа обязательно происходит ***покомпонентное*** объяснение ситуации, лежащей в основе внутренней формы.

Например, полимотивация внутренней формы фразеологизма *мелкая сошка* ‘о невлиятельном, незначительном человеке’. Наблюдаются различные переосмысления внутренней формы этой структуры, исходя из знания семантики:

1. Слово *соха* в русском языке когда-то означало ‘небольшая крестьянская община’ (от 3 до 60 дворов). *Мелка сошка* – это первоначально небольшая и бедная крестьянская община, затем бедный и бесправный член такой общины.

2. Название *мелкая сошка* заключало в себе одновременно синекдоху – целое по части: *сошка* вместо *человек с сохой* ‘крестьянин’, и перенесение по сходству (бедность, забитость и т.п.) с крестьянина на представителей других, по понятиям времени, низших положений и профессий (мелких чиновников и т.п.).

3. Семантика фразеологизма *мелкая сошка* сформировалась с опорой на значение слова *соха* ‘единица подати’ из предшествующего ему более узкого ‘мера земельная’ (как податная единица в XV веке). Размеры сохи зависели от местности и качества земли и от того, кому принадлежала земля. Чем беднее был человек, тем к меньшей сохе он относился. Отсюда и обозначение незаметного человека – *мелкая сошка*.

4. Возможно также, что в основе выражения лежит название небольшой палки с развилкой: такие палки играли второстепенную роль в крестьянских постройках» [1, с. 544–545].

К этим этимологиям А.Р. Обдуллаев [8, с. 56] добавляет ещё: «Весьма убедительным в ряду предполагаемых реалий объективной действительности, которые могли лечь в основу фразеологической единицы *мелка сошка*, может быть

© Василенко А.П., 2010

и следующая трактовка внутренней формы, когда *мелкая сошка* переосмысливается как маленькая подставка под посуду с едой в зависимости от размеров подаваемого на стол, его значимости в ряду других блюд. Подобное предположение об образной основе фразеологической единицы имеет также, наряду с другими, право на существование. *Сошка* – ‘подставка под посуду’ наиболее древнее из всех значений».

Все приведенные варианты правильны, поскольку покомпонентно в рамках интерпретационных процедур объясняют переход свободного словосочетания во фразеологическое. Поэтому трудно определить, какой из этих случаев является правильным. Налицо полимотивация фразеологизма.

Псевдоэтимологизация внутренней формы фразеологизма понимается как ***различное, но неверное*** видение образа, лежащего в основе оборота. Неверное понимание заключается в том, что этимологический анализ объясняет ситуацию, лежащую в основе внутренней формы, не полно, а частично, с опущением того или иного элемента структуры. Таким образом, экспликация образа происходит выборочно.

Например, *вывести на чистую (свежую) воду* – ‘уличать кого-либо, в чём-либо, разоблачать кого-либо в обмане, дурном поступке, выявлять правду’. Одна из реконструкций связывает возникновение этого фразеологизма с древним и жестоким обычаем «Божьего суда», распространенным у многих народов. Обвиняемого или подозреваемого бросали в реку, и если он всплывал, то считался виновным, если тонул – несправедливо обвиненным. Этот обычай основывался на древнем представлении о воде как чистой стихии.

Другая версия – тоже довольно популярная. Она происходит из профессиональной речи рыболовов, где *выводить на чистую воду* первоначально обозначало ‘выведение удильщиком рыбы на открытую, «чистую» воду, чтобы она не сошла с крючка, запутавшись в траве или корягах’.

Третья версия. Происхождение фразеологизма связано с гаданием на воде (гидромантией). Гадальщики «выводили» на свежей воде образ человека, совершившего злое дело или сглазившего кого-л., напустившего порчу. К такому способу гадания прибегали, чтобы узнать виновника чего-л. Колдун (знахарь), к которому обращались с просьбой сказать, виноват ли подозреваемый в злодействе или нет, набирал в сосуд чистой (свежей) воды и пытался увидеть в ней образ этого человека. Если ему удавалось, он провозглашал подозреваемого виновным.

Четвертая версия принадлежит украинскому языковеду А. Ивченко [5, с. 96–97]. Он допускает, что данный оборот мог дополняться объектом *чёрт, нечистый.* Считалось, что черти любят селиться в болотах, заброшенных мельницах, омутах, где вода мутная, нечистая. Кроме того, черти повсеместно мутят воду, болтая в ней своим хвостом. Сама деятельность нечистого осуществлялась до появления фразеологических единиц *мутить воду* и *вывести на чистую воду.* Чтобы выявить причины такой зловредной деятельности нечистого, его надо было вывести на чистую (проточную) воду из мутного укрытия, чтобы сделать видимым.

Таким образом, этимоном фразеологической единицы *вывести на чистую воду* была ономасиологическая модель «вскрыть преступные дела нечистого, выявить действительную причину нарушения покоя», «вскрыть, выявить преступные намерения» [2, с. 44–49].

Теперь проанализируем упомянутые этимологические версии.

Первое толкование нечетко выражает в плане выражения обороты базовую ситуацию «кидания людей в воду». Для её вербализации могли быть использованы предикаты *кидать, топить* или *не тонуть,* ведь вина признавалась потому, что подозреваемый не тонул. Остаётся неразгаданной и семантическая роль компонента-прилагательного *чистый* (*свежий*).

Вторая версия является также малоубедительной, поскольку на её основе не удаётся пояснить происхождение семантического компонента ‘выявить злонамеренность’ (естественно, рыб никто ни в чём не обвинял). Гипотеза А. Ивченко опирается целиком на умозрительную ситуацию «выведения» чёрта из его укрытия в мутной воде. Этнографические данные не засвидетельствовали такой практики, нет и мысли о ней. Еще можно допустить, что известия о подобных контактах с чёртом лежали в сфере таинственных народных знаний и потому остались неизвестными этнографам и фольклористам. Вызывает вопросы и то, как сами «преступные намерения» чёрта человек собирался раскрыть, вытаскивая его из омута, и как это само действие могло происходить.

По-нашему мнению, все три гипотезы надо отбросить.

Интерпретация же, высказанная В.М. Мокиенко [7, с. 145–147], хорошо связывается с магической практикой и верованиями славян. Выражение *вывести на чистую воду* непосредственно связано с типичным обрядом получения информации с помощью свежей, только что набранной воды. О том, что ворожба (гадание) на воде на славянской территории была довольно распространенной, свидетельствуют многочисленные этнографические и фольклорные материалы.

М.В. Жуйкова приводит много подтверждений этому (см. [2, с. 46–47]). Так, в конце XIX века селяне Нижегородской губернии часто обращались к ворожее, которая «работала» с водой: «В случае какой-либо кражи, – об украденных вещах гадают у особых старух, которые смотрят в зеркало или в воду и описывают обыкновенно внешние приметы виновного, т.е. вора. …Такие гадалки пользуются по большей части популярностью и доверием среди крестьян: к некоторым из них приезжают гадать иногда и верст за двадцать». «В случае пропажи лошади или какой-либо иной вещи обращаются к колдунам, и те, гладя на воду, гадают и указывают, где находится вещь и можно ли её найти» [9, с. 47, 440].

Причинами, которые вынуждали российских селян прибегать к такому обряду, были не только кражи, но и разные недуги. Так, селяне Заонежья с помощью гадания на воде узнавали, кто заколдовал суженого перед свадьбой. Когда на воде появлялось изображение виновного, его кололи иголкой и проклинали, а колдовские чары с жениха сходили [8, с. 20].

Очевидно, что в народной традиции магические действия, связанные с «выведением» известной особы на поверхность воды, могли служить не только для раскрытия и наказания виновного в злодеянии.

Поверхность воды могла рассматриваться и в роли своеобразного «монитора» для наблюдения за отдалёнными невидимыми объектами. Информацию о такой магической практике дают русский и украинский фольклор. Например, в одной быличке, записанной недавно в Карпатском регионе, извещается о том, как ведьма послала своих сыновей в лес, чтобы они нашли там бедного лесоруба и отобрали у него дрова. Сама же ведьма хотела проследить за тем, как хлопцы выполнят её поручение. Ведьма из хаты не выходила, а всё видела: глядела в ведро с водою. Там, как в зеркале, было видно, что её сыновья делают. Подобный прием наблюдений описан в народной песне про Степана Разина. Герой, желая узнать, что происходит с его сыном, глядит на воду, взятую из реки.

Мы привели множество подтверждений правильности гипотезы В.М. Мокиенко относительно происхождения идиомы *вывести на чистую (свежую) воду.* Эта версия, единственная из всех приведенных, может быть прокомментирована в рамках интерпретативных процедур, которые обеспечивают переход свободного сочетания во фразеологическое с полностью переосмысленными компонентами.

Интересно отметить, что внутренняя форма выражения в истолковании В.М. Мокиенко выявляет наибольшие релевантные признаки ситуации, опуская при этом несущественные.

Релевантные признаки включены в ролевую структуру предиката *выводить,* который явно предполагает агента, объект и локатив в семантике конечной и / или начальной точки движения. В случае базовой ситуации агентом выступает особа из класса колдунов (гадальщиков), объектом – образ злочинца, а локативом – поверхность воды. Движение объекта мыслится как такое, совершается из её (воды) глубины. Гадальщик *выводит* изображение человека на воду, как бы указывая его появление своею магическою силою против желания самого этого человека. Поскольку выведения образа на воду на основе архаичной осведомленности было равносильно выявлению виновного, а также и его вины, то базовая ситуация была осмыслена как разоблачение особы, которая учинила злодеяние и хотела при этом остаться безнаказанной. Базовая ситуация естественно вызывала такую интерпретацию: «выявление обстоятельств, фактов, которые кто-либо тщательно скрывает». Эти два признака были закреплены за сочетанием *вывести на чистую воду* в его прямом, буквальном значении.

Базовую ситуацию, связанную с магическими действиями, в принципе можно поименовать и другими предикатами, например, глаголом *выйти,* для которого в прямых и переносных значениях характерна семантика достигнутого результата (что-то *вышло наружу, на поверхность*).

Переход прямого значения в идиоматическое, как нам видится, совершался через конструкции с ирреальной модальностью, в которых ситуация раскрытия была представлена как желательная или необходимая (*Неизвестно, кто украл… нужно его*

вывести на чистую воду). Первоначально в таких выражениях речь шла о конкретных действиях колдуна или ворожеи со свежей водой. Со временем такие фразы стали восприниматься как заявления намерений раскрыть злочинца или выявить что-то тёмное. Поскольку магические действия с водой постоянно возникали в жизни селян, то эти намерения стали связываться с другими способами выявления тёмных дел, отчего номинация магической процедуры, которая преследовала цель раскрыть кого-то или что-то, перешла на другие ситуации с такой же целью, с другим смыслом.

Основные компоненты смысла идиомы *вывести на чистую воду* можно пояснить импликациями из базовой ситуации: «его (образ) вывели на чистую воду, и это хорошо (как для потерпевшей стороны, так и для социума в целом)»; «его (образ) вывели на чистую воду, значит, он виновен и заслуживает наказания, осуждения».

Как было видно на примере реконструкции идиомы *вывести на чистую воду,* оттенки значения, которые возникают при обновлении образной основы старых выражений, часто сопровождаются утратой той информации, которая раньше входила в коллективную память носителей языка, была фрагментом их концептосферы.

Современным исследователям может показаться, что они адекватно понимают выходную ситуацию, которая послужила основой выводного значения, в то время как данные истории, этнографии, фольклора, а также современный языковой материал указывают иное. В любом случае надо иметь достоверные данные, чтобы судить о том, как связаны между собой внутренняя форма фразеологизма, уже значительно ушедшая в историю, и его современное актуальное значение.

Полимотивация и псевдоэтимологизация фразеологического образа достаточно близки по своей сути, поскольку они имеют одинаковые источники. Различное понимание образной основы фразеологизмов обусловлено следующими причинами: неодинаковым жизненным опытом говорящих индивидов, знанием реальной действительности, социальным положением человека, возрастом, осведомленностью о конкретных реалиях действительности, истории общества, бытовании идиомы на определенной территории и т.п.

Есть и другие причины различного понимания внутренней формы фразеологизма, соотносящиеся с внутрилингвистическими явлениями, например, с многозначностью слова, являющегося компонентом идиомы, с различным происхождением идиоматического выражения и т.п.

Вот как об этом пишет А.В. Жуков: «…Восстановить исходное словосочетание (не только его внешний облик, но – главное – первоначальный смысл) не всегда просто (ср. в частности, фразеологизмы с реликтовыми компонентами типа *гол как сокол, к чёрту на кулички и* под.). Однако и в тех случаях, когда базовые словосочетания и предложения легко “узнаваемы”, часто нет полной уверенности в том, что данное словосочетание было переосмыслено во фразеологизм именно в данном значении. Дело в том, что первоначальный смысл словосочетания со временем может видоизмениться, преобразоваться. Вот почему этимологический анализ фразеологизмов нередко сопряжен с большими трудностями. По этой же причине для многих фразеологических оборотов существует несколько версий их происхождения» [3, с. 99–100].

На практике экстралингвистические и внутрилингвистические причины обычно взаимодействуют, но всегда объясняют различное понимание внутренней формы идиом.

Подвергать верификации гипотезы происхождения фразеологизмов, тем самым обнаруживая их полимотивационный или псевдоэтимологический характер, необходимо не только тогда, когда их много у одного фразеологизма и они свидетельствуют о множественности мотивации значения фразеологизма, но и тогда, когда фразеологизму дается только одно этимологическое толкование. В таком случае верификация гипотезы происхождения есть не что иное, как проверка правильности самого процесса этимологизирования и того вывода, который получается в результате такого этимологизирования.

С учетом сказанного, полимотивация и псевдомотивация присущи всем фразеологизмам, получающим в словарях этимологические толкования. В какой-то мере следует проводить работу верификации гипотез происхождения фразеологизмов, и особенно тогда, когда говорят об исторической (этимологической) мотивации значений фразеологических единиц, чтобы подтверждать достоверность изложенной денотации в лексикографических источниках.

Библиографический список

1. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологичес-

кий справочник. – М.: Астрель. АСТ. Люкс, 2005. – 928 с.

2. *Жуйкова М.В.* Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов: Монография. – Луцьк: Редакційно-видавничий відділ «Вежа» Волинського державного університету ім. Лесі УкраПнки, 2007. – 415 с.

3. *Жуков В.П., Жуков А.В.* Внутренняя форма слова и фразеологизма. // Фразеологизм и слово. – Новгород, 1996. – С. 9–17.

4. *Зимин В.И., Калинина А.В.* О пользе пристрастного рассмотрения внутренней формы фразеологизмов // Актуальные проблемы лингвистической культурологии-3: Сборник статей. – М.: МПГУ, 2005. – С. 66–73.

5. *Івченко А.* Украпнська народна фразеология: ареали, этимология. – Харьків: Око, 1996. – 160 с.

6. *Логинов К.К.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. – 229 с.

7. *Мокиенко В.М.* Загадки русской фразеологии. – М., 1990. – 160 с.

8. *Обдуллаев А.Р.* Фразеология: внутренняя форм единиц. – Ургенч, 1996.

9. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. – Т. 1. Нижегородская губерния. – СПб.: ООО «Навигатор», 2006. – С. 47, 440.

УДК 81`34:811.11

Лобанова Ирина Владимировна
кандидат филологических наук
Ивановский государственных химико-технологический университет
irina310309@yandex.ru

АКЦЕНТНЫЕ НОРМЫ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ВАРИАНТНОСТИ

Словесное ударение является одной из важных фонетических характеристик языка и речи. В статье рассматриваются особенности словесного ударения в современном немецком языке, описываются его основные функции, выявляются закономерности в распределении ударения в немецком слове, приводятся многочисленные примеры акцентной вариантности, взятые из немецких орфоэпических словарей. Автор статьи приходит к выводу, что правила, определяющие место ударения в немецком слове, задаются его морфемной структурой и словообразовательной моделью.

Ключевые слова: *организующая (централизующая, кульминативная), различительная (дифференцирующая) и делимитативная (разграничительная) функции ударения, ритмические или акцентные квазиомонимы, акцентные дублеты, парадигматические и синтагматические модели.*

Немецкий язык, как известно, является акцентным языком (в отличие от языков анакцентных, т.е. языков, в которых словесное ударение весьма слабо). Ученые называют его моноакцентным, в отличие от полиакцентных (или политонических), типа шведского или норвежского в ряду германских языков [6]. Основной функцией ударения является, без сомнения, организующая (централизующая, кульминативная), поскольку ударение – прежде всего средство последовательности слогов в единство более высокого уровня, обладающее иными, чем слог, свойствами [1]. Одновременно с этой основной функцией словесное ударение способно выполнять и иные, дополнительные функции: различительную (дифференцирующую) и делимитативную (разграничительную). При этом сама возможность и степень проявления этих функций в сильной степени зависит от типа ударения. Очевидно, что разграничительная функция хорошо проявляет себя при фиксированном ударении, а точнее при фиксированном ударении на первом или последнем (а иногда и на предпоследнем) слоге. Свободное ударение не выполняет делимитативной функции. Но именно оно создает возможность для противопоставления слов и словоформ и даже появления того, что по аналогии с минимальными парами (или квазиомонимами) можно назвать ритмическими или акцентными квазиомонимами, иначе говоря, оно приводит к появлению слов или словоформ, которые, совпадая по составу фонем, различаются только местом ударения [7].

Остановимся на более детальном рассмотрении акцентных норм современного немецкого языка. Последние десятилетия характеризуются

© Лобанова И.В., 2010

особым вниманием лингвистов, и в первую очередь фонетистов, к данной проблеме (Р.К. Потапова, В.В. Потапов, В.С. Попов, П. Менцерат, Н.Д. Светозарова, Э. Шток и др.).

Как отмечают лингвисты, уже в древние периоды истории немецкого языка ударение было фонетически свободным, однако в большинстве случаев ударной становилась корневая морфема, и поэтому в бесприставочных словах ударение всегда оказывалось на первом месте. Важно подчеркнуть, что и заимствования ассимилировались в этом отношении с немецкими словами, ср. дрвн. ***'fenstar*** из лат. ***fe'nestra*** и пр.

Однако и в средние века, и в новонемецкую эпоху, в связи с развитием глагольной префиксации и отглагольных имен, возникло огромное количество слов, в которых ударение фиксируется не на первом слоге. Наряду с этим лексику непрерывно пополняли заимствования, которые в отличие от древних заимствований, сохранили свое исконное ударение. Таким образом, сохранилась акцентуация на конечном слоге слова. К таким морфемам относятся, например, суффиксы **-ant, -ist, -at, -ismus, -ie, -ei** и др. В словообразовании в связи с продуктивностью ряда ударных суффиксов ударение часто приобретает характер подвижного, хотя обычно при наличии заимствующих суффиксов, многие из которых, являясь ударными, «притягивают» на себя ударение, например:

l'iefern – Liefer'ant ,

B'uchstabe – buchstab'ieren и т.д.

Затрагивая вопрос о подвижности словесного ударения в общетеоретическом аспекте, заметим, что ученые различают область словоизменения и область словообразования, т.е. способность ударения перемещаться со слога на слог или с морфемы на морфему. В первой, как и в древние времена, немецкое ударение традиционно считается неподвижным. Действительно, в словоизменении передвижение ударения встречается крайне редко. Примером могут служить существительные с суффиксом **-or**, имеющие в единственном числе ударение на корне, а во множественном – на суффиксе:

'Doktor – Dok'toren,

'Lektor – Lek'toren.

Вследствие распространения фонетической свободы словесного ударения в немецком языке оно смогло приобрести фонологическую дифференцирующую функцию, где место ударения служит для различения слов. Интересной, на наш взгляд, является классификация ритмических квазиомонимов, представленная Н.Д. Светозаровой [7]. Автор выделила три группы акцентных дублетов.

1. *Словарные одночастеречные дублеты*:

'August (*мужское имя*) – **Au'gust** (*месяц*),

'Paris (*Парис*) – **Pa'ris** (*город*),

'Kaffee (*кофе*) – **Ca'fe** (*кафе*) и др.

В связи с этим следует отметить, что в немецком языке количество подобных пар весьма невелико, при этом они практически исключены для исконно германской лексики, поэтому те немногие примеры, которые удается найти, включают в себя в той или иной степени заимствованные слова и морфемы.

Однако наиболее известный и распространенный случай представляют глагольные пары с некоторыми приставками, в которых место ударения – на корне или на приставке – связано с семантикой. Ударная, а значит, и грамматически отделяемая приставка встречается при более конкретном значении, безударная, неотделяемая – при более абстрактном, производном значении глагола:

'übersetzen (*переставлять*) – **über'setzen** (*переводить с языка на язык*).

К этой же группе можно отнести пары прилагательных типа:

'steinreich (*каменистый*) – **stein'reich** (*очень богатый*),

'blutarm (*малокровный*) – **blut'arm** (*очень бедный*),

в которых различие в ритмической структуре также связано с семантикой, а именно при равновесном ударении.

Место ударения может быть также признаком определенных грамматических категорий, в частности, грамматического рода:

(**die**) **He'roin** (*героиня*) – (**das**) **Hero'in** (*наркотик*),

(**die**) **Ger'manin** (*представительница племени германцев*) – (**das**) **Germa'nin** (*медикамент*).

В ряде случаев место ударения связано с происхождением слова, с традицией акцентуации или типом слоговой структуры:

'Genitiv – Geni'tivus,

'Dativ – Da'tivus.

2. *Словарные разночастеречные квазиомонимы,* которые обладают морфологической связанностью ударения. Типичные примеры: существительное – прилагательное:

′Aktiv – akt′iv,

′Formel – for′mell.

Также приставка **miß-**, безударная в глаголах, в существительных находится под ударением:

miß′falen – das ′Mißfalen,

miss′trauen – ′Misstrauen и некоторые другие.

3. ***Словарно-несловарные пары.*** К этой группе можно отнести уже упоминавшийся случай подвижного ударения при образовании множественного числа:

Pro′fessor – Profe′ssoren и др.

Необходимо отметить, что в пределах одной части речи среди немецких заимствованных существительных и имен собственных часто встречается вариантность акцентуации:

Suffix, **Präfix** (-′- и ′--),

Tabu, **Rabat**, **Baku** (′-- и -′-).

Перечисленные нами примеры вариантной акцентуации являются равноценными. Однако в немецком языке широко распространена акцентная вариантность иного типа, когда место ударения, как главного, так и второстепенного, эксплицирует оттенки значения слова. Так, в орфоэпическом словаре **Duden** (Duden 1990, 2000, 2005) [11] мы встретили многочисленные примеры акцентной вариантности произношения местоименных наречий:

da′rum – ′darum,

da′rüber – ′darüber,

где второй вариант обладает подчеркнуто указательной семантикой.

Следует также отметить, что закономерности в распределении ударения в немецком слове все еще недостаточно ясны. Это явление принято рассматривать, с одной стороны, как чисто фонетическое, с другой стороны, как морфологическое. Однако полного единства во взглядах при данных подходах не наблюдается. В одних случаях [5] подчеркивается фонетическая свобода немецкого слова относительно места ударения, поскольку ударение, будучи связанным с корневой морфемой, может стоять на разных слогах в слове. Н.С. Трубецкой называет его «относительно свободным», так как оно этимологически ограничено [8]. О.Х. Цахер говорит о немецком ударении как о «морфемносвязанном» [12].

Различают акцентные структуры парадигматического и синтагматического плана. Мы обратимся к парадигматическим моделям, поскольку именно они приводятся в словарях, выступая в определенных позиционных условиях в неэмоциональной речи, в то время как синтагматические варианты модифицируются в слитной речи.

Изучению парадигматических ритмических моделей немецкого языка посвящен ряд исследований. Анализ словарных структур немецкого языка был проведен, например, еще в 50-е годы XX века П. Менцератом на материале 20453 слов [11]. Им было получено распределение ритмических структур в зависимости от числа слогов, согласно которому можно сделать вывод, что наибольшую часть слов немецкого языка составляют двусложные и трехсложные слова. Меньшее поле охвата имеют четырехсложные и односложные структуры, остальные встречаются относительно редко. Результаты работы П. Менцерата свидетельствуют о том, что слова, состоящие из двух, трех или четырех слогов, составляют 83,19% всей лексики немецкого языка.

Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить исследованию, проведенному Э.Д. Гуревичем [4]. Несмотря на то, что базой для анализа частотности немецких парадигматических акцентных моделей слов современного немецкого языка служил Лейпцигский словарь немецкого произношения – **Wörterbuch der deutschen Aussprache** (под ред. Г. Креха) [11], изданный еще в 1971 г., полученные данные не утратили своей актуальности. Для определения наиболее характерных черт в распределении ударения в немецком слове рассматривались как простые, производные, так и сложные слова (исследование проводилось на выборке, включающей 45268 слов). Главным признаком модели считалось распределение главного и побочного ударений. Кроме того, прослеживалась морфемная обусловленность немецкого словесного ударения в соответствии с акцентными моделями.

С учетом акцентных моделей исследователю удалось выявить *распределение акцентных структур слов немецкого языка.* Принимая во внимание эти акцентные модели, описанные Э.Д. Гуревичем [3], мы можем подтвердить их актуальность примерами, найденными нами в орфоэпическом словаре серии «Duden» 2000 [9]:

1. (_′) : 2695 = 1688 (н)[1] + 240 (фоз) + 767 (и) + + 0 (с) – все односложные слова.

Rössl ′rœsl
Gift gɪft
von fɔn
klein klain

2. (_ ′ .) : 5359 = 4361 (н) + 343 (фоз) + 655 (и) + +0 (с) – двусложные слова, преимущественно существительные с редуцированным /ə/ во втором слоге и глаголы.

Dịchter	'dıçtə
mạchen	'maxn
tragen	'tra:gn

3. (_ ′ _) : 4312 = 1586 (н) + 682 (фоз) + 2044 (и) + +0 (с) – двусложные слова, суффиксы которых образуют безударный сильный слог.

ehrlich	'e:ɐlıç
Ọptik	'ɔptık
Nọrton	'nɔrtɔn

4. (_ ′ _) : 12003 = 4483 (н) + 2191 (фоз) + 4805 (и) + +524 (с) – сложные и производные слова. Для сложных существительных и наречий характерно также, что в качестве определителя, стоящего на первом месте, выступают наречия и предлоги, например, для производных существительных характерна отделяемая приставка в начале слова или суффикс с побочным ударением в конце слова. Для простых слов характерно наличие полнозвучного гласного в последнем слоге.

Ọstsee	'ɔstze:
Auftrag	'auftra:k
keinmal	'kainma:l

5. (. _ ′) : 750 = 551 (н) + 15 (фоз) + 184 (и) + 0 (с) – двусложные немецкие слова с приставками **be-**, **ge-**, образующими безударный слабый слог, а также некоторые иноязычные слова.

Gedịcht	gə'dıçt
Benịmm	bə'nım
geblümt	gə'bly:mt

6. (_ _ ′) :19002 = 1627 (н) + 13429 (фоз) + + 2977 (и) + 969 (с) – преимущественно существительные с неотделяемыми приставками, образующими безударный сильный слог, сложносокращенные слова, немецкие слова с заимствованными суффиксами, сложные наречия, фонетически онемеченные заимствования, иноязычные слова.

Verleih	fɛ'lai
Metạll	me'tal
Ersạtz	ɛ'ɐzats

7. (_ _ ′) : 792 = 205 (н) + 194 (фоз) + 352 (и) + + 41 (с) – сложные усилительные прилагательные, копулятивные сложные существительные.

Südọst	zy:t'|ɔst
blutạrm	blu:t'|arm
Neu-Ụlm	n'y|ulm

8. (_ _ ′ _) : 355 = 43 (н) + 56 (фоз) + 238 (и) + 18 (с) – многочисленные существительные, некоторые сложные наречия, включающие существительное и наречие.

Nordịrland	nɔrt'|ırlant
stromạbwärts	ʃtro:m'|apvɛrts

Обобщив эти данные, удалось определить наиболее и наименее частотные модели. Очевидно, что модель 6 представлена наибольшим числом слов, модели 5, 7, 8 – наименьшим.

В пределах исследуемого материала Э.Д. Гуревичем была предпринята попытка выявить также характер немецкого словесного ударения по дистрибуции главноударного слога (мы видим, что первые четыре модели имеют начальное ударение, остальные – в конце и середине слова). При учете всех слов превалирует неначальное ударение. Однако если рассматривать только слова германского происхождения, то преобладать будет начальное ударение. Противопоставление главного и второстепенного ударений с учетом фонологизации значения встречается только в сложных и производных словах. Для простых слов если это противопоставление и имеет место, то оно фонологически незначимо.

В заключение необходимо отметить, что правила, определяющие место ударения в немецком слове, задаются его морфемной структурой и словообразовательной моделью. Для большинства немецких слов, как простых, так и сложных, могут быть сформулированы четкие правила, хотя они имеют немало исключений. Это касается и большого количества производных заимствованных слов. Для других, прежде всего простых заимствованных слов, можно сформулировать лишь некоторые тенденции, помогающие определить место ударения [2]. Поэтому, учитывая большую роль заимствованной лексики в немецком языке, можно сделать вывод, что благодаря многочисленным заимствованиям, в первую очередь из английского языка, ударение становится более или менее подвижным, динамичным и адаптируется с немецким языком. Необходимо также принимать во внимание, что в работах по фонетике немецкого языка правила словесного ударения излагаются по-разному и с различной полнотой. В связи с упомянутой выше морфологической связанностью немецкого ударения методически наиболее оправданным представляется путь рассмотрения правил отдельно для простых, производных и сложных слов с учетом их принадлежности к различным частям речи.

Примечание

[1] Использующиеся сокращения: «н» – немецкие слова, «фоз» – фонетически онемеченные заимствования, «и» – иноязычные слова, «с» – слова смешанного типа.

Библиографический список

1. *Бондарко Л.В.* Фонетика современного русского языка. – СПб.: СПбГУ, 1998. – С. 13–14.

2. *Виноградова Е.В.* Проблема акцентологического освоения иноязычной лексики (на материале немецкого языка): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – СПб., 1999. – 18 с.

3. *Гуревич Э.Д.* О частотности парадигматических акцентных моделей немецкого слова // Вопросы фонетики и фонологии. – 1975. – Вып. 4. – Иркутск. – С. 38–42.

4. *Гуревич Э.Д.* Моделирование системы немецкого словесного ударения (опыт экспериментально-фонетического исследования): Дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2000. – 209 с.

5. *Зиндер Л.Р.* Теоретический курс фонетики современного немецкого языка. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 1997. – С. 151–153.

6. *Кацнельсон С.Д.* Сравнительная акцентология германских языков. – М.; Л.: Наука, 1966.

7. *Светозарова Н.Д.* Тип ударения и тип языка: функции и средства словесного ударения в русском и немецком языках // Фонетические чтения в честь 100-летия со дня рождения Л.Р. Зиндера. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 253 с.

8. *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. – М.: Высшая школа, 1960. – 352 с.

9. Duden. Das Aussprachewörterbuch: Dudenverlag, Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2000, 894 s.

10. *Krech H.* Wörterbuch der deutschen Aussprache, VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1971. – 293 S.

11. *Menzerath P.* Die Architektonik des deutschen Wortschatzes. – Bonn, 1954.

12. *Zacher O.* Deutsche Phonetik. – Leningrad: Nauka, 1969. – S. 26–33.

УДК 811.1/.8

Петрова Елена Валентиновна
Петрозаводский государственный университет
helenpetrova@list.ru

ОБУЧЕНИЕ СТРАТЕГИИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

В статье рассматривается обучение студентов неязыкового вуза стратегии визуализации технической лексики на занятиях по иностранному языку. Выделены этапы обучения, представлен комплекс упражнений для формирования данной стратегии.

Ключевые слова: *визуализация, техническая лексика, приемы работы с информацией, уровень текста, структурировать.*

Чтение технических текстов по специальности как на родном, так и на иностранном языке – обязательная составляющая профессионального образования студентов неязыковых вузов. В процессе обучения студенты должны научиться извлекать информацию из различных источников, анализировать ее, выделять существенное и второстепенное, систематизировать и структурировать, независимо от языка, на котором написан источник. Эффективным способом обработки и компоновки информации является ее «сжатие», т.е. представление в компактном, удобном для использования виде, что обеспечивается технологией визуализации учебного материала [1, с. 180]. Применение технологии визуализации учебного материала подразумевает владение общеучебными умениями и приемами работы с информацией (группировка; классификация; структурирование; схематизация; систематизация; перекодирование; достраивание; использование ассоциаций). Экспериментальный срез показал, что большинство студентов не владеют данными приемами и, соответственно, испытывают сложность в организации учебного материала. Следовательно, необходимо научить студентов ориентироваться в разнообразии приемов, выбирать наиболее удобные для себя и применять их в соответствии с поставленной задачей.

Работа с научным текстом требует знания терминологических и логико-композиционных особенностей построения научного текста, что мо-

© Петрова Е.В., 2010

Таблица 1

Word	Know It Well	Have Seen or Heard It	Have No Clue	What It Means
fuel				
nucleus				
frequency				
current				
conductor				
acceleration				
charge				
particle				

жет вызвать затруднение у учащихся. Снятие языковых трудностей профессионального текста на иностранном языке принципиально важно для понимания текста в целом и последующего его анализа. Поэтому важной задачей является научить студентов работать с профессионально-ориентированной лексикой. В данном случае подразумевается способность студента:

– раскрыть содержание понятия;

– установить межпонятийные связи с выше, ниже, рядом стоящими понятиями.

По теме визуализации лексики существует ряд исследований. А.Е. Сиземина анализирует стратегию применения графических организаторов при обучении лексической стороне иноязычной речи [2]. Зарубежные исследователи Moore и Readence обосновали эффективность применения графических способов организации технической лексики. Статья E. Monroe посвящена использованию средств визуализации лексики в сфере математики [5].

Г.В. Лаврентьев, Н.Б. Лаврентьева, Н.А. Неудахина предлагают такой метод познавательной деятельности студентов, как осуществление внеконтекстных мыслительных операций с основными смыслообразующими терминами и базовыми понятиями учебной дисциплины [1, с. 186]. В процессе учебной деятельности студенты осуществляют определенные когнитивные операции с понятиями, извлеченными из текста, используя различные способы и приемы организации информации.

Применение данного метода на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе целесообразно. Учащиеся первоначально овладевают лексическими единицами изучаемой темы, классифицируют, группируют и систематизируют их, используя различные средства визуализации. А затем, когда студенты имеют представление о способах организации информации и не испытывают языковых трудностей, они начинают применять аналогичные приемы на уровне целостного высказывания. Таким образом, осуществляется переход на уровень текста.

Рабочая гипотеза формулируется следующим образом: обучение студентов стратегии визуализации профессионально-ориентированной лексики способствует развитию умения структурировать информацию на уровне текста.

Организация процесса обучения осуществлялась в два этапа. На первом этапе проводилась работа с конкретными лексическими единицами, включающая определение и раскрытие содержания понятия. В данной статье предлагаются некоторые виды заданий по теме «Physics» для студентов физико-технического факультета.

1) Knowledge Rating Scale [4]

Данное задание может являться вводным для изучения темы, оно позволяет понять, насколько хорошо учащиеся знакомы с лексическим материалом. К примеру, студентам предлагается заполнить таблицу (см. табл. 1), ориентированную на проверку знаний базовых физических величин. Студент отмечает те ячейки, которые, по его мнению, наиболее точно отражают его знание лексики.

2) Continue associations to the notion (данное задание активизирует имеющиеся знания, навыки и умения студентов в рамках конкретного раздела темы).

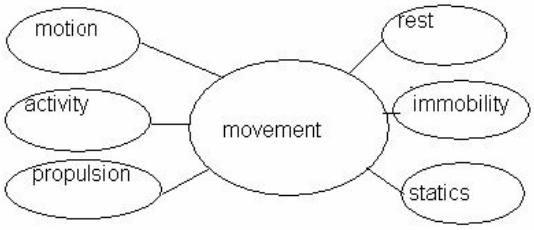

Рис. 1.

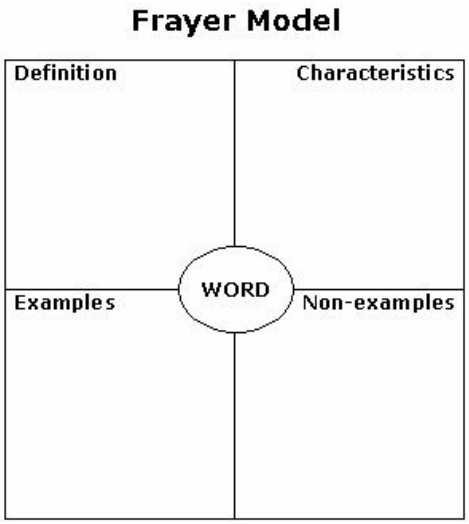

Рис. 2.

Пример задания: дополните ассоциативный ряд по теме «Atomic physics»: nucleus, to split, …etc…

3) Continue the cluster model (модель кластера способствует запоминанию особо сложных лексических единиц за счет синонимов и антонимов).

Пример задания: подберите синонимы и антонимы к слову «movement» (см. рис. 1).

4) Complete the Frayer model. Данное задание позволяет раскрыть содержание понятия, дать его определение, выделить основные характеристики и обосновать его содержание примерами (рис. 2).

5) Complete the concept word map with the words from the box (add your own words).

Пример задания: заполните концептуальную карту термина «fuel» данными словами: coal, fuel, flammable, natural gas, oil, nonrenewable substance, solid/liquid.

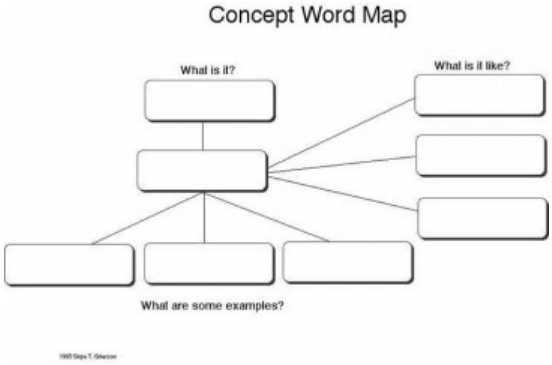

Рис. 3.

На втором этапе проводилась работа с несколькими понятиями с целью установления межпонятийных связей с выше, ниже, рядом стоящими понятиями, а также построение терминологических гнезд (рис. 3).

6) Put a tick into the right box.

Задание: определите, к какой категории физических величин принадлежит тот или иной термин, отметив соответствующую ячейку (табл. 2).

7) Fill in the table with the appropriate words.

Задание: заполните таблицу, подобрав подходящие лексические единицы для каждого из предложенных определений (табл. 3).

Задания №8 и 9 применялись как завершающие изучение темы. Они дают возможность обобщить всю изученную лексику. Задания такого типа являются мотивирующими для учащихся. Обеспечивается интерес к форме организации материала, что ведет за собой отказ от традиционного

Таблица 2

	Spatiotemporal quantity	Mechanical quantity	Thermal quantity	Electrical quantity
Power				
Pressure				
Entropy				
Electric charge				
Frequency				
Impulse				
Acceleration				
Quantity of heat				
Speed				

Таблица 3

mechanical	electromagnetic	atomic	nuclear	quantum

Таблица 4

A	B	C	D
E	F	G	H
I	J	K	L
M	N	O	P
Q	R	S	T
U	V	W X	Y Z

записывания слов по теме в линейном порядке и позволяет расширить связи между понятиями.

8) Fill in AlphaBoxes [4].

Задание: заполните таблицу лексическими единицами, изученными в теме «Physics», приводя по одному примеру (или более) на каждую букву алфавита (табл. 4).

9) Задание: распределите лексические единицы, изученные в теме «Physics», по группам, в соответствии с количеством входящих в них букв (рис. 4).

Данный комплекс упражнений использовался на занятиях по иностранному языку физико-технического факультета при изучении различных разделов темы «Physics». Наблюдения показывают, что у студентов возникает познавательный интерес, когда задание заключается в структурном представлении информации. Мотивация обусловлена тем, что студентам технических специальностей часто приходится иметь дело с различными формами организации учебного материала на других предметах: таблицами, схемами, диаграммами и т.д. На занятиях по иностранному языку знания форм, приемов и способов расширяются, обогащаются, а навыки и умения применять их – совершенствуются. Результаты наблюдений показали, что студенты гораздо успешнее справляются с заданием структурно представить научный текст, когда испытывают минимум проблем с языковыми особенностями текста, вызывающими непонимание. Таким образом, проведенный эксперимент подтвердил выдвинутую гипотезу о том, что обучение студентов стратегии визуализации профессионально-ориентированной лексики способствует развитию умения структурировать информацию на уровне текста.

Обучение структурированию технической лексики на занятиях в неязыковых вузах – это важный этап, предваряющий работу учащихся с более сложным по уровню материалом – текстом.

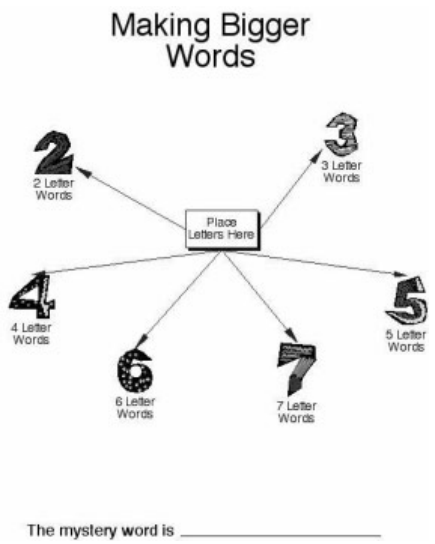

Рис. 4.

Использование графических организаторов, с одной стороны, позволяет задействовать все когнитивные процессы студентов, способствует развитию логики и ассоциативного мышления, а с другой стороны, помогает лучше ориентироваться в теме за счет выделения ключевых моментов и опорных пунктов, а также повышает эффективность усвоения и запоминания иноязычных лексических единиц.

Библиографический список

1. *Лаврентьев Г.В., Лаврентьева Н.Б., Неудахина Н.А.* Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Часть 2. –Алтайский гос. ун-т, 2004. – 182 с.

2. *Сиземина А.Е.* Стратегия применения графических организаторов при обучении лексической стороне иноязычной речи // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2009. – №6. – С. 49–55.

3. *Dr. Judith M. Newman.* Resources for Technical and Business Writing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lupinworks.com/roche/pages/paradigms.php

4. Vocabulary Graphic Organizers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wvde.state.wv.us

5. Using graphic organizers to teach vocabulary: does available research inform mathematics instruction? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://findarticles.com

УДК 81'373

Садыкова Аида Гумеровна,
Тулусина Елена Антоновна
Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Казань)
Elena_Tulusina@mail.ru

УСТОЙЧИВЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье предпринимается попытка представить наиболее общеупотребительные, универсальные метафорические модели в рамках педагогического дискурса.

Ключевые слова: *концепт, педагогический дискурс, метафорическая модель, учёба, школа.*

Дискурс понимается в данной статье как совокупность тематически или культурно взаимосвязанных текстов, допускающая развитие и дополнение другими текстами. Педагогический дискурс функционирует в системе институционального дискурса, поскольку организуется в рамках определенного социального института (учебного заведения); по содержанию является личностно-ориентированным (цель, методы и средства связаны с развитием личности ребенка в организованном процессе социального воспитания); характеризуется статусно-ролевыми отношениями участников общения (учителя и ученика) и имеет определенную цель (социализация нового члена общества). Данные универсалии отражают глубинные структуры познавательной деятельности человека в процессе освоения им объективного мира.

Так же, как язык экономики, политики, гуманитарных наук или психологии, язык педагогики имеет свою специфику и в плане выражения маркирован в языковом сознании носителей языка и насыщен метафорическими переносами. Метафоры повсеместно распространены в текстах о школьной жизни и учёбе, поскольку речь учителя или педагога зачастую спонтанна и эмоционально окрашена.

Как в немецком, так и в русском языке наиболее частотной для представления концепта «учёба» является метафорическая модель ***учёба в школе – движение по дороге.***

Schulisches Lernen ist Fortbewegung auf einem Weg. Данная модель лежит в основе современных педагогических терминов в немецком языке: Lernweg (путь обучения), Lernschritt (шаг обучения), Lernfortschritt (продвижение, прогресс в обучении), Curriculum (курс обучения) или Remotion (перемещение, движение по учебной программе) и широко представлена в следующих педагогических текстах:

Der Schüler muss "*an jeder Stelle seines Weges* wissen, wo er steht" [12, с. 126]. Ян Амос Коменский подчёркивает в этом предложении, что учение – это длинный путь, разделённый на определённые периоды, которые необходимо проходить осознанно.

"[...] dass bei der allmählich *fortschreitenden Bildung* die Methode insofern verschieden sein müsste, als sich das Ziel derselben durch Unterricht als weit oder nahe gesteckt voraussehen lässt" [16, с. 189]. Александр фон Гумбольдт в своей работе "Schriften zur Politik und Bildungswesen" рассматривает образование как процесс продвижения вперёд, при этом цели преподавания определяют длину этого пути: чем чётче цели, тем быстрее продвижение вперёд по пути знаний.

"[...] denn der Einzelne muss es sich doch immer [...] im wesentlichen *auf demselben Wege erwerben*, nur *kann der Weg* bei ihm bequemer *eingerichtet und abgekürzt werden*, während er für das Menschengeschlecht im Ganzen durch *Umwege und Irrwege* erschwert worden ist" [20, с. 6]. Туискон Циллер рассуждает о выборе единой стратегии в обучении, посредством которой можно облегчить и сократить для себя путь к постижению знаний, который может сопровождаться определёнными сложностями (окольными, ошибочными дорогами).

Der Jugendliche „kann *auf dem einmal gewählten Wege* nur unter Schwierigkeiten wieder umkehren und nähert sich auf ihm bereits seinem Lebensberuf" [14, с. 31]. Генрих Дайтерс в своей книге „Das Wesen der Schule" указывает на то, что к выбору профессии нужно относиться очень ответственно, возврат по единожды выбранному пути чреват трудностями. Качество учебного пути определяется правильной постановкой цели обучения: трудности, возникающие на пути получения знаний, должны быть адекватны возможностям обучающихся.

© Садыкова А.Г., Тулусина Е.А., 2010

Schule ist nur ein „Stück *auf dem Weg* des lebenslangen Lernens“ [18, с. 57]. Юрген Шмунде напоминает нам, что школа – лишь небольшой участок на длинном пути учения продолжительностью в жизнь.

Во всех этих метафорических оборотах наблюдается представление процесса обучения в виде движения по дороге, педагоги фокусируют внимание читателя на развитии обучающегося в определённом временном промежутке. Посредством этой метафорической модели обеспечивается языковая экономия и мотивируется целенаправленность обучения.

В русском языке также широко представлена метафорическая модель ***учёба – движение к цели***. Наиболее распространенными являются метафоры, нейтральные по своей оценочной семантике: идти, двигаться, продвигаться. Исследуя педагогический дискурс, можно отметить, что концепт «учёба» моделируется как движение к новому, в большей или меньшей степени организованному учителем, например:

«Низкий уровень образованности родителей не позволял им следить за *продвижением* детей в учении» [1, с. 104].

«Это *старт* всего обучения, обеспечивающий дальнейшее *движение* вплоть до выхода в творческий космос» [8, с. 49].

«Обучение обязательно приводит к существенному продвижению учащихся в их развитии» [11, с 20].

Происходит постепенное, но непрерывное продвижение вперед в упорядоченной системе знаний, созданной учителем. В процессе образования приходит в движение и душа ученика, например:

«Всякое обучение интересно лишь в той степени, в которой оно приводит в движение душевные силы» [6, с. 40].

Темп учения может быть разным: для ученика медленное продвижение по пути познания является нормой, учитывается труднодоступность дороги, поэтому предполагается положительная оценка. В свою очередь, учитель в силах управлять скоростью движения образовательного процесса. «Учитель вдруг однажды увидит, что работает только с несколькими учащимися, выдержавшими непомерно высокий темп движения» [9, с. 14].

Метафорическая модель «*учёба в школе – путь к достижению цели*» рассматривает развитие учащегося в течение определённого временного промежутка. Употребление этой метафорической модели в русском языке также обуславливает языковую экономию и ориентацию учебного процесса на достижение цели. В этой модели учитываются как особенности развития ученика (движение по пути с определённой скоростью), так и дидактические предписания (правильно организованный учебный процесс может существенно облегчить путь).

Вторая по частотности метафора, используемая для репрезентации концепта «учение» в немецком и русском языках, – ***строительная метафора***.

В немецком языке в основе этой метафорической модели лежат такие понятия, как Grundlage (основа, фундамент), Stoffaufbau (строительный материал), Leistungsstufen (ступени успеваемости) и другие.

Наиболее частотной в этой метафорической модели выступает метафора *Schulwissen als Gebäude и Schulwissen als Aufbau* (школьные знания – здание и школьные знания – строение, конструкция). Это можно увидеть на следующих примерах:

Wenn „ein fester Grund und […] dieser Grund tief genug gelegt wird; […] wenn sich alles Spätere nur auf diese Grundlage stützt; […] wenn alles Neue auf dem Vorhergehendem aufgebaut, […]“ [12, с. 108]. Каждому зданию нужен прочный фундамент, если нет стабильной основы знаний, непрочным будет и само знание, – утверждал Ян Амос Коменский.

Man forderte „für die Jugend, dass ihr die volle Möglichkeit des Aufstiegs auf der Schultreppe eröffnet werde“ [14, с. 9]. Генрих Дайтерс сравнивает получение знаний с подъемом по школьной лестнице, представляя знания в виде конструкции, здания, внутри которого можно перемещаться и подниматься вверх, причём получение знаний всегда ассоциируется с восхождением.

Das Schulwissen „ist einer Blockhütte zu vergleichen, die sich später zum Palast um- und ausbauen lässt“ [17, с. 27]. Знания, как и здание, не возникнет само по себе, нужно постоянно вносить изменения, и тогда хилая хижина сможет превратиться в прекрасный дворец знаний.

В русском языке *школа* часто осмысляются через образ *здания* с разной функциональной нагрузкой (дом, дворец, монастырь, казарма, храм), например:

«*Школа* для нас – огромный *дом*, и, кажется, он стоит вечно, даже если его и построили лишь в прошлом году» [6, с. 10].

«Подготовительный класс можно сравнить с *дворцом*; вот вошли ребята в удивительно красивый дворец и вдруг увидели множество интересных вещей. Им дали возможность потрогать все, ответили на их вопрос "Что это?" Они узнали названия этих вещей. Им объяснили, как брать в руки тот или иной предмет. А далее в течение трех лет им подробно рассказывали, что собой представляет каждый из предметов, кто их создал, для чего, чем один предмет отличается от другого» [2, с. 45].

«Постепенно из школьного обихода исчезают, один за другим, пережитки *школы-монастыря* и *школы-каз*армы, средневекового аскетизма и военной муштровки. Начинает на наших глазах колебаться до основания здание школы полицейско-бюрократической монархии» [4, с. 177].

Метафора *школьные знания – конструкция* также представлена в русском языке:

«*Школьные знания – фундамент* духовной перестройки и самой себя, и общества в целом, и мира, в котором живем» [5, с. 160].

«Ответы учителя представляли собой как бы *кирпичики* для тех пустот, которые были в картине мира [...] школьников» [7, с. 176].

«Не заложены эти *камни-знания* – ничего не получится со всей *стройкой*, она рассыплется. Одним из таких *краеугольных камней* являются *знания учителя*» [7, с.230].

Школа трактуется как *дом радости* (греч.), но это не опровергает сложность восхождения по скале, ибо истинную радость можно пережить только в процессе преодоления трудностей, в процессе *восхождения*.

Таким образом, метафорическая модель *«школьные знания – здание»* отражает, прежде всего, внутреннюю организацию и порядок преподавания и усвоения знаний. Данная метафорическая модель подчёркивает необходимость планомерного и систематического учения, что впоследствии приведёт к более лёгкому переходу на новую ступень познания, учение при этом рассматривается как восхождение, а преподавание – как строительство знаний.

Третьей устойчивой метафорической моделью концепта «учёба» является ***фитоморфная метафора***, актуализирующая процесс развития. Представления об обучении опираются на представление о росте как количественном изменении, усовершенствовании и развитии как качественном изменении. Учебный процесс представляется в виде сложного, развивающегося растительного организма.

В педагогическом дискурсе немецкого языка часто прибегают к метафоре ***«образование – это земледелие»*** с целью описания школьного учебного процесса:

„Wir geben Schülern Gelegenheit, sich im Unterricht optimal zu entfalten, nehmen auf ihre geistigen Anlagen Rücksicht, konstatieren an ihrer wachsenden Selbständigkeit, dass unsere Erziehung Früchte trägt und entlassen sie mit einer Reifeprüfung" [15, с. 29]. Мы даём ученикам возможность полностью *раскрыться* на уроке, принимаем во внимание их духовные *зачатки*, закрепляем их *возрастающую* самостоятельность с тем, чтобы наше воспитание принесло *плоды*, и аттестуем их *экзаменом на зрелость* (пер. автора).

Многие немецкие педагоги рассматривают школу как «живой организм» [см. 13], а всё, что живое, растёт и развивается. Рост при этом влечёт за собой не только внешние изменения, но и внутреннее развитие, для оптимального обеспечения которого нужны лишь правильные удобрения, также и учащимся нужно уделить внимание, дать им стимул расти и развиваться:

„Erziehung als Entwicklung in diesem Sinne begriffen, geht also von einem keimhaften Anlagevermögen im Educanden aus […] Der Keim ist die natürliche Anlage und er enthält nicht nur das Ergebnis dieser Entwicklung, sondern auch den Drang sich zu entfalten" [19, с. 166].

В русском языке учение часто представляется в виде цветка или дерева:

«Учение – это один из лепестков того *цветка*, который называется воспитанием» [3, с. 149].

«Какая *дремучая* педагогика» [10, с. 58].

«Побережем это плодовое *дерево* нашего университетского образования» [7, с.55].

В русском педагогическом дискурсе также подчёркивается необходимость бережного «ухода за растениями», небходимость стимулирования и культивирования стремления к учению:

«Учитель критически оценивает свой педагогический труд, изыскивая эффективные пути *взращивания души и сердца* своих питомцев» [1, с. 180].

«Я же добавлю: именно из познанной и познающей, осознанной и осознающей ребенком звуковой симфонии речи пробиваются в нем

и познавательное чтение, и письменная речь. *Выращивание* без такой основы чтения и письма было бы то самое, что и выращивание высоких культур на скудной и *необлагороженной почве*» [3, с. 287].

В рамках данной модели, таким образом, образование интерпретируется как процесс, требующий учёта как внутренних факторов, так и влияния окружающей среды. Фитоморфная метафора указывает также на то, что образование является результативным, приносит плоды, кормит человека. Кроме того, данная метафорическая модель подчеркивает естественность процессов и законов, действующих в образовательной области.

Библиографический список

1. *Амонашвили Ш.А.* Воспитательная и образовательная функция оценки учения школьников: экспериментально-педагогическое исследование. – М.: Педагогика, 1984. – 296 с.

2. *Амонашвили Ш.А.* Размышления о гуманной педагогике. – М: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1995. – 496 с.

3. *Амонашвили Ш.А.* Личностно-гуманитарная основа педагогического процесса. – Минск: изд-во Университетское, 1990. – 560 с.

4. *Блонский П.П.* Избранные педагогические произведения. – М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1996. – 696 с.

5. *Ильин Е.К.* Путь к ученику. – М.: Просвещение, 1988. – 224 с.

6. *Соловейчик С.Л.* Час ученичества. – М.: Дет. лит., 1986. – 383 с.

7. *Ушинский К.Д.* Собрание сочинений в 11 т. – М.; Л.: АПН РСФСР. Теория и история педагогики, 1948. – Т. 4: Детский мир и хрестоматия. – 679 с.

8. *Шаталов В.Ф.* Эксперимент продолжается. – М.: Педагогика, 1989. – 336 с.

9. *Шаталов В.Ф.* Точка опоры. – М.: Педагогика, 1987. – 160 с.

10. *Шаталов В.Ф.* Куда и как исчезли тройки: Из опыта работы школ г. Донецка. – М.: Педагогика, 1979. – 133 с.

11. *Щетинин М.П.* Объять необъятное: Записки педагога. – М.: Педагогика, 1986. – 176 с.

12. *Comenius Johann Amos*. Große Didaktik. In neuer Übersetzung herausgegeben von Andreas Flitner. – Düsseldorf und München, 1657. – 654.

13. *Dannhäuser Albin*. Schule besser machen. Pädagogische Positionen. – Politische Postulate, 2003. – S. 174.

14. *Deiters Heinrich.* „Das Wesen der Schule“. Handbuch der Pädagogik. – Langensalza; Berlin; Leipzig, 1928. – Bd. 4. – S. 3–46.

15. *Hentig Hartmut von*. Die Schule neu denken. – München; Wien, 1993. – 240.

16. *Humboldt Wilhelm.* Der Königsberger und der Litauische Schulplan // Schriften für Politik und zum Bildungswesen. – Frankfurt a.M., 1986. – S. 168–195.

17. *Michael-Alder Elisabeth.* Lasst Bäume in den Himmel wachsen! Denn sie prägen unsere Zukunftslandschaft. – Amsler: Eichhorn, 2000. – S. 13–30.

18. *Schmunde Jürgen* Schule – Wegstück lebenslangen Lernens. – Dannhäuser; Ipfling; Reitmeier, 1988. – S. 57–64.

19. *Treml Alfred K*. Allgemeine Pädagogik: Grundlagen, Handlungsfelder und Perspektiven der Erziehung. – Stuttgart; Berlin; Köln, 2000. – 305 s.

20. *Ziller Tuiskon*. Einleitung in die allgemeine Pädagogik. – Langensalza, 1875. – 300 s.

УДК 808.2
Т 665

Третьякова Ирина Юрьевна
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВИДЫ ОККАЗИОНАЛЬНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматриваются виды семантических преобразований фразеологических единиц, обусловленные специфическими контекстными актуализаторами.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, окказиональный фразеологизм, приёмы окказионального преобразования фразеологизмов, трансформация.*

Приёмы семантического преобразования фразеологических единиц (далее ФЕ) описываются в работах фразеологов, изучавших функционирование фразеологизмов в художественной и публицистической речи (Н.М. Болдырева, В.Н. Вакуров, Е.М. Дубинский, А.С. Начисчионе, Н.Н. Ничик и др.). Е.М. Дубинский, исследовавший лингвистические особенности двойной актуализации, отмечает важную особенность в осуществлении приёмов семантического преобразования ФЕ: эти приёмы могут быть осуществлены только в специально сконструированном тексте [3, с. 229]. Именно особенности контекстных актуализаторов и связей компонентов ФЕ с элементами контекста обусловливают тот или иной вид семантического преобразования фразеологизмов. В соответствии с этим в группу приёмов, направленных на преобразование семантики ФЕ, входят: двойная актуализация, буквализация, изменение семантики ФЕ.

1. Двойная актуализация значения ФЕ.

Специфика приёма двойной актуализации значения ФЕ заключается в том, что, благодаря условиям контекста, фразеологизм прочитывается, воспринимается в двух планах: как собственно фразеологизм и как свободное сочетание слов в исходном значении. Такому прочтению способствует два разных вида внешних актуализаторов элементов значения ФЕ: слова из контекстного окружения, образующие постоянный контекст фразеологизма и идентифицирующие значение фразеологизма, описывающие типизированную ситуацию, характеризуемую фразеологическим оборотом, – и элементы контекста, восстанавливающие дистрибутивные связи компонентов фразеологизма как свободных лексем. Последняя группа актуализаторов может находиться с компонентами фразеологизма в отношениях тождества, привативности, эквиполентности. Элементы контекстного окружения и компоненты фразеологизма обязательно устанавливают семантические связи и могут быть синонимами (языковыми и контекстуальными), антонимами, паронимами, гипонимами и гиперонимами, однокоренными словами, лексико-семантическими вариантами многозначного слова, элементами одной тематической группы, одного лексико-семантического поля.

В качестве коррелятов – внешних актуализаторов используются лексемы свободного употребления – лексические прототипы компонентов ФЕ. В контексте «Институтская проектная группа, с которой работал Рытов, предложила … схему отсыпки перемычки под котлован. Для подобной работы требовалось *непомерное количество грунта* и *камни*. Вот этот-то *камень* стал поистине ***камнем преткновения***» (Л. Куклин. Из командировки) коррелируют компонент фразеологизма *камень* и лексема *камень*, воспринимаемая в прямом значении, которое поддерживается смыслом контекста, а также смысловой и синтаксической связью слова *камень* со словом *грунт*. На фоне актуализации прямого значения компонента *камень* проявляется и фразеологическое значение: благодаря элементам контекста *требовалось непомерное количество*, формируется мысль о трудностях, с которыми сталкиваются строители; ФЕ, имеющая значение 'помеха, препятствие, на которое кто-либо наталкивается при выполнении, осуществлении чего-либо', точно характеризует проблемную ситуацию. Таким образом, в контексте произведения Л. Куклина фразеологизм *камень преткновения* актуализирует и прямое, и связанное значение сочетания слов.

Как корреляты могут выступать слова-синонимы, слова одной тематической группы.

© Третьякова И.Ю., 2010

См. в контексте: «– Яблонька, – восхищённо воскликнул меценат. – Если я *ослепну* от вашей красоты, как старый Велизарий, будете ли вы *водить* меня *за руку*, как тот мальчик, который питал Велизария? Новакович вздохнул и *мрачно* ответил за Яблоньку: – *Не такой* она *человек*, чтобы *водить за руку*. Она ***за нос водит***…» (А. Аверченко. Шутка мецената). Контекстуальный элемент *ослепну* актуализирует дистрибутивную связь компонентов свободного сочетания слов *водить за руку*; элементы контекста *вздохнул*, *мрачно*, *не такой она человек* имплицитно передают отрицательное мнение о Яблоньке как девушке, не способной быть милосердной, которая может давать лживые обещания, обманывать надежды кого-либо (ср. ФЕ *водить за нос* – 'стремиться привлечь, увлечь, заинтересовать кого-либо, давая лживые обещания, вселяя напрасные надежды, обманывая').

Коррелируют компоненты фразеологизма и слова, находящиеся в отношении антонимии (языковой и речевой): «Вот уже многие годы, особенно с приходом к власти администрации Р. Рейгана, американская сторона *тщится* убедить людей в том, что лучший способ *тушения пожара* – это ***подливать в огонь масло***, а лучший способ укрепления безопасности – *громоздить всё новые и новые горы оружия*» («Правда», 1984, 23 марта). Оппозицию, обусловливающую буквализацию значения фразеологизма, составляют компоненты ФЕ и элементы контекста *подливать масла в огонь – тушение пожара*; идентификация значения фразеологизма осуществляется благодаря внешним актуализаторам *тщится*, *громоздить всё новые и новые горы оружия* (ср. ФЕ *подливать масло в огонь* – 'усугублять, осложнять напряжённые отношения').

Актуализируют прямое значение фразеологических компонентов-лексем слова из внешнего окружения, называющие детали, действия буквальной, конкретной ситуации, послужившей образным основанием при организации фразеологического значения, образовании внутренней формы ФЕ.

Приём двойной актуализации значения ФЕ относится к группе приёмов, направленных под воздействием внешних контекстных актуализаторов на трансформацию семантики фразеологизма посредством восстановления дистрибутивных связей лексем-компонентов ФЕ. Однако двойная актуализация значения ФЕ может проявляться и в случаях сложных, комплексных преобразований значения и внешней формы фразеологизмов; механизмы преобразования значения посредством актуализации внешних связей компонентов фразеологизмов не меняются.

2. Буквализация значения ФЕ.

Приёмы двойной актуализации значения ФЕ и буквализации значения ФЕ схожи в механизмах преобразования семантики ФЕ: в обоих случаях в контекст с функционирующим фразеологизмом включаются слова, устанавливающие (точнее – восстанавливающие) связи с компонентами фразеологизма, воспринимаются двойственно – и как компонент фразеологизма, и как свободные лексемы, составившие сочетание слов. Однако при буквализации значения «исходное, прямое значение сочетания, представляющее образную основу ФЕ, не только актуализируется, но выступает на первый план» [5, с. 20]. Компоненты фразеологизма в специально организованном контексте (часто в развёрнутой метафоре), сочетаясь с элементами контекстного окружения, устанавливают дистрибутивные связи, свойственные языковым прототипам-лексемам в свободном употреблении, и воспринимаются буквально, как свободные сочетания слов. Буквальное восприятие значения словосочетания обусловливается буквальным воспроизведением образа, часто – развёртыванием этого образа, «прорисовыванием» отдельных деталей, фрагментов, а также созданием целого образного сценария. Вместе с тем в контексте должно актуализироваться и фразеологически связанное значение слов-компонентов в словосочетании – это, так же, как и при двойной актуализации, обеспечивается дистрибутивными связями фразеологизма с элементами контекстного окружения. См. контекст «***След простыл*** моего *здоровья*, / *занесённый* с большим успехом / *Новеньким* и *пушистым снегом*, / *ледяной покрытый корою*» (Б. Слуцкий. «Я слежу за своим здоровьем»). Текст стихотворения представляет собой развёрнутую метафору, где образно раскрывается мысль о безвозвратно утраченном здоровье. Контекстный актуализатор *здоровье* способствует реализации языкового фразеологического значения ('что-либо утеряно, пропало'), тогда как элементы контекста *занесённый новеньким и пушистым снегом*, *ледяной покрытый корою* способствуют буквальному осмыслению словосочетания *след простыл*.

Также приём буквализации значения ФЕ *рыльце в пушку* ('кто-либо замешан в чём-либо неблаговидном, преступном; причастен к дурным, нечестным делам') использован в следующем контексте: «А днём он [кот] уходил в поле или в лес, охотился на мышей или на мелких птиц. Вот и сейчас ребята заметили прилипшие к его усам мелкие пёрышки – кого-то уже слопал, – сказал Сорванец. – Ишь, ***рыльце в пушку***. Сорванец был зол на кота, что тот испугал его в лесу» (А. Логунов. Сорванец). Буквальное восприятие словосочетания *рыльце в пушку* доминирует при описании конкретной ситуации охоты кота на птиц, при этом в отношении героя рассказа Сорванца к коту – злости мальчишки, явного неодобрения им поведения мелкого хищника – выявляется и фразеологизированный смысл словосочетания: кот, съевший птичку, явно причастен 'к дурному, неблаговидному делу'.

Следует заметить, что при буквализации значения сочетания слов в контексте обязательно должны присутствовать элементы, актуализирующие значение ФЕ, в противном случае фразеологизм не будет идентифицирован как таковой, и в подобных контекстах говорить о наличии фразеологизма не представляется возможным.

Как и двойная актуализация значения ФЕ, буквализация фразеологического значения может осуществляться благодаря не только актуализаторам внешнего окружения ФЕ, но и внутренним актуализаторам: к буквальному прочтению словосочетания могут приводить другие приёмы структурно-семантического преобразования фразеологизмов – расширение, замена компонентного состава, сегментация, контаминация и др.

3. Переосмысление ФЕ.

Приём переосмысления ФЕ базируется на изменении внешних дистрибутивных связей языкового фразеологизма с элементами контекста. ФЕ помещается в контекст с нетипичным окружением, при этом элементы контекста актуализируют потенциальные семы в значении языкового фразеологизма, обусловливают появление новых сем, не свойственных значению языковой ФЕ. Однако дефразеологизации устойчивой единицы не происходит, так как, благодаря устойчивому нетрансформированному компонентному составу, проявляются деривационные связи окказионального фразеологизма с языковым прототипом. Кроме того, фразеологизм с трансформированным значением имеет какое-либо семантическое сходство с базовой ФЕ. См., к примеру, ФЕ *в пух и прах* ('богато и без достаточного вкуса, пышно (разодеться)'), функционирующую в стихотворении Б. Окуджавы «Клубничины сорваны с грядки…»: «Душисты бока их тугие, / *Мундиры* у них дорогие, / *Расшиты* они ***в пух и прах***, / С узорами на обшлагах//». Контекстный актуализатор *расшиты* не является обязательным словом-сопроводителем, хотя имеет явное сходство со словами *одет, разодет*: *расшить* – 'украсить узорным шитьём одежду, ткань, то есть то, что предназначено для ношения или пошива одежды, головного убора, обуви и под.' *Мундир* (в данном контексте употреблен как метафора) также является видом одежды и может быть украшен, расшит. И тем не менее, фразеологизм *в пух и прах*, использованный в тексте, имеет гиперболизированное окказиональное значение – 'очень красивый; красивый до такой степени, что можно от восторга лишиться жизни'.

Также переосмыслению подвергается ФЕ *не вязать лыка* в контексте стихотворения И. Бродского «Речь о пролитом молоке»: «К нам не плывёт золотая рыбка. / Маркс в производстве ***не вяжет лыка***. / Труд не является товаром рынка//». В современном русском языке ФЕ *не вязать лыка* употребляется в значении 'дошёл до такой степени опьянения, что не может ничего делать, говорить, понимать'. Контекст данного стихотворения не идентифицирует языкового значения. ФЕ *не вязать лыка*, соединённая грамматически с контекстным элементом *в производстве*, воспринимается в нетрадиционном смысле: 'абсолютно ничего не понимать, не разбираться в чём-либо' (в производстве). Семантическое преобразование произошло на основе обобщённого представления о действиях, которые не могут совершаться по каким-либо причинам. В языковой ФЕ такой причиной является состояние опьянения, в стихотворном контексте такой причиной предполагается недостаток ума.

Следует добавить, что переосмысление ФЕ как приём окказионального преобразования ФЕ относится к трансформациям семантического типа, не является частотным и прогнозируемым.

В качестве принципиально важного положения необходимо отметить, что при окказиональном преобразовании фразеологизмов следует учитывать степень трансформации семантики языковой ФЕ.

Любой функционирующий фразеологизм в условиях контекстного окружения получает смысловые приращения, либо, наоборот, его смысл конкретизируется, уточняется [4]. Поэтому значение фразеологизма-инварианта не равно смыслу узуального фразеологизма. Однако, говоря об окказиональных преобразованиях семантики, приходится игнорировать незначительные приращения смысла узуальной ФЕ и, сопоставляя значение фразеологизма-инварианта и трансформа, выявлять существенные смысловые различия, существенные смысловые сдвиги последнего.

Семантические приёмы окказионального преобразования ФЕ, осуществляемые без изменения компонентного состава языковых фразеологизмов, основаны на восстановлении дистрибутивных связей компонентов-лексем (двойная актуализация и буквализация значения ФЕ) либо на возникновении новых связей с элементами контекстного окружения (переосмысление ФЕ). Такие же процессы могут происходить и при сложных трансформациях, когда актуализаторами становятся не только элементы внешнего окружения ФЕ, но и – при трансформации компонентного состава фразеологизма – фразеологические компоненты, окказиональные компоненты, то есть внутренние актуализаторы фразеологического значения.

Библиографический список

1. *Болдырева Н.М.* Стилистические особенности функционирования фразеологизмов: Дис. … канд. филол. наук. – М., 1967.

2. *Вакуров В.Н.* Основы стилистики фразеологических единиц. – М., 1983.

3. *Дубинский Е.М.* Лингвистические особенности двойной актуализации фразеологических единиц (на материале современного английского языка): Дис. … канд. филол. наук. – М., 1984.

4. *Золотых Л.Г.* Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007.

5. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997.

6. *Молотков А.И.* Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986.

7. *Начисчионе А.С.* Окказиональное стилистическое использование фразеологических единиц (на материале произведений Дж. Чосера): Дис. … канд. филол. наук. – М., 1986.

8. *Ничик Н.Н.* Фразеологические единицы в системе поэтического словоупотребления В. Маяковского (на материале поэм 1914–1924 гг.): Дис. … канд. филол. наук. – Киев, 1983.

9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003.

УДК 808

Тютрина Вера Сергеевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

АВТОРСКИЕ СЕНТЕНЦИИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ (по произведениям Семёна Липкина)

В данной статье рассматриваются сентенции в произведениях С. Липкина с целью выявления своеобразия языковой личности писателя и определения специфики его мировоззрения.

Ключевые слова: *языковая личность писателя, авторские сентенции, творческая индивидуальность.*

Закрепление антропоцентрической парадигмы в лингвистике конца XX – начала XXI века привело к тому, что от анализа языка произведений писателя мы поднимаемся на более высокий уровень обобщений. Сейчас в центре внимания многих исследователей – языковая личность (далее ЯЛ), или литературная личность. Структура ЯЛ «выступает психолингвистическим ядром-инвариантом литературной личности» и её «внешним слоем» [2, с. 299]. Рассмотрение лингво-когнитивного и прагматического уровней ЯЛ даёт информацию о мировоззрении, ценностных установках писателя, о «модели мира личности» [6, с. 37], одним из средств репрезентации которых являются афоризмы, в том числе авторские сентенции.

В книге «Афористика» Н.Т. Федоренко и Л.И. Сокольская говорят о том, что существует целый

 © Тютрина В.С., 2010

ряд афористических терминов: «афоризм», «изречение», «апофегма», «максима», «сентенция», «гнома» [12, с. 99], – и дают их различительную характеристику, однако детально не рассмотрена «сентенция».

И.Р. Гальперин квалифицирует эту единицу как «такие предложения внутри высказывания, которые, прерывая последовательность изложения фактов, событий, описаний, представляют собой некие обобщения, лишь косвенно (иногда очень отдалённо) связанные с этими фактами, событиями, описаниями» [3, с. 99]. Подчёркивая, что «сентенция – это микроотступление», учёный акцентирует внимание на её функциях сюжетообразования и генерализации авторских идей. Размышления писателя, выраженные в форме сентенции, являются одним из приёмов автосемантии сверхфразовых единств [3, с. 100].

М.А. Фокина, считая сентенции разновидностью афоризмов, называет их структурно-семантические признаки: лаконичность формы, обобщённость и законченность мысли, нравоучительный характер [13, с. 391]. Сентенциями С.Г. Шулежкова обозначает литературные афоризмы, обращая внимание на их книжную принадлежность и авторство [14, с. 171]. Об этом же читаем в книге «Афористика»: «Афоризм всегда индивидуален, его основной признак – принадлежность определённому автору» [12, с. 103]. А.В. Королькова, квалифицируя афоризм как «краткое по форме изречение фразеологического типа», указывает наряду с паспортизированностью, воспроизводимостью, раздельнооформленностью ещё одно ключевое свойство – наличие в структуре слов-концептов [7, с. 546], экспликация которых создаёт общетекстовую семантику.

В статье «Способы введения афоризмов в текст как отражение коммуникативной установки автора речи» Л.Б. Савенкова рассматривает разнообразные коммуникативные установки писателя и выделяет следующие: 1) обратить внимание на важные, на взгляд автора, понятия; 2) понять позицию персонажа, оценивающего явление или ситуацию; 3) почувствовать рефлексию персонажа или нарратора; 4) уловить логику хода размышлений действующего лица, чувствующего неодномерность явления [11, с. 206–208].

Материалом для анализа сентенций послужили произведения Семёна Липкина (1911–2003), известного поэта советского времени и видного переводчика классиков Востока. Творческие пристрастия автора позволяют сказать, что это маргинальная ЯЛ, создающая нетривиальные тексты как в поэтической, так и в прозаической форме (повести, воспоминания и др.).

Методом сплошной выборки афоризмы были извлечены из стихотворений, повести «Декада», воспоминаний «Жизнь и судьба Василия Гроссмана». Их преобладающее количество наблюдается в прозе.

Насыщенной сентенциями оказалась летописная повесть «Декада», в которой повествуется о судьбе вымышленного народа Гушано-Тавларской ССР в период правления Сталина. Горский народ был изгнан с родины в степи Киргизии. Название произведения символично. Декада, с одной стороны, – пышно организуемый десятидневный смотр успехов национальной культуры. С другой стороны, за тем, что показывают и смотрят, стоит история народа, его культура, обычаи и душа. Эпическое начало ярко представлено в «Декаде» в виде развёрнутых сентенций.

Ключевыми концептами в афористических высказываниях С. Липкина являются «память», «время» и др. С. Липкин даёт индивидуально-авторское представление этих пространственно-временных категорий. Рассмотрим следующий контекст:

«Дорога между тем, извиваясь над бездной, уходила вдоль скал, и, сужаясь, приближалась к альпийским пастбищам. Виднелись чинарники, сосновый лес. Вот промелькнул круторогий тур, промчавшийся по скользкому камнепаду. *Скалы напоминали* крепостные башни. Кто их воздвиг? Титаны? Полубоги? Они молчат, *скалы*, но они *помнят*, а значит мыслят. **Мысль есть память о том, что было**. Когда ничего не было, не было и мысли на земле. *Скалы помнят*, как здесь всё было залито бушующей, бесконечной, тяжёлой водой, а неподалёку плыл *ковчег*, и вода упала, и земля обнажилась, и вышли из *ковчега люди*, *звери* и отвыкшие летать *птицы*. *Скалы помнят* и тех людей, которые были предками нынешних обитателей, и те люди здесь жили совсем недавно, вчера или позавчера по каменному счёту. Да, в сущности, счёт один у камня, у реки, у человека, у облака, и мысль одна, у всех одна, только людям кажется, что у них особая, человеческая мысль, а особой мысли нет, есть только видимость, есть только мысль в непрочном виде камня, зверя птицы, человека, реки, и эта **мысль есть не что иное, как память о том, что было**.

Знал ли Амирханов об этом? Может быть, и знал, но другим, не в Плехановском институте полученным знанием, ему самому неведомым, которое и не знание вовсе в обычном значении затасканного слова, а нечто другое. А что?

Приблизились к водопадам. Машина остановилась, дальше проехать нельзя было. Спутники вышли, ступая по мокрой, не густо заснеженной земле. Водопады застыли. Движение воды оледенело, была только видимость движения, белая видимость былого падения воды. Но вода не умерла, она просто затихла, чтобы спокойно подумать, а **думать – значит вспоминать**. И ты, Амирханов, подумай, тебе надо подумать, надо вспомнить. Онемей и думай» [9, с. 23–24].

Определяя вслед за И.Р. Гальпериным сентенцию как более распространённую единицу по отношению к собственно афоризму, отметим, что в данном авторском размышлении, являющемся развёрнутой сентенцией, представлен афоризм в трёх лексико-синтаксических формах: **мысль есть память о том, что было**; **мысль есть не что иное, как память о том, что было**; **думать – значит вспоминать**. По тематике перечисленные афоризмы можно отнести к философским. С. Липкин задумывается о вечности, о времени. Лексемы *ковчег*, *люди*, *птицы*, *звери* формируют библейский образ Ноева ковчега, отсылают нас к далёкому прошлому и заставляют вспомнить историю появления жизни на земле.

Человеческую способность думать автор неразрывно связывает с функцией памяти. Её писатель присваивает и окружающей природе. Являясь анафорой в сложных предложениях, выражение *скалы помнят* имеет глубокий национально-культурный смысл. Гушано-Тавларская ССР вымышлена, но читатель понимает, что это горский район. Обращаясь к книге Г. Гачева «Национальные образы мира», мы встречаем понятие «космософия»: «Это “мудрость космоса”. Что это значит? Это значит, что Природа, в которой живёт Народ, есть не просто вещество, “территория” ему, а есть некий завет, некий смысл, скрижали завета, которые нужно народу рассчитать и понять» [3, с. 416]. Говоря о космософии Грузии, учёный отмечает: «Главная интуиция – это горы»; «горы – это неизменность, недвижность». Скалы в произведении Липкина символизируют суть жизни горского народа. Так, архетипом равнинных народов, «братом человека по срединности» [3, с. 417] является Дерево. У горских народов такой архетип – горы. В них заключена жизнь памяти.

Другое воплощение памяти в тексте «Декады» – это огонь: «А огонь есть не только тепло очага, сияние светильника и язык человека, **огонь есть неугасимая память о прошлом**» [9, с. 61]. Согласно представлениям философов, мир образуют четыре стихии – Земля, Воздух, Огонь и Вода. Все предметы и явления нашего мира представляют собой смесь этих стихий в разных пропорциях. Без них невозможна жизнь человека, они формируют его Космос. Так, вместе со скалами (горами) огонь является древнейшим архетипом человеческой культуры.

Другая сентенция – ответ на вопрос, что есть доброта: «В русском человеке *злоба* вспыхивает, но доброту сжечь не в силах, **доброта не дрова, не уголь, не керосин, а дух Божий**».

Или, например, первое четверостишие стихотворения «Птицы поют» (1969):

Душа не есть нутро,
А рёв и рык – не слово,
А слово есть *добро*,
И слова нет у *злого*.

В данных контекстах выявляются текстуальные антонимы: добро – злоба. Отражая универсально-типологическое представление о традиционной аксиологической диаде *добро – зло*, С. Липкин представляет индивидуально-авторское видение: доброта – дух Божий, «А слово есть *добро*». Семантическое единство этих определений заключено в библейской фразе: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и *Слово было Бог*» (Святое Евангелие от Иоанна. I, 1) [1, с. 100]. Таким образом, афоризмы-определения не только иллюстрируют глубоко духовное, религиозное мировоззрение поэта, но также являются средством межтекстовой связи стихотворений сборника.

В поэтическом наследии С. Липкина есть стихотворение «Добро» (1960), которое представляет собой афористическое высказывание:

Добро – болван, добро – *икона*,
Кровавый жертвенник земли,
Добро – тоска *Лаокоона*,
И смерть *змеи*, и жизнь змеи.

Добро – ведро на коромысле
И капля из того ведра,
Добро – в тревожно-жгучей мысли,
Что мало сделал ты добра.

Есть разные варианты мифа о Лаокооне. По некоторым источникам (трагедия «Лаокоон»

Софокла), Аполлон запретил Лаокоону, как его жрецу, вступать в брак и иметь детей. Лаокоон же не просто нарушил запрет, но сошелся со своей женой в самом храме Аполлона, находившемся на троянской равнине, за что и был наказан разгневанным богом. По одному из вариантов в том храме, в котором Лаокоон оскорбил Аполлона, змеями были задушены только дети. Сам он был оставлен в живых, чтобы вечно оплакивать свою судьбу [15]. Отсюда и «тоска *Лаокоона*».

Добро, как и память, вечность и другие философские категории, представленные в авторских сентенциях в окружении коррелятов с религиозным значением *дух Божий, икона*, *кровавый жертвенник*, *змея*, *ковчег*, пронизаны высокой духовностью и любовью к жизни. Эта черта определяет специфику языковой личности С. Липкина, которая заключается в религиозно-философском осмыслении действительности. С другой стороны, наличие сентенций в творчестве Липкина указывает на зрелую литературную личность, одной из важнейших черт которой является рефлексия. Авторские сентенции занимают одно из центральных мест в концептуальной структуре художественных текстов и семантически связывают поэзию и прозу С. Липкина в единый культурно-исторический дискурс.

Библиографический список

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. – М.: Российское библейское общество, 2001. – 306 с.

2. *Ворожбитова А.А.* Теория текста: Антропоцентрическое направление: Учебное пособие. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.

3. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.

4. *Гачев Г.* Национальные образы мира. – М.: Советский писатель, 1988. – 448 с.

5. *Демидкина Е.А.* Релевантные признаки жизненной позиции человека в немецкой лингвокультуре (на примере афоризмов с лексическим компонентом «leben») // Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. – Кострома, 5–6 сентября 2006 г. / Отв. ред. Л.Н. Ваулина. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – С. 69–73.

6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

7. *Королькова А.В.* Структура русского афоризма // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. научн.-практ. конференция 17–19 марта 2006 г. – М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2006. – С. 546–551.

8. *Королькова А.В.* Функциональные различия афоризмов – пословиц и поговорок // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвящённая юбилею д.ф.н. проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). – М.: ООО «Издателство “Элпис”», 2008. – С. 80–84.

9. *Липкин С.И.* Декада: Сборник / Послесл. Ст. Рассадина. – М.: Кн. Палата, 1990. – 288 с.

10. *Липкин С.И* Письмена: Стихотворения; Поэмы / Вступ. ст. Ст. Рассадина. – М.: Худож. лит., 1991. – 351 с.

11. *Савенкова Л.Б.* Способы введения афоризмов в текст как отражение коммуникативной установки автора речи // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. научн. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 года): В 2 т. / Отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Издательство БелГУ, 2008. – Т. 2: Идиоматика и когнитивная лингвистика. – С. 205–209.

12. *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. – М.: Наука, 1990. – 419 с.

13. *Фокина М.А.* Авторские сентенции в концептуальной структуре художественного текста (по произведениям русской повествовательной прозы XIX–XX вв.) // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвящённая юбилею д.ф.н. проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). – М.: ООО «Издателство “Элпис”», 2008. – С. 391–393.

14. *Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского народа, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2001. – 288 с.

15. Софокл. Лаокоон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.foxdesign.ru/legend/laokoon2.html

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 78

Александрова Елена Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА ЛИЧНОСТИ

Данная статья посвящена художественной самодеятельности, которая является значительным явлением нашей общественной и культурной жизни и имеет особую социальную значимость. Автор изучает художественную самодеятельность исходя из современных позиций творческой деятельности, ее социально-педагогического потенциала. Предпринята попытка рассмотреть художественную самодеятельность в срезе проблемы формирования социального опыта, социализации, воспитания и развития личности.

Ключевые слова: *социализация, социальный опыт, социальная среда, личность, ценностные ориентации, художественная самодеятельность.*

В настоящее время социокультурная ситуация характеризуется целым рядом негативных процессов, наметившихся в сфере духовной жизни, – утратой духовно-нравственных ориентиров, отчуждение от культуры и искусства детей, молодежи и взрослых. Особую остроту данная проблема приобретает у молодежи. Одной из главных причин этого являются изменения, происшедшие в ценностных ориентациях нынешнего поколения: потеря нравственных ориентиров и обесценивание таких категорий, как Совесть, Честь, Долг. Резко усилившаяся имущественная дифференциация и борьба за элементарный уровень существования создали предпосылки для стихийного формирования нравов, базирующихся на эгоизме, прагматизме и индивидуализме, а недостаточно высокий уровень культуры молодого поколения мешает формированию позитивного социального опыта и толерантных отношений в социуме.

Формирование социального опыта личности представляет собою многосторонний процесс, происходит в различных сферах нашей жизни и осуществляется различными средствами. Поэтому следует считать, что каждая сфера нашей жизни формирует социальный опыт личности исходя из своей специфики и своих средств. Также формирование социального опыта в процессе социализации воспроизводится через частичные виды деятельности. Одним из частичных видов деятельности считается творческая деятельность. Поскольку творческая деятельность всегда активна, она является эффективным средством самореализации творческого и духовного потенциала личности, механизмом формирования социально-позитивной системы ценностей, важным фактором формирования социального опыта и способности социального взаимодействия.

Формирование социального опыта в художественной самодеятельности, которая является одним из видов творческой деятельности, рассматривается как процесс, который обладает способностью формировать человеческую личность, передавать ей ценности, нормы, идеалы, накопленные культурой и отвечающие как общечеловеческим потребностям, так и потребностям данной социальной среды. Являясь процессом, художественная самодеятельность наиболее ярко проявляет свою социальную и воспитательную функцию.

Проблема социальной природы и функции художественной самодеятельности в обществе рассматривается в исследованиях Л.Г. Сафонова, Г.З. Апресяна, П. Рюмина, Т.В. Глумовой, А.Д. Соймонова, И.П. Шитова, Ан. Вартанова, А.И. Емельянова, З.Н. Туктарова, Б. Березина, С. Косолапова и др. Анализ различных точек зрения резюмируется в следующих положениях:

1. Большинство авторов стремится найти системообразующий (интегрирующий) признак художественной самодеятельности, на базе которого художественную самодеятельность можно было бы рассматривать как целостное и многостороннее общественное явление.

2. Многие определения художественной самодеятельности построены по принципу ее связи с решением общих социальных задач общества. В них художественная самодеятельность рассмат-

© Александрова Е.В., 2010

ривается как общественно полезная деятельность, связанная с творчеством народных масс.

3. В ряде определений художественная самодеятельность рассматривается как средство повышения социальной активности личности, стимулирующее становление социальной однородности общества.

Художественная самодеятельность включает в себя создание и исполнение художественных произведений силами любителей, выступающих коллективно (кружки, студии, хоровые коллективы, народные театры) или в одиночку (певцы, чтецы, музыканты, танцоры, акробаты и др.). На базе самодеятельности выросли многие профессиональные драматические и музыкальные театры, ансамбли, хоровые коллективы. За счёт талантливых участников художественной самодеятельности пополняются крупнейшие профессиональные коллективы. К руководству художественной самодеятельностью привлекаются мастера профессионального искусства.

В советское время каждое учебное заведение, практически каждое предприятие имели свои коллективы художественной самодеятельности. Однако сейчас художественная самодеятельность переживает не лучшие времена. В чем это выражается? Во-первых, это проблемы, связанные с финансированием (нехватка помещений, отсутствие материальной поддержки музыкальных коллективов). Во-вторых, падение престижа музыкального образования. Следствием этих условий становится сокращение занятий самодеятельным музыкальным творчеством. В-третьих, причиной самоликвидации самодеятельных коллективов является низкое качество музыкально-педагогической и психолого-педагогической работы.

Однако исследования показывают, что участие в художественной самодеятельности положительно влияет на отношения в организации, где находится коллектив художественной самодеятельности. Для многих участие в художественной самодеятельности повышает их престиж в учебном коллективе, организации. В целом можно сказать, что художественная самодеятельность воспитывает у ее участников:

1) стремление проявить свои дарования и способности, применить их в общественно полезной деятельности;

2) стремление к творческому самоутверждению в коллективе и в связи с этим ощущение чувства собственного достоинства;

3) способность объективировать общественную связь и включаться в нее независимо от ее конкретного вида.

Эти качества личности сохраняются в известной степени и в других видах деятельности (производственной, семейной и т.д.), получая в них свое дальнейшее развитие.

В рамках художественной самодеятельности также формируются в чувственно-наглядной форме отношения между людьми. Эти отношения создаются самими участниками и руководителями, а также зрителями. Такие отношения основаны, во-первых, на добровольном и бескорыстном участии в художественной самодеятельности; во-вторых, на овладении индивидом таким родом (способом) деятельности, который в наибольшей степени соответствует его индивидуальности и раскрывает его разносторонние способности, формируя позитивный социальный опыт; в-третьих, на том, что художественная самодеятельность есть деятельность, приносящая пользу не только участвующим в ней «лично и не их “ближним”, но и “дальним”, то есть всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей» [6, т. 39, с. 32].

Функционирование художественной самодеятельности находится в прямой зависимости от объективных условий ее связи с общественными организациями, от разносторонних качеств руководителей, уровня их общей и специальной подготовки, от понимания ими общественной роли самодеятельного искусства и осознания своего места в этом процессе.

Подлинная социальная функция художественной самодеятельности заключается не только в том, насколько она количественно расширяет границы своего влияния на общество, но тем, насколько эффективно она содействует духовно-нравственному и социальному воспитанию общества, формированию его позитивного социального опыта.

Художественная самодеятельность имеет все необходимые средства для становления личности и формирования ее социального опыта в виде организации, главным образом художественной деятельности, и внутри коллективного общения людей в этом процессе. Участники самодеятельности, во-первых, более свободны от связанности со специальными средствами практической деятельности, имея по существу неограниченные возможности для универсального отражения дей-

ствительности независимо от того или иного вида деятельности человека; во-вторых, в этих средствах наиболее ярко выражается эстетический идеал высшего совершенства общества. В этом смысле художественная самодеятельность способна создавать установку на универсальное развитие личности. Эта установка создается в сознании и в деятельности, прежде всего, участников художественной самодеятельности (в процессе освоения художественного продукта и организации отношений между руководителем, участниками и зрителями).

Однако эта установка не замыкается в рамках художественной самодеятельности, а распространяется на другие виды деятельности. Такое «замыкание» могло бы привести к образованию разрыва между эстетическим идеалом и действительностью, что, безусловно, не соответствовало бы задачам, решаемым художественной самодеятельностью. Особенно важно то, что художественная самодеятельность есть деятельность широких масс, и именно через них установка на универсальность отношения к действительности, создаваемая художественной самодеятельностью, переходит в реальность, в практическую деятельность. Следовательно, данная установка становится своеобразным фоном, активным началом в реальной деятельности, входит в состав реальных общественных отношений, в которых оказывается личность и формирует позитивный социальный опыт.

На этом основании можно сделать вывод о том, что художественная самодеятельность есть одно из средств формирования социального опыта личности, социализации, универсализации и гармонизации общественной среды нашего общества. Социально-педагогический смысл самодеятельности – в органичном сочетании художественно-исполнительского и воспитательного процессов, в придании им острой идейно-нравственной направленности.

Библиографический список

1. *Бодина Е.А.* Воспитательная функция музыки (эволюция и современные тенденции реализации): Дис. … д-ра пед. наук. – М., 1992. – С. 271.

2. *Мудрик А.В.* Социальная педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов / Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002. – С. 9.

3. *Вартанов А.* Самодеятельное художественное творчество и профессиональное искусство // Искусство и народ. – М.; Л.: Наука, 1966.

4. *Березин Б., Косолапов С.* Художественное творчество масс – важная часть духовной культуры общества // Коммунист. – 1973. – №17.

5. *Туктаров З.Н.* Роль самодеятельного искусства в духовном развитии личности // Философские науки. – Алма-Ата, 1971.

6. *Ленин В.И.* Полное собр. соч. – Т. 39.

УДК 37.0:004(0.75.8)

Ананьин Григорий Евгеньевич
Ярославский педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ruferu@rambler.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕЙ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ПЕДАГОГИКЕ

В процессе работы проанализированы взгляды специалистов XIX – первой половины XX века на обучение и воспитание, внесшие вклад в становление идеи системности в педагогике. Данный вклад заключается в рассмотрении педагогических систем как особых объектов исследования с уникальными свойствами, обосновании педагогической методологии, базирующейся на понятии системы, выведении принципов и пределов системного изучения и преобразования образовательно-воспитательного процесса.

Ключевые слова: *идея системности, система, упорядоченность, целостность, эпизодичность.*

В настоящее время в дидактике и теории воспитания идея системности, предусматривающая рассмотрение интересующих нас объектов в качестве систем, является одной из наиболее распространенных и признается одной из наиболее перспективных. Обычно считается, что таковой данная идея стала в 1960–1970-е годы, что было связано с бурным ростом системных исследований и оформлением в педагогике особого методологического направления – системного подхода. Однако сам термин «система» известен на протяжении многих веков, он употреблялся в педагогической литературе намного раньше указанного временного рубежа, и само его существование оказывало влияние на развитие педагогической мысли. На наш взгляд,

 © Ананьин Г.Е., 2010

наиболее ярко это влияние проявлялось, начиная с XIX века, в попытках описать, построить и обосновать такую методологию, где бы понятие системы вступало в качестве главного. В данной статье мы попытались рассказать о данных попытках и проанализировать их. Это позволит, как мы полагаем, лучше понять истоки современных представлений о педагогической деятельности как системном процессе.

Исходя из проведенного нами исследования, мы можем сказать: по-видимому, вопрос о систематической методологии как о чем-то особом, что можно противопоставить иным взглядам на обучение и воспитание, был поставлен в первой половине XIX века. Некоторые исследователи считают, что и возникновение системного подхода вообще следует связать с этим временем, с трудами К. Маркса и Г.Ф. Гегеля. Уже в трудах А. Дистервега (1790–1866) встречается термин «принцип систематичности», который сам исследователь подвергает критике и называет порочным [2]. Оценивая данное высказывание, следует иметь в виду, что в то время в науке господствовал взгляд на систему как на комплекс жестких, незыблемых мероприятий и положений. Современные идеи системного подхода о динамической системе или даже о системе, адекватной запросам каждого учащегося или воспитанника, тогда распространения еще не получили. Как отмечал еще В.Н. Вишняков, здесь имела место быть путаница понятий, и А. Дистервег не отрицал идею системности, а употреблял данный термин в особом значении, противопоставленном догматическому преподаванию.

В дальнейшем попытки охарактеризовать системную методологию при другом отношении к ней делались неоднократно. П.Ф. Лесгафт называл систематическим методом метод теоретический, приводя эти понятия в качестве синонимов. Однако не любая теория, по мнению П.Ф. Лесгафта, имеет черты систематически организованного научного знания. Исследователь приводит следующие принципы данного метода (главным образом для воспитания, отчасти также для обучения):

– переход от простого к сложному;

– разъединение отдельных представлений;

– сравнение данных представлений;

– вывод общих положений;

– применение упомянутых положений на практике [7, с. 188].

П.Ф. Лесгафт в своих собственных трудах избегает подробного разъяснения каждого из данных принципов, однако нетрудно увидеть, как мы считаем, что их перечень представляет собой последовательность этапов, с помощью которой реализуется метод. Подобный способ описания применялся впоследствии и по отношению к системному подходу, в частности, Ю.А. Конаржевским, который выделял следующие принципы:

– рассмотрение предметов как систем;

– выявление в системе определенного множества элементов;

– установление способа связей между элементами;

– определение иерархии в системе;

– выявление связи системы с внешней средой;

– выделение системообразующих связей;

– рассмотрение частей системы как систем;

– познание свойств системы через ее элементы, а элементов – из характеристик системы;

– фиксация предмета системного анализа в непрерывном изменении [3, с. 40–41].

Нетрудно, на наш взгляд, заметить, что, наряду со сходством по форме, в двух приведенных перечнях наблюдается и сходство по сути. Под этим нужно понимать следующее: некоторые принципы Ю.А. Конаржевского и П.Ф. Лесгафта определенным образом перекликаются (например, выявление множества элементов и разъединение отдельных представлений соответственно). Различие между А. Дистервегом и П.Ф. Лесгафтом проявилось не только в том, что последний приводит более строгое описание системной организации педагогического процесса, но и в том, что данные исследователи имели разные взгляды на ее потенциал в теории воспитания и обучения. Согласно П.Ф. Лесгафту, систематический метод имеет четкую сферу приложения, во всяком случае, в воспитании: он полезен в школьном воспитании, но непригоден для домашнего. (То есть понятие системы домашнего воспитания лишено смысла.) Более поздние идеи в отношении системного подхода и представления о нем как об универсальном методологическом направлении, связанные с трудами Л. Берталанфи и А.А. Богданова, тогда, разумеется, еще не получили распространения.

Несколько позднее Г. Шаррельман писал о принципе систематичности в дидактике, противопоставляя его так называемому принципу эпизодичности. (Заметим, что и в настоящее вре-

мя в качестве противопоставления или дополнения системному подходу нередко упоминают подход ситуативный.) Г. Шаррельман, подобно П.Ф. Лесгафту, считал, что применение принципа систематичности не универсально, однако оно ограничено не условиями обучения и воспитания, а тем, на каком этапе находятся данные процессы (систематичность осуществляется только вслед за эпизодичностью) [8]. Таким образом, здесь вводятся временные рамки.

Развитие и углубление подобных представлений осуществил С.И. Гессен в своем главном труде «Основы педагогики» (1920-е годы). Представления С.И. Гессена о системном характере педагогического процесса были с достаточной полнотой изложены в его главном труде «Основы педагогики», опубликованном в 1920-е годы и высоко ценимом вплоть до настоящего времени за ясность и глубину изложения. Не давая исчерпывающей картины сегодняшних системных представлений, можно сказать следующее: построение процесса обучения или воспитания как системных явлений различается по набору процедур, но между ними существует связь. Примерно те же взгляды были характерны и для С.И. Гессена. Для так называемой «теории научного образования», или, выражаясь современным языком, дидактики, автор вводит понятие «систематического курса» и приводит его главную характеристику: данный курс «не приходит к элементам, а исходит от них, как из основных положений, выраженных в определениях и аксиомах или первых законах и фактах» [1, с. 295]. Под этим нужно понимать следующее: для каждой дисциплины, изучаемой в школе, существует небольшое число начальных понятий, и на их основе выводятся все другие. Так, для геометрии в роли понятий подобного рода выступают пространство и точка, для истории – хронологические периоды.

В теории воспитания, по С.И. Гессену, существует аналог систематического метода, в роли которого выступает ступень гетерономии или ступень права, основная особенность которой – подчинение поведения некоторому четкому своду правил. Именно правило, или элемент права, играет в гетерономии роль начального понятия и является столь же отвлеченной величиной, как точка в геометрии, поскольку исходят не из особенностей конкретного человека. С.И. Гессен описывал подобное явление следующим образом: «Нормы права применяются однообразно ко всем лицам, имеют в виду средний случай и средний тип человека, игнорируя индивидуальный путь каждой личности» [1, с. 90].

Гетерономия и систематический курс, согласно представлениям исследователя, «объединены принципом целостности» [1, с. 297], и между ними имеется «не просто внешняя аналогия, но глубокое внутреннее родство» [1, с. 297]. Для С.И. Гессена, на наш взгляд, вообще характерно было подчеркивать связь воспитания и образования; это неоднократно делалось и до него, но он впервые, как мы считаем, основывал эту связь на представлениях о системе. Например, С.И. Гессен в разделе «Теория научного образования» писал: «Всякая научная система есть плод взаимодействия двух факторов – формального начала “метода” и материального начала “опыта”» [1, с. 297]. И далее он отмечал, что к опыту относится созерцание «философских сущностей Истины, Добра и Красоты» [1, с. 297], то есть, как считали многие педагоги, в том числе и сам С.И. Гессен, непременных компонентов цели воспитания.

Другой оригинальной мыслью С.И. Гессена, как мы считаем, нужно признать следующую: он впервые четко проводил мысль, что, упоминая о систематичности в воспитании, тем более, об основанной на ней методологии, невозможно умолчать о системе как особом объекте исследования. С.И. Гессен свободно оперирует термином «педагогическая система» и, опираясь на И. Канта, выделяет три ее признака:

– единство;
– расчлененность;
– непрерывность [1, с. 295].

Одновременно С.И. Гессен говорит, что объект, обладающий такими свойствами, характеризуется не только упорядоченностью, когда существует четкая структура, в которой каждый элемент занимает свое определенное место, будь то своевременно изучаемая часть учебного материала или подчиненный нормам внутришкольного распорядка и имеющий определенные права и обязанности ученик. Критикуя старый школьный курс, «следовавший в своем расположении материала логическому порядку системы» [1, с. 295], С.И. Гессен замечает, что «система как целое была задавлена массою тех частностей, из которых слагался материал» [1, с. 295]. Данные слова уже весьма близки современному толкованию идеи системности, которая предусматривает не только выделение многообразных элемен-

тов и связей, но, прежде всего, ориентирована на раскрытие целостности объекта. В преподавании это подразумевает особый акцент на связности передаваемой информации, в воспитании – организацию всех влияний на личность с учетом поставленной цели.

Свой систематический курс и гетерономию С.И. Гессен противопоставляет эпизодическому подходу, который основан на мысли, что «в преподавании надо исходить не из логически простого и абстрактного, а из практически-конкретного, жизненного» [1, с. 277]. Правильнее даже будет сказать, что оба методологических принципа выступают в качестве взаимоисключающих явлений лишь на отдельных временных промежутках. В отношении же школьного образования и воспитания в целом они являются скорее дополняющими началами. Заметим, что и в настоящее время учебные процессы, построенные на основе системности или эпизодичности, упоминают в качестве противопоставления или дополнения друг другу. Систематический курс, по мнению С.И. Гессена, хорош, начиная лишь со средних классов, в младших же преждевременен. С этих позиций С.И. Гессен критикует, например, идеи И.Г. Песталоцци за «преждевременную систематичность», то есть за то, что швейцарский педагог не выделял возрастных периодов как ограничительных рамок для систематической организации обучения и воспитания.

Обобщая вышесказанное, можно, на наш взгляд, сделать вывод, что вклад А. Дистервега, П.Ф. Лесгафта, С.И. Гессена и Г. Шаррельмана в становление системных идей в педагогике заключался в следующем:

– обоснование педагогической методологии, базирующейся на понятии системы. Подобная методология оформилась впоследствии, в 1960–1970-е годы, благодаря трудам Ф.Ф. Королева [4], Л.И. Новиковой, А.Т. Куракина [6];

– перенесение в педагогику представлений о системе как особом объекте изучения, которые прежде сложились в иной науке (философии). В более позднее время педагоги-системологи подобным образом заимствовали многие идеи у биолога Л. Берталанфи, философа А.А. Богданова и математика Н. Винера;

– выделение принципов системного изучения и преобразования учебно-воспитательного процесса. В 1970-е годы подобным вопросом занимались, например, Ю.А. Конаржевский и Н.В. Кузьмина;

– обоснование роли системных представлений как основы, одинаково пригодной для исследования и перестройки в равной степени обучения и воспитания. В настоящее время после ряда дискуссий данная мысль является практически общепринятой в среде системологов;

– рассмотрение вопроса о допустимых границах использования системных идей в педагогике. Данная проблема не потеряла своей остроты и в дальнейшем. В частности, А.Г. Кузнецова выделяла «осмысление относительности и ограниченности системного описания педагогического объекта» [5, с. 28] как необходимую познавательную процедуру.

Таким образом, ряд ученых, чья деятельность приходится на XIX и первую половину XX века, выступил в роли предтечи плеяды специалистов, которые плодотворно работали над системной организацией обучения и воспитания во второй половине XX века. В определенном смысле допустимо утверждать, что авторы, чьи воззрения анализировались нами в данной статье, опередили свое время, отчасти поэтому в прошлом «систематический метод» и «гетерономия» не сыграли такой роли, какую системный подход играет сегодня. Но, как мы считаем, тем интереснее будет для современного читателя ознакомление с идеями А. Дистервега, П.Ф. Лесгафта, Г. Шаррельмана и С.И. Гессена, которые позволяют понять истоки не только современных направлений, но и проблем целостной организации обучения и воспитания.

Библиографический список

1. *Гессен С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с.

2. *Дистервег А.* Избранные педагогические сочинения. – М.: Учпедгиз, 1956. – 376 с.

3. *Конаржевский Ю.А.* Педагогический анализ как основа управления школой. – Челябинск: Челябинский пединститут, 1978. – 104 с.

4. *Королев Ф.Ф.* Системный подход и особенности его применения в педагогических исследованиях // Советская педагогика. – 1970. – №9. – С. 103–115.

5. *Кузнецова А.Г.* Развитие системного подхода в отечественной педагогике конца 60-х – 80-х годов XX века: Автореф. дис. … д-ра пед. наук. – Хабаровск, 2000. – 35 с.

6. *Куракин А.Т., Новикова Л.И.* О системном подходе в исследовании проблем воспитания // Советская педагогика. – 1970. – №10. – С. 99–108.

7. *Лесгафт П.Ф.* Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1988. – 400 с.

8. *Шаррельман Г.* Трудовая школа. – М.: Работник просвещения, 1924. – 104 с.

УДК 159.924.24

Банюхова Анастасия Евгеньевна
banyuhova@gmail.com,
Шемелина Ольга Сергеевна
кандидат физико-математических наук
Новосибирский государственный технический университет
olga-shem@yandex.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ

В результате анализа существующих литературных источников и проведенного эмпирического исследования сделана попытка определения психологического содержания социальной креативности личности. В структуре взаимосвязанных элементов социальной креативности обнаруживается единство мотивационных, коммуникативных, интеллектуальных и экзистенциальных параметров.

Ключевые слова: *творческий потенциал, типы креативности, социальная креативность, самоактуализация, межличностные отношения.*

Все большее распространение получает комплексный взгляд на креативность: рассматривается функциональная структура взаимодействующих когнитивных и личностных составляющих творческой личности, а также взаимозависимость индивида и его окружения на протяжении всего процесса творческой деятельности. Следовательно, творческий потенциал человека может проявляться не только в предметной сфере, но и в сфере общения. Таким образом, в последнее десятилетие выделяются интеллектуальная и социальная разновидности креативности. Рассмотрев существующие исследования по данной проблеме (В.Н. Дружини [5], Д.Б. Богоявленская [3], А.А Попель [11], Н.А. Тюрьмина [13], С.Ю. Канн [6], А.А. Голованова [4], Н.В. Мартышкина [7], Т.Ю. Осипова [9], О.Ф. Остроумова [10], C. Mouchiroud [15], T. Lubart, Li-Min Chuang [14], R.E. Purser [16], A. Montuori), мы определяем социальную креативность как комплексное качество личности, позволяющее понимать и анализировать причины и динамику различных социальных ситуаций, а также принимать эффективные, творческие, нестандартные решения ситуаций межличностного взаимодействия.

В данной статье будут рассмотрены личностные корреляты социальной креативности студентов. Исследование было разделено на два этапа. Задачей **первого** этапа явилось обнаружение особенностей проявления креативности (вербальной и образной) в контексте межличностных отношений. В соответствии с выявленными особенностями; на **втором** этапе рассматривалась вербальная креативность как компонент социальной креативности, определялись личностные предпосылки данного типа креативности.

На первом этапе исследования (2005–2006 гг.) [1] приняли участие студенты экономических специальностей 3 курса Новосибирского государственного технического университета. Возраст: 18–22 года. Общий объем выборки составил 233 человека. Используемые методики: ассоциативный тест С. Медника, тест «Круги» Е. Торренса, социометрическая методика. Для обработки использовались методы математической статистики.

В результате было получено, что в группе лидеров количество студентов с высокой вербальной креативностью значимо больше, чем в группе отвергаемых (φ=1,63; $p \leq 0,05$; φ – значение по методу углового преобразования Фишера). А количество студентов с высокой образной креативностью, напротив, значимо больше в группе отвергаемых, в отличие от группы лидеров (φ=1,69; $p \leq 0,05$).

Данный результат позволил предположить, что разные типы креативности могут как способствовать, так и препятствовать продуктивной адаптации студентов в группе. Возник вопрос о существовании разных типов креативности. В последнее десятилетие в психологии творчества все чаще употребляется термин «социальная креативность». Последующий анализ литературы и существующих эмпирических исследований позво-

 © Банюхова А.Е., Шемелина О.С., 2010

лил выдвинуть гипотезу о том, что вербальная креативность, возможно, является компонентом более общего и структурного свойства личности, такого как социальная креативность.

Необходимость дифференциации креативности в зависимости от содержания жизненной активности человека обусловлена, прежде всего, тем, что бытие человека имеет две основные формы: форму предметной деятельности и форму общения. Общение является самостоятельной и специфической формой активности. Его результат – это не преобразованный предмет, а отношения с другим человеком, с другими людьми.

Опираясь на имеющиеся в литературе представления о структуре социальной креативности, модели коммуникативного потенциала личности и на концепцию психологической структуры креативности как системного психического образования Т.А. Барышевой [2], мы попытались определить социальную креативность как комплексное качество личности, включающее мотивационные, когнитивные, коммуникативные, эмоциональные и экзистенциальные параметры.

Раскрывая структуру социальной креативности, мы исходили, прежде всего, из того понимания творческого потенциала личности, которое представлено в рамках гуманистического подхода. Особо отметим три принципиально важных момента. Во-первых, в рамках данного подхода понятие креативности тесно связано с понятием самоактуализации, саморазвития личности человека; во-вторых, способность к творчеству может быть реализована в любых сферах деятельности человека, в том числе и в сфере социального взаимодействия; в-третьих, данная способность присуща каждому человеку в той или иной степени.

Социальная креативность – это явление с двойственной природой: с одной стороны, ее можно определить как средство творческого преобразования социальной среды, с другой – бесконечный процесс постоянного преобразования как социальной ситуации, так и самого субъекта социального взаимодействия.

Таким образом, *задачей второго этапа* (2007–2009 гг.) исследования явилось обнаружение личностных предпосылок социальной креативности. С учетом выделенных структурных компонентов была разработана диагностическая программа. Диагностика эмоциональных, мотивационных, когнитивных, поведенческих и экзистенциальных предпосылок социальной креативности была осуществлена при помощи таких психометрических методик, как: опросник «САМОАЛ» Н.Ф. Калиной для определения показателей самоактуализации (особое внимание вызывают такие шкалы, как «креативность», «ценности», «контактность», «гибкость в общении»); тест социального интеллекта Гилфорда-Салливена; ассоциативный тест С. Медника, выявляющий вербальную креативность; опросник В.В. Бойко на определение уровня эмпатии; тест смысложизненных ориентаций.

Рис. 1. Распределение по уровням показателей самоактуализации по шкалам в группе с низкой вербальной креативностью.

Условные обозначения к рисункам 1 и 2: 1 – Ориентация во времени; 2 – Ценности; 3 – Взгляд на природу человека; 4 – Потребность в познании; 5 – Креативность; 6 – Автономность; 7 – Спонтанность; 8 – Самопонимание; 9 – Аутосимпатия; 10 – Контактность; 11 – Гибкость в общении; 12 – Самоактуализация (общий показатель)

Рис. 2. Распределение по уровням показателей самоактуализации по шкалам в группе с высокой вербальной креативностью

После диагностического этапа исследования, в котором приняли участие студенты технических и гуманитарных специальностей НГТУ (n=359), полученные показатели были обработаны с помощью метода углового преобразования Фишера. Основанием для деления на группы явился показатель вербальной креативности. Выборка была разделена на три группы по уровню вербальной креативности – высокий, средний, низкий. Последующая обработка осуществлялась путем сравнения групп с высокой (n=58) и низкой (n=48) вербальной креативностью и выявления значимых различий между этими группами по показателям психодиагностических методик.

По методике на выявление уровня самоактуализации «САМОАЛ» (рис. 1, 2) значимые различия были обнаружены по таким шкалам, как «Потребность в познании» (φ=5,8; $p \leq 0,01$), «Автономность» (φ=2,3; $p \leq 0,01$), «Креативность» (φ=2,2; $p \leq 0,05$), «Спонтанность» (φ=2,13; $p \leq 0,05$), «Аутосимпатия» (φ=3,1; $p \leq 0,01$), «Самопонимание» (φ=2,29; $p \leq 0,05$), «Контактность» (φ=1,7; $p \leq 0,05$), «Гибкость в общении» (φ=2,47; $p \leq 0,01$). Кроме того, значимые различия были обнаружены и по общему показателю самоактуализации (φ=1,99; $p \leq 0,05$).

Представленные гистограммы (рис. 1 и 2) показывают полученные распределения по уровням показателей всех шкал для используемых в исследовании методик. По оси Y показано процентное соотношение испытуемых по уровням выраженности признаков (высокий, средний, низкий).

Сравнение групп по методике Гилфорда-Салливена «Социальный интеллект» (рис. 3) выявило значимые различия по следующим шкалам: «Поведенческая сензитивность» (φ=1,7; $p \leq 0,05$); «Вербальная сензитивность» (φ=3,2; $p \leq 0,01$) и «Социальный интеллект – общий показатель» (φ=2,03; $p \leq 0,05$).

Рис. 3. Распределение по уровням показателей по методике «Социальный интеллект» в группах с низкой и высокой вербальной креативностью.

1 – Субтест 1, Поведенческая сензитивность; 2 – Субтест 2, Невербальная сензитивность; 3 – Субтест 3, Вербальная сензитивность; 4 – Субтест 4, Поведенческая сензитивность (динамика ситуаций); 5 – Общий показатель по всем шкалам, Социальный интеллект

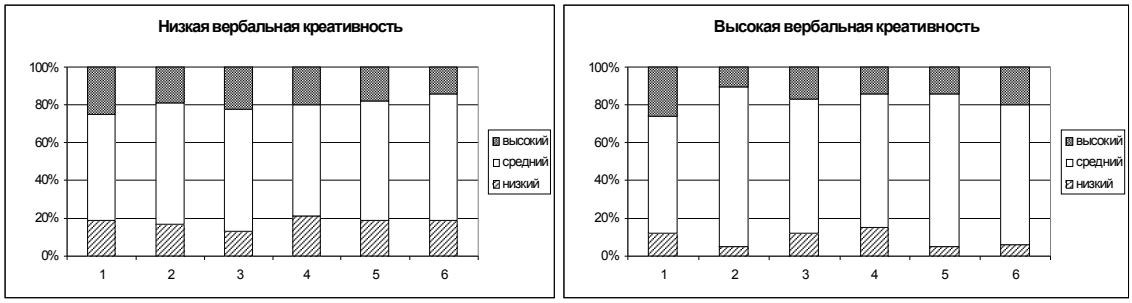

Рис. 4. Распределение по уровням показателей Теста смысложизненных ориентаций в группах с низкой и высокой вербальной креативностью.
1 – Цели; 2 – Процесс; 3 – Результат; 4 – Локус контроля-Я; 5 – Локус контроля-Жизнь; 6 – Общий показатель осмысленности жизни

По выраженности различных параметров теста смысложизненных ориентаций (рис. 4) также были обнаружены значимые различия. В группе лиц с высокой вербальной креативностью значимо меньше людей, имеющих низкие значения по таким шкалам, как «Процесс» (φ=1,98; $p \leq 0,05$), «Локус контроля-Жизнь» (φ=2,28; $p \leq 0,05$) и по общему показателю осмысленности жизни (φ=1,9; $p \leq 0,05$).

Сравнение показателей методики В. Бойко (тест «Эмпатия») в двух группах выявило значимые различия по следующим характеристикам (рис. 5): «Интуитивный канал эмпатии» (φ=2,73; $p \leq 0,01$); «Проникающая способность в эмпатии» (φ=2,29; $p \leq 0,05$); «Идентификация» (φ=1,89; $p \leq 0,05$), а также по общему показателю «Эмпатия» (φ=1,88; $p \leq 0,05$).

Полученные результаты показывают, что лица с высокой вербальной креативностью характеризуются более выраженными психологическими свойствами (мотивационными, коммуникативными, эмоциональными и экзистенциальными) по сравнению с низкокреативными, что соответствует структуре социальной креативности личности. Возвращаясь к гипотезе о том, что вербальная креативность является компонентом более комплексного психологического свойства – социальной креативности, которая актуализируется в межличностном взаимодействии, и на основании полученных **результатов**, мы можем выделить вербальную креативность в качестве *когнитивного* компонента. В соответствии с этим рассмотрим остальные структурные компоненты социальной креативности – мотивационный, коммуникативный, эмоциональный и экзистенциальный.

Как видно из полученных результатов, социальная креативность предполагает выраженность творческого отношения к жизни, стремление к личностному росту, самосовершенствованию, к самоактуализации. На наш взгляд, эта характеристика личности выражает наиболее общую *мотивационную* составляющую социальной креативности, ориентацию личности на гармонию

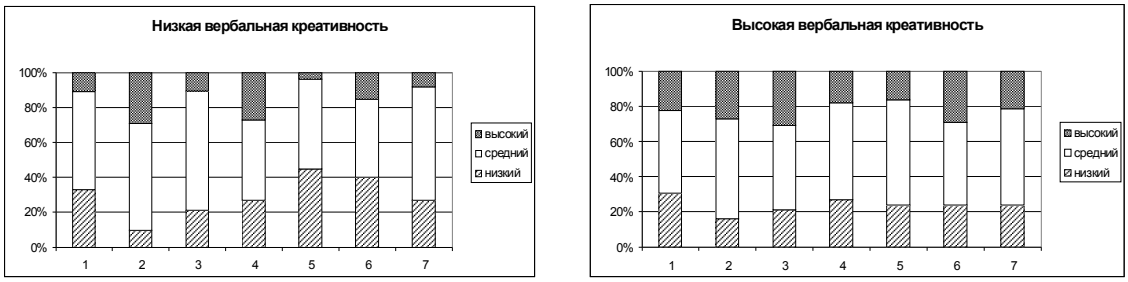

Рис. 5. Распределение по уровням показателей методики В. Бойко в группах с низкой и высокой вербальной креативностью.
1 – Эмоциональный канал эмпатии; 2 – Рациональный канал эмпатии; 3 – Интуитивный канал эмпатии; 4 – Установки, препятствующие эмпатии; 5 – Проникающая способность; 6 – Идентификация; 7 – Эмпатия (общий показатель)

и баланс внутри себя, на поиск путей и возможностей реализации своих потенциалов. Основополагающим для социальной креативности является и чувствительность к себе, самопонимание. Человек в достаточной степени отдает себе отчет в своих потребностях и чувствах, что приближает его к собственной сущности. По А. Маслоу [8], только личность, достигшая определенной степени такого внутреннего баланса, обладает потенциалом к продуктивному социальному взаимодействию с другими людьми.

Творческая реализация социального взаимодействия требует от личности не просто владения различными коммуникативными навыками-умениями. Здесь необходим более глубокий уровень владения коммуникативными средствами, обеспеченный более глубоким развитием личностных способностей. В результате исследования выявлены такие *коммуникативные* особенности высококреативных студентов, как вербальная сензитивность и поведенческая сензитивность. Вербальная сензитивность – это способность использовать языковые средства адекватно ситуации общения и воспринимать информацию без смысловых искажений. Поведенческая сензитивность проявляется в способности адекватно интерпретировать поведение других людей, а также использовать различные поведенческие стили во взаимодействии с другими людьми в соответствии с социальной ситуацией.

Эмоциональный компонент социальной креативности обнаруживается в способности понять и почувствовать эмоциональное состояние другого человека, в проявлении эмпатии. К. Роджерс [12] считал эмпатическое понимание одним из необходимых условий, способствующих созидательному творчеству. В качестве механизмов познания эмоционального мира другого человека были выявлены такие, как идентификация и проникающая способность. Идентификация – это умение понять другого на основе сопереживаний, постановки себя на место партнера. В основе идентификации лежат легкость, подвижность и гибкость эмоций, способность к подражанию. Проникающая способность в эмпатии расценивается как свойство, позволяющее создавать атмосферу открытости и доверительности. По нашему мнению, эмпатия и выявленные механизмы являются важными компонентами в структуре социальной креативности, поскольку сопровождают процесс общения и способствуют поддержанию эмоционального фона в условиях проявления социального творчества.

Смысложизненные ориентации каждого человека – это набор свойственных только данной личности ценностей и целей, которые она выбрала как основополагающие своего существования. В структуре социальной креативности *экзистенциальные* параметры составляют особую группу качеств. Наличие у человека цели придает жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, а также влияет на то, как человек интерпретирует мир, реагирует на него и наделяет смыслом собственное поведение и переживания. Таким образом, экзистенции становятся для человека креативным свойством, когда сам человек осознает себя самореализующимся, свободным и открытым к новым формам мышления и взаимодействия.

В результате проведенного исследования можно сделать **вывод** о том, что социальная креативность представляет собой комплексное качество личности, позволяющее находить оригинальные и конструктивные решения в ситуациях межличностного взаимодействия. В структуре взаимосвязанных элементов социальной креативности обнаруживается единство мотивационных, коммуникативных, интеллектуальных, эмоциональных и экзистенциальных параметров, каждый из которых представляет собой отдельный блок личностных характеристик и проявлений, имеющих определенное значение в процессе межличностного взаимодействия. В связи с этим можно предположить, что общий уровень развития социальной креативности субъекта определяется уровнем развития каждого из названных компонентов ее структуры.

Феномен социальной креативности в настоящее время мало изучен. Анализ литературы показал незначительное количество исследований в данной области. В то же время изучение социальной разновидности творчества имеет большое значение. В процессе жизни человек довольно часто сталкивается с проблемными ситуациями межличностного характера. Более того, успешность предметной деятельности определяется искусством построения взаимоотношений с окружающими людьми.

Библиографический список

1. *Банюхова А.Е.* Социальное поведение творческой личности // Вестник Санкт-Петербургско-

го университета. – 2009. – Вып. 2. – Ч. 1.– С. 271–276.

2. *Барышева Т.А*. Креативность. Диагностика и развитие: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 257 с.

3. *Богоявленская Д.Б*. Две парадигмы – два вектора создания нового // Российский психологический журнал. – 2006. – №4. – С. 37–44.

4. *Голованова А.А*. Коммуникативная креативность субъекта как фактор эффективности группового решения задач: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – Казань, 2003. – 23 с.

5. *Дружинин В.Н*. Психология творчества // Психолог. журн. – 2005. – №5. – С. 101–110.

6. *Канн С.Ю*. Изучение взаимосвязи креативности общения и креативности мышления студентов: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – Рязань, 1997. – 22 с.

7. *Мартышкина Н.В*. Психологические особенности коммуникативного творчества и развития коммуникативной креативности дошкольников: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с.

8. *Маслоу А.Г*. Самоактуализированные люди: Исследования психологического здоровья. – М., 2000. – 258 с.

9. *Осипова Т.Ю*. Психологические условия развития коммуникативной креативности у студентов технического вуза (на материалах спецкурса «Психология общения»): Автореф. дис. … канд. психол. наук. – Томск, 2000. – 26 с.

10. *Остроумова О.Ф*. Развитие коммуникативной компетенции студентов факультета иностранных языков в условиях организации креативного учебного процесса: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Чебоксары, 2006. – 19 с.

11. *Попель А.А*. Психологические условия развития социальной креативности студентов в процессе профессиональной подготовки: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 24 с.

12. *Роджерс К*. Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 479 с.

13. *Тюрьмина Н.А*. Креативность в сфере общения: психологические особенности, условия формирования в подростковом возрасте: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – Казань, 2004. – 18 с.

14. *Chuang Li-Min*. The social psychology of creativity and innovation: process theory (PT) perspective // Social Behavior and Personality. – 2007. – №35 (7). – 875–888 p.

15. *Mouchiroud C., Lubart T.* Social creativity: A cross-sectional study of 6- to 11-year-old children // International Journal of Behavioral Development. – 2002. – №26 (1). – 60–69 p.

16. *Purser R.E., Montuori A*. Social creativity. – Cresskill, NJ: Hampton Press., 1999. – Vol. 2. – 345 p.

УДК 159.9.072.43+316.6

Борисов Руслан Викторович
кандидат психологических наук,
Зульфикаров Шамиль Магомедович
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)
borisovr@list.ru

ДЕФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Статья посвящена изучению влияния деформации этнической идентичности на социальную адаптацию студентов вузов. Исследование проведено в республике Дагестан в 2010 году. Результаты исследования подтверждают факт влияния деформации этнической идентичности на процесс социальной адаптации студентов высших учебных заведений.

***Ключевые слова**: этническая идентичность, деформация этнической идентичности, социальная адаптация, студент, республика Дагестан.*

Издревле Дагестан считался многонациональной республикой. На ее небольшой территории жило и живет бок о бок множество самых различных этносов. Факт полиэтничности республики обнажает проблему этнической идентичности, особенно в последнее время. Во взаимодействии представителей разных этносов, несомненно, проявляется их принадлежность к тому или иному типу этнической идентичности (позитивная этническая идентичность, этноэгоизм и др.), которая может привести как к положительным, так и отрицательным последствиям. Одним из видов отрицательных последствий может быть нарушение социальной адаптации, которая может привести к ограничению круга общения вплоть до его полного исчезновения, изменится самооценка человека, его ценностные ориентации и др.

Как правило, наиболее ярко это может проявиться у представителей полярных типов этнической идентичности: этнического фанатизма и этноущемленности, как крайнего проявления этнического нигилизма.

Студенчество – период жизни, в процессе которого наиболее четко проявляется принадлежность к тому или иному типу этнической иден-

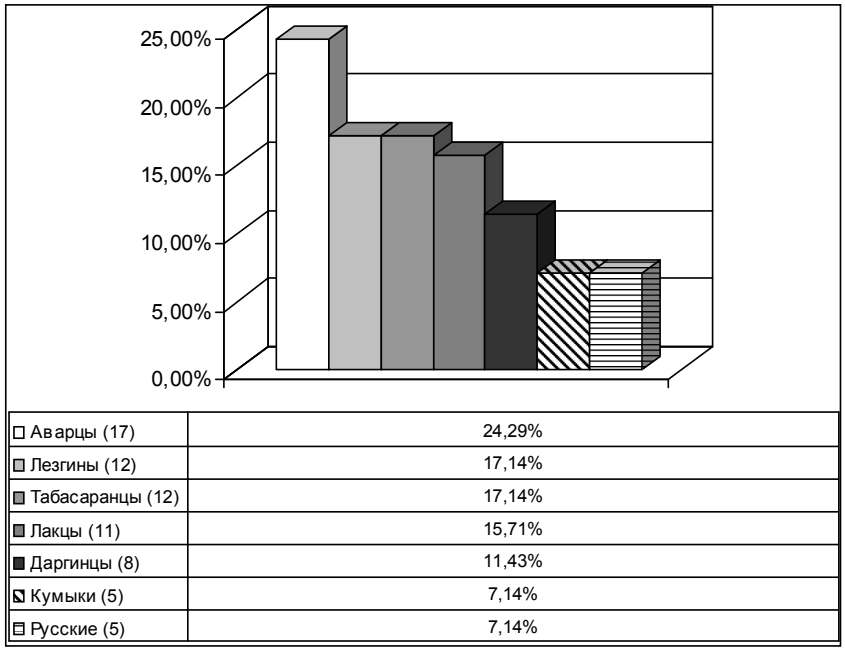

Рис. 1. Национальный состав респондентов

 © Борисов Р.В., Зульфикаров Ш.М., 2010

тичности, т.к. школьное образование многие получают в моноэтнических районах Дагестана, где нет такой полиэтнической среды, как в городах республики. Дело в том, что большая часть населения получает первый опыт взаимодействия с представителями другого этноса именно с началом момента обучения в городе, будь то высшее учебное заведение или же среднеспециальное.

В настоящее время проблеме этнической идентичности посвящены работы таких ученых, как С.К. Бондырева, Р.В. Борисов, З.М. Гаджимурадова, Л.М. Дробижева, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец и др.

Обзор теоретической базы по данной проблематике позволил сделать выводы о том, что на процесс социальной адаптации студента вуза влияют тип и содержание этнической идентичности личности. Проблемы в процессе социальной адаптации, главным образом, вызывают «крайние» (полярные) типы этнической идентичности, такие как этнофанатизм и этническая ущемлённость. В структуру процесса социальной адаптации входят психофизиологический, социально-психологический и собственно личностный компоненты. Эти компоненты были изучены в эмпирическом исследовании, результаты которого представлены в данной статье.

Нами изучалось влияние деформации этнической идентичности на социальную адаптацию студентов вуза.

В качестве респондентов выступили студенты факультета психологии, филологического факультета (отделение дагестанской филологии) и факультета востоковедения Дагестанского государственного университета. Всего 70 человек. Из них: 46 студентов – девушки (65,71%) и 24 – юноши (34,29%). Средний возраст респондентов – 18 лет. Выборка производилась методом случайных чисел и отвечает требованиям репрезентативности. Национальный состав респондентов представлен на рисунке 1.

Для выяснения типов этнической идентичности, присущих студентам вуза, мы воспользовались методикой «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, В.С. Рыжовой. Данная методика состоит из 30 высказываний. Испытуемым необходимо было выразить согласие или несогласие с приведёнными высказываниями. Подсчитывался процент согласия / несогласия с указанными утверждениями и, таким образом, выявлялся тип этнической идентичности.

Для того чтобы выяснить социальную адаптированность респондентов, была использована «Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» Т. Холмса и Р. Раге. Методика состоит из списка 43 жизненных событий, респонденту необходимо отметить те, что произошли в его жизни в течение последнего года. Каждое событие оценивается соответствующим количеством баллов, затем все набранные баллы суммируются. Полученный результат – мера жизненных событий – отражает уровень социальной адаптированности, уровень стресса и одновременно степень сопротивляемости стрессу.

Таблица 1

Результаты обработки опросных листов по методике «Типы этнической идентичности»

Тип этнической идентичности	Кол-во респондентов, %
Позитивная этническая идентичность (норма)	57,14
Этноиндифферентность	21,43
Этноизоляционизм	4,29
Этнофанатизм	10
Этнонигилизм	7,14

Таблица 2

Взаимосвязь типов этнической идентичности со степенью социальной адаптации

Тип этнической идентичности	Степень социальной адаптированности и стрессоустойчивости
Позитивная этническая идентичность (норма)	Высокая (≈160 баллов)
Этноиндифферентность	Высокая (≈183 балла)
Этноизоляционизм	Пороговая (≈205 баллов)
Этнофанатизм	Пороговая (≈287 баллов)
Этнонигилизм	Низкая (≈310 баллов)

Таблица 3

Взаимосвязь типов этнической идентичности со степенью агрессивности

Тип этнической идентичности	Общий уровень агрессивности
Позитивная этническая идентичность (норма)	Средний (≈ 2,9 балла)
Этноиндифферентность	Низкий (≈ 2,2 балла)
Этноизоляционизм	Средний (≈ 2,9 балла)
Этнофанатизм	Высокий (≈ 3,3 балла)
Этнонигилизм	Средний (≈ 2,9 балла)

Таблица 4

Взаимосвязь типов этнической идентичности со степенью депрессивности

Тип этнической идентичности	Выраженность симптомов депрессивности
Позитивная этническая идентичность (норма)	Отсутствие (≈ 7,2 балла)
Этноиндифферентность	Отсутствие (≈ 6,8 баллов)
Этноизоляционизм	Умеренная выраженность (≈ 13,2 балла)
Этнофанатизм	Отсутствие (≈ 8,5 баллов)
Этнонигилизм	Умеренная выраженность (≈ 15,4 балла)

В рамках данного исследования мы также изучали и уровень агрессивности и депрессивности респондентов, т.к. полагаем, что деформация этнической идентичности может выражаться в данных характеристиках личности. Для этого мы воспользовались следующими методиками.

Тест эмоций (тест Басса – Дарки в модификации Г.В. Резапкиной), направленный на диагностику различных форм агрессивного поведения. В нем 35 утверждений, с которыми нужно согласиться / не согласиться. В последующем подсчитывалось количество набранных баллов для каждой формы агрессивного поведения, в результате чего и делались выводы об уровне общей агрессивности человека.

Для выявления наличия и выраженности депрессивных симптомов была использована методика «Опросник депрессивности Бека (Beck Depression Inventory – BDI)». Он содержит 21 утверждение, каждое из которых представляет собой отдельный тип психопатологической симптоматики. Испытуемому предлагается выбрать одно утверждение в каждой группе, которое лучше всего описывает его состояние за прошедшую неделю, включая сегодняшний день. Каждый ответ соответствует определенному количеству баллов, которые в конце суммируются, и на основании этого делается вывод относительно депрессивной симптоматики.

В ходе выполнения всех описанных методик респондентам было предложено указать некоторые сведения о себе: вуз, курс, факультет, пол, возраст и национальность.

Проведённое исследование по методике «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) дало следующие результаты: были выявлены такие типы этнической идентичности, как позитивная этническая идентичность, этноиндифферентность, этноизоляционизм, этнофанатизм, этнонигилизм (вплоть до этноущемлённости). Количественные результаты по методике представлены в таблице 1.

Степень социальной адаптированности и стрессоустойчивости в методике Холмса-Рагге делится на высокую (150–199 баллов), пороговую (200–299) и низкую (300 и более баллов).

Замерив уровень социальной адаптированности и стрессоустойчивости, мы соотносили этот уровень с типами этнической идентичности. В итоге получили следующие результаты, представленные в таблице 2.

Далее исследование проводилось по методике Баса-Дарки. Замерив общий уровень агрессивности, мы также соотнесли этот показатель с типами этнической идентичности. В таблице 3 представлены полученные результаты.

Согласно «Опроснику депрессивности Бека», когда суммарный балл по той или иной шкале меньше 9, это рассматривается как отсутствие депрессивных симптомов; сумма баллов от 10 до 18 характеризуется как «умеренно выраженная депрессия», от 19 до 29 баллов – «критический уровень» и от 30 до 63 – «явно выраженная депрессивная симптоматика».

Замерив уровень депрессивности респондентов, мы, как и в предыдущих случаях, соотнесли этот показатель с типами этнической идентичности. Полученные результаты приведены в таблице 4.

Результаты исследования подтверждают выдвинутую нами гипотезу: деформация этнической идентичности влияет на социальную адаптацию студентов дагестанских вузов.

Респонденты, у кого была выявлена позитивная этническая идентичность, имеют высокий уровень социальной адаптации и стрессоустойчивости, средний уровень агрессивности, у этих студентов отсутствуют признаки депрессивности.

У этнических фанатиков пороговый уровень социальной адаптации и стрессоустойчивости, высокий уровень агрессивности, а признаки депрессивности у них отсутствуют.

Иная ситуация с противоположным типом этнической идентичности – этнонигилизмом. Здесь уровень социальной адаптации и стрессоустойчивости отмечается как низкий, присутствует средний уровень агрессивности и умеренно выраженная депрессивность.

УДК 376.1-058.264

Володина Анна Сергеевна
Московский государственный педагогический университет
asvolodina@mail.ru

НАРУШЕНИЯ ПОНИМАНИЯ ТЕКСТОВОГО СООБЩЕНИЯ И ПУТИ ИХ ВЫЯВЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ С НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы функционирования у детей с недоразвитием речи механизма декодирования речевого высказывания, участвующего в расшифровке глубинного смысла. Основу данного процесса составляют операции прогнозирования смыслового содержания текстового сообщения, состояние которых обнаруживается на материале восстановления текстов с пропущенными и незавершенными словами.

***Ключевые слова**: декодирование текста, closure-тест, С-тест, общее недоразвитие речи, языковая компетенция.*

Несмотря на наличие достаточного количества научных публикаций, раскрывающих актуальные аспекты проблемы восприятия и понимания речи в условиях нормы и речевой патологии [1; 2; 4; 5; 6; 9 и др.], в логопедии до сих пор нерешенными остаются вопросы, связанные с расшифровкой и декодированием детьми с недоразвитием речи различной по степени сложности лингвистической информации, определением характера языковых и когнитивных процессов, участвующих в понимании ими ядерного смысла текста, уточнением специфики их семантических нарушений с целью определения оптимальных стратегий коррекционно-педагогического воздействия.

Специфические особенности процесса декодирования смыслового содержания связного речевого высказывания детьми с первичными формами речевой патологии охватывают широкий диапазон языковых единиц – от отдельных лексем до нарушения понимания глубинного смысла речевого сообщения. В связи с этим приобретает особую значимость разработка коррекционных приемов, способствующих более глубокому пониманию воспринимаемой детьми с речевым недоразвитием вербальной информации.

Целью настоящего исследования явилось выявление специфических трудностей младших школьников с недоразвитием речи в процессе восприятия ими вербального материала и последующей смысловой обработки текста. Экспериментально-методическая направленность его была ориентирована на изучение языковой способности детей данной категории на материале восстановления ими текстов с пропущенными и незавершенными словами.

Констатирующий эксперимент, положенный в основу предпринятого нами экспериментального исследования, проводился на базе ГОУ СОШ №888, №61 и №1400 Западного округа г. Москвы. Экспериментальным изучением было охвачено 75 учащихся 2-х – 3-х классов, возраст которых варьировался от 7 до 9 лет (ЭГ). В их медико-педагогической документации имелось заключение о наличии общего недоразвития речи 3 уровня (согласно классификации Р.Е. Левиной).

© Володина А.С., 2010

Экспериментальные задания, предложенные испытуемым, позволили оценить специфику функционирования декодирующего механизма их речи, основу которого составляют операции прогнозирования смыслового содержания текста.

Специальная организация разработанного нами целевого экспериментально-методического комплекса базировалась на представлении о тексте как о системе смысловых элементов различной степени сложности, объединенных в единую семантико-смысловую структуру, а также на широко известную в методике обучения иностранным языкам концепцию прагматического тестирования, где, как известно, основным оказывается вопрос о соотнесении высказывания с опытом человека вне языка.

Методика констатирующей фазы исследования включала в себя два задания на восстановление деформированного текста.

Задание 1. «Восстановление пропущенных слов в тексте».

Тест восстановления недостающих элементов текста («close-test» (от английского «closure» – закрытие, замыкание) является наиболее известным видом прагматического теста. Сущность методики состоит в деформации речевого сообщения и последующем его предъявлении испытуемым для восстановления. Условием, обеспечивающим возможность восстановления разрушенного сообщения, служит принцип избыточности речи, обеспечивающий даже при наличии помех более или менее адекватное понимание как устной, так и письменной речи.

Предъявление данного задания детям с недоразвитием речи было сопряжено с целым рядом сложностей, поскольку практически полное отсутствие возможности опоры на формальные признаки пропущенного слова требовало от них исключительного внимания к семантической составляющей языка.

С учётом возрастных особенностей и уровня речевого развития испытуемых, методика восстановления пропущенных слов в тексте была нами модифицирована: исходный текст состоял из 33 слов, включая союзы и предлоги; в первом предложении слова не удалялись, в остальных предложениях было удалено 1–2 слова; всего восстановлению подлежало 8 слов.

По условию задания дети должны были вставить в тексте пропущенные слова так, чтобы был понятен смысл каждого предложения и всего текста в целом.

Задание 2. «Восстановление недопечатанных слов в тексте».

При разработке содержания данного задания мы опирались на методику «Ц-тест», направленную на исследование языковой компетенции – интегративной характеристики уровня владения языком. Ц-тест, или тест с пропусками элементов лексики, разработанный и апробированный У. Рацем [7], представляет собой модификацию теста восстановления недостающих элементов текста. Как и «классический» тест восстановления пропущенных элементов текста, Ц-тест – это фрагмент текста, в котором каждое второе слово содержит пропуск второй половины букв. При этом первое и последнее предложения тестового задания остаются без изменений, что позволяет испытуемым сформировать понимание целого.

С учетом состояния речи и возрастных возможностей детей, тестовое задание было модифицировано следующим образом: текст, предложенный для анализа, состоял из 47 слов (включая союзы и предлоги); первое и последнее предложение текста не содержали недопечатанных слов; в остальных предложениях восстановлению подлежало 1–2 слова; в целом требовалось восстановить 8 слов.

В основу оценки языковой способности учащихся, позволяющей им восстанавливать текст с пропущенными (1 задание) и незавершенными словами (2 задание), были положены следующие критерии:

– количество незаполненных в тексте пропусков;

– количество ошибок, допущенных детьми.

Материалы, полученные в ходе экспериментальной проверки, дают основания говорить о наличии у учащихся, принимавших участие в исследовании, выраженных трудностей, связанных с восстановлением ими пропущенных в тексте слов.

Количественный анализ результатов выполнения ими первого задания экспериментальной методики показал, что правильное и самостоятельное решение поставленной нами языковой задачи оказалось практически недоступным для большинства испытуемых. Лишь 11,8% детей с речевым недоразвитием смогли выполнить предложенное им задание с незначительными ошибками. У 45,4% учащихся его выполнение было сопряжено с преобладающим числом ошибок, многие из которых так и не были исправлены

в ходе дополнительной проверки. Наконец, у 42,8% младших школьников с речевым недоразвитием восстановлено было менее половины пропущенных слов, что, на наш взгляд, явилось показателем общей незрелости их языкового развития, ограниченности возможностей контекстуального прогнозирования.

Анализ типологии ошибок, выявленных в речевой продукции детей изучаемой категории, позволит нам приблизиться к пониманию некоторых закономерностей функционирования механизма прогнозирования смыслового содержания текста. Наиболее характерными являлись следующие варианты ошибочных решений:

1) вставка на месте пропущенного в предложении слова двух или более лексических единиц – 17,6% неправильных ответов;

2) замены слов по грамматическим признакам (замены частей речи) – 20,8% ошибок;

3) замены слов, основанные на их семантическом сходстве, – 22,8% неправильных ответов;

4) неадекватное использование лексических единиц в составе предложения, основанное на интуитивной догадке, – 13,2 % ошибок;

5) семантическая неполнота (вставка одного слова, требующего прямого дополнения, – 17,6% неверных вариантов заполнения пропусков;

6) отсутствие ответа (незаполненный пропуск) – 8% ответов.

Результаты, обнаруженные нами в процессе выполнения учащимися второго задания настоящей методики, направленного на восстановление текста с недопечатанными словами, указывают на наличие у них выраженных трудностей, связанных с восприятием и последующим декодированием деформированного текста. Экспериментальным путем было установлено, что у младших школьников данного контингента процесс восстановления текста, содержащего пропуски элементов лексики, выявил значительное количество языковых недочетов, имеющих самые разнообразные проявления.

У большинства из них (50,8%) выполнение анализируемого нами задания было спряжено с преобладающим количеством ошибок. А 39,6% испытуемых с недоразвитием речи обнаружили наличие незначительного количества ошибочных решений в ходе восстановления текста с недописанными словами. Наконец, 9,6% младших школьников данного контингента с предложенным им заданием вовсе не справились, демонстрируя тем самым крайне ограниченный потенциал своих речеязыковых возможностей.

Рассмотрим более подробно типологию выделенных ошибок, что позволит нам тщательнее проанализировать глубинные механизмы функционирования языковой способности детей с речевой патологией, позволяющей им восстанавливать текст с пропусками элементов лексики. Наиболее характерными из них являлись следующие варианты ошибочных решений:

1) вставка на месте недопечатанного слова двух и более лексических единиц – 13,1% ошибочных ответов;

2) семантическая неполнота (вставка одного слова, требующего прямого дополнения) – 26,8% неверных ответов;

3) опора на фонетический облик слова, а не на его семантический компонент –25,7% неправильных ответов;

4) антиципации – восстановление пропуска в тексте на основе последующего фрагмента – 15,4% ошибочных ответов;

5) ошибки выбора грамматической формы семантически верно восстановленного слова – 15,2% ошибочных ответов;

6) отсутствие ответа (незаполненный пропуск) – 3,8% ошибочных ответов.

Обобщение экспериментальных материалов, полученных в ходе проведения констатирующего эксперимента, позволило нам говорить о выраженной вариативности выделенных нами языковых недочетов, весьма различных по механизму возникновения.

Достаточно распространенный тип ошибок, связанный с заполнением пропущенного в тексте слова более чем одной лексической единицей, либо использованием семантически неполных слов, мы склонны объяснять недостаточностью функции контроля. Подтверждением тому являются исследования в области детской нейропсихологии, свидетельствующие о том, что у детей изучаемой нами возрастной группы функции планирования и контроля находятся в процессе своего становления.

Вместе с тем характер ошибок, допущенных младшими школьниками изучаемого контингента, свидетельствует о том, что в ходе восстановления текста с пропущенными элементами лексики у значительного числа из них отсутствовала опора на смысловую составляющую текста. Вместо этого они, как правило, опирались на фоне-

тический облик слова, что, на наш взгляд, объясняет относительно более высокий процент правильного восстановления текста с недопечатанными словами, по сравнению с заданием на восстановление полностью пропущенных слов.

Поскольку значение слова представляет собой «процесс соотнесения единиц плана выражения и единиц плана содержания» [8], мы имеем возможность указать на тот факт, что у младших школьников с недоразвитием речи не сформирован в достаточной мере процесс соотнесения конкретной словоформы с глубинным «ядром» лексикона. Этим объясняются ошибки, связанные с неадекватным использованием лексических единиц, основанным на интуитивной догадке.

Многочисленные замены слов по грамматическим признакам мы склонны объяснять имманентными свойствами общего недоразвития речи, проявляющегося в стойких нарушениях морфологической парадигмы, незрелости парадигматического аппарата языка детей данного контингента.

Наконец, самая обширная группа ошибок, связанная с заменами слов на основе их семантического сходства, на наш взгляд, может быть обусловлена особенностями организации лексикона детей с недоразвитием речи, их неумением ориентироваться в смысловом содержании изолированного предложения, а также отсутствием возможности интеграции смежных предложений в концепт текста с тем, чтобы восстанавливать пропущенные элементы, опираясь как на грамматическое значение моделируемых слов, так и на их семантику [3].

Обобщая данные, полученные в ходе экспериментальной проверки, мы с полным основанием можем утверждать, что у значительного большинства младших школьников с недоразвитием речи имеет место недостаточно полная ориентация на семантические признаки языковых единиц, формирующих текст, незрелость динамической системы смыслов, препятствующая свободному продвижению по тексту и не позволяющая его достраивать в случае имеющейся неполноты.

Библиографический список

1. *Воробьева В.К.* Формирование связной речи у учащихся с моторной алалией: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – М., 1986.

2. *Грибова О.Е.* К проблеме анализ коммуникации у детей с речевой патологией // Дефектология. – 1995. – №6. – С. 7–15.

3. *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 157 с.

4. *Лалаева Р.И., Серебрякова Н.В.* Коррекция общего недоразвития речи у дошкольников. – СПб.: Союз, 1999. – 158 с.

5. *Левина Р.Е.* Основы теории и практики логопедии. – М.: Просвещение, 1968. – 366 с.

6. *Мастюкова Е.М.* Нарушение речи у детей с церебральным параличом. – М.: Просвещение, 1985. – 189 с.

7. *Рац У., Михайлова Н.Б.* Новый метод диагностики языковой компетентности: Ц-тест // Иностранная психология. – 1995. – Т. 3. – №5. – С. 72–78.

8. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

9. *Халилова Л.Б.* Семантические нарушения и пути их преодоления у детей с расстройствами речи // Психолингвистика и современная логопедия / Под ред. Л.Б. Халиловой. – М.: Экономика, 1997. – 302 с.

УДК 811.13

Головчанская Раиса Григорьевна
Карельская государственная педагогическая академия (г. Петрозаводск)
grg07@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ДЛЯ КОНТРОЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ЗАОЧНОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

Статья раскрывает понятие «Технологической карты студента» как механизма мониторинга и контроля формирования иноязычной компетенции студентов, обучающихся по заочной форме в неязыковом вузе. В статье акцентируется внимание на мониторинговом подходе к оценке знаний, умений и навыков студентов по иностранному языку.

Ключевые слова: *высшая школа, иностранные языки, заочная форма, компетенция, контроль, мониторинг, технологическая карта.*

Программы высшего профессионального образования реализуются в государственных высших образовательных учреждениях в различных формах: очной, очно-заочной, заочной и экстернат. Официальные организационно-методические документы об образовании различают вышеуказанные четыре формы обучения только по количеству аудиторных часов. Количество аудиторных часов на заочном отделении в 3–5 раз меньше, чем при дневной форме обучения. При этом качество подготовки специалистов, получивших высшее профессиональное образование по заочной форме обучения, должно отвечать тем же стандартам, что и специалистов дневной формы обучения.

Подготовка специалистов по заочной форме обучения, на наш взгляд, является важным направлением в системе высшего профессионального образования и не только не теряет своей актуальности, но приобретает еще большую значимость в свете современных требований, диктующих опору на самостоятельную работу студентов. Необходимо лишь правильно организовать учебный процесс с тем, чтобы качество подготовки специалистов, обучающихся по заочной форме, отвечало необходимым требованиям и стандартам.

Приоритетной задачей обучения студентов неязыковых факультетов иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции, необходимой для квалифицированной производственной и научной работы в различных сферах, для информационной поддержки и партнерской деятельности, отвечающей мировым стандартам. В научных и научно-методических публикациях последних лет особо подчеркивается необходимость овладения студентами неязыковых вузов не только коммуникативной компетенцией, но также лингвистической, лингвострановедческой, социокультурной, дискурсивной, методической и профессиональной. На современном этапе развития общества уже недостаточно одних только знаний. Необходимо формировать у студентов способность применять эти знания в различных ситуациях. Они должны уметь решать жизненные вопросы на основе полученных знаний. Компетентностный подход к учебному процессу отвечает современным требованиям. Вопросами компетентностного обучения занимались такие ученые, как Е.В. Бондаревская, И.А. Зимняя, И.С. Якиманская и другие.

В зарубежной и отечественной теории и практике несколько отличается перечень компетенций, которыми должен обладать выпускник вуза. Европейская практика опирается на следующие модели формирования компетенций: модель личностных компетенций; модель компетенции решения задач; модель компетенции реального использования полученных знаний на практике; модель набора компетенций, необходимых на рабочем месте.

В отечественной практике обучение иностранному языку базируется на формировании у студентов *коммуникативной компетенции*, что подразумевает понимание и говорение на иностранном языке в какой-то конкретной ситуации. П.И. Образцов и О.Ю. Иванова предлагают следующие компетенции студентов неязыковых вузов [4]: *лингвистическая; лингвострановедческая; социокультурная; дискурсивная; методическая; профессиональная.*

Содержание образования в области иностранного языка вполне соответствует представленным компетенциям. Когда мы говорим о формирова-

© Головчанская Р.Г., 2010

нии иноязычной компетенции студентов неязыковых вузов, мы подразумеваем подготовку специалистов, способных через иностранный язык воспринимать новые технологии, знакомиться с передовым опытом через первоисточники, через общение с иностранными гражданами, т.е. быть конкурентоспособными. Эти требования обозначены ГОС ВПО и отражены в компетентностном подходе. Так, Н.Д. Гальскова отмечает, что социокультурная компетенция обеспечивает возможность ориентироваться в аутентичной языковой среде, прогнозировать возможные социокультурные помехи и находить способы их устранения [1].

Надо признаться, не все специалисты и преподаватели придерживаются мнения, что при заочной форме обучения возможно добиться качественной подготовки специалистов по дисциплине «Иностранный язык», поскольку данная дисциплина предполагает формирование и языковой, и речевой, и информационной, и культурологической компетенций. Формирование данных компетенций кажется более затруднительным при заочной форме обучения. Основная причина такой ситуации заключается в отсутствии правильно организованного учебного процесса, подразумевающего и оснащение студентов-заочников всеми необходимыми учебными материалами, и создание системы обратной связи через Интернет-ресурсы, и надлежащая система контроля на входе в образовательный процесс, текущий контроль и выходной контроль.

При организации учебного процесса на заочном отделении в Карельском филиале СЗАГС в г. Петрозаводске учитывались все составляющие этого процесса. Обеспечение учебно-методическими материалами и организация контроля формирования компетенций на заочном отделении стали во главу угла, базируясь на общих дидактических, методических и лингвистических принципах, которые выдвигались такими учеными, как Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, Т.В. Карамышева, Э.Л. Носенко, Н.Ф. Талызина и др.

Этап контроля и оценки результатов учебного процесса является важной его составляющей. Мониторинг реализации учебного процесса дает возможность его управления и коррекции. Для организации действенного мониторинга и контроля необходимо правильно выбрать формы, методы, критерии и параметры оценки и контроля. Параметров для оценки формирования компетенций в традиционной схеме недостаточно для более объективной оценки. Система оценивания по результатам экзамена фиксирует допущенные ошибки, а не достижения (или прирост знаний, умений и навыков) за определенный этап времени. Необходим мониторинг формирования иноязычной компетенции, складывающейся из ряда вышеперечисленных компетенций.

Для решения поставленной задачи определения параметров оценивания и системы мониторинга формирования компетенций была разработана «Технологическая карта студента» (табл. 1). Помимо официальной контрольной работы студентам заочной форме обучения предлагается выполнить ряд заданий теоретического и практического характера, четко обозначенных в технологической карте и дающих возможность отслеживать достижения студента на определенном этапе. Технологическая карта нацелена в первую очередь на правильную организацию самостоятельной работы студентов. Она предполагает формирование навыков работы с иноязычным текстом, овладение основами языковой компетенции, формирование навыков устной речи в пределах заданных тем. Большое внимание уделяется формированию навыков информационного поиска материала, творческим работам, т.е. формированию умений учиться. Технологическая карта – это тот путеводитель, которым руководствуется студент, когда остается без аудиторной поддержки преподавателя. Если раньше по окончании сессии студенту выдавалась лишь контрольная работа, которая сопровождалась перечислением грамматических и лексических тем, необходимых для усвоения, то технологическая карта дает и перечень теоретического материала, и задания для контроля в аудитории и самоконтроля.

Балльно-рейтинговая оценка технологической карты предусматривает мониторинг формирования компетенций, учитывая все аспекты образовательного процесса, в том числе и отношенческий или личностный. Технологическая карта включает и оценочные заключения («отлично», «хорошо» и т.д.), и балльно-рейтинговые (например, на экзамене оценке «отлично» соответствует 50 баллов). Оценочный показатель отражает качественную сторону результатов, а балльно-рейтинговая система отражает количественную сторону, что также является существенным показателем формирования компетенций. Одних только знаний (оценочный показатель) явно не-

Таблица 1

Технологическая карта по специализации «Государственное и муниципальное управление»

Виды текущей аттестации аудиторной и внеаудиторной работы	Часы	Баллы
1. Посещение занятий: **16 часов** (1 сессия) + **16 часов** (2 сессия) + **16 часов** (3 сессия)	48	2x3=6
2. Выполнение **аудиторной контрольной работы** (выполняется на 3-ей сессии)	262	5
3. Чтение текстов. *Оформление мини-словаря к прочитанным текстам* **3.1 ко 2-ой сессии** из учебника B.Abbs & I.Freebairn, Blueprint Two / Addison Wesley Longman LTD, 1996. 142p. (в е-формате): Стр.10; 11; 13; 26; 27; 29; 37; 44; 46; 57; 59 **3.2 к 3-ей сессии** D.Cotton. Keys to Management / Thomas Nelson and Sons Ltd, UK, 1989. 224p. (в е-формате) **3.3. к 4-ей сессии** (Units 3-4-5) из учебника Недоспасова В.Г., Бессарабова И.С. Английский язык для государственных служащих./Волгоград: Изд-во ВАГС, 2004. - 128с. (в е-формате)		5x3=15
4. Выполнение грамматических заданий. Головчанская Р.Г. и др. English Workbook for Correspondence Students. Part I.УМП / Петрозаводск, 2009. 102с. (в е-формате) **4.1** 1,2 с.11; 1-3с.15; 2-4 с.20; 1-6 с.291-5 с.32; 5с.37; 1-2 с.442-4 с.46 **4.2** 1-3 с.16; 8б с.35; 7 с. 40; 6 с.47; 1-3 с. 49; 2-4 с.66 **4.3** 1-3 с.17; 3 с.24; 1 с.52; 4 с.56; 1,7 с. 59; 18 с.64		5x3=15
5. Устное сообщение: **5.1 ко 2-ой сессии: "My Job"** (Головчанская Р.Г. и др. English Workbook for Correspondence Students. Part I.УМП / Петрозаводск, 2009. 102с.) **5.2 к 3-ей сессии "English Speaking Countries"**		6x2=12
6. Письменная работа: **6.1 ко 2-ой сессии: "CV"** **6.2 к 3-ей сессии "Presentation of a Company"** **6.3 к 4-ой сессии "Civil Service in Russia"**		5x3=15
7. Составление 4 опорных конспектов-схем по грамматическому материалу		3x4=12
8. Подготовка к 2-м зачетам (2-ая сессия, 3 сессия); и экзамену (4-ой сессия)	30	
9. ЭКЗАМЕН: «5» – 50 баллов; «4» – 40 баллов; «3» – 30 баллов; «2» – 20 баллов		0 – 50
ИТОГО ЧАСОВ / БАЛЛОВ:	**340**	max.**130**
Дополнительные баллы можно набрать: (1) участие в Вечере иностранных языков (10 баллов); (2) выступление на англ. языке на научно-практической конференции студентов (10 баллов) **ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА:** «5» – 130-110 баллов «4» – 109-80 баллов «3» – 79-40 баллов «2» – 39-0 баллов		

достаточно, чтобы получить хорошую оценку на выходе образовательного процесса. Особенно это важно для такой дисциплины, как «Иностранный язык». Технологическая карта отражает формирование тех компетенций по дисциплине «Иностранный язык», которыми должен обладать выпускник неязыкового вуза. При этом студенты выступают уже полноправным субъектом учебного процесса, при необходимости получают поддержку и помощь преподавателя, но более активно действует самостоятельно для решения многих профессиональных задач.

Рассмотрим подробно все составляющие «Технологической карты».

1. Посещение занятий. Посещение занятий при заочной форме обучения представляется неоднозначным параметром оценки формирования необходимых компетенций. Отведенные в «Технологической карте» 2–4 балла этому блоку, тем не менее, мотивируют студентов на посещение занятий, а с другой стороны, могут свидетельствовать о формировании личностной компетенции.

2. Блок «Контрольная работа» представлен лексико-грамматической работой, которая определена учебно-тематическим планом. Это традиционная форма контроля формирования языковых компетенций. Профессиональная ориента-

ция находит отражение в контрольной работе в виде лексического и текстового подбора. Оценочный показатель по пятибалльной системе вполне оправдан в этом блоке.

3. Чтение и перевод текстов. При отборе текстов авторы следовали модульному подходу организации учебного процесса. После первой сессии предлагаются тексты «Общего языка» (General English), после второй сессии – модуль «Делового английского» (Business English) и после третьей сессии – «Профессиональный английский» (Professional English). Формы контроля выполнения данного задания могут быть разнообразны и зависят от различных параметров: от уровня группы, от способности преподавателя организовать контроль и т.д.

4. Лексико-грамматические задания. Коммуникативный подход в обучении иностранным языкам не отвергает применение таких приемов, как упражнения. Выполнение различных лексических и грамматических упражнений способствует формированию навыков, необходимых для использования в творческой ситуации. Задания подбираются по уровню группы и профессиональной направленности. Ряд заданий требует творческого подхода, поиска информации для их выполнения.

5. Устное сообщение. При наличии двух форм речи: монологической и даилогической – в формате заочного обучения затруднительно организовать полномерную реализацию обеих форм. Студенту предлагается подготовить два сообщения: “My Job” и “English Speaking Countries”. Работа над этими темами способствует формированию лингвистической, социокультурной, дискурсивной и методической компетенции. Монолог всегда предполагает наличие собеседника, поэтому его можно рассматривать как часть диалога. Студенты выступают с подготовленным сообщением в аудитории. Одна из возможных форм – разделение учебной группы на подгруппы. Сообщение в аудитории (монологическая речь) с последующим обсуждением (диалогическая речь) дает возможность преподавателю определить уровень формирования языковых, речевых и других компетенций.

6. Письменная творческая работа. При подборе тем творческих работ преподаватели исходят, во-первых, из требований рабочей программы по дисциплине «Иностранный язык», а во-вторых, из реальных жизненных ситуаций, когда студенты должны продемонстрировать свою компетентность. В первую очередь, это умение составить необходимые документы в поисках работы. Студентам предлагается составить резюме и сопроводительное письмо к нему. Задание по оформлению резюме как никакое другое отвечает личностно-ориентированному подходу в образовательном процессе. В ходе проверки резюме студент имеет возможность получить консультацию, которая направлена именно на него. Трудно переоценить и практическую значимость данного задания.

По модулю “Business English” студенты готовят презентацию компании. Студенты сами устанавливают объем высказывания, выбирают определенную информацию и необходимые для ее выражения языковые средства. По модулю “Professional English” студенты выполняют творческую работу с ориентацией на специальность. Так, в приведенном в данной статье образце представлена специализация «Государственное и муниципальное управление», что находит отражение и в теме письменной работы “Civil Service in Russia”. Целью данного задания является формирование и контроль формирования профессиональной коммуникативной компетенции.

7. Составление четырех опорных конспектов-схем по грамматическому материалу имеет целью формирование языковой компетенции. Выбор грамматических тем студенты осуществляют сами. При этом преподаватели рекомендуют студентам выбрать те грамматические темы, по которым студент испытывает трудности. Практика показывает, что выбор тем варьируется от базовых (например, «Множественное число») до более сложных тем (например, «Герундий»).

8. Экзамен – это традиционная форма контроля. По мнению С.К.Фоломкиной, работа с текстом – это один из базовых элементов овладения иностранным языком. [8] Чтение – это доступ к новейшей информации, что является залогом успеха любого специалиста. Однако оценка на экзамене является лишь составной частью комплексной оценки, складывающейся из вышеприведенных параметров. Традиционный подход к экзамену как основной форме контроля отражается, пожалуй, в большем количестве баллов, присваиваемых на экзамене. Так, оценка «отлично» переводится по шкале в балльную систему и дает 50 баллов. Заключительная оценка складывается из всех количественных и качественных оценок,

по которым можно судить о формировании иноязычной компетенции студентов заочной формы обучения.

Наполнение технологической карты варьируется в зависимости от рабочей программы, решаемых учебно-воспитательных задач, специализации, от специфики учебной группы, от уровня подготовки студентов на входе в учебный процесс и других факторов. Перед началом учебного процесса необходимо ознакомить студентов с содержанием технологической карты и путями ее реализации.

Внедрение технологической карты для мониторинга формирования компетенций студентов заочной формы обучения представляет собой четкую систему текущего и итогового контроля; дает возможность определить основные составляющие учебного процесса; предоставляет возможность создавать новые модели заочного обучения иностранному языку; способствует реализации личностно-ориентированного принципа при оценке уровня формирования компетенций; помогает студенту в формировании «языкового портфолио».

Технологическая карта является наиболее оптимальным механизмом организации учебного процесса студентов-заочников и наиболее оптимальным механизмом контроля формирования иноязычной компетенции студентов.

Библиографический список

1. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранным языкам. Пособие для учителя. – М.: АРКТИ – Глосса, 2000. – 165 с.

2. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. – М.: Логос, 1999. – 384 с.

3. *Мильруд Р.П., Максимова И.Р.* Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2000. – №5. – С. 17–22.

4. *Образцов П.И., Иванова О.Ю.* Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: Учебное пособие / Под ред. П.Н. Образцова. – Орел: ОГУ, 2005. – 114 с.

5. *Орехова И.А.* Формирование лингвокультурологической компетенции в процессе обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. –2004. – №5. – С. 28.

6. Педагогика / Под ред. Ю.К. Бабанского. – 2-е изд. – М., 1988. – 385 с.

7. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранному языку. Базовый курс лекций. – М.: Просвещение, 2002. – 240 с.

8. *Фоломкина С.К.* Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. – М.: Высшая школа, 1987. – 205 с.

УДК 376.1

Даньковская Янина Юрьевна
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)
yaninad82@mail.ru

АГРАММАТИЗМЫ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ МЛАДШИХ КЛАССОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (нейропсихологический подход)

В статье раскрываются современные представления о механизмах и проявлениях аграмматической дисграфии у учащихся младших классов. Выделяются предпосылки, обеспечивающие формирование грамматических обобщений. Показана взаимосвязь между уровнем сформированности грамматических обобщений и предпосылок, обеспечивающих их формирование, у учащихся с задержкой психического развития с учётом нейропсихологического подхода.

Ключевые слова: *грамматические обобщения, письменная речь, аграмматизм, дисграфия, задержка психического развития, нейропсихологический подход, функциональные блоки мозга.*

В современной логопедии проявления аграмматизмов в устной и письменной речи учащихся младших классов рассматриваются в структуре аграмматической дисграфии. Механизм аграмматической дисграфии связывается с недоразвитием морфологической системы языка, нечёткостью представлений о синтаксических связях внутри предложения и связях предложений в тексте (Р.И. Лалаева, Р.Е. Левина, С.Б. Яковлев и др.). Основными симптомами аграмматической дисграфии являются грамматические ошибки на письме [5; 6; 12].

Наиболее подробный анализ грамматических ошибок письма проведён С.Б. Яковлевым. Автором выделено три основных вида аграмматизмов: аграмматизмы на уровне связного текста, аграмматизмы на уровне предложения (синтаксические), морфологические аграмматизмы [12].

Обозначенные виды аграмматизмов письма выделены с учетом психолингвистического понимания процесса порождения письменных речевых высказываний (Т.В. Ахутина, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия) и связываются с несформированностью этапов внутреннего программирования и грамматического структурирования речевых высказываний [3; 4; 7; 8].

Исследования С.В. Зориной, Р.И. Лалаевой, Н.В. Серебряковой и др. выявили у детей с задержкой психического развития (ЗПР) нарушения синтаксического оформления высказываний, недостатки словоизменения и словообразования, недостаточную сформированность операций текстообразования, которые проявляются как в устной, так и в письменной речи [5].

Актуальным и недостаточно разработанным в настоящее время аспектом изучения аграмматической дисграфии у учащихся младших классов с ЗПР является ее анализ с позиций нейропсихологического подхода.

Нейропсихологический подход в исследовании дисграфии у учащихся младших классов исходит из представления о системно-динамическом строении высших психических функций (в нашем случае письменной речевой деятельности) и их мозговой организации. Несформированность любого из функциональных звеньев системы по-разному влияет на формирование письменной речевой деятельности в целом. Метод функционального синдромного анализа А.Р. Лурии позволяет выявить нарушенное звено функциональной системы письменной речевой деятельности и определить ведущий фактор, лежащий в основе механизма возникновения различных видов грамматических ошибок (аграмматизмов) в письменной речи учащихся младших классов с задержкой психического развития.

Анализ работ Т.В. Ахутиной, Л.С. Выготского, Р.Е. Левиной, А.А. Леонтьева, А.Р. Лурии, А.М. Шахнарович, Н.М. Юрьевой и др. позволил нам выделить основные операции грамматического оформления высказываний: внутреннее программирование и грамматическое структурирование. А также выделить специфические и неспецифические факторы, обеспечивающие грамматическое оформление высказываний. К неспецифическим факторам относится «энергетический фактор», обеспечивающий активность протекания устной и письменной речевой деятельности.

© Даньковская Я.Ю., 2010

К специфическим факторам относятся: «лобный фактор», обеспечивающий программирование связной и фразовой речи, регуляцию и контроль письменной речевой деятельности в целом; «височный фактор», обеспечивающий восприятие и анализ звукового состава слова, выделение различий в звучании грамматических форм слова посредством анализа флексий, аффиксов и префиксов; «теменно-затылочный» (пространственный фактор), обеспечивающий оперирование речевыми единицами, передающими пространственные отношения (предлоги, приставки), а также понимание логико-грамматических конструкций [1; 6; 7; 8; 11].

Исходя из вышеперечисленных представлений, нами было предпринято исследование, посвящённое выявлению аграмматизмов в речи учащихся младших классов с ЗПР, а также механизмов их возникновения.

С учётом цели исследования была разработана диагностическая методика, состоящая из трёх серий заданий.

Первая серия заданий была направлена на выявление морфологических аграмматизмов в речи учащихся с задержкой психического развития и предполагала исследование понимания и употребления учащимися различных форм словоизменения и словообразования.

Вторая серия включала задания на исследование синтаксических аграмматизмов и аграмматизмов на уровне связного текста в устной и письменной речи учащихся с задержкой психического развития. Данная серия включала задания на исследование возможностей программирования учащимися связных текстов и различных синтаксических конструкций.

Третья серия была направлены на выявление механизмов возникновения аграмматизмов в речи школьников с ЗПР и включала в себя нейропсихологическое обследование, направленное на исследование серийной организации, программирования, регуляции и контроля деятельности; исследование особенностей переработки информации различной модальности (слухоречевой, оптико-пространственной), выявление нейродинамических нарушений.

Система оценивания строилась с учётом качественно-количественного подхода. При этом качественная сторона оценки была разработана с опорой на нейропсихологические критерии, которые учитывают самостоятельность, темп выполнения задания, характер ошибок, эффективность принятия различных видов помощи.

В основу разработки методики констатирующего эксперимента были положены адаптированные с учётом цели исследования диагностические задания, представленные в работах Т.В. Ахутиной, А.В. Семенович, Т.А. Фотековой, С.Б. Яковлева и др. [2; 9; 10; 12].

В экспериментальную группу вошло 53 учащихся 3-х классов, имеющих заключение городской медико-психолого-педагогической комиссии «задержка психического развития», находящихся под наблюдением невролога и обучающихся в коррекционных классах по программе школы VII вида. В исследовании принимали участие только те школьники, у которых были выявлены проявления аграмматической дисграфии.

Анализ результатов исследования позволил выявить следующее. Для учащихся с ЗПР характерны все описанные виды аграмматизмов: аграмматизмы на уровне связного текста, синтаксические аграмматизмы, морфологические аграмматизмы.

Аграмматизмы на уровне связного текста выявляются как в устной, так и в письменной речи учащихся и характерны для всех 100% обследованных нами школьников с проявлениями аграмматической дисграфии. Наиболее грубо подобные аграмматизмы выражены в тех видах устных и письменных заданий, которые требуют большей степени самостоятельности в построении и развёртывании программы связного высказывания (пересказ текста, составление рассказа по серии картинок и по сюжетной картинке, изложение). Основными проявлениями данного вида аграмматизма являются: пропуск смысловых звеньев текста; перестановка смысловых звеньев текста; повторы слов-связок; тенденция к перечислению деталей; разрывы в повествовании; нарушение связи между событиями, описываемыми в тексте; ошибочное, мало реалистичное толкование событий текста.

Синтаксические аграмматизмы также встречались как в устной, так и в письменной речи всех 100% школьников с ЗПР. Степень выраженности синтаксических аграмматизмов зависела от сложности предъявляемого задания. Так, наибольшее количество синтаксических аграмматизмов встречалось в процессе выполнения задания на составление и запись предложений по опорным словам и по картинкам. Учащиеся допуска-

ли следующие ошибки: пропуск второстепенных и главных членов сложного предложения; нарушение порядка слов в предложениях; пропуск слов в простых распространённых предложениях; ошибки смыслового оформления предложения (семантический аграмматизм), которые проявлялись преимущественно в пассивных конструкциях.

Проведённое исследование показало, что морфологические аграмматизмы характерны для 54,85% учащихся с ЗПР. Наибольшие трудности для учащихся представляло использование следующих грамматических форм и категорий: употребление предложно-падежных конструкций; изменение существительных по числам в именительном и родительном падежах; образование уменьшительно-ласкательных форм существительных; образование качественных прилагательных; образование глаголов с различными приставками.

Исследование механизмов аграмматической дисграфии у учащихся с ЗПР с позиций нейропсихологического подхода позволило выявить сложную структуру дефекта, для которой характерно сочетание нескольких ведущих факторов.

В целом аграмматизмы в речи учащихся с ЗПР церебрально-органического генеза обусловлены сочетанием несформированности языковых обобщений с несформированностью ряда нейропсихологических факторов.

Необходимо отметить, что для школьников с ЗПР церебрально-органического генеза характерно системное нарушение функционирования мозговых механизмов обеспечения психической (в том числе речевой) деятельности.

Исследование показало, что в группе учащихся с ЗПР отмечается несформированность факторов, продуцируемых различными функциональными блоками мозга.

В процессе выполнения всех заданий методики констатирующего эксперимента для учащихся были характерны нейродинамические нарушения, являющиеся проявлением функциональной несформированности блока регуляции тонуса и бодрствования. Учащиеся часто отвлекались в процессе выполнения диагностических заданий, выполняли задания в замедленном темпе, им требовалась помощь в виде организации внимания и эмоционального подкрепления.

Негативно влияли на выполнение диагностических заданий и нарушения серийной организации, программирования и контроля деятельности, свидетельствующие о функциональной несформированности блока контроля, регуляции и программирования деятельности. Для учащихся экспериментальной группы были характерны трудности удержания и следования инструкции, отсутствие самокоррекции допущенных ошибок, упрощение программы деятельности, необходимость массивной помощи со стороны экспериментатора, в некоторых случаях неэффективность оказываемой помощи.

Для учащихся с ЗПР также характерно нарушение отдельных операций и функций, являющихся базовыми для усвоения и правильного использования грамматических обобщений: слухоречевой памяти, пространственных представлений, фонематического восприятия, анализа и синтеза, лексического оформления высказываний. Расстройство большинства из названных функций свидетельствует о нарушении факторов, относящихся к блоку приёма, переработки и хранения информации. Особое значение для механизма возникновения аграмматической дисграфии имеет функциональная несформированность теменно-затылочных и височных отделов коры головного мозга названного функционального блока.

Анализ результатов проведённого исследования позволяет также определить специфику механизмов различных видов аграмматизма.

Так, в механизме аграмматизмов на уровне связного текста и синтаксических аграмматизмов имеет значение сочетание нейродинамических нарушений, нарушений серийной организации действий, нарушений программирования и контроля деятельности и расстройств мыслительной деятельности.

В механизме же морфологического аграмматизма значимо сочетание нейродинамических нарушений с несформированностью пространственного и височного факторов, а также с несформированностью лексических обобщений.

Таким образом, нейропсихологический подход в исследовании механизмов аграмматической дисграфии у учащихся 3-х классов с ЗПР церебрально-органического генеза позволил выделить в структуре дефекта учащихся сочетание нейродинамических нарушений, нарушений серийной организации действий, нарушений программирования и контроля деятельности с несформированностью рядя речевых и неречевых операций и функций (пространственных пред-

ставлений, фонематического анализа и синтеза, лексических обобщений).

Полученные в процессе исследования данные необходимо учитывать при организации логопедической работы по преодолению аграмматической дисграфии у учащихся младших классов школ VII вида.

Библиографический список

1. Актуальные проблемы нейропсихологии детского возраста: Учебное пособие / Л.С. Цветкова, А.В. Семенович, С.Н. Котягина, Е.Г. Гришина, Т.Ю. Гогберашвили; под ред. Л.С. Цветковой. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. – 272 с. (Серия «Библиотека психолога»).

2. *Ахутина Т.В*. Методика оценки речи детей 6–8 лет: нейропсихологический подход // Проблемы детской речи – 1999: Материалы Всероссийской конференции (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 1999). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 204 с.

3. *Ахутина Т.В*. Нейролингвистический анализ динамической афазии. – М., 1975.

4. *Выготский Л.С*. Мышление и речь. – Изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

5. *Лалаева Р.И., Серебрякова Н.В., Зорина С.В*. Нарушения речи и их коррекция у детей с задержкой психического развития: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 304 с. – (Коррекционная педагогика).

6. *Левина Р.Е*. Нарушения речи и письма у детей: Избранные труды / Ред.-сост. Г.В. Чиркина, П.Б. Шошин. – М.: АРКТИ, 2005. – 224 с.: ил.

7. *Леонтьев А.А*. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969.

8. *Лурия А.Р*. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2002. – 352 с.

9. *Семенович А.В*. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2002. – 232 с.: ил.

10. *Фотекова Т.А., Ахутина Т.В*. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: Пособие для логопедов и психологов. – М.: АРКТИ, 2002. – 136 с.: ил. (Библиотека практикующего логопеда).

11. *Шахнарович А.М., Юрьева Н.М*. Психолингвистический анализ семантики и грамматики (на материале детской речи). – М.: Наука, 1990. – 168 с.

12. *Яковлев С.Б*. Коррекция аграмматической дисграфии у учащихся школы для детей с тяжёлыми нарушениями речи // Проблемы комплексного подхода в диагностике и коррекции нарушений речи у детей: Материалы научно-практических конференций 2000–2001 гг. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 186 с.

УДК 37

Девятерикова Елена Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
a_devyat@mail.ru

СУЩНОСТЬ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СОБЫТИЙ ВОСПИТАННИКОВ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА

В статье дано определение понятия «событие», раскрыта сущность социально-педагогического сопровождения, приведены критерии и показатели эффективности данного процесса, определена специфика сопровождения событий младших школьников – воспитанников школы-интерната.

Ключевые слова: *виды событий, событие, социально-педагогическое сопровождение, функции и этапы социально-педагогического сопровождения.*

Человеческая жизнь наполнена разнообразными событиями. Они могут носить позитивный или негативный характер и в соответствии с этим оказывать различное влияние на человека. Только значимое событие может существенно повлиять на эмоциональную, интеллектуальную, нравственную и другие сферы личности. Особое внимание следует уделить событиям младших школьников. Детям трудно осознавать происходящие с ними события и их последствия. Следовательно, им необходима помощь и поддержка со стороны взрослых людей (родителей, педагогов, воспитателей, руководителей творческих объединений и др.). Оказать эту

© Девятерикова Е.В., 2010

поддержку представляется возможным в ходе осуществления социально-педагогического сопровождения событий их жизни. Из числа учащихся общеобразовательных учреждений различного типа, на наш взгляд, наиболее нуждаются в поддержке и помощи со стороны педагога воспитанники школы-интерната. Жизнь этих детей не насыщена яркими, запоминающимися событиями. Следовательно, они стремятся заполнить этот вакуум событиями негативного характера, что впоследствии может привести к формированию девиантного поведения.

Интернатная система не создает условий для приобретения детьми социального опыта в различных сферах жизнедеятельности. По статистике лишь каждый десятый выпускник подобного общеобразовательного учреждения успешен во взрослой жизни.

В сложившейся ситуации учителям и воспитателям необходимо осуществлять социально-педагогическое сопровождение событий воспитанников школы-интерната, помогать им в преодолении трудностей в учебе, в быту, во взаимоотношениях со сверстниками и взрослыми людьми. Но не все педагоги уделяют этой проблеме должное внимание, так как не имеют четкого представления о сущности процесса социально-педагогического сопровождения, воспитательном потенциале событий, происходящих в жизни ребенка, влиянии события на нравственную сферу личности.

Изучаемая нами проблема социально-педагогического сопровождения событий воспитанников школы-интерната рассматривается в рамках экзистенциального подхода.

Экзистенциализм, или философия существования, – направление современной философии, возникшее в России накануне Первой мировой войны и Октябрьской революции, основной темой которого является человеческое существование, судьба личности в современном мире, вера и неверие, утрата и обретение смысла жизни [7, с. 538].

Экзистенциальная философия явилась основанием экзистенциальной педагогики, идеи которой стали разрабатываться в нашей стране в 90-х годах прошлого века в работах М.И. Рожкова, О.С. Гребенюка, Т.Б. Гребенюк и их учеников.

Основной идеей экзистенциальной педагогики является выделение в качестве идеальной цели – формирование человека, умеющего оптимально прожить свою жизнь, максимально используя свои потенциалы и реализуя себя в социально значимой деятельности. Реализация этой цели возможна только через педагогическое влияние на жизнь ребенка, которая состоит из определенных значимых для него событий. Событие для экзистенциональной педагогики может считаться ключевым понятием.

В словаре С.И. Ожегова событие определяется как «то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной, личной жизни» [3, с. 969].

Б.Г. Ананьев в своей работе «Избранные труды по психологии» определяет событие как такие обстоятельства жизни, которые приводят к изменению последующего течения жизни, приобретают качественно новое значение, изменяют уклад жизни и перестраивают субъективные состояния личности [1, с. 51].

С.Л. Рубинштейн отмечает в своих работах, что сущность человеческой личности находит свое завершающее выражение в том, что она не только развивается как всякий организм, но и имеет свою историю. В ходе этой индивидуальной истории бывают и свои «события» – узловые моменты и поворотные этапы жизненного пути индивида, когда с принятием того или иного решения на более или менее длительный период определяется жизненный путь человека [6, с. 641–643].

Таким образом, из приведенных выше определений следует, что событие оказывает значительное влияние на жизнь человека, способствует развитию личности и изменению ее жизненного пути.

Все события можно классифицировать по четырем основаниям:

1) участники события и место события: события в мире, регионе, городе, участником которых человек не является; события, произошедшие непосредственно с человеком;

2) степень активности участия в событии человека: события, на которые человек не может оказать влияния; события, активным участником которых человек является; события, сконструированные самим человеком; события, о которых человек имеет только представление;

3) отношение человека к происходящему событию: событие для человека не значимо; событие вызывает ситуативные эмоции; событие вызывает длительные эмоции; событие вызывает стресс;

4) длительность события: событие, краткое по времени; событие, среднее по длительности (до де-

сяти дней); длительное событие (до месяца); событие, которое стало текущей жизнью [5, с. 127–128].

С целью определения наиболее значимых событий для младших школьников – воспитанников школы-интерната нами были проведены опрос и рисовальная методика «Времена года», предложенные М.И. Рожковым. Учащимся 3–4 классов (24 человека) МОШИС(п)ОО №3 г. Костромы были заданы вопросы:

– Какое важное событие в твоей жизни произошло сегодня?

– Какое важное событие в твоей жизни произошло на этой неделе?

– Какое важное событие в твоей жизни произошло в течение этого месяца?

– Какое важное событие в твоей жизни произошло в течение этого года?

– Какое событие ты считаешь самым важным в твоей жизни?

Результаты опроса показали, что для учащихся 3–4 классов наиболее значимыми являются такие события, как знакомство с новыми друзьями, встреча с родителями, смерть близкого человека, смерть домашнего животного, рождение брата (сестры), собственная болезнь, игры, праздники. Наибольший интерес представляет вопрос о самом важном жизненном событии. Некоторые ребята затруднились ответить на него, большинство написало о знакомстве с лучшим другом (подругой), смерти близкого человека или домашнего животного.

Учащиеся 1–2 классов (32 человека) были распределены в 4 группы «Зима», «Весна», «Лето», «Осень», каждой из которых было дано задание: нарисовать самое яркое и запоминающееся событие, которое произошло в это время года. Все группы изобразили игры и развлечения, соответствующие времени года. Например, зимой – игра в снежки, стройка крепости, весной – игра в прятки, футбол, летом – купание, поход в лес, осенью – сбор листьев и природного материала для работы на уроках и во внеурочное время.

Проанализировав результаты исследования, мы можем сделать вывод о том, что события учащихся 3–4 классов в большей степени связаны с людьми, отношениями с ними, а у учащихся 1–2 классов направлены на игровую деятельность.

Событие является главным элементом человеческой жизни, обладает воспитательным и развивающим потенциалом. Педагоги могут использовать данный потенциал, осуществляя социально-педагогическое сопровождение событий своих воспитанников. Но при этом они должны понимать сущность социально-педагогического сопровождения, знать о компонентах, этапах и функциях данного процесса.

Наиболее многогранно эти вопросы освещены в работах М.И. Рожкова. Он рассматривает сопровождение в психологическом, педагогическом, психолого-педагогическом, социально-педагогическом аспектах и отмечает, что социально-педагогическое сопровождение имеет специфику и направлено на поддержку ребенка в построении им социальных отношений, на обучение ребенка новым моделям взаимодействия с собой и миром, на преодоление трудностей социализации [4, с. 120].

Сопровождение следует отличать от других типов педагогической деятельности, таких как помощь и поддержка. Помощь заключается в демонстрации со стороны педагога способов и приемов разрешения проблемных ситуаций, аналогичных тем, в которых оказался ребенок. Поддержка предполагает создание атмосферы, находясь в которой ребенок знает, что у него есть на кого опереться. Сопровождение заключается в создании для ребенка эмоционального фона уверенности в том, что в случае необходимости у него всегда есть человек, к которому он может обратиться с вопросом [4, с. 124–125].

В структуре социально-педагогического сопровождения выделяется три компонента: пропедевтический (подготовка к преодолению трудностей в решении социальных проблем в предстоящих событиях), актуальный (период возникновения реальной ситуации, требующей помощи и поддержки педагога), рефлексивный (осмысление происходящего и проектирование действий в будущем).

Процесс социально-педагогического сопровождения включает этапы: этап проблематизации (обнаружение проблемы, выявление ее сути и причины возникновения), поисково-вариативный этап (поиск вариантов решения проблемы), практически-действенный этап (совершение реальных или виртуальных действий, приводящих к решению проблемы), аналитический этап (анализ происходящего, прогнозирование возможности появления новых трудностей) [5, с. 126–127].

Функциями социально-педагогического сопровождения являются:

– обеспечение включенности в событие, то есть участие человека в событии (объективный

Таблица 1

Критерии и показатели эффективности социально-педагогического сопровождения

Критерии	Показатели
1. Когнитивный	1.1 Понимание сути события
	1.2 Понимание последствий события
	1.3 Определение значимости события
2. Эмоционально-ценностный	2.1 Отношение к событию
	2.2 Влияние события на поведение
3. Практически-действенный	3.1 Нравственная экспертиза события
	3.2 Проектирование событий
	3.3 Коррекция нравственных норм

компонент) и его отношение к событию (субъективный компонент);

– стимулирование саморазвития на основе рефлексии [5, с. 129].

На теоретическом этапе исследования нами были разработаны критерии и показатели эффективности процесса социально-педагогического сопровождения событий младших школьников. В качестве критериев выделены: когнитивный, эмоционально-ценностный и практически-действенный. Каждый из них конкретизируется через ряд показателей, которые представлены в таблице 1.

Рассмотренные выше вопросы о компонентах, этапах, функциях, критериях и показателях эффективности социально-педагогического сопровождения событий отражают сущность данного процесса применительно к любой возрастной категории учащихся: младшие школьники, подростки, старшеклассники. Несмотря на идентичность процессов, сопровождение событий младших школьников имеет некоторую специфику, связанную с их возрастными особенностями. Во-первых, степень самостоятельности учащихся начальной школы в осуществлении нравственной экспертизы и проектировании событий будет значительно ниже, чем у подростков и старшеклассников. Во-вторых, специфичными являются и сами события, а значит, и методики сопровождения соответственно. Как уже говорилось выше, события младших школьников направлены в основном на игровую деятельность.

Среди учащихся младших классов в отдельную категорию детей мы выделяем воспитанников школы-интерната, что связано с особенностями их взаимоотношений с родителями, педагогами, друг с другом. С родителями дома они проводят малую часть времени – выходные дни и каникулы, под руководством педагогов и во взаимодействии друг с другом – всю учебную неделю. Следовательно, большинство событий данной категории детей происходит в стенах школы, что определяет специфику средств социально-педагогического сопровождения. Авторский коллектив под руководством Л.В. Байбородовой выделяет следующие педагогические средства, обеспечивающие преодоление трудностей социализации детей-сирот: создание ситуаций свободного выбора, развитие детского самоуправления, организация аналитической деятельности детей, целеполагание и планирование и др. [2, с. 82–116].

Таким образом, осуществляя социально-педагогическое сопровождение событий, необходимо понимать сущность данного процесса, помнить о его функциях и этапах, учитывать возрастные особенности и специфику учреждения, в котором обучаются и воспитываются младшие школьники.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные труды по психологии. Т. 2: Развитие и воспитание личности / Под ред. Н.А. Логиновой, отв. ред. и сост. Л.А. Коростылева, Г.С. Никифоров. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 549 с.

2. *Байбородова Л.В., Жедунова Л.Г., Посысоев О.Н., Рожков М.И.* Преодоление трудностей социализации детей-сирот. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1997. – 196 с.

3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2006. – 1200 с.

4. *Рожков М.И.*, *Макеева Т.В.* Социально-педагогическая деятельность: учебно-методическое пособие. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2009. – 288 с.

5. *Рожков М.И.* Юногогика. Педагогическое обеспечение работы с молодежью: Учебно-ме-

тодическое пособие. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2007. – 312 с.

6. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2006. – 713 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).

7. Философская энциклопедия. Т. 5 / Глав. ред. Ф.В. Константинов. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 740 с.

УДК 316.624-053.6

Ефимова Ольга Ильинична
кандидат психологических наук
efimovao@mail.ru,
Ощепков Алексей Александрович
Ульяновский государственный университет
sladkod@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРЫ МИКРОГРУПП ПОДРОСТКОВ С ДЕВИАНТНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ*

В статье рассмотрены групповые ценностные ориентации, которые являются регуляторами социального поведения подростков в системе социальных отношений школьного класса. На этой основе выдвинута и проверена гипотеза о различии систем групповых ценностей подростков с нормативным и девиантным поведением.

Ключевые слова: *микрогруппы, девиантное поведение, групповые ценностные ориентации, нормативные подростки, девиантные подростки.*

Изучение человека немыслимо без соотношения его с окружающим миром и, прежде всего, с другими людьми. Человек формируется и реализуется в многообразных отношениях и взаимодействиях в обществе и группах людей. «Именно в группах и коллективах приобретается тот жизненный опыт, который формирует личность и в дальнейшем определяет сложную систему ее отношений к миру и людям» [4, с. 173].

Группы людей изучаются многими дисциплинами (социология, психология, педагогика, криминология), однако особое место в этом ряду занимает социальная психология. В связи с этим следует прояснить специфику социально-психологического подхода в определении социальной группы. Такой анализ дан Г.М. Андреевой, согласно которому, социальная психология, в отличие от других общественных наук, прежде всего изучает не условную, а реальную группу «как реально существующее образование, в котором люди собраны вместе, объединены каким-либо общим признаком, разновидностью совместной деятельности или помещены в какие-то идентичные условия, обстоятельства (также в реальном процессе их жизнедеятельности), определенным образом осознают свою принадлежность к образованию (хотя мера и степень осознания могут быть весьма различными)» [1, с. 138].

Такое определение согласовывается с отечественной психологической стратегией исследования социально-психологических явлений, включающей: а) определение системы социальных отношений как основы изучения эмпирически наблюдаемых отношений между индивидами (социальный контекст); б) рассмотрение социально-психологических процессов в контексте реальной социальной группы как части существующей социальной системы; в) исследование группы на основе принципа деятельности как коллективного субъекта, а всех межгрупповых и внутригрупповых процессов как опосредованных совместной деятельностью людей [6].

Разнообразные группы (семья, дружеская компания, школьный класс, группа случайных знакомых) выступает основой для реальных межличностных контактов. Среди вышеназванных групп особое место занимает школьный класс: в нем специально организована деятельность подростков по усвоению знаний. Школьный класс – особый вид социальных групп, определяющихся как «относительно небольшое число непосредственно контактирующих индивидов, объединенных общими целями и задачами» [5, с. 85].

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы.

© Ефимова О.И., Ощепков А.А., 2010

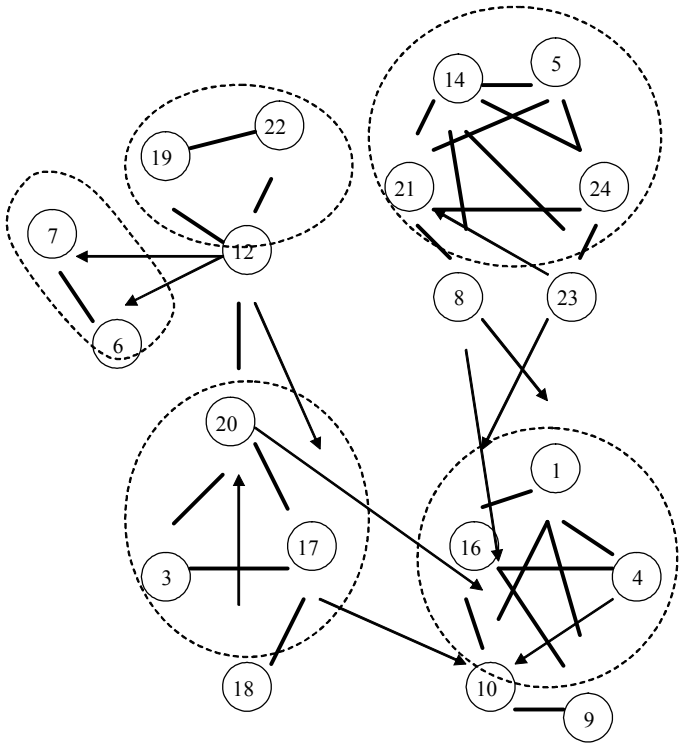

Рис. 1. Пример социограммы, используемой для выделения микрогрупп внутри школьного класса

Являясь социальной средой, в которой формируется поведение, деятельность подростка, его социально-психологические свойства, установки, отношения, школьный класс может выступать и проводником эффективных макросоциальных влияний, и источником помех в случае ее девиантной направленности [9]. Подростки особенно чувствительны к общению, поскольку каждый новый социальный контакт оказывает влияние на представление растущего человека о себе, а оценить себя как личность подросток может в зеркале социальных ценностей, в рамках определенной социальной группы.

Находясь в школьном классе, подросток получает возможность воспринимать окружающий мир сквозь призму ценностных ориентаций его одноклассников, корректировать свое отношение к социальной действительности [3]. Это позволяет в качестве существенного направления социально-психологического анализа социальных групп подростков выделить исследование предметно детерминированных ценностно-интегративных процессов в общей системе внутригрупповой активности [2].

Школьный класс, являясь социальной группой, в свою очередь, представляет систему более мелких, «контактных» групп или микрогрупп [2]. Такие микрогруппы, входя в более широкую систему школьного класса, образуют более сплоченные общности. При этом такие малые контактные группы могут быть ориентированы на социальные нормы и на отклонения от них. В связи с этим нами была выдвинута гипотеза о том, что ценностные системы микрогрупп подростков с девиантной ориентацией будут отличаться от подобных систем микрогрупп подростков, ориентированных на социально-санкционированное поведение.

Для проверки вышеназванной гипотезы нами были поставлены следующие задачи:

1) исследовать ценностную структуру школьного класса, склонность подростков к девиантному поведению, структуру социальных отношений группы;

2) на основе исследованной структуры социальных отношений школьного класса выделить микрогруппы подростков с девиантной ориентацией и с ориентацией на социально-санкционированное поведение;

3) исследовать ценностные ориентации членов микрогрупп, проанализировать особенности микрогрупп с девиантной ориентацией и ориентацией на социальные нормы.

Эмпирическая часть исследования была выполнена на базе Педагогического лицея г. Димитровграда и средней школы №6 г. Димитровграда. В качестве респондентов выступали школьники 12–15 лет, всего 73 человека. В исследовании использовалась методика М. Рокича, ориентированная на изучение представлений о системе значимых ценностей подростков, определяющих наиболее общие ориентиры их жизнедеятельности [7]. Для диагностики девиантного поведения использовалась методика определения склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (автор – А.Н. Орел), являющаяся стандартизированным тест-опросником, предназначенным для измерения склонности подростков к реализации различных форм девиантного поведения [8]. С целью исследования структуры межличностных отношений школьных классов был использован метод социометрических измерений Дж. Морено [8].

С целью анализа особенностей ценностных структур малых групп подростков нами был проведен социометрический анализ школьных классов, результатом которого стало выделение внутри школьных классов микрогрупп подростков. В исследовании была использована непараметрическая процедура, что повлияло на выявление только наиболее субъективно значимых связей в группах. На основе анализа социометрических матриц и социограмм, нами выделялись группировки из 2–5 членов, которые имели наибольшее количество положительных связей (в качестве примера смотрите рисунок 1). Было выявлено 10 таких группировок в двух 9-х классах и 8 группировок в двух 7-х классах.

Далее, на основании результатов, полученных с помощью методики определения склонности к отклоняющемуся поведению, выделенные микрогруппы были разделены на два типа – группы

Таблица 1

Сравнение терминальных ценностей в группах подростков 12–13 лет и 14–15 лет с нормативной и девиантной ориентацией

№	Ценности	Подростки 12–13 лет (7 класс)			Подростки 14–15 лет (9 класс)		
		ГПНО	ГПДО	$t_{эмп}$	ГПНО	ГПДО	$t_{эмп}$
1.	Активная деятельная жизнь	7,78	12,80	**2,64***	8,25	9,40	0,42
2.	Жизненная мудрость	10,40	8,45	0,97	9,50	10,00	0,15
3.	Здоровье	1,22	4,91	**3,00****	5,25	1,07	**2,71***
4.	Интересная работа	9,56	10,20	0,32	6,00	10,67	**2,82****
5.	Красота природы и искусства	13,60	12,50	0,55	14,00	15,50	0,61
6.	Любовь	10,67	5,73	**2,18***	2,50	6,33	**2,15***
7.	Материально обеспеченная жизнь	4,44	11,20	**2,19***	8,0	6,47	0,64
8.	Наличие хороших и верных друзей	5,78	5,09	0,56	7,0	5,53	0,82
9.	Общественное признание	8,56	14,50	**3,20****	8,75	8,33	0,27
10.	Познание	13,60	9,10	**2,25***	13,80	14,10	0,23
11.	Продуктивная жизнь	12,70	13,00	0,23	12,80	12,50	0,09
12.	Развитие	11,00	6,64	**2,17***	7,75	12,60	**2,05***
13.	Развлечение	14,80	9,80	**2,25***	17,00	10,90	**2,76****
14.	Свобода	12,90	7,73	**2,37***	14,00	7,53	**4,46****
15.	Счастливая семейная жизнь	2,33	6,18	**3,04****	5,00	5,33	0,11
16.	Счастье других	12,10	10,40	0,79	11,00	15,70	**2,34***
17.	Творчество	12,60	13,50	0,48	11,00	13,50	0,89
18.	Уверенность в себе	9,00	8,27	0,39	7,50	7,47	0,02

* – значимые различия при $\rho \leq 0,05$

** – значимые различия при $\rho \leq 0,01$

с нормативной ориентацией и группы с девиантной ориентацией. Было выявлено в 9-х классах 6 микрогрупп с нормативной ориентацией (от 4 до 6 человек) и 4 микрогруппы с девиантной ориентацией (от 4 до 6 человек); в 7-х классах 4 группы с нормативной ориентацией (от 2 до 5 человек) и 4 группы с девиантной ориентацией (от 3 до 4 человек).

С целью анализа различий систем терминальных ценностей микрогрупп подростков с нормативной ориентацией (ГПНО) и с девиантной ориентацией (ГПДО) нами было проведено сравнение среднегрупповых значений каждой из 18 ценностей в группах ГПНО и ГПДО с использованием статистического t-критерия Стьюдента. При этом особое внимание уделялось значимым различиям ценностей в изучаемых группах подростков.

Анализ особенностей структур терминальных ценностей в ГПНО и ГПДО в младшем возрасте (табл. 1) обнаружил статистически значимые по t-критерию Стьюдента различия по ценностям «активная деятельная жизнь», «здоровье», «материально обеспеченная жизнь», «общественное признание», «счастливая семейная жизнь», значимость которых выше в группах подростков с нормативной ориентацией, и по ценностям «любовь», «познание», «развитие», «развлечение», «свобода».

Вышеназванные различия в структурах ценностей изучаемых микрогрупп подростков могут быть объяснены тем, что для ГПНО на первый план выходит активная жизнь со всеми ее событиями и общественное признание, также для ГПНО остаются значимыми семейные отношения и здоровый образ жизни. Кроме этого, в ГПНО развиваются прагматичные ценности, такие как материальное обеспечение. Для ГПДО характерно две основных направленности ценностей. С одной стороны, они стремятся к познанию, развитию и любви, чего, возможно, им не достает в жизни. С другой стороны, развивается гедонистическая направленность, выражаемая в значимости свободы и развлечения.

Последующий анализ, посвященный сравнению структур ценностных ориентаций микрогрупп подростков 14–15 лет с нормативной и девиантной ориентацией (табл. 1), показал статистически значимые по t-критерию Стьюдента различия среднегрупповых значений по таким ценностям, как «интересная работа», «любовь», «развитие», «счастье других», значимость которых выше у ГПНО, и ценностям «здоровье», «развлечение», «свобода», которые более значимы у ГПДО.

В первую очередь следует отметить, что если для младших микрогрупп подростков с девиантной ориентацией более значимы такие ценности, как «здоровье», «любовь», «развитие», то с возрастом они значительно теряют свою значимость. Такая возрастная динамика объясняется тем, что вышеназванные ценности, являясь общечеловеческими, а следовательно, общепринятыми, со временем теряют свою значимость для девиантов, выражаясь в формировании особенностей девиантных групп, которые влияют на проявление девиантности. А такие ценности, как «развлечение» и «свобода», с возрастом сохраняют свою значимость для девиантно-ориентированных групп, выражая некоторые базовые особенности девиантных подростков.

С целью исследования системы инструментальных ценностей микрогрупп подростков нами так же, как и в случае с терминальными ценностными системами, было проведено сравнение среднегрупповых значений 18 инструментальных ценностей в группах подростков с нормативной ориентацией и девиантной ориентацией с использованием статистического t-критерия Стьюдента.

При анализе особенностей групповых систем инструментальных ценностей в ГПНО и ГПДО обнаружены статистически значимые различия по t-критерию Стьюдента по ценностям «Высокие запросы», «Независимость», «Образованность» и «Терпимость» (табл. 2). При этом значимость высоких запросов, образованность и терпимость выше в ГПНО, а значимость независимости выше в ГПДО. Это объясняется психологическими особенностями младших подростков. Так, девиантные подростки в младшем возрасте отличаются большей ориентированностью на независимость по сравнению с нормативными подростками. Младшие подростки, у которых выражена направленность на следование социальным нормам, напротив, в данном возрастном периоде более ориентированы на получение образования, а более выраженная терпимость позволяет им оставаться в рамках социально приемлемого поведения. Высокие запросы, в свою очередь, свидетельствуют о наличии определенных стремлений, хотя некоторые в младшем возрасте еще не принимают сформированной жизненной цели.

Таблица 2

Сравнение инструментальных ценностей в группах подростков 12–13 лет и 14–15 лет без отклонений в поведении и с отклоняющимся поведением

№	Ценности	Подростки 12–13 лет (7 класс)			Подростки 14–15 лет (9 класс)		
		ГПНО	ГПДО	$t_{эмп}$	ГПНО	ГПДО	$t_{эмп}$
1.	Аккуратность	5,56	5,73	0,05	10,80	7,64	0,94
2.	Воспитанность	5,78	6,36	0,19	9,25	5,71	1,00
3.	Высокие запросы	6,40	12,30	**2,73***	12,80	14,70	0,81
4.	Жизнерадостность	4,78	6,82	0,52	10,30	7,29	0,88
5.	Исполнительность	11,20	9,18	0,52	12,30	11,90	0,15
6.	Независимость	14,80	9,50	**3,38****	9,50	7,14	0,87
7.	Непримиримость к недостаткам	15,60	15,30	0,11	12,50	14,40	0,62
8.	Образованность	3,33	7,82	**2,08***	12,50	7,07	**3,16****
9.	Ответственность	6,78	8,45	0,36	10,30	6,79	1,21
10	Рационализм	12,10	11,40	0,21	9,00	11,60	0,92
11	Самоконтроль	7,78	5,91	0,46	10,80	9,50	0,88
12	Смелость мнения	12,70	10,70	0,56	10,00	10,10	0,07
13	Твердая воля	9,56	11,00	0,40	7,25	8,50	0,46
14	Терпимость	8,00	12,20	**2,65***	9,75	9,07	0,23
15	Широта взглядов	13,00	13,40	0,10	6,50	11,80	**2,17***
16	Честность	6,56	7,82	0,36	5,50	7,43	0,96
17	Чуткость	8,11	7,82	0,09	7,25	10,30	0,91
18	Эффективность в делах	9,22	9,45	0,08	5,00	10,10	**2,96****

* – значимые различия при $\rho \leq 0,05$

** – значимые различия при $\rho \leq 0,01$

Анализ особенностей групповых инструментальных ценностей в старших ГПНО и ГПДО (14–15 лет) (табл. 2) показал статистически значимое различие по t-критерию Стьюдента по ценностям «Широта взглядов» и «Эффективность в делах», более значимую для ГПНО, и по ценности «Образованность», оцениваемую выше в ГПДО. В первую очередь хотелось бы отметить изменение в отношении девиантных и нормативных подростков к такой ценности, как образованность, которое, по нашему мнению, влияет на изменение остальной конфигурации групповых систем ценностей более старших подростков по сравнению с младшими. В данном случае у подростков с нормальным развитием положительное отношение к образованности сформировалось в стремление к расширению кругозора, что и проявляется в повышении значимости ценности широты взглядов. А данный факт, в свою очередь, связан с эффективностью в делах, то есть успехом в жизни и прагматичным отношением к своей деятельности, в отличие от девиантно-ориентированных подростков, которых отличает размытость жизненных планов и целей.

Выводы:

1. В пространстве групповых систем терминальных ценностей для микрогрупп подростков с нормативной ориентацией характерна ориентация на активное освоение жизненного пространства и стремление к общественному признанию. Для микрогрупп подростков с девиантной ориентацией, с одной стороны, свойственно стремление к развитию и познанию, с другой стороны, наблюдается направленность на свободу от социальных норм и на развлечения. При этом с возрастом в микрогруппах подростков с девиантной ориентацией ценности свободы и развлечения сохраняют свою значимость, а ценности развития и любви теряют свое значение.

2. В пространстве инструментальных ценностей микрогрупп девиантных подростков отличает большее стремление к независимости, что согласуется с высокой значимостью ценности свободы. Нормативно ориентированные подростки, напротив, более ориентированы на образование, обучение, а выраженная терпимость позволяют оставаться в рамках социально приемлемого поведения. При этом с возрастом в микрогруппах подростков с нормативной ориентацией положительное отношение к образованию преобразует-

ся в стремление к расширению кругозора и направленность на успех в жизни. У девиантных подростков, напротив, несмотря на повышение с возрастом значимости образования, складывающаяся конфигурация ценностей говорит о неопределенности их жизненной перспективы.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология сегодня: поиски и размышления. – М.: МПСИ, 2009. – 160 с.

2. *Донцов А.И.* Проблемы групповой сплоченности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 128 с.

3. *Дюдюкина Л.А.* Влияние групповых отношений на ценностные ориентации старших школьников: Дис. … канд. психол. наук. – СПб., 1998. – 256 с.

4. *Немов Р.С.* Социально-психологический анализ эффективности деятельности коллектива. – М.: Педагогика, 1984. – 200 с.

5. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология. – М.: Академия, 2001. – 492 с.

6. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. – М.: ИП РАН, 1997. – 576 с.

7. *Шапарь В.Б.* Практическая психология. Инструментарий. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 768 с.

8. *Шапарь В.Б.* Практическая психология. Психодиагностика групп и коллективов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 448 с.

9. *Шорохова Е.В.* Основные итоги социально-психологических исследований в Институте психологии АН СССР // Психологический журнал. – 1982. – Т. 3. – №2. – С. 34–54.

УДК 81`367+376.37

Заимцян Диана Рафиковна
Московский педагогический государственний университет
diana.80-08 @mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА ЯЗЫКА И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В РЕЧЕВОЙ ПРОДУКЦИИ ДЕТЕЙ С НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

В настоящей статье, отражающей актуальные аспекты становления синтаксической системы языка у младших школьников с недоразвитием речи, обозначены ключевые позиции экспериментально-методического подхода автора, обобщены результаты проведённого исследования, направленного на изучение поверхностной грамматики у детей данного контингента, систематизирована типология языковых ошибок, представленных в их языковой продукции.

Ключевые слова: *деграмматикализованный текст, парадигма, репрезентативная способность языка, узус (правило, норма).*

Синтаксическая модель предложения, являющаяся центральным звеном грамматического строя языка, может быть выявлена на разных уровнях системной организации языка – глубинном (смысловом) и поверхностном (языковом). Это доказывает её непосредственную связь с мышлением (Н. Хомский, Д. Слобин, А.А. Леонтьев) и объясняет имеющиеся у детей с недоразвитием речи стойкие нарушения языкового характера, связанные с трудностями грамматикализации языковой программы высказывания, несформированностью символической стороны языка, снижением его репрезентативной способности (Р.И. Лалаева, Е.Ф. Соботович, Л.Б. Халилова).

Специалисты в области патологии речи сходятся во мнении относительно того, что у детей с недоразвитием речи существенно ограничены возможности в передаче своих жизненных впечатлений посредством языка. Их речевые высказывания недостаточно информативны, с характерными нарушениями логической последовательности изложения событий и длительными паузами между фрагментами повествования. У большинства из них выявляются серьёзные недостатки синтаксической организации сообщения, что обусловлено довольно низким уровнем сформированности языковых средств. Обращает на себя внимание тот факт, что практически у всех детей данного контингента отмечаются нарушения синтаксической связи между предложениями, трудности при передаче временных и пространственных отношений, неправильное оформление синтаксической и смысловой типов связи, пропуски слов, дублирование элементов фразы.

 © Заимцян Д.Р., 2010

Цель настоящего исследования состояла в изучении специфики становления и развития синтаксического строя языка у младших школьников с недоразвитием речи, научном обосновании коррекционно-педагогических мероприятий, обеспечивающих его целенаправленное формирование.

Гипотеза исследования была основана на предположении о том, что в основе стойких нарушений синтаксического характера у младших школьников с недоразвитием речи лежит несформированность комплекса трансформационных операций, обеспечивающих перевод глубинных синтаксических значений на уровень поверхностных синтаксических структур языка, доступных для восприятия и реализации в речи.

Следует уточнить, что под поверхностной структурой языка понимается некоторая упорядоченная последовательность слов, сгруппированных во фразы разных видов, создаваемых с целью конструирования так называемого «каркаса» будущего высказывания. Экспериментально доказано, что формируется она посредством многочисленных процессов грамматического кодирования, в результате которых говорящий извлекает нужные для выражения лексемы, располагает их в правильном порядке и выстраивает высказывание.

В проведённом нами эксперименте приняли участие 50 учащихся третьего и четвёртого коррекционных классов с диагнозом общее недоразвитие речи III уровня (согласно классификации Р.Е. Левиной), характеризующимся развёрнутой фразовой речью с элементами недоразвития фонетики, лексики и грамматики. В ходе логопедического обследования было обнаружено наличие у большинства из них стойких грамматических недочётов, возникающих как на уровне развёртывания смысловой программы высказывания, так и на стадии её декодирования. Детей изучаемого нами контингента отличали выраженные нарушения, связанные с выбором слов из состава семантического поля и их грамматическим комбинированием в структуре единого целого, трудности определения порядка расположения лексических единиц в развёрнутой линейной схеме, ошибки грамматического маркирования и звукового оформления речевого высказывания, несовершенство трансформационной переработки языковой информации.

Методика констатирующего эксперимента, направленная на изучение поверхностной грамматики, была представлена тремя основными заданиями.

Первое задание констатирующей фазы исследования основывалось на изучении у младших школьников с недоразвитием речи умения обнаруживать сочетательные возможности языкового знака (синтаксические валентности языкового знака) и способы их реализации в речи. Ориентируясь на условия данной языковой задачи, испытуемые должны были обнаружить наличие в анализируемом тексте грамматических аномалий и восстановить его искажённый вариант, используя при этом правила нормативной грамматики.

Второе задание разработанной нами методики констатирующего эксперимента имело направленность на определение уровня владения испытуемыми системой правил, кодифицирующих нормы пунктуационного оформления письменного текста, а также выявление умения обнаруживать и выделять графические маркеры, фиксирующие позиции начала и конца предложения. С целью решения данной экспериментальной задачи младшим школьникам было предложено проанализировать деграмматикализованный текст, требующий определения границ входящих в его состав предложений, а также выделения заглавных букв. Следует уточнить, что вычленение в связном высказывании предложно-падежных конструкций зависело не только от установления в нём смысловых связей, но и определения закономерностей их грамматического оформления на основе синтаксических правил языковой комбинаторики.

Третье, последнее задание констатирующего эксперимента было направлено на выявление уровня владения школьниками доступными им способами подчинительной синтаксической связи, реализуемой с помощью служебных, морфологически неизменяемых слов. Учитывая тот факт, что выбор предлога диктуется правилами семантического согласования, характером внеязыковых отношений объектов действительности, а также требованиями речевого узуса, детям, участвующим в эксперименте, предложено было восстановить деграмматикализованный текст, из состава которого нами намеренно исключались все предлоги. При этом порядок слов, входящих в состав синтаксических моделей, и их грамматические формы не изменялись.

В основу оценки умения детей экспериментальной группы оперировать синтаксическими

правилами языка в ходе восстановления ими различных вариантов деграмматикализованных текстов были положены следующие критерии:

– степень полноты восстановления исходных элементов текстов;

– степень адекватности его синтаксического восстановления.

Слово считалось восстановленным верно, если была правильно передана его коммуникативная связь с определяемым им словом в синтагме, а также учтены следующие грамматические значения: число имён существительных, прилагательных и местоимений, времена и формы глаголов. Одновременно с этим при регистрации правильности восстановления коммуникативной связи учитывался характер употребления падежных окончаний, или так называемых синтаксических аффиксов. Считались правильно восстановленными тексты с незначительными отклонениями от исходного, если выражаемая в них мысль не вызывала сомнений и совпадала со смыслом оригинала.

Обобщение данных, полученных в процессе восстановления младшими школьниками синтаксической структуры деграмматикализованного текста, содержащего деформации входящих в его состав слов, даёт основание говорить о наличии у большинства из них (80% испытуемых) стойких недочётов, связанных с моделированием синтаксической структуры предложения. Восстановить текст с учётом требований нормативной грамматики, как это требовалось по условию задания, никому из учащихся с недоразвитием речи так и не удалось. Незнание синтаксических и морфологических правил языка нередко приводило к тому, что многие из них изменяли слова, входящие в состав грамматической конструкции, интуитивным способом. Лишь у 30% детей данного контингента имели место случаи частичного восстановления текста (не менее 50% восстановления имеющихся деформаций). Наибольшее количество грамматических ошибок мы зафиксировали в речевой продукции 50% испытуемых, у которых деграмматикализованный текст был восстановлен частично, то есть менее чем на 50%. Что касается остальных детей экспериментальной группы (10% младших школьников), то, как свидетельствует дальнейший анализ, в моделируемых ими текстах обнаруживались лишь единичные фрагменты восстановления его деграмматикализованных структур.

Полученная нами картина восстановления детьми с недоразвитием речи имеющихся в тексте грамматических аномалий свидетельствует в целом о невысоком уровне владения ими сочетательными возможностями языкового знака, о недостаточной степени оперирования большинством из них рациональными способами использования синтаксических единиц языка с учётом комплекса правил поверхностной грамматики.

Анализ результатов выполнения учащимися с недоразвитием речи второго задания экспериментальной методики, требующего от них определения границ предложения, позволил обнаружить, что у большинства из них нарушение правил построения текста имеет весьма разнообразный характер. Так, у 80% испытуемых имело место стойкое смешение границ предложений, входящих в состав анализируемого ими текста. Причём у 50% младших школьников мы зафиксировали ошибочное объединение синтаксических конструкций, сопровождающееся негрубыми вариантами нарушения смысловых связей (частичное восстановление границ деграмматикализованного текста). У 30% детей ЭГ, напротив, были выявлены выраженные трудности, закономерно приводящие к нарушениям смысловых связей.

Выделенная нами типология языковых ошибок свидетельствует в целом о невысоком уровне владения младшими школьниками с недоразвитием речи системой правил, кодифицирующих нормы пунктуационного оформления текстовой продукции. Незрелость грамматического компонента языковой способности, имеющая место у большинства из них, приводит к стойким затруднениям, связанным с нахождением и выделением графических маркеров, фиксирующих позиции начала и конца предложения. Вместе с тем у нас есть все основания утверждать о наличии изолированного функционирования в их речевой продукции лексических единиц от контекста, вне сложноорганизованной системы связей и отношений. Наличие данного факта позволяет нам рассматривать анализируемые типы ошибок как результат несформированности предикативной функции речи, выступающей в качестве основного конституирующего признака предложения, относящего информацию к действительности и формирующего сообщение.

Результаты выполнения учащимися третьего задания констатирующего эксперимента, направленного на выявление уровня владения ими дос-

тупными способами подчинительной синтаксической связи, показали, что значительная часть испытуемых столкнулась с неумением адекватного использования различных по степени сложности и структуре предложно-падежных конструкций языка, неправильным употреблением предлогов в составе предложенных им грамматических моделей, не всегда точным пониманием их функционального назначения.

Подробный анализ количественных данных позволил отметить, что у большинства детей с недоразвитием речи, участвующих в эксперименте (50%), имели место стойкие затруднения, связанные с восстановлением деграмматикализованного текста. Их отличало, как показали результаты экспериментальной проверки, ненормативное использование предлогов, следствием чего являлось ошибочное объединение синтаксических конструкций с выраженным нарушением смысловых связей.

У 40% младших школьников ЭГ мы зафиксировали случаи негрубого нарушения в использовании предлогов, что позволило им лишь частично восстановить деграмматикализованный текст. В письменной продукции большинства из них фиксировались случаи смешения границ предложения, образующих текст, с единичным нарушением смысловых связей.

В целом результаты экспериментальной проверки свидетельствуют о весьма ограниченном уровне усвоения детьми с недоразвитием речи предложного управления, что, как нам представляется, обусловлено незнанием совокупности семантических реализаций (вариантов) этого разряда служебных слов, трудностями оперирования их семантической структурой. Ограниченные возможности речеязыкового развития младших школьников изучаемого нами контингента неизбежно приводят к нарушению восприятия и последовательной дифференциации предлогов, маркирующих в языке, прежде всего, пространственно-временные отношения.

Завершая анализ результатов выполнения младшими школьниками с недоразвитием речи серии экспериментальных заданий, направленных на восстановление различных вариантов деграмматикализованных текстов, считаем необходимым подчеркнуть, что у значительного большинства из них имеют место стойкие нарушения правил языковой комбинаторики, незрелость психолингвистических операций выбора и структурирования слов, столь необходимых для семантической интерпретации предложно-падежных конструкций, входящих в состав грамматически оформленного текста.

Библиографический список

1. *Лалаева Р.И.* Формирование лексики и грамматического строя у школьников с общим недоразвитием речи. – М., 2001.

2. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М., 1969.

3. *Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. – М., 2004.

4. *Соботович Е.Ф.* Формирование правильной речи у детей с моторной алалией. – Киев, 1981.

5. *Халилова Л.Б.* Психолингвистический подход и его использование в изучении речевых расстройств // Психолингвистика и современная логопедия / Под ред. Л.Б. Халиловой. – М.: Эконика, 1997.

6. *Хомский Н.* Синтаксические структуры // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2.

УДК 796.01.57

Карасев Дмитрий Юрьевич,
Кетоев Казбек Эльбрусович
кандидат педагогических наук
Северо-осетинский государственный университет (г. Владикавказ)
kdima_2004@mail.ru

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

В данной статье рассматриваются проблемы физического совершенствования дошкольников 5–7 лет в условиях дошкольного образовательного учреждения (ДОУ). Показана значимость реализации инновационных технологий физической подготовки детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: *дошкольники, физическое воспитание, физическое развитие, физическая подготовленность, инновационные технологии.*

Актуальность проблемы повышения уровня физического состояния дошкольников определяется отсутствием научно обоснованных технологий. В нашем педагогическом эксперименте дифференцированный подход к физическому воспитанию дошкольников 5–7 лет является важнейшим условием их физического развития и физической подготовленности.

Известно, что в основе адаптации организма к физическим нагрузкам лежат возникающие в результате систематических занятий морфологические, метаболические и функциональные изменения в различных органах и тканях ребенка, происходит совершенствование нервной, гормональной и автономной клеточной регуляции функции. Все эти изменения определяют тренировочные эффекты. Они проявляются в улучшении разнообразных функций организма, обеспечивающих осуществление мышечной деятельности, и как следствие – в повышении физической подготовленности занимающегося, в росте его показателей [1].

При разработке фундаментальных и прикладных аспектов проблемы адаптации и здоровья дошкольников значительное внимание должно уделяться вопросам оптимизации их двигательной активности, которая рассматривается как естественная потребность на всех этапах онтогенеза. Установлено, что в современной популяции школьников до 20% возросла доля детей с дефицитом массы тела (около 16% детей, начинающих обучение), а у 30–50% выявляется функциональная незрелость [1; 2]. Таким образом, возраст 7 лет оказывается критическим и в социально-психологическом, и в психофизиологическом плане [6].

Поэтому основной целью данного исследования являлось изучение влияния системы непрерывного образования физической культурой в условиях государственного образовательного учреждения с применением инновационных технологий на состояние здоровья детей.

При организации работы авторы исходили из положения отечественной педагогики о том, что педагогический процесс представляет собой единство процессов обучения, воспитания и образования. Каждый из этих процессов характеризуется своей функциональной направленностью, содержанием и собственной технологией воздействия на физическую, психическую и социальную сферу ребенка [5]:

– обучение раскрывается через формирование общественно значимого исторического опыта, накопленного в физической культуре, проявляющегося в присвоении соответствующих знаний, умений и навыков;

– воспитание рассматривается как целенаправленное формирование общественно значимых установок, понятий, принципов и ценностных ориентаций, отражающееся в приобретении индивидуального мировоззрения и миропонимания устойчивых черт характера и способов межличностного общения в процессе физкультурной деятельности;

– образование характеризуется активным овладением школьниками основами физкультурной деятельности и отражается в творческом развитии личности, сформированности интересов в сфере физической культуры.

Согласно этому подходу развитие физической культуры личности происходит поэтапно, и в условиях педагогического процесса по овладению физкультурной деятельностью можно выделить:

© Карасев Д.Ю., Кетоев К.Э., 2010

– идентификацию – усвоение знаний и способов физкультурной деятельности, овладение движениями и жизненно важными двигательными действиями, физическими упражнениями, позволяющими активно включаться в занятия физической культурой;

– индивидуализацию – усвоение и воспроизведение знаний, умений и двигательных действий в соответствии с индивидуальными физическими, психическими и нравственными качествами личности;

– персонализацию – овладение, воспроизведение и целенаправленное использование средств, методов и форм физкультурной деятельности, формирование индивидуального опыта и создание образцов и ценностей, непосредственно связанных с удовлетворением личных интересов и потребностей.

Соответственно и в системе дошкольного воспитания, и в начальной школе физическое воспитание предусматривает расширение индивидуального двигательного опыта ребенка, последовательное обучение движениям и двигательным действиям [3; 4; 7]. Это означает, что педагогический процесс направлен на усвоение двигательного опыта, имеет все признаки процесса идентификации и должен предусматривать преемственность средств и методов физической воспитания.

Актуальность исследования программ физического воспитания обусловлена отсутствием единого подхода при формировании программ физического воспитания дошкольников и школьников, основанных на средневозрастных особенностях и нормативах и индивидуальных особенностях каждого конкретного ребенка.

Учитывая, что главной целью образовательной области «Физическая культура» было и остается формирование физической культуры личности с учетом возрастных анатомо-физиологических и психологических особенностей дошкольников, в первую очередь необходимо сформировать цели и задачи физического воспитания у детей каждого возрастного периода.

Для детей дошкольного возраста общим является развитие личности в процессе овладения ими основами физкультурной деятельности с общеразвивающей направленностью. Для детей дошкольного возраста эта цель конкретизируется как овладение физкультурной деятельностью с общеразвивающей направленностью для подготовки детей к обучению в школе. Цель физической культуры в начальной школе состоит в овладении физкультурной деятельностью с общеразвивающей направленностью для создания фундамента всестороннего физического развития, укрепления здоровья и формирования умения управлять жизненно необходимыми двигательными действиями в различных условиях.

В период с 2008 по 2010 гг. на базе Дворца детского творчества г. Владикавказа проводили экспериментальную работу по проверке эффективности непрерывного образования по физической культуре, отрабатывались шаги по внедрению положений программы непрерывного физкультурного образования в практику занятий по физической культуре у детей дошкольного возраста.

Занятия по физической культуре вели по программе, разработанной для дошкольников. В качестве инновационной составляющей процесса физического воспитания использовали тренажер, реализующий на практике закономерности волновой биомеханики. Технология использования тренажера предусматривала формирование комплексов упражнений для детей разного возраста. В течение учебного года представленные комплексы меняли за счет использования модификаций отдельных упражнений или за счет замены упражнений из других комплексов. Комплексы корректировали один раз в месяц у детей подготовительной группы ДОУ.

Количество занятий с тренажером учитывали ежедневно, что позволяло точно определять время физической активности детей, участвующих в эксперименте. Дети подготовительной группы ДОУ выполняли комплексы упражнений с тренажером в течение 5 минут по 5 раз ежедневно.

В ходе эксперимента фиксировали данные о количестве пропуска занятий по причине заболеваний, показатели физического развития и данные о динамике физических качеств у детей изучаемого возраста. Для этого использовали тесты, рекомендованные в системе мониторинга: бег на 30 метров со старта, прыжок в длину с места, подъем туловища за 30 секунд.

В ходе экспериментальной работы отрабатывали варианты использования инновационной технологии как элемента системы непрерывного физического воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста. Известно, что механизм воздействия тренажеров на организм человека заключается в последовательном волнообразном переходе скелетной мускулатуры из

Таблица 1

Характеристика групп здоровья и заболеваемости обследованных детей в условиях ДОУ

Группа	Показатели						
	Количество детей	I группа здоровья, %	II группа здоровья, %	III группа здоровья, %	НОДА n / %	ЛОР n / %	Другие заболевания n / %
Подготовительная группа	19	32	68		7 / 37	6 / 32	3 / 16

напряженного состояния в расслабленное и обратно с частотой, которая может меняться в пределах от 2 до 5 Гц. Такой переход в состоянии скелетной мускулатуры получил название биомеханической волны. Распространение биомеханических волн по скелетной и гладкой мускулатуре тела человека происходит в зависимости от выполняемого упражнения и не зависит от сознания. При овладении техникой выполнения упражнений дети выбирают удобную для себя частоту движений.

Оказалось, что за счет использования инновационной технологии удается добиться увеличения времени физической активности детей на 50–60% при ежедневном трехразовом выполнении комплекса с тренажером и на 90–100% – при ежедневном пятиразовом выполнении. При таком увеличении двигательной активности было подтверждено мнение, что технология применения тренажера для занятий с детьми в образовательных учреждениях типа ДОУ в рамках «полного дня» не вызывает перегрузок и нарушения сна.

Кроме того, в ходе экспериментальной работы была подтверждена точка зрения о том, что по принципу действия волновые тренажеры не вступают в противоречие с другими системами физических упражнений, а только усиливают их действие. Биомеханические волны напряжения и расслабления не просто втягивают в согласованный ритм работы все системы, но организуют и закрепляют правильную работу биомеханических структур, управляющих качеством работы, и общего состояния всего организма. Анкетирование, проведенное среди родителей, показало усиление интереса детей к занятиям с тренажером и физической культурой в целом.

Рассмотрим данные, полученные при экспериментальной работе. Представленные в таблице 1 данные о группах здоровья и заболеваемости наблюдаемых в течение 2009–2010 года у детей показывают, что большинство из них отнесены ко второй группе здоровья – 68%, 1-ю группу здоровья имеют 32% детей.

При анализе все отклонения в состоянии здоровья были разделены на три большие группы: нарушения опорно-двигательного аппарата (НОДА), лор-заболевания, другие заболевания. К последней группе были отнесены хронические диагнозы состояния сердечно-сосудистой и нервной систем организма. Анализ заболеваемости в течение учебного года показал, что наибольшее количество пропусков занятий в подготовительной группе ДОУ наблюдаются по причине лор-заболеваний, самые распространенные из которых – ОРЗ и ОРВИ. Следующая группа пропусков связана с различными болезнями, к которым были отнесены и гастрит, и оперирование отдельных органов, и ушибы разных частей тела. Инфекционные заболевания, к которым в данном случае относится ветряная оспа, также служили причиной пропусков занятий. К положительным следует отнести тот факт, что количество пропущенных по этой причине дней в среднем составило 5–6, что свидетельствует о легкой форме перенесенной болезни.

Выше приведенные результаты в основном подтверждают мнение большинства исследователей этой проблемы, что у детей 6–7-летнего возраста первое рейтинговое место в структуре патологической распространенности занимают нарушения осанки и другие отклонения в опорно-двигательной системе организма. Поэтому лечебным и профилактическим мероприятиям, способствующим восстановлению опорно-двигательного аппарата, необходимо уделять самое пристальное внимание. Определяющим условием профилактики является рациональная организация двигательного режима в ДОУ, важным элементом которого служили ежедневные занятия с тренажером.

Как показал анализ данных, значительное место в структуре имеющейся патологии занимают

Таблица 2

Показатели физического развития обследованных детей

Группа	Дата измерения	Рост, см.	Вес, кг.	Сила правой кисти, кг	Сила левой кисти, кг
Подготовительная	сентябрь 2009 г.	119,0 ± 4,7	24,0 ± 5,3	6,2 ± 1,5	5,7 ± 1,5
	май 2010 г.	122,1 ± 4,9	25,7 ± 5,9	7,6 ± 1,5	7,1 ± 1,6

болезни лор-органов. Патология в виде гипертрофии миндалин, аденоидов, отитов у детей данного возраста является довольно распространенной. Следует помнить, что указанные заболевания – причина частых ангин и острых респираторных заболеваний у детей, так как лимфоидная ткань носоглотки в таких случаях не выполняет функции барьера для проникающих через верхние дыхательные пути микробов. Кроме того, следует отметить, что количество заболеваний, отнесенных к группе «Другие заболевания», снизилось в среднем с 30% до 16%.

В таблице 2 представлены данные о показателях физического развития: рост, вес и сила правой, левой кисти рук у детей, участвующих в эксперименте. Оказалось, что все показатели физического развития демонстрируют тенденцию к достоверному увеличению ($p<0,05$). Рост у детей подготовительной группы увеличивается в среднем на 3 см за анализируемый период, вес – на 1,7 кг. Следовательно, можно заключить, что рост показателей физического развития у детей этого возраста относительно равномерный. Анализ данных измерения кистевой динамометрии свидетельствует, что измеренные показатели последовательно возрастают в течение года.

Отметим, что эта разница постоянно уменьшается при использовании в занятиях инновационной технологии. Например, в начале эксперимента у детей подготовительной группы средние значение динамометрии кисти правой руки возросли с 6,2 ± 1,5 до 7,6 ± 1,5 кг., а левой – с 5,7 ± 1,5 до 7,1 ± 1,6 кг. Данный факт свидетельствует о положительном влиянии применяемых инновационных технологий на динамику развития мышц правой и левой стороны тела человека, которая отмечалась на более ранних стадиях эксперимента. Подтверждается предположение, что последовательное воздействие тренажера на скелетную мускулатуру позволяет согласовывать работу так называемых парных мышц, находящихся по разные стороны от позвоночника. В частности, выполнение упражнений с тренажером приводит к выравниванию тонуса правой и левой стороны тела и позволяет уменьшить вероятность появления сколиозов позвоночника.

В ходе эксперимента фиксировали данные о развитии физических качеств у детей изучаемого возраста. Они свидетельствуют о том, что предлагаемая выше модель занятий физической культурой позволяет добиваться существенного прироста абсолютных значений показателей, характеризующих развитие быстроты, скоростно-силовых качеств и силовой выносливости у детей, участвующих в эксперименте (см. табл. 3).

Таким образом, нами предложена система физического воспитания детей дошкольного возраста с использованием инновационных технологий. В ходе работы были уточнены цели физического воспитания детей дошкольного возраста, осуществлены отбор и классификация основных средств физического воспитания.

Экспериментальная проверка внедрения положений программы непрерывного физкультурного образования в практику занятий по физической культуре детей дошкольного возраста показала, что удается снизить заболеваемость детей в течение года, сохранить темпы прироста показателей физического развития на уровне возрастных норм и добиться прироста основных физи-

Таблица 3

Показатели развития физических качеств обследованных детей

Группа	Дата измерения	Бег 30 м., сек.	Прыжок в длину с места, см.	Подъем туловища в сед за 30 сек. раз
Подготовительная	сентябрь 2009	7,1 ± 1,0	109,3 ± 30,5	14,9 ± 4,9
	май 2010	6,6 ± 0,7	120,7 ± 17,1	18,5 ± 4,0

ческих качеств, соответствующего среднему и высокому уровню.

Библиографический список

1. *Безруких М.М.* Как помочь ребенку с ослабленным здоровьем преодолеть школьные трудности. – М., 1994.
2. *Безруких М.М.* Школа и здоровье // Материалы Всероссийского форума «Образование и здоровье учащихся». – М.: Ключ, 2005. – Ч. 1. – С. 21–30.
3. *Глазырина Л.Д.* Физическая культура дошкольника. Программа и программные требования. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 144 с.
4. *Глазырина Л.Д.* Методика физического воспитания детей дошкольного возраста: Пособие для педагогов дошк. учреждений. – М.: ВЛАДОС, 2001. – С. 10–19.
5. *Матвеев А.П.* Физическая культура. Программа для учащихся, отнесенных по состоянию здоровья к специальной медицинской группе. – М.: Дрофа, 2003. – 112 с.
6. *Родионов А.* Физическое развитие и психическое здоровье: Программа развития личности ребенка средствами физической активности. – М.: ТЕИС, 2007. – 165 с.
7. *Щербаков В.П.* Физическая культура от трех до восемнадцати лет: Учебно-методическое пособие // Серия: «Инструктивно-методическое обеспечение содержания образования» / Отв. ред. Л.Е. Курнешова. – М.: Школьная книга, 2009. – 272 с.

УДК 189.02

Киян Ирина Владимировна
кандидат философских наук
Московский институт энергоэффективности и энергобезопасности
palmira57@inbox.ru

ТЕСТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

В системе дистанционного обучения тестирование является основной формой контроля, и поэтому тест может рассматриваться как важный компонент процесса образования, от наполнения которого зависит уровень процесса обучения в целом и результат управления качеством педагогических технологий, в частности.

Ключевые слова: *тест, тестирование, управление качеством, педагогические технологии, дистанционное обучение, формы контроля, виртуальные задания, методологические подходы, уровень образования.*

Тестирование в образовании является одной из основных форм контроля и самоконтроля знаний, полученных обучаемыми в учебном процессе: посредством тестов определяется степень усвоения материала определенной дисциплины, курса. Помимо контрольных функций, тестирование имеет целью развитие у обучаемых профессионального творческого мышления, с его помощью происходит закрепление знаний, расширение понятийного аппарата.

Сферы использования тестирования в современном мире очень широки, однако нас интересуют непосредственно его функции в системе дистанционного образования. Основная *задача данного исследования* – показать роль тестовых заданий в СДО как инструмента управления качеством педагогических технологий.

При дистанционном обучении роль и значение тестирования особенно важны, поскольку ДО в большей степени, чем традиционные формы, предполагает самостоятельное изучение курса – лекционного материала, дополнительной литературы – и обязательный итоговый и промежуточный контроль и самоконтроль знаний по изученной теме.

Виртуальные тестовые задания, предложенные обучаемым, являются не только эффективным инструментом оценки качества получаемых ими знаний, но и индикатором общего уровня учебного курса и применяемых педагогических технологий, особенно на этапе апробации. Результаты проведённых контрольных мероприятий используются непосредственно для их оптимизации. Сетевое электронное тестирование имеет множество преимуществ. Во-первых, оно освобождает преподавателя, от временных затрат на бумажную работу; во-вторых, значительно облегчает проверку полученных результатов; в-третьих, дает возможность создать единообразие и од-

 © Киян И.В., 2010

нородность проверки знаний, а также обеспечивает объективный подход при тестировании разных групп обучаемых; в четвертых – не требует создания и установки дополнительного программного обеспечения каждый раз при внедрении в работу нового типа тестовых заданий и др.

Исходя из определения, принятого ЮНЕСКО, педагогическая технология представляет собой системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учётом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, главная задача которого – оптимизация форм образования. Следует отметить, что регулярное тестирование и самотестирование входит в число ключевых элементов, ведущих к достижению этой цели, своевременно показывая уровень знаний обучаемых, эффективность работы преподавателя / тьютора, корректность проводимого учебного курса и выявляя его актуальность.

Не менее важную роль тестирование играет и при подготовке педагогического персонала, помогая преподавателям в короткие сроки усваивать новые компьютерные программы, учебные и методические материалы, быстро адаптироваться к изменениям форм работы, обусловленным инновациями в области IT.

Несомненными преимуществами тестирования являются:

– экономия времени на проведение итогового и промежуточного контроля знаний обучаемых;

– возможность использования его как в группе, так и при индивидуальном подходе;

– лёгкая адаптация тестового задания к уровню подготовки аудитории (изъятие или замена тестов по необходимости);

– получение достоверного результата, благодаря подбору широкого ряда вопросов;

– создание равных условий для обучаемых при выполнении тестовых заданий.

Контроль обучения несёт две основные функции: контроль в процессе обучения с целью его коррекции и контроль результатов обучения для оценки его эффективности [1].

История применения тестов в педагогике началась за рубежом в позапрошлом веке и с переменной активностью развивалась в России. В последние десятилетия интерес к исследованию роли тестирования в области образования обусловлен интенсивным развитием СДО. Однако, несмотря на значительное увеличение публикаций по данной теме, остается еще много нерешенных вопросов, в частности, подходы к процессу тестирования и к самому тесту как к инструментам управления качеством педагогических технологий в научно-исследовательской литературе не изучались. Поэтому процесс исследования методологических подходов к проблеме тестирования с этой точки зрения остается актуальным на сегодняшний день.

Из современных научных публикаций наиболее значимые исследования, посвященные роли тестирования в педагогике или науке тестологии (термин В.С. Аванесова), принадлежат В.С. Аванесову, Е.С Полат, Н.Ф. Талызиной и другим авторам. При этом многие из них обращают внимание на ДО, поскольку именно здесь роль тестирования по сравнению с традиционными формами обучения значительно возросла. Теоретическим вопросам тестологии уделено внимание в работах А. Анастази, М.В. Кларина, В.С. Аванесова, Г.К. Селевко, В.И. Звонникова и других. Однако в российской педагогической науке до сих пор не сложилась единая теория тестов и нет единых методологических подходов к решению как теоретических, так и практических вопросов тестирования, в том числе и в сфере ДО.

В научной литературе принято выделять объективные и субъективные методы контроля. Тестовый контроль относится к объективному методу и применяется очень широко во многих сферах деятельности, в том числе и в образовании. Причем в сфере дистанционного обучения тестовый контроль включает в себя организационную и воспитательную составляющие, поскольку на выполнении тестовых заданий строится существенная часть ДО, а при отсутствии дисциплины и ответственного подхода к данной работе теряется смысл обучения посредством дистанционной формы.

Образовательный тест имеет свою специфику. В отличие от других контрольных заданий (работ, экзаменов, зачетов, опросов в устной и письменной форме), к тестовому заданию прилагаются нормализованные правила оценки получаемых результатов. Фактически образовательный или педагогический тест – это некий стандарт измерения уровня и объёма знаний по определённой учебной дисциплине, курсу.

Существующие определения понятия «тест» выделяют ряд обязательных для него характеристик. Классическое определение педагогического

теста рассматривает его как систему заданий специфической формы, определенного содержания, возрастающей трудности, позволяющую качественно оценить структуру и эффективно измерить уровень знаний, умений, навыков и представлений по учебной дисциплине.

Причем автор термина «тестология», обозначающего науку о тестах и тестировании, В.С. Аванесов [2], настаивает на разделении смыслового наполнения понятия «тест», считая, что в дистанционном образовании тест используется исключительно на этапе итогового контроля знаний. В текущем контроле и в самообразовании применяются не тесты, а задания, которые предлагается квалифицировать как задания в тестовой форме. По мнению исследователя, различаются эти понятия не только по названию, но и по существу. С помощью тестов проверяется уровень итоговой подготовленности, посредством же применения заданий в тестовой форме этот уровень создаётся.

Задания в тестовой форме ранее определялись перечислением ряда их существенных свойств (признаков). Задания в тестовой форме должны обладать рядом характерных признаков, среди которых: краткость, технологичность, правильность формы; корректность содержания; логическая форма высказывания; одинаковость правил оценки ответов; наличие определенного места для ответов; правильность расположения элементов задания; унифицированное руководство по его выполнению для всех испытуемых; адекватность инструкции форме и содержанию задания. При этом по мнению В.С. Аванесова [2], новыми в приведённом определении являются требования корректности содержания и технологичности заданий. Первое из них является условием предметной правильности сформулированного содержания заданий. Достижение этого условия зависит от компетентности разработчика заданий и от экспертов, проверяющих содержательную правильность суждений, положенных в основу задания.

Образовательный тест рассматривается и как инструмент для измерения ряда качеств обучаемых (знаний предмета, умений, способности оперировать полученной информацией и др.), содержащий набор тестовых заданий, которые состоят из предъявляемой части и тестологических

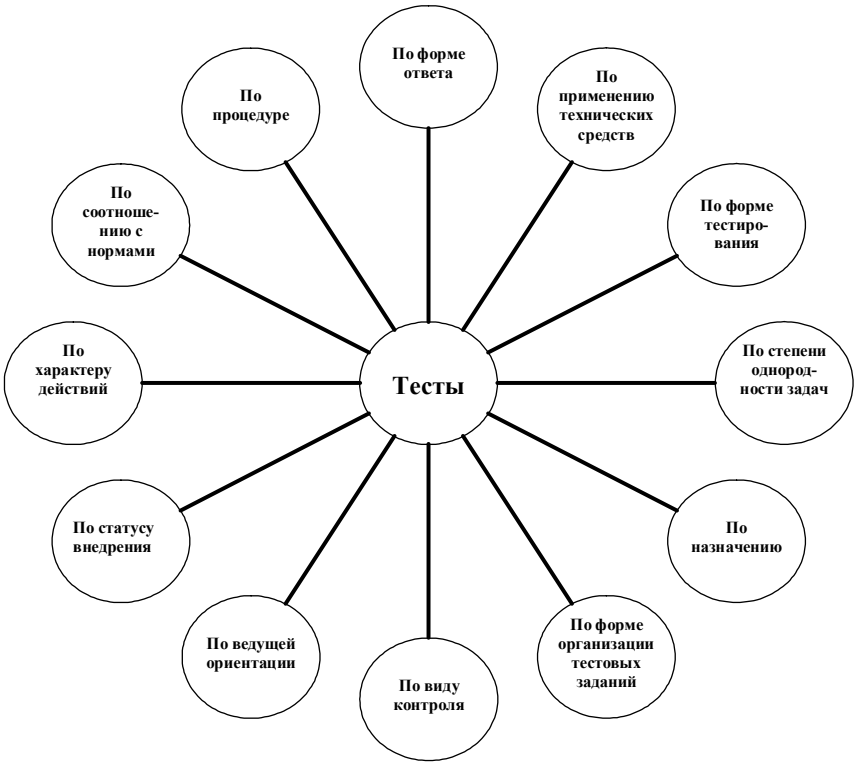

Рис. 1. Типы тестовых заданий

характеристик, в совокупности с оптимизированной процедурой проведения тестирования и научно обоснованной технологией обработки, анализа и интерпретации результатов.

Тестовые задания составляют структурную и информационную основу теста.

На рисунке показана существующая в настоящее время сводная классификация тестов, используемых в образовании вообще и в СДО, в частности. При этом назвать ее исчерпывающей нельзя, поскольку инновационные процессы в сфере компьютерных и педагогических технологий постоянно пополняют имеющийся арсенал типов тестовых заданий.

Итак, *по процедуре* тесты делятся на: стандартизованные, нестандартизованные, ненормированные (по результатам); *по применению технических средств:* бланковые, компьютерную обработку результатов, компьютерные; *по форме тестирования:* для группового тестирования, для индивидуального тестирования; *по степени однородности задач:* гомогенные, гетерогенные; *по назначению:* общедиагностические, для определения профпригодности, для выявления специальных способностей, достижений; *по форме организации тестовых заданий:* закрытая форма, открытая форма, на соответствие, на установление правильной последовательности (тематические); *по виду контроля:* тесты исходного контроля, тесты текущего или промежуточного контроля, тесты рубежного или итогового контроля (экзаменационные); тесты заключительного контроля; *по ведущей ориентации:* тесты скорости (кольца Ландольта, Бурдона, «шифровки» из набора Векслера), тесты мощности или результативности, смешанные тесты; *по статусу внедрения:* общенациональные, отраслевые или министерские, вузовские, кафедральные, личные или неформальные; *по характеру действий:* вербальные, невербальные; *по соотношению с нормами или критериями:* тесты, ориентированные на норму, тесты, ориентированные на критерии; *по форме ответа:* устные, письменные.

Дифференциация тестов по соотношению с нормами или критериями базируется на различном понимании понятия «норма». Нормативно-ориентированный подход характеризуется сопоставлением индивидуальных тестовых баллов со статистической нормой, показывающей наиболее распространённый уровень выполнения теста. Что касается критериально-ориентированного подхода, то он основан на сопоставлении индивидуальных баллов с установленными стандартами качества усвоения дисциплины.

Нормативно- и критериально-ориентированные тесты применяются с разными целями. Первые используются при необходимости сравнения учебных показателей отдельных обучаемых или групп; вторые – для педагогической диагностики посредством сравнения выявленных показателей усвоения материала обучаемыми с существующими стандартами.

Классификация тестовых заданий по форме организации на открытые и закрытые, на соответствие и выстраивание правильной последовательности подразумевает следующую трактовку. При закрытой форме в основной части предлагаемого задания содержится вопрос или утверждение, а также варианты ответов, из которых обучаемый должен выбрать правильный. Обычно предлагаются задания двух видов: 1) даётся утверждение и два ответа на выбор, а обучаемый должен определить, правильно оно или же нет; 2) из нескольких предложенных вариантов ответа требуется выбрать верный. При этом текст закрытой формы должен отвечать ряду требований: не иметь противоречий между компонентами – текстом, заданием и ответами; ясный текст и однозначность терминов; краткость (не более 5–6 слов); простую стилистическую организацию; отсутствие лишних слов и повторов; одну стандартную инструкцию по выделению ответа (например – «отметить галочкой», «обвести кружком»); от 4 до 6 вариантов ответов; обязательное присутствие верного ответа среди предлагаемых вариантов.

При открытой форме ответ формулирует сам обучаемый. При этом задания могут быть представлены или с учетом свободной формы ответа или же с обозначенными ограничениями. Свободная форма ответа позволяет преподавателю более достоверно определить степень подготовки обучаемого и выявить его способности к аналитическому и творческому мышлению, а также к синтезу полученных знаний. Однако при компьютерном тестировании в СДО задания такого типа сложны для компьютерной обработки и требуют участия преподавателя (тьютора). Поэтому предпочтение при предоставлении тестовых заданий в открытой форме чаще всего отдается тестам с фиксированной формулировкой ответа, состоящей из ограниченного количества вариантов (например, «Введите…», «Дополните…»).

Тестовое задание на соответствие представляет собой два ряда разнообразных элементов (слов, цифр, графиков и т.п.), которые нужно логически связать друг с другом. Причем во втором ряду или группе должно быть больше элементов, чем в первом (-ой).

Тестовое задание на установление правильной последовательности или группирования подразумевает установление обучаемым правильного порядка элементов – графических, словесных, в виде формул и умозаключений и т.п. Наиболее часто из всех перечисленных типов тестовых заданий преподаватели применяют закрытую и открытую формы тестирования, а также задания на соответствие.

Педагогический тест направлен на определение качества знаний у обучаемых, поэтому при его разработке, независимо от формы заданий, преподаватель реализует задачу максимально оптимизировать возможности этого инструмента контроля знаний, особенно в СДО. Полученные результаты используются как исходные данные для совершенствования системы управления качеством педагогических технологий и образовательным процессом в целом. Ввиду сказанного, тестирование при ДО занимает центральное место в учебном процессе и требует высокой квалификации разработчика – не только в сфере педагогики и конкретной учебной дисциплины, но и в сфере IT.

Следует отметить, что вышеприведенная классификация тестов служит основой и для составления тестового задания в ДО. Однако необходимо учитывать, что в границах педагогической тестологии данная классификация ориентирована прежде всего на контрольные тесты, используемые с целью определения уровня знания учебного материала. В СДО в большей степени практикуются обучающие тесты, в которых допустимы свободные формулировки заданий и инструкций, соответствующих методике обучения и приоритетным целям дистанционного обучения. Контрольное тестирование в системе ДО преимущественно нацелено не на оценку общего уровня знаний обучаемого, а на степень усвоения темы конкретного раздела (курса) изучаемой дисциплины. При этом соответствующие типы тестов желательно создавать в соответствии с методикой предоставления материала учебного курса и тех рекомендаций по их оптимизации, которые можно гибко адаптировать к целям, задачам и концепциям учебной дисциплины (курса, раздела и т.п.). Кроме того, тестирование в СДО должно всегда находиться в тесной взаимосвязи с другими базовыми составляющими и инструментами, которые позволяют мобильно управлять качеством педагогических технологий.

Выбор того или иного типа тестового задания со стороны преподавателя (тьютора), кроме общих задач и конкретных целей, во многом обусловлен спецификой изучаемого предмета. Существует множество вариантов использования тестовых заданий в СДО для выявления уровня знаний по изучаемой теме отдельной учебной дисциплины. Многие схемы могут быть адаптированы для тестирования обучаемых и по другим предметам. При этом гуманитарные и технические тесты, несомненно, имеют свою специфику и различия, связанные с особенностями графического выражения, содержания, необходимых временных затрат на выполнение тестового задания и т.п.

В настоящее время, когда существует огромное количество вузов, в тех или иных объёмах и формах работающих по системе ДО, растёт количество самых разнообразных форм тестовых заданий. Их разработчиками на российском образовательном поле нередко являются сами преподаватели вузов, техникумов, школ, курсов, учебных центров и других учреждений, однако широко используются и тесты, включенные в известные международные высокотехнологичные проекты, разработанные специально для СДО.

Например, автором данной статьи разработаны и успешно применяются в СДО Московского института энергоэффективности и энергобезопасности (МИЭЭ) комплексы тестовых заданий по дисциплинам «Основы электробезопасности» и «Экологическая безопасность» [3].

Представленные тесты предназначены как для промежуточного контроля знаний, так и для итогового. Полученные результаты ложатся в основу управления качеством педагогических технологий в целом, поскольку позволяют преподавателю / разработчику быстро сориентироваться в том, насколько эффективно на данном этапе реализуется учебный план и проходит усвоение обучаемыми пройденного материала, а также при необходимости внести коррективы и в структуру, и в содержание занятий.

После изучения определенного раздела, содержащегося в тематическом модуле для ДО, обу-

чаемый, прежде чем отправить преподавателю / тьютору выполненное тестовое задание для получения промежуточной или итоговой оценки, может неоднократно протестировать себя самостоятельно, чтобы понять, насколько его уровень знаний на данном этапе соответствует требованиям, обозначенным в тестовом задании. К ним, в частности, относятся: ограничения по времени; автоматически учитывается время начало тестирования (день, месяц, год, час, минута – при самоконтроле обучаемый может по своему усмотрению самостоятельно регулировать эти параметры посредством опций «включить / отключить»). Ограничение по времени, отведённому на выполнение задания, показывает обучаемому, в какой степени на данном этапе он подготовлен к выполнению предложенного в тесте задания. Допускается несколько попыток для решения контрольного задания, при этом фиксируются такие параметры, как время начала / окончания выполнения работы и задержка по времени между первой и второй попытками; задержка по времени между следующими попытками. Предусмотрены штрафы за просроченное время и предупреждение о том, что после отправки окончательного варианта ответа закрывается возможность вносить правки.

Отображение вопросов в одном блоке может быть как последовательным, так и произвольным / случайным, а ответы на поставленные вопросы могут охватывать широкий диапазон пройденных ранее тем.

Например, нижеприведенный ряд ответов на поставленный вопрос предоставляет обучаемому в процессе выбора правильного ответа закрепить знания по пройденной ранее теме в целом – в данном случае по теме ограждения токоведущих частей электроустановки.

Пример.

Question 4

Баллов: --/1

Что можно применять для временного ограждения токоведущих частей электроустановки, оставшихся под напряжением?

Выберите один ответ.

– Объемные конструкции оборудования.

– Изолирующие канаты.

– Щиты, ширмы, экраны и т.п., изготовленные из изоляционных материалов.

– Деревянные лестницы.

– Металлические щиты, ширмы, экраны.

Обучаемый может менять настройки, индивидуально составляя разнообразный порядок ответов, отслеживая при этом время, затраченное на ответы по разным комбинациям вопросов. В обучающем режиме фиксируется количество попыток ответить на предлагаемый ряд вопросов, при этом каждая попытка основывается на предыдущей.

Оценки выполнения предложенных заданий выставляются по разработанному и представленному на странице методу оценивания – при большом количестве попыток ответить правильно начисляются штрафы. Обучающиеся имеют возможность просматривать оценку своих ответов непосредственно после каждой попытки, отслеживая в процессе прохождения тестов правильность ответов, и прочитывать комментарий. В конце такой самопроверки даётся общий комментарий к тестам и начисляются баллы. Такой самоконтроль доступен, пока тест открыт. При защите тестового задания, возможность многократных попыток закрывается программой, и преподаватель может видеть окончательный вариант ответов, который и подлежит итоговому оцениванию и позволяет сделать выводы о степени усвоения изучаемого материала учебной аудиторией. При групповом тестировании преподаватель / тьютор может регулировать открытие / закрытие тех или иных тестовых заданий для обучаемых и проводить контрольное оценивание по истечении срока, выделенного на выполнение данного задания. По окончании проведенной работы обучаемые получают итоговые оценки и комментарий к тесту, а преподаватель – общую картину по усвоению группой пройденной темы / раздела / курса, которая становится точкой отсчёта для дальнейшей работы. Полученные результаты берутся за основу при оценке и корректировке управления качеством педагогических технологий, использованных при разработке и реализации данной дисциплины.

Тесты, предназначенные для текущего и промежуточного контроля, позволяют выявить уровень знаний обучаемых, а также оптимизировать систему контроля их успеваемости. Как показывает практика, не менее эффективны они и при использовании для самоконтроля и выполнения самостоятельных проверочных работ. Посредством данного тестирования у обучаемых происходит закрепление пройденного материала, совершенствуются знания, вырабатываются на-

выки коммуникации, а также улучшается письменная и устная профессиональная речь. При разработке тестовых материалов и способах применения тестов учитываются государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования.

Комплекс может состоять, например, из трёх типов тестовых заданий, которые подразумевают:

1) выбор ответов – следует выбрать правильный ответ из числа предлагаемых (например, 1a; 2c; 3b и т.д.);

2) определение правильной нумерации – требуется проанализировать материал и сформулировать ответ в виде числа (например, 1, 3, 7 и т.д.);

3) конструирование ответа – в зависимости от задания нужно дополнить предложение нужным понятием, термином, словосочетанием и т.п. из ряда предложенных вариантов.

Сложные темы могут быть снабжены обобщающими тестами, что позволяет охватить предварительно изученный материал и составить представление о степени усвоения обучаемыми пройденных тем.

Ответ, как правило, оценивается в баллах – каждый отдельно. В конце теста указываются максимальный и минимальный положительные баллы. В двух первых типах заданий каждый ответ оценивается в 1 балл, а каждый конструируемый ответ – в 2 балла.

Все предлагаемые тесты обычно имеют ключи для самопроверки.

Как и при традиционной форме обучения, где от студента требуется уложиться с ответом в строго отчерченный промежуток времени, в СДО – даже при самоконтроле – обучаемый должен ориентироваться на достижение правильного результата в отведённое время, что развивает в нём ответственность, быстроту принятия решения и воспитывает такие качества, как честность, последовательность, дисциплинированность.

Дистанционное тестирование входит в содержание учебной среды Moodle – масштабного проекта, который используется в учебных заведениях многих стран мира, в том числе и в ведущих российских вузах. Поскольку одним из главных преимуществ компьютерного тестирования является охват широкой аудитории в коротких промежуток времени, составление графиков тестирования и регулярное его проведение становятся нормой для систематического промежуточного и итогового контроля. Одной из функций такого систематического контроля является дисциплинирование обучаемых, которые, точно зная дату тестовых испытаний, стремятся своевременно подготовиться к ним и регулярно обращаться к заданиям для самоконтроля в ходе учебного года.

Учебная среда Moodle позволяет преподавателю / тьютору при необходимости в минимально короткий срок сформировать блок тестовых заданий по любой теме с помощью банка данных, состоящего из широкого спектра вопросов. Их можно динамически изменять, комбинировать в нужном диапазоне и использовать в любой момент, сохранив тестовые задания в базе данных учебной среды. Программа дистанционного тестирования в среде Moodle характеризуется рядом существенных преимуществ. Прежде всего, наряду с ручной загрузкой учебных тестов здесь можно воспользоваться пакетной загрузкой (и выгрузкой) тестовых заданий. Кроме того, открытость среды позволяет вносить нужные изменения, при необходимости дополнять блоки тестовых заданий и менять их в зависимости от учебных и управленческих задач на данном этапе.

Программа Moodle содержит в себе разнообразные типы вопросов для тестирования, например: множественный выбор (закрытая форма); короткие ответы (утверждение / отрицание – да / нет; верно / неверно) – открытая форма; числовой тест, в котором даётся заданный интервал возможной погрешности между правильным и неправильным значениями; тесты на соответствие; вложенные ответы (сочетание в одном тестовом задании ответов в открытой и закрытой формах) и др.

Модульная структура позволяет легко варьировать задания в зависимости от уровня знаний аудитории, курса, темы, целей и задач на определенном этапе реализации учебного плана. Таким способом легко решается вопрос управления качеством педагогических технологий на этапе контроля со стороны преподавателя / тьютора и самоконтроля – со стороны обучаемого, поскольку данные о достигнутом уровне знаний по изучаемой дисциплине легко доступны как для преподавателя, так и для обучаемого, который может корректировать степень своей подготовки, опираясь на автоматически полученные результаты тестирования.

Сегодня многие учебные заведения, работающие в системе СДО, занимаются или планируют заняться в будущем созданием сетевой (внут-

ривузовской или межвузовской) системы тестирования. Ведущие учебные заведения России давно пользуются такими системами, однако большинство вузов (техникумов, школ и т.д.) находится лишь на стадии осмысления или подготовки к этому шагу.

На данный момент формируются требования к компьютерной системе тестирования, которая может быть использована для различных предметных областей в системе СДО и способствовать оптимизации управления качеством педагогических технологий [4]:

1. Поддержка работы в сети. Единая база хранения и обработки заданий и результатов.

2. Возможность одновременного тестирования по различным темам.

3. Возможность одновременной работы в системе неограниченного количества пользователей независимо от роли пользователя.

4. Простота подготовки заданий и обработки полученных результатов.

5. Простота утверждения теста в системе и открытие доступа для прохождения тестов обучаемым.

При создании конструктора тестов необходимо реализовать следующие возможности:

– вводить в базу данных вопросы и все варианты ответов с указанием верного / верных;

– три основных типа вопросов – выбор одного верного, выбор нескольких верных, ввод с клавиатуры;

– включать в тексты вопросов рисунки, формулы и таблицы, интерактивные элементы;

– указывать вес для каждого вопроса;

– просматривать, проверять и корректировать введенную информацию;

– указывать количество вопросов, выводимых обучаемому при тестировании;

– отображать статистику типов вопросов, используемых в тесте.

В качестве дополнительных параметров целесообразно установить вывод статистики по вопросам тестов и самих тестов.

Таким образом, процесс тестирования, тесты и тестовые задания, посредством которых в СДО осуществляются контрольные и организационные мероприятия в процессе образования, для выполнения своей роли в качестве эффективного инструмента управления педагогическими технологиями как системного метода создания, применения и определения комплексных характеристик процесса преподавания и усвоения знаний для оптимизация форм ДО, должны прежде всего соответствовать тем целям и задачам, которые легли в основу применяемых педагогических технологий. Кроме того, тестовый комплекс следует создавать с учетом ряда базовых требований к форме и содержанию каждого компонента, который должен:

1) иметь направленность на реализацию главных образовательных целей;

2) поддерживать и формировать условия для реализации базовых компонентов процесса обучения;

3) содержать в себе логично завершенную, научно обоснованную информацию, находящуюся в соответствии с целью учебного модуля;

4) включать в себя три базовых элемента – деятельность, условия, стандарт усвоения;

5) вмещать чёткие инструкции по руководству действиями обучаемого, посредством глаголов повелительного наклонения: выберите, обобщите, перегруппируйте, исключите и *т.п.* (Например: *«Выберите правильный ответ»; «Отметьте номера предложений, содержащих правильную последовательность действий по нарастающей»; и т.п.)*

6) формировать условия для оптимизации самообучения;

7) быть направленным на расширение профессионального понятийного аппарата обучаемого;

8) иметь учебные задания, сформулированные выразительным, чётким, конкретным литературным языком;

9) создавать условия для активизации мыслительной деятельности, творческого мышления, возможности вариативности в ответах и т.п.;

10) быть активно включённым в общий процесс управления качеством педагогических технологий, для чего активно обеспечивать все основные механизмы образовательного процесса: целевой, мотивационный, содержательный, операционный, оценочно-результативный, контрольный, регулировочный.

Библиографический список

1. *Заславская О.Ю., Сергеева М.А.* Информационные технологии в управлении образовательным учреждением. – М., 2006.

2. *Аванесов В.С.* Основы педагогической теории измерений // Педагогические измерения. –

Т. 1. – №1. – 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://testolog/narod.ru (дата обращения 18.06.2010).

3. Система дистанционного обучения МИЭЭ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edu.mieen.ru/moodle/login/index.php (дата обращения 30.05.2010).

4. *Заинеев Ф.Х.* // Дистанционное и виртуальное обучение. – 2009. – №7. – С. 27.

УДК 74.100.44

Ларина Елена Анатольевна
кандидат педагогических наук
Дальневосточный государственный гуманитарный университет (г. Хабаровск)
ella_rina@ mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОВНЕЙ СФОРМИРОВАННОСТИ ИНТОНАЦИОННОЙ СТОРОНЫ РЕЧИ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Практически востребованы разработки технологии исследования интонационной стороны речи у детей младшего школьного возраста. В статье представлено теоретическое обоснование диагностики, основные направления исследования интонационной выразительности речи в устной и письменной речевой деятельности.

Ключевые слова: *интонационная сторона речи, функционально значимые просодико-интонационные ошибки, специфические, типологические ошибки чтения и письма, несформированность интонационной стороны речи, младшие школьники.*

Интонационная сторона речи является естественной формой существования языка, одним из основных фонетических средств оформления речевого высказывания, совокупностью просодических компонентов, участвующих в членении и организации речевого потока в соответствии со смыслом передаваемого сообщения (Л.В. Бондаренко, Л.Р. Зиндер, Н.Д. Светозарова, И.Г. Торсуева) [3]. Посредством интонационной стороны речи осуществляется связь между фонетикой и семантикой, между слуховыми и речедвигательными функциями, между устной и письменной речью. Интонация – сложное многокомпонентное явление, она включает в себя мелодику, интенсивность, темп и ритм, логическое ударение, паузирование и тембр. Эти подсистемы интонации выполняют разнообразные функции: 1) фонетическую – интонация оформляет синтагму, фразу, придавая им смысловую и фонетическую цельность и одновременно разделяя речевой поток на ритмико-смысловые единства – синтагмы и фразы; 2) эмоционально-экспрессивную – интонация выражает эмоционально-экспрессивные оттенки высказывания, волеизъявления коммуникантов; 3) синтаксическую – интонация выражает синтаксические значения (комбинации признаков зависимости, независимости, законченности, незаконченности), служит одним из средств синтаксической связи; 4) смыслоразличительную – интонация различает смысл фраз с одним и тем же лексико-грамматическим составом при помощи движения тона; 5) стилистическую – интонация участвует в образовании стиля текста (Г.Н. Иванова-Лукьянова).

В глубинах интонации зарождаются элементарные структуры смысла, это отправной механизм внутренней речи и ее завершающее оценочное звено в процессе формирования словесных значений. Интонация позволяет уточнить в целом представление о структуре текста и его композиции, глубже проникнуть в смысл, «приращивать» его (Н.В. Черемисина). Она, по утверждению Н.И. Жинкина, увеличивает объем сообщения, приходящегося на один лексический элемент, так как «при этом сообщается не только то, что в тексте, но и в подтексте» [1].

Интонация несет на себе эмоциональную нагрузку, она кодирует эмоции, передает эмоциональные состояния говорящих людей и является одним из выразительных средств вербально-невербальной коммуникации (С.Н. Цейтлин) [4]. Эмоции – это сложный психический процесс, который включает в себя физиологический компонент: представляет изменения физиологических систем, возникающие при эмоциях, психологический ком-

 © Ларина Е.А., 2010

понент – собственно переживание и поведенческий компонент – экспрессию (мимика, жесты) и различные выразительные движения. По мнению С.Л Рубинштейна, выразительные движения являются компонентом эмоций, средством сообщения и воздействия, внешней формой существования или проявления эмоций. Они выполняют разные функции: передавая информацию о состоянии говорящего и его отношения к происходящему, выполняют функцию общения; оказывая определенное влияние на субъект восприятия, реализуют функцию воздействия. Интонационная сторона речи напрямую связана с эмоционально-экспрессивным аспектом речи, она связывает воедино в высказывании эмоции и сопутствующие им выразительные движения.

Из краткого анализа представлений об интонации становится понятной необходимость исследования этой надсегментной стороны речи через анализ ее компонентов и выполняемых ими функций, среди которых главенствующими являются смыслоразличительная и эмоционально-экспрессивная. Исследование должно охватывать все виды устной и письменной речи, где находит свое выражение интонационная выразительность речи и проходит сквозь призму анализа эмоциональных реакций и выразительных движений во время высказывания.

Разработка технологии исследования интонационной стороны речи для детей младшего школьного возраста является актуальной и практически востребованной. Данные научных исследований свидетельствуют о специфических недостатках сформированности интонационной стороны речи у детей дошкольного и младшего школьного возраста с дизартрией, ринолалией, алалией, фонетико-фонематическим и общим недоразвитием речи, с задержкой психического развития, интеллектуальной и сенсорной недостаточностью. У детей недостаточная сформированность интонационной стороны речи, как правило, приводит к ряду нарушений: трудностям организации коммуникативной деятельности, снижению потребности и эффективности речевого взаимодействия, сбоям в социально-перцептивной системе общения и нарушению в сфере межличностных отношений; специфическим трудностям чтения и письма. Интонационная несформированность влияет на разборчивость, внятность, эмоциональную окраску высказываний. Смазанная речь не дает возможности для формирования четкого слухового восприятия и слухового контроля. Все это вызывает типологические семантические затруднения в устной и письменной речи, а в целом затрудняет коммуникацию. На письме это выражается в пунктуационных затруднениях: выпадении, вставке или неправильном употреблении знака препинания, а также в отсутствии заглавной буквы. При чтении младшие школьники с трудом осмысливают текст, выделяют в нем главную мысль и разбивают предложения на смысловые отрезки, неточно отвечают на вопросы учителя по тексту, неверно передают содержание прочитанного, с трудом осваивают технику чтения. Перечисленные трудности усвоения читаемого сказываются на осознании условий математических задач, понимании вопроса к ним и выполнении действий для их решения. Своевременная диагностика, верно спланированное комплексное коррекционное воздействие на основе организации единого педагогического пространства позволяют решить указанную проблему.

Диагностика интонационно-выразительной стороны речи основана на положении об интегрированном рассмотрении просодических характеристик речи как единого целого и о возможности описания интонационной системы через установление ее структуры (Л.А. Кантер); на способности интонации выражать смысл высказывания и передавать эмоции (А.М. Антипова, Л.В. Бондаренко, Н.И. Жинкин, Л.Р. Зиндер, Э.А. Нушикян, Н.Д. Светозарова, И.Г. Торсуева, Н.В. Черемисина); на классическом представлении о том, что интонация присуща не только устному (диалог и монолог), но и письменному тексту (чтение и письмо) (Г.В. Артоболевский, Е.А. Брызгунова, Л.С. Выготский, Н.И. Жинкин, В.М. Жирмунский, Г.Н. Иванова-Лукьянова, Л.В. Щерба) [2].

При составлении диагностики были использованы теоретические и методические труды Т.А. Алтуховой, Л.В. Венедиктовой, Е.Л. Гончаровой, В.Г. Горецкого, Л.В. Забродиной, Т.В. Игнатьевой, В.А. Калягина, И.Н. Карачевцевой, З.И. Клычниковой, А.Н. Корнева, Р.И. Лалаевой, Р.Е. Левиной, Н.В. Лободиной, Е.А. Логиновой, Н.П. Локаловой, Л.В. Лопатиной, О.Л. Лукаш, А.В. Огаркиной, М.И. Омороковой, И.А. Поваровой, Л.А. Поздняковой, Е.И. Плетенцевой, Е.М. Плюсниной, И.В. Прищеповой, В. Пробстовой, М.Н Русецкой, Л.И. Тикуновой, Н.А. Цыпиной, Е.Е. Шевцовой, Т.В. Шкляровой.

Опираясь на положение Е.А. Брызгуновой о зависимости акустических характеристик интонации от частоты и амплитуды колебания голосовых связок, степени мускульной напряженности органов речи и различной скорости смены артикуляций, сначала необходимо оценить состояние дыхания, голоса, артикуляционной мускулатуры и возможность выполнения артикуляционных упражнений.

Скрининг-диагностика интонационной стороны речи состоит из двух блоков исследования.

I блок. Оценка сформированности интонационной стороны речи в устной речевой деятельности. 1.1. Диагностика подсистем интонации: 1) исследование процессов восприятия и воспроизведения мелодических рисунков фраз, соответствующих трем основным видам интонации русского языка (повествовательной, вопросительной, восклицательной); 2) возможность использования интенсивности при воспроизведении интонационных конструкций; 3) определение особенностей темпоритмической организации речи; 4) диагностика чувства ритма; 5) исследование восприятия и воспроизведения логического и словесного ударения; 6) определение особенностей паузирования; 7) выявление особенностей тембра и эмоциональной окраски голоса. Пробы включают в себя восприятие и воспроизведение исследуемых параметров в неречевом и речевом плане. На основе содружества компонентов интонации определяется прагматический компонент речевой способности – интонационный навык, образованный взаимосвязью подсистем интонации (Ж.Л. Витлин, В.С. Нефедьева). Под интонационным навыком понимается аспектно-автоматизированный компонент умений на стадиях формирования восприятия, имитации и дифференциации речевых актов (Е.Г. Сафронова, С.Ф. Шатилов). При определении степени его сложности отмечается простой (однокомпонентный навык, представляющий собой автоматизированную операцию) или сложный (многокомпонентный навык, подразумевающий совокупность автоматизированных слуховых, речедвигательных, интеллектуальных операций на стадиях восприятия и воспроизведения интонации). 1.2. Оценка смысловой организации и выразительного оформления диалога. 1.3. Оценка смысловой организации и выразительного оформления монолога.

Особенности интонации в устных видах речи оценивались по следующим параметрам: смысловая цельность и связность текста; использование компонентов интонационной выразительности; адекватность выражения эмоциональной реакции во время высказывания; сопровождение речи выразительными движениями (пантомимика, мимика, жест). Обследование включает беседу с логопедом по предложенной сюжетной картинке, пересказ текста, составление рассказа по серии картинок с ответами на уточняющие вопросы экспериментатора.

II блок. Оценка сформированности интонационной стороны речи в письменной речевой деятельности. 2.1. Сформированность смыслового компонента чтения. Чтение детьми произведений различных жанров, предполагающее ответы на вопросы по прочитанному тексту, выделение главной мысли произведения и его пересказ. Оценивались следующие параметры: адекватность ответов по содержанию текста, их развернутость с выделением смысловых акцентов логическим ударением; качество формулирования основной идеи произведения; тип пересказа (полный, фрагментарный, недоступность пересказа). 2.2. Сформированность выразительного компонента чтения. При анализе прочитанных произведений вслух отмечалось: умение передавать смысл событий с помощью выразительных средств, выражение посредством интонационных средств своего отношения к читаемому, наличие стойких типологических ошибок чтения, обусловленных несформированностью интонационной стороны речи.

Под *типологическими просодико-интонационными функционально значимыми ошибками чтения* мы понимаем нарушение выразительности, отсутствие целостного восприятия и осмысления текста: 1) чтение предложений без учета пунктуационного знака (запятая, точка, вопросительный знак, восклицательный знак); 2) ошибочное прочтение интонационных конструкций (ИК), выражающих повествовательную, восклицательную и вопросительную интонацию; 3) нарушение отграничения речевых единиц на уровне фразы, отсутствие четкой границы межинтагментной паузации; 4) несоответствие окраски голоса характеристике персонажа; 5) отсутствие выделенности или неправильно переданное логическое ударение; 6) низкая или чрезмерная интенсивность голоса; 7) быстрый (превышающий средний, ускоренный), медленный (ниже среднего, замедленный), патологически ускоренный темп чтения; 8) непонимание смысла предложе-

ния, абзаца, целого текста. 2.3. Сформированность семантико-синтаксических и пунктуационных навыков в слуховом диктанте. Учащиеся пишут предложенный слуховой диктант, самостоятельно проводят композиционно-смысловой анализ текста и определяют его коммуникативно-прагматический вариант. Экспериментатор оценивает наличие стойких типологических просодико-интонационных функционально значимых ошибок на письме. *Типологические просодико-интонационные функционально значимые ошибки письма* – это нарушение фиксирования на письме фонологически значимых особенностей интонации, которое выражается в типичных семантико-синтаксических и пунктуационных нарушениях: 1) ошибочный выбор пунктуационного знака в конце предложения (точка, вопросительный знак, восклицательный знак); 2) отсутствие обозначения заглавной буквы в начале предложения (написание со строчной буквы) или выделение другого слова заглавной буквой; 3) нарушения отграничения речевых единиц на уровне предложения, когда знак препинания выпадает или обозначается в другом месте. 2.4. Сформированность смыслового и интонационного анализа текста изложения. Логопед несколько раз читает текст изложения учащимся. При его прослушивании выделяются основные мысли, их последовательность, фиксируются имена собственные, числовые данные, определяется стиль прослушанного текста и использование соответствующих выразительных средств языка и синтаксических конструкций; предлагается пересказать текст и составить план изложения. Затем учащиеся приступа-

Таблица 1

Результаты итоговой диагностики сформированности интонационной стороны речи в устной и письменной речевой деятельности у детей младшего школьного возраста

№ п/п	Устная речевая деятельность						Письменная речевая деятельность										Итоговый уровень
							Чтение				Письмо						
И.Ф.	Сформированность интонационной стороны речи		Сформированность смысловой организации и выразительного оформления диалогической речи		Сформированность смысловой организации и выразительного оформления монологической речи		Сформированность смыслового компонента чтения		Сформированность выразительного компонента чтения		Сформированность семантико-синтаксических и пунктуационных навыков в слуховом диктанте		Сформированность смыслового и интонационного анализа текста изложения		Сформированность смыслового и интонационного анализа текста сочинения		
	балл	Уровень	балл	уровень	балл	уровень	балл	уровень	балл	уровень	балл	уровень	балл	уровень	балл	уровень	

Примечание: В – высокий уровень, Д – допустимый уровень, К – критический уровень.

ют к письменному пересказу услышанного текста. В ходе изложения даётся время для корректировки текста, проверки орфографии и пунктуации. 2.5. Сформированность смыслового и интонационного анализа текста сочинения. Ученикам дается репродуктивная тема сочинения, которая предполагает раскрытие какого-либо отдельного факта, явления, связанного с опытом детей. Рассказ составляется по сюжетной картинке и излагается в письменной форме. При анализе изложения и сочинения учитываются: характеристика цельности и связности текста, использование языковых средств, присутствие стойких типологических ошибок письма.

Технология исследования особенностей интонационной стороны речи для удобства использования оформлена в диагностическую карту, которая включает серии заданий, точные инструкции к выполнению проб, определенную градацию с обозначением качественных и количественных критериев изучаемых параметров. Результаты определяются по количеству правильно выполненных испытуемыми заданий и оцениваются по четырехбалльной системе. Итоговая оценка подсчитывается способом вычисления среднего арифметического. Итоговые балльные оценки сформированности каждой изучаемой величины соотносятся с уровнями выполнения заданий, которые определяются на основе разработанной шкалы: В – высокий уровень, Д – допустимый уровень, К – критический уровень.

Выполнение устных диагностических проб, беседа, чтение, пересказ и ответы на вопросы по прочитанному тексту записываются на диктофон для последующего интерпретационного анализа. При этом выявляется количество типологических ошибок, их частота, стойкость, градация по определенным группам. В конце исследования заполняется обобщающая таблица (см. табл. 1).

Итоговый уровень сформированности интонационной стороны речи у школьника определяется путем математического вычисления преобладающего уровня восьми исследуемых параметров (при наличии показателей, характерных и для высокого, и для критического уровня, ребенка относят к средней группе – с допустимым уровнем). Представленная таблица позволяет определить индивидуальный реабилитационный потенциал и индивидуально-личностные особенности каждого испытуемого. Полученные итоговые результаты помогают выделить группы учащихся с высоким, допустимым и критическим уровнем сформированности интонационной стороны речи, что позволит логопеду организовать коррекционную работу, различную для разных групп детей по содержанию, объему, методам и приемам. Деление обучающихся на группы условно и непостоянно, поскольку по мере формирования просодической стороны речи дети могут переходить из одной группы в другую. Данные, полученные с помощью диагностики, служат основанием не только для выводов об уровне и прогнозе развития изучаемых компонентов. Заключение требует научного обоснованного объяснения, интерпретации и прогностических рекомендаций по формированию интонационной стороны речи.

Библиографический список

1. *Жинкин И.Н.* Механизмы речи. – М., 1958. – С. 202.

2. *Кантер Л.А.* Системный анализ речевой интонации: Учебн. пособие. – М.: Высшая школа, 1988. – 128 с.

3. *Торсува И.Г.* Интонация и смысл высказывания. – Изд. 2-е., испр. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 112 с.

4. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб пособие. – М., 2000. – 240 с.

УДК 37.013.2

Морозова Наталья Владиславовна,
Жаркова Любовь Сергеевна
доктор педагогических наук
Московский государственный университет культуры и искусств
natasha@ms-shop.ru

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ИННОВАЦИОННОМУ ПРОЕКТИРОВАНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЩЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ

В статье рассмотрены базирующиеся на компетентностном подходе вопросы инновационного проектирования педагогической деятельности в общей языковой подготовке.

Ключевые слова: *психологические механизмы, компетентностный подход, педагогические инновации, довузовская подготовка.*

Психологические механизмы в контексте развития профессионально значимых качеств педагога (компетентности) являются «одним из сложноорганизованных образований целостной структуры профессионального сознания будущего учителя, представляющих собой совокупность внутренних психических преобразований (структур, отношений, связей)» [1], и оказывают существенное влияние на развитие профессиональной компетентности педагога. Столь же актуальным является проявление психологических механизмов идентификации, позволяющих выделить компетентность как совокупность результатов профессиональной деятельности и децентрации в интегративных свойствах психического феномена компетентности, развивать дивергентность педагогического процесса с позиций поиска нескольких вариантов решения педагогических ситуаций, анализировать субъект педагогического взаимодействия с разных сторон, в системе его множественных связей.

Психологическим механизмом педагогического проектирования является рефлексирующее начало педагога, которое проявляется в форме интуиции, рефлексии и личностной оценки собственного опыта, самоизучение, анализ причинно-следственных связей педагогических явлений. Педагогическое проектирование – проявление индивидуальности педагога: он раскрывается в авторском видении педагогической реальности, в выработке собственного, сугубо индивидуального, уникального и неповторимого педагогического решения.

Проявлением субъективных оснований проектирования педагогической деятельности является ее «невоспроизводимость» – то есть невозможность воспроизведения по заданной схеме, образцу. Этот феномен широко известен в массовой практике как своего рода «неповторяемость», например, успешного опыта педагогов-новаторов, выдающихся мастеров и т.п. Нормативное представление о педагогической деятельности, которую якобы можно выполнить по образцу или «по рецепту», на практике «не срабатывает», т.к. выхолащивает на самом деле ее собственно педагогическую суть, связанную с продуцированием субъекта, самореализацией личности и индивидуальности педагога.

С учетом этих соображений можно гипотетически представить элементы инвариантного «материала» педагогического проекта обучения русскому языку в системе довузовской подготовки как целостности.

Во-первых, в проекте должна быть педагогическая цель, обоснованная междисциплинарными концепциями на стыке наук (психологии, педагогики, лингвистики), межкультурным опытом и развернутая во времени и в пространстве довузовских образовательных учреждений и маршрутов обучаемых русскому языку.

Во-вторых, эта цель прогностически должна быть представлена не только как ориентировка в некоторой предметной сфере (знания, умения, навыки), а как опыт педагога или набор его компетенций: ценностно-смысловой; коммуникативной; культуроведческой; языковой и лингвистической (языковедческая компетенция); научно-методической и практической (методической).

В-третьих, требуется достаточно эффективная диагностика объективных возможностей и субъективных потребностей, смыслов получения данного вида довузовского образования.

© Морозова Н.В., Жаркова Л.С., 2010

В-четвертых, необходимы действия по прояснению, диагностике реальной образовательной ситуации в рамках педагогического процесса обучения русскому языку, ядром которой выступает ситуация развития личности; необходима также экспертиза полноты, обеспеченности механизмов, ресурсов «самодвижения» этой ситуации (педагогических, профессиональных, средовых факторов).

В-пятых, педагог должен обеспечить усиление позиции обучаемого как субъекта культуровосприятия и культуротворчества посредством адекватного отбора содержания и дидактических методов взаимодействия.

В-шестых, необходимо обеспечить технологичность профессиональных действий педагога в системе довузовского образования, полноту и целостность их системы, включающей:

– вхождение в психологический контакт с обучаемым в поле его личностно значимого пространства;

– целостность восприятия ситуации развития личности на основе научных методов диагностики;

– создание модели (цели) преобразования ситуации;

– сотрудничество педагога и обучаемого в реконструкции ситуации;

– предъявление нового культурного опыта в контексте уже сложившегося, инкорпорирования в сознании обучаемых актуальных проблем, что превращает образовательный процесс в естественное саморазвитие;

– применение ценностно-смыслового диалога как способа существования, самореализации личности в образовании, основного механизма образования как такового;

– имитацию компетенций через реализацию проективного принципа, обобщающего так называемые активные методы обучения.

Таким образом, педагогическая деятельность в системе довузовского образования, с одной стороны, включает в себя свой необходимый элемент проектирование различных атрибутов педагогической системы – целей, содержания, технологий. С другой стороны, профессиональная деятельность педагога в системе довузовского образования сама является предметом проектирования, поскольку все элементы педагогической системы представляют собой следующее:

– ориентировочную основу педагогической деятельности;

– предмет педагогической деятельности в виде содержания и технологии взаимодействия с обучаемыми;

– продукт педагогической деятельности, предполагающий изменение в субъектах.

Иными словами, любые педагогические проекты, базирующиеся на компетентностном подходе (в том числе касающиеся содержания предмета «Русский язык» в системе довузовского образования; способов представления этого содержания в виде программ, стандартов, учебников, программных продуктов; технологий достижения образовательных целей или способов оценки эффективности образования), всегда являются проектами нового качества педагогической деятельности или педагогической инновацией.

Отметим, что развитие получает не только инновационный проект сам по себе – участие в нем и его обсуждение служит мощным импульсом для профессионального развития всех его участников [2].

Каковы же отличительные характеристики психолого-педагогического исследования инновационного образования? Неповторимость и уникальность целостного инновационного явления обусловлены сочетанием в нем самых разнообразных составляющих его элементов и условий. Каждый инновационный опыт, предлагаемый к изучению, представляет собой сплав особых средств и приемов обучения, особенностей состава обучающихся, профессиональной компетентности и готовности к экспериментальной деятельности преподавателей, сложившихся традиций и эмоционально-психологической атмосферы образовательных учреждений, материально-технических и финансовых возможностей поддержки эксперимента, отношения к эксперименту социального окружения, временного диапазона и масштаба инновационного проекта и многих других составляющих.

Эта уникальность и неповторимость реалий инновационной практики предопределяет особую **гибкость** психолого-педагогического исследования. В отличие от контрольно-проверочных форм изучения образовательной практики, базирующихся на использовании определенных алгоритмов и диагностических средств и сличении полученных результатов с заранее заданным эталоном, изучение инноваций в педагогической практике предполагает каждый раз конструирование новых алгоритмов, гибкий выбор методов и средств изучения, адекватных данному конкретному объекту экспертизы, показателей и критериев

успешности реализации проекта, разработку перспективных линий развития эксперимента.

Библиографический список

1. *Гуслякова Н.И.* О психологических механизмах становления профессионального сознания будущего учителя // Мир психологии. – 2006. – №1. – С. 152–160.

2. *Мкртычян Г.А.* Психология экспертной деятельности в образовании: Теория. Методология. Практика: Монография. — Н. Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2002.

УДК 74.100

Мошкина Маргарита Анатольевна
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Moshkina@achmail.ru

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается проблема развития письменной речи учащихся с учетом речевой среды и культурных традиций народа. Новизна подхода заключается в создании образовательного пространства, стимулирующего мотивацию к высказыванию. Опираясь на многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых-лингвистов, автор статьи обосновывает необходимость моделирования речевой среды с учетом экстралингвистической информации как эффективного средства развития речи учащихся.

Ключевые слова: *культурные традиции, образовательная среда, письменная речь.*

В процессе создания письменного высказывания важную роль играет не только уровень лингвистической подготовки учащихся, но и те экстралингвистические условия, в которых происходит текстопорождение. Задача пишущего заключается в умении отобрать ту информацию, которая соответствует коммуникативной задаче письменного высказывания и наиболее полно раскрывает его собственную позицию. В современной методике существуют устоявшиеся подходы к обучению письменному высказыванию, когда учитель сам решает, какая экстралингвистическая информация должна быть известна ученику. Это лишает обучающегося возможности выбора и, как правило, снижает мотивационный фон процесса текстопорождения.

Ученые-лингвисты рассматривают письменное высказывание с различных позиций: лингвистической, коммуникативной, социокультурной. В.И. Карасик, К. Кожевников, Е.А. Реферовская, Ю.А.Сорокин понимают под письменным высказыванием «речевую реализацию авторского замысла и куммуникативную единицу самого высшего уровня» [1; 2; 3; 4]. И.Р. Гальперин, Г.В. Колшанский на первый план выдвигают смысловой, тематический и прагматический аспекты [5]. По мнению И.Р. Гальперина, «текст – это произведение речетворческого процесса, …имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [6].

В последние годы в среде филологов широко обсуждается тема дискурса в связи с осмыслением текста не только с позиции лингвистики, но и тех условий, в которых создается текст. Сущность дискурса рассматривалась в работах французского историка, социолога и языковеда М. Фуко как «языковое выражение общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая, идеологически и национально-исторически обусловленная ментальность» [7]. М. Фуко выдвигал на первый план экстралингвистические факторы коммуникативной ситуации, к которым относил и культурно-идеологическую среду, где протекает коммуникация. Последователь М. Фуко У. Маас рассматривал дискурс как «языковой коррелят определенной социокультурной, политической и идеологической практики», обусловленный экстралингвистическими факторами [8].

В отечественной классической лингвистике речевое поведение рассматривалось в работах Л.В. Щербы как «совокупность социокультурных и ситуативных факторов, которые характеризуют в целом коммуникативную ситуацию»: культурно-исторический контекст, условия протекания коммуникации, т.е. «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [9].

© Мошкина М.А., 2010

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что для овладения письменной речью необходимо знание не только лингвистических признаков текста, но и умение эффективно использовать экстралингвистическую информацию о той социокультурной среде, в которой создается текст или которая служит основой для создания высказывания.

Практика современного школьного образования в области обучения письменной речи опирается, прежде всего, на освоение учащимися тех лингвистических знаний о тексте, которые позволяют им создавать собственные высказывания. При этом не всегда учитываются интересы детей и тот багаж фоновых знаний, который может сыграть как положительную, так и отрицательную роль в мотивации ученика к высказыванию. В результате, школьники пишут безликие, однотипные «творческие» работы, не отражающие ни личной позиции пишущего, ни глубоких знаний фактологического материала.

Решением этой проблемы, на наш взгляд, может быть иной подход в обучении письменному высказыванию, когда на первый план в работе по подготовке и написанию высказывания ставится то социокультурное пространство, в котором живет и учится школьник. То, что близко (возможно, и не до конца понятно), можно рассмотреть с разных позиций, к объекту можно неоднократно вернуться и выработать собственное мнение. Такой подход позволяет повысить мотивационный фон высказывания, что положительно скажется на лингвистических характеристиках созданного текста.

Обоснованность нашего подхода мы проверили в ходе экспериментальной работы, которая проводилась в течение 2005–2009 гг. в школах г. Ачинска Красноярского края: МОУ СОШ №№ 1, 3, 11, 12, 13, Ачинской Мариинской женской гимназии.

На первом этапе экспериментальной работы мы проанализировали сочинения школьников 5–7 классов (563 человека) и обнаружили, что учащиеся в работе по созданию текста не умеют отбирать материал в зависимости от поставленной коммуникативной задачи, выдерживать композиционную структуру текста, редактировать написанное.

В ходе проведения экспериментального обучения решались следующие задачи:

– научить школьников выбору экстралингвистической информации (ЭЛИ) для сочинения и определению границ высказывания;

– совершенствовать умения расположить факты и материалы в соответствии с типом речи и жанрово-стилистическими особенностями высказывания;

– развивать культурноречеведческий опыт учащихся на основе развития у них представления о хорошей речи и хорошем тексте.

В выборе тематики письменных высказываний учащихся мы опирались на мнение Ф.И. Буслаева о необходимости «сконцентрировать усилия на изучении языка в связи с изучением истории народа, с его духовной жизнью». Поэтому были выбраны, в качестве ЭЛИ, исторические справки, мемуары, воспоминания старожилов, памятники архитектуры, исторические раскопки на территории Ачинского района Красноярского края, экспонаты и фотографии из краеведческого музея г. Ачинска, произведения живописи сибирских художников, предметы декоративно-прикладного искусства и др.

При этом мы опирались на требования программы по русскому языку к письменной речи учащихся и те задания, которые даны в ныне действующих учебниках. Например, в 5 классе (учебник «Русская речь» Е.Н. Никитиной) школьники должны научиться писать сочинения-описания: описание картины, описание предмета (упр. №№ 35, 129, 184); в 6 классе – описание картины природы, зимнего пейзажа, рассказ, рассуждение об интересной книге; в 7 классе – описание помещения, рассказ на основе услышанного, рассуждение об интересной книге.

Рассмотрим один из примеров использования ЭЛИ на уроках русского языка. Например, на уроке литературы в 7 классе мы работали с учениками над содержанием рассказа И.С. Тургенева «Бежин луг». Дети с интересом читали и обсуждали те истории, которые рассказывали герои; говорили о том, что в основе их – предания и легенды. Мы спросили учеников, знают ли они легенды и предания о нашей Сибирской земле. В большинстве дети дали отрицательный ответ. Когда же мы рассказали о том, что Айдашенская пещера в окрестностях нашего города – уникальный исторический и археологический памятник, дети очень удивились. Дело в том, что на протяжении многих лет эта пещера была местом свалки, сюда свозили отходы со всего района. О том, что археологи ведут раскопки и уже сделаны уникальные открытия, учащиеся тоже не знали. Тогда и возникла идея провести урок «Леген-

ды земли Ачинской» с использованием этнокультурной информации. На подготовительном этапе мы преследовали две цели:

– заинтересовать учащихся необычной информацией;

– дать понять учащимся, что знание местной культуры – важная составляющая духовной жизни современного человека.

С помощью сотрудников городского музея мы совершили экскурсию на территорию Айдашенской пещеры, увидели древние настенные рисунки и услышали легенду: «В давние-давние времена жила в окрестностях девушка по имени Айдаша. Она очень любила одного юношу. Он уехал в дальние края и долго не возвращался. Тосковала по нему Айдаша, ночей недосыпала. Но любимый не возвращался. Тогда в отчаянии Айдаша бросилась с вершины горы вниз и разбилась. С той поры и зовут то место Айдашенская пещера». Во время экскурсии дети имели возможность сделать зарисовки пещеры, задать вопросы экскурсоводу. Когда мы возвратились в школу, ученики живо обсуждали увиденное и услышанное. А мы предложили поговорить с местными жителями о тех преданиях, которые еще, возможно, бытуют среди старожилов. Результатом стали многочисленные легенды, предания, пословицы, собранные учащимися.

На следующем этапе работы с этнокультурной информацией мы говорили о важности изучения культуры родного края. И это изучение должно основываться на знании определенных понятий. С помощью энциклопедических источников [10; 11; 12] мы составили словарик:

Краеведение. Изучение отдельных местностей страны с точки зрения их географических, культурно-исторических, экономических, этнографических особенностей.

Этно… Первая часть сложных слов со значением «относящийся к народу».

Этнография. 1. Наука, изучающая материальную и духовную культуру народов. 2. Особенности нрава, быта, культуры какого-нибудь народа.

Этнос. Исторически сложившаяся этническая общность – племя, народность, нация.

На третьем этапе мы готовились написать сочинение о том, что понравилось во время экскурсии и что узнали в результате поисковой работы среди старожилов города Ачинска. Структурировать материал мы помогли учащимся посредством вопросов:

– Чем интересна для тебя полученная информация?

– Что особенно удивило в услышанном / увиденном?

– Какие чувства вызвала полученная информация?

– Что изменилось в твоем отношении к родным местам, культуре нашего края?

По жанру это могло быть сочинение-эссе или сочинение в форме подражания легенде. Остановимся на последнем. Мы обратились к знаниям детей о легенде с уроков литературы. Сказочный сюжет, постоянные элементы (зачин, основная часть, кульминация, концовка), четкость композиции – характерные особенности легенд, преданий, сказок. Например, в качестве начала сочинения ученики использовали выражения: «давным-давно», «в давние времена», «когда-то в старину». В основной части мы рекомендовали использовать выразительные средства: метафору, постоянные эпитеты, сравнение, – которые характерны для фольклорных произведений. В заключительной части мы рекомендовали рассказать о месте и роли в жизни современного человека знаний об историческом прошлом своего народа.

Приведем некоторые примеры из ученических сочинений:

1) *«Я отношусь к легендам с большим интересом, потому что в них скрыто много чудесного и правдивого. Недавно мы были на экскурсии, и я услышала легенду об Айдашенской пещере. Мне очень понравилась эта история. Еще на уроке нам рассказали, что у каждого предмета есть своя легенда. Каждое поколение добавляет в легенду что-то новое и интересное. Еще я бы хотела узнать, когда и кем была рассказана самая первая легенда».*

Есина Наташа,7 класс. МОУ СОШ № 12 г. Ачинска.

2) *«Ачинск богат не только минеральными и горными породами, а еще и легендами. Сегодня я узнал легенду об Айдашенской пещере. Жила давным-давно девушка по имени Айдаша. Она была свободна, как птица, не знала ни горя, ни печали. Пока не появился в ее жизни юноша, которого она полюбила. Они были счастливы. Но вскоре он ушел. Возлюбленный долго не возвращался. И тогда сердце девушки не выдержало, она побежала к обрыву и бросилась вниз. С той поры ее никто не видел. А пещеру стали называть Айдашенской».*

Рубан Валентин, 7 класс. МОУ СОШ № 12 г. Ачинск.

3) *«Сегодня был очень интересный урок. Мы узнали легенду об Айдашенской пещере. Я люблю слушать разные легенды, особенно когда они мне не знакомы. Я узнал, что когда-то в пещеру бросилась девушка по имени Айдаша. А теперь пещера и называется ее именем. Легенды – это всегда очень интересно, особенно если они о твоей родине. Сибирь ими очень богата. Легенды о своем крае особенно интересны».*

Степин Артем, 7 класс. МОУ СОШ № 12 г. Ачинск.

Как видно из примеров, все работы учеников оказались разными по содержанию, в них чувствуется неподдельный интерес к истории и культуре своего края. Следовательно, нам удалось решить не только задачи обучения письменной речи, но и научить семиклассников работать с ЭЛИ на основе собственного выбора, что положительно повлияло на мотивацию в работе над сочинением.

Подобные уроки на основе различной ЭЛИ были проведены в 5–7 классах (всего 268 учащихся). Сравнив работы школьников, выполненные по традиционной методике, с результатами экспериментального обучения, мы обнаружили положительные изменения в творческих работах учащихся:

– увеличился общий объем высказывания: в контрольных классах количество слов в сочинении (в среднем): 5 кл. – 52 сл., 6 кл. – 80 сл., 7 кл. – 100 сл.; в экспериментальных: 5 кл. – 74,53 сл., 6 кл. – 127,80 сл., 7 кл. – 130 сл.;

– увеличилась средняя длина фразы за счёт пополнения словарного запаса школьников в экспериментальных классах: 5 кл. – 9,4 сл. (по сравнению с контрольными классами – 7,2 сл.), 6 кл. – 12,58 сл. (10,2 – контрольные кл.), 15,6 сл. (12,3 сл. – контрольные кл);

– увеличилось количество изобразительных средств языка в сочинениях учащихся за счёт использования ЭЛИ и возможности выбора формы её презентации; если в контрольных классах даже при описании картин природы ученики редко использовали известные им словесные средства выразительности, то в экспериментальных классах их количество увеличилось (особенно метафоры и эпитеты).

Проведенная нами экспериментальная работа показала, что использование разнообразной экстралингвистической информации положительно влияет на процесс овладения учащимися письменной речью, если работа по подготовке и написанию сочинения ведется в комплексе, через включение ЭЛИ, как составляющего звена общей работы по решению коммуникативных, речетворческих и культурологических задач, в общий процесс обучения.

Библиографический список

1. *Карасик В.И.* Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2000.

2. *Кожевников К.* Об аспекте связности в тексте как целом // Синтаксис текста. – М., 1979.

3. *Реферовская Е.А.* Коммуникативная структура текста. – Л., 1979.

4. *Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. – М., 1985.

5. *Колшанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. – М., 1984.

6. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.

7. *Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. – М., 1996.

8. *Maatz U.* Als der Gemeinschaft eine Sprache im National – sozialismus. – Opladen, 1984.

9. *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

10. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.

11. *Ушинский К.Д.* Избранные педагогические произведения / Предисл. В.Я. Струминского. – М.: Просвещение, 1968. – 557 с.

12. *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей / Под ред. С.Г. Бархударова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.

УДК 37

Муравьёв С.А.
Курский государственный университет
muravevsergey@rambler.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИДЕАЛА ВОСПИТАНИЯ*

В статье предпринята попытка определить исторические предпосылки формирования представлений о русском национальном идеале воспитания личности.

Ключевые слова: *национальный идеал, воспитание, личность, культурные ценности.*

В начале нашего повествования о русском национальном идеале следует уточнить, что же представляет собою национальный идеал, а затем уже перейти к вопросу о русском национальном идеале в частности. Мы полагаем, что национальный идеал является очень сложным явлением и представляет собой синтез обыденно-практического знания. В любом обществе всегда присутствуют такие тенденции, как стремление улучшить среду своего обитания, самих себя. Это желание и рождает представление о конкретном идеале, которое характерно только для данной национальности и отличает её от других, свидетельствует об уникальности народа.

В научной литературе сложилось мнение, что идеалы проявляют в своём содержании чаяния, надежды, упования, эталоны отношений и поведения, нравственные нормы и базовые ценности, которые в той или иной степени должны присутствовать в жизни народа во все времена [3, с. 74]. Формы человеческой деятельности, имеющие место в определённую историческую эпоху, непосредственно находят своё отражение в философских теориях. И так как история идей воспитания является частью всеобщей истории социального развития, то она непосредственно будет проявлять народные стремления. Соответственно, обращение к вопросу о происхождении национального воспитательного идеала должно быть направлено на выявление предпосылок в культурно-исторической среде народа, являющихся основой для возникновения идеала.

Понимание того, что русский народ имеет особый характер, возникло ещё на заре его становления. Ещё в древних письменных источниках упоминается о таких чертах национального идеала, как доброта, бескорыстие, честность, преданность, патриотизм. Описания, характеризующие русский народ, содержатся в трудах зарубежных авторов того времени. Например, Прокопий Кесарийский указывал на ряд черт, присущих славянскому характеру, таких, как обострённое чувство коллективизма и справедливости, религиозность, добронравие, патриотизм. Византийский стратег Маврикий говорил о таких качествах, как свободолюбие, мужественность, физическая развитость, выносливость.

Особая роль в утверждении русского национального идеала принадлежит, с нашей точки зрения, объединению славянских племен в единое государство – Киевскую Русь. Нуждаясь в постоянном обеспечении безопасности своих границ, наши предки передавали подрастающему поколению знания и опыт по охране рубежей государственной границы, следили за тем, чтобы новые поколения воспитывались в духе патриотизма. Русский национальный тип является предметом пристального внимания отечественных историков, философов, которые отмечают его необыкновенную широту и многогранность. В научной литературе фиксируются отдельные положительные и отрицательные качества русского характера, но какими бы разными они ни были, общим является мнение, согласно которому система русского воспитания в значительной мере предопределила национальную особенность русского характера, – стремление к идеалу [10, с. 44].

На наш взгляд, следует сказать о так называемых «константах», то есть о постоянных, практически неизменяемых, особенностях русского воспитания на протяжении столетий, которые оказывали и оказывают влияние на его становление, и, следовательно, эти особенности можно применить также в современной теории и практике воспитания. Рассматривая вопрос о ценностях и идеалах русского народа, следует сказать о том, что ценности и идеалы не являются такими уж

*Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 09-03-72305 а/ц

© Муравьёв С.А., 2010

исключительными, так как это всего лишь преломившееся в национальном сознании общечеловеческое стремление к добру, справедливости, правде, красоте жизни и человеческих отношений.

Философская литература даёт нам целостное представление о трёх ключевых константах, основных чертах русского народа, которые повлияли на становление воспитательного идеала в России, – это открытость, традиционность и духовность. Обратимся к каждой из них отдельно.

Рассмотрим сначала первую константу – открытость. На открытость русской культуры другим культурам указывали многие. По этому поводу точно заметил В.С. Соловьёв, написав о том, что «истинная сущность русского национального духа, его великое достоинство и преимущество состоят в том, что он может внутренне понимать все чужие элементы, любить их, перевоплощаться в них…» [9, с. 290].

В поисках аргументов обоснования открытости русского народа, осуществим ретроспекцию и покажем, как данная особенность проявляла себя в разные эпохи. Как известно, система воспитания в России находилась в периоды своего становления под влиянием сразу нескольких культур, а именно: православно-византийской, гуманистической и протестантской. Византийская культура являлась основой воспитательной системы, но, как мы знаем, ограничивалась решением задач религиозного воспитания, поэтому со временем была существенно потеснена светским влиянием гуманизма, согласно которому необходимо было воспитать человека независимым и свободным.

Особое влияние на формирование русского национального идеала оказало официальное принятие христианства в 988 году. С этого времени система воспитания оказалась под влиянием воспитательных идеалов, которые были в приоритете на территории Византийской империи. Русский народ принимал эти учения, но ведь и в самой Византии они находились на пути своего становления, не были окончательно сформированы. Охотно включаясь в поиск православного христианского идеала, русское общество приходило к тому, что, в первую очередь, человека необходимо научить борьбе со злом в самом себе, прощать слабости людей, быть терпеливым, призывать на помощь Бога и уповать на него.

Уже в XII веке на Руси появились так называемые книжники, которые знали греческий язык и занимались переводами трудов византийских мыслителей. Но они не просто переводили эти труды, а обычно перерабатывали их применительно к социально-политическим условиям современной им действительности. В сочинениях Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Кирика Новгородца первое место в воспитании человека отводилось нравственному совершенствованию, отвержению таких пороков, как корыстолюбие, лень, лукавство. Особое место в воспитательной системе уделялось переводу византийского сборника «Пчела», где были собраны идеи таких христианских авторов, как Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Василий Великий. Интерпретировав идеи этих мыслителей применительно к воспитательной системе Киевской Руси, воспитательный идеал того времени можно сформулировать в следующих положениях: человеку дана свободная воля, благодаря которой он сам выбирает, на какой путь ему становиться – добра или зла, правды или неправды; по поступкам и делам можно узнать и оценить человека; искренность, стремление помогать нуждающимся – это обязанность человека.

Конечно, как и в наше время, самой трудной и вместе с тем основной задачей считалось воспитание любви к ближнему. Воспитание этой способности и объявлялось главной задачей человека. Подкреплялось это стремление обращениями к примерам святых старцев, потому что вся их жизнь являлась свидетельством любви к людям. Православный человек с детства учился терпению, следил за своими поступками, возрастал духовно и нравственно совершенствовался. В годы монголо-татарского ига (XII–XIII века), основы воспитания, заложенные двумя предыдущими столетиями, не только были сохранены, но и, подкреплённые борьбой против иноземных захватчиков, приобрели более глубокое значение для подрастающего поколения. В XV веке византийская культура продолжала оказывать существенное влияние на Россию, но это влияние было иного качества: а именно – она дала пример монастырских идеалов воспитания, основанных на особом религиозном течении – исихазме. (Исихия – безмолвие, умная молитва, практика духовно-религиозного воспитания, основанная Григорием Паламой.) Между тем православные подвижники издавна придавали ему более глубокий смысл. Человек и мир, в котором он живет, характеризуют постоянное беспокойство и изменчи-

вость. Поэтому человек жаждет и ищет покоя. Как мы знаем, море бывает спокойным в своих глубинах, а не на поверхности, подобно этому по опыту святых подвижников внутренний мир человека и всего творения следует искать в глубинах человека и творения и «по ту сторону» этих глубин. Исихия и есть именно такой поиск внутреннего покоя, который «превосходит всякий ум». Это не просто спокойствие, обретение спокойного места жизни, но бытийное собирание человеческого существа и жития в свой центр («сердце»); и через это – собирание в Боге и Богом, как единственным источником истинного покоя. Это течение как никогда в то время было востребовано. Особое внимание ему уделял монах и мыслитель Нил Сорский, который считал, что стремление к абсолютному добру и справедливости выступают теми качествами человека, которые приближают его к идеалу.

В эпоху реформ Петра I в философской мысли возникает ориентация на западную воспитательную парадигму, основанную на воспитании в человеке деловитости и рационализма и, следовательно, «применение» к российской действительности тех идеалов воспитания, которые доминировали в западной культуре. Однако новую систему воспитания высшее сословие, привязанное ко всему русскому, привычному, традиционному, встретило с определённой тревогой. Поэтому было решено проводить реформы суровыми, административными методами. Перенося на русскую почву зарубежные идеалы и соответствующие им методики и технологии воспитания, Пётр I во многих случаях даже принудительно заставлял проходить выходцев привилегированных сословий через новую систему воспитания. Заметим, что данная система воспитывала более гражданина, готового главным образом к государственной, в большей мере общественной жизни, нежели семейной.

В период правления Екатерины II влияние западноевропейской культуры и просвещения на русскую систему воспитания проявилось ещё в большей степени. Повышения общего культурного уровня страны предполагалось достичь с помощь реформ «сверху». Для императрицы было очевидным, что воспитание начинается с раннего детства и заканчивается формированием человека просвещённого, совершенного. Конечно, она понимала, что осуществить задуманное можно было, только поменяв коренным образом существующую систему воспитания, которая стала бы формировать новую «идеальную породу людей». Но тут не следует забывать, что религиозно-нравственное воспитание не отходило на второй план, а, более того, оставалось в приоритете как отличительная и необходимая черта национального воспитания. Соответственно, в таком переплетении религиозного и светского воспитания формировался русский национальный характер, оказывавший влияние на становление и развитие воспитательного идеала [6, с. 26]. Ярко выраженный национальный характер воспитательная система России сохранила и в XIX – начале XX века, несмотря на всё более усиливающиеся тенденции влияния французских и англо-американских воспитательных идеалов.

Ещё одной особой константой русского народа, которая оказала влияние на формирование русского национального идеала, является традиционность, то есть опора на многовековую народную культуру и эмпирически выстроенный порядок воспитания человека [4, с. 40–43]. Благодаря этому русская воспитательная система имела возможность обращаться к собственному историческому опыту, опыту народной жизни. Здесь в качестве одной из существенных отличительных черт национального характера следует указать на постоянный, неослабевающий оптимизм, направленность на положительный идеал. Как отметил А.И. Введенский, «окрашенная радостью жизнь непременно должна быть сопряжена с деятельным добром, с осознанием смысла своего индивидуального совершенствования как частицы общности и нераздельности единого целого. Несмотря на то, что в течение своей истории русский народ был значительно сдвинут со своих православно-патриархальных устоев, он не только сохранил свои природные свойства, но и перевёл их в форму конкретных идеалов или, точнее, осознал их, как стороны своего всеобъемлющего идеала» [2, с. 159].

С течением времени накопился значительный опыт государственного и духовного строительства русского государства. Народная мудрость оставила будущим поколениям свою версию исторического бытия народа, выделяя наиболее продуктивные идеи, осмысливая в потоке будней то, что несёт в себе черты, сохраняющие народ и образующие его смысложизненный стержень. Это означает, что национальный идеал выстраивался на пересечении категорий должного, жела-

емого и возможного. Должное рождает этические нормы, желаемое строит варианты реализации, а возможное придаёт им практический смысл и реальные черты. Идеал воспитания в русской философии можно обозначить, в соответствии с рассматриваемой характеристикой, как образ совершенного человека, положительно настроенной личности. Идеальная модель, проявляющая не подлежащий изменению по своей глубинной сути социально-личностный ориентир, постоянно сопутствует человеку в продолжение всей его жизни и реализуется, в той или иной степени, в результате применения различных воспитательных средств, адекватных возрастным характеристикам объекта воспитания. Благодаря открытости поиск ответов в собственном прошлом позволяет находить духовные силы для дальнейшего развития и совершенствования человека.

Третья константа, влияющая на становление русского идеала воспитания, характеризуется как духовность, как обострённое внимание к сфере абсолютного, вечного [1, с. 31]. Почти все русские мыслители отмечали данную черту. Благодаря тому, что в древнерусском государстве была распространена литература, посвящённая житиям святых, мир идеального не просто описывался в ней, но и был очень близок не только читателям и слушателям, но и переписчикам, составителям, что являлось яркой чертой духовных устремлений жителей Древней Руси. Нравственный идеал человека, заключённый в житиях святых, носил ярко выраженный воспитательный характер, показывая человека праведного. Ориентация людей на духовные ценности давала им достойный пример для подражания. «Ещё наши далёкие предки вкладывали в смысл слова “образование” создание образа человека, подобного Богу или, по крайней мере, к тому стремящегося», – замечает наш современник Н.В. Карлов [5, с. 7].

Следовательно, можно с уверенностью заявить, что эта константа настолько сильна в русской духовной жизни, что не могла исчезнуть даже при ослаблении или полном упадке религиозности, при гонениях на религию: «…Наш православный русский народ поставлен в такие исторические условия, что он не перестал ещё смотреть на человека, как на носителя образа Божия…» [2, с. 182]. В трудные периоды своей истории философская и общественная мысль обращалась к проблемам нравственности, справедливости для того, чтобы как-то, хотя бы в малой степени, реализовать высочайшие духовно-нравственные качества в земной жизни, не потерять связи с Абсолютом, добром.

Итак, говоря о выше упомянутых особенностях, следует отметить, что они, проявляясь на протяжении длительного времени в различных ипостасях, детерминировали уникальный характер русского народа, сформировали черты национального воспитания, определившие неповторимый как целостное явление национальный воспитательный идеал. И пусть с течением времени различные воспитательные системы и парадигмы сменяли друг друга, но все они выстраивались на основе открытости, традиционности и духовности.

Библиографический список

1. *Белозерцев Е.П.* О национально-государственном образовании в России // Педагогика. – 1998. – №3.

2. *Введенский А.И.* Западная действительность и русские идеалы. – Московская Губ-ния. Сергиев Посад, 1894.

3. *Васильев С К.* Особенности формирования национального идеала: Дис. … канд. ф. наук – Н. Новгород, 1996.

4. *Кларин В.М., Петров В.М.* Идеалы и пути воспитания в творениях русских религиозных философов IX–XX вв. – М., 1996.

5. *Карлов Н.В.* Преобразование образования // Вопросы философии. – 1998. – №11.

6. *Мосолов В.А.* Приоритеты воспитания: прошлое и настоящее (опыт историко-педагогического исследования русской духовности). Курс лекций. – СПБ., 1996.

7. *Репринцев А.В.* В поисках идеала учителя: проблемы профессионального воспитания учителя в истории философско-педагогической мысли. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2000.

8. *Розин В.М.* Философия образования: этюды-исследования. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального института, 2007.

9. *Соловьёв В.С.* Русский национальный идеал // Сочинения в 2-х т. – М., 1989. – Т. 2.

10. *Флоровский Г.В.* Вечное и преходящее в учении русских славянофилов // Из истории русской мысли. – М., 1998.

УДК 159.025.4:616.89

Никишина Вера Борисовна
VBNikishina@mail.ru,
Запесоцкая Ирина Владимировна
Курский государственный медицинский университет
Zapesotskaya@mail.ru

ПОСТРОЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕЗАУРУСА СОСТОЯНИЯ ЗАВИСИМОСТИ

В статье реализуется идея построения категориального пространства понятия зависимости. С точки зрения категориального конструирования в работе осуществлена попытка встраивания понятия состояния зависимости в систему базовых и метапсихологических категорий через призму ядерного для него понятия – «отношение».

Ключевые слова: *отношение, состояние зависимости, базовый, метапсихологический уровни категориального анализа.*

Интроспективный анализ современных исследовательских подходов категории «зависимость» очевидно и однозначно указывает на преобладание феноменологической позиции, продуцирующей свое содержание в представлении проявлений и причин возникновения состояния зависимости. Не акцентируя ограниченность данной тенденции, считаем возможным представить категорию состояния зависимости в логике категориального конструирования с целью выделить в системе терминологического пространства метапсихологический и базисный уровни феномена состояния зависимости.

Тезаурус позволяет выявить смысл не только с помощью определения, но и посредством соотнесения слова с другими понятиями и их группами [6].

Реализуя принцип открытости категориального строя психологии [8], становится возможным расширить базисные категории за счет психологического осмысления других понятий, в конкретном случае – категорию состояния зависимости.

Построение базисного уровня категории зависимости от категории отношения в направлении метапсихологических категорий различной степени обобщенности и конкретности и составляет основное содержание методологического конструирования.

В логическом отношении каждая метапсихологическая категория определяется через слитую субъект-предикативную конструкцию, в которой положение субъекта занимает некоторая базисная категория [8]. При категориальном конструировании термина «состояние зависимости» базисным уровнем выступает категория отношения, а в качестве предиката выступает соотношение категории зависимости как метакатегории с другими метакатегориями – «ценности», «чувства», «предметности», «деятельности», «я» (см. рис. 1). Предикативный характер отношений категорий метапсихологического уровня продуцируется в свойства анализируемого феномена – состояния зависимости.

Конкретизируя обозначенную позицию, необходимо, во-первых, представить содержательное обоснование взаимосвязи базисного уровня анализа, а именно категории отношений с метапсихологическим уровнем – категорией зависимости, во-вторых, представить аргументацию предикативного характера метапсихологических категорий – «ценность», «чувство», «предметность», «деятельность», «я» и категории состояния зависимости, и, в-третьих, доказать, что базисно-метапсихологическая логика конструирования термина состояния зависимости позволяет его рассматривать как самостоятелное психологическое явление группы – состояний.

Согласно теории В.Н. Мясищева, психическое состояние является общим функциональным уровнем, на фоне которого развиваются психические процессы и отражаются в системе отношений личности. С точки зрения указанной теории, система отношений личности строится в субъект-субъектной системе координат. Психическое состояние, с одной стороны, проявляется через систему отношений личности, с другой стороны, система отношений личности оказывает влияние на основные характеристики состояния зависимости [7].

В соответствии с этим дефицитарность переживаний психических состояний в поле субъект-

© Никишина В.Б., Запесоцкая И.В., 2010

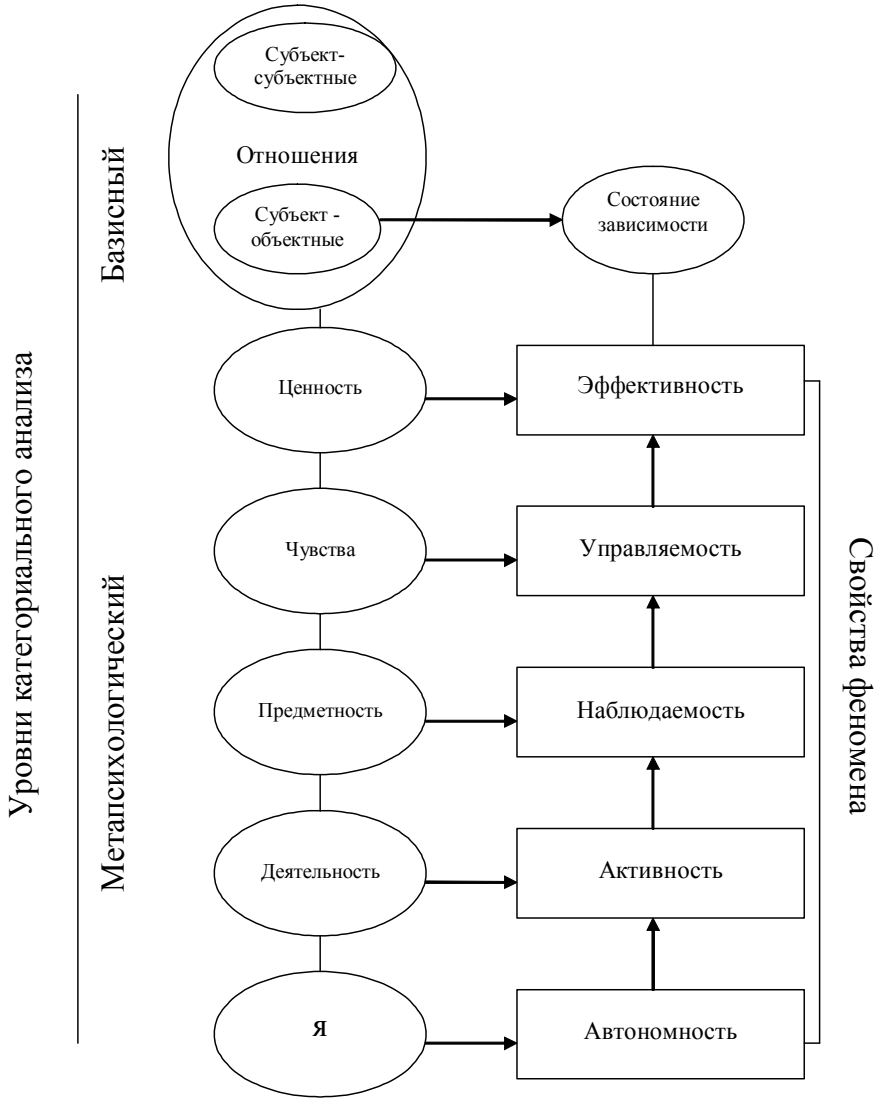

Рис. 1. Схема категориального анализа термина состояния зависимости.

субъектных отношений, характеризующих систему отношений личности, приводит к формированию состояния зависимости, которое строится в субъект-объектной системе координат. Дефициты субъект-субъектного типа отношений проявляются в конфликтности, неопределенности, непоследовательности, нестабильности. Компенсация возникающих дефицитов происходит в системе субъект-объектных отношений, которые, в свою очередь, характеризуются бесконфликтностью, определенностью, последовательностью и стабильностью. Таким образом, происходит изменение социальной ситуации, сужение восприятия ситуации, что впоследствии приводит к изменению системы отношений и поведения личности в целом.

Представим определение категории состояния зависимости через категории базисного и метапсихологического уровней (см. табл. 1).

Осуществляя позиционирование феномена зависимости в методологическом пространстве современной психологии, важно и необходимо вписать его в систему базовых категорий науки. И в решении этого вопроса, в первую очередь, стоит обратиться к классификации психических явлений [9], включающую психические процессы, состояния и свойства, и осуществить соотносительный анализ психических состояний и фе-

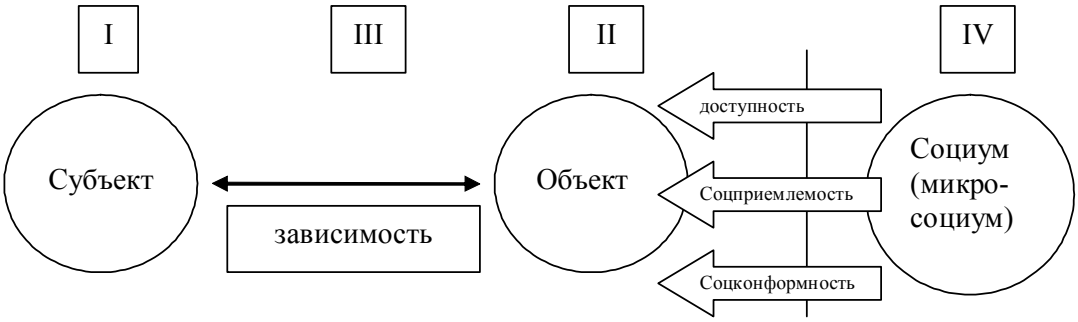

Рис. 2. Схема объектно-субъектного характера состояния зависимости

номена зависимости. Состояние, в самом широком понимании, – это реакция функциональных систем на внешние и внутренние воздействия, направленная на получение полезного для организма результата. И вот что важно: включая эффект полезности в определение категории, следует иметь в виду прежде всего биологическую целесообразность возникновения состояния.

Психическое состояние – это целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности [5]. Психическое состояние является как переживанием, так и деятельностью, имеющей некоторое внешнее выражение [5].

Психическое состояние – это отражение личностью ситуации в виде устойчивой целостной совокупности в динамике психической деятельности, выражающейся в единстве поведения и переживания в континууме времени [10]. Психическое состояние как специфический феномен описывается в определенной временной континуальности [5, с. 9–10], целостности [5, с. 10], соотнесенности с воздействующими стимулами [10, с. 1], взаимосвязи с психическими свойствами [9, с. 4], взаимосвязи с психическими процессами [9, с. 11], единством переживания и поведения [10].

С позиции структурно-уровневого анализа [2], выявлены следующие взаимоотношения характеристик психических состояний: уровневость, совпадающая с уровневостью организации человека, субъективность – объективность и степень обобщенности (общие, особенные, индивидуальные).

Таблица 1

Категориальное конструирование понятия зависимости

Категория базового уровня	Категория метапсихологического уровня	Определение
Мотив	Ценность	Зависимость – это мотивационная составляющая нужды, характеризующаяся потребностью в использовании какого-либо вещества или предмета [3].
Переживание	Чувство	Зависимость – это переживание состояния невозможности функционировать, избегать дискомфорта и получать удовольствие без использования каких-либо веществ или совершения действия [5].
Действие	Деятельность	Зависимость – специфическая деятельность, определяемая сверхценностным отношением к объекту, имеющая некоторое внешнее выражение [5]
Субъект	Я	Зависимость – отражение субъектом сверхценностного отношения к объекту или действиям, выражающееся в единстве поведения и переживания.
Ситуация	Предметность	Зависимость – совокупность устойчивых стереотипизированных, эмоционально заряженных реакций, в которых объект зависимости выступает основным элементом внешней реакции.

Субъективность ОБЛАСТЬ СОЗНАНИЯ

	УРОВЕНЬ ОРГАНИЗАЦИИ
1. Деятельность 2. Отношения 3. Поведение	Социально-психологический
Психические функции - когнитивные - аффективные - регулятивные	Психологический
1. Психомоторика 2. Сенсорика 3. Вегетативные реакции	Психо-физиологический
1. Нейрофизиология 2. Физиологические функции 3. Биохимия	Физиологический

Объективность ОБЛАСТЬ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Рис. 3. Структурная организация психического состояния

Рассматривая структурно-уровневую организацию психических состояний, выделим три основных критерия: уровневость (физиологический, психофизиологический, психологический, социально-психологический уровни), осознанность, субъективность – объективность (субъективные характеристики получены субъектом в процессе самонаблюдения; объективные характеристики

I уровень
характеризуется адекватным отражением ситуации и реактивным (оперативным) психическим состоянием.
Основная функция — связывание психических процессов и свойств для обеспечения адекватной реакции.

II уровень
основные функции состоят в интеграции, формировании и закреплении психологической структуры личности («строя» через повторение психических состояний, структурирование и закрепление ядер из отдельных элементов структуры личности; овладение саморегуляцией, благодаря которой обеспечивается достижение эффективности и продуктивности деятельности).

III уровень
осуществляет функции регуляции психических процессов и психических свойств, организацию деятельности и поведения. Психические состояния отражают сформированные и трансформированные в длительной деятельности черты характера, свойства, акцентуации и трансформации.

Рис. 4. Трехуровневая структурно-функциональная модель психических состояний личности [10]

Таблица 2

Характеристика свойства зависимости

Свойство	Характеристика свойства	Характеристика свойства при зависимости
Эффективность	Связана с местом системы в метасистеме при достижении совокупной результативности и ее функциями (промежуточное положение между процессами и свойствами). Проявляется в обусловливании в ней тембра, фона, способа организации психических процессов, организации целостной психической деятельности, взаимоувязывания психических процессов и свойств для достижения цели метасистемы.	Ригидность мыслительной деятельности; диссоциированность; снижение критичности.
Управляемость	Степень быстроты и легкости, с которой система приводится в состояния, задаваемые метасистемой. Связана с регуляторными влияниями метасистемы, которая реализует себя через принципы личностной регуляции: самоуправление, самоорганизацию, саморегуляцию.	Разбалансированность проявляется на всех уровнях функционирования системы: когнитивной сферы, эмоциональном, поведенческом.
Активность	Мера использования системой внутренних энергетических ресурсов для организации функций, заданных метасистемой. Связана с «напряженностью» – доминированием отдельных компонентов целостного состояния и влияния этих доминирующих составляющих на ее эффективность и функции состояния в метасистеме.	Объектно-ориентированная активность, навязчивые идеи (обсессии), ограниченные ресурсы. Чувствительность к любой внутренней и внешней стимуляции
Автономность	Мера независимости системы от метасистемы. Принцип личностной регуляции реализуется через функциональные структуры состояний в форме самоорганизации, самоуправления, саморегуляци изменения качества, знака. Проявляет себя в дифференцировании психического состояния от других составляющих метасистемы и ее в целом, а также в определенном положении между процессами и свойствами.	Ценностно-смысловая деформация. В регуляции преобладает физиологический, психо-физиологический уровни.
Наблюдаемость	Мера доступности информации о системе для метасистемы. Представлена в методах диагностики состояний, особенности методических приемов, связанных со спецификой явления.	Проявляется на поведенческих и фенотипических реакциях. Алкогольная анозогнозия.

являются результатом внешнего, объективного наблюдения поведения и деятельности субъекта). Физиологический уровень включает нейрофизиологические характеристики, морфофизиологические и биохимические изменения, сдвиги физиологических функций. Психофизиологический уровень – вегетативные реакции, изменения психомоторики и сенсорики. Психологический уровень – изменения психических функций. Характеристики поведения, деятельности и отношения человека в том или ином состоянии объединены на социально-психологическом уровне.

Состояние зависимости, в отличие от других психических состояний, характеризуется:

– монотичностью (проявляется в стремлении оказывать основное регулирующее воздействие на психическую деятельность личности, нивелируя другие состояния);

– интенсификацией (проявляется в более высокой интенсивности переживания состояния,

а также характеризуется повышенной динамичностью по сравнению с другими психическими состояниями);

– повышенная значимость физиологического компонента зависимости как психического состояния (проявляется в значительной включенности физиологических процессов и функций в формирование состояния зависимости).

Изначально (до взаимодействия) внешние объекты нейтральны, они становятся объектами зависимости только при субъективно-пристрастном отношении к ним. Зависимость – это ценностная связь между субъектом и объектом. Связь состоит в определенном сверхзначимом отношении субъекта к объекту и проявляется в болезненном характере их взаимодействия.

Таким образом, в результате категориального анализа понятия зависимости очевидно простраивается как его феноменологическая составляющая, так и место в системе базисно-метапсихологических категорий. Феноменологическая позиция, по основаниям его структурно-уровневой организации, позволяет рассматривать понятие зависимости в системе психологических явлений как состояние. Свое специфическое содержание состояние зависимости раскрывает в свойствах: эффективность, управляемость, наблюдаемость, активность, автономность.

Базисно-метапсихологический уровень конструирования понятия зависимости позволяет выделить его категориальное ядро – понятие отношения, в котором раскрывается специфическая природа состояния зависимости – его субъектно-объектная ориентированность в системе отношений, которая, в свою очередь, проецируется в метапсихологическом содержании – мотив, переживание, действие, субъект, ситуация, они же, в свою очередь, раскрываются в свойствах зависимости.

Библиографический список

1. *Акопов А.Ю.* Свобода от зависимости. Социальные болезни личности. – М.: Речь, 2008.

2. *Ганзен В.А., Юрченко В.Н.* Системный подход к анализу, описанию и экспериментальному исследованию психических состояний человека // Психические состояния / Под ред. А.А. Крылова. – Л., 1981.

3. *Егоров А.Ю.* Нехимические зависимости. – М.: Речь, 2007.

4. *Куликов Л.В.* Психогигиена личности: Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики: Учебное пособие для вузов. – СПб.: Питер, 2004.

5. *Левитов Н.Д.* О психических состояниях человека. – М., 1964.

6. *Луков Вал.А., Луков Вл.А.* Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Гуманитарные науки: теория и методология. – 2004. – №1. – С. 93–100.

7. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. Избранные психологические труды / Под ред. А.А. Бодалева. – М.; Воронеж, 1995.

8. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Категориальная система психологии. Опыт построения теории теорий психологии // Вопросы психологии. – 2000. – №5. – С. 3–17.

9. *Платонов К.К.* О системе психологии. – М.: Мысль, 1972.

10. *Прохоров А.О.* Интегрирующая функция психических состояний // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – №3. – С. 136–145.

11. *Прохоров А.О.* Теоретические и практические аспекты проблемы психических состояний личности. – Самара, 1991. – 113 с.

12. *Сосновикова Ю.Е.* Психические состояния человека, их классификация и диагностика. – Горький, 1975.

УДК 159.922

Николаева Ирина Александровна
Ульяновский государственный университет
i.voronina@inbox.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ПРОГНОСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

В данной статье дано определение понятию «прогностический потенциал», рассмотрена структура прогностического потенциала, представлены основные выводы проведенного научного исследования. Выявлены особенности развития прогностического потенциала студентов вузов и описана программа по активизации прогностического потенциала в условиях учебно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *прогностический потенциал, антиципация, развитие, психолого-акмеологические особенности, студенты вузов.*

Развитие прогностических способностей у студентов вузов – серьёзная и актуальная проблема системы высшего профессионального образования. В психологической науке существует достаточно большое количество отечественных и зарубежных работ, посвященных проблеме развития способностей человека, но исследований в области способности человека к прогнозированию не так много. Наиболее известные и фундаментальные работы в этой области принадлежат таким авторам, как Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков, В.М. Водлозеров, Д.Н. Завалишина, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, Л.А. Регуш, В.Д. Менделевич, П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, Т.Ф. Базылевич, И.В. Бестужев-Лада, Н.И. Калаков, И.А. Липский, А.М. Матюшкин и др.

Теоретический анализ философской, психологической, методологической литературы доказывает, что существуют разные взгляды на прогностические способности. Прогнозирование рассматривают как детерминанту самых различных процессов, как одну из характеристик творческого процесса, как составляющую мотивационной сферы, как характеристику деятельности и т.п. Таким образом, актуальность данной научной работы заключается в необходимости практико-ориентированного исследования, направленного на описание основных составляющих способности к прогнозированию и поиска способов её продуктивного развития.

В ряду психологических процессов, связанных с прогнозированием будущего, выделяют три основных: вероятностное прогнозирование, нацеленное на построение беспристрастной математической модели будущего; экспектация – ожидание, эмоционально окрашенное и мотивационно подкрепленное представление о будущем с привлечением характеристик желанное – нежеланное, а также антиципация как способность действовать и принимать те или иные решения с определенным временно-пространственным упреждением в отношении ожидаемых, будущих событий [4, с. 15]. Все эти процессы невозможны без наличия у индивида прогностического потенциала. Понятие «потенциал» введено нами в рамках исследования, так как это более широкое понятие, чем способности. Такие категории, как развитие и активация, предполагают, что речь идет о возможностях личности. По мнению А.А. Бодалева, потенциал нужно рассматривать как внутреннюю структуру человека, в которой интегрируются его общие способности как индивида и специальные способности как субъекта деятельности [1, с. 20]. То есть потенциал – это система способностей как актуализированных, так и резервных.

Прогностический потенциал – это целостная комплексная, интегрированная и дифференцированная система сознательных и бессознательных социально-биологических ресурсов личности, которые могут быть реализованы в прогностической деятельности, возникающей на основе наследственно закрепленных анатомо-физиологических особенностей мозга, нервной системы с учетом индивидуальных особенностей человека [3, с. 29].

Объектом данного исследования является прогностический потенциал студентов вузов. Предметом исследования – структура и способы активации прогностического потенциала у студентов вузов. Цель исследования – изучить структуру прогностического потенциала, психолого-акмеологические особенности развития прогностического потенциала и разработать на основе полученных результатов программу сопровож-

© Николаева И.А., 2010

дения развития прогностического потенциала студентов вузов. Основная гипотеза исследования заключается в предположении о том, что прогностический потенциал представляет собой системно-структурное образование, состоящее из психофизиологического, когнитивного, эмоционально-волевого, коммуникативного и перцептивного компонентов. Прогностический потенциал может быть развит более успешно, если принять во внимание следующие особенности: имеются определенные взаимосвязи между прогностическим потенциалом и учебно-профессиональными мотивами, а также выбранной специальностью.

Рассматривать проблему развития прогностического потенциала только в связи с развитием интеллекта и познавательными процессами – значит учитывать только один из аспектов проблемы. Б.Ф. Ломов, говоря в целом об антиципации, утверждал, что именно антиципация обеспечивает формирование цели, планирование и программирование поведения и деятельности, она включается в процессы принятия решения, текущего контроля и коммуникативные акты [4, с. 35]. Однако любая деятельность по прогнозированию начинается с восприятия, поэтому необходимо учитывать и перцептивную составляющую при анализе структуры прогностического потенциала.

На основе этих научных изысканий было выдвинуто предположение, что прогностический потенциал включает следующие компоненты: психофизиологический, когнитивный, эмоционально-волевой, коммуникативный и перцептивный.

Психофизиологический компонент – это физиологические основы прогностического потенциала. Для понимания механизмов антиципации важнейшее значение имеют: теория функциональных систем П.К. Анохина, принцип биологической активности и управления движениями, разработанный Н.А. Бернштейном, работы Р.М. Грановской о связи деятельности по прогнозированию с функциональной асимметрией головного мозга и исследования Т.Ф. Базылевич, посвященные исследованию процесса прогнозирования.

Когнитивный компонент в структуре прогностического потенциала представлен особенностями мышления. Согласно Л.А. Регуш, основой прогностических способностей являются такие качества мышления, как аналитичность, глубина, осознанность, гибкость, перспективность и доказательность [6, с. 171]. Для определения уровня развития этих качеств Л.А. Регуш были разработаны специальные методики. В данном исследовании для определения уровня развития прогностических способностей используется методика «Способность к прогнозированию».

Эмоционально-волевой компонент в структуре прогностического потенциала представлен, прежде всего, такой характеристикой, как саморегуляция. Саморегуляция рассматривается исходя из теории В.И. Моросановой. В данной теории осознанная саморегуляция понимается как системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей [5, с. 16]. Стиль саморегуляции поведения можно описать через такие показатели, как планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, самостоятельность и гибкость. Для диагностики саморегуляции в данном исследовании используется методика «Стиль саморегуляции поведения-98» В.И. Моросановой, Е.М. Коноз. Кроме этого, для изучения личностных особенностей, характеризующих эмоционально-волевую сферу человека, анализируются такие факторы, как эмоциональная устойчивость, степень тревожности, уровень развития самоконтроля, степень организованности человека.

Коммуникативный компонент в структуре прогностического потенциала представлен такими личностными особенностями, как общительность, смелость, доверчивость в отношении к людям, степень доминантности, конформизм, прямолинейность. Данные особенности выделены Р. Кэттелом в его 16-факторной теории личности и составляют коммуникативный блок личностных черт. Для диагностики коммуникативного компонента использовался тест Кеттела (16PF-Form C).

Перцептивный компонент в структуре прогностического потенциала представлен такими характеристиками, как степень яркости-четкости представлений и зависимость-независимость от перцептивного поля. Согласно некоторым теориям, в частности теории С.В. Забегалиной, более яркие, четкие представления имеют люди с большими прогностическими способностями, так как это помогает им качественно анализировать ситуацию мысленно, находясь вне ее, оценивать

и прогнозировать ее развитие. Полезависимость означает доминирование целого, недостаточное дифференцирование частей в образе восприятия, неспособность преодолевать контекст и выделять отдельные раздражители от фона. Поленезависимость соответствует способности воспринимать целое как структурированное, вычленять стимулы из контекста [3, с. 67]. Яркость-четкость представлений в данном исследовании определяется с помощью опросника Д. Маркса по методу саморанжирования, а полезависимость изучается с помощью теста включенных фигур Готшильда.

Кроме вышеперечисленных методик в исследовании используются: методика диагностики учебной мотивации студентов А.А. Реана, В.Я. Якунина в модификации Н.Ц. Бадмаевой, опросник для личной оценки своего прогностического потенциала и сбора биографических данных, методика по изучению широты ассоциаций относительно будущего и проективная методика «линия жизни». Выбор данной батареи психологических тестов обусловлен тем, что в ней представлены методики диагностики основных компонентов прогностического потенциала и факторов, которые могут способствовать его развитию.

Выборка исследования составила 150 студентов вузов, обучающихся на 3 курсе. Студенты были разделены на две большие группы: студенты-математики и студенты-гуманитарии. Студенческий возраст выбран, так как он является началом акмеологического периода становления личности человека. В ходе диагностики было установлено, что из общей выборки студентов, прошедших тестирование, лишь у 37% прогностические способности развиты на высоком уровне, у 50% они развиты на среднем уровне и у 13% они низкие. При исследовании различий между группами студентов-математиков и студентов-гуманитариев с помощью критерия Манна Уитни по данному показателю были выявлены различия на 0,05 уровне значимости. Было установлено, что у студентов-гуманитариев когнитивная составляющая прогностического потенциала, выраженная в общей способности к прогнозированию, развита выше, чем у студентов-математиков. Кроме этого, были выявлены различия между этими двумя группами и по такому показателю, как планирование в деятельности. У студентов-гуманитариев преобладание планирования как стиля саморегуляции поведения выражено больше, чем у математиков.

Корреляционный анализ, проведенный с помощью ранговой корреляции Спирмена, показал наличие значимых взаимосвязей между уровнем развития способности к прогнозированию и такими параметрами, как моделирование (К=0,259), гибкость (К=0,196), общий уровень саморегуляции (К=0,281), общительность (К=0,281), коммуникативные (К=0,26) и профессиональные (К=0,256) мотивы обучения в вузе. Таким образом, существуют значимые взаимосвязи между когнитивной, эмоционально-волевой и личностной составляющей прогностического потенциала, а также взаимосвязи между прогностическим потенциалом и особенностями мотивации. У студентов с преобладанием коммуникативных и профессиональных мотивов обучения в вузе выше способность к прогнозированию. Значимых взаимосвязей между когнитивной составляющей прогностического потенциала и такими особенностями перцептивной сферы студентов, как яркость-четкость представлений и поле независимость, не выявлено. Проведенный факторный анализ с использованием Варимакс-вращения показал наличие двух факторов, отражающих структуру прогностического потенциала. Первый фактор можно условно обозначить «особенности прогностического потенциала». Наибольшую факторную нагрузку в нем имеют следующие переменные: общая способность к прогнозированию (0,642), настороженность при общении с людьми (0,790) и регулятивная самостоятельность (0,457). Второй фактор можно условно назвать «личностные особенности студентов», наибольшую факторную нагрузку в нем имеют такие переменные, как общительность (0,773), яркость и четкость представлений (0,727), регуляторная гибкость (0,550) и эмоциональная устойчивость (0,557).

Таким образом, проведенное исследование частично подтвердило основную гипотезу научной работы о том, что прогностический потенциал имеет сложную структуру, основными составляющими которой являются когнитивный, эмоционально-волевой и коммуникативный компоненты. Значимых взаимосвязей между данными тремя компонентами и особенностями перцептивной сферы студентов не установлено.

Для выявления условий и факторов, способствующих развитию прогностического потенциала, необходимо определить, каковы критерии проявления его в деятельности. В исследовании

анализируется два основных вида деятельности, связанных с активизацией прогностического потенциала: деятельность по прогнозированию личностного развития и профессиональное прогнозирование.

Деятельность по прогнозированию личностно-профессионального развития связана особенностями временных аспектов самосознания, осознанием своего «Я» во времени, осознанием своей ответственности за последствия своих решений и действий. Критерием для оценки прогностического потенциала в этом виде деятельности является временной отрезок личностного развития, на который распространяется прогнозирование индивида. Прогноз личностного развития может быть краткосрочным, то есть охватывать период до 1 года, среднесрочным – до 5 лет и долгосрочным – свыше 5 лет.

В результате исследования особенностей прогнозирования личностного развития с помощью проективной методики «линия жизни» было установлено, что студентам сложно определить траекторию своего развития, у большинства из них временной отрезок, на который распространяется прогнозирование своего личностного развития, не превышает 5 лет. Большинство студентов может спрогнозировать траекторию своего развития в диапазоне от 1 года до 5 лет.

Анализ ассоциаций относительно будущего показал, что все ассоциации можно разделить на несколько категорий: ассоциации, связанные с семьей, с работой или учебой, с развлечениями или недифференцированные чувства и переживания.

Второй вид деятельности, связанный с построением прогнозов, – это деятельность по прогнозированию в учёбе. Данный вид деятельности связан с особенностями выдвижения гипотез и построения различного рода моделей в рамках научно-исследовательских работ студентов. Согласно теории Б.Ф. Ломова [4, с. 103], в рамках этого вида деятельности можно выделить несколько уровней, которые будут отражать качественные характеристики выдвигаемых прогнозов. Первый уровень: построение прогноза на основе отношения, переживания. Второй уровень: построение прогноза на основе знания, познания. Третий уровень: построение прогноза в ходе исполнения деятельности, обратная связь о результатах деятельности, коррекция прогнозов. Достигнутый студентом уровень развития прогностического потенциала в этом виде деятельности можно определить с помощью анализа квалификационных работ, таких как курсовые и дипломные проекты.

Результаты данного исследования послужили основой для создания программы развития прогностического потенциала у студентов вузов. Данная программа носит психолого-акмеологический характер, так как ее основная цель – это развитие прогностического потенциала студентов вузов в условиях учебно-профессиональной деятельности. Она содержит несколько блоков: информационный (лекционная часть посвящена раскрытию сущности метода прогнозирования); диагностический (определение исходного уровня развития прогностического потенциала); развивающий (развитие потенциала в рамках специально разработанного тренинга); обобщающий (подведение итогов, закрепление навыков, итоговая диагностика).

Данная программа является практическим воплощением проведенного исследования и будет внедрена в рамках учебно-профессиональной деятельности студентов Ульяновского государственного университета.

Библиографический список

1. *Бодалев А.А.* Вершина в развитии взрослого человека. – М.: Наука, 1998. – 168 с.

2. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование. – М.: Мысль, – 1979. – 230 с.

3. *Калаков Н.И.* Глобалистическая прогностика как междисциплинарная наука: Методологические основы: Монография. – Ульяновск: Изд. Вектор-С, 2008. – 100 с.

4. *Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н.* Антиципация в структуре деятельности. – М.: Наука, – 1980. – 280 с.

5. *Моросанова В.И.* Индивидуальный стиль саморегуляции. – М.: Наука, 2001. – 192 с.

6. *Регуш Л.А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. – СПб.: Речь, 2003. – 352 с.

УДК 316.664: 61

Пазекова Галина Евгеньевна
кандидат психологических наук
Ульяновский государственный университет
fimeizhi@mail.ru
Еливанова Наталья Евгеньевна
Поволжская академия государственной службы (филиал в г. Ульяновске)
binc@mv.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГАРМОНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ЗДОРОВЬЯ*

Статья посвящена теоретическим аспектам психологии гармоничной личности и детерминант её внешнего и внутреннего благополучия с позиций целостного акмеологического подхода к проблеме здоровья. В статье рассматриваются научные подходы к содержанию понятия «гармония», раскрывается суть психологической гармонии личности.

Ключевые слова: *гармония, психологическая гармония личности, гармонический тип личности, индикаторы психологической гармоничности: баланс, целостность, развитие, интегративная модель здоровья.*

В настоящее время, в эпоху глобальных социальных и политических изменений и научно-технического прогресса, заставляющих личность постоянно перестраивать свои сложившиеся жизненные отношения и преобразовывать себя, проблема здоровья, эффективности человеческой деятельности, актуализации и развития человеческого потенциала встает качественно новым образом. По своей актуальности и значимости проблема здоровья считается одной из сложнейших проблем современной науки и не уступает таким направлениям, как проблема охраны природы, окружающей среды. Многочисленные исследования показывают, что в течение последних 10 лет наблюдается неуклонное ухудшение здоровья российской нации. Статистика свидетельствует, что 60–70% общей численности населения нуждается в реабилитации физического и психического состояния. Более половины работающих имеют рейтинг здоровья ниже трех по шестибалльной системе. Около 6,5 млн человек нуждаются в психиатрической помощи (включая наркологическую), из них почти 80% составляют больные алкоголизмом, умственной отсталостью, психотическими расстройствами. Все эти данные, приведенные в материалах научных медицинских и образовательных конференций и семинаров, говорят о том, что для здоровья нации необходима «единая политика здоровья» [6]. Решение проблемы здоровья нуждается в новых подходах: нужны комплексные интердисциплинарные исследования, с помощью которых можно было бы изучить важнейшие взаимосвязи между основными свойствами человека как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности.

Методологической основой для данного представления является целостная (холистическая) модель здоровья [2; 5]. Мы рассматриваем здоровье как единство соматической, психической и духовной составляющих, которые оказывают взаимное влияние друг на друга. Но сам организм, который имеет такое целостное выражение, не изолирован, он находится в системе «человек – социум – вселенная», где действуют внутриличностные, социальные условия и экологические факторы. Все эти системы взаимосвязанно взаимодействуют между собой, и нарушение со стороны соматики влияет на психическую сферу, и, наоборот, психические измерения влияют на соматику, а изменения в социальной и экологической среде оказывают воздействие и на соматику, и на психику. В то же время сам организм влияет на социальную и экологическую среду. Таким образом, устанавливается динамическое равновесие, баланс между комплексом эндогенных и экзогенных факторов, которые взаимосвязаны, начиная еще задолго до рождения ребенка, и которые проявляются, существуют в течение всей его индивидуальной жизни, сохраняются до конца жизни, формируются в виде видовой памяти и передаются следующим поколениям (Н.Б. Бехтерева, Л.Н. Гондарева).

По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) уровень здоровья зависит на

* Статья подготовлена в рамках проекта реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», ГК № П2408 от 18.11.2009.

© Пазекова Г.Е., Еливанова Н.Е., 2010

50% от условий и образа жизни, на 20% – от экологических факторов, ещё на 20% – от генетических и только на 10% – от медицинских и других факторов [2; 4]. Перед научной психологией встает важная задача изучения детерминант эффективного и экологичного функционирования человека в области объективных результатов деятельности и внутреннего психологического благополучия (В.И. Моросанова, А. Ануашвили, О.И. Мотков, О.А. Ольвинская и др.).

Актуальные проблемы современной психологии развития личности связаны с изучением гармонизации личности как детерминанты здоровья и определяются наличием объективных и субъективных противоречий, среди которых необходимо выделить противоречия между:

– все более возрастающими требованиями к формированию здоровой, творческой, активной, социально ответственной личности и её неготовностью или неумением обеспечить этот процесс;

– потребностью личности реализовать себя в обществе и необходимостью социальной адаптации и регуляции поведения;

– потребностью быть независимым, самостоятельным человеком и неспособностью брать на себя ответственность за значимые ситуации;

– потребностью быть свободным и наличием внутренней несвободы и неспособности разрешать внутренние и внешние конфликты, что неизбежно приводит к необходимости поиска путей управления саморазвитием личности и гармонизации личности, ее внешнего и внутреннего пространства.

Кроме того, актуальность изучения гармонии личности как исходного и желанного состояния обусловлена, во-первых, высокой социально-культурной значимостью проблемы гармоничной личности в современном обществе; во-вторых, потребностью в понимании этого феномена, т.к. многие расстройства психики начинаются с различной глубины дисгармонии личности; в-третьих, необходимостью научного анализа природы дисгармонии, который можно осуществить лишь в сопоставлении с гармонией.

Философскими предпосылками изучения гармоничности в современной отечественной психологии являются исследования в области соотношения внешнего и внутреннего, проводившиеся в рамках научных школ С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского.

В психологии предпринимались попытки описать гармонический тип личности. В западной психологии важные характеристики гармоничной (психически здоровой) личности можно найти прежде всего в гуманистической психологии у К. Роджерса, А. Маслоу и др., психологии К.Юнга, телесно-ориентированной психологии В. Райха, онтопсихологии А. Менегетти, психосинтезе Р. Ассаджиоли, трансперсональной психологии С. Грофа, квантовой психологии Р.А. Уилсона и др.

В российской психологии личности описание гармонического типа личности и ее мотивационных отношений встречаются в работах Л.Н. Собчик, Э.М. Александровской, А.Б. Орлова и др.

В разработке методов оценки гармонии личности важную роль играют работы, связанные с самоактуализацией, самоменеджментом, саморазвитием, саморегуляцией (Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, Н.И. Козлов, Е.Б. Лисовская, В.И. Моросанова, Н.Ю. Синягина, В.И. Панов и др.).

Мы рассматриваем каждого человека как целостную высокоорганизованную систему, способную развиваться и саморегулироваться на физическом, эмоциональном, социальном и духовном уровнях, что подразумевает повышенную чувствительность к внутренним и внешним сигналам, адекватную их обработку, что дает возможность трезвой оценки ситуации и эффективных, осознанных действий и способности управлять своей жизнью в соответствии со своими истинными потребностями, идеалами и стремлениями.

В целом можно выделить следующие достаточно распространенные подходы к понятию гармония [1; 5; 7]. В широком круге научных работ термин «гармония» чаще всего используется не как специфическое научное понятие, а метафорически, как оптимальная статическая и динамическая согласованность частей, характеристик целого предмета и оптимальная соотнесенность предмета с окружающим внешним миром (например, «музыкальная гармония», «числовая гармония», «структурная гармония систем», «гармоничный образ жизни» и т.д.).

Гармония личности – это также правильное соотношение между основными сторонами бытия личности: пространством личности, временем и энергией (потенциальной и реализуемой), точнее, между объемом пространства личности, скоростью времени и уровнем энергии. Кроме того, это соотнесенность внешнего и внутреннего пространства личности по объему, их доста-

точно тесная связанность; соотнесенность внешнего (событийного) и внутреннего времени личности; соотнесенность потенциальной и реализуемой энергии; соразмерность энергических и информационных ресурсов. Гармония – это и равновесие между ощущением самодостаточности и чувством общности, например, в адлеровском смысле.

К личности применимы общенаучные понятия. Пространство, время и энергию личности следует рассматривать в трех планах ее бытия: биологическом, психологическом, социологическом. Так как здоровый взрослый человек – одновременно индивид, субъект психической активности и член общества, то структура личности может быть описана в понятиях биологического, психологического и социального пространства, времени и энергии. В биологическом плане человек – живой организм и субъект поведения, в психологическом – носитель психики, субъект целесообразного поведения и деятельности, в социальном – член микро- и макросоциума, включенный во множество социальных связей, образующих социальное пространство. Поскольку личность является высшим интегратором в человеке, то одна из сторон личностной гармонии – согласованность трех планов ее бытия: биологического, психического, социального. Личность – феномен одновременно индивидуального, и социального бытия. Рассмотрение вопросов основ личности предполагает и обсуждение вопросов гармонии личности. При этом следует отметить, что внутренняя гармония невозможна без гармоничных связей с социальным окружением. В свою очередь, гармония межличностных отношений предполагает согласие индивида с самим собой. Многообразные связи личности с окружающим миром определяют интегративную структуру личности, ее внутренний мир. В свою очередь, сформировавшиеся устойчивые личностные качества регулируют объем и меру активности социальных контактов, образуя собственную среду развития. При этом наступает взаимообусловленность двух интегративных структур – самой личности и социального окружения. Жизнь создает меняющиеся условия, которые сталкиваются с имеющимися у человека потребностями и внутренними возможностями и побуждают его к освоению нового и перестройке или совершенствованию самого себя.

Таким образом, понятие гармонии, как понятие высокого уровня обобщенности, необходимо рассматривать в разных аспектах. К основным мы относим: соразмерное существование внешнего и внутреннего бытия личности; телесного, психического и духовного бытия; существования в разных средах – природной, предметной, социальной.

В психологическом плане гармонию личности можно рассматривать как равновесие между отдельными опорами устойчивости, согласованность между ними, равновесие их значимости [1; 3; 5; 7]. Акцент на одной опоре может давать устойчивость, но это несовершенная устойчивость, хотя она может быть крепкой и длительной. Душевное равновесие следует понимать и как равновесие веры в себя, в свои силы и в силы окружения. В частности, это равновесие между силой воздействующей причины и силой отклика.

Поэтому изучать гармонию личности можно и нужно в разных сферах жизни, поскольку, как мы уже говорили, бытие человека многомерно. Человек существует одновременно в разных средах, мирах – мире вещей и предметов (как физическое тело), мире живой природы (как живая система), мире людей (как единица определенного общества). Существование в этом триединстве находит свое отражение в личности каждого человека, в протекающих в личности процессах.

Следует отметить, наличие в психике человека непроизвольного, не всегда осознаваемого стремления к гармонизации своего жизненного функционирования, качеств своей личности отмечали многие психологи –У. Мак-Дауголл, А. Маслоу, Г.А. Мюррей, П.В. Симонов и др.

Психологическая гармония рассматривается нами как самоуправляемая система психологической организации и функционирования индивида, выражающаяся в оптимальной соразмерности, согласованности психологических характеристик человека друг с другом и с внешними средами его жизни.

С психологической точки зрения гармония человека соответствует степени его психологической защищенности от жизненных потрясений и болезней. Достижение высокой степени гармонии позволяет человеку заняться созидательным трудом, гармонизовать окружающий мир, создавать бесконфликтную среду вокруг себя и людей – творить добро и реализоваться как человек. При таком подходе человек становится гармонизатором, источником жизни.

В современную эпоху быстрых социальных изменений, заставляющих личность постоянно перестраивать свои сложившиеся жизненные отношения и преобразовывать себя, проблема использования и развития человеческого потенциала встает качественно новым образом. Особенно актуальным становится вопрос о необходимости создания условий для самоактуализации, развития творческого потенциала, мотивации к личностному росту психологов, педагогов, воспитателей, врачей, социальных работников, в сферу профессиональной деятельности которых входит воспитание, обучение и оказание помощи другим людям. Для людей этих специальностей высокий уровень личностной зрелости, психическое здоровье и степень самоактуализации являются не только профессионально значимыми характеристиками, но и основными факторами, определяющими эффективность работы.

Гармоничность психологической организации личности определяется:

– *сформированностью* интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой сфер жизнедеятельности личности;

– *сбалансированностью* (соразмерностью) развития интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой сфер жизнедеятельности личности;

– *интегрированностью* (тесной взаимосвязью и внутренней согласованностью) интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой сфер жизнедеятельности личности, происходящих в интра- и интерперсональных планах.

Библиографический список

1. *Анцыферова Л.И.* К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. – М., 2001. – С. 3–19.

2. *Васильева О.С., Филатов Ф.Р.* Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учеб. пособие для студ. ВУЗов. – М.: Академия, 2001. – С. 352.

3. *Воробьева Т.М, Колядко С.П.* Биоуправление: теория и практика. Новосибирск, 2008. – С. 202.

4. *Розин В.М.* Здоровье как философская и социальная – психологическая проблема // Мир психологии. – 2000. – №1. – С. 12–30.

5. *Ольвинская Ю.Л.* Возможности практической психологии в обеспечении развития потенциала личности и организаций в системе современного предпринимательства // Материалы научно-практической конференции «Особенности предпринимательства в переходной период экономики». – Мн., 2000. – С. 38–43.

6. Психология здоровья: учебник для вузов / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2006. – С. 607.

7. Разработка стратегий по достижению здоровья для всех к 2010 году: руководящие принципы и общие вопросы. – Женева: Исполнительный комитет ВОЗ, 2000. – С. 265.

8. *Братченко С.Л., Миронова М.Л.* Личностный рост и его критерии. // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. – СПб., 1997. – С. 44.

9. *Яковлева Н.В.* Анализ подходов к изучению здоровья в психологии // Психология и практика. Ежегодник Российского психологического общества. – 2008. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 366.

УДК 159.9

Полякова Елена Яковлевна
кандидат медицинских наук
revina@fp.nsu.ru
Пашкова Мария Валериевна
Новосибирский государственный университет
pashkova@fp.nsu.ru

ЛИЧНОСТНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ И ГЛУБИННЫЕ ВЛЕЧЕНИЯ У БОЛЬНЫХ АЛИМЕНТАРНЫМ ОЖИРЕНИЕМ: КЛИНИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются особенности эмоционально-личностной и мотивационной сферы больных ожирением. Приводятся психологические характеристики тревожных пациенток, влияющие на формирование компульсивного переедания. Анализируются взаимосвязи глубинных влечений и основных типов нарушений пищевого поведения при ожирении.

Ключевые слова: *алиментарное ожирение, нарушение пищевого поведения, личностная тревожность, глубинные влечения.*

Ожирение является биопсихосоциальным заболеванием, широко распространенным в экономически развитых странах, включая Россию, где данной патологией страдает около четверти взрослого населения [1, с. 18–19]. Согласно эпидемиологическим исследованиям, количество больных ожирением за каждые десять лет увеличивается на 10%, особенное беспокойство специалистов вызывает рост заболеваемости среди детей и подростков [7, с. 150; 1, с. 18]. Избыточный вес повышает риск развития и осложняет течение патологии сердечно-сосудистой, эндокринной и других систем организма, значительно снижает качество жизни и сокращает ее продолжительность на срок от 5 до 15 лет [1, с. 16; 7, с. 150].

Наиболее часто встречающейся формой ожирения является алиментарная или экзогенно-конституциональная, к развитию которой приводит негативное изменение индивидуальной и семейной культуры питания, во многом обусловленное психологическими факторами [7, с. 153–154]. Сопутствующие течению заболевания психические нарушения способствуют закреплению патологических пищевых стереотипов и снижают уровень психосоциальной адаптации больных [1, с. 236].

К ведущим нервно-психическим расстройствам при ожирении относятся аффективные нарушения тревожного спектра, как правило, сочетающиеся с симптомами депрессии [5, с. 38.]. Депрессивные состояния отличаются маскированным характером, что проявляется преобладанием неспецифических жалоб, таких как быстрая утомляемость, снижение работоспособности, сложности в межличностных контактах. У больных ожирением также наблюдаются инсомнические расстройства, хронические болевые и психовегетативные синдромы, представленные в основном головной болью напряжения и паническими атаками, частота которых составляет не менее 30% [1, с. 237–239].

В соответствии со спецификой нарушения процесса питания при ожирении выделяются эмоциогенное, экстернальное и ограничительное пищевое поведения. В случае эмоциогенного пищевого поведения, имеющего место у каждого второго больного, переедание компенсирует эмоциональный дискомфорт при состояниях беспокойства, скуки, раздражения. Разновидностью данного нарушения питания является компульсивное пищевое поведение, распространенность которого находится в пределах 19–25%. Для компульсивного пищевого расстройства характерны сопровождающиеся утратой контроля эпизоды приступообразного переедания. Прием пищи происходит в одиночестве, отличается ускоренным темпом, после его окончания больные переживают чувство вины и подавленности [2, с. 97]

Экстернальное пищевое поведение связано с повышенной восприимчивостью больных к внешней стимуляции, при которой чувство голода возникает в ответ на привлекательный вид пищевых продуктов или присутствие других лиц, принимающих пищу. Основной причиной переедания является не чрезмерный аппетит, но сниженная насыщаемость.

Ограничительный тип пищевого поведения характеризуется выраженным контролем над процессом питания с целью достижения или поддержания желаемой массы тела. Периоды стро-

© Полякова Е.Я., Пашкова М.В., 2010

гих диетических ограничений чередуются с эпизодами приема пищи в значительно превышающем необходимое количестве [2, с. 97].

В настоящее время психологическая коррекция нарушений пищевого поведения является неотъемлемой составляющей комплексного лечения алиментарного ожирения. Высокий процент рецидива расстройств питания у больных ожирением, который обусловлен в том числе симптоматическим характером психокоррекционных воздействий, повышает значимость разработки методов глубинной психотерапии, предполагающих изменение базовых психологических структур пациента, что пролонгирует эффект лечения. Решение данной задачи предполагает выявление глубинно-психологических детерминант развития расстройств питания при ожирении. Перспективным в этом отношении представляется проведение комплексного клинико-психологического обследования больных с использованием проективных психодиагностических методов.

Данное исследование проведено в 2009–2010 гг. на базе научно-практического центра коррекции эндокринно-метаболических нарушений клиники НЦКЭМ (г. Новосибирск). Основную выборку составили 53 женщины в возрасте от 31 до 50 лет, имеющие ожирение I–II степени.

Диагностический инструментарий: голландский опросник пищевого поведения DEBQ, позволяющий определить выраженность трех типов нарушений пищевого поведения: эмоциогенного, экстернального и ограничительного; шкала компульсивного пищевого поведения, тест диагностики глубинных влечений Л. Сонди, цветовой тест М. Люшера; тест реактивной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, шкала депрессии Гамильтона.

Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи пакета программ Statistica 7.0 for Windows с применением следующих процедур: корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), тест достоверности различий.

На основе общей выборки по методу полярных групп были выделены две подгруппы численностью по 18 испытуемых с высоким (средний показатель по тесту Спилбергера-Ханина – 56,5 баллов) и средним (средний показатель по тесту Спилбергера-Ханина – 37 баллов) уровнем личностной тревожности. С целью определения психологических особенностей высоко тревожных пациенток проводилось межгрупповое сравнение с использованием критерия Манна-Уитни.

Уровень личностной тревожности пациенток исследуемой группы находится на границе между средним и высоким (средний показатель по тесту Спилбергера-Ханина составил 47 баллов), что согласуется с данными литературы о выраженности тревожной симптоматики у больных алиментарным ожирением. Средний показатель по шкале Гамильтона составил 12 баллов. Отсутствие собственно депрессивных проявлений у пациенток обусловлено маскированным течением депрессии, что подтверждают результаты комплексного клинико-психологического обследования.

У пациенток исследуемой группы преобладает экстернальный тип нарушения пищевого поведения. Средние показатели по шкалам экстернального, ограничительного, эмоциогенного и компульсивного пищевого поведения составили соответственно: 2,75; 2,23; 1,92; 1,65 баллов.

К основным результатам исследования, характеризующим испытуемых с высоким уровнем личностной тревожности, относятся следующие. У высоко тревожных пациенток более выражены негативные реакции по фактору К теста Сонди (U=98,5, p=0,031), что свидетельствует об активном вытеснении предосудительных потребностей с целью соответствия морально-этическим нормам и приспособления к требованиям общества, а также склонности к негативизму, развитию состояния отчаяния, аутодеструктивным тенденциям. Можно предположить, что тревожным пациенткам свойственно противоречивое принятие социально значимых ценностей при высокой ориентированности на мнение других. Стремясь к бесконфликтности межличностных отношений, они проявляют сдержанность в поведении и выражении чувств, отказываются от реализации имеющихся желаний, что сопровождается значительными волевыми усилиями.

Получена положительная корреляционная связь шкалы личностной тревожности с позицией синего цвета в тесте Люшера (r_s=0,28, p=0,05). Семантическое пространство синего цвета включает такие значения, как целостность, согласованность, удовлетворенность, доверие. Актуализация данного смыслового пространства у тревожных пациенток свидетельствует о высокой значимости для них чувства спокойствия и безопасности, уравновешенного внутреннего состояния. На личностном уровне присутствует выраженная

потребность в само- и взаимопонимании, наличии непротиворечивых жизненных оснований и ценностных ориентаций, что означает определенную конфликтность сферы личностных смыслов испытуемых.

В цветовых выборах тревожных пациенток достоверно чаще встречается цветовая диада 30: красный – серый (тест достоверности различий, different's test, p=0,02). Данный диагностический признак отражает склонность испытуемых к пароксизмальным состояниям, для которых характерна утрата самоконтроля, проявляющаяся эмоциональной несдержанностью и импульсивными действиями [4, с. 11]. У тревожных пациенток развивается дисгармоничный характер психологической регуляции с усилением влияния механизмов подавления и вытеснения. Это происходит в связи с несформированностью системы позитивных личностных смыслов, обеспечивающей возможность переструктурирования основных мотивов и изменения поведения по адаптивному типу. Чрезмерный контроль в эмоциональной и поведенческой сфере приводит к состоянию перенапряжения, дезорганизации психоэмоциональных реакций и деятельности с развитием пароксизмальных состояний.

Тревожных пациенток отличает бо́льшая выраженность позитивных реакций по фактору М теста Сонди (U=95, p=0,027), что свидетельствует о потребности в «сцеплении», т.е. тесном эмоциональном контакте со значимым лицом, ожидании с его стороны безусловного принятия и доверия. Усиление данного побуждения предрасполагает к развитию дезадаптивных форм межличностных отношений, в том числе зависимого характера, которые не требуют зрелой личностной позиции, но обеспечивают чувство защищенности и спокойствия за счет эмоциональной связи с партнером.

Для цветовых выборов тревожных пациенток характерен более низкий ранг красного цвета (U=81, p=0,01). Отвержение красного цвета, обладающего активизирующим и стимулирующим воздействием, является диагностическим признаком состояния эмоционального перевозбуждения или снижения энергетического тургора. Для испытуемых с высоким уровнем тревожности представляет сложность выполнение деятельности, требующей значительных психических или физических усилий, самостоятельное принятие и реализация решений.

Тревожных пациенток отличают более высокие показатели по шкале компульсивного пищевого поведения (U=65, p=0,002), что согласуется с данными теста Люшера о склонности испытуемых к развитию пароксизмальных состояний. Реализацией пароксизмального механизма являются внезапно возникающие и сопровождающиеся утратой контроля эпизоды переедания.

Выявлена положительная корреляционная связь негативных реакций по фактору К теста Сонди и шкалы компульсивного пищевого поведения (r_s=0,31, p=0,05). У пациенток, для которых характерны аутодеструктивные импульсы и активное вытеснение противоречащих представлениям о себе потребностей и влечений, наблюдается бо́льшая склонность к неконтролируемому перееданию. Прием избыточного количества пищи в данном случае может рассматриваться как проявление положительного самоотношения испытуемых, которое на уровне телесного функционирования компенсирует жестко подавляющую позицию «Я», реализующуюся в интрапсихической сфере. Для пациенток также свойственна ориентация на соблюдение морально-этических норм поведения. Несдержанность при удовлетворении пищевой потребности является для них наименее травматичной по сравнению с реализацией других, социально неодобряемых побуждений, поскольку не осложняет межличностного взаимодействия.

Выявлена положительная корреляционная связь негативных реакций по этическому фактору Е теста Сонди со шкалой реактивной тревожности (r_s=0,34, p=0,05). Этот результат согласуется с полученными нами ранее данными о взаимосвязи указанных реакций со шкалой личностной тревожности [3, с. 125]. Интерпретация реакций по фактору Е предполагает рассмотрение поведения человека с точки зрения соответствия этическим нормам. У пациенток, склонных к агрессивным реакциям, переживанию и проявлению чувств гнева, зависти, недоверия, наблюдается более высокий уровень реактивной тревожности. Данная закономерность указывает на взаимосвязь тревожных нарушений при алиментарном ожирении с негативным изменением системы глубинных мотивов, которые влияют на характер межличностного взаимодействия и поведенческие стратегии больных.

Получены положительные корреляционные связи шкалы реактивной тревожности со шкала-

Таблица 1

Данные корреляционного анализа показателей теста тревожности Спилбергера-Ханина и опросника пищевого поведения DEBQ (при *p*=0,05)

Тест тревожности Спилбергера-Ханина	Шкалы опросника DEBQ		
	компульсивное пищевое поведение	экстернальное пищевое поведение	эмоциогенное пищевое поведение
реактивная тревожность	0,48	0,43	0,39

ми эмоциогенного (r_s=0,39, p=0,05), компульсивного (r_s=0,48, p=0,05) и экстернального (r_s=0,43, p=0,05) пищевого поведения. Эти данные отражают склонность испытуемых компенсировать состояние растерянности, неуверенности, беспокойства посредством дополнительного приема пищи, что подтверждает значимость тревожных нарушений в развитии патологических пищевых стереотипов при алиментарном ожирении.

Выявлены корреляционные связи факторов теста Сонди со шкалами опросника пищевого поведения. Позитивные реакции по фактору Д теста Сонди положительно коррелируют со шкалой экстернального пищевого поведения (r_s=0,28, p=0,05). Данный диагностический показатель означает стремление человека к изменению психологического состояния и жизненных обстоятельств посредством формирования новых контактов, приобретения представляющих ценность объектов. Усиление внимания и интереса к объектам внешнего мира обусловливает повышение восприимчивости пациенток к пищевым стимулам, ассоциирующихся с получением удовольствия при приеме пищи. Неудовлетворенность актуальной жизненной ситуацией в процессе поиска возможностей ее улучшения препятствует достижению чувства насыщения и приводит к учащению приемов пищи, что является отличительным признаком экстернального пищевого поведения.

Выявлена отрицательная корреляционная связь показателей шкалы ограничительного пищевого поведения с позитивными и негативными реакциями по фактору Н теста Сонди (r_s=-0,35, p=0,05), (r_s=-0,29, p=0,05). Позитивные реакции по фактору Н наблюдаются при стремлении человека к развитию основанных на любви отношений с другими людьми, переживанию глубоких чувств и формированию тесных эмоциональных связей. Гармоничный ритуал питания предполагает совместный характер приема пищи, поддержание его участниками атмосферы доброжелательности, проявление заботы и внимания друг к другу. Соблюдение специального рациона и режима питания приводит к сокращению приемов пищи в кругу семьи и близких лиц. Процесс питания утрачивает для пациенток объединяющую функцию, не сопровождается личностной настроенностью на благополучие другого человека.

Интерпретация негативных реакций по фактору Н включает понятие общечеловеческой любви, «склонность личности к гуманизации и культуре» [6, с. 157]. При нарушении пищевого поведения, обусловленного отказом от приема пищи, наблюдается снижение готовности пациенток к проявлению чувства любви в межличностных отношениях и построению их на основе гуманистических ценностей. Следовательно, эти закономерности отражают взаимосвязь пищевого поведения с глубинно-психологическими структурами, влияющими на базовую способность человека к объединению с другими людьми.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

Таблица 2

Данные корреляционного анализа показателей теста Сонди и опросника пищевого поведения DEBQ (при *p*=0,05)

Тест Сонди, реакции	Шкалы опросника DEBQ		
	компульсивное пищевое поведение	экстернальное пищевое поведение	ограничительное пищевое поведение
К -	0,31		
Д +		0,28	
Н +			- 0,35
Н -			- 0,29

1. Существует взаимосвязь тревожных проявлений и нарушений пищевого поведения у больных алиментарным ожирением. Пациентки, имеющие более высокий уровень личностной тревожности, в большей степени склонны к компульсивному перееданию. Для пациенток, отличающихся более высокими показателями по шкале реактивной тревожности, характерна большая выраженность компульсивного, экстернального и эмоциогенного пищевого поведения.

2. Существует взаимосвязь тревожных проявлений и глубинных влечений у больных алиментарным ожирением. У пациенток с высоким уровнем личностной тревожности наблюдается склонность к активному подавлению предосудительных влечений с целью соответствия требованиям общества, а также выраженная потребность в тесной эмоциональной связи со значимым лицом. Пациентки, более склонные к агрессивному поведению, переживанию чувств гнева, зависти, недоверия, имеют более высокий уровень реактивной тревожности.

3. Существует взаимосвязь глубинных влечений и нарушений пищевого поведения у больных алиментарным ожирением. Для пациенток с экстернальным пищевым поведением свойственно стремление к новым контактам, изменению жизненной ситуации. У пациенток с ограничительным типом пищевого поведения наблюдается снижение готовности к объединению с другими людьми.

Выявленные в результате исследования взаимосвязи глубинных влечений и различных типов нарушений пищевого поведения при ожирении свидетельствуют о наличии специфичных психологических механизмов, лежащих в основе развития патологических пищевых стереотипов определенного вида. Эти данные обусловливают необходимость дифференциации психологических воздействий при проведении комплексной психотерапии больных алиментарным ожирением.

Библиографический список

1. *Дедов И.И., Мельниченко Г.А.* Ожирение: этиология, патогенез, клинические аспекты. – М.: Медицинское информационное агентство, 2004. – 456 с.

2. *Лобыкина Е.Н., Хвостова О.И.* Психологические аспекты пищевого поведения при ожирении // Неврологический вестник. – 2006. – №3–4. – С. 96–98.

3. *Пашкова М.В., Шорин Ю.П., Белова М.А.* Клинико-психологическое исследование эмоционально-личностных особенностей и специфики нарушений пищевого поведения у больных алиментарным ожирением // Вестник НГУ. Серия: Психология. – 2009. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 123–127.

4. *Полякова Е.Я.* Хроматические диагностические критерии панических расстройств с коморбидной им патологией: Автореф. дис. … канд. мед. наук. – Новосибирск, 1999. – 18 с.

5. *Ротов А.В., Балановский Д.А., Ротов В.А.* Социальные и психологические детерминанты избыточного веса (психотерапевтический подход) // Психотерапия. – 2003. – №10. – С. 36–41.

6. *Сонди Л.* Учебник экспериментальной диагностики влечений. – М.: Когито-центр, 2005. – 552 с.

7. Терапия пищевого поведения / Под ред. И.Г. Малкиной-Пых. – М.: Эксмо, 2007. – 1040 с.

УДК 157

Рагозинская Валерия Германовна
Челябинский государственный университет
sunny_song@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ У БОЛЬНЫХ ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

В статье представлены результаты факторных анализов показателей эмоционального состояния различных групп психосоматических больных (гипертоническая болезнь, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, тиреотоксикоз) и здоровых индивидов. Результаты исследования психосоматических пациентов статистически значимо отличаются от структуры депрессивных состояний здоровых испытуемых.

Ключевые слова: *психосоматические расстройства, эмоциональное состояние, депрессия, тревожность.*

Психосоматические заболевания определяют как нарушения функций органов и систем организма, в происхождении и течении которых ведущая роль принадлежит различным психологическим и психосоциальным факторам [5]. К наиболее эпидемиологически значимым относятся гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки и др. [1; 2; 9].

Среди различных патогенетических факторов психосоматических расстройств особая роль отводится психоэмоциональному стрессу и особенностям эмоционального реагирования со склонностью к затяжным эмоционально-негативным состояниям и неспособностью к изживанию отрицательного аффекта [6]. Длительные и интенсивные эмоционально-негативные состояния могут приводить к возникновению соматических заболеваний и их хронификации. Соматическое страдание и ограничения физических возможностей, накладываемые заболеванием, в свою очередь, способствуют развитию и усугублению эмоциональных расстройств [4; 6].

Согласно данным современных авторов, наибольший «удельный вес» среди многочисленных эмоционально-негативных состояний при психосоматических заболеваниях имеют депрессивные состояния, распространенность которых у соматических больных, по данным разных авторов, составляет от 42 до 78% [6; 7; 10; 12; 14; 16; 17; 18]. Депрессия повышает риск развития целого ряда заболеваний, в том числе атеросклероза, ишемической болезни сердца, артериальной гипертензии, онкозаболеваний, сахарного диабета [16; 17; 18; 19; 20 и др.], осложняет диагностику и терапию уже имеющихся соматических заболеваний, ухудшает их прогноз [10; 16]. Клинически очерченная депрессия у соматических больных снижает приверженность к лечению и достоверно чаще приводит к инвалидизации, чем отдельно взятое соматическое заболевание [10], повышает риск летального исхода [14; 17; 20]. Соматическое заболевание, в свою очередь, усложняет диагностику депрессии, усиливает ее тяжесть, способствует хронификации, видоизменяет ответ организма на проводимую терапию [10]. В связи с этим исследование особенностей депрессивных проявлений у больных психосоматическими заболеваниями представляет особую актуальность.

С целью выявления особенностей структуры депрессивных состояний при психосоматических заболеваниях обследовано 195 больных психосоматическими заболеваниями 20–50 лет (средний возраст – 31,15 лет), в том числе 62 больных гипертонической болезнью, 65 больных диффузным токсическим зобом, 68 больных язвенной болезнью желудка и 12-перстной кишки. Среди обследованных было 148 женщин и 47 мужчин.

В качестве контрольной группы обследовано 182 здоровых испытуемых, подобранных с учетом требования соответствия половозрастным и основным социально-демографическим показателям испытуемых клинической группы (средний возраст – 30,14 лет), в том числе 140 женщин и 42 мужчины.

В настоящем исследовании были использованы следующие методы: наблюдение, беседа, сбор анамнестических данных, тестирование с помощью стандартизированных опросников «Шкала депрессии» В. Зунга, «Шкала тревожности» Ч. Спилбергера, «Шкала агрессивности» Ч. Спилбергера, «Торонтская алекситимическая шкала», «Опросник выраженности психопатологических симптомов SCL-90-R».

Полученные результаты были подвергнуты математико-статистической обработке с помощью алгоритмов факторного анализа (метод мак-

 © Рагозинская В.Г., 2010

симального правдоподобия с варимакс-вращением). Статистический анализ осуществлялся с помощью пакета прикладных программ SPSS Statistics 17.0 (2008).

Согласно результатам факторизации, структура депрессивных состояний в каждой из исследуемых групп имеет специфические особенности. Так, в группе здоровых испытуемых депрессия образует наиболее тесные констелляции с реактивной ($p \leq 0,01$) и личностной тревожностью ($p \leq 0,01$).

В группе больных гипертонической болезнью и в группе больных язвенной болезнью желудка и двенадцатиперстной кишки депрессия наиболее тесно связана с межличностной сензитивностью ($p \leq 0,01$) и значениями по шкале «обсессивно-компульсивные проявления» ($p \leq 0,01$).

В группе больных диффузным токсическим зобом депрессия образует наиболее тесные констелляции с межличностной сензитивностью ($p \leq 0,01$) и значениями по шкале «психотизм» ($p \leq 0,01$).

Таким образом, структура депрессивных состояний больных психосоматическими заболеваниями отличается по своему содержанию от структуры депрессивных состояний здоровых испытуемых. Если у здоровых испытуемых депрессивные реакции образуют наиболее устойчивые констелляции с тревожностью (реактивной и личностной), то у больных психосоматическими заболеваниями – с межличностной сензитивностью, что указывает, с одной стороны, на их центральное положение в структуре депрессивного состояния у данных лиц, а с другой – на вероятную общность их патогенетических механизмов. Тревожно-депрессивные состояния наряду с депрессивной симптоматикой характеризуются нервозностью, напряжением и двигательным возбуждением. Межличностная сензитивность в структуре депрессивных состояний проявляется переживанием личностной неадекватности и неполноценности, в особенности, когда человек сравнивает себя с другими, самоосуждением и дискомфортом в процессе межличностного взаимодействия, негативными ожиданиями относительно межличностного взаимодействия и любых коммуникаций с другими людьми.

Тревожность в структуре эмоциональных состояний здоровых лиц может свидетельствовать о том, что реакции здоровых на стресс не выходят за пределы фазы тревоги (по Г. Селье), тогда как межличностная сензитивность, преобладающая в структуре эмоциональных состояний больных психосоматическими заболеваниями, вероятно, отражает истощение приспособительных возможностей организма (фаза истощения, по Г. Селье).

Несмотря на определенное сходство структур депрессивных проявлений в трех нозологических групп, между ними обнаружены и различия. У больных гипертонической болезнью и у больных язвенной болезнью желудка и двенадцатиперстной кишки депрессия и межличностная сензитивность образуют единый симптомокомплекс со значениями по шкале «обсессивно-компульсивные реакции». Это согласуется с существующими представлениями о ключевой роли обсессивно-компульсивных проявлений и депрессии в психосоматических соотношениях при гипертонической болезни и язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки. Так, личностный профиль больного гипертонической болезнью описывают как компульсивный тип [15] или «сизифов тип» (M. Friedman, R. Rosenman; 1959; В.В. Бобкова, 1970). Для больных язвенной болезнью желудка и двенадцатиперстной кишки, по данным разных авторов, также характерны обсессивно-депрессивные черты, компульсивное следование нормам и предписаниям, которые впоследствии усиливаются под влиянием необходимости соблюдать определенный режим лечения и приема пищи при данном заболевании, сенситивность, склонность к дисфориям и депрессиям [2; 3; 6].

У больных диффузным токсическим зобом депрессия образует тесные связи со значениями по шкале «психотизм», которые включают широкий диапазон проявлений от мягкой межличностной изоляции (избегающий, изолированный, шизоидный стиль жизни) до явных психотических симптомов. По наблюдениям различных авторов [6; 8; 12; 13], психотические проявления наиболее часто отмечаются при нарастании патологического процесса и формировании психоэндокринного синдрома.

Анализ проведенных теоретических и экспериментальных исследований показал, что общими для всех обследованных групп больных являются тесная связь депрессии с межличностной сензитивностью, что отражает повышенную уязвимость этих лиц в отношении психотравмирующих воздействий и склонность реагировать на них пассивно-оборонительными реакциями.

Выявленные специфические особенности структуры депрессивных состояний (тесные связи депрессивных состояний с обсессивно-компульсивными проявлениями при гипертонической болезни и при язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки и с проявлениями психотизма при диффузном токсическом зобе) могут быть использованы в комплексном подходе к лечению больных психосоматическими и депрессивными расстройствами и при разработке психокоррекционных программ для предотвращения развития социальной дезадаптации как одного из важнейших негативных последствий этих расстройств.

Библиографический список

1. *Александер Ф.* Психосоматическая медицина: Принципы и практическое применение: Пер. с англ. С. Могилевского. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 352 с.

2. *Бройтигам В., Кристиан П., Рад М.* Психосоматическая медицина. – М.: ГЭОТАР Медицина, 1999. – 380 с.

3. *Губачев Ю.М., Стабровский Е.М.* Клинико-физиологические основы психосоматических соотношений. – Л.: Медицина, 1981. – 216 с.

4. *Коркина М.В., Марилов В.В.* Роль психосоматических циклов в генезе психосоматических заболеваний // Журнал неврологии и психиатрии. – 1998. – Т. 98. – №11. – С. 30–32.

5. Краткий психологический словарь. 2-е изд., расшир., испр. и доп. / Под ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского; ред.-составитель Л.А. Карпенко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 512 с.

6. *Менделевич В.Д., Соловьева С.Л.* Неврозология и психосоматическая медицина. – М.: Мед-Пресс-Информ, 2002. – 608 с.

7. *Оганов Р.Г.* Депрессии и расстройства депрессивного спектра в общемедицинской практике: результаты программы КОМПАС // Кардиология. – 2004. – № 1. – С. 48–54.

8. *Орловская Д.Д.* Психические расстройства при эндокринных заболеваниях // Руководство по психиатрии / Под ред. А.В. Снежневского. – М.: Медицина. 1983. – Т. 2. – С. 176–212.

9. Психосоматические заболевания: справочник / Под ред. Ю.Ю. Елисеева. – М.: АСТ, 2008. – 608 с.

10. *Смулевич А.Б.* Депрессии при соматических и психических заболеваниях. – М.: МИА, 2007. – 432 с.

11. *Смулевич А.Б.* Психосоматические расстройства // Социальная и клиническая психиатрия. – 1997. – №1. – С. 5–18.

12. *Тополянский В.Д., Струковская М.В.* Психосоматические расстройства. – М.: Медицина, 1986. – 384 с.

13. *Ширманова Е.В.* Клинико-функциональная характеристика и иммунологические особенности поражения нервной системы при диффузном токсическом зобе: Автореф. дис. … канд. мед. наук. – Иваново, 2006. – 24 с.

14. *Barefoot J.C.* Symptoms of depression, acute myocardial infarction, and total mortality in a community sample // J.C. Barefoot, M. Scholl. Circulation. – 1996. – Vol. 93. – P. 1976–1980.

15. *Dunbar F.* Emotions and bodily changes. – New York: Columbia University Press, 1954. – 192 pp.

16. *Evans D.L.* Depression in the medically ill: management considerations // Depression and Anxiety. – 1996. – Vol. 4. – №4. – P. 199–208.

17. *Frasure-Smith N., Lesperance F.* Depression and other psychological risks following myocardial infarction // Arch Gen Psychiatry. – 2003. – Vol. 60. – №6. – P. 627–636.

18. *Henningsen P.H., Zimmermann T., Sattel H.* Medically unexplained physical symptoms, anxiety, and depression: a meta-analytic review // Psychosom. Med. – 2003. – Vol. 65. – P. 528–533.

19. *Jonas B.S., Lando J.F.* Negative affect as a prospective risk factor for hypertension // Psychosomatic Med. – 2000. – Vol. 62. – P. 188–196.

20. *Zonderman A.B., Costa P.T. Jr., McCrae R.R.* Depression as a risk for cancer morbidity and mortality in a nationally representative sample // JAMA. – 1989. – Vol. 262. – №9. – P. 1191–1195.

УДК 159.99

Рапацкая Людмила Александровна
доктор педагогических наук,
Бученкова Мария Николаевна
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

ТЕХНОЛОГИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ КАК СРЕДСТВО ОБЩЕГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ С ЗАДЕРЖКАМИ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье освещается новый подход к решению проблемы общего оздоровления детей с задержками психического развития, включающий разработку и применение музыкальных терапевтических средств. С целью психологической коррекции детей с задержками психического развития представлен комплекс технологий музыкальной терапии и обоснован ряд мер, содействующих построению эффективной модели музыкально-терапевтического оздоровления детей.

Ключевые слова: *музыкальная терапия, задержки психического развития, оздоровление детей, технологии, музыкально-терапевтические средства, инфантилизм, астения, ученики младших классов, уровень развития.*

Среди психических отклонений в развитии детей задержка психического развития (ЗПР) встречается наиболее часто. Как правило, эти психические расстройства выявляются при поступлении в школу. Среди проявлений ЗПР педагоги отмечают явно выраженную незрелость мышления, преобладание характерных для дошкольного возраста игровых интересов, утомляемость и быстрая истощаемость в интеллектуальной деятельности, необходимой в процессе учебы. По данным некоторых исследователей, сегодня уже свыше половины неуспевающих учеников младших классов страдают ЗПР [5].

В психолого-педагогической науке сложились представления о двух основных формах ЗПР:

1. *Инфантилизм* – нарушение темпа психического созревания. Инфантилизм может быть гармонический (связан с незрелостью лобных структур функционального характера) и дисгармонический (обусловлен явлениями органических изменений головного мозга).

2. *Астения* – выраженная слабость соматического и неврологического характера, обусловленная функциональными и динамическими нарушениями центральной нервной системы [3, с. 176].

Подчеркнем, что при определенных различиях указанных двух форм в описании их структуры можно четко выделить специфическое сочетание незрелой эмоциональности и незрелой интеллектуальной сферы. В русле нашего исследования важно также отметить, что у детей с выраженной ЗПР наблюдается *низкий* (по сравнению с нормально развивающимися сверстниками) *уровень развития восприятия*. Это проявляется в необходимости более длительного периода времени для приема и переработки сенсорной информации; в недостаточности, ограниченности, фрагментарности знаний этих детей об окружающем мире; в затруднениях при узнавании предметов, находящихся в непривычном положении, контурных и схематических изображений. Сходные качества предметов воспринимаются ими обычно как одинаковые. Эти дети не всегда узнают и часто смешивают сходные по начертанию буквы и их отдельные элементы; часто ошибочно воспринимают сочетания букв и т.д. По мнению ряда зарубежных психологов, такое отставание в развитии тонких форм зрительного, а также и слухового восприятия является одной из причин трудностей, испытываемых этими детьми в обучении. Низкий уровень развития восприятия наблюдается и в процессе музыкальных занятий.

Еще одним характерным признаком задержки психического развития являются *отклонения в развитии памяти.* Отмечаются снижение продуктивности запоминания и его неустойчивость; большая сохранность непроизвольной памяти по сравнению с произвольной; заметное преобладание наглядной памяти над словесной; низкий уровень самоконтроля в процессе заучивания и воспроизведения, неумение организовывать свою работу; недостаточная познавательная активность и целенаправленность при запоминании и воспроизведении; слабое умение использовать рациональные приемы запоминания; недостаточный объем и точность запоминания; низкий уровень опосредованного запоминания; преобладание механического запоминания над словесно-логическим; среди нарушений кратковременной

© Рапацкая Л.А., Бученкова М.Н., 2010

памяти – повышенная тормозимость следов под воздействием помех и внутренней интерференции (взаимовлияние различных мнемических следов друг на друга); быстрое забывание материала и низкая скорость запоминания [6].

Наиболее характерной чертой поведения детей с ЗПР является отсутствие потребности в общении как со сверстниками, так и с взрослыми людьми. У большинства из них обнаруживается повышенная тревожность по отношению к взрослым, от которых они зависят. Новый человек привлекает их внимание значительно в меньшей степени, чем новый предмет. В случае затруднений в деятельности такой ребенок скорее склонен прекратить работу, чем обратиться к взрослому за помощью. Дети почти не стремятся получить от взрослого оценку своих качеств в развернутой форме, обычно их удовлетворяет оценка в виде недифференцированных определений («хороший мальчик», «молодец»), а также непосредственное эмоциональное одобрение (улыбка, поглаживание и т.д.). Необходимо отметить, что хотя дети по собственной инициативе крайне редко обращаются за одобрением, но в большинстве своем они очень чувствительны к ласке, сочувствию, доброжелательному отношению. Если общение с взрослым окрашено в эмоционально положительные тона, то они стремятся сделать его более продолжительным во времени, становятся более работоспособными, реже ссылаются на усталость.

Среди личностных контактов детей с задержкой психического развития преобладают наиболее простые. У детей данной категории наблюдаются снижение потребности в общении со сверстниками, а также низкая эффективность их общения друг с другом во всех видах деятельности.

В качестве ведущих в характеристике личности дошкольников с задержкой психического развития выделяют слабую эмоциональную устойчивость, нарушение самоконтроля во всех видах деятельности, агрессивность поведения и его провоцирующий характер, трудности приспособления к детскому коллективу во время игры и занятий, суетливость, частую смену настроения, неуверенность, чувство страха, манерничанье, фамильярность по отношению к взрослому. Отмечено большое количество реакций, направленных против воли родителей, частое отсутствие правильного понимания своей социальной роли и положения, недостаточная дифференциация лиц и вещей, ярко выраженные трудности в различении важнейших черт межличностных отношений. Как считают исследователи, все это свидетельствует о недоразвитии у детей данной категории социальной зрелости.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что изучение детей с задержкой психического развития (ЗПР) показало наличие у них специфических особенностей: замедление темпа психического развития, снижение познавательной активности, пониженная способность к усвоению знаний и способов учебной деятельности по сравнению с нормально развивающимися сверстниками. Однако сравнительные исследования детей с ЗПР и других категорий аномальных детей показали значительно большие, по сравнению с умственно отсталыми детьми, потенциальные возможности их в развитии и более высокий уровень их обучаемости. Большинство авторов считает, что успешность обучения детей с отставанием в развитии будет зависеть от того, опирается ли оно на объективные законы умственного развития и законы приобретения знаний [6; 7].

Вместе с тем очевидно, что для преодоления ЗПР в школах необходимо создавать специальные условия обучения и воспитания. В настоящее время сложились следующие основные подходы к решению данной проблемы.

Когнитивный подход восходит к работам А. Бэка и опирается на представления о решающей роли мышления, познавательных (когнитивных) процессов в происхождении нарушений. Сторонники когнитивной модели решающее значение в коррекции придают преодолению стереотипов взаимодействия родителей с детьми, ошибочного приписывания агрессивных намерений окружающим.

В разработанной К. Роджерсом *личностно-центрированной терапии* основное внимание уделяется эмоциональным отношениям между терапевтом и клиентом, существующим «здесь и сейчас». Цель такой недирективной терапии состоит в том, чтобы ребенок получил опыт самопознания и самоуправления, стал более адекватным как личность, мог справляться с текущими и будущими проблемами. Эта форма терапии «сосредотачивается скорее на личности ребенка, нежели на его проблеме».

Наиболее значимые наработки по вопросу коррекции достигнуты в рамках *поведенческого подхода*. Поведенческий подход основан на работах Джозефа Вольпе и Б.Ф. Скиннера и сфоку-

сирован на открытом, измеримом поведении индивидуума.

В гешталът-терапии, основателем которой является Ф. Перлз, терапевт работает одновременно с вербальным материалом и телесными проявлениями, рассматриваемыми как сообщения о неосознаваемых событиях, помогая пациенту осознать их как целостность.

В психоанализе, основоположницей которого является А. Фрейд, цель коррекции определяется как усиление «Я» ребенка. Источник проблем видится в его прошлом опыте. Внимание терапевта фокусируются на интерпретации бессознательных мотивов, скрывающихся за спонтанно «прорывающимися» действиями ребенка.

Вместе с тем мы считаем, что в силу замкнутости и отсутствия стремления к общению детей с ЗПР ни один из указанных методов не может считаться универсальным, а многие традиционные психотерапевтические средства имеют существенные ограничения в применении, что стимулирует поиски новых педагогических технологий. Среди новых достижений педагогической науки – применение музыкально-терапевтических средств с целью психологической коррекции детей с ЗПР.

Музыкальная терапия (МТ) – достаточно новое научное направление в отечественной педагогике, психологии, медицине [8]. Однако воздействие музыки на психоэмоциональную сферу человека известно с незапамятных времен. Приведем несколько примеров.

В своей популярной книге «Эффект Моцарта» [4] один из ведущих просветителей в области связи музыки и целительства американец Дон Кемпбелл пишет о том, что научные и исторические свидетельства показывают: танцы, звуковое интонирование и песни появились раньше, чем членораздельная речь. Это означает, что музыка является первобытным и исходным языком человечества. Исследователи проблем восприятия звука обнаружили, что около двух третей ресничек (микроскопические волоски во внутреннем ухе, которые находятся на плоской поверхности наподобие клавиш пианино, реагирующие на звуки различной частоты) реагируют на звуки высокого музыкального диапазона (от 3000 до 20000 герц). Возможно, что когда-то давно люди могли общаться с помощью высокочастотного интонирования.

Использование музыки с лечебной целью также имеет давнюю историю. В прошлом музыка широко применялась во врачебной практике. Это известно из различных источников: из жизнеописания библейского царя Давида, из древнегреческих мифов об Аполлоне, из работ Платона и др.

В трудах первого общепризнанного теоретика музыки – древнегреческого философа Пифагора – мы находим описание того, каким образом музыка может влиять на эмоциональное состояние человека. В трактате его последователя Ямвлиха «О пифагорейской жизни» сказано: «Пифагор установил в качестве первого – воспитание при помощи музыки, тех или иных мелодий и ритмов, откуда происходит врачевание человеческих нравов и страстей и восстанавливается гармония душевных способностей в том виде, как они были сначала... Он предписал и устанавливал своим знакомым так называемое музыкальное устроение и понуждение, придумывая чудесным образом смешение тех или иных диатонических, хроматических и энгармонических мелодий, при помощи которых он легко обращал и поворачивал к противоположному состоянию страсти души: скорбь, раздражение, жалость, неуместную ревность, страх, разнообразные вожделения, гнев, изнеженность, распущенность, горячность, выправляя каждый из этих недостатков к добродетели при помощи подходящих мелодий.

И когда его ученики отходили вечером ко сну, при помощи музыки он освобождал их от дневной смуты, очищал взволнованное умственное состояние и приуготавливал в них безмолвие, хороший сон и вещие сновидения» [1].

Вслед за Пифагором, Аристотель считал, что способность музыки воздействовать на душевные состояния слушателей связана с тем, что она заключает в себе различные оттенки настроений, и они четко соответствуют, «подражают» характерам и свойствам человека. «...Музыкальные лады существенно отличаются друг от друга, так что при слушании их у нас появляется различное настроение. И мы далеко не одинаково относимся к каждому из них; так, например, слушая одни лады, мы испытываем более жалостное и подавленное настроение, слушая другие, менее строгие лады, мы в нашем настроении размягчаемся; иные лады вызывают в нас по преимуществу среднее, уравновешенное настроение; последним свойством обладает, по-видимому, только один из ладов, именно дорийский. Что касается фригийского лада, то он действует на нас возбуждающим образом» [2].

Таблица 1

Китайская музыкальная система и пять первоэлементов

Первоэлементы	ДЕРЕВО	ОГОНЬ	ЗЕМЛЯ	МЕТАЛЛ	ВОДА
Орган	печень, желчный пузырь	сердце, тонкая кишка	селезенка, желудок	легкие, толстая кишка	почки, мочевой пузырь
Эмоция	гнев	радость	сострадание	печаль	страх
Звучание	напряжен	весел	поет	жалобный	низкий
Инструмент	ксилофон, флейта	скрипка, гитара	голос	колокольчик	барабан
Нота	ми	соль	до	ре	ля
Лечебный звук	гуо	чэн	гон	шэн	ю
Число повторений	8	7	10	9	6

Так, например, философия Китая связывает музыку и состояние здоровья человека на основе теории ИНЬ – ЯН и 5 элементов. Два вида энергии, ИНЬ и ЯН, пронизывают все явления мира, взаимодействуют и находятся в гармонии. Нарушение их равновесия приводит к патологии. Энергичная, мажорная музыка соответствует энергии ЯН; минорная, медленная – музыка ИНЬ. При этом в представлении китайских мыслителей все явления мира связаны с пятью первоэлементами – это дерево, огонь, земля, металл, вода.

Как видно, каждому элементу, по этой концепции, соответствуют тон и инструмент.

Позднее, с развитием научной медицины, опыты в области музыкотерапии утратили актуальность.

И лишь в XX веке развитие представлений о терапии с помощью искусства подтолкнуло уже не медицину, а педагогику к использованию живописи, танца и музыки в лечении психических расстройств человека.

В настоящее время музыкальная терапия стала составной частью лечебных и образовательных программ в больницах, школах и других учреждениях. Музыка становится все более популярным средством психотерапевтического воздействия, способствующим интеграции и укреплению психического здоровья ребенка.

В 1989 году в литературе появилось сенсационное сообщение Фабьена Мамана (французского ученого и музыканта) о работах, проделанных совместно с биологами. Ученые доказали, что звук строго определенной частоты губительно воздействует на раковые клетки и может быть использован в качестве терапевтического средства, стимулирующего и восстанавливающего функции организма.

Ученые изучали процессы, происходящие в клетках крови под воздействием звуковых частот в порядке хроматической гаммы, применяя для этого микроскоп и фотосъемку по методу Кирлиана (фиксация биоэнергетического поля вокруг живого объекта).

Оказалось, что звук может изменять цвет и форму клеток. Ученые установили тесную связь формы и цвета клетки, а также мощности ее биополя с частотой звука. К примеру, нота «до» вытягивает клетку в длину, звук «ре» делает окраску клетки более яркой.

По мнению Мамана, между звуком и цветом существует математическая зависимость. Маман считает, что записанная замедленная музыка молекул может стимулировать и регулировать деятельность здоровых клеток организма, а также перепрограммировать больные клетки. Оказалось, что порядок аминокислот в цепочке ДНК соответствует определенному порядку нот.

Маман полагает, что нашим пяти основным внутренним органам соответствуют определенные звуки: А – печени; Е – сердцу; И – селезенке; О – почкам; У – легким.

По мнению Мамана, громкая музыка рок-металла со спецэффектами на концертах наносит вред здоровью и психике молодых людей, а спокойное хоровое пение, посещение концертов, на которых исполняются произведения Бетховена, Моцарта, особенно созданные им в молодые годы, и многих других известных композиторов положительно влияют на здоровье. Исследования психологов показали, что быстрая ритмичная музыка у пациентов пожилого возраста снижает эмоциональность, у них возникает более мрачная оценка живописи, краски на картинах кажутся тусклыми и мрачными, происходит эмоцио-

нальное обесцвечивание, безразличие, появляется агрессивность.

Петербургский психолог и врач Н.А. Гнездилов, изучавший воздействие на человека колокольного звона, высказал предположение, что каждый внутренний орган настроен на определенный тон. Поэтому организм, как музыкальный инструмент, резонирует с окружающим звуковым полем.

Ряд других авторов полагает, что вибрация некоторых звуков вызывает ответную вибрацию определенных органов, радостное возбуждение воздействует на головной мозг, глаза, уши [10]. Так, например, звук Е влияет на горло, щитовидную железу; А – на часть легких; О – на нижнюю часть легких, сердце, желудок; Ю – на почки. В их трактовке, сочетание звуков МММ ПО МММ и ПАААЕЕ влияет на сердце (вспомним звуки в музыкотерапии Китая, воздействующие на органы: ЧУО – печень, ЧЭН – сердце, ГОН – желудок, ШЭН – легкие, Ю – почки).

В настоящее время методы музыкотерапии отличаются достаточным разнообразием. С.В. Шушарджан объединил их в три основных направления:

– клиническое;
– оздоровительное;
– экспериментальное.

Клиническая МТ занимается вопросами лечения различных психосоматических нарушений, устранением патологических синдромов, восстановлением нарушенных жизненно важных функций после перенесенных заболеваний.

Оздоровительная МТ используется для активизации резервных возможностей человека, снятия нервного перенапряжения и утомления, борьбы с монотонностью, для повышения работоспособности, социальной адаптации, развития психических и интеллектуальных способностей, общего оздоровления.

Практически все методы МТ могут использоваться в работе как с больными, так и со здоровыми людьми.

При этом сеансы МТ могут быть групповыми и индивидуальными. В зависимости от степени участия пациента в процессе лечения различают ***пассивные*** *(рецептивные)* и ***активные*** методы МТ.

Рецептивная МТ отличается тем, что пациент получает музыкально-терапевтический сеанс по той или иной технологии, не участвуя в нем активно.

В активной МТ пациент непосредственно участвует в лечебном процессе: поет упражнения, играет на доступных музыкальных инструментах, выполняет другие задания терапевта.

Новейшим направлением является *экспериментальная МТ,* в задачи которой входит исследование реакций, возникающих в живых системах различного уровня в результате МТ – воздействия. Как считает С.В. Шушарджан, особенно перспективны исследования реакций клеточных культур на музыкальные воздействия.

Обратимся к тем технологиям МТ, которые являются наиболее перспективными в работе с детьми с задержками психического развития.

1. Технологии, использующие музыку в качестве объекта восприятия вне активного участия в ее исполнении. Данные технологии могут быть использованы как в классной, так и во внеклассной работе в любых образовательных учреждениях. Процесс оздоровления детей протекает в специально оборудованных кабинетах с техническим оснащением в виде лазерных CD или DVD-дисков или компьютерных программ. При этом установлено, что мелодичная лирическая музыка с легко льющейся мелодией оказывает на детей успокаивающее воздействие. И наоборот, быстрая, энергичная с упругим ритмом пьеса тонизирует психофизиологические функции ребенка.

2. Технологии МТ, предполагающие активное участие детей в процессе восприятия и (или) исполнения музыки. При этом специально подобранные музыкальные произведения могут относиться как к инструментальной, так и к вокальной музыке (методы вокалотерапии С.В. Шушарджана).

3. Технологии музыкально-педагогической реабилитации. *Музыкально-педагогическая реабилитация* [9] – это направление в музыкальной терапии, использующее для лечебно-восстановительной цели музыкально-педагогический процесс, который может осуществляться в виде обучения детей пению, игре на музыкальных инструментах, движению под музыку (ритмика, танцы, игры), прослушивания музыки, музыкально-дидактических игр. Музыкально-педагогичекая реабилитация наиболее успешно применяется для оздоровления детей с нарушениями слуха и речи.

4. Аналитическая музыкотерапия и психотерапия используются в процессе совместного музицирования в первую очередь при психозах, неврозах и функциональных нарушениях. При

этом в рамках МТ – сеанса обязательно должна проводиться психологическая коррекция – метод комплексного психологического воздействия на цели, мотивы и структуру поведения ребенка, а также развитие его некоторых психических функций: памяти, внимания, мышления. Основной задачей психологической коррекции является обучение и тренинг, освоение новых навыков поведения, общения, запоминания, развитие дефицитарных психических функций.

5. Технологии вокалотерапии (наиболее полно представлены в исследованиях С.В. Шушарджана). Данные технологии в контексте задач психолого-педагогической коррекции детей с ЗПР представляются одними из самых перспективных. В числе методик вокалотерапии выделим:

– Пение (разучивание и исполнение песен с текстом, вокализация, вокальное подражание шумам природы и др.).

– Ролевые игры, в которых за каждым ребенком закрепляется определенная мелодия или попевка, отражающие образ его роли (например, сказочного персонажа, животного, птицы и др.).

Музыкально-терапевтическая работа с детьми, имеющими различные отклонения в психическом развитии, в настоящее время особенно важна, поскольку в соответствии с законодательством РФ эти дети имеют равные со всеми права на полноценное образование. Практика показывает, что социальная адаптация детей с ЗПР наиболее эффективна в условиях интегрированного обучения, предполагающего, что данные дети овладеют образовательными стандартами в те же (или близкие) сроки, что и нормально развивающиеся школьники. В этом случае технологии музыкотерапии представляются наиболее эффективными.

В целях разработки эффективной модели музыкально-терапевтического оздоровления детей с ЗПР в условиях интегрированного обучения мы предлагаем:

1. Разработать и внедрить в практику интегрированного обучения в школе систему экспертных оценок психического и физического здоровья детей с ЗПР с целью создания индивидуальной музыкально-терапевтической программы для каждого ребенка.

2. Апробировать современные методики музыкотерапии, созданные для взрослых, на школьной аудитории.

3. Обобщить опыт музыкотерапии на основе динамики психофизиологических показателей и показателей развития творческих способностей детей с ЗПР.

4. Исследовать возможности формирования музыкально-акустической среды в школах интегративного обучения, а также жанровые и стилевые приоритеты музыкально-фоновых воздействий на настроение, поведение и активность детей с ЗПР[1].

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что технологии музыкотерапии могут стать незаменимым средством оздоровления и социальной адаптации детей с ЗПР.

Примечание

[1] Научно-исследовательская работа по проблеме «Исследование технологий музыкальной терапии в процессах психолого-педагогической коррекции и общего оздоровления детей с отклонениями психического развития» проводится в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

Библиографический список

1. Античная музыкальная эстетика. – М.: Искусство, 1960.

2. *Аристотель.* Политика. – М.: Наука, 1964.

3. *Власова Т.А., Певзнер М.С.* О детях с отклонениями в развитии. – М.: Просвещение, 1973.

4. *Кемпбелл Д.* Эффект Моцарта. – М.: Просвещение, 1999.

5. *Лебединская К.С.* Задержка психического развития и ее причины // Причины возникновения и пути профилактики аномалий развития у детей. – М., 1985. – С. 29–37.

6. *Ратанова Т.А.* Скорость дифференцирования объектов и интеллектуальное развитие детей 9–10 лет // Индивидуально-психологические особенности детей младшего школьного возраста. – Пенза: ПГПУ, 1995. – С. 28–45.

7. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. – М.: Прогресс, Универс, 1994.

8. *Шушарджан С.В.* Музыкотерапия: история и перспективы. – М.: Клиническая медицина, 2000.

9. *Шушарджан С.В.* Современные методы музыкальной терапии и эффекты, возникающие при воздействии музыкой и различными акустическими сигналами на организм человека // Традиционная медицина. Восток и Запад. – 2005. – Т. 2. – №2. – С. 23–29.

10. *Элькин В.В.* Целительная магия музыки. – М.: Прогресс, 1994.

УДК 159.923.33

Рудыхина Ольга Валерьевна,
Шемелина О.С.
кандидат физико-математических наук
Новосибирский государственный технический университет
olga26_84@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ И ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОЛЕРАНТНОГО СТУДЕНТА ВУЗА В КОНТЕКСТЕ СТИЛЕВОГО ПОДХОДА

В данной работе в контексте исследования феномена «толерантность» обнаружены значимые взаимосвязи толерантности со стилевыми характеристиками личности (интеллектуальные стили мышления (по типологии А. Харрисона и Р. Брэмсона) и характеристики психологических типов (по теории К.Г. Юнга) в качестве эпистемологических стилей мышления), отражающимися на уровне распределения предпочитаемых ценностей и самоактуализации.

Ключевые слова: *толерантность, интеллектуальные и эпистемологические стили мышления, ценности, самоактуализация.*

Условия современного общества, характеризующиеся разнообразными переменами в социально-экономической, политической, культурных сферах, приводят к обострению противоречий как в межнациональных, так и в межличностных отношениях. В связи с этим проблема толерантности становится одной из центральных тем в различных областях научного знания, и многие современные ученые в области психологии (А.Г. Асмолов, Г.Л. Бардиер, Г.У. Солдатова, Е.Ю. Клепцова, Т.П. Скрипкина, Г.С. Кожухарь) рассматривают толерантность как конструктивный способ разрешения межличностных конфликтов и снятия социально-психологической напряженности.

Выявление факторов толерантности особенно важно у студентов вуза, поскольку в настоящее время востребованы специалисты, обладающее, кроме высокого профессионализма, способностью к конструктивному взаимодействию с окружающими в условиях современного социума.

В наших исследованиях мы уделяем особое внимание изучению когнитивной сферы и считаем наиболее перспективным использование стилевого подхода к изучению познавательной сферы толерантной личности с целью составления целостного представления о механизмах актуализации толерантности. В данной работе мы обращаем внимание на взаимосвязь толерантности с интеллектуальными стилями, отражающими предпочитаемые стратегии решения проблемных ситуаций, и с эпистемологическими стилями, характеризующими ценностно-мотивационные ориентиры личности и особенности ее познавательного отношения к миру. Поскольку, по мнению М.А. Холодной [4, с. 244], в качестве особенностей эпистемологического стиля личности можно рассматривать психологические типы К.Г. Юнга, в исследовании эпистемологических стилей мышления мы опираемся на психологическую типологию К.Г. Юнга [5, с. 681].

Поскольку ценности являются, как отмечает Е.И. Касьянова [1, с. 124], ядром нравственного механизма толерантности, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть толерантность в связи с предпочитаемыми ценностями и показателями самоактуализации как характеристиками ценностно-мотивационной сферы толерантной личности.

Учитывая вышесказанное, **целью** данного исследования является выявление взаимосвязи толерантности со стилевыми особенностями личности (интеллектуальные стили и характеристики психологического типа по К.Г. Юнгу в качестве эпистемологических стилей мышления), предпочитаемыми ценностями и показателями самоактуализации у студентов вуза.

Предмет исследования – взаимосвязь уровня толерантности с интеллектуальными стилями мышления, характеристиками психологических типов личности, ценностными предпочтениями и показателями самоактуализации. **Объект** исследования – психологические особенности толерантной личности.

Методы исследования: психологическое тестирование, методы статистической обработки данных (r_p – коэффициент линейной корреляции Пирсона, U – критерий Манна-Уитни, φ – метод углового преобразования Фишера).

В исследовании использованы **методики: 1)** опросник для измерения уровня толерантнос-

© Рудыхина О.В., Шемелина О.С., 2010

ти [3, с. 51], разработанный на кафедре педагогики и психологии НГТУ в рамках ФЦП по проблеме толерантности (2001–2005); **2)** методика М. Рокича «Ценностные ориентации» для выявления ценностных предпочтений личности; **3)** опросник «САМОАЛ» Н.Ф. Калиной для определения показателей самоактуализации; **4)** опросник «Стиль мышления» (авторы: А. Харрисон и Р. Брэмсон; адаптирован А.А. Алексеевым и Л.А. Громовой) для определения преобладающих интеллектуальных стилей мышления; **5)** опросник Д. Кейрси для диагностики типологических характеристик личности [2, с. 266], основанный на оценке выделенных К.Г. Юнгом четырех дихотомических признаков: «экстраверсия» – «интроверсия» (Extraversion – Intraversion), то есть предпочтительная установка; «ощущение» – «интуиция» (Sensing – Intuition), то есть предпочтительный способ восприятия информации; «мышление» – «чувство» (Thinking – Feeling), то есть предпочтительный способ принятия решений; «рациональность» – «иррациональность» (Judging – Perceiving), то есть предпочитаемый способ ориентации в окружающем мире. Сочетание предпочтений одного из полюсов каждой из четырех шкал дает обозначение одного из 16 типов. Д. Кейрси выделил и придал особое значение двухбуквенным сочетаниям, отражающим психологические портреты, отличающиеся ценностно-мотивационными особенностями: SJ, NF, NT, SP.

В исследовании приняли участие студенты I курса технических, экономических, гуманитарных специальностей НГТУ. Общий объем выборки – 302 чел. Возраст от 16 до 20 лет.

В результате разделения выборки с учетом правила нормального распределения на группы с низким и высоким уровнем толерантности и сравнения в указанных группах преобладающих интеллектуальных стилей мышления было выявлено, что в группе *низкотолерантных студентов* по сравнению с группой с высоким уровнем толерантности значимо больше субъектов с выраженностью *прагматического стиля* ($U_{эмп}$=769,5; p<0,01).

Указанные результаты свидетельствуют о том, что наиболее интолерантными являются студенты, в интеллектуальной сфере которых выражены стратегии прагматического стиля. Этот результат можно объяснить тем, что стратегии прагматического стиля основаны на эклектическом подходе, что отражается в стремлении к соединению разнородных, зачастую противоположных взглядов с целью получения выгоды [4, с. 239]. Возможно, данные стратегии отражаются в стремлении к негуманным, манипулятивным действиям при разрешении проблемных ситуаций, что препятствует толерантному взаимодействию. Отсюда следует, что мышление толерантных студентов характеризуется отвержением стратегий прагматического стиля и связанным с этим отсутствием стремления к получению личной выгоды при разрешении проблемной ситуации.

В результате сравнения распределения представленности типов в группах с низким и высоким уровнем толерантности (см. рис. 1), мы обнаружили, что в группе с низким уровнем толерантности по сравнению с группой высокотолерантных студентов достоверно больше количество субъектов сенсорно-спонтанного типа SP ($\varphi_{эмп}$=2,44, p<0,01). Данный факт можно объяснить тем, что для данного типа характерна ценность эмпирического, основанного на фактах, познания и ориентация на действие и спонтанные поступки в поведении [2, с. 31], что, как показывает обнаруженный нами результат, способствует проявлению интолерантности в межличностном взаимодействии.

Рис. 1. Распределение психологических типов в группах с низким и высоким уровнем толерантности

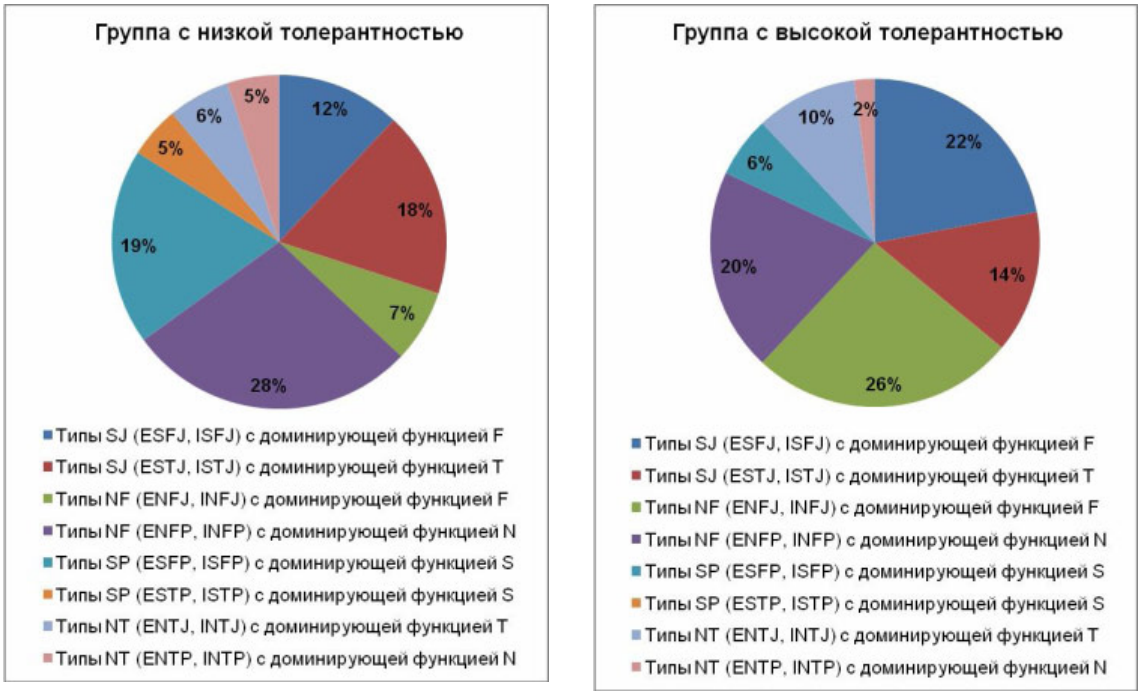

Рис. 2. Распределение психологических типов в группах с низким и высоким уровнем толерантности

Мы также подробно изучили особенности когнитивной и ценностно-мотивационной сферы студентов типологических групп SJ, NF, NT, SP с низким и высоким уровнем толерантности (см. рис. 2, 3, 4).

При распределении типов внутри типологических групп с низким и высоким уровнем толерантности (см. рис. 2) нами выявлено, что *студенты группы SJ с высокой толерантностью* отличается от студентов группы SJ с низкой толерантностью бо́льшей выраженностью типологической характеристики *«чувство»* как функции принятия решения в структуре психологического типа ($U_{эмп}$=72, p<0,04). Отсюда следует, что толерантность внутри типологической группы SJ связана с выраженностью ориентации на чувства и субъективные оценки при принятии решения.

Обнаружено, что среди *студентов группы NF с высокой толерантностью* значимо больше типов с доминированием функции *«чувство»* в структуре психологического типа ($\varphi_{эмп}$=2,58, p<0,004), что указывает на связь толерантности у студентов с типом NF с преобладанием функции *«чувство»* и, как следствие, с направленностью внимания на собственные чувства и чувства других людей при принятии решения.

В группе студентов SP, наоборот, типы с характеристикой «чувство» значимо преобладают в группе с низкой толерантностью ($\varphi_{эмп}$=1,97, p<0,03). Отметим, что у студентов с типом SP характеристика «чувство» является вспомогательной функцией (в отличие от описанных выше толерантных студентов SJ и NF типа), а доминирующей является функция «ощущение», что свидетельствует о приоритете эмпирического способа познания и опоре на факты и способствует реалистичному, практичному подходу в жизненных ситуациях. Поэтому можно предположить, что в группе студентов с сенсорно-спонтанным типом SP сочетание характеристики «чувство» с доминирующей функцией «ощущение» будет способствовать прагматической направленности и, как следствие, препятствовать толерантному общению с окружающими.

Также нами обнаружены значимые различия в предпочтении ценностей в типологических группах с разным уровнем толерантности (см. рис. 3, 4).

Условные обозначения: ранг ценности отражает место ценности в иерархии ценностных предпочтений: ценность № 1 – наиболее предпочитаемая ценность, ценность № 18 – наименее предпочитаемая ценность. SJ_1(n=18), NF_1(n=23),

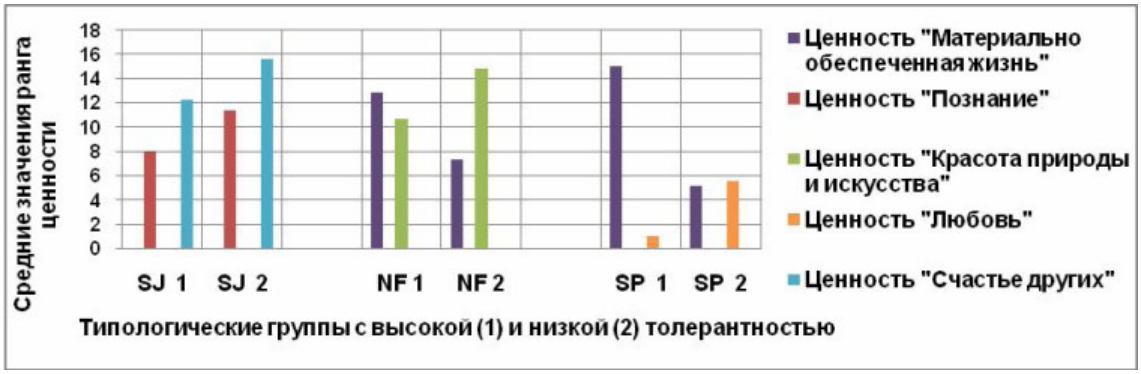

Рис. 3. Значимые различия по средним значениям рангов терминальных ценностей в типологических группах

NT_1(n=6), SP_1(n=3) – группы с высокой толерантностью; SJ_2(n=14), NF_2(n=15), NT_2(n=5), SP_2(n=10) – группы с низкой толерантностью.

Нами выявлено, что ***для студентов группы SJ с высокой толерантностью*** по сравнению с низкотолерантными SJ (см. рис. 3, 4) в большей степени характерна ориентация на *ценности* ***познания*** (различия значимы при $U_{эмп}$=65, p<0,05), связанная со стремлением к расширению кругозора, *ценность* ***счастья других*** ($U_{эмп}$=73,5, p<0,05), проявляющаяся в ориентации на благосостояние и развитие других, и бо́льшая степень предпочтения ***терпимости*** в процессе достижения цели ($U_{эмп}$=71, p<0,04). Получается, что выраженность толерантности у представителей группы SJ связана не только с их стремлением к личностному развитию, но также и ориентацией на содействие благополучию и совершенствованию окружающих людей.

Студенты группы NF с высокой толерантностью отличаются от низкотолерантных NF значимо бо́льшим предпочтением *ценности* ***«красота природы и искусства»*** (различия значимы при $U_{эмп}$=91, p<0,02), что отражает их стремление к удовлетворению эстетических потребностей и направленности внимания к прекрасному в окружающей действительности, и *ценности* ***честности*** в качестве средств по достижению собственных целей ($U_{эмп}$=84, p<0,01). Указанные ценностные отличия свидетельствуют, на наш взгляд, о связи толерантности у студентов группы NF с ориентацией на поиск гармонии в окружающей среде и ценностью гуманных, открытых взаимоотношений в сравнении с низкотолерантыми студентами NF, ориентированными в большей степени на материально обеспеченную жизнь ($U_{эмп}$=54,5, p<0,0004) в ценностных приоритетах и ценности независимости ($U_{эмп}$=100, p<0,03) в процессе достижения цели.

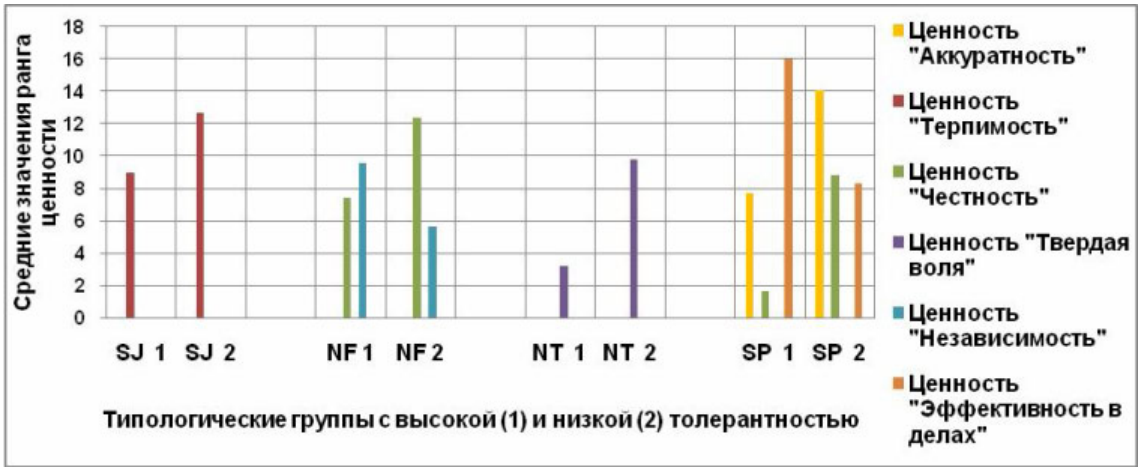

Рис. 4. Значимые различия по средним значениям рангов инструментальных ценностей в типологических группах

Студентов группы NT с высокой толерантностью отличает от низкотолерантных NT большая степень предпочтения инструментальной *ценности* ***«твердая воля»*** (различия значимы при $U_{эмп}$=0, p<0,01), что отражает ценность умения настоять на своем и не отступать перед трудностями. Поскольку представителей интуитивно-логического типа NT отличает стремление к исследованию законов природы, обусловленное независимостью их мышления и поведения [2, с. 51], вероятно, познание закономерностей в окружающей действительности способствует не только расширению кругозора, но и осознанию взаимосвязи существующих в природе явлений. Возможно, в связи с данной мотивационной направленностью у типов NT развивается нравственно-ценностная позиция, обусловленная ориентацией на формирование устойчивых взглядов и убеждений об окружающем мире. Как следствие, ***у студентов группы NT выраженности толерантности*** *способствует предпочтение твердой позиции в представлении своих взглядов и принципов.*

Для студентов группы SP с высокой толерантностью в отличие от низкотолерантных студентов SP в большей степени характерна *ценность* ***любви*** (различия значимы при $U_{эмп}$=3, p<0,04) в жизненных устремлениях и большая *значимость* ***аккуратности*** ($U_{эмп}$=2, p<0,03) и ***честности*** ($U_{эмп}$=2, p<0,03) в качестве средств достижения целей. Указанные ценностные предпочтения свидетельствуют, по нашему мнению, о связи толерантности у студентов сенсорно-спонтанного типа SP с ориентацией на ценности гармоничных, близких межличностных отношений.

Кроме того, мы обнаружили, что толерантность имеет прямую взаимосвязь с показателем *самоактуализации* в группах SJ (r_p=0,20, p<0,05) и NF (r_p=0,23, p<0,01). Отсутствие взаимосвязи толерантности с показателями самоактуализации в группах NT и SP может свидетельствовать о том, что ощущение самоактуализации у студентов данных типов напрямую не связано с ориентацией на толерантное поведение. Получается, что толерантные студенты в типологических группах не только отличаются ценностными предпочтениями, но и характеризуются особенностями процесса самоактуализации, что указывает на необходимость проведения дальнейшего исследования специфики процесса самоактуализации в контексте изучения толерантности у студентов разных типов личности.

Проведенное нами исследование показало, что уровень толерантности у студентов вуза связан со стилевыми особенностями их мышления. Так, на уровне интеллектуальных стилей мышления выраженность толерантности проявляется в отвержении стратегий прагматического стиля мышления при решении проблемных ситуаций, а на уровне эпистемологических стилей, представленных типологическими особенностями по типологии К.Г. Юнга, в выраженности характеристики в структуре типа, проявляющейся в ориентации на субъективные чувства и достоверно меньшей представленности иррациональных типов среди высокотолерантных студентов. Указанные стилевые особенности толерантной личности отражаются в иерархии ценностных предпочтений и особенностях проявления самоактуализации в исследуемых типологических группах.

Таким образом, можно сказать, что *толерантность* – сложное и многогранное личностное качество, важными компонентами которого являются стилевые особенности мышления, свидетельствующие об отличительных особенностях познавательной картины мира, что находит отражение в особенностях ценностно-мотивационной сферы личности.

Библиографический список

1. *Касьянова Е.И.* Нравственные основы толерантности: Монография. – Иркутск: ИрГУПС, 2006. – 180 с.

2. *Овчинников Б.В., Владимирова И.М., Павлов К.В.* Типы темперамента в практической психологии. – СПб.: Речь, 2003. – 288 с.

3. *Меньшикова Л.В., Шемелина О.С., Кавун Л.В., Аксенова Л.А.* Психология личности: психолого-педагогические основы толерантности: Учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – 68 с.

4. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума: Учеб. пособие. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 304 с.

5. *Юнг К.Г.* Психологические типы. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 761 с.

УДК 159.923: 378

Сафукова Надежда Николаевна
Ульяновский государственный университет
lrusik-Saf@mail.ru

ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗОВ

В статье с позиций психолого-акмеологического подхода рассматриваются особенности, методики и результаты исследования личностно-профессиональной Я-концепции студентов государственных и негосударственных вузов. Разработана структурно-функциональная модель, которая направлена на реализацию личностно-профессиональной Я-концепции студентов в будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: *личностно-профессиональная Я-концепция, образ Я, образ Я-профессионала, самооценка, самоотношение, адаптивный и дезадаптивный вариант развития.*

При непрерывном развитии общества, науки, экономической политики государства растут требования не только к существующим стандартам высшего образования, но и к обеспеченности государства квалифицированными специалистами, имеющими четкое представление о себе как личности и профессионале. Сегодня высшие учебные заведения – государственные и негосударственные вузы – дают достаточно хорошую подготовку для будущих специалистов. Однако, по мнению ректоров многих государственных вузов, студенты негосударственных вузов представляются как слабые, неспособные к обучению, а их выпускники – не готовы к серьезной работе. Их поступление в вуз связывают с желанием получить отсрочку от службы в армии, низким проходным баллом при поступлении или стремлением продлить безоблачное детство [2, с. 573]. Но так ли это?

В рамках решения данной проблемы необходимо выяснить, какими являются представления о себе как личности и будущем профессионале (специалисте), самооценку, самоотношение, поведение студентов государственных и негосударственных вузов, т.е. определить особенности личностно-профессиональной Я-концепции.

Исторический аспект анализа проблемы позволил установить, что исследования Я-концепции берут свое начало в философских, педагогических, психологических, акмеологических трудах. Выдающиеся философы Г. Гегель, Р. Декарт, И.А. Ильин, И. Кант, А. Камю, А.Ф. Лосев, В.С. Соловьев, И.Г. Фихте рассматривали Я-концепцию сходно – как абсолютное «Я», состоящее из «Я» – эмпирическое (человек, субъект) и «не-Я» (окружающий мир, объект).

Особое внимание уделяется Я-концепции как новому педагогическому, психологическому и акмеологическому феномену, который, по мнению его исследователей, наиболее полно отражает суть и процесс формирования личности в обществе. Еще задолго до появления труда Бернса, ученые обращались к проблеме Я-концепции в трудах С.Т. Шацкого, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского (учитывать многообразие человеческих натур). Ю. Турчаниновой вводятся и анализируются понятия Я-концепция профессиональной деятельности, Я-концепция воспитанника. Н.Н. Коваль в диссертационном исследовании разработала педагогические технологии формирования позитивной Я-концепции у студентов вуза.

Существуют фундаментальные исследования Я-концепции личности, ее структуры в трудах отечественных и зарубежных психологов (Р. Бернс, И.С. Кон, К.Р. Роджерс, В.В. Столин, И.И. Чеснокова, Э. Г. Эриксон). О проблеме самосознания в процессе формирования Я-концепции упоминают Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Е.В. Шорохова. И.Н. Торгаева в рамках диссертационного исследования выявила психолого-акмеологические факторы формирования личностно-профессиональной Я-концепции военнослужащих по контракту. Немало акмеологических исследований профессиональной Я-концепции личности (А.А. Деркач, Е.А. Климов, А.А. Реан, А.К. Маркова, А. Маслоу, Л.Г. Лаптев, В.Г. Зазыкин, Н.В. Кузьмина и др.).

Проблема соотношения государственных и негосударственных вузов отражена в работах Л.Н. Беляевой, В.А. Зернова, В. Владимирова, И.М. Ильинского, М.Н. Берулава, Н.А. Лукова, В.А. Садовничего и др.

 © Сафукова Н.Н., 2010

Вместе с тем в анализируемых работах не исследованы особенности личностно-профессиональной Я-концепции студентов государственных и негосударственных вузов.

В связи с вышесказанным, актуальность данного исследования определяется:

– научной и практической перспективностью исследования особенностей личностно-профессиональной Я-концепции студентов государственных и негосударственных вузов;

– прикладной значимостью изучения особенностей Я-концепции у студентов в зависимости от их личностных и социальных приоритетов, определяющих выбор вуза;

– целесообразностью исследования структуры и составление модели личностно-профессиональной Я-концепции.

И.Н. Торгаева в диссертационной работе описывает личностно-професиональную Я-концепцию как сложившуюся, относительно устойчивую, иерархически организованную, обобщенную систему функционирования представлений, знаний индивида о себе как о личности и как о субъекте профессиональной деятельности [4, с. 63]. На наш взгляд, Я-концепция – это обобщенная система представлений о себе, т.е. «образ Я», а личностно-профессиональная Я-концепция – это «образ Я» как профессионала и отношение к себе как к профессионалу.

В качестве **основной гипотезы** нашего исследования выступило предположение о том, что особенности личностно-профессиональной Я-концепции различаются у студентов государственных и негосударственных вузов.

В качестве **дополнительной гипотезы** мы выдвинули следующее положение**:** представление о себе как о личности (Образ Я) и представления о себе как будущем идеальном профессионале (образ Я-идеального (профессионального) взаимосвязаны с самооценкой; оценкой уровня самоуважения, силой, активностью; уровнями самоотношения, отличающимися по степени обобщенности, а именно глобальным самоотношением; самоотношением, дифференцируемым по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; уровнем конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я»; адаптацией, самоприятием, приятием других, эмоциональной комфортностью, интернальностью, стремлением к доминированию, эскапизмом; а также рядом мотивов: коммуникативными, избегания, престижа, профессиональными, творческой самореализации, учебно-познавательными и социальными.

Выбор исследуемых групп студентов был обусловлен разным выбором учебного заведения, а именно, в качестве испытуемых выступили студенты государственных и негосударственных вузов.

Проверка гипотез обеспечивалась комплексом различных методов исследования, среди которых выделяются методы теоретического анализа; опросные методы (беседа; опросник «самооценки и самоанализа», а также опросник «образ профессионала в представлениях студентов» разработанный Н.И. Калаковым, Н.Н. Сафуковой на основе экспертной оценки), психодиагностические методы (модифицированная методика С.А. Будасси «Исследование самооценки с помощью процедуры ранжирования», тест-опросник самоотношения В.В. Столина, опросник социально-психологической адаптированности (СПА) К. Роджерса, Р. Даймонда, модифицированный вариант методики Т.Лири «Я-концепция и тенденции профессионально-личностного развития», предложенный А.А. Реан, методика «личностного дифференциала» [3, с. 269–457], методика для диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой). Статистический анализ полученных данных проводился с помощью компьютерной программы: SPSS Statistics (Version 17). При обработке данных использовались: U-критерий Манна-Уитни, метод ранговой корреляции Спирмена.

В исследовании приняло участие 118 человек. Из них 58 – студенты Ульяновского государственного университета, 60 – студенты Гуманитарной современной академии (ульяновский филиал).

В ходе проверки основной гипотезы выяснилось, что студенты УлСГА, представляя свой реальный образ «Я», склонны считать себя более несамостоятельными по сравнению со студентами УлГУ на уровне тенденции ($p<0,07$). В идеале студенты УлСГА стремятся стать профессионалами с такими качествами, как дружелюбность ($p<0,01$), уступчивость ($p<0,001$), доверчивость ($p<0,001$) по сравнению со студентами УлГУ. Студенты УлСГА обладают более завышенной самооценкой ($p<0,001$), но чаще уходят от проблем ($p<0,01$) по сравнению со студентами УлГУ. Социальные мотивы ($p<0,001$) и мотивы творческой

самореализации (p<0,001) явно выражены у студентов УлСГА по сравнению со студентами УлГУ.

Таким образом, наша основная гипотеза нашла подтверждение. Особенности личностно-профессиональной Я-концепции различаются у студентов государственных и негосударственных вузов.

Для проверки дополнительной гипотезы, а именно для получения более достоверных данных и перевода показателей по отдельным методикам в сопоставляемые данные, использовался непараметрический метод: коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Рассмотрим особенности корреляционных взаимосвязей (p<0,01) между параметрами Я-образа, образа Я-идеального (профессионального) и самооценкой; оценкой уровня самоуважения, силой, активностью; уровнями самоотношения, отличающимися по степени обобщенности, а именно глобальным самоотношением; самоотношением, дифференцируемым по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; уровнем конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я»; адаптацией, самоприятием, приятием других, эмоциональной комфортностью, интернальностью, стремлением к доминированию, эскапизмом; а также мотивами коммуникативными, избегания, престижа, профессиональными, творческой самореализации, учебно-познавательными и социальными студентов государственных и негосударственных вузов.

По результатам корреляционного анализа у студентов государственного вуза (УлГУ) обнаружены значимые (p<0,01) взаимосвязи между параметром «Я-образ» и эгоистичностью, агрессивностью и стремлением к доминированию. Это означает, что чем больше студенты УлГУ уверенней в себе и требовательнее к себе, тем больше они стремятся к доминированию.

В представлении о себе как о будущем идеальном профессионале выявлены значимые (p<0,01) взаимосвязи между параметром образа Я-идеального (профессионального) авторитарностью и аутосимпатией, ожидаемым отношением от других, самоинтересом, самопринятием, адаптивностью, доминированием и коммуникативными мотивами. Это свидетельствует о том, что чем больше у студентов УлГУ будут проявляться лидерские качества, тем больше будет расти стремление стать профессионалами, которые одобряют себя, ожидают позитивного отношения к себе, близки к самому себе, в частности, интересуются собственными мыслями и чувствами, готовы общаться с собой «на равных», уверены в своей интересности для других; готовы принимать себя такими, какие они есть; тем легче и быстрее будут адаптироваться, доминировать; тем свободнее станет общение.

Кроме того, определено наличие следующих значимых взаимосвязей (p<0,01) между глобальным самоотношением (внутренне недифференцированное чувство «за» и «против» самого себя) и адаптацией, эмоциональной комфортностью, интернальностью, т.е. чем выше глобальное самоотношение, тем выше у студентов УлГУ возможность адаптироваться, тем больше чувствуют себя эмоционально комфортно, а также лучше контролирую себя внутренне и внешне. Чем выше аутосимпатия, ожидаемое отношением от других, самоуверенность, самопринятие, самоинтерес, тем выше лидерские качества, адаптивность, эмоциональная комфортность, творческая самореализация, стремление к доминированию, интернальность и активность.

Что касается студентов негосударственного вуза (УлСГА), определено наличие отрицательной корреляционной связи между параметром «Я-образ» агрессивностью и интернальностью (-0,362 p<0,01), а это значит, что чем выше агрессивность, тем менее развит внутренний и внешний контроль (интернальность).

У студентов УлСГА в представлении о себе как о будущем идеальном профессионале выявлены значимые положительные связи между параметром образа Я-идеального (профессионального) авторитарностью и стремлением к доминированию (p<0,01), мотивом престижности учебной деятельности (p<0,01), а именно: чем выше будут проявляться лидерские качества, тем явнее будет стремление к доминированию и выше мотив престижности учебной деятельности.

Кроме того, выявлены значимые взаимосвязи между стремлением к доминированию и подчиненностью (-0,587 p<0,01), дружелюбностью (-0,362 p<0,01), отношением других (p<0,01), глобальным самоотношением (p<0,01), самоинтересом (p<0,01), самоуважением (p<0,01), аутосимпатией (p<0,01) и избеганием неприятностей (-0,389 p<0,01); между мотивом престижности учебной деятельности и зависимостью (p<0,01), самообвинением (p<0,01) студентов негосударственного вуза.

Данные значения свидетельствуют о том, что чем выше у студентов УлСГА выражено стремление к доминированию, тем меньше проявляются подчинение, несамостоятельность, мотив избегания неприятностей, но тем сильнее становится ожидаемое положительное отношение от других, самоинтерес, самоуважение, аутосимпатия. Чем больше выражен мотив престижности учебной деятельности, тем больше студенты УлСГА зависимы и самокритичны. Возможно, это связано с тем, что студенты негосударственного вуза считают учебу в современной гуманитарной академии престижной, но для того, чтобы продолжать учится там, вынуждены зависеть от родителей, преподавателей и многих других обстоятельств, из-за которых они сами себя обвиняют и критикуют.

Таким образом, основная и дополнительная гипотезы нашли подтверждение.

Научная работа будет продолжена с целью изучения также особенностей личностно-профессиональной Я-концепции студентов с разной профессиональной направленностью обучения по классификации Е.А. Климова; в зависимости от курса обучения, от пола.

Библиографический список

1. *Деркач А., Зазыкин В.* Акмеология. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с.

2. *Плаксий С.Н.* Высшее образование: желаемое и действительное. – М.: Нац. Ин-т бизнеса, 2008. – 774 с.

3. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. – Самара: Издательский Дом «Бахрах–М», 2004. – 672 с.

4. *Торгаева И.Н.* Психолого-акмеологические факторы формирования личностно-профессиональной Я-концепции военнослужащих по контракту: Дис. … канд. психол. наук. – Ульяновск, 2006. – С. 250.

УДК 37.018.1

Свешников Сергей Юрьевич
кандидат педагогических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

СТАНОВЛЕНИЕ РОДИТЕЛЯ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В статье затронута проблема формирования отцовских качеств в юношеском возрасте, проанализированы факторы, затрудняющие процесс воспитания полноценного мужчины на современном этапе развития российского общества, раскрыта природа отцовской любви, названы основные этапы становления родителя в юношеском возрасте и субъекты, влияющие на это становление, а также приведены результаты микроисследования, проведённого в рамках работы над кафедральной темой «Духовно-нравственное воспитание в различных общественных институтах».

Ключевые слова: *юноша, воспитание, семья, брак, родительство, отцовство.*

Без хороших отцов нет хорошего воспитания,
несмотря на все школы, институты и пансионы.
Н.М. Карамзин

Исследования по вопросам становления отцовства исключительно скудны. Поэтому изложенные нами в данной статье размышления – лишь первое приближение к постижению проблемы становления родителя в юношеском возрасте.

Прежде чем обратиться к результатам проведённого нами микроисследования, целью которого было выяснение того, насколько серьёзно сами юноши относятся к отцовству, способны ли современные молодые люди взять на себя роль отца в будущем, определим, что же мешает сегодня полноценному становлению будущего отца семейства, проанализируем лишь некоторые факторы, усложняющие воспитание полноценных мужчин.

1. *Историко-демографический фактор*. Многие сегодняшние будущие отцы – это дети, воспитанные без отцов. Они лишены духовной традиции отцовства, тех знаний, которые юноша в семье получает не на вербальном уровне, не из книг, а из живой жизни. В XX веке в Советском

© Свешников С.Ю., 2010

Союзе и в России мужчины (отцы) являлись самой уничтожаемой группой общества. Во-первых, Первая мировая война и революция, Гражданская война, восемь лет сражений, жертв – в первую очередь среди солдат и офицеров. Затем – поколение сыновей революционеров, в большинстве своём потерявших своих отцов во время репрессий 30-х годов. Несколько лет спустя – Вторая мировая война с миллионами погибших, большинство из которых – военные, опять-таки отцы и мальчики, так и не успевшие стать отцами. Трагедия послевоенного десятилетия – это нехватка мужчин. Негативные последствия демографической ситуации 30–50-х годов сказываются и сегодня: отсутствует позитивное понятие отца, каждый третий брак в нынешней России распадается, образуются неполные семьи. Всё это обусловлено нашей предыдущей историей!

2. *Армия как фактор воспитания будущего мужчины и отца*. Армия – это первый опыт жизни взрослого человека. Какой же закон чаще всего встречает юношу в первой общине взрослых людей? Закон кулака. И проблема не в том, кто прав, а в том, кто сильней. Большинство вопросов решается посредством грубой силы как между офицерами и солдатами, так и (в основном) между солдатами. Приобретается опыт власти сильнейшего и бесправия перед силой. Солдат живёт в состоянии беспрерывной борьбы, войны даже во время мира! Но власть силы бессмысленна вдвойне: во-первых, в ней нет нужды, во-вторых, она делает ненужным процесс мышления: мысль умирает там, где действует право силы (сразу оживает в памяти: «Сила есть – ума не надо»).

3. *Ранняя сексуальность*. Сексуальность в жизни юноши пробуждается очень рано, ещё в психологическом детстве. Самое трагичное – что она развивается в отрыве от чувства любви, взрослого понятия о ней. У ребёнка, разумеется, существует понятие о любви, например, любви родителей к нему. И всё-таки в большей степени на него влияет то, что он видел по телевизору. Вспомним популярную некогда программу «Любовь с первого взгляда»: через десять минут общения – постель, а если что не так – «расстанемся друзьями». Подобных программ на телевидении достаточно и сегодня. Трагизм ситуации в том, что сфера сексуальности оказывается для юного человека оторванной от жизни в целом. Нет ещё связи ни с понятием семьи, ни с понятием любви; представление о сексе не зависит от заботы о другом, а впоследствии и о третьем человеке. И ещё: парадоксально, но часто сами женщины препятствуют воспитанию мужской ответственности и благородства. Они не ждут от мужчин ни опеки, ни опоры, соглашаются на жизнь в унизительных для себя, но удобных и комфортных для партнёра условиях. А между тем, в контакте с сильной, уважающей себя женщиной мужской эгоизм и даже агрессия смиряются, что влияет на увеличение зрелости и самообладания.

4. *Феминизация школы*. Сегодня в школе работают почти исключительно женщины. В старой образовательной системе, особенно в гимназиях и лицеях, большинство профессоров были мужчины. Сегодня мальчик-ученик пребывает в состоянии зависимости от женщин, что абсолютно не способствует его созреванию и становлению как мужчины. Ученик остаётся мальчиком, который или бунтует, или покоряется. Третьего не дано. Учительницы зачастую – это «мамаши», которые отдают предпочтение женским гуманистическим ценностям, таким как понимание, нежность, спокойствие, мягкость. Зато исчезает восприятие черт, которые женщины могли бы требовать от мужчины: мужество, соблюдение чётких норм и границ, гражданская отвага, умение признать свою вину. В этой модели воспитания отсутствуют мужские качества: сила, энергия, воинственность. Учительницам, даже очень хорошим, не хватает понимания, что молодые двенадцатилетние мужчины должны драться, что это нормальное мужское дело [2].

Воинственность заложена в природе мальчика-юноши-мужчины. После идеалистического периода, когда всё прогрессивное человечество доказывало, что принципиальной разницы между мужчиной и женщиной нет, настало время, когда самые серьёзные учёные всё чаще представляют доказательства того, что было известно нашим благоразумным предкам: мужчина и женщина очень разные! Если мальчику не дадут игрушку-пистолет, он возьмёт палку и будет стрелять. Родители, у которых есть и сыновья и дочери, наблюдают, что у мальчиков огромная потребность расширять свою территорию. Им надо всё увидеть, проверить, переставить, им надо быть везде! Они ломают в десять раз больше вещей, чем их сестрёнки. Эта экспансивность и является источником воинственности, которая оказывается естественной чертой мужской природы. Наблюдая за игрой в «войнушку», мы можем уви-

деть, что агрессия там присутствует совсем не обязательно. Поведение воина-солдата более связано с необходимостью приобрести достоинство, показать другим мужчинам свою силу и отвагу. Этих чувств нельзя перечеркнуть. В противном случае будет воспитан или эмоционально неполноценный «подкаблучник», или человек, который будет разрушать и бить вслепую. Задача родителей и окружающих молодого человека мужчин – показать, что агрессия – это не мужество, воинственность или рыцарство.

По своей природе семья даёт мужчине опыт любви и в то же время несовершенства. В армии или университете юноша может достичь определённого совершенства, например, в каком-то виде спорта, в боевой или профессиональной подготовке. Это укрепляет его самооценку. Но вот он женится, у него свой дом, рождаются дети, – и он видит, что не готов к новой роли: «Как же так, я – чемпион по самбо, инженер-программист, а что с ребёнком делать – не знаю». Это и есть опыт человеческого несовершенства, так необходимый для полноценного становления личности.

Важный этап на пути подготовки к отцовству – непосредственная подготовка к браку, период помолвки. Особенно в ситуации, когда у юноши не было отца вообще либо он остановился на этапе полного его отрицания. Кто может подготовить молодого человека к браку? Мужчине по природе не хватает некоторой тонкости, деликатности. Если к этому добавить идеал героев современных боевиков, где удача предприятия зависит от степени беспощадности и агрессивности (даже положительного персонажа!), в итоге получается весьма непростой «исходный материал» для будущего мужа и отца. Необходимые качества – сдержанность и нежность – потенциально дремлют в каждом из нас; они могут проявиться, а могут и не возникнуть. Именно *общение с девушкой, женщиной* способно проявить, воспитать эти чувства, чувства отца. Период перед браком, когда юноша и девушка встречаются и общаются между собой, – период воспитания мужчины, в том числе и как мужа. Здесь – великая работа женщины как воспитательницы своего первого ребёнка – мужа как будущего отца их общего ребёнка. Если это будет упущено, то уже навсегда муж останется вечным мальчиком – Питером Пэном, который никогда не возьмёт ответственности ни за что.

Преобразования в современном обществе требуют и обновления содержания воспитания молодёжи. Повышается значимость развития личности. Свойства и качества личности, характеризующие человека как представителя определенного пола, приобретаются им в процессе полоролевой социализации. Полоролевая социализация представляет собой процесс развития и самореализации девочки, мальчика, девушки, юноши в ходе усвоения и воспроизводства половых ролей, культуры взаимоотношений полов, принятых в обществе. Полоролевую социализацию можно рассматривать в трех аспектах:

– с точки зрения отношения к людям противоположного пола;

– с точки зрения любовно-сексуальных отношений;

– с точки зрения сформированности супружеских и родительских качеств.

При рассмотрении проблемы формирования родительских качеств у юношей мы должны учесть реалии современного меняющегося мира, предъявляющего к отцу наряду с традиционными требованиями ряд новых, шире раскрывающих образ современного отца. Традиционно перед отцом стоит необходимость материального обеспечения детей, дисциплинарного воздействия на них, помощи и защиты в нестандартных, критических ситуациях, приучения сыновей к так называемому «мужскому» труду. «Нетипичной» же для традиционного отцовства является необходимость демонстрации таких качеств, как душевная утончённость, нежность, сдержанность грубых чувств и порывов, эмпатийность, умение наладить доверительный контакт с ребёнком. О дефиците таких чувств мы упоминали выше. Кроме того, отец должен уметь быть для ребёнка примером высокой нравственности, подкреплённым развитым интеллектом, ценимым выше физической силы [4]. Целостность сформированности вышеизложенных качеств следует рассматривать в рамках становления эмоционального мира подростка, юноши, отношений с другими людьми, интеллекта, готовности к профессиональной деятельности, волевой саморегуляции и духовно-нравственной сферы. Становление эмоционального мира подростков и отношения с другими людьми тесно взаимосвязаны между собой и определяют способность будущих отцов к нежности, заботе, эмпатии, налаживанию отношений с детьми. На современном этапе цивилизационного развития, в рамках которого главенствующую роль приобретает потребление информа-

ции, интеллект становится одним из определяющих факторов профессионального успеха [3]. Неготовность к профессиональной самореализации подростков ведет к тому, что будущий отец окажется не в состоянии не только удовлетворить потребности интеллектуального, эмоционального развития детей, но и материально их обеспечить.

В чём же заключается гений мужской, отцовской любви? Мужская любовь внешне противоречива. Попробуем выделить эти противоречия. Это своеобразная точность мужчины, его последовательность. Папа, как правило, говорит один раз, второй раз его уже просить бесполезно. Отец – человек твёрдый, но, с другой стороны, – тёплый и сердечный. Поэтому отцом быть трудней, чем матерью. Без этих противоположностей нет хорошего отца. Он будет или второй матерью (что не имеет смысла), или тираном (что гораздо чаще). Любящий отец нередко более эффективный воспитатель, чем мать. Он меньше опекает детей, предоставляет им больше самостоятельности, воспитывает в ребёнке самодисциплину. Отцовская любовь обеспечивает пример родительского поведения детей в будущем, формирование жизненной позиции вообще и полоролевых позиций в частности. Именно последовательность вместе с теплотой и сердечностью являются теми истинно мужскими чертами, которые суть источник покоя, стабильности и безопасности для ребёнка. В государстве безопасность и покой гарантируются армией и законом, в семье – уверенностью в отце, если отец сильный, как армия, мудрый и последовательный, как закон, и не меняет так просто своих решений, и что благо семьи для него – самое важное. Жена также ждёт от мужа гарантий покоя и безопасности. И нет другого пути дать ей это, как через сугубо мужские черты, сочетающие твёрдость с теплотой и сердечностью.

Вернёмся к нашему микроисследованию. В результате опроса студентов одного из факультетов КГУ им. Н.А. Некрасова мы выяснили, что все опрашиваемые юноши начали задумываться об отцовстве очень рано: 80% – в возрасте 18 лет. 95% хотят иметь детей и считают роль отца не менее значимой, чем роль матери. Приведём лишь некоторые высказывания.

Андрей, 20 лет: «Я задумался над этим вопросом лет в 18. Это как раз переходный возраст от юношества во взрослую жизнь».

Егор, 19 лет: «До некоторого времени не задумывался. Но на сеансе в кинотеатре вдруг «накатило», даже слёзы выступили. Ощутил сумасшедший порыв».

Алексей, 22 года: «Да, я хочу иметь ребёнка. Но не сейчас, а когда будет материальная база. Хочу наделить его любовью и заботой, ведь это моя кровь, моя родная частичка. А что может быть лучше, чем видеть, как растёт твой ребёнок?!»

Павел, 20 лет: «Я очень хочу, чтобы после меня на этом свете осталась маленькая частичка меня, которая будет жить значительно лучше меня!»

А вот какие ответы мы получили на вопрос «Что для вас означает отцовство?»

«Отцовство – это классно, когда на твоих глазах из маленького человечка вырастает Человек. Приятно радоваться всяким мелочам и вместе с ним заново познавать мир».

«Отцовство – это ответственная миссия, чтобы ребёнок стал Человеком во всех отношениях».

«Отцовство? В этом – смысл жизни!»

«Отцовство – это ответственность».

Поразмышляем над полученными результатами. Что же это такое – формирование отцовства? Как формируется это чувство? В жизни каждого молодого человека наступает момент, когда появляются мысли о продолжении рода. Он начинает задумываться над тем, кто останется на этом свете после него. Кто-то думает об этом в 17–18 лет, кто-то гораздо позже, лет в 30, ведь все люди разные во взглядах, в отношении к жизни и в самом проявлении отцовства. Отцовское чувство и схожее с ним духовное родство возникают не сразу. Зарождаются они постепенно, задолго до рождения ребёнка. В этом случае оправдывает себя утверждение: «Ребёнок – отец мужчины». *Дети оказывают сильное влияние на формирование отцовского чувства*, многих качеств мужчины, которые, как говорится, находятся ещё «в проекте». И это действительно так! Мужчины, у которых уже есть дети, практически абсолютно все считают, что течение беременности и рождение ребёнка как нельзя лучше сказывается на них самих: растёт чувство ответственности, укрепляются любовь к жене и ребёнку, забота о них.

Другое немаловажное утверждение: «Отцом мужчину делает отец!» Безусловно, к формированию и воспитанию мальчика в семье имеют прямое отношение и мать, и другие родственники, но *научить принимать на себя роль отца, научить быть отцом и чувствовать себя отцом может только мужчина – отец.* Согласно представлениям А. Адлера, роль отца в воспита-

нии заключается в поощрении активности, направленной на развитие социальной компетентности [1]. Отец проторяет ребёнку путь к человеческому обществу, является для ребёнка источником познаний о мире, труде, технике, способствует формированию социально полезных целей и идеалов, профессиональной ориентации. Отец, по мнению Э. Фромма, выполняет функцию социального контроля и является носителем требований, дисциплины и санкций [5]. Мужчина учится быть отцом и формирует в себе это чувство всю жизнь. Это происходит не за одно мгновение, в один день или за один год. Это длится с самого рождения: при наблюдении за тем, как строятся отношения его отца и матери, у мальчика, подростка, юноши формируется отцовство. Переходя во взрослую жизнь, юноша принимает ответственность за себя, становится самостоятельным. Вместе с тем приходит любовь, начинаются более близкие отношения, а вместе с ними – и первые мысли о продолжении рода, о детях. Так было, есть и будет в каждом поколении.

Однако сегодня пугает то, что вместе с изменением стиля жизни невольно изменяется и роль отца в обществе. Если раньше мужчина был кормильцем семьи, её главой, высшим дисциплинатором и примером для подражания, а жена брала на себя ответственность за воспитание подрастающего поколения и, сидя дома, занималась домашним хозяйством, то сейчас наблюдается обратная тенденция. Какой пример видит мальчик перед глазами, когда отец, в лучшем случае, стоит у плиты, убирает квартиру, занимается стиркой, а мама… «бизнес-леди»?! Естественно, ни о каком формировании отцовства здесь и речи быть не может.

Рождение ребёнка является окончательной и завершающей стадией формирования мужчины, это его биологическая функция. Теперь перед ним будет стоять другая цель – воспитать своего ребёнка настоящим человеком, оказать помощь в становлении его личности. Ведь быть отцом – это смысл жизни!

Данная статья не претендует на глубокое детальное рассмотрение проблемы становления родителя в юношеском возрасте. Это всего лишь первая попытка приближения к изучению возможностей и противоречий, в ней заключённых, что и составит предмет наших дальнейших исследований в рамках кафедральной темы. Тем не менее уже сейчас мы можем сделать выводы о том, что тема отцовства в среде юношей вызывает явный интерес. Осознание себя отцом является довольно важным моментом в жизни современного молодого человека, хотя и не всегда до конца им осознанным. Для многих отцов момент осознания является значительным психологическим событием. И, что самое, на наш взгляд, важное, – на становление юношей как отцов в 90% случаев повлияло *воспитание*, что связано с особенностями социального строя и традициями русской семьи.

Библиографический список

1. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Академический проект, 2007. – 240 с.

2. *Белят А.* Иосиф Обручник как икона отца // Человек. – 1994. – №3. – С. 11–16.

3. *Гершунский Б.* Во что мы играем? Философия шахмат XXI века // «64». – 1997. – №2. – С. 5–8.

4. *Кон И.* Социологическая психология. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 560 с.

5. *Фромм Э.* Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2009. – 288 с.

УДК 159.922.7

Селиванова Е.А.
кандидат психологических наук
Челябинский институт переподготовки
и повышения квалификации работников образования
sel_lena@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ

В статье раскрывается особенности эмоциональной сферы воспитанников детских домов, специфика проявления состояния одиночества у подростков с задержкой психического развития, воспитывающихся в условиях детского дома, представлена психолого-педагогическая технология, направленная на коррекцию негативного влияния состояния одиночества на личностное развитие подростков с ЗПР.

***Ключевые слова**: одиночество, эмоциональное развитие, психолого-педагогическая технология, подростки, задержка психического развития, детский дом.*

В последнее время отмечается рост числа детей, находящихся в социально опасном положении, увеличение социального сиротства, девиантного поведения детей. Воспитание в условиях государственных сиротских учреждений, смена учреждений и опекунов ребенка, позднее усыновление – этапы, травмирующие психику ребенка. Сегодняшний вариант деинституционализации детей-сирот предполагает вывод большинства воспитанников из учреждений в замещающие семьи, а также улучшение социальной ситуации развития в условиях учреждения для тех детей, которые по каким-либо причинам не смогут воспитываться в семье. Это требует разработки и внедрения новых технологий психологической помощи детям, остающимся в институциональной системе воспитания.

По своему психическому развитию дети, воспитывающиеся без попечения родителей, отличаются от ровесников, растущих в семье. На протяжении всех ступеней детства – от младенчества до взрослости – психическое развитие и здоровье таких детей имеет ряд негативных особенностей. Пережитые сиротами психологические травмы затрагивают все уровни человеческого функционирования (личностный, межличностный, социальный, физиологический, психологический, соматический и т.д.) и приводят к стойким личностным изменениям. Большинство детей-сирот отстают по психическому и интеллектуальному развитию. Около половины воспитанников детских домов имеет диагноз задержка психического развития (ЗПР).

Воспитание ребенка с ЗПР в неблагоприятных социальных условиях (асоциальные семьи, воспитание по типу гиперопеки или гипоопеки, условия семейной депривации) оказывает специфическое воздействие на их психическое развитие и эмоциональную сферу, вызывая различные негативные реакции [6]. Микросоциальное окружение подростка с ЗПР, в силу своей отрицательной направленности, может в значительной степени усугубить эмоциональное состояние, вызывая различные негативные реакции, в том числе и одиночество.

Наибольшие трудности и отклонения от нормального становления личности воспитанников детских домов отмечаются в эмоциональной сфере: в нарушении социального взаимодействия, неуверенности в себе, снижении самоорганизованности, целеустремленности, недостаточном развитии самостоятельности, неадекватной самооценке, неуверенности в себе, неспособности выстроить нормальные взаимоотношения с окружающими, вплоть до полного отсутствия тенденции к сотрудничеству.

Если рассмотреть особенности психического развития детей-сирот, то можно отметить специфику эмоциональной сферы. Дети уже первого года жизни, воспитывающиеся в домах ребенка, отличаются от ровесников, растущих в семьях: они вялы, апатичны, лишены жизнерадостности, у них снижена познавательная активность, уплощены эмоциональные проявления.

У дошкольников обращает на себя внимание сниженная эмоциональность, пассивность во всех видах деятельности (особенно в игре), отсутствие способности к сопереживанию другим людям, наглядно-действенная форма мышления (у их ровесников из семьи складывается уже наглядно-образная), импульсивность во всех видах поведения, слабая его осознанность, отклонения в развитии образа себя; обедненность речи; сла-

 © Селиванова Е.А., 2010

бость, неустойчивость внимания; конфликтность со сверстниками.

Особенности эмоциональной сферы младших школьников проявляются в повышенной тревожности, эмоциональной напряженности, психическом утомлении, эмоциональном стрессе, повышенной чувствительности к различного рода препятствиям, неготовности преодолевать трудности, снижении потребностей в достижениях и успехе, повышенной агрессивности, недоверчивости, вспыльчивости, несдержанности, чрезмерной импульсивной активности, эмоциональной холодности, уходе в себя, нарушении эмоциональных контактов с окружающими, нарастании пассивности, депрессии.

Неполнота эмоциональной жизни в сиротских учреждениях вызывает у подростков различные психические расстройства и нарушения социальной адаптации: у одних это тенденция к понижению активности, ведущая к апатии и большему интересу к вещам, чем к людям; у других – гиперактивность с уходом в асоциальную и криминальную деятельность; у многих наблюдается тенденция вести себя вызывающе в обществе, пытаясь привлечь к себе внимание при неумении создавать прочные эмоциональные привязанности. Одна из наиболее распространенных проблем, встречающихся в подростковом возрасте у детей-сирот, – это проблема одиночества.

Целью нашего исследования являлась разработка, апробация и определение эффективности психолого-педагогической технологии коррекции негативного влияния состояния одиночества на личностное развитие подростов с ЗПР с учетом специфики проявления этого состояния.

Экспериментальное исследование проводилось на базе детских домов г. Челябинска (№2, 6, 7) и специального (коррекционного) детского дома г. Касли, а также общеобразовательных школ г. Челябинска (№51, 100, 106, 128) в общеобразовательных и в специальных коррекционно-образовательных классах. На констатирующем этапе исследования приняли участие 238 испытуемых, из них: 128 испытуемых – подростки в возрасте от 13 до 16 лет, имеющие ЗПР, и 110 испытуемых – нормально развивающиеся подростки в возрасте от 13 до 16 лет. На формирующем и контрольном этапах исследования приняли участие подростки с ЗПР, воспитывающиеся в условиях детского дома, – 12 человек, подростки с ЗПР, воспитывающиеся в условиях семьи, – 10 человек.

С целью выявления и изучения специфики проявления одиночества у подростков с ЗПР применялись методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела, Л. Пепло, М. Фергюсона, анкета «Беседа об одиночестве» А. Л. Лихтарникова, методика определения коммуникативных и организаторских склонностей, методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейна в модификации А.М. Прихожан, а также «Полный цветовой тест Люшера».

Анализ результатов констатирующего эксперимента позволяет сделать ряд выводов. Наряду с тем, что одиночество характерное явление для подросткового возраста, оно в равной мере присуще нормально развивающимся подросткам и подросткам с ЗПР, воспитывающимся в разных условиях (условия семьи и детского дома), существуют особенности проявления состояния одиночества у подростков с ЗПР. Они проявляются в когнитивном и поведенческом компонентах в структуре одиночества. На когнитивном уровне специфика проявления одиночества выражается в понимании его подростками с ЗПР как состояния физической депривации и как исключительно негативного явления. На поведенческом уровне отмечается недоразвитие коммуникативной сферы у подростков с ЗПР, которое выражается в трудности при установлении дружеских отношений, конфликтности и агрессивности контактов. Особенно это характерно для подростков с ЗПР, воспитывающихся в детских домах, у которых искажение коммуникативной сферы усугублено также наличием социальной депривации. Психологический механизм, вызывающий одиночество у подростков с ЗПР, воспитывающихся в условиях семьи и в детских домах, обусловлен: во-первых, эмоциональной депривацией, которая выражается в недостаточной возможности для установления близких эмоциональных отношений с каким-либо лицом или в разрыве уже созданных эмоциональных связей, эмоциональная холодность родителей, отвержение со стороны сверстников (эти явления характерны и для воспитанников детских домов и для подростков, воспитывающихся в семье); во-вторых, недоразвитием коммуникативной сферы, которое отмечается у большинства подростков с ЗПР и наиболее выражено у воспитанников детских домов.

С учетом теоретических данных, общедидактических принципов и результатов констатирующего эксперимента разработана психолого-педа-

гогическая технология коррекции негативного влияния состояния одиночества, включающая в себя подготовительный, диагностический, прогностический, формирующий, контрольно-аналитический этапы.

На подготовительном этапе данной технологии осуществлялся анализ образовательной среды испытуемых, подбиралось оптимальное время для обследования подростков и организации занятий, устанавливался контакт с подростками, проводились беседы с классными руководителями, учителями, социальными педагогами, психологами образовательных учреждений и детских домов.

На диагностическом этапе осуществлялось психолого-педагогическое обследование подростков с ЗПР и их нормально развивающихся сверстников, воспитывающихся в разных условиях (семья и детский дом).

На прогностическом этапе прогнозировался вероятностный результат психологической работы, проектировалась психологическая программа по профилактике деструктивного переживания одиночества у подростков с ЗПР, воспитывающихся в условиях семьи и детского дома.

На формирующем этапе реализовывалась психологическая программа по профилактике деструктивного переживания одиночества у подростков с ЗПР, воспитывающихся в условиях семьи и детского дома.

Признавая тот факт, что переживание одиночества способствует развитию рефлексии и является необходимым этапом в формировании самосознания подростка (Л.И. Божович, Д.Б. Эльконин, E.H. Erikson и др.), считаем, что оно может лежать и в основе деструкций поведения в социальной среде (С.В. Малышева, Н.В. Перешеина и др.). При воспитании подростка с ЗПР в благоприятных условиях, когда взрослые дают подросткам возможность уединиться, погрузиться в себя, подумать, а при желании обсудить все с близкими людьми, этот период проходит без сильных негативных переживаний одиночества. Пребывание ребенка с ЗПР в неблагоприятных условиях воспитания (асоциальная семья, воспитание по типу гиперопеки или гипоопеки, интернатные учреждения) вызывает негативные последствия одиночества в пубертатный период. Обостренные переживания одиночества также характерны для молодых людей с суицидальными тенденциями.

Цель программы – профилактика деструктивного переживания одиночества у подростков с ЗПР, воспитывающихся в разных условиях.

Таблица 1

Программа профилактики деструктивного переживания одиночества у подростков с ЗПР, воспитывающихся в разных условиях

Тема блока	Тема занятия	Цели занятий
1. Ты не одинок	1. Что такое одиночество	Повышение уровня жизненного оптимизма, осознание своей уникальности и неповторимости, снижение уровня фрустрации, знакомство со способами преодоления одиночества.
	2. Я не один	
	3. Пути преодоления одиночества	
2. В мире эмоций	1. Эмоции человека	Формирование представлений об эмоциональной сфере человека, знакомство с различными способами проявления эмоциональных реакций, рефлексия собственного эмоционального состояния.
	2. Наши чувства	
	3. Мое настроение	
3. Наше общение	1. Правила общения	Знакомство со средствами общения, определение комфортной дистанции для общения, отработка невербальных средств общения.
	2. Средства общения	
	3. Учимся общаться	
4. Мой мир	1. Кто я такой	Осознание своей индивидуальности, признание уникальности и неповторимости другого человека, повышение самооценки на основе самораскрытия и самопринятия.
	2. Я глазами других	
	3. Мы взрослеем	
5. Учимся сотрудничать	1. Сплочение и доверие	Повышение коммуникативной компетентности, развитие навыков взаимодействия с другими людьми, обучение способам разрешения споров и конфликтов, развитие ответственности за свои поступки.
	2. Как избежать конфликтов	
	3. Мы – команда	
6. Мое будущее	1. Мой день	Осмысление своей жизни, развитие способности к целеполаганию, проектирование жизненных планов.
	2. Моя жизнь	
	3. Мое будущее в моих руках	

Таблица 2

Результаты диагностики подростков с ЗПР, воспитывающихся в детском доме

ФИО	Результаты первичной диагностики			Результаты контрольной диагностики		
	Самооценка (уровень развития)	Опросник одиночества (уровень одиночества)	Уровень коммуника тивных склонностей	Самооценка (уровень развития)	Опросник одиночества (уровень одиночества)	Уровень коммуни-кативных склонностей
О.А.	Низкий	Средний	Низкий	**Средний**	Средний	**Ниже среднего**
Э. А.	Средний	Средний	Низкий	Средний	**Низкий**	**Средний**
И.Щ.	Средний	Средний	Ниже Среднего	Средний	Средний	Ниже Среднего
А. Р.	Низкий	Средний	Средний	Низкий	Средний	Средний
С. С.	Высокий	Средний	Низкий	Высокий	Средний	**Средний**
В. Г.	Низкий	Средний	Низкий	**Средний**	**Низкий**	Низкий
А. Р.	Низкий	Средний	Средний	**Средний**	**Низкий**	Средний
Т.С.	Средний	Средний	Высокий	Средний	**Низкий**	Высокий
Е. П.	Средний	Средний	Низкий	Средний	Средний	**Ниже среднего**
А.А	Средний	Средний	Средний	Средний	**Низкий**	Средний
А.К.	Оч.высокий	Средний	Низкий	**Высокий**	Средний	**Средний**
Б. С	Средний	Средний	Низкий	Средний	Средний	**Ниже среднего**

Программа профилактики деструктивного переживания одиночества у подростков с ЗПР составлена на основе психологических программ и тренингов Л.Ф. Анн, К. Фоппеля, И.А. Фурманова, О.В. Хухлаевой [3; 4; 5]. Программа включает в себя 6 блоков, которые раскрывают структурные компоненты одиночества: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Основные нормативы: возрастные границы – от 11 до 16 лет; оптимальная численность группы – 10–12 человек; продолжительность занятий – 45 минут, всего 36 занятий, рассчитанных на весь учебный год с частотой проведения 1 раз в неделю (табл. 1).

На контрольно-аналитическом этапе анализировались результаты формирующего эксперимента, формулировались общие выводы.

Эффективность коррекционных занятий отслеживалась по результатам диагностики подростков с ЗПР, испытывающих одиночество, воспитывающихся в детском доме и в условиях семьи, на начало и конец учебного года (табл. 1, 2). Динамика результатов в таблицах показана полужирным прописным шрифтом.

Критериями оценки эффективности психолого-педагогической технологии были изменения уровней: одиночества (снижение уровня), самооценки (самооценка должна достигать среднего или высокого уровня) и коммуникативных склонностей (повышение уровня).

Контрольная диагностика, проведенная через один год, т.е. по истечении реализации программы, показала положительную динамику по результатам методик у подростков с ЗПР. Изменилось эмоциональное состояние с негативного на позитивное. В выборе подростков по цветовому тесту Люшера превалировали яркие цвета (желтый, синий, зеленый) в начале ряда. В целом у испытуемых отмечались активность, стремление к общению, инициативность, отзывчивость, потребность в деятельности, самоутверждении, стремление к независимости, оптимистический настрой, стремление к ярким впечатлениям.

У обеих групп подростков с ЗПР изменились показатели самооценки (она приблизилась к среднему и высоким уровням), снизился уровень одиночества и повысился уровень коммуникативных склонностей.

Так, среди воспитанников детских домов с ЗПР у 4 (33,3%) подростков изменился уровень самооценки: у троих детей она с низкого уровня перешла в средний, а у одного – наоборот, из очень высокого уровня перешла в высокий. У 5 (41,7%) подростков с ЗПР изменился уровень одиночества со среднего до низкого. Также у них на порядок возрос уровень коммуникативных склонностей. У 3 (25%) подростков с ЗПР он изменился с низкого уровня до ниже среднего, у 3 (25%) – до среднего.

Аналогичные результаты отмечаются у подростков с ЗПР, воспитывающихся в семьях. У 4 (40%) подростков изменился уровень самооценки, у 3 (30%) он возрос с низкого до среднего уровня, а у одного ребенка – до высокого уровня самооценки. У 4 (40%) подростков с ЗПР изме-

Таблица 3

Результаты диагностики подростков с ЗПР, воспитывающихся в условиях семьи

ФИО	Результаты первичной диагностики			Результаты контрольной диагностики		
	Самооценка (уровень развития)	Опросник одиночества (уровень одиночества)	Уровень коммуникативных склонностей	Самооценка (уровень развития)	Опросник одиночества (уровень одиночества)	Уровень коммуникативных склонностей
О.К.	Средний	Средний	Ниже среднего	Средний	**Низкий**	**Средний**
М. К.	Очень высокий	Средний	Средний	Очень высокий	Средний	Средний
Н. В.	Низкий	Средний	Низкий	**Средний**	**Низкий**	**Ниже среднего**
П. И.	Средний	Средний	Ниже среднего	Средний	Средний	**Средний**
Б. М.	Средний	Средний	Ниже среднего	Средний	Средний	**Средний**
Д.П.	Низкий	Высокий	Низкий	**Средний**	**Низкий**	**Ниже среднего**
Ф.О.	Очень высокий	Средний	Средний	Очень высокий	Средний	Средний
Л.Н.	Низкий	Средний	Средний	**Средний**	**Низкий**	**Высокий**
Е. А.	Низкий	Средний	Средний	**Высокий**	Средний	Средний
М.Д.	Высокий	Средний	Высокий	Высокий	Средний	Высокий

нился уровень одиночества со среднего на низкий. Изменился у них и уровень коммуникативных склонностей. У 2 подростков с ЗПР он возрос с низкого до ниже среднего уровня, у 3 (30%) с ниже среднего до среднего уровня, у 1 (10%) со среднего до высокого уровня коммуникативных склонностей.

В целом у многих подростков с ЗПР сформировалось представление о состоянии одиночества, они изменили свое отношение к данному состоянию, осознали не только отрицательные, но и положительные стороны одиночества, научились эффективно его использовать.

Произошли изменения в сфере самосознания подростков с ЗПР: их самооценка стала более адекватной, они почувствовали себя более уверенными и критичными. У большинства отмечалась эмоциональная стабильность, уравновешенность, отзывчивость. Произошли у них также изменения в сфере общения и в поведении, повысился уровень коммуникативных склонностей, развились навыки межличностного взаимодействия.

Результаты формирующего эксперимента свидетельствуют об эффективности разработанной психолого-педагогической технологии коррекции негативного влияния состояния одиночества на личностное развитие подростков с ЗПР.

Библиографический список

1. Лабиринты одиночества / Пер. с англ.; составление, общая редакция и предисловие Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с.

2. *Кон И.С.* Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности). – М.: Просвещение, 1979. – 175 с.

3. *Фопель К.* Психологические группы. – М.: Генезис, 2004. – 256 с.

4. *Фурманов И.А.* Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства. – М.: ТЕСЕЙ, 1999. – 224 с.

5. *Хухлаева О.В.* Тропинка к своему Я: Уроки психологии в средней школе (7–8 классы). – М.: Генезис, 2006. – 167 с.

6. *Шипицына Л.М.* Психология детей-сирот. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 628 с.

УДК 37.037.1

Степанова Ольга Николаевна
доктор педагогических наук
Московский педагогический государственный университет
Stepanova431@rambler.ru,
Осокина Елена Александровна
Шуйский государственный педагогический университет
Os_elena@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ФИТНЕС-ПРОГРАММ В СИСТЕМЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОК

В статье рассматриваются возможности, сдерживающие факторы и перспективы использования комплексных фитнес-программ в системе физического воспитания студенток вузов. Приводятся результаты опросов (интервьюирования и анкетирования) 57 преподавателей физической культуры и 114 студенток вузов Ивановской области.

***Ключевые слова**: студенческая молодежь, физическое воспитание, фитнес-технологии, комплексные фитнес-программы.*

Специалисты отмечают, что в настоящее время в Российской Федерации продолжают усиливаться такие негативные тенденции, как:

– возрастание темпов смертности, ухудшение состояния здоровья и ослабление физического развития молодежи;

– снижение уровня физической подготовленности учащихся;

– ухудшение морально-нравственных кондиций молодежи, процветание подростковых алкоголизма, наркомании и токсикомании;

– снижение объема двигательной активности студентов;

– низкий уровень физкультурной образованности учащихся и выпускников высшей школы;

– пассивное отношение студенчества к учебным занятиям по физической культуре [1; 2; 4].

В этой связи становится очевидной потребность в модернизации системы физического воспитания студентов, одним из перспективных направлений которой специалисты называют использование средств наиболее популярных и востребованных учащимися видов физической активности и спорта [2; 3; 5]. К числу таких видов следует отнести фитнес-программы, неуклонный рост популярности которых среди студенчества приводит к тому, что все большее число вузов России применяет фитнес-технологии в бюджете учебного и внеучебного времени учащихся. Однако, несмотря на всю свою перспективность, проблема использования фитнес-программ в системе физического воспитания студентов вузов пока не получила своего обстоятельного научно-практического анализа.

Для решения указанной проблемы нами было проведено анкетирование 114 студенток 1–2 курсов вузов Ивановской области (Ивановского государственного химико-технологического университета, Ивановской государственной сельскохозяйственной академии, Шуйского государственного педагогического университета). Целью опросов явилось выявление предпочтений учащихся в выборе фитнес-программ для учебных и секционных занятий.

Результаты анкетирования показали, что наиболее популярными являются следующие виды фитнес-программ (табл. 1): танцевальная аэробика, силовая аэробика, степ-аэробика, аквааэробика, фитбол, занятия в тренажерном зале, классическая аэробика, пилатес, фитнес-йога, каланетика, тай-бо, капоэйро, босу-тренинг, силовые упражнения с мини-штангой.

При обработке результатов анкетирования также выяснилось, что подавляющее большинство девушек выбрало не одну, а одновременно несколько фитнес-программ, высказавшись тем самым за комплексное применение средств аэробики и фитнеса (табл. 2).

Более трети респонденток (38,6%) хотели бы заниматься танцевальной аэробикой (включающей в себя восточные танцы, латину, риверданс, фанк-аэробику, хип-хоп и др.) в сочетании с силовой аэробикой и аэробикой на степ-платформах.

29,8% девушек хотели бы совместить танцевальную аэробику с упражнениями на фитболах (больших мягко пружинящих мячах, главная функция которых – разгрузить позвоночник и суставы).

© Степанова О.Н., Осокина Е.А., 2010

Таблица 1

Рейтинг популярности фитнес-программ: результаты опроса студенток вузов Ивановской области

№ п/п	Вид фитнес-программы	Кол-во ответов (n=114), %
1	Танцевальная аэробика	81,6
2	Степ-аэробика	30,7
3	Аквааэробика	28,1
4	Силовая аэробика	26,3
5	Фитбол	24,6
6	Классическая аэробика	18,4
7	Занятия в тренажерном зале	10,5
8	Фитнес-йога	7,0
9	Тай-бо	5,3
10	Пилатес	5,3
11	Каланетика	4,4
12	Капоэйро	3,5
13	Силовые упражнения с мини-штангой	1,6
14	Босу-тренинг	0,9
15	Боди-флекс	0,9

19,7% студенток высказались за оригинальное сочетание двух фитнес-программ: танцевальной аэробики, которая проводится в спортивном зале, и аквааэробики, требующей выполнения упражнений в бассейне (как в неглубокой воде, так и на глубине с использованием специального инвентаря).

10,5% студенток, принявших участие в анкетировании, выбрали танцевальную аэробику в комплексе с занятиями в тренажерном зале, подразумевающими выполнение силовых упражнений.

Классическую аэробику в сочетании с оздоровительными методиками (боди-флекс, пилатес, йога, каланетика, в основе которых лежит выполнение дыхательных и координационно несложных упражнений с акцентом на развитие силы и гибкости) предпочли 9,7% студенток.

8,8% девушек остановили свой выбор на комплексной программе «классическая аэробика + аэробика с использованием элементов техники восточных единоборств (позволяющая освоить приемы рукопашного боя и самообороны)». При этом в пользу тай-бо высказались 5,3% студенток, а 3,5% опрошенных выбрали капоэйро.

Комплексные фитнес-программы, предусматривающие сочетание средств танцевальной аэробики, босу-тренинга (занятий с использованием специальной платформы-полусферы, позволяющей тренировать баланс и координацию движений в сочетании с развитием силы мышц) и силовых упражнений с мини-штангой, заинтересовали 2,6% опрошенных.

С целью уточнения полученных данных и выявления иных комбинаций фитнес-программ нами было проведено анкетирование на том же контингенте студенток. Учащимся было предложено проранжировать по степени возрастания предпочтительности (желания заниматься именно этим видом упражнений) от 1 до 15 (1 – самая предпочтительная) все перечисленные в таблице 1 фитнес-программы. Полученные данные были сведены в единую матрицу и подвергнуты факторному анализу (использовался метод ротации референтных осей по Varimax-критерию). Результаты факторизации, включающие в себя количество, удельный вес и наполнение выделенных факторов приведены в таблице 3.

Таблица 2

Предпочтения студенток вузов Ивановской области в выборе комбинированных фитнес-программ

№ п/п	Комбинации фитнес-программ	Кол-во ответов (n=114), %
1	Танцевальная аэробика + силовая аэробика + аэробика на степ-платформах	38,6
2	Танцевальная аэробика + упражнения на фитболах	29,8
3	Танцевальная аэробика + аквааэробика	19,7
4	Танцевальная аэробика + занятия в тренажерном зале	10,5
5	Классическая аэробика + оздоровительные фитнес-программы (пилатес, йога, каланетика, боди-флекс)	9,7
6	Классическая аэробика + аэробика с использованием элементов техники восточных единоборств (тай-бо)	5,3
7	Классическая аэробика + аэробика с использованием элементов техники восточных единоборств (капоэйро)	3,5
8	Танцевальная аэробика + босу-тренинг + силовые упражнения с мини-штангой	2,6

Таблица 3

Факторная структура предпочтений студенток вузов Ивановской области в выборе комплексных фитнес-программ (n=114)

№ п/п	Наполнение фактора	Удельный вес, %
1	Тай-бо (0,787) + капоэйро (0,777) + босу-тренинг (0,542) + упражнения на тренажерах (0,473)	15,2
2	Аэробика с мини-штангой (0,795) + фитнес-йога (0,779) + силовая аэробика (0,427)	11,6
3	Каланетика (0,824) + боди-флекс (0,695)	10,7
4	Танцевальная аэробика (0,733) + классическая аэробика (0,692) + пилатес (0,552)	10,2
5	Фитбол (0,554) + аквааэробика (0,529)	9,3
6	Степ-аэробика (0,837) + упражнения на тренажерах (0,584)	9,1
Итого:		66,1

Примечание: в скобках приведены статистически значимые факторные нагрузки.

Как видно из таблицы 3, в результате факторного анализа были выделены еще 6 (в дополнение к восьми перечисленным в таблице 2) комбинаций фитнес-программ.

Первый фактор с удельным весом 15,2% может быть идентифицирован как «боевой фитнес в сочетании с силовыми упражнениями на тренажерах и упражнениями на баланс».

Вторую позицию (11,6%) занимает комплексная программа «силовая аэробика (с предметами и без предметов) в сочетании с фитнес-йогой – дыхательными и статическими упражнениями на гибкость и силу».

Удельный вес третьего компонента равен 10,7%; он обозначен как «программа занятий статическими упражнениями на силу и гибкость (каланетика) в сочетании с дыхательной гимнастикой (боди-флекс)».

Четвертый фактор, обладающий удельным весом 10,2%, интерпретирован как «аэробика (танцевальная + классическая) в сочетании с упражнениями на гибкость, силовую выносливость и дыхание (пилатес)».

Пятый компонент с факторной нагрузкой 9,3% может быть идентифицирован как «разгрузочная гимнастика на суше (фитбол) и в воде (аквааэробика)».

Шестую позицию занимает компонент с удельным весом 9,1%. Трактуем его как «сочетание силовых упражнений танцевального характера (степ-аэробика) и упражнений, выполняемых на тренажерах».

В продолжение предпринятого исследования нами было проведено интервьюирование 57 преподавателей физической культуры, работающих в вузах Ивановской области. Педагогов ознакомили с результатами изучения мнений студенток (табл. 1–3) и попросили прокомментировать полученные данные.

В пользу использования фитнес-программ в системе физического воспитания студенток высказались все 57 (100%) опрошенных.

За принципиальную возможность и перспективность применения комбинированных фитнес-программ высказались также 100% респондентов, мотивировав это тем, что комплексирование средств аэробики и фитнеса, во-первых, позволит сделать учебные и секционные занятия более разнообразными, эмоционально насыщенными и, следовательно, более востребованными учащимися и, во-вторых, будет способствовать более эффективному решению задачи гармоничного развития (как телесной, так и духовной составляющих) личности.

Оценивая данные таблиц 2 и 3, преподаватели указали, что подавляющее большинство комбинаций фитнес-программ имеет право на существование. Сомнение у педагогов вызвали лишь две сочетания: «танцевальная аэробика + аквааэробика» (87,7% ответов) и «аквааэробика + фитбол» (47,4% ответов). По мнению педагогов, выявить наиболее удачные комбинации фитнес-программ позволит серия специально организованных педагогических экспериментов; две трети (66,7%) опрошенных изъявили желание принять участие в экспериментальной работе.

В числе препятствий, которые могут возникнуть на пути использования в вузе комплексных фитнес-программ, педагоги указали:

– отсутствие семинаров и мастер-классов по обмену опытом (33,3% ответов);

– недостаточный уровень учебно-методического обеспечения занятий фитнесом: отсутствие специальной литературы и учебной программы по дисциплине «Физическая культура (на предметной основе фитнеса)» (29,8% ответов);

– недостаточную разработанность теории и методики фитнеса, в том числе отсутствие научно обоснованной и практически апробированной технологии проектирования занятий фитнесом с учащимися высшей школы (28,1% опрошенных);

– низкое качество материально-технической базы вуза, отсутствие в вузе физкультурно-спортивных сооружений, специального оборудования, инвентаря, приспособлений для тренинга, необходимых для качественной реализации комплексных фитнес-программ (26,3% преподавателей);

– отсутствие возможности формирования студенческих учебных групп по спортивным интересам (24,6% ответов);

– смешанный состав групп по половой принадлежности (юноши и девушки) (21,1% респондентов);

– излишне высокую наполняемость учебных групп (15,8% ответов);

– низкий уровень исходной подготовленности абитуриентов и студентов по физической культуре, не позволяющий преподавателям в полной мере реализовывать свои профессиональные качества (12,3% педагогов).

При этом все 100% опрошенных указали, что для них не является препятствием необходимость освоения новых фитнес-технологий, проектирования и реализации фитнес-программ комбинированного содержания.

Завершая изложение результатов исследования, приведем следующие **выводы**:

1. Занятия фитнесом приобретают в нашей стране все большую массовость и становятся одним из наиболее популярных видов двигательной активности, в том числе в среде учащейся молодежи. В этой связи все больше вузов России применяет фитнес-технологии в бюджете учебного и внеучебного времени учащихся. Однако несмотря на всю свою перспективность, проблема использования фитнес-программ в системе физического воспитания студентов до сих пор не получила своего обстоятельного научно-практического анализа.

2. Наиболее популярными среди студенток являются следующие виды фитнес-программ: танцевальная аэробика, силовая аэробика, степ-аэробика, аквааэробика, фитбол, занятия в тренажерном зале, классическая аэробика, пилатес, фитнес-йога, каланетика, тай-бо, капоэйро, силовые упражнения с мини штангой, босу-тренинг и боди-флекс.

3. Подавляющее большинство студенток высказалось в пользу занятий не одним, а одновременно несколькими видами фитнеса. Идею реализации комплексных фитнес-программ поддержали и преподаватели физического воспитания, мотивируя это тем, что комплексирование средств аэробики и фитнеса позволит сделать физкультурные занятия более разнообразными, эмоционально насыщенными, способствующими эффективному решению задачи гармоничного развития (как телесной, так и духовной составляющих) личности.

4. По мнению преподавателей, основными факторами, сдерживающими использование в вузе фитнес-программ комбинированного содержания, являются: отсутствие семинаров и мастер-классов по обмену опытом, недостаточный уровень учебно-методического обеспечения занятий фитнесом, отсутствие научно обоснованной технологии проектирования комплексных фитнес-программ, низкое качество материально-технической базы вуза, отсутствие возможности формирования студенческих учебных групп по спортивным интересам, смешанный состав групп по половой принадлежности (юноши и девушки), излишне высокая наполняемость учебных групп. В то же время педагоги заявляют о своей готовности к освоению новых фитнес-технологий, проектированию и реализации комплексных фитнес-программ.

5. К числу наиболее востребованных студентками и одобренных преподавателями фитнес-программ комбинированного содержания относятся: «танцевальная аэробика + силовая аэробика + аэробика на степ-платформах», «танцевальная аэробика + упражнения на фитболах», «танцевальная аэробика + занятия в тренажерном зале», «классическая и танцевальная аэробика + оздоровительные фитнес-программы (пилатес, йога, каланетика, боди-флекс)», «классическая аэробика + аэробика с использованием элементов техники восточных единоборств (тай-бо и капоэйро)», «танцевальная аэробика + босу-тренинг + силовые упражнения с мини-штангой», «аэробика с использованием элементов техники восточных единоборств (тай-бо и капоэйро) +

босу-тренинг + упражнения на тренажерах», «фитнес-йога + силовая аэробика (в том числе, с мини-штангой)», «каланетика + боди-флекс», «степ-аэробика + упражнения на тренажерах».

Выявление наиболее эффективных комплексных (комбинированных, поливалентных) фитнес-программ является предметом наших дальнейших научных изысканий.

Библиографический список

1. *Базилевич М.В.* Организация спортивно ориентированного физического воспитания студентов на основе избранного ими вида спорта // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2009. – №5. – С. 27.

2. *Степанова О.Н.* Современное состояние и проблемы развития физической культуры и спорта в Российской Федерации // Научные труды МПГУ. Серия: естественные науки. – М.: Прометей, 2004. – С. 449–456.

3. *Черняев В.В.* Проектирование и конструирование гуманитарно ориентированного содержания образования по физической культуре в вузе: Автореф. дис. … д-ра пед. наук. – М., 2004. – 47 с.

4. *Шинкаренко О.В.* Организация физкультурно-образовательной среды для формирования потребности в занятиях физической культурой и спортом у студентов (на примере технического вуза): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Набережные Челны, 2009. – 23 с.

5. *Якимович В.С.* Проектирование системы физического воспитания детей и молодежи в различных образовательных учреждениях: Монография. – Волгоград: ВолгГАСА, 2002. – 136 с.

УДК 159.9.07

Уварова Светлана Яковлевна
uvsvetlana@yandex.ru,
Дубовицкая Татьяна Дмитриевна
доктор психологических наук
Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Биишевой
tatdm@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ПРИНЯТИИ ЖИЗНЕННО ВАЖНЫХ РЕШЕНИЙ

В статье рассмотрена проблема принятия решений в юношеском возрасте; предложено понятие «умение принимать решения»; осуществлена психометрическая проверка методики диагностики умения принимать решения; дана характеристика взаимосвязи умения принимать решения и других особенностей личности старшеклассников; представлены результаты формирующего эксперимента по развитию у старшеклассников умения принимать решения.

Ключевые слова: *психологическая поддержка, умение принимать решение, психометрическая проверка методики.*

На современном этапе развития общества школа по-прежнему остается важнейшим фактором формирования жизненных установок и качеств личности, которые помогут вчерашнему школьнику определиться в своем жизненном пути и нести ответственность за происходящее с ним. «Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать соответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способные к сотрудничеству» [3]. И если в детском и подростковом возрасте активность и самостоятельность человека ограничены как его интеллектуальными ресурсами, так и зависимостью от взрослых, то в юношеском возрасте необходимость принятия самостоятельных решений признается не только самими юношами и девушками, но и окружающими их людьми, а также обществом в целом.

Юноши и девушки находятся на пороге вступления во взрослую самостоятельную жизнь, в ходе которой им придется постоянно принимать решения, касающиеся самых различных проблем и жизненных ситуаций. Более того, в силу уменьшения своей зависимости от взрослых, снижения контроля с их стороны, у старшеклассников значительно расширяется поле свободных действий, в пределах которого они не видят необходимости советоваться с окружающими, и сами принимают решения по совершению тех или иных действий и поступков, в которых они впоследствии могут раскаиваться. Как

© Уварова С.Я., Дубовицкая Т.Д., 2010

отмечает Г.М. Андреева, юность – «это период наиболее интенсивного принятия жизненно важных решений. При этом принципиальное значение имеет исследование того, насколько такой институт социализации, как школа, обеспечивает, облегчает или обучает принятию таких решений» [1].

Следует отметить, что принимаемые юношами и девушками решения касаются одних из самых значимых сторон жизни человека: выбора профессии, партнера по браку, системы ценностей и др. Принятие подобных решений требует хорошего понимания самого себя, других людей, знания механизмов поведения и деятельности, владения навыками интеллектуальной, эмоциональной и волевой саморегуляции.

И хотя к пятнадцати годам у человека формируются основы гипотетико-дедуктивного мышления, способность к абстрагированию, формулировке и перебору альтернативных гипотез, интеллектуальная рефлексия, то есть юноши и девушки обладают необходимым интеллектуальным потенциалом, который может помочь им принять оптимальное решение, это лишь некоторая часть из необходимых предпосылок.

Принятие решения, согласно определениям, это «волевой акт формирования последовательности действий, ведущих к достижению цели на основе преобразования исходной информации в ситуации неопределенности» [4, с. 292]; «процесс выбора способа действий, направленных на решение проблемы» [5, с. 372]. Помимо собственно интеллектуальных и волевых процессов в принятии решения особую роль играет жизненный опыт, который обеспечивает подбор альтернатив, а также знание и учет вариантов развития событий. Принятие решений нередко основывается на переживаемых человеком эмоциях; после того как эмоции остынут, человек может раскаяться в своих действиях.

В этой связи возникает явное противоречие, выражающееся в том, что с одной стороны, взрослые понимают, что они не могут в полной мере контролировать своих подросших детей и брать на себя полную ответственность за все, что происходит с ними, а с другой – юноши и девушки не имеют еще достаточного жизненного опыта, а также не владеют технологиями принятия решений, чтобы в полной мере осознавать последствия своих действий и поступков и самим нести за них ответственность.

Разрешение данного противоречия возможно, на наш взгляд, если в процессе психоразвивающей работы со старшеклассниками они будут целенаправленно овладевать разнообразными приемами и способами принятия решений, что позволит им уже на этапе обучения в школе определиться в своих интересах, предпочтениях, желаниях, а также в стратегиях и тактиках их достижения, а в будущем избежать ошибок, разочарований и раскаяния. К тому же овладение умением принимать решения позволит, на наш взгляд, юношам и девушкам стать более решительными, настойчивыми, ответственными, самостоятельными, целеустремленными.

Определенную роль в решении данной проблемы может оказать психологическая служба школы. Старшеклассники меньше всего нуждаются в конкретных советах, поучениях и наставлениях со стороны взрослых. И в то же время, отвечая на наш вопрос «какая помощь взрослых тебе необходима?», 89,5% юношей и 90,2% девушек одной из школ г. Стерлитамака отметили, что они нуждаются в моральной поддержке – теплоте, любви, заботе, внимании, понимании. Данное обстоятельство, возможно, связано с тем, что юноши и девушки не имеют еще четких ориентиров для принятия решения, переживают сомнения, хотят лучше разобраться в происходящем. Они осознают, что нуждаются в помощи взрослых, но готовы ее принять только в форме психологической поддержки, позволяющей старшеклассникам поделиться своими чувствами и мыслями, не быть отвергнутыми, самим определиться в происходящем. Навязывание же взрослыми конкретных советов и действий, которые не осмыслены и не приняты старшеклассниками, как правило, оказывается малоэффективным.

В этой связи перед психологической службой школы встает задача целенаправленного развития у старшеклассников умения принимать решения. При этом, *умение принимать решение* – мы рассматриваем как интеллектуально-волевой акт, обеспечивающий выбор альтернативы и определение последовательности действий, необходимых для эффективного решения проблемы.

На основе шкалы «Принятие решений» теста А.П. Чернявской «Профессиональная готовность» [5] нами разработана методика диагностики умений принимать решения, прошедшая соответствующую психометрическую проверку. Методика включает 16 вопросов, по отношению к которым испытуемые должны были выразить свое согласие или несогласие [2].

В качестве испытуемых выступили юноши и девушки в возрасте от 17 до 20 лет (старшеклассники и студенты различных учебных заведений города Стерлитамака). Всего – 106 человек. Из них 60 девушек и 46 юношей.

Проверка надежности производилась с использованием метода «расщепления» и последующего вычисления соответствующих коэффициентов. Для определения надежности и точности по обеим шкалам использовалась формула Рюлона; для вычисления коэффициентов надежности-согласованности – формула Спирмена-Брауна и формула Кронбаха. В результате произведенных вычислений все полученные показатели находились в пределах 0,8–0,9.

Проверка по критерию конструктной валидности заключалась в вычислении коэффициентов корреляции суммарного результата, полученного по данной методике, с показателями теста смысложизненных ориентаций (Д.А Леонтьев), теста жизнестойкости (Д.А Леонтьев); 16-факторного личностного опросника (Кеттелл).

Проведенное исследование показало, что умение принимать решения имеет высокую положительную связь с показателями по следующим шкалам: жизнестойкость ($r=0,493$; $p<0,01$), контроль ($r=0,569$; $p<0,01$), вовлеченность ($r=0,478$; $p<0,01$), цель жизни ($r=0,396$; $p<0,01$), процесс жизни ($r=0,307$; $p<0,05$), результат жизни ($r=0,315$; $p<0,05$), локус контроля Я ($r=0,309$; $p<0,05$), локус контроля Жизнь ($r=0,310$; $p<0,05$). То есть чем лучше у молодых людей развито умение принимать решения, тем они более целеустремленны, вовлечены в процесс достижения цели, способны достигать желаемого результата, контролировать происходящее, более жизнестойки в ситуациях, связанных с преодолением жизненных трудностей.

Особый интерес представляет корреляция умения принимать решения с чертами личности испытуемых. Установлено, что у юношей умение принимать решения положительно коррелирует с результатами по следующим шкалам: С «эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность» ($r=0,678$; $p<0,01$), А «замкнутость – общительность» ($r=0,482$; $p<0,01$), Е «подчиненность – доминантность» ($r=0,485$; $p<0,01$). То есть юноши с высоким уровнем развития умения принимать решения более общительные, более эмоционально стабильные и склонны к доминированию.

У девушек выявлена положительная связь с результатами по шкалам: MD «адекватность самооценки» ($r=0,433$; $p<0,05$), А «замкнутость – общительность» ($r=0,593$; $p<0,01$), G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» ($r=0,386$; $p<0,05$). Девушки с более высокими показателями умения принимать решения, также как и юноши, более общительны, в то же время, в силу своей гендерной специфики, они более ориентированы на нормативность поведения, имеют более высокую самооценку.

Отрицательные корреляции умения принимать решения выявлены со следующими чертами личности юношей и девушек: L «доверчивость – подозрительность» ($r=-0,324$; $p<0,05$), Q4 «расслабленность – напряженность» ($r=-0,308$; $p<0,05$). То есть чем выше у испытуемых уровень развития умения принимать решение, тем менее они подозрительные и напряженные.

Полученные результаты свидетельствуют о соответствии умения принимать решения его поведенческим и личностным проявлениям, выявленным с помощью других методик, что свидетельствует о конструктной валидности предложенной методики и ее психодиагностических возможностях.

Также нами была поставлена задача развития умения принимать решения у старшеклассников, которая осуществлялась в ходе проведения специальных тренинговых занятий. Формирующий эксперимент проходил на базе муниципальной бюджетной общеобразовательной школы №30 г. Стерлитамака Республики Башкортостан. В эксперименте приняли участие учащиеся 10–11-х классов в количестве 85 человек (50 девушек и 35 юношей). На констатирующем и контрольном этапах эксперимента помимо диагностики умения принимать решения использовались: методика «Цель-Средство-Результат» (А.А. Карманов); тест «Самооценка волевых качеств» (Н.Е. Стамбулова); тест «Самоотношение» (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев); тест смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев); тест жизнестойкости (Д.А. Леонтьев).

На тренинговых занятиях в качестве реальных проблем, по поводу которых старшеклассники принимали решения, выступили, в частности, следующие:

– куда поступать учиться?;

– отказ родителей отпускать детей в ночные клубы;

– недоверие со стороны родителей;

– отношения с противоположным полом;

Таблица 1

Динамика показателей умения принимать решения и индивидуальных особенностей (девушки)

№	Наименование шкал	Констатирующий эксперимент	Контрольный эксперимент	Значимость различий
1	Умение принимать решение	8,60	14,6	t< 0,01
2	Цель	25,9	31	t <0,05
3	Процесс	25,4	32,3	t< 0,05
4	Результат	22,4	24,75	t< 0,01
5.	Целеустремленность	22,85	26,15	t <0,05
6.	Решительность	20,35	23,45	t< 0,05
7	Настойчивость	20,75	25,20	t< 0,01
8	Самостоятельность	17,9	23,25	t< 0,01
9	Выдержка	20,45	23,35	–
10	Индекс жизненной удовлетворенности	19,7	25	t <0,01
11	СЖО	88,1	99,4	t <0,05
12	Интерес к жизни	4	5,45	t <0,05
13	Локус контроля Я	19,4	20,95	t< 0,01
14	Локус контроля – Жизнь	25,95	29,35	t< 0,05
15	Шкала самоотношения	15,65	16,6	–
16	Шкала самоуважения	4,75	5,55	t< 0,05
17	Шкала самопринятия	5,2	5,35	–
18	Шкала самопоследовательности	3,85	4,75	t< 0,01
19	Шкала самопонимания	2,05	2,7	t< 0,01
20	Шкала любознательности	6,65	6,85	–
21	Вера в себя	7,65	7,7	–
22	Постоянство	4,3	4,4	–
23	Вовлеченность	2705	30,65	–
24	Контроль	23,45	25,3	–
25	Принятие риска	10,75	13,85	t<0,05

– плохие взаимоотношения с друзьями.

В процессе занятий старшеклассники также осваивали различные техники и процедуры принятия решения, в качестве которых, в частности, выступили: 1) рациональный способ принятия решений; 2) метод «За» и «Против»; 3) метод «Декартовых координат»; 3) метод «Картография конфликта»; 4) психотехника «Мечтатель. Скептик. Реалист»; 5) психотехника «хорошо сформулированного результата»; 6) групповые методы принятия решений (мозговой штурм, дискуссия, метод номинальных групп) и др.

Помимо заданий, направленных на решение вышеназванных проблем с помощью различных техник и процедур, тренинговые занятия включали упражнения на развитие целеполагания, планирования, анализа, рефлексии, самооценки собственной деятельности; задания на развитие способности самостоятельно искать, анализировать, отбирать, обрабатывать необходимую информацию. В ходе занятий проводилась работа на развитие навыков взаимодействия с окружающими людьми, умений работать в группе; на освоение способов эмоциональной саморегуляции и самоподдержки; на развитие личностных качеств – целеустремленности, решительности, самостоятельности, упорства, настойчивости, уверенности в себе.

Для последующей статистической обработки результатов исследования был использован t-критерий Стьюдента.

Динамика показателей умения принимать решения и индивидуальных особенностей личности юношей и девушек до прохождения тренинговых занятий и после них представлена в таблицах 1 и 2.

Как следует из таблицы 1, после прохождения тренинговых занятий у девушек выявились статистически значимые различия в следующих показателях: умение принимать решение (t<0,01), результат (t<0,01), настойчивость (t<0,01), самостоятельность (t<0,01), индекс жизненной удовлетворенности (t<0,01), локус контроля Я (t<0,01), шкала самопоследовательности (t<0,01), самопонимания (t<0,01), цель (t<0,05), процесс (t<0,05), целеустремленность (t<0,05), решительность (t<0,05), смысложизненные ориентации (СЖО) (t<0,05), локус контроля – Жизнь (t<0,05), шкала

Таблица 2

Динамика показателей умения принимать решения и индивидуальных особенностей (юноши)

№	Наименование шкал	Констатирующий эксперимент	Контрольный эксперимент	Значимость различий
1	Умение принимать решение	8,30	14,90	t <0,01
2	Цель	26,44	33,50	t< 0,05
3	Процесс	28,22	35,88	t< 0,05
4	Результат	24,88	27,50	t< 0,01
5	Целеустремленность	32,38	27,22	t< 0,01
6	Решительность	20,5	24,83	t< 0,05
7	Настойчивость	23,33	27,72	t< 0,05
8	Самостоятельность	22,27	23,72	–
9	Выдержка	21,33	23,72	t< 0,05
10	Индекс жизненной удовлетворенности	26,38	27,22	–
11	СЖО	96,27	106,05	t< 0,01
12	Интерес к жизни	6,94	7	–
13	Локус контроля Я	21,55	23,27	t< 0,01
14	Локус контроля – Жизнь	28,83	32,61	t<0,05
15	Шкала самоотношения	17,38	18,44	–
16	Шкала самоуважения	4,55	5,72	t < 0,05
17	Шкала самопринятия	4,83	5,72	t < 0,05
18	Шкала самопоследовательности	4,05	4,10	–
19	Шкала самопонимания	2,94	3,10	–
20	Шкала любознательности	6,72	8,05	t < 0,01
21	Вера в себя	7,88	9,22	t <0,01
22	Постоянство	4,16	5,16	t< 0,01
23	Вовлеченность	32,50	37,38	t <0,05
24	Контроль	23,80	67,60	t< 0,05
25	Принятие риска	13	16,05	t < 0,05

самоуважения (t<0,05), принятие риска (t <0,05).

У юношей выявлены различия по следующим шкалам: умение принимать решение (t<0,01), результат (t<0,01), целеустремленность (t<0,01), смысложизненные ориентации (СЖО) (t< 0,01), локус контроля Я (t<0,01), шкала любознательности (t<0,05), вера в себя (t<0,01), постоянство (t<0,01), цель (t<0,05), процесс (t<0,05), решительность (t<0,05), настойчивость (t<0,05), выдержка (t<0,05), локус контроля – Жизнь (t<0,05), самоуважение (t<0,05), самопринятие (t<0,05), вовлеченность (t<0,05), контроль (t<0,05), принятие риска (t<0,05).

Таким образом, после прохождения специально разработанных тренинговых занятий у старшеклассников произошло не только развитие умений принимать решения, но и развитие таких качеств личности, как целеустремленность, настойчивость, самостоятельность, упорство, решительность, выдержка, самопринятие, самоуважение, самоотношение, индекс жизненной удовлетворенности, локус контроля Я, локус контроля – Жизнь. Результаты проведенного исследования свидетельствуют об эффективности предложенной тренинговой программы и ее значении для конструктивного развития личности старшеклассников и оптимизации их жизнедеятельности.

Библиографический список

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. – М.: Наука, 1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/andrg01/txt16.htm

2. *Дубовицкая Т.Д., Уварова С.Я.* Психология принятия жизненно важных решений: Учебно-методические материалы по курсу психологии. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Биишевой, 2009. – 115 с.

3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. (Приложение к приказу Минобразования России от 11.02.2002 №393). Глава 1.2. Новые требования к системе российского образования.

4. Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

5. *Шермерорн Дж., Хант Дж., Осборн Р.* Организационное поведение. – СПб.: Питер, 2004. – 598 с.

6. *Чернявская А.П.* Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. – М.: Владос-Пресс, 2001. – 96 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 378

Алексеева Марина Андреевна
кандидат педагогических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ХУДОЖНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА И ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ КАРТИНЫ

Знание законов линейной перспективы и их осмысленное использование в решении творческих задач в учебном процессе может помочь будущим педагогам-художникам наиболее эффективно решать композиционные задачи собственного художественного произведения.

Ключевые слова: *педагог-художник, творческое мышление, линейная перспектива, перспективный анализ, композиция, графическая реконструкция картины.*

Для изобразительной деятельности одной из необходимых, требующих осмысленного, осознанного и творческого изучения является линейная перспектива, ее теория и практика. Изображение окружающего нас мира на основе законов теории построения пространственных форм на плоскости является характеристикой грамотно созданного картинного пространства. Эта теория есть содержание перспективы – науки о построении изображений при помощи центральных проекций. Из всех видов перспектив на практике, в работе изобразительного характера, студентами специальности «Изобразительное искусство» более всего применяемы воздушная и линейная перспектива. С воздушной перспективой студенты знакомятся на занятиях по рисунку, живописи, в период прохождения пленэра, ее проявление очевидно и не требует особого изучения. Общие положения линейной перспективы, ее законы и правила построения изображений также изучаются в теоретическом плане, различные приемы и способы их построения закрепляются на практике.

В организации занятий по перспективе, направленных на развитие творческого мышления, мы руководствуемся тем, что в современной психолого-педагогической науке принято считать: творчество в образовании может выражаться не только в создании принципиально нового, не существовавшего ранее, но и в открытии относительно нового (для данной области, данного времени, в данном месте, для самого объекта). Поэтому для нас продукт творческой деятельности в обучении имеет значение в той мере, в какой процесс его создания являлся наиболее эффективно стимулирующим и развивающим творческий потенциал студентов. Овладению практическими умениями и навыками изобразительной деятельности способствует решение учебных задач. Для будущей успешной художественной, творческой деятельности нам представляется возможным введение в профессиональную подготовку студентов системы задач, требующих творческого решения. В качестве средства активизации познавательной деятельности в курсе линейной перспективы мы предложили студентам художественно-графического факультета задания на анализ и реконструкцию картин, созданных известными мастерами.

Творчество студента в процессе перспективного анализа картины нами рассматривалось как индивидуально-особенная деятельность, в результате которой возникают поиск, планирование творческого поведения, оценка новой информации, выбор объектов исследования, прогнозирование развития гипотез и творческих замыслов композиционного решения, анализ изображений, открытие для себя последовательности работы художника, использовавшего законы перспективы.

Творческая работа художника-живописца над этюдами, эскизами и над самой картиной обязательно требует проверки перспективного построения пространства. Такая проверка не является коренной перестройкой композиционного замысла автора картины, она просто помогает точнее установить взаимоотношения художника как

 © Алексеева М.А., 2010

очевидца изображаемого на картине с самим изображением, даже если изображаемое является его вымыслом.

Перспективный анализ картины предполагает установление в картине основных ее элементов: линии горизонта, главной точки картины Р и других точек схода, величины главного расстояния картины, т.е. фактически определяется взаимное положение точки зрения, картины, предметной плоскости и объектов, изображенных в картине. Таким образом, при перспективном анализе картины выясняется, прежде всего, композиционное решение художественного произведения.

Линией горизонта в картине является изображение бесконечно удаленной линии пересечения всех плоскостей, проведенных параллельно предметной плоскости. Ее положение и высота очень важны для осуществления творческого замысла. Так, в пейзаже для изображения глубины земных просторов положение линии горизонта, как правило, берут выше средней линии картины. А для изображения большого пространства неба линию горизонта располагают ниже средней линии.

Выбор точки зрения включает три взаимосвязанных элемента: положение главного луча зрения, то есть луча, находящегося перпендикулярно к картине, расстояние точки зрения (расстояние от художника до картины), угол зрения и расположение линии горизонта. При изменении одного из них обязательно корректируются два других. При этом проводится анализ картины.

Весьма важным фактором, обеспечивающим художественную правдивость натуры, является изображение только того, что попадает в поле ясного зрения, что можно увидеть, не поворачивая головы и не меняя точки зрения. Для этого нужно находиться от картины на расстоянии двух наибольших видимых размеров картины, а это соответствует двум ее диагоналям, в которых изображена эта часть пространства. При выборе зрительного расстояния соблюдаются следующие правила: если линия горизонта проходит посередине картины, а главная точка Р совпадает с геометрическим центром картины, минимальное зрительное расстояние должно быть равно диагонали картины. Если линия горизонта проходит выше или ниже середины картины, минимальное зрительное расстояние равно диаметру такого круга, радиус которого равен расстоянию от точки Р до наиболее удаленной точки угла картины.

На практике художник в каждом конкретном случае главное расстояние до картины выбирает исходя из своего творческого замысла. Например, если действие происходит в тесном интерьере и художник желает зрителя приблизить к героям картины, сделать как бы участником события, главное расстояние до картины выбирают меньше ее диагонали. В том случае если действие картины развертывается в тесном интерьере и главное расстояние превышает одну диагональ картины, создается впечатление того, что действие подсмотрено извне. Такое изображение кажется надуманным, неубедительным для зрителя.

Эти особенности перспективных изображений, а также приемы и правила проведения перспективного анализа и реконструкции картины студентами были изучены на лекциях и практических занятиях по перспективе.

Точный перспективный анализ возможен при наличии в картине изображений геометрических элементов, входящих в состав предметов (квадратов, прямоугольников с известным соотношением сторон, окружностей, параллельных прямых, прямых углов в определенных сочетаниях), и если есть уверенность в точности построения перспектив этих элементов.

Студентам предлагалось найти работы и выполнить анализ и частичную реконструкцию таких картин, которые содержат следующие перспективы: горизонтального квадрата со сторонами, перпендикулярными картине; окружности на вертикальной стене интерьера или фасада здания; горизнтального прямоугольника с двумя сторонами, параллельными картине, и горизонтального прямого угла, стороны которого не параллельны картине; горизонтального квадрата, стороны которого не параллельны картине, содержащей перспективы двух горизонтальных фигур: прямоугольника и прямого угла, стороны которого не параллельны сторонам прямоугольника. Студентам было предложено сначала проанализировать несколько случаев картин, а их реконструкцию осуществить позже, лишь для одного из этих случаев.

Реконструкцией картины называется построение комплексного ортогонального чертежа по перспективе. Реконструкция картины, как правило, является продолжением перспективного анализа, и если перспективный анализ проведен, то реконструкцию картины всегда можно провести однозначно, если перспектива в ней – изображение полное. С помощью перспективного анализа

и последующего построения ортогонального чертежа (реконструкции) можно, например, по старой фотографии определить точные пропорции объекта, если в изображении хотя бы один размер нам точно известен.

Иногда можно построить не только ортогональные проекции объекта, но и определить масштаб этого чертежа. Это – «реконструкция полная» или метрическая. Для проведения метрической реконструкции, кроме данных о геометрической форме объекта, нужно знать ещё и хотя бы один какой-то линейный размер. Таким размером может быть, например, рост человека, сфотографированного возле объекта, или высота стандартного стола в жилом интерьере и т.д.

Предложенные студентам задачи были основаны непосредственно на анализе иллюстративного материала по работам известных художников. Для того чтобы решать такие задания, было необходимо: изучить графические приемы, позволяющие проводить перспективный анализ и реконструкцию картины; найти необходимый иллюстративный материал с учетом компонентов картины, позволяющих провести ее перспективный анализ; определить оптимальные приемы и способы анализа картины и выполнить его.

Такие задачи требовали от студентов поиска дополнительной и специальной литературы, ее анализа, обобщения, вычленения наиболее рационального для проведения перспективного анализа материала. При решении заданий было отмечено, что данный подход активизировал работу, тем более что студентам разрешалось выбрать несколько иллюстраций, отвечающих их интересам. Работы художников, которые были подобраны для анализа и реконструкции, были интересны и разнообразны по содержанию. Последовательное решение всех этапов задач, обусловливало нахождение наиболее оптимальных способов применения перспективного анализа картины и способствовало развитию у студентов таких творческих качеств, как воображение, интеллектуальная гибкость, вариативность, творческое мышление.

Самостоятельная работа по перспективному анализу картин известных художников позволяет студентам глубже осознать художественный замысел картины и те способы, которыми добиваются его выразительности. Студенты для себя, в этом случае, открывают заново творчество того или иного художника, осмысливают его путь реализации идеи.

Знание законов и правил линейной перспективы помогает студентам наиболее выразительно раскрыть содержание собственных художественных работ. Сложно создать композицию, передающую на картине объемно-пространственную среду, в соответствии с замыслом. Учитывая композиционную идею, студент должен уметь разместить на плоскости листа предметы, объекты в различных ракурсах и на разном уровне по отношению к линии горизонта. Решение задач на анализ художественных произведений позволил студентам осознанно осуществлять построение перспективных изображений в собственном творчестве, выбирать определенную форму и размер картины, положение линии горизонта, главную точку зрения и зрительное расстояние.

Умелое создание условий для развития художественно-творческих способностей дает возможность многостороннего развития творческого потенциала студентов, их созидательных возможностей, способствует повышению уровня качества подготовки специалиста.

УДК 37.013.77

Корчагина Наталия Викторовна
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
knv-piano@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ПЕДАГОГА-МУЗЫКАНТА КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТА В ВУЗЕ (акмеологический подход)

Автор статьи обращает внимание на недостаточное внимание исследователей к разработке акмеологических методик, систематическое применение которых могло бы способствовать формированию профессионализма в ходе обучения будущего педагога-музыканта в вузе. В связи с этим предлагается собственная программа формирования профессионализма педагога-музыканта, основанная на акмеологической концепции развития профессионала, и описание результатов её применения в практической работе вуза.

Ключевые слова: *профессионализм, профессионал, акмеология, педагогика, музыкальное исполнительство, высшее образование.*

Изучение профессионализма в различных областях знания представляет собой сегодня насущную необходимость, так как общество испытывает острую нехватку профессионалов высокого уровня. Только высокопрофессиональные специалисты могут обеспечить необходимые результаты во всех отраслях деятельности человека, усложняющихся с течением времени. Проблема подготовки профессионалов является основной для активно развивающейся в последние годы науки – акмеологии. Она поставила своей целью поиск условий и путей достижения вершин в профессиональной деятельности специалиста любой квалификации. Все современные определения профессионализма, данные с точки зрения акмеологического знания, объединяет акцент на высоком уровне достижений в избранной основной деятельности, на творческую составляющую в профессии и необходимость соответствия всех качеств профессионала её требованиям.

Акмеологический подход к изучению профессионализма (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, В.А. Сластёнин) позволяет определить пути достижения акме в профессии, предполагает выявление условий мобилизации у человека установки на наивысшие достижения, на наиболее полную самореализацию его личности. Основным содержанием акмеологического подхода является выявление акмеологических условий развития и саморазвития личностных и профессиональных качеств субъекта с целью формирования его профессионализма.

Для сферы искусства проблема профессионализма так же актуальна, как и для остальных направлений жизни общества. Педагог-музыкант хранит и передаёт с помощью музыкальных образов важнейшую часть духовной культуры общества, и от того, насколько профессиональным окажется его исполнительский и педагогический уровень, будет зависеть представление слушателей и учеников о музыкальном искусстве в целом. Поэтому формирование профессионализма будущего педагога-музыканта – основная задача его подготовки в вузе.

Несмотря на существующие сегодня акмеологические исследования профессионализма (И.Д. Багаева, Л.К. Гребёнкина, О.Г. Красношлыкова, С.Н. Толстов, В.В. Московский), изучению высоких достижений в музыкально-исполнительской и музыкально-педагогической деятельности уделяется недостаточно внимания. Это может объясняться тем, что исполнительские виды искусства представляют существенную трудность для акмеологического исследования: нет возможности объективно изучать исполнительское искусство музыкантов, живших до появления звукозаписи; критерии оценки художественного и технического мастерства музыканта меняются со временем.

Педагогами-музыкантами прошлых лет (В.Ю. Григорьев, Г.М. Коган, Л. Маккиннон, Г.Г. Нейгауз, С.И. Савшинский, А.П. Щапов и др.) достаточно активно обсуждались проблемы профессионального уровня музыканта и пути преодоления препятствий к достижению вершин в его исполнительской и педагогической деятельности. Достижения акмеологической науки позволяют расширить круг изучаемых тем.

Так, современные исследования учёных-музыкантов направлены на изучение формирова-

© Корчагина Н.В., 2010

ния акмеологической направленности личности будущего учителя музыки (Г.В. Рёва), акмеологических аспектов в развитии музыкальных способностей (А.Г. Данилова), развитие креативности средствами акмеологии (Н.Ф. Вишнякова). Но все они обходят вниманием проблему определения параметров профессионализма в музыкально-педагогической деятельности. Также не находит практического применения и теоретически декларируемая необходимость создания таких акмеологических методик, систематическое применение которых способствовало бы формированию профессионализма в ходе обучения будущего педагога-музыканта в вузе.

Основываясь на акмеологическом подходе к - изучению профессионализма, мы смогли определить структуру профессионализма педагога-музыканта, дать характеристику понятию «профессионализм педагога-музыканта», а также составить программу формирования профессионализма педагога-музыканта в процессе его обучения в вузе. Данные направления исследования осуществлялись с опорой на *акмеологическую концепцию развития профессионала* (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Е.Н. Богданов, А.С. Гусева, А.В. Кириченко, А.С. Огнев и др.), особенностью которой является рассмотрение профессионального развития не только как совершенствования навыков и умений, но и как роста личностно-профессиональных качеств. А.А. Деркач рассматривает концепцию с системных позиций, связывая её с развитием следующих подсистем: профессионализм деятельности, профессионализм личности, нормативность деятельности и поведения, формирование продуктивной Я-концепции [3, с. 15–21].

В нашем исследовании данная концепция была принята за основу, однако в неё были внесены некоторые коррективы. Так, мы считаем необходимым отметить, что, с точки зрения принятого в акмеологии комплексного подхода к изучению человека (Б.Г. Ананьев), приведённая концепция остаётся неполной, так как не принимает во внимание параметры, называемые им «индивидные характеристики профессионала». Подчеркнём, что под индивидом понимается совокупность физических свойств человека, человека в его природном, биологическом качестве. К индивидным характеристикам относятся: пол, возраст, уровень здоровья, активность (объём взаимодействий с окружающим миром, инициативность, готовность к действию), типологические свойства нервной системы (темперамент, эмоци-

Рис. 1. Структура профессионализма педагога-музыканта

Рис. 2. Формирование профессионализма педагога-музыканта

ональность). Это показатели как генетически заданные, так и формирующиеся в течение жизни под влиянием наследственности и окружающей среды в результате активной жизнедеятельности. Именно таким образом трактуется понятие индивида в акмеологии, и мы, в рамках избранного акмеологического подхода, также будем придерживаться данной точки зрения.

Приведённые показатели, по нашему мнению, должны быть включены в концепцию, так как являются значимыми для формирования профессионализма педагога-музыканта. Кроме включения индивидных характеристик, мы посчитали возможным объединить «Формирование продуктивной Я-концепции» и «Нормативность деятельности и поведения», трансформировав их в «характеристики профессионально-нравственной культуры педагога-музыканта». Данная формулировка более точно, на наш взгляд, отражает профессионально-нравственную составляющую деятельности педагога-музыканта. Акмеологическая концепция развития профессионала (с указанными коррективами) послужила нам основой для создания структуры профессионализма педагога-музыканта (рис. 1). Наивысшие проявления (акме-уровень) элементов данной структуры наиболее полно отражают содержание понятия «профессионализм педагога-музыканта». Отметим, что показатели «пол» и «возраст» не относятся к оцениваемым, они имеют исключительно констатирующую функцию.

Исходя из представленной выше структуры, а также основываясь на акмеологическом подходе к изучению профессионализма, мы предлагаем собственное определение профессионализма педагога-музыканта. Итак, **профессионализм педагога-музыканта** – это сложная и многоуровневая структура, сочетающая высокоразвитые индивидные, личностные, профессиональные и культурно-нравственные характеристики, позволяющие творчески и на высоком уровне осуществлять свою профессиональную музыкально-педагогическую деятельность. Точное определение понятия «профессионализм» в сфере музыкальной педагогики позволит каждому музыканту и его педагогу-наставнику верно выстраивать стратегию достижения вершин в своей профессии.

Исходя из представленной выше структуры профессионализма педагога-музыканта и его определения, **формирование профессионализма педагога-музыканта** в процессе его подготовки в вузе мы представляем как поэтапное, акме-направленное и основанное на опыте регулярной творческой деятельности становление и совершенствование индивидных, личностных, профессиональных и культурно-нравственных характеристик как основных элементов профессии и личности педагога-музыканта. Оно должно, на наш взгляд, происходить по схеме, приведенной в таблице 2.

Программа формирования профессионализма педагога-музыканта в нашей практической экспериментальной деятельности осуществлялась на факультете искусств и художественного образования Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского в течение 2004–2009 гг. по следующим направлениям:

1. Личностно-профессиональная диагностика, определяющая наличное состояние уровня профессионализма педагога-музыканта (работа с тестами, опросы, интервью).

2. Разработка программ формирования профессионализма педагога-музыканта (разработка теоретического спецкурса и практической программы формирования профессионализма).

3. Внедрение авторского спецкурса по вопросам исполнительства и акмеологических знаний и практической программы формирования профессионализма.

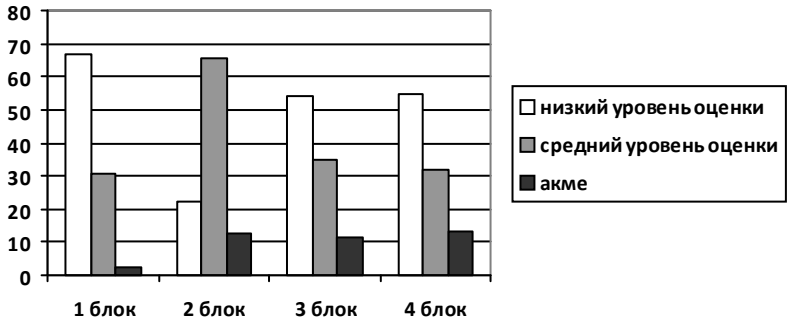

Рис. 3. Результаты диагностики до начала эксперимента

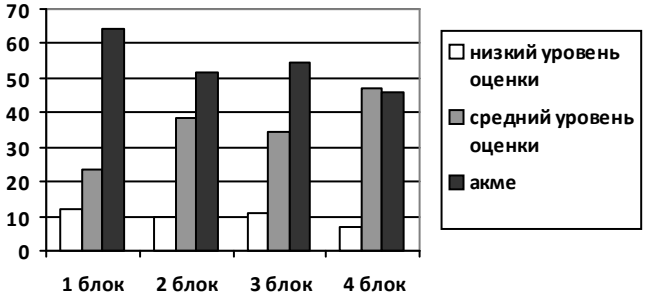

Рис. 4. Результаты работы после завершения эксперимента.

Все приведённые в ходе практического внедрения методы и формы работы обеспечивали накопление теоретических знаний об акмеологических формах и способах формирования профессионализма педагога-музыканта; обретение психологической устойчивости к сценическому волнению; обогащение исполнительских и получение педагогических навыков. Одновременно происходило применение теоретических и практических знаний в системе регулярных конкурсных выступлений. В ходе проведения педагогической практики у студентов осуществлялось накопление профессиональных педагогических навыков работы в качестве преподавателя специального инструмента.

По завершении исследования нами были вновь проанализированы документы, проведены опросы, интервью, тестирование, по результатам которых были сделаны выводы об эффективности работы. Представим динамику формирования профессионализма педагога-музыканта в виде диаграмм (рис. 3 и 4):

Сравнение результатов диагностики участников до и после эксперимента позволяет сделать вывод о достижении большинством из них уровня профессионализма и, следовательно, об успешности внедрения предложенной нами программы формирования профессионализма педагога-музыканта в процессе его подготовки в вузе.

Библиографический список

1. *Бодалёв А.А.* Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения – М.: Флинта: Наука, 1998 – 168 с.

2. *Вицинский А.В.* Процесс работы пианиста-исполнителя над музыкальным произведением. Психологический анализ. – М.: Классика – XXI, 2004. – 100 с.

3. *Деркач А.А.* Акмеологическая концепция развития конкурентноспособности специалиста // Акмеология. – 2007. – №3. – С. 15–21.

4. *Деркач А.А.* Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. – М., 2000 – 392 с.

5. *Кузьмина Н.В.* Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. – М.: Высшая школа, 1989. – 89 с.

6. *Смирнов С.Д.* Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. – М.: Академия, 2003. – 304 с.

УДК 159.98:[347.95:316.62]

Реутова Наталья Владимировна
reutova-nv@mail.ru,
Никишина Вера Борисовна
Курский государственный медицинский университет
VBNikishina@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ И СТРУКТУРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В КОНТЕКСТЕ ВНУТРИПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Система структуры профессиональной идентичности включает в себя внутреннюю и внешнюю составляющие, находящиеся во взаимосвязи. Внешняя составляющая охватывает освоение социального пространства профессии, в спектре которого особенности социальной перцепции субъектов деятельности занимают приоритетные позиции. Особенности социальной перцепции определяют макросоциальный уровень взаимосвязей со структурой профессиональной идентичности судебных приставов в контексте внутрипрофессиональной дифференциации.

Ключевые слова: *социальная перцепция, профессиональная идентичность, структура профессиональной идентичности, судебные приставы, внутрипрофессиональная дифференциация.*

В настоящее время проблема воздействия профессиональной деятельности на человека, его жизнедеятельность, физическую и психическую активность, особенности восприятия в контексте профессиональной идентичности приобретают особую важность.

Современное состояние системы государственного управления свидетельствует о необходимости изучения судебных приставов (СП) как особой социальной группы, обладающей специфическими социально-психологическими особенностями профессиональной идентичности, одной из которой выступает социальная перцепция.

В качестве концептуального основания исследования структуры профессиональной идентичности мы опирались на теорию профессиональной идентичности Е.П. Ермолаевой, согласно которой профессиональная идентичность представлена как компонент личности, обеспечивающий успешную профессиональную адаптацию, и как доминантный фактор профессиональной карьеры, базирующийся на компетентности, профпригодности, интересе к работе и их балансе со средой. Структура профессиональной идентичности представлена Я-образом, когнитивным и мотивационным компонентами [2]. Профессиональная идентичность есть не что иное, как характеристика сложившегося психологического соответствия и устойчивого самоотождествления личности с профессией, проецирующаяся на когнитивном, мотивационном и поведенческом уровнях.

Специфика деятельности СП определяется процессами внутрипрофессиональной дифференциации по критерию исполняемых обязанностей, исходя из которой деление происходит на СП, обеспечивающих установленный порядок деятельности судов (СП по ОУПДС), и СП-исполнителей, исполняющих судебные акты.

СП-исполнители реализуют следующий круг решаемых задач: ведение документации, осуществление конфискации, наложения ареста, деятельность сопряжена с интеллектуальной нагрузкой, строгой отчетностью и высокой ответственностью. СП по ОУПДС обеспечивают безопасность судей и иных участников судебного процесса, поддерживают общественный порядок в здании, предупреждают и пресекают преступления и правонарушения, выявляют нарушителей, а в случае необходимости задерживают их с последующей передачей органам милиции [3].

Теоретической основой для изучения особенностей социальной перцепции послужила работа А.А. Бодалева [1].

Объект нашего исследования – профессиональная идентичность СП в контексте внутрипрофессиональной дифференциации.

Предмет нашего исследования – взаимосвязь особенностей социальной перцепции и структуры профессиональной идентичности СП в контексте внутрипрофессиональной дифференциации.

Цель – изучить взаимосвязи особенностей социальной перцепции и структуры профессио-

 © Реутова Н.В., Никишина В.Б., 2010

Таблица 1

Значение средних тенденций особенностей структуры профессиональной идентичности СП

Группа	СП-исполнители			СП по ОУПДС		
Показатель	Хср.	σ	Мо	Хср.	σ	Мо
Процесс	5,35	1,78	6	5,57	1,85	5
Результат	6,35	1,40	6*	5,69	1,60	5*
Альтруизм	6,41	1,79	8*	5,22	1,91	6*
Эгоизм	3,45	1,93	5*	2,72	1,68	1*
Труд	4,59	2,23	5	4,55	2,08	5
Свобода	6,63	1,88	7	5,90	2,16	7
Власть	4,05	1,94	3*	3,18	2,01	2*
Деньги	3,81	1,90	5*	2,43	2,15	1*
Жизнеобеспечение	13,03	3,24	14	14,09	3,54	10
Комфорт	16,87	4,90	14*	14,54	4,81	16*
Общение	18,88	4,56	23	19,19	3,71	22
Общежитейская направленность	50,04	9,77	50	48,54	10,25	48
Общая активность	14,43	3,36	15	13,67	3,72	12
Творческая активность	17,35	4,65	17	18,57	5,51	18
Социальная полезность	18,59	5,27	16	19,55	5,03	18
Рабочая направленность	50,53	10,23	49	53,30	13,62	49
Конструкты	15,72	3,88	19*	14,46	3,30	17*
Конфронтационный копинг	6,21	3,51	8*	1,18	13,60	5*
Дистанцирование	5,67	11,24	7*	3,10	12,67	7*
Самоконтроль	12,76	2,69	14	9,63	7,60	12
Поиск социальной поддержки	8,35	3,43	10*	5,87	10,48	7*
Принятие ответственности	-0,71	4,20	-2*	-5,01	12,69	-1*
Бегство-избегание	13,43	5,32	14*	6,96	13,30	16*
Планирование решения проблемы	9,47	2,46	11	9,45	2,05	11
Положительная переоценка	12,59	2,48	13*	10,04	11,50	13*
Когнитивные относительно-продуктивные копинги	0,77	0,42	1	0,70	0,46	1
Когнитивные продуктивные копинги	0,19	0,39	0	0,25	0,44	0
Когнитивные непродуктивные копинги	0,04	0,20	0	0,04	0,21	0
Эмоциональные относительно-продуктивные копинги	0,16	0,37	0	0,22	0,42	0
Эмоциональные продуктивные копинги	0,64	0,48	1	0,70	0,46	1
Эмоциональные непродуктивные копинги	0,20	0,40	0	0,07	0,26	0
Поведенческие относительно-продуктивные копинги	0,59	0,50	1	0,57	0,50	1
Поведенческие продуктивные копинги	0,12	0,33	0*	0,33	0,47	0*
Поведенческие непродуктивные копинги	0,28	0,45	0	0,10	0,31	0

нальной идентичности СП в контексте внутрипрофессиональной дифференциации.

Для достижения поставленной цели были намечены следующие задачи:

1. Изучение особенностей структуры профессиональной идентичности СП в контексте внутрипрофессиональной дифференциации.

2. Исследование особенностей социальной перцепции у СП в контексте внутрипрофессиональной дифференциации.

3. Изучение взаимосвязи особенностей социальной перцепции и структуры профессиональной идентичности СП в контексте внутрипрофессиональной дифференциации.

В исследовании принимали участие СП по ОУПДС (69 человек) и СП-исполнители (77 человек). Исследование проводилось на базе Управления Федеральной службы судебных приставов по Курской области. Для исследования особенностей социальной перцепции СП использовалась методика «Социально-перцептивная дифференциация малых групп». Для исследования структуры профидентичности использовались методики: «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман), «Диагностика социально-психологических установок личности в его мотивационно-потребностной сфере» (О.Ф. Потемкина), «Метод репертуарных решеток Келли», копинг-

тест «Опросник о способах копинга» (WCQ, Р. Лазарус, С.Фолькман; адаптация Т.Л. Крюковой), «Методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма». Статистическая обработка проводилась с использованием пакета статистической программы StatSoft (2001).

Результаты статистического анализа показателей профессиональной идентичности СП позволили выявить следующие тенденции на структурном уровне (табл. 1).

При исследовании когнитивного компонента у СП по ОУПДС преобладает простая конструктная система ролевых представлений, что характеризуется нечеткостью различий между конструктами. СП по ОУПДС решают довольно узкий круг задач. У СП-исполнителей преобладает сложная дифференцированная система когнитивных конструктов. Это связано с тем, что на СП-исполнителей возложен более широкий круг решаемых задач. При исследовании мотивационного компонента для СП по ОУПДС характерен достоверно более низкий уровень мотивации, ориентированной на власть, чем у СП-исполнителей, что выражено в более низком уровне потребности в авторитете, достижении успеха, служебного продвижения; у СП-исполнителей достоверно выше уровень мотивации, ориентированной на альтруизм, чем у СП по ОУПДС, что можно объяснить широким кругом коммуникативных отношений, имеющих проекцию на эмоциональную сферу, проявляющихся в виде сострадания, сопереживания; для СП по ОУПДС характерен достоверно ниже уровень мотивации, ориентированной на комфорт, чем у СП-исполнителей, что выражено в значительно низком уровне потребности в уважении, авторитете, достижении успеха; служебного продвижения; для СП-исполнителей характерен достоверно выше уровень мотивации, ориентированной на эгоизм, чем у СП по ОУПДС, что связано со строгой регламентированностью деятельности, сопряженной с более тесным контактом СП-исполнителей с различным контингентом; для СП-исполнителей характерен достоверно выше уровень мотивации, ориентированной на деньги, чем у СП по ОУПДС, что можно объяснить спецификой профессиональной деятельности СП-исполнителей, связанной с непосредственным взаимодействием с наличными денежными средствами; для СП-исполнителей характерен достоверно выше уровень мотивации, ориентированной на результат, чем у СП по ОУПДС, что связано со стремлением СП-исполнителей к эффективной реализации своей профессиональной деятельности.

При исследовании поведенческого компонента у СП-исполнителей выявлен достоверно более высокий уровень конфронтационного копинга, бегства-избегания, дистанцирования, принятия ответственности, поиска социальной поддержки, положительной переоценки; достоверно более низкий уровень поведенческих продуктивных копинг-стратегий, чем у СП по ОУПДС. Следовательно, СП-исполнители, в отличие от СП по ОУПДС, осуществляя профессиональную деятельность, направляют больше когнитивных усилий для отдаления от ситуации и уменьшения ее значимости, а также прилагают поведенческие усилия, направленные к избеганию проблемы.

На основании корреляционного анализа изучения структуры профессиональной идентичности выявлена тенденция, свидетельствующая о том, что структура компонентов профессиональной идентичности у СП-исполнителей и СП по ОУПДС дезинтегрирована.

При исследовании особенностей социальной перцепции у СП в контексте внутрипрофессиональной дифференциации были выявлены следующие тенденции.

У СП-исполнителей (СП по ОУПДС) наблюдается преобладание прагматического типа восприятия 6,64 (7,91), проявляющегося в том, что индивид оценивает группу с точки зрения полезности и отдает предпочтение контактам лишь с наиболее компетентными источниками информации и способными оказать помощь. Отмечаются низкие показатели индивидуалистического типа восприятия 4,19 (3,48), что свидетельствует о минимальной трансляции представленного типа, характеризующегося тем, что индивид относится к группе нейтрально, уклоняясь от совместных форм деятельности и ограничивая контакты в общении. Выявлены низкие показатели коллективистического типа восприятия 3,09 (2,29), свидетельствующие о низкой частоте встречаемости данного типа, проявляющегося в том, что индивид воспринимает группу как самостоятельную ценность, при этом наблюдается заинтересованность в успехах каждого члена группы и стремление внести свой вклад в жизнедеятельность группы.

Исследование достоверности различий особенностей социальной перцепции показали, что у СП по ОУПДС достоверно более выражен праг-

матический тип восприятия (Uэмп.=1698,0; p=0,00), менее выражен индивидуалистический тип восприятия (Uэмп.=2020,5; p=0,01) и коллективистический тип восприятия(Uэмп.=1923,0; p=0,00), чем у СП-исполнителей.

В обеих группах СП при выраженности прагматического типа восприятия наблюдаются минимальные проявления индивидуалистического и коллективистического типов восприятия, причем прагматический тип восприятия достоверно выше у СП по ОУПДС, а индивидуалистический и коллективистический типы восприятия – у СП-исполнителей. Это связано с тем, что СП, осуществляя свою профессиональную деятельность, имеют строго регламентированную коммуникацию и ограниченные должностной инструкцией алгоритмы выполнения поставленных задач. Это приводит к трансляции прагматического типа восприятия. В то же время профессиональная деятельность СП-исполнителя связана с многообразием коммуникативных контактов, что приводит к проявлению индивидуалистического и коллективистического типов восприятия, чего нельзя сказать о СП по ОУПДС, чья коммуникативная деятельность крайне ограничивается должностным регламентом.

Решая задачу изучения взаимосвязи особенностей социальной перцепции и структуры профессиональной идентичности СП в контексте внутрипрофессиональной дифференциации, мы выявили следующие тенденции.

У СП-исполнителей достоверна прямая корреляция коллективистического типа восприятия на когнитивном уровне со степенью сложности системы когнитивных конструктов (0,28) и на мотивационном уровне с ориентацией на деньги (0,26), на поведенческом уровне индивидуалистического типа восприятия с бегством-избеганием (0,33).

У СП по ОУПДС достоверна обратная корреляция на мотивационном уровне коллективистического типа восприятия с ориентацией на альтруизм (-0,25).

Таким образом, у СП-исполнителей выявлена взаимосвязь более выраженного, чем у СП по ОУПДС, коллективистического типа восприятия, с более сложной, чем у СП по ОУПДС, конструктной системой ролевых представлений, коллективистического типа восприятия, с более выраженной мотивацией, ориентированной на деньги, и индивидуалистического типа восприятия с более высоким уровнем копинг-стратегий, направленных на бегство-избегание. Стремление внести свой вклад в жизнедеятельность группы способствует успешному выполнению широкого круга поставленных задач, непосредственное взаимодействие с наличными денежными средствами объясняет специфическое отношение к деньгам, возникновение нейтрального отношения к группе, уклонения от совместных форм деятельности и ограничения контактов, что способствует появлению реакций ухода, уменьшения значимости ситуации.

У СП по ОУПДС низкий уровень коллективистического типа восприятия, с высоким уровнем мотивации, ориентированной на альтруизм. Данный факт объясняется тем, что их деятельность носит строго регламентированный характер, который минимизирует процесс коммуникации.

Выводы:

1. Структура профессиональной идентичности у СП по ОУПДС и у СП-исполнителей носит дезинтегрированный характер.

2. У СП обеих групп транслируется прагматический тип восприятия, преобладающий у СП по ОУПДС, в то время как СП-исполнители проявляют индивидуалистический и коллективистический тип восприятия чаще, чем СП по ОУПДС.

3. У СП-исполнителей выявлена прямая взаимосвязь коллективистического типа восприятия с конструктной системой ролевых представлений, с мотивацией, ориентированной на деньги, и индивидуалистического типа восприятия с копинг-стратегиями, направленными на бегство-избегание.

У СП по ОУПДС выявлена обратная взаимосвязь коллективистического типа восприятия с мотивацией, ориентированной на альтруизм.

Библиографический список

1. *Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.

2. *Ермолаева Е.П.* Психология социальной реализации профессионала – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 347 с.

3. *Ярков В.В.* Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» и к Федеральному закону «О судебных приставах». – М.: Юрист, 1999. – 912 с.

УДК 159.9.378

Сабанчиева Рита Залимгериевна
кандидат психологических наук
Кабардино-Балкарский государственный университет (г. Нальчик)
rita.sabanchieva@yandex.ru

КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

В данной статье приводятся результаты исследований по проблеме самореализации преподавателя высшей школы в профессиональной деятельности, при этом его карьерные ориентации рассматриваются как факторы успешной профессиональной самореализации, а также выявляются ведущие карьерные ориентации преподавателей высшей школы.

***Ключевые слова**: карьерные ориентации, самореализация, профессиональная деятельность преподавателя высшей школы.*

В современных условиях по-новому встаёт проблема развития и использования человеческого потенциала. Актуальность проблемы самореализации обусловлена процессами гуманизации образования, где центром и ценностью является человек, его способности и возможности реализации в современном мире. Усиление внимания к самореализации объясняется её определяющей ролью в профессиональной деятельности.

Проблема самореализации преподавателей высшей школы в профессиональной деятельности востребована в решении всего многообразия психолого-педагогических задач, стоящих в высшей школе: от выявления причин низкой самореализации преподавателей до определения перспектив профессионально-личностного развития и продуктивной самореализации преподавателей.

Наше исследование проведено в рамках такого нового научного направления, как акмеология. Предметом акмеологии являются закономерности самореализации творческих потенциалов зрелых людей в созидательной деятельности на пути к вершинам продуктивности и профессионализма в ней. Суть акмеологии – рассмотрение в единстве процессов профессионального и личностного развития и пути достижения профессионального мастерства на основе реализации творческого потенциала личности [1].

Важнейший постулат акмеологии: главным субъектом повышения качества подготовки специалистов, а следовательно, и образования в целом является преподаватель высшей школы, в совершенстве владеющий педагогическим мастерством и творчеством, основанном на умелости развивать у студентов творческую готовность к предстоящей профессиональной деятельности средствами преподаваемой учебной дисциплины.

В свете современных инновационных процессов, происходящих в системе высшего образования, требуется новый подход и глубокое изучение проблемы деятельности преподавателя высшей школы.

Актуальной и перспективной проблемой в настоящее время является поиск оптимальных условий для самореализации, исследование факторов и выявление механизмов и закономерностей успешной самореализации преподавателя высшей школы в профессиональной деятельности.

Важный аспект развития современного профессионала – реализация его карьерного потенциала. Активное управление карьерой в динамичных социально-экономических условиях – одно из ключевых условий профессионального и даже шире – жизненного успеха человека, достижения «акме» – вершины, пика его способностей, максимальной профессиональной и личностной самореализации при сохранении здоровья и жизненного потенциала [2].

В отечественной психологии до недавнего времени понятие «карьера» практически не использовалось. Чаще употреблялись такие термины, как профессиональный жизненный путь, профессиональная деятельность, профессиональное самоопределение. В социальной психологии и психологии профессиональной деятельности карьера рассматривается как «индивидуальная последовательность аттитюдов и поведенческих проявлений, которые связаны с опытом и активностью в сфере работы на протяжении человеческой жизни» [5, с. 330].

© Сабанчиева Р.З., 2010

Для любого человека характерны определенная личностная концепция, таланты, побуждения, мотивы и ценности, которыми он не сможет поступиться, осуществляя выбор карьеры. Прошлый жизненный опыт формирует систему жизненных ориентаций, социальных установок по отношению к карьере и работе вообще, поэтому в профессиональном плане субъект деятельности рассматривается и описывается через систему его диспозиций, ценностных ориентаций, социальных установок, интересов и тому подобных социально обусловленных побуждений к деятельности. Этому понятию соответствуют такие понятия, как «карьерные ориентации» или «якоря карьеры» [2].

Термин «карьера» берет свое начало от латинского слова «karrus» – повозка, телега и итальянского – «carriera» – бег, жизненный путь [2]. Как видим, в итальянском значении данного термина имеет место существенное расширение понимания карьеры до феномена жизненного пути.

С.И. Ожегов указывает на два значения слова «карьера» в русском языке [3]. Первое из них, устаревшее, означает род занятий, профессию [3, с. 231]. Во втором «карьера» есть не что иное, как путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще, а также самое достижение такого положения [3, с. 231]. Это говорит о том, что в русском языке данный термин прошел путь от узкого (профессионально-деятельностного) к широкому (социальному) значению.

В новом «Словаре русских синонимов», в котором представлены скрытые от первого взгляда, лежащие не на поверхности смыслы слов, в качестве синонимов слову «карьера» приводятся такие широкие по философскому наполнению категории, как будущность, судьба.

В англоязычных словарях представлены определения карьеры, в которых карьера – 1) это всегда многолетняя деятельность или поприще, которое человек себе выбирает для более полной самореализации; 2) она нацелена на высокие достижения, успех; 3) она немыслима без постоянного самосовершенствования субъекта в данной области.

Исследователь проблемы карьеры в профессиональной деятельности Е.А. Могилевкин [2] отмечает, что «карьера – это движение и положение (статус) человека, субъекта трудовой деятельности в системе социальных, экономических, деловых, имущественных и других отношений, обусловленные складывающимся соотношением между его личностными позициями, ресурсами и социально-экономической ситуацией (внешними условиями, обстоятельствами) в конкретный период жизненного пути» [2, с. 35].

Вопросы профессиональной карьеры, планирования карьеры, особенности реализации карьеры в системе высшей школы мало изучены. В соответствии с нашей концепцией самореализации, важную роль в успешности профессиональной деятельности играют карьерные ориентации преподавателей высшей школы.

Для определения карьерных ориентаций преподавателей высшей школы мы воспользовались опросником «Якоря карьеры» Э. Шейн в модификации В.А. Чикер [4]. Данный тест предназначен для определения выраженности карьерных ориентаций («якорей»): профессиональная компетентность, менеджмент, автономия, стабильность, служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство. Следует просуммировать баллы по каждой ориентации и разделить на количество вопросов. Ориентация считается ярко выраженной, если показатель превышает 6 баллов.

Исследования проводились на базе КБГУ. Выборку составили 125 человек. Первую выбор-

Таблица 1

Карьерные ориентации преподавателей и студентов

№	Карьерная ориентация	Преподаватели	Студенты
1	Профессиональная компетентность	9,5	5,4
2	Менеджмент	5,7	4,6
3	Автономия (независимость)	5,8	8,5
4	Стабильность работы	8,5	7,3
5	Стабильность места жительства	5,6	5,8
6	Служение	8,2	5,7
7	Вызов	4,8	5,8
8	Интеграция стилей жизни	5,7	6,5
9	Предпринимательство	4,3	5,9

ку составили 60 преподавателей разных факультетов КБГУ. Вторую выборку составили 65 студентов магистратуры.

Результаты тестирования преподавателей и студентов (средние значения в баллах) приведены в таблице 1.

В результате анализа полученных данных можно сделать вывод о том, что наиболее выраженной ориентацией у преподавателей оказалась «профессиональная компетентность». Люди, у которых выражена такая карьерная ориентация, как «профессиональная компетентность», прежде всего, ориентированы на развитие своих способностей и навыков в областях, непосредственно связанных с их специальностью. Важнейшими критериями карьеры для них являются постоянное совершенствование их опыта и знаний и признание их профессионализма. Вряд ли их заинтересует даже значительно более высокая должность, если она не связана с их профессиональными компетенциями. Так как они талантливы и любят, что к ним относятся как к знатокам своего дела, люди этой категории испытывают чувство причастности, возникающее из содержания их работы, развивают и совершенствуют свои навыки.

Также выраженной карьерной ориентацией оказалась у преподавателей «стабильность работы». Это обусловлено наличием потребности в безопасности и стабильности для того, чтобы будущие жизненные события были предсказуемы. Стабильность места работы подразумевает поиск работы в такой организации, которая обеспечивает определенный срок службы, имеет хорошую репутацию (не увольняет своих работников), выглядит более надежной в своей отрасли. Эти люди испытывают потребность в безопасности, защите и возможности прогнозирования и будут искать постоянную работу с минимальной вероятностью увольнения. Эти люди отождествляют свою работу со своей карьерой. Их потребность в безопасности и стабильности ограничивает выбор вариантов карьеры. Авантюрные или краткосрочные проекты и только становящиеся на ноги компании их, скорее всего, не привлекают. Они очень ценят социальные гарантии, которые может предложить работодатель, и, как правило, их выбор места работы связан именно с длительным контрактом и стабильным положением компании на рынке. Такие люди, как правило, отличаются невысоким уровнем притязаний.

Следующей по степени выраженности для преподавателей оказалась карьерная ориентация «служение», основными ценностями которой являются «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше». Человек с такой ориентацией не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям, и откажется от продвижения или перевода на другую работу, если это не позволит ему реализовать главные ценности жизни. Данная категория описывает людей, занимающихся делом по причине желания реализовать в своей работе главные ценности. Они часто ориентированы больше на ценности, чем на требующиеся в данном виде работы способности. Они стремятся приносить пользу людям, обществу, для них очень важно видеть конкретные плоды своей работы, даже если они и не выражены в материальном эквиваленте. Основной тезис построения их карьеры – получить возможность максимально эффективно использовать их таланты и опыт для реализации общественно важной цели. Люди, ориентированные на служение, общительны и часто консервативны.

Карьерные ориентации «менеджмент», «автономия», «стабильность места жительства» оказались у преподавателей на примерно одинаковом среднем уровне.

Менее выраженными карьерными ориентациями оказались «вызов» и «предпринимательство», что свидетельствует о том, что конкуренция, победа над другими, стремление преодолевать препятствия, готовность к риску не столь присущи преподавателям. Для одних людей вызов представляет более трудная работа, для других это – конкуренция и межличностные отношения. Они ориентированы на решение заведомо сложных задач, преодоление препятствий ради победы в конкурентной борьбе. Они чувствуют себя преуспевающими только тогда, когда постоянно вовлечены в решение трудных проблем или в ситуацию соревнования. Карьера для них – это постоянный вызов их профессионализму, и они всегда готовы его принять. Людям, у которых выражена карьерная ориентация «предпринимательство», нравится создавать новые организации, товары или услуги, которые могут быть отождествлены с их усилиями. Работать на других – это не их, они – предприниматели по духу, и цель их карьеры – создать что-то новое, организовать свое дело, воплотить в жизнь идею, всецело при-

надлежащую только им. Вершина карьеры в их понимании – собственный бизнес.

Проанализировав полученные результаты, можно сделать следующий вывод: то, что у преподавателей оказались маловыраженными данные карьерные ориентации, закономерно, так как профессия преподавателя высшей школы имеет гуманистическую направленность, это миссия, где главными ценностями являются служение и профессиональная компетентность.

Нами были выявлены карьерные ориентации студентов- магистрантов, получающих дополнительную квалификацию «Преподаватель высшей школы». У студентов одной из самых выраженных карьерных ориентаций является «стабильность работы». «Автономия» (независимость) также выраженная карьерная ориентация у студентов. Это свидетельствует о наличии потребности все делать по-своему, о нежелании подчиняться правилам, предписаниям и ограничениям. Люди данной категории испытывают трудности, связанные с ограничением, установленными правилами, процедурами, рабочим днем, дисциплиной и т.д. Они любят выполнять работу своим способом, темпом и по собственным стандартам. Они не любят, когда работа вмешивается в их частную жизнь, поэтому предпочитают делать независимую карьеру собственным путем. Они скорее выберут низкосортную работу, чем откажутся от автономии и независимости. Для них первоочередная задача развития карьеры – получить возможность работать самостоятельно, самому решать, как, когда и что делать для достижения тех или иных целей. Карьера для них – это, прежде всего, способ реализации их свободы, поэтому любые рамки и строгое подчинение оттолкнут их даже от внешне привлекательной позиции.

Студенты ориентированы также и на интеграцию стилей жизни (различных сторон образа жизни), т.е. стремятся к тому, чтобы все было сбалансировано. Для людей этой категории карьера должна ассоциироваться с общим стилем жизни, уравновешивая потребности человека, семьи и карьеры. Они хотят, чтобы организационные отношения отражали бы уважение к их личным и семейным проблемам. Выбирать и поддерживать определенный образ жизни для них важнее, чем добиваться успеха в карьере. Развитие карьеры их привлекает только в том случае, если она не нарушает привычный им стиль жизни и окружение. Для них важно, чтобы все было уравновешено – карьера, семья, личные интересы и т.п. Жертвовать чем-то одним ради другого им явно не свойственно. Такие люди обычно в своем поведении проявляют комфортность (тенденция изменять свое поведение в зависимости от влияния других людей, с тем, чтобы оно соответствовало мнению окружающих).

Самые низкие показатели у студентов получила «профессиональная компетентность», что свидетельствует о том, что достижение успеха в профессиональной сфере не является пока для студентов значимой ориентацией и требуется работа в данном направлении. Это объясняются тем, что они еще всерьез не задумываются о себе в профессии, более важным они считают собственную свободу и самостоятельность. Задумываясь о будущей карьере, они в первую очередь думают о стабильности, высоких заработках, престиже и самостоятельности.

В обеих группах испытуемых одной из самых выраженных оказалась карьерная ориентация «стабильность работы». Это, по нашему мнению, можно объяснить непростой ситуацией на рынке труда в нашей стране и, в частности, в нашем регионе, республике. Боязнь потерять работу и не найти другую во многом обусловливает такие результаты. Именно поэтому люди, ориентированные на стабильность, откажутся от повышения, если оно грозит риском и временными неудобствами.

Для того чтобы выявить, как, по мнению преподавателей, карьера влияет на успешность самореализации, с руководящими работниками вуза – заведующими кафедрами, деканами (15 человек) – были проведены беседы-интервью.

На вопрос о том, как карьера связана с самореализацией, преподаватели высшей школы – заведующие кафедрами, деканы – ответили, что рассматривают её как механизм самореализации. Среди достоинств руководящей должности было отмечено, что «карьера дает больше возможностей реализовать свои способности», среди отрицательных сторон – «ответственность за других». На вопрос о том, «как удалось достичь высокого положения в обществе», отмечали, что «надо работать ежедневно, немного, но каждый день». Среди мешающих факторов были названы «бездеятельность, лень, отсутствие целей».

На вопрос о том, как достичь вершин самореализации, ответы были следующие: «поставить цели и с помощью акмеологии достигать вершин».

Акмеология на самом деле отвечает на вопрос «как?» и исследует закономерности механизмы, условия и факторы, содействующие и препятствующие самореализации творческих потенциалов личности на пути к вершинам созидательной деятельности.

Вершин профессиональной деятельности достигают те, кто прикладывает усилия к достижению целей и задач, стоящих перед коллективом, в ответ получая признание и уважение коллег, руководства, студентов. Одновременно именно в процессе деятельности человек реализует свой потенциал, получает от этого удовлетворение, т.е. самореализуется. Самореализация имеется в виду не эгоистическая, а гуманистическая, человек, строя профессиональную карьеру, реализуя свой творческий потенциал в профессиональной деятельности, достигает вершин профессионального мастерства и приносит пользу другим. Преподаватель, который достиг вершин самореализации в профессии, сможет научить и своих студентов – будущих специалистов – владению стратегиями, технологиями, методами реализации себя в учебной и будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, карьерные ориентации, как систему ценностных ориентаций и установок, можно рассматривать в качестве основы выбора приоритетного направления профессионального развития. Такие карьерные ориентации, как профессиональная компетентность, служение, способствуют личностно-профессиональному развитию, успешной самореализации преподавателя высшей школы в профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Акмеология / Под ред. А.А. Деркача. – Изд-во РАГС, 2002. – 681 с.

2. *Могилевкин Е.А.* Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг: Монография. – СПб.: Речь, 2007. – 336 с.

3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1989. – С. 231.

4. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: Учеб. пособие / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. – СПб.: Речь, 2007. – 448 с.

5. *Чикер В.А.* Профессиональная карьера: Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности: Учеб. пособие / Под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. – СПб.: Речь, 2007. – С. 330.

УДК 811.111:372.8

Соловьева Ольга Борисовна

Волжская государственная академия водного транспорта (г. Нижний Новгород)

solov2809@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА

В статье рассматриваются особенности содержания обучения профессионально ориентированному иноязычному общению на факультетах по подготовке специалистов водного транспорта. Автор обращает внимание на вопрос отбора и систематизации тем, текстов и словаря, необходимых для удовлетворения требований, предъявляемых к профессиональной коммуникации моряков.

Ключевые слова: *профессиональное общение; морское общение; профессиональные требования; компоненты содержания.*

Интернационализация труда и рынка труда – одна из определяющих характеристик современности, а владение иностранным языком для профессионального общения является важным условием конкурентоспособности специалиста. В условиях глобализации морской транспортной индустрии особое значение имеет иноязычная подготовка специалистов водного транспорта, английский язык является языком международного морского общения. Международная морская организация (International Maritime Organization – IMO) в целях безопасности и сохранения человеческой жизни на море и охраны окружающей среды существенно ужесточила требования к сертификации и квалификационному отбору мореплавателей всех уровней и береговых организаций, связанных с обеспечением безопасности мореплавания. Параметры функционирования морского английского языка для деятельности инженеров

© Соловьева О.Б., 2010

определены международными нормативными документами: Конвенция SOLAS-74, Конвенция STCW – 78/95 (ПДМНВ – 1978/95), MERSAR Manual (1993), SEASPEAK Training Manual (1988) и другими. Степень профессионализма кадров, привлекаемых на суда, имеет большое значение для безопасности функционирования судов, а владение английским языком является важнейшей компонентой профессиональной деятельности моряков.

В связи с расширением возможностей трудоустройства русских моряков, увеличением доступа иностранных моряков в российскую акваторию, а также в связи с необходимостью унификации языка международной коммуникации на море, актуализируется вопрос оптимизации процесса обучения профессионально ориентированному общению на иностранном языке в вузах по подготовке специалистов морского и речного флотов.

Профессиональное общение представляет собой речевое взаимодействие специалистов в ходе осуществления профессиональной деятельности, его относят к специальным видам социальной коммуникации. Профессионально ориентированное общение осуществляется благодаря специальным знаниям, регулируется совокупностью кодифицированных норм, установленных правил, достаточно четких и определенных, которые люди заучивают в ходе специальной подготовки. Нормативные профессиональные рамки обусловлены целями, способами, критериями оценки, специфическими для каждого отдельного вида практической деятельности [1].

Специфика содержания обучения общению на иностранном языке в неязыковом вузе заключается в том, что отбор тематики и проблематики материала должен быть ориентирован на реальные интересы и потребности специалистов с учетом требований, предъявляемых к их будущей профессиональной деятельности.

Исходя из того, что процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе рассматривается в русле формирования профессиональной компетентности, содержание обучения дисциплине «Иностранный язык» и учебный материал должны отвечать профилю вуза и соответствовать требованию будущей профессии. Профессионально ориентированный подход к обучению иностранному языку в техническом вузе, предполагающий формирование у студентов способности иноязычного общения в конкретных профессиональных ситуациях, требует интеграции дисциплины «Иностранный язык» с профилирующими дисциплинами и предусматривает профессиональную направленность не только содержания учебных материалов, но и деятельности, включающей в себя приемы и операции, формирующие профессиональные умения. Поэтому мы считаем, что необходимым условием эффективного обучения профессионально ориентированному общению на иностранном языке является реализация принципа междисциплинарной интеграции. Междисциплинарные формы учебной деятельности способствуют формированию проблемного мышления в сфере профессиональных интересов, что служит существенным фактором повышения учебной мотивации в целом. В связи с этим следует отметить необходимость согласования и синхронизации учебного материала дисциплины «Иностранный язык» с учебными планами профильных дисциплин.

При разработке программы по иностранному языку должны учитываться: а) сферы деятельности и ситуации, в которых предстоит общаться студентам; б) виды профессиональных контактов, в которые им придется вступать; в) задания, которые им придется выполнять; г) тематика их деятельности; д) оптимальные пути подготовки студентов к использованию иностранного языка в будущей профессиональной деятельности. Специфика содержания профессионально ориентированного обучения английскому языку предполагает взаимосвязь языкового (лингвистического) и предметного (профессионального / академического и культурного) содержания, т.е. «языковой материал должен быть связан с типами текста и дискурса, характерными для наиболее значимых ситуаций профессиональной/академической коммуникации» [4, с. 125]. Процедура отбора предметного компонента содержания обучения профессионально ориентированному общению должна быть основана на приеме сопоставления предметных понятий, функционирующих в речи специалиста, и понятий, доступных обучаемым по объему, разнообразию и степени сложности [3].

Специфика содержания обучения иноязычному общению инженеров водного транспорта заключается в его соответствии контексту будущей профессиональной деятельности специалиста, которая подразумевает операторскую, технико-эксплуатационную, организационную, эко-

номико-хозяйственную и коммерческую деятельность. Во время профессионально ориентированного общения инженеры морских специальностей должны уметь оперировать понятиями из всех указанных областей. Поэтому лингвистический компонент должен включать а) темы, составляющие предмет обсуждения в соответствующих ситуациях профессионального взаимодействия, б) тексты, отражающие и обобщающие профессиональные знания в рамках конкретной сферы функционирования языка, соотнесенные с тематикой и коммуникативными задачами, решаемыми в различных ситуациях профессионального общения, в) понятия, функционирующие в речи специалиста водного транспорта, г) языковые единицы, служащие для обозначения понятий, отражающих специфику профессионального общения моряков.

Чтобы определить профессионально-предметный компонент содержания обучения иностранному языку будущего инженера водного транспорта специальности «Техническая эксплуатация транспортного радиооборудования», мы обратились к Государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования по данной специальности [2]. Согласно квалификационной характеристике, определенной рассматриваемым документом, область профессиональной деятельности специалиста включает техническую эксплуатацию транспортного радиотехнического радиооборудования, в том числе локационные и навигационные системы и комплексы, обеспечивающие безопасность, регулярность и эффективность транспортных услуг. Объектами профессиональной деятельности являются: а) радиолокационные и радионавигационные системы; б) системы связи; в) системы и средства контроля и диагностики технического состояния эксплуатируемого оборудования; г) системы передачи информации о движении транспортных средств и внешних условиях их эксплуатации; д) системы комплексной обработки, отображения и регистрации информации о движении транспортных средств и внешних условиях; е) системы управления движением транспортных средств и системы предупреждения опасных сближений. В зависимости от цели и решаемых специалистами задач выделяются научно-исследовательский, проектно-конструкторский, производственно-технологический, организационно-управленческий и эксплуатационно-технический виды профессиональной деятельности, определяющие специфику использования иностранного языка. Таким образом, сфера практического применения иностранного языка инженером-радиотехником простирается от описания элементарного радиооборудования и принципов его функционирования до работы спутниковых систем. Предполагается, что специалист должен уметь выполнять и операторскую функцию (прием и передача по радио информации, касающейся безопасности мореплавания), и технико-эксплуатационную (обслуживание судового радиооборудования, включая ремонтные работы, использование инструкций по эксплуатации радионавигационных приборов), и организационную (организация работы и руководство коллективом исполнителей). Каждая из сфер профессиональной коммуникации проявляется в конкретных ситуациях общения, которые определяют характер и условия взаимодействия участников, их социальные роли и функциональные обязанности. Во время профессионально ориентированного общения могут быть востребованы понятия из всех перечисленных профессиональных областей деятельности специалиста.

Вузовский курс иностранного языка, вместе с тем, не может предусмотреть все сферы профессиональной коммуникации и в полном объеме охватить всю предметную область специальности. Кроме того, для языка специальности характерно наличие большого количества терминов, которые необходимо усвоить обучаемым. В связи с этим представляется необходимым установить профессионально-предметный минимум, который должен быть согласован с преподавателями кафедр профильных дисциплин (в нашем случае «Радиообмен», «Радиосвязь», «Микроэлектроника», «Радионавигационные системы» и т.д.).

Семантический анализ текстов общеинженерной и узкопрофессиональной тематики, консультирование с преподавателями профильных дисциплин, а также учет требований Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты позволили нам определить лексический минимум (радиотехнические понятия и термины).

Экзаменационные требования в части знаний английского языка для моряков, касающиеся получения общего диплома оператора ГМССБ, в основном, опираются на «Разговорник IMO по стан-

дартным фразам морского общения» *(IMO Standard Marine Communication Phrases)*. При этом охватываются следующие разделы:

1. Связь при бедствии (*distress communications*);

2. Связь для обеспечения срочности *(urgency communications)*;

3. Связь для обеспечения безопасности *(safety communications);*

4. Связь для передачи общей корреспонденции *(routine communications)*.

Таким образом, в профессионально-предметный компонент содержания обучения английскому языку инженеров морских специальностей включены стандартные фразы морского общения.

Следует подчеркнуть необходимость учета содержания профильных дисциплин при систематизации учебного материала, входящего в профессионально-предметный компонент содержания обучения иноязычному общению студентов неязыкового вуза. Постепенное «погружение» в специальность в процессе обучения английскому языку будущих инженеров водного транспорта целесообразно осуществлять параллельно со «ступенчатым» повышением сложности материала профильных дисциплин. На начальном этапе предполагается знакомство с общенаучной лексикой, терминологией специальности и работа с учебными и аутентичными текстами общетехнической проблематики, так как студентам младших курсов пока еще трудно понимать узкоспециальные тексты. По мере освоения учащимися минимальных базовых технических знаний, можно переходить к расширению терминологического словаря и работе с аутентичными текстами узкопрофессионального содержания [5, т. 2, с. 611–615].

Выпускникам морских специальностей предстоит общаться в смешанных многонациональных экипажах на судах, с партнерами во время стоянок в иностранных портах, с береговыми службами иностранных портов, находясь в море. Это определяет то, что особую значимость приобретают такие умения, входящие в психологический компонент содержания обучения профессионально ориентированному общению, как умения фиксировать основное содержание сообщений, выделять, систематизировать и обобщать значимую информацию, предвосхищать информацию, формулировать основную идею сообщения, а также умения работать в паре и группе. Необходимо отметить, что профессиональное общение моряков может происходить в экстремальных ситуациях, вне привычных условий. Следовательно, специалист должен обладать умением быстро ориентироваться в нестандартной ситуации и находить оптимальные пути решения возникшей коммуникативной задачи.

Особенностью методологического компонента содержания обучения профессионально ориентированному общению специалистов водного транспорта является то, что помимо формирования умения пользоваться учебником, словарями и справочниками, необходимо научить студентов пользоваться профессиональными схемами на английском языке, описывающими, например, принцип функционирования системы спутниковой навигации или принцип работы приемной части навигатора, пользоваться схемой соединений аппаратуры.

Нельзя забывать, что наука и техника находятся в постоянном развитии, происходят новые открытия, появляются новые понятия, возрастает объем информации, изменяются требования, предъявляемые к специалисту, поэтому очевидно, что содержание обучения должно отражать последние научные достижения, современные тенденции и перспективы развития техники и производства и, следовательно, своевременно обновляться.

Библиографический список

1. *Астафурова Т.Н.* Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: Дис. … д-ра пед. наук. – М., 1997. – 324 с.

2. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования специальности «Техническая эксплуатация транспортного радиооборудования», 2003.

3. *Макар Л.В.* Обучение профессионально-ориентированному общению на английском языке студентов неязыкового вуза: Дис. … канд. пед. наук. – СПб., 2000. – 257 с.

4. *Поляков О.Г.* Концепция профильно-ориентированного обучения английскому языку в высшей школе: Дис. … д-ра пед. наук. – Тамбов, 2004. – 308 с.

5. *Соловьева О.Б.* Интеграция профессиональной и языковой подготовки инженеров водного транспорта // Труды конгресса научно-прмышленного форума «Великие реки' 2009». Т. 2. – Н.Новгород: Нижегород. гос. архит.-строит. ун-т., 2010. – 632 с.

УДК 53:371, 519, 378

Третьякова Ольга Николаевна
кандидат физико-математических наук
Московский авиационный институт (государственный технический университет)
tretiyakova_olga@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И РАЗРАБОТКА ДИСТАНЦИОННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Статья посвящена проблеме применения IT-технологий к решению задач компьютерного 3D-моделирования лабораторного физического практикума.

Ключевые слова: *IT-технологии, Интернет, дистанционное обучение физике, компьютерное 3D-моделирование, программный комплекс, компьютерная база данных, компьютерный лабораторный физический практикум.*

Разрабатываемая нами система дифференцированного обучения физике студентов технических вузов включает не только учебно-методические разработки и учебные пособия разного уровня сложности, но и возможности использования современных IT-технологий в различных формах обучения студентов.

На кафедре физики МАИ мы начали заниматься разработкой методологии создания компьютерного физического практикума более 20 лет назад [1–3]. В течение этого времени проводились и проводятся сейчас лабораторные занятия со студентами в компьютерных классах кафедры. Опыт создания и совершенствования практикума и развитие IT-технологий дает возможность применять современные информационные технологии для дистанционного обучения студентов. Первые наши разработки [4; 5], как и разработки других авторов, использовали двумерные модели.

При подготовке компьютерного практикума для дистанционного обучения с целью увеличения наглядности проводимого компьютерного эксперимента мы начали разрабатывать трехмерные лабораторные работы, используя программу для создания трехмерных моделей объектов *3D Studio Max* (см. рис. 1). Каждая лабораторная работа моделировалась и программировалась отдельно [6].

Основные недостатки:

– Вывод трехмерных моделей осуществляется с помощью библиотеки *OpenGL* поэлементно.

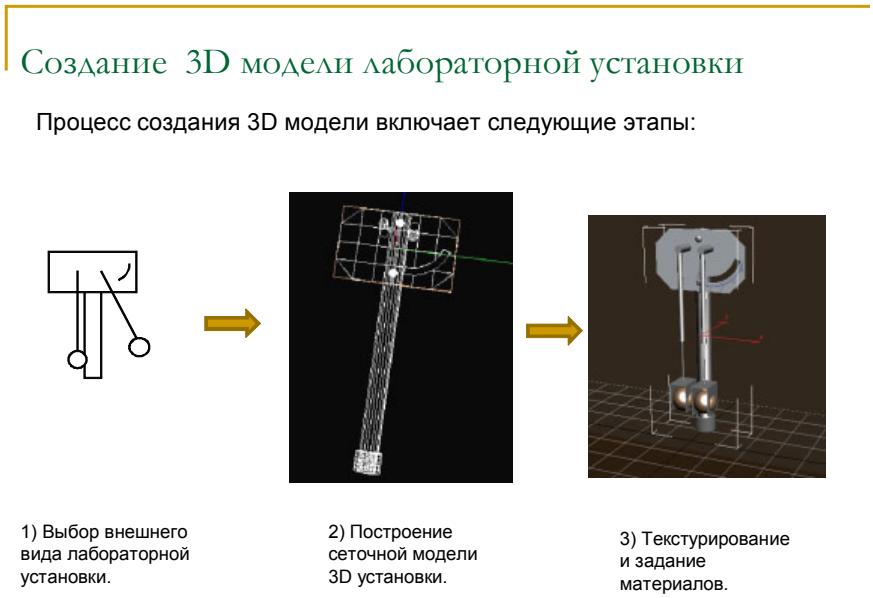

Рис. 1. Первая трехмерная лабораторная работа и реализация клиент-серверной модели (2007 г., *Borland Delphi, Object Pascal*)

 © Третьякова О.Н., 2010

Рис. 2. Состав программного комплекса

– Программа не поддерживает автоматического соединения с сервером.

– Программа-клиент не является универсальной.

Вторая попытка создать трехмерные лабораторные работы и исправить указанные недостатки была сделана в 2008 г. Для создания и конвертирования трехмерных моделей были выбраны следующие программы:

– *Autodesk 3D Studio Max*. Программа для создания трехмерных моделей объектов.

– язык программирования *C#* для разработки кода программы, управляющей движением лабораторной установки.

– *Right Hemisphere Deep Exploration.* Программа для конвертирования созданных моделей в формат *«.X»*, поддерживаемая библиотекой *DirectX.*

– Вывод трехмерных моделей на экран осуществляется с помощью библиотеки *DirectX.*

– В качестве среды программирования была выбрана *Microsoft Visual Studio.*

– Для работы с трехмерными объектами использовалась библиотека *Microsoft XNA Game Studio.*

– Клиент-серверная модель реализована с помощью библиотеки *MySQLConnector.*

Каждая лабораторная работа по-прежнему программировалась отдельно, что требовало больших затрат времени на разработку. При выполнении работы студент скачивал ее с сервера, выполнял и отсылал результаты на сервер.

Затем параллельно с разработкой *3D* для различных форм организации учебного процесса нами был создан сайт кафедры физики kaf801.ru и система управления данными сайта [7].

В настоящее время нами создана единая система разработки новых лабораторных работ – программа *«Editor»*, использование которой существенно ускоряет процесс написания кода и отладки программы, а также создания с минимальными программистскими затратами управляющих программ для других форм обучения студентов: курсового проектирования, тестирования, совершенствования организации самостоятельной работы студентов.

Все лабораторные работы выполняются в одной программе-оболочке *«Laborant Client»,* которая автоматически скачивает с сервера необходимые студенту работы, позволяет выполнить работу на компьютере студента, проверяет правильность результатов и отправляет на сервер информацию о результате выполнения лабораторной работы.

Практикум размещен в разделе «Лабораторные работы» сайта kaf801.ru. Он в настоящее время содержит девять *3D* лабораторных работ по основным разделам курса физики для технического вуза: 3 работы – по разделу «Механика», 2 –

Рис. 3. Структура лабораторной работы

по разделу «Молекулярная физика и термодинамика», 1 – «Электромагнетизм», 3 – «Волновая оптика и квантовая физика».

Этапы разработки 3D лабораторной работы:

– Этап 1. *3D MAX* и программа «*Editor*».

1.1. Моделирование деталей лабораторной установки, стола, комнаты, табло измерений в *3D MAX.*

1.2. Экспортирование данных объектов в программу «*Editor*».

– Этап 2. Управляющая программа на языке *C#* в программе «*Editor*».

2.1. Реализация алгоритма, моделирующего движение объектов 3D лабораторной установки и процесс ее выполнения.

2.2. Подбор коэффициентов масштабирования и калибровки для осуществления соответствия измерений натурной и компьютерной лабораторных работ.

– Этап 3. Редактор таблиц в программе «*Editor*».

3.1. Формирование таблицы измерений согласно методике, изложенной в учебном пособии.

3.2. Выбор полей таблицы, по значениям измерений которых определяем правильность выполнения лабораторной работы.

– Этап 4. Управляющая программа на языке *C#.*

4.1. Задаем диапазон случайного отклонения от среднего значения контрольных измерений натурного эксперимента.

4.2. Реализуем алгоритм проверки выполнения *3D* лабораторной работы и погрешности измерений в функции Check().

– Этап 5. Сборка *3D* лабораторной работы в программе «*Editor*».

5.1. Указываем файл управляющей программы с расширением ***cs***, файлы объектов *3D* лабораторной установки с расширением ***fbx***, файл таблицы измерений с расширением ***tbl***, файл с описанием в формате ***html.***

5.2. Указываем название и раздел физики реализуемой *3D* лабораторной работы. Формируем *zip*-архив *3D* лабораторной работы.

– Этап 6. Загрузка на сервер сайта кафедры физики *kaf801.ru*.

6.1.Загрузка полученного архива на сервер в директорию */www/htdocs/laborant_labs/.*

6.2. Занесение информации о новой *3D* лабораторной работе в таблицы базы данных *laborant_lab* и *labs* сайта кафедры физики.

Созданная Интернет-технология дает возможность студентам выполнять эти работы дистанционно. Для запуска компьютерного физического практикума требуется следующее программное обеспечение:

Microsoft Framework 3. Библиотеки *XNA Game Studio 3.0.* Программная оболочка *«Laborant Client».*

На всех этапах разработки (2006–2010 гг.) программного обеспечения создаваемого компьютерного практикума в работе принимали участие студенты специальности «Прикладная математика», выполнившие под моим руководством дипломные работы.

Разработанная технология может применяться и в других технических вузах. Разработка продолжает совершенствоваться. Заинтересованные в ее использовании коллеги могут обращаться по адресу e-mail: tretiyakova_olga@mail.ru.

Библиографический список

1. *Демков В.П., Скубачевский В.Г., Третьякова О.Н.* Законы механики: Лабораторные работы с использованием ЭВМ. – М.: Изд-во МАИ, 1989.

2. *Спирин Г.Г., Третьякова О.Н.* Использование моделирующих программ в лабораторном практикуме // Применение средств вычислительной техники в учебном процессе кафедр физики и математики. – Ульяновск: УПИ, 1992.

3. *Третьякова О.Н.* Математическое моделирование физических процессов (Механика. Гравитационное поле): Методические указания к проведению лабораторных работ на ЭВМ по курсу физики. – М.: Изд-во МАИ, 1989.

4. *Третьякова О.Н., Цурков А.М.* Применение INTERNET-технологий для создания компьютерного практикума по физике в технических вузах // 5 межд. конф. «Авиация и космонавтика – 2006» (23–26 октября 2006 г.) – М., 2006. – С. 128.

5. *Третьякова О.Н., Цурков А.М.* Применение новых информационных технологий при создании компьютерного физического практикума для системы дистанционного обучения // Материалы 5 Межд. научно-метод. школа-семинар «Физика в системе инженерного образования стран ЕврАзЭС» (26–30 июня 2006 г.). – М., 2006. – С. 280–282.

6. *Третьякова О.Н* Математическое моделирование трехмерного компьютерного практикума по физике // Материалы 7 Международной научно-методической конференции «Физическое образование: проблемы и перспективы развития» (11–14 марта 2008 г.). Ч. 1. – М.: Изд-во «Школа будущего», 2008. – С. 318–321.

7. *Третьякова О.Н.* О разработке варианта использования информационных технологий в преподавании физики в техническом вузе // Физическое образование в вузах. – 2010. – Т. 16. – №1.

УДК 378

Ходыкина Анна Вячеславовна
Курский государственный университет

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Автор статьи рассматривает преимущества интегративного подхода к обучению иностранному языку.
Ключевые слова: *профессиональное образование, подход к обучению, интегративный подход, обучение иностранному языку.*

Личностно развивающая тенденция является базисной характеристикой современного профессионального образования. О какой бы педагогической проблеме ни шла речь (информационная поддержка обучения, ГОСТы, дидактические возможности современных УМК, профессионализм преподавателя), «собственно педагогический подход будет иметь место в том случае, когда каждое из образовательных нововведений будет рассматриваться (тестироваться) с точки зрения его роли и места в создании ситуации развития личности». Следуя указанной тенденции в развитии института образования, можно заметить существенные изменения в профессиональном образовании в целом и иноязычном образовании в частности. Переход к личностно ориентированному образованию предполагает обновление содержания профессионального образования, разработку и реализацию инновационных педагогических технологий, интегративных процессов, предоставляя педагогам реальные условия для творчества.

«Интеграция (лат integratio – восстановление, восполнение от integer – целый) – 1) объединение дифференцированных частей и функций системы, организма в целое; 2) процесс сближения и связи наук, происходящий наряду с процессами их дифференциации. <…> Интегративные процессы определяют переход профессиональных учебных заведений от узкоспециализированного образования к образованию по группам профессий и профессиям широкого профиля».

Для представителей разных наук стало очевидным, что исследование человека на современном уровне требует междисциплинарного объединения усилий для комплексного учета взаимодействия внешних и внутренних факторов, определяющих функционирование индивида как единого целого. Это уже понято и лингвистами, ранее ориентировавшимися на «объективное» системно-структурное описание языка как самодостаточной сущности, однако переход на антропоцентрическую парадигму с признанием необходимости трактовки языка как одной из составляющих слаженного ансамбля психических процессов включенного в социальное взаимодействие индивида останется пустой декларацией без разработки методологии нового – **интегративного** – подхода, способного преодолеть кризис, который имеет место в мировой науке о языке.

Под методологией в отечественных публикациях традиционно понимались основополагающие положения общефилософской теории познания, однако в последнее время так стали называть либо теоретические положения / принципы некоторой частной науки или отдельно взятой работы, либо перечень исследовательских процедур, либо сочетание тех и других. Думается, что в создавшейся ситуации полезно не только разобраться с проблемой методологии, но и разграничить вопросы теории, терминологии и исследовательского инструментария.

Тормозом в разработке методологии комплексной науки о человеке служат переходящие в статус научных предрассудков положения, трактуемые в качестве «классических» и принимаемые за истину в последней инстанции. Это относится ко всем наукам, имеющим отношение к человеку, но исследующим его не целостно, а в препарированном («раздеталированном») виде, зачастую не задумывающихся о реалистичности разрабатываемых теоретических постулатов и моделей, их согласованности с результатами научных изысканий в смежных областях. Вместо активно

© Ходыкина А.В., 2010

ведущихся схоластических споров по поводу уже отживших представлений, выполнивших роль посвоему важных этапов поиска пути хотя бы минимального приближения к разгадке тайны естественного семиозиса (в том числе – а может быть «в первую очередь» – с отрицательными результатами), необходим качественный скачок – прорыв в виде интегративной теории, которая пока что не сможет дать ответы на все актуальные вопросы, но хотя бы послужит платформой для нового этапа работы.

Теория интегративного типа не может быть простым мозаичным сложением общей картины человека из фрагментов, тщательно отточенных отдельными науками, каждая из которых исходит из собственной системы координат и видит описываемое со своей колокольни. Требуется разработка целостной теории, основанной на «центростремительном» принципе координирования разных углов зрения на человека и способной преодолеть как «центробежный» характер узко специализированных исследований, так и диктаторские устремления наук, считающихся (или трактующих себя) «ведущими» или «более равными среди равных». Думается, что выполнить такую задачу смогут международные междисциплинарные коллективы ученых, исходящих из презумпции ума у своих коллег (даже если они разделяют иные точки зрения), открытых для понимания иного теоретического подхода, готовых встать (не бездумно перейти, а именно встать) на позицию собеседника или на совместно выработанную общую позицию для делового обсуждения преимуществ и недочетов разных точек зрения или интерпретаций.

Психолого-педагогические концепции, строящиеся на социодинамическом мировоззрении, исходит из признания решающей роли социума в формировании человека (Ч. Дарвин, И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов и др.). Анализ источников, составляющих теоретико-методологическую основу социодинамического подхода в психологии и педагогике, позволяет заключить, что, согласно позиции основоположников и сторонников этого подхода, человек не способен к свободному и конструктивному личностному росту. Для формирования благополучной личности и создания благополучного общества в целом, нужны социальные структуры, которые будут осуществлять управление и контроль за поведением человека.

Концепции, в основе которых находится психодинамическое мировоззрение, описывают структуру и развитие личности исходя из её внутренних, субъективно-психологических характеристик (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, П.Ф. Каптерев, К. Роджерс, А. Маслоу и др.).

Таким образом, из сказанного следует, что на сегодняшний день существует теоретическая проблема интеграции психолого-педагогических подходов к решению проблемы профессионального становления специалиста иноязычного образования.

Термин «подход к обучению» был введен в научный обиход английским методистом А. Энтони (1963) для обозначения исходных положений, которыми пользуется исследователь относительно природы языка и способов овладения им. Будучи компонентом системы обучения языку, подход выступает в качестве самой общей методологической основы обучения, характеризуя существующие точки зрения на предмет обучения (язык) и возможности овладения им в процессе обучения.

Терминология, которая используется в публикациях, так или иначе связанных с когнитивными исследованиями, страдает неопределенностью, расплывчатостью, неоднозначностью трактовки; в один и тот же термин разные научные направления вкладывают различающееся содержание.

Наглядным примером этого может служить термин «концепт», нередко полностью уравниваемый с термином «понятие» в качестве кальки с английского языка. В то же время ученые, признающие различие между концептом и понятием, по-разному трактуют это различие, акцентируя внимание на характеристиках концептов, наиболее актуальных для соответствующего научного направления. Требуют пристального внимания и более четкого определения такие термины, как «знание», «понимание», «интерпретация», «ментальная репрезентация» и др. Это особенно актуально в ситуации повального увлечения когнитивным подходом, когда подобные термины становятся просто «модными словечками», якобы свидетельствующими о приобщении к науке сегодняшнего дня. Необходим словарь когнитивной терминологии, составленный по тезаурусному принципу с приведением контекстов, которые помогали бы читателю понять различия в трактовке одного и того же термина представителями разных научных направлений и уяснить то содер-

жание рассматриваемого термина, которое вкладывается в него интегративным подходом.

Не менее актуальной является и непосредственно связанная со сказанным выше проблема инструментария – выбора исследовательских процедур, способных обеспечить решение конкретных задач сегодняшнего дня. Это особенно очевидно в условиях, когда идет волна работ по проблеме «вербализации концептов» с описанием последних через наборы архисем, дифференциальных и интегральных сем и т.д. при отсутствии разграничения концептов и конструктов, процессов актуализации концептов и их вербального описания. Особенно прискорбно следующее: вместе с привычной лингвистической терминологией на исследование того, что авторы подобных работ называют концептами, переносятся устойчивые логико-рационалистические традиции, выработанные аналитической философией и вовсе не ориентированные на изучение «живого знания» как достояния познающего мир и непосредственно общающегося с себе подобными индивида, для которого знание – это всегда знание/переживание, понимание – всегда понимание/интерпретация и к тому же не может быть гарантии однозначного соответствия между тем, что сообщает говорящий, и тем, что понимает/интерпретирует слушающий, поскольку они находятся в ситуации решения плохо сформулированных задач и оперирования расплывчатыми множествами, постоянно требующих мгновенного принятия решений, возможных только на уровне «достаточного семиозиса» или «социального консенсуса».

Необходимы определенные исследовательские процедуры и их сочетания, которые позволили бы описывать не поддающиеся прямому наблюдению процессы, а это снова возвращает нас к фундаментальным проблемам методологии, поскольку главным условием научной надежности исследования остается последовательность в сочетании исходной теории, формулируемых на ее базе рабочих гипотез, выбора процедур, требований к обработке материалов и интерпретации полученных результатов.

Как считает А.А. Залевская, основным условием успешности разработки методологии, терминологии и инструментария интегративного подхода должно быть постоянное соотнесение формулируемых гипотез и постулатов с новейшими данными относительно взаимосвязи и взаимодействия реальных структур/механизмов, процессов и продуктов многогранного функционирования познающего и общающегося индивида, включенного в социально-культурные и межкультурные взаимоотношения.

Личностно-развивающая тенденция в профессиональном образовании нашла свое отражение в целом ряде исследований, которые раскрывают различные концепции развития мышления и творческого потенциала личности (В.И. Андреев, В.В. Давыдов. Л.В. Занков, И.Я. Лернер, М.И. Махмутов, М.Н. Скаткин и др.). В данных исследованиях личность рассматривается как субъект свободной творческой деятельности. При этом собственное развитие человек считает ценностью. Все выше указанные положения находят реализацию в интегративном подходе. Рассмотрим его сущность применительно к высшему профессиональному иноязычному образованию. Проблематика использования интеграции в обучении рассматривалась в работах Б.В. Ахлибинского, И.Д. Бутузова, Н.И. Вьюновой, М.Н. Гладковой, Е.А. Дядиченко, О.В. Коршуновой, И.М. Осмоловской, А.Л. Сиротюк, И.Э. Унт, Н.М. Шахмаева, Н.К. Чапаева и др.

Интегративный подход представляет собой систему, основанную на интеграции как ведущем принципе создания инновационных обучающих систем, характеризующуюся комплексностью, синтезом, обобщенностью ее элементов, универсализацией и специализацией содержания образования. Данный подход охватывает все компоненты образовательного процесса, обеспечивая функциональную взаимосвязь всех элементов содержания профессиональной подготовки, создавая условия для формирования методической компетентности специалиста иноязычного образования. При интеграции появляется возможность вырваться за рамки одной учебной дисциплины, наглядно, в действии показать, как всё в мире взаимосвязано, и одновременно усилить мотивацию изучения своего предмета.

Известно, что многие учебные предметы издавна имеют интегративный характер. Особое место иностранного языка в интеграции предметов объясняется тем, что он находится в тесном взаимоотношении с предметами и гуманитарного, и естественнонаучного циклов: иностранный язык и литература, история, география, логика, музыка и т.д.

Решение задачи интегрированного обучения иностранному языку и методической подготов-

ки в вузе, позволяющей значительно повысить уровень развития коммуникативной и профессиональной компетенции специалиста языкового образования, требует сформированности целого комплекса специфических лингвометодических умений специалиста. Анализ существующих видов интеграции показал недостаточную разработку этого вопроса в высшей школе. Системообразующим основанием в интеграции обучения является педагогический процесс, который необходимо рассматривать в сложной и многоплановой специфике.

Под интегративным подходом мы понимаем – дидактическое направление, обеспечивающее взаимовлияние, взаимопроникновение и взаимосвязь различных дисциплин с целью направленного формирования у студентов всесторонней, комплексной системы знаний, умений и навыков и взаимодействие членов педагогического коллектива по координации учебного плана и программ, направленное на формирование профессиональной готовности будущего специалиста на основе предварительно установленной системы профессионально значимых межпредметных связей внутри каждого цикла и между всеми циклами учебных дисциплин.

Педагогическая система рассматривается в виде пятикомпонентного образования, куда входят следующие структурные элементы: цели педагогической системы, содержание учебной и научной информации, средства педагогической коммуникации (методы, формы, виды обучения), обучающиеся (объект педагогического воздействия или субъект собственной учебной деятельности), преподаватель (субъект педагогического воздействия). Обладая относительной самостоятельностью, каждый из элементов связан с другими; изменение одного из них должно приводить к изменению всех остальных. При этом направленность системы сохраняет одну и ту же траекторию.

Решающую роль в целостном функционировании педагогической системы играет взаимодействие ее компонентов, которые рассматриваются с трех позиций:

– с психологической – индивидуализация обучения за счет учета ведущих модальностей обучающихся, а также создание благоприятных условий для перехода на субъект-субъектные отношения в системе «студент-преподаватель»;

– с педагогической – создание педагогической системы, основанной на интеграции и дифференциации, изменение предметного содержания, а также создание оптимальных условий для развития субъектности каждого студента путем реализации совокупности методов, форм и средств обучения, организуемых с учетом индивидуальных особенностей обучающихся;

– с социальной – формирование субъектных качеств личности, которые позволяют успешно адаптироваться в обществе; проявить и раскрыть неповторимую, уникальную индивидуальность каждого обучаемого.

Таким образом, интегративный подход, имея ярко выраженную тенденцию к комплексным исследованиям, является объективной базой интеграции психологии, педагогики, андрогогики, акмеологии, физиологии, методики и дисциплин профильной подготовки. Взаимосвязь и взаимопроникновение дисциплин предполагают построение и реализацию концепции интегративного подхода в обучении.

Таким образом, системность в конструировании интегративного подхода определяет особенности моделирования образовательного процесса, в котором студент выступает полноправным субъектом познания и саморазвития.

Библиографический список

1. *Дьюи Дж.* Школа будущего / Пер с англ. Р. Ландсберг. Изд. 2-е. – Берлин: Госиздат, 1922. – 179 с.

2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ed.gov.ru/min/pravo/276)

3. *Маслоу А.* Мотивация и личность / Пер с англ. А.М. Татлыбаевой. – СПб.: Еразия, 2001. – 479 с.

4. *Роджерс К.* Клиентоцентрированная терапия / Пер. с англ. – М., 1997. – 316 с.

5. *Сороковых Г.В.* Субъектно-деятельностный подход в лингвистической подготовке студентов. – М.: Изд-во МПГУ, 2003. – 178 с.

УДК 378

Милованов Михаил Александрович,
Цветков М.П.
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

СИСТЕМА СПОРТИВНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОЙ СПОРТИВНОЙ ШКОЛЫ

Статья подчёркивает важность работы детско-юношеских спортивных школ дополнительного образования в деле укрепления здоровья детей.

Ключевые слова: *спортивно-оздоровительная деятельность, здоровый образ жизни, низкая двигательная активность, связь с родителями.*

В новых социально-экономических условиях, приобщаясь к новым моделям поведения, производственных отношений, досуга, при резком удорожании лекарств, медицинских и образовательных услуг, многие категории граждан меняют равнодушие и лень на активный интерес к здоровому образу жизни. Вслед за западными странами в России возникает социальный феномен, выражающийся в острой экономической заинтересованности людей в сохранении здоровья как основы материального благополучия.

Такая заинтересованность не приобрела ещё, к сожалению, черты устойчивой и целостной системы поведения. В представлении российских граждан о здоровом образе жизни присутствуют стандарты и стили, унаследованные или заимствованные из разных исторических систем и разных культур, поэтому они слабо совместимы между собой. Старшее поколение, например, сейчас уповает на траволечение и самолечение, как наиболее дешёвые варианты коррекции здоровья. Но невозможно сначала обеспечить экономический рост, затем на его основе решать проблемы здоровья граждан и здорового образа жизни.

Речь идёт о коренном изменении социального статуса физической культуры и спорта как одной из составляющих национальной идеи, формирующей здоровый образ жизни людей и престиж государства. Государство должно относиться к развитию физической культуры и спорта как к общегражданской деятельности, обеспечивающей и безопасность страны, и жизнеспособность её населения. Как носитель общественных интересов, государство должно сформировать общенациональную модель физкультурно-спортивного движения и пробудить у граждан России новую движущую силу – стремление к здоровому образу и высокому качеству жизни.

На общероссийском уровне социальный эффект от такой политики может быть достигнут только при условии вовлечения в занятия физической культурой и спортом не менее 30% российских граждан.

Безусловно, легче всего начинать с наиболее лабильной и подвергающейся позитивной коррекции категории населения – детей школьного возраста. Опыт западных стран неоспоримо доказывает, что развитие спорта в школе приносит обоснованный экономический эффект всему государству.

Развитие физической культуры и спорта в системе общеобразовательных и спортивных школ, в том числе в дошкольном образовании, позволяет воспитывать патриотично настроенную здоровую молодёжь, способную в будущем сохранить ценности нации, решать государственные задачи защиты отечества и социально-экономического преобразования общества.

На заседании президиума Государственного Совета Российской Федерации 14 октября 2008 года в выступлении Президента РФ Д.А. Медведева было чётко сказано, что для развития спорта в России нужна выверенная стратегия, базовая цель которой – обеспечить занятия спортом не менее 80% детей. Для этого необходимо создать свою национальную структуру и систему развития физической культуры и спорта, работа над такой стратегией должна быть открытой.

В ежегодном послании Федеральному собранию РФ 5 ноября 2008 года Президент России Д.А. Медведев отмечает, что новый подход к спорту в школе является одним из базовых параметров модернизации школы, результатом которой должна стать национальная образовательная стратегия – «Наша новая школа».

© Милованов М.А., Цветков М.П., 2010

Сложившийся за предыдущие годы образ школьного учителя физической культуры как «человека со свистком» уже по определению не может положительно влиять на его социальный статус. Поэтому предложенное образовательным сообществом и поддержанное Президентом России объявление 2010 года в России Годом учителя является актуальным и значимым.

На прошедшей 11 февраля 2009 года коллегии Минобрнауки России по вопросам укрепления здоровья школьников отмечалось , что существенным фактором, ухудшающим здоровье школьников, является низкая двигательная активность. Особую тревогу вызывает постановка физического воспитания в начальных классах общеобразовательных школ.

В то же время данные специалистов говорят о том, что если до 12-летнего возраста оградить подростка от вредных привычек (при активных занятиях спортом), то его дальнейшая жизнь будет иметь устойчивый иммунитет от приобщения к асоциальным проявлениям.

Минобрнауки отмечает, что уроки физического воспитания лишь в малой степени (на 10–18%) компенсируют дефицит движений, что явно недостаточно для профилактики отклонений в состоянии здоровья.

Прагматичные родители 25–30 лет, выросшие и сформировавшиеся за пределами «бесплатной медицины» СССР, для которых нет ничего ценнее здоровья детей, ясно понимают следующее:

– даже если удастся устроить ребёнка в детский сад, там почти наверняка не будет инструктора по физической культуре, который профессионально заботился бы о двигательном режиме дошкольника. При наличии инструктора два занятия в неделю по 40 минут при 8 часах пребывания ребёнка для старших дошкольников – фактор, практически не влияющий на физическое развитие будущих школьников. А инструктор есть только в одном ДОУ из десяти. Да и очередь в детские сады уменьшается очень медленно;

– в начальной школе практически нет полноценных уроков, хотя наш регион одним из первых отчитался о введении третьего урока физической культуры в неделю;

– школьная физическая культура в России – это скорее государственная декларация, протокол о намерениях, ибо в западных странах созданы все условия, чтобы занятия были выведены за рамки учебного времени. Индивидуальные шкафчики для переодевания, душевые, доступная спортивная форма, отличные спортзалы и бассейны, право широкого выбора вида спорта, который по душе ребёнку, престиж вхождения в сборную школы по национальному виду спорта, показ школьных соревнований по национальному телевидению;

– родители понимают, что гораздо важнее на начальном этапе развития ребёнка его полноценное здоровье, а не знания, даваемые в школе, только крепкое здоровье будет фундаментом успешной учёбы, ибо больной ребёнок, как правило, сосредоточен на своей болезни, и, следовательно, ему не до учёбы. Учёбу, в отличие от здоровья, всегда можно подкорректировать с помощью репетиторов, особенно на этапе определения с будущей профессией, когда круг предметов, необходимых в дальнейшем, резко снижается;

– с уходом из школы школьнику необходимо позитивное окружение из сверстников, которые бы не курили и не выпивали на переменах за углом школы.

Именно поэтому за последние 10 лет необычайно вырос интерес молодых родителей и, как следствие, их относительно молодых дедушек и бабушек к деятельности детско-юношеских спортивных школ. Как сказано в методических рекомендациях «Нормативно-правовое и программное обеспечение деятельности спортивных школ в РФ», «непосредственно к компетенции спортшколы как образовательного учреждения» относятся следующие положения: разработка программы деятельности спортшколы с учётом запросов детей, потребностей семьи, образовательных учреждений, детских и юношеских общественных объединений и организаций, особенностей социально-экономического развития региона и национально-культурных традиций. Т.е. здесь мы вплотную подбираемся к некому идеалу в реалиях нашей страны, когда интересы детей, родителей и общества совпадают. Как правило, это не так. Вспомним хотя бы многочисленных неформалов, миллионы юных компьютерщиков, зависших в «паутине», наркоманов и алкоголиков среди детей и подростков.

«При соблюдении организационно-методических и медицинских требований спортивная школа может осуществлять набор детей, начиная с 4-летнего возраста».

И эта часть рекомендаций очень прагматична, особенно для тех детей, кто в детский сад так и не

сумел попасть, ибо необходимость в общении в коллективе сверстников ещё никто не отменял.

Детско-юношеская спортивная школа делит подготовку своих воспитанников на 5 этапов:

– спортивно-оздоровительный (весь период). Основная задача – расширение двигательных возможностей и компенсация дефицита двигательной активности;

– начальной подготовки – до 3 лет;

– учебно-тренировочный – до 5 лет;

– спортивного совершенствования – до 3 лет;

– высшего спортивного мастерства – 3 года и более.

Необходимо отметить, что спортивная школа является учреждением дополнительного образования детей и относится к типу образовательного учреждения, основное предназначение которого – развитие положительной мотивации личности учащихся к процессу познания и творчества, реализация дополнительных образовательных программ и услуг в интересах учащихся, общества, государства. Поэтому отсюда логически вытекают задачи учреждения дополнительного образования: обеспечение необходимых условий для укрепления здоровья, развития творческой личности, самоопределения и выбора профессии, вида трудовой деятельности детей в возрасте до 18 лет, социальная адаптация, формирование культуры, организация полноценного содержательного досуга.

Учитывая, что в философской, социологической и педагогической литературе принято различать три подсистемы личности: информационную, мотивационную и операциональную – и связанное с этим двоякое употребление терминов «воспитание», «образование», «обучение», необходимо рассматривать физическое воспитание как педагогический процесс, направленный на достижение физического совершенства, подготавливающий личность к использованию духовных, социальных и материальных ценностей физической культуры, которая позволяет достичь высокой работоспособности и конкурентоспособности в современных жёстких условиях общества.

На взгляд авторов, несмотря на достаточно большой выбор в Костроме спортивных школ и культивирующихся в них видов спорта, оптимальную систему спортивно-оздоровительной деятельности, близкую к идеальной, сумели создать только в ДЮСШ №1 по спортивной гимнастике. Важным критерием популярности и значимости спортшколы является то, что существует большая очередь из детей, желающих попасть в эту школу, ибо имеющаяся материальная база требует значительного расширения.

Что же так привлекает в первую очередь родителей, ведь спортивная гимнастика не на слуху в обществе, которое любит футбол, хоккей, фигурное катание:

– самый ранний возраст начала занятий по сравнению с другими видами спорта (даже те родители, которые отдают ребёнка в гимнастику для формирования фундамента здоровья, а потом перехода в другой вид спорта, признают, что гимнастика, наряду с плаванием, наиболее гармоничный вид спорта);

– предельная демократичность, материальная доступность вида спорта (отнюдь не все родители могут позволить себе купить хоккейную форму стоимостью в несколько тысяч долларов и затем менять её каждые год – два, тогда как в гимнастике базовый комплект состоит из майки и трусов);

– молодой коллектив преподавателей, ведущих здоровый образ жизни в пределах и за пределами спортшколы, являющийся образцом для подражания не только детей, но и их родителей, ибо положительных примеров в обществе крайне мало;

– тесный контакт с родителями – по субботам проводятся открытые занятия для детей с родителями, родительский актив эффективно влияет в первую очередь на процесс оздоровления детей. В деле вовлечения в активные занятия детей особое внимание необходимо обратить на проведение детьми досуга совместно с родителями. Концепция семейного активного отдыха должна быть признана приоритетной, что особенно отрадно: практически все родители не сводят пребывание детей в спортшколе к достижению высоких спортивных результатов ценой травм или нарушения здоровья, как это часто случается в видах спорта, где на «выходе» светят большие деньги;

– достаточно быстрые результаты работы: ребёнок становится организованнее, дисциплинированнее, собраннее, у него появляется цель в жизни, он спокойно проходит мимо киосков с пивом и энерготониками, ибо хорошее настроение он получает естественным, а не искусственным путём;

– у ребёнка появляется позитивное окружение, которое по влиянию может даже превышать

родительское, и есть примеры положительного влияния на родителей со стороны детей в деле проведения досуга;

– преподаватели школы не замыкаются на своём виде спорта, а огромное внимание уделяют закаливанию и игровым видам спорта для полноценного физического развития детей (возле школы и небольшой искусственный бассейн, и игровая площадка).

Итак, мы приходим к выводу, что наиболее рациональной формой проведения свободного времени ребёнка за пределами детского сада и школы является пребывание его в детско-юношеской спортивной школе, ибо на данном этапе развития общества только спортшкола способна обеспечить главные условия эффективного оздоровления: свободный выбор нравящегося ребёнку вида спорта, базовые санитарно-гигиенические условия и отсутствие накопления асоциальных привычек. Если же малыша по каким-то причинам не сумели определить в ДОУ, то спортивная школа будет ещё и мощным социализирующим фактором.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 340.1

Груздев Владислав Владимирович
кандидат юридических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО УРОВНЯ СИСТЕМЫ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы соотношения природного и социального в личности; определяются элементы правового уровня системы личности; дается понятие личности на уровне правовой подсистемы.

Ключевые слова: *личность, социальное, природное, право, свойства.*

Совокупность различных уровней конституирования человека в окружающей среде, в том числе в обществе, а также динамика развития сфер его (человека) влияния на социальную и природную реальность является условием развития новых организационных форм существования человечества. Становление данных форм, связанных также с усложнением социального бытия, сопряжено с проявлением качественно новых интересов индивидов. Для того чтобы определить сущность данных форм социального конституирования и необходимость их отражения в позитивном праве, следует выявить качественные характеристики, отражающие усложнение адаптивных способностей человека как вида: «психическое», «биологическое», «социальное». Для решения этой задачи целесообразно предварительно обозначить различия между группами понятий: «человек», «личность», «индивидуальность».

Тенденция выявлять сущностную основу проявления организационных форм социального бытия в неосознанных, бессознательных структурах общественного сознания берет свое начало с теории К.-Г. Юнга, который ввел понятие коллективного бессознательного в научный оборот [43, с. 24]. Представления, определенным образом отражающиеся в данном понятии, влияют на формирование концепций о человеке и обществе, о соотношении различных эмерджентных процессов, скрытых и проявленных, каузально оформляемых как в совокупность социальных потребностей индивидов, так и в общественные нормативы и стереотипы, что отображается также и в праве как социальной науке. Тем не менее до сих пор в гуманитарных науках не сложилось единства мнений относительно определения таких понятий, как «индивид», «человек» и «личность», с учетом всех сущностных характеристик, свойственных человеку.

Категория «личность» – понятие сложное, универсальное и одновременно родовое. Помимо данного термина, в гуманитарных науках (психологии, философской антропологии, социологии, культурологи) используются и другие: «индивид», «субъект», «человек», «лицо» и т.д.

Индивид – это сравнительно широкое, неопределенное понятие, буквально – определенный вид, один из видов живых организмов. Индивидом является как определенный вид живых существ, так и сам человек, выделяемый из всей иной массы остальных людей.

С точки зрения права из всех определений индивид – самое бедное по содержанию понятие. В психологии, напротив, оно количественно и качественно наполняется другим содержанием, трансформируясь, развиваясь в качестве «индивидуальности», куда входят и характер, и темперамент, и весь спектр выражения эмоций и настроений человека, его сознание. В связи с этим совершенно обоснованно отмечается, что не всякий индивид есть человек, но человек – всегда индивид [25, с. 67]. Отождествление понятий «человек» и «индивид» происходит в социальных науках, в других же, предметом изучения которых выступают живые существа, как правило, такого смешения не наблюдается.

Представители философии персонализма, говоря об индивиде, подразумевают такое существо, чье предназначение состоит в продолжении вида. Иначе говоря, индивид рождается, живет, производит потомство, продолжает свой вид и умирает, полностью исчезая [8, с. 39]. В более абстрактном и универсальном виде индивид может быть определен как часть целого, существующего ввиду целого, для всего «мира», как закрытое существо.

© Груздев В.В., 2010

Согласно А.Н. Леонтьеву, понятие индивид выражает неделимость, целостность и особенности конкретного субъекта, возникающие уже на ранних ступенях жизни. Индивид, по мнению А.Н. Леонтьева, – это, прежде всего, генотипическое образование. «Наиболее общее правило состоит здесь в том, что, чем выше мы поднимаемся по лестнице биологической эволюции, чем сложнее становятся жизненные проявления индивидов и их организация, тем более выраженными становятся различия в их прирожденных и прижизненно приобретаемых особенностях, тем более, если можно так выразится, индивиды индивидуализируются… Представляя собой продукт филогенетического и онтогенетического развития в определенных внешних условиях, индивид, однако, отнюдь не является простой "калькой" этих условий, это именно продукт развития жизни, взаимодействия со средой, а не среды, взятой самой по себе» [20, с. 195–196].

В соотношении с понятием «индивид» понятием «человек» нередко обозначают такой же количественный момент, при котором человек, если и выступает в отдельности, в определенной полноте своих качественных определений, то лишь как определенный вид живых существ. Однако человек является уже выражением качественной определенности, качественного своеобразия живого существа, благодаря которому он выделяется из мира других живых существ в силу особенностей физического, телесного устройства, психической конструкции и, главным образом, способности жить и разумно действовать в общественной среде [24, с. 12]. Он определяется полом, возрастом, физическими и психическими особенностями, которые обеспечивают ему в пределах возрастно-половых и конституционально-нейродинамических потенций возможность приспособления к природной и социальной среде, а также передачу генетической информации, программы его существования в естественных и общественных условиях.

Таким образом, как представляется, можно говорить об индивиде как об отдельном виде живых организмов или особей и человеке как одном из представителей человеческого рода, обладающего такими качественно иными свойствами, которые отличают его от всех иных видов живых существ.

Понятие «личность» также многогранно. В одних случаях ее характеризуют как «внутреннее определение единичного существа в его самостоятельности, как обладающего разумом, волей и своеобразным характером при единстве самосознания» [42, с. 868]. В других – личность выступает в двух ипостасях, а именно: 1) в виде человеческого индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности (лицо в широком смысле слова) и 2) как устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества и общности. Причем, несмотря на то, что понятия «лицо» как целостность человека и «личность» как его социальный и психологический облик терминологически вполне различимы, нередко данные понятия используются как синонимы [6, с. 578].

Вплоть до настоящего времени в литературе господствует представление о социальной сущности личности, которая детерминируется извне.

«Личность, – отмечает А.Н. Леонтьев, – не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не родятся, личностью становятся. Поэтому мы и не говорим о личности новорожденного или о личности младенца, хотя черты индивидуальности проявляются на ранних ступенях онтогенеза не менее ярко, чем на более поздних возрастных этапах. Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека» [20, с. 196].

Общественный характер личности также отмечает И.Г. Петров. Сам термин, по его мнению, исторически актуализировался в связи с установлением частной жизни, частных интересов, частной собственности и выражает социальные свойства и черты общества. Социальные характеристики общества соотносятся с характеристиками личности, и, наоборот, каковы черты личности, таково и воспроизводимое личностью общество [29, с. 115].

Строго социальными рамками ограничивает определение личности С.Л. Рубинштейн. Если понятие «человек», по мнению советского психолога, содержит в себе особую сферу мировоззренческого плана, и, прежде всего, этического порядка, при этом этическое у него не сводится к морали как морализированию, а, скорее, к нравственному содержанию, то проблема определения понятия личности – это, прежде всего, социальная проблема [33, с. 268]. В качестве личности у С.Л. Рубинштейна выступает человек как «единица» в системе общественных отношений, как их реальный носитель, при этом личность фор-

мируется во взаимодействии человека с окружающим миром, а также в осуществляемой им деятельности. Помимо принципа деятельности в аспекте уточнения характеристики понятия личности, С.Л. Рубинштейн вводит принцип историчности (история включает как собственно историю человечества, так и личную историю человека) и принцип деятельности сознания (человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему) [33, с. 271–274].

В.М. Русалов, соглашаясь с А.Н. Леонтьевым в отношении того, что сущность личности действительно составляют общественные отношения, тем не менее, полагает, что личность не исчерпывается целиком общественными отношениями. Такое, по его мнению, чрезмерное противопоставление человека индивиду противоречит тезису К. Маркса о двойственности человека как субъекта природы и субъекта общества [35, с. 15]. Но следует отметить факт того, что К. Маркс не смешивал понятия «личность» и «человек», вполне определенно отмечая дуалистическую природу именно человека, испытывающего воздействие не только социума, но и собственной биологической организации.

В указанных трактовках личность выступает как некий образ абстрактного, идеального человека и, с точки зрения марксистского представления о должном, – комплексе свойств человека будущего.

Если сущностью личности считать социальное, то как относиться к свойствам человека, обусловленным его биологической и психической составляющей? Законы логики будут нарушены, если врожденные свойства человека, оказывая воздействие на его участие в качестве субъекта социальных связей, в то же время будут исключаться из характеристики его как личности.

Действительно, если с возрастом человек все больше становится самодетерминируемым, то означает ли это, что его личность деградирует? Если личность обусловлена социальным влиянием извне, то откуда берется собственная активность ребенка, его творчество и т.д.?

В этом случае связь личности и социальной среды не будет абсолютной. Более того, сама эта связь может подвергаться сомнению, поскольку очевиден отрыв теории личности от ее материального субстрата, где действуют вполне материальные субъекты.

Концепция биосоциальной сущности личности в настоящее время находит все большую поддержку в научной литературе. Так, еще И.П. Павлов высказал вполне определенное мнение об основных факторах детерминации личности: «Личность человека определяется как биологической наследственностью, так и средой» [28, с. 618]. М. Шелер подчеркивает биокультурную сущность личности: «…Всякий “подлинно человеческий акт” изначально двойственен: одновременно духовен и инстинктивен. …Каждый феномен человеческой жизни… единство инстинктивно-витальных и культурно-духовных начал…» [41, с. 397].

Данная концепция находит свое подтверждение и в результатах проведенных психогенетических исследований. Например, в литературе описывается исследование 350 пар однояйцевых близнецов, которые воспитывались врозь. В результате делается вывод, что наследственность оказывает более сильное влияние на формирование характера ребенка, чем его воспитание [10, с. 29–30].

В то же время нельзя уменьшать роль социального воздействия на развитие личности. Внешняя обусловленность личности значима в той степени, в которой человек является членом данного общества, участником общественных процессов, в которые он включается с момента рождения.

Следует согласиться с теми авторами, которые считают, что личность формируется в результате воздействия как природных свойств, так и социальной среды. Но человек включается в отношения с обществом с момента его рождения, так, например, именно с данным юридическим фактом связывается появление у него правоспособности, и, соответственно, с этого момента можно вести речь о личности в праве. А если личность появляется с рождением человека, то, по-видимому, справедлив вывод о том, что личностью не только рождаются, но и становятся.

Будет правильно признавать существование разных личностей: высокого уровня развития и малоразвитых, достойных и деградированных, и т.д. Каждый живой человек заслуживает отношения к себе как к личности [16, с. 63; 15, с. 65; 14, с. 137] потому, что любой человек есть личность. Другое дело, что понятие «человек» скорее в большей степени указывает на его связь с природой, тогда как понятие «личность» преимущественно характеризует связь человека с социальной средой. Так, О.В. Орлова отмечает, что «понятие личности в целом тождественно понятию

человека, но такого, который поднялся до уровня личностного отношения между человеком и обществом…» [27, с. 37]. В то же время указанное замечание не исключает характеристику человека в аспекте общественных связей, поскольку в настоящее время человек и общество не могут быть мыслимы вне их взаимодействия.

В человеческой природе нет автономно действующей биологической или социальной субстанции, нельзя представить социальные свойства в отрыве от нервных (по природе – биологических) механизмов психической деятельности. Поскольку биологическое и социальное не находятся в одном ряду, не располагаются по горизонтали свойств, не встраиваются механически одно в другое и не связаны прямой корреляционной связью и жесткой детерминацией [26, с. 32–33], постольку связи социально-биологических характеристик (свойств) человека исторически обусловлены, подвижны, расторжимы и потому обеспечивают свободу для различных комбинаций их проявления, многообразия выражения индивидуальной и коллективной деятельности, и биологическое, и социальное оказывают друг на друга постоянное взаимно преобразующее воздействие. Главное при этом – фиксировать не только воздействие социального на природное и, соответственно, преобразование последнего, но учитывать и обратный процесс. Естественное – суть органическая основа социального развития человека, которая ограничена особенностями биологических возможностей не столько определенной группы, сколько возможностями конкретного человека. В то же время постепенное расширение социально-экономических возможностей увеличивает объем и разнообразие потребностей человека, а способ их удовлетворения все более приобретает социальный характер, социально оценивается и контролируется [26, с. 33].

Тем не менее, ограничиваясь характеристиками биологического и социального, мы не смогли бы определить природу свойственных индивиду характеристик и особенностей, которые, в своей совокупности, являются качествами человеческой природы, детерминирующими соответствующий отклик в социальной сфере (в общем) и в юридической науке (в частности). К числу таких детерминирующих свойств в науке относят свойства психические (психика – ментальное – сознание) [7, с. 48–50], по отношению к которым в настоящее время не сформирован единый подход. Поскольку данные качества являются субъективными, присущими личному миру каждого конкретного индивида, то считается само собой разумеющимся включать их в качестве первоэлементов в структуры объективного, т.е. социального бытия [33, с. 362]. При этом социальное бытие как универсальное, общая для всех индивидов организация существования, очерчивается в качестве некоей высшей формы порядка, в рамках которого снимается проблема субъективного как особого, не схожего ни с чем иным, способа жизни и деятельности. Против взглядов, согласно которым социальное фундирует субъективные качества человека, детерминирует практически все его свойства и способности, выступает Д.И. Дубровский, который настаивает, что именно субъективная реальность (психика, сознание, интеллект) является той основой, которая формирует в том числе и социальные нормы общества (моральные, правовые и т.д.) [13]. Например, такие универсальные явления социальной жизни, как мораль и право, сосредоточивают в своих институциональных формах предельно общие представления и требования, которые, с одной стороны, содержат в себе свойственные каждому человеку представления о правильном – неправильном, добре – зле, справедливом – несправедливом и т.д., а с другой стороны, данные представления в результате универсализации становятся предельно абстрактными и обезличенными.

В настоящее время все больше ученых заявляет, что именно субъективные качества человека, его природные, естественные, психические и иные свойства, являются той «почвой», на которой могут произрасти все вторичные социальные конструкты.

В своей известной книге М. Хаузер утверждает, что люди обладают врожденным (генетическим) моральным инстинктом, действующим независимо от их пола, образования и вероисповедания (т.е. независимо от социальных факторов). Каждый человек уже рождается с «моральной грамматикой», фиксированной в структурах мозга эволюцией, следовательно, человек подсознательно и автоматически оценивает, какие действия запрещены, а какие допустимы и даже обязательны. Социум же является функциональной структурой оформления генетически обусловленных моральных потребностей индивидов. Но, согласно М. Хаузеру, сама по себе социальная структура не может детерминировать общих универсаль-

ных (высших) принципов: они формируются генетическими свойствами людей, принадлежащих той или иной культуре, религии, традиции и т.д. [39, с. 9]. Данная теория напоминает идею К.-Г. Юнга о роли коллективного бессознательного в процессе индивидуализации человека (становление личности), с одним лишь исключением: М. Хаузер не склонен синтезировать иррациональные свойства с рациональными, считая мораль исключительно генетическими формами (одной из форм) приспособления человека к окружающей действительности.

Понимание личности, прежде всего, возможно тогда, когда оно представлено как научная теория, рассматриваемая в качестве особой системы научного знания. Систему формируют множество связанных друг с другом элементов, которые при определенном рассмотрении образуют единое целое. Свойства системы зависят от свойств образующих ее элементов и отношений между ними. При этом любая система обладает такими свойствами, которыми не обладают ее элементы, как и элементы имеют свойства, отличные от свойств системы.

На наш взгляд, следует определить, что сводить все свойства человеческой психики, непосредственно влияющие на социальные явления, к биолого-генетическим адаптивным уровням самоорганизации личности не вполне обоснованно. Возникает вопрос о том, что такое адаптивные свойства, каким образом они функционируют как в природных условиях, так и в социальной сфере, т.е. необходимо различать природную (генетическую) адаптацию и вторичную адаптацию – социальную. Если первую форму адаптации можно назвать простой, диспозициональной, то вторая является усложненной формой первой – интенциональной. Как биологическое существо, индивид вырабатывает простую поведенческую адаптацию (диспозициональную), свойственную также и животным, но, как в экзистенциальном и социальном феномене, в нем развивается усложненная форма адаптации – интенциональная, репрезентирующая на уровне сознания те явления и предметы, которые в своей сложной структуре или множественности выходят за рамки единичных (привычных) природных объектов. Интенциональная форма проявляется на качественно ином уровне личности, когда человек адаптируется не только к обычным условиям существования, но и к усложняющимся обстоятельствам социальной жизни, и даже приспосабливается к самому себе, к своим личным потребностям, чувствам и т.д.

Интересы субъекта (их осознание и реализация) взаимообусловлены его свойствами и характеристиками. Проблема человека как относительно самостоятельной системы – это сложное переплетение, сопряжение, субординация человеческих свойств, родовые группы которых определяются по критерию биологических либо социальных характеристик. Система включает ряд последовательно расположенных ее уровней. Завершенность в создании единства системы личности достигается путем анализа свойств на условных «высшем» и «низшем» уровнях. Высший – предполагает анализ социального функционирования человека на молярных уровнях, низший – анализ природных качеств человека, его «рабочих механизмов» осуществления социальных функций [1; 2]. В совокупности все это позволяет представить целостную систему личности, в отдельности – вычленить ее отдельные уровни, которые будут являться предметом частнотеоретического анализа. Личность включает в себя природные и социальные качества, которые составляют ее биолого-социальное содержание. Пропорции сторон этого содержания, а также характер их взаимодействия могут меняться, и, соответственно, могут модифицироваться представления о личности. Именно в этом, по словам М.Ф. Орзих, заключается противоречие и единство человека: биологическое обусловливает его приспособленность к среде, социальное – способность приспосабливать среду. Это противоречие разрешается (и постоянно вновь возникает соответственно развитию познания человека) в процессе включения естественных потенций индивида в общественную жизнь, подструктура «низших этажей» «встраивается» в «верхние этажи». И в этом процессе прослеживается закономерность усложнения, расширения содержания высшего уровня системы и относительного упрощения низшего уровня [26, с. 30–31].

Поскольку социализация биологии человека пронизывает всю его жизнь, то биологическое в человеке представляется не как рядоположенное с социальным, а в самой сфере социального [12, с. 14–16, 31–35]. На интенциональном (высшем) уровне системы личность становится познаваемой и коммуникабельной посредством ее экстериоризации, в процессе ее объективирова-

ния в человеческой деятельности, ее продуктах и общении людей. Обусловлена ли интенциональная форма адаптации генетической организацией человека – вопрос отдельного исследования. Но на этом уровне вполне закономерно рассматривать личность в системе ее связей с обществом, социальной средой.

Свойство иерархичности присуще многим системам. Не является исключением и система личности. Функционирование «низших» уровней создает предпосылки для функционирования «высших», в то время как последние в определенной степени координируют функционирование «низших». Введение уровней системы, состоящих из однопорядковых элементов, позволяет рассматривать систему не только как состоящую из элементов, но и как образованную из уровней. В этом случае система разделяется на уровни. Но такое разделение имеет относительный характер, поскольку сами уровни могут рассматриваться и как определенные элементы, и как отдельные подсистемы.

Сообразно сложившемуся в обществознании «разделению» труда и соответственно вычлененным уровням системы личности можно говорить о содержании частнонаучных предметов человекознания. Если существуют достаточно аргументированные предложения по выделению философского, социологического и психологического аспектов проблемы человека, то можно согласиться с точкой зрения М.Ф. Орзих о том, что, «развивая эту классификацию, нет оснований отрицать самостоятельность правоведческого аспекта человекознания» [26, с. 36]. Учитывая тот факт, что человек является сложной, многоуровневой системой, на высшем уровне системы не могут не создаваться усложненные формы социальной самоорганизации личности. На интенциональном уровне системы личности, среди психологического, социологического, нравственного и других, можно выделить правовую подсистему личности.

Таким образом, система личности имеет полисистемную природу, а правовая подсистема личности выступает как результат иерархической организации данной системы.

Дальнейшее выстраивание иерархии системы личности по вертикали ведет к наиболее элементарной подсистеме индивидуальности, особенному для каждого субъекта сочетанию качеств и свойств, делающих из него неповторимую и непохожую личность. Неповторимую в том числе и потому, что с набором таких элементов два и более субъекта не могут находиться в одном и том же месте пространства в одно время. Следовательно, возникает разное окружение, разные связи, разное восприятие действительности, и, как результат – то, что называется индивидуальностью личности.

В юридической науке имеется точка зрения, что в структуру (систему) личности в качестве ее компонентов (элементов) входят сознание, воля и способность к деятельности. Сознание как основной элемент означает способность отражать действительность, отдавать себе отчет в своих поступках. Воля – это способность к выбору деятельности, волевое поведение включает принятие решения и его реализацию. Деятельность же рассматривается как процесс, связанный с использованием интеллектуальной и физической энергии, специальных средств, направленный на достижение цели, результата [38, с. 163; 30, с. 120–121].

Если личность – это любой человек, обладающий свойствами, которые могут быть социальными или социально значимыми, если свойства личности не сводятся к индивидуальным особенностям человека, а включают и общее, и особенное, и единичное, то именно свойства и составляют объективный (родообразующий) признак личности. Социальная ценность и оценка личности связана с осознанием человеком себя в качестве личности. Данный признак (уровень самосознания) является важным, но все же необязательным для определения понятия личности, поскольку социально значимое свойство может иметь как позитивную, так и негативную оценку. Особенно этот вывод применим к правоведению, поскольку отношение позитивного права и общественной морали к одному и тому же явлению не всегда совпадают [23, с. 17–40; 22, с. 284–314]. Поэтому следует поддержать высказанный А.Г. Бережновым тезис о том, что личность как научная абстракция – это совокупность (или система) изменчивых по своему содержанию социально значимых свойств, проявляющихся в конкретных отношениях [5, с. 15–17]. В числе социально значимых могут быть свойства, обусловленные и сознанием, и волей, и деятельностью человека.

Высказывая свою точку зрения на биологические и социальные свойства личности, мы отдаем отчет в том, что концептуальный плюрализм теории личности скорее всего не будет преодо-

лен еще очень долго, если, конечно, его вообще можно преодолеть. Но обращаясь к объекту юридической науки, следует указать на мнение И.Е. Фарбера о несовпадении понятия «личность» в праве и в философии. В философии не каждый человек признается личностью: дети и умалишенные, как не обладающие разумностью и свободой воли, не считаются ими. Иначе дело обстоит в праве, где каждый человек признается носителем прав и обязанностей, юридической личностью или субъектом права [40, с. 21]. Следовательно, если термин «личность» используется в законодательстве и правоприменительной практике, то задача может заключаться не в изъятии данного термина из юриспруденции, а в раскрытии его содержания [34, с. 21].

Правоведение принадлежит к области гуманитарных наук, изучающих человека или в его личных свойствах и деятельности, или в его общественных отношениях и союзах [32, с. 264]. Насколько юридическая наука входит в систему наук о человеке, настолько она призвана разрабатывать частнонаучную (юридическую) теорию личности.

Если личность – это любой человек, поскольку любой человек обладает социальными значимыми свойствами, проявляющимися в конкретной деятельности, которая дает основание для той или иной оценки личности [3, с. 78], то задачей юридической науки в значительной степени является разработка юридической модели личности, фиксации системы ее качеств (свойств), обеспечивающих возможность включения человека в правовую сферу общественной жизни [37, с. 22].

Право прямо или опосредованно (в зависимости от понимания того, что право регулирует) оказывает воздействие на поведение личности. В.Н. Кудрявцев выделяет несколько уровней поведения. Самый низший уровень – телодвижение как физическое действие человека. Второй, более высокий уровень поведения, – действие, которое рассматривается в качестве основного элемента поведения. В отличие от телодвижений, действия содержат и объективные, и субъективные его свойства, не только внешнюю форму, но и внутреннее содержание (цель, мотив и т.п.). Третий уровень поведения – операция как комплекс действий, ориентированных на решение определенной задачи. Отдельно выделяется поступок, который рассматривается не как уровень поведения, а в качестве социальной характеристики данных уровней поведения, их общественной значимости, смысла и значения [18, с. 15–16].

Правовое значение имеет только то поведение, которое выражено вовне, во внешней физической среде. «Право не в состоянии регламентировать и регулировать мышление человека и не должно стремиться это сделать, – отмечает В.Н. Кудрявцев, – правовые предписания действуют через сознание и волю, но регулируют не сами эти психические процессы, а их результаты – объективно совершаемые поступки» [17, с. 144]. Л. фон Мизес отмечает, что человеческое действие есть волевое поведение. Точнее, действие есть преобразованная в поступок воля, а ее цели и направленность есть осмысленный ответ на стимулы и условия среды. По его мнению, не следует делить людей на активных, энергичных, пассивных и бездеятельных. Сильный и предприимчивый человек, ведущий борьбу за улучшение, – не хуже и не лучше того, кто летаргически принимает вещи такими, как они есть. Тот, кто терпит нечто нетерпимое, что можно было бы изменить, действует не менее того, кто активно вмешивается, добиваясь другой цели. Значит, поступок заключен не только в действии, но и в противодействии тому, что должно было быть сделано [21, с. 37–39].

Возникновение правовых отношений во многом зависит от инициативы и поведения сторон таких правоотношений. В свою очередь, поведение обусловливается самым разнообразным комплексом свойств человека. Среди них могут быть выделены биологические и социальные факторы-свойства. Когда право дает основание говорить о юридической релевантности свойств человека, условное обособление их совокупности по принадлежности тому или иному субъекту позволяет вести речь о личности в праве.

Выделение юридически значимых свойств может иметь особое значение применительно к исследованию и определению роли человека в возникновении правового отношения и его надлежащем осуществлении. И именно с помощью их возможно решение отмечающихся в литературе проблем декоративности и недостаточной гарантированности объявленных в действующем законодательстве прав и свобод, а также невозникновения юридических отношений тогда, когда они согласно нормам объективного права должны возникнуть [11, с. 203].

Отношения возникают между вещами на основе их свойств. В этом смысле отношение есть

следствие (результат) реализации свойства данного объекта в его соотношении с другими объектами. Следовательно, свойство – это потенциальное отношение, а отношение – реализованное свойство [36, с. 19; 31, с. 502].

Поэтому на уровне правовой подсистемы теории личности можно предложить следующее определение личности. Личность – это совокупность (или система) общих и особенных по своему содержанию юридически релевантных свойств человека, реализующихся в общественных отношениях.

Для того чтобы не потерять своей научной значимости, теория личности, в том числе на уровне правовой подструктуры системы личности, должна учитывать и, в случае необходимости, корректироваться с учетом сбора и последующей обработки новых эмпирических данных. Новые акценты могут быть сделаны и в результате исследования генезиса юридически релевантных форм участия человека в общественных отношениях.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* Психологическая структура человека как субъекта // Человек и общество. Вып. 2. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.

2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.

3. *Ануфриев Е.А.* Социальный статус и активность личности. – М., 1984.

4. *Барзилова Ю.В.* Правовой статус личности в свете современных реалий // Новая правовая жизнь. – 2005. – №3.

5. *Бережнов А.Г.* Права личности: некоторые вопросы теории. – М.: Изд-во МГУ, 1991.

6. Большая Советская Энциклопедия: В 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М., 1973. – Т. 14.

7. *Брентано Ф.* О происхождении нравственного познания. – СПб.: Алетейя, 2000.

8. *Вальверьде К.* Философская антропология. – М., 2000.

9. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России. – М., 1997.

10. *Голман Д.* Гены определяют характер // Америка. – 1988. – №381.

11. *Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю.* Энциклопедия права. Учебное пособие. – СПб., 2008.

12. *Дубинин Н.П., Карпец И.Н., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность. – М., 1989.

13. *Дубровский Д.И.* Сознание. Мозг. Искусственный интеллект. – М.: ИД Стратегия-Центр, 2007.

14. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: Учебник. – 3-е изд. – М.: Юрайт, 1997.

15. *Комаров С.А.* Советское общенародное государство и личность: Политико-правовые аспекты. – Красноярск: Изд-во Красноярс. ун-та. 1986.

16. Конституция общенародного государства. Вопросы теории / Под ред. Л.Ф. Ильичева, Д.А. Керимова. – М., 1979.

17. *Кудрявцев В.Н.* Закон, поступок, ответственность. – М., 1986.

18. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология // Избранные труды по социальным наукам: В 3 т. Т. 1: Общая теория права. Уголовное право. – М.: Наука, 2002.

19. *Кучинский В.А.* Личность, свобода, право. – М., 1978.

20. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность // Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. – М., 1983.

21. *Людвиг фон Мизес.* Индивид, рынок и правовое государство. – СПб., 2006.

22. *Мальцев Г.В.* Нравственные основания права. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во СГУ, 2009.

23. *Мальцев Г.В.* Соотношение моральных и правовых запретов // Права человека и современное государственно-правовое развитие / Отв. ред. А.Г. Светланов. – М., 2007.

24. *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). – М., 1968.

25. *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. – Саратов, 1972.

26. *Орзих М.Ф.* Личность и право. – М.: Юрид. лит., 1975.

27. *Орлова О.В.* Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. – М.: Академический правовой университет, 2005.

28. *Павлов И.П.* // Физиологический журнал. – 1954. – Т. 40. – №5.

29. *Петров И.Г.* Субъект и его характеристика в научной парадигме и аксиологии // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э.В. Сайко. – М.: Наука, 2002.

30. Проблемы теории государства и права / Под ред. В.М. Сырых. – М.: Эксмо, 2008.

31. *Протасов В.Н., Протасова Н.В.* Лекции по общей теории права и теории государства. – М.: «Городец», 2010.

32. *Ренненкампф Н.К.* Очерки юридической энциклопедии. – Киев, 1868.

33. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб.: Питер, 2003.

34. *Рудинский Ф.М.* Личность и социалистическая законность. – Волгоград, 1976.

35. *Русалов В.М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. – М., 1979.

36. *Свидерский В.И., Зобов Р.А.* Новые философские аспекты элементно-структурных отношений. – Л., 1970.

37. Социалистическое право и личность. – Киев; Одесса, 1984.

38. Теория государства и права: Учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2004.

39. *Хаузер М.* Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. – М.: Дрофа, 2008.

40. *Фарбер И.Е.* Свобода и права человека в Советском государстве. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975.

41. *Шелер М.* Современная западная социология. – М., 1990.

42. Энциклопедический словарь. Т. XVII. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб., 1896.

43. *Юнг К.-Г.* Сознание и бессознательное. – М.: Академический проспект, 2007.

УДК 34

Рощин Борис Евгеньевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

pravoborise@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ПРАВА НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА (октябрь 1917–1920 гг.)

В данной работе выявлены и проанализированы некоторые основные отраслевые принципы системы российского (советского) трудового права в период проведения государственной политики, получившей название «военный коммунизм». Данные принципы послужили правовой основой для построения системы социалистической организации труда в условиях становления пролетарской диктатуры в России, а также предопределили правовые формы основных отраслевых трудоправовых институтов и специфику дальнейшего развития трудового права.

Ключевые слова: *отраслевые принципы, социалистическая организация труда, «военный коммунизм», советское трудовое право, система трудового права.*

В процессе формирования, функционирования и дальнейшего развития отраслевой системы современного российского трудового права (как одной из важных, ведущих, сложных и объемных отраслей отечественной национально-правовой системы) ключевое значение имеют такие системообразующие (сущностные) правовые категории, как предмет правового регулирования, метод правового регулирования и отраслевые принципы правового регулирования. Образно говоря, данные категории представляют собой «три кита», благодаря которым самостоятельно существует (и обладает своими характерными отличительными чертами) каждая отрасль права.

Общая теория права (и теория российского – в т.ч. советского – трудового права) уделяла достаточно большое внимание изучению правовых принципов, их роли в юридическом (правотворческом и правоприменительном) процессе. В настоящее время данная правовая категория не перестает находиться в поле зрения отечественной юридической науки.

Слово «принцип» (от латинского «principium») означает: основа, начало, исходное положение, руководящая идея, основное правило деятельности. В течение продолжительного периода времени в теории права доминирует традиционная (аксиоматическая) формулировка понятия правовых принципов: «Это выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни» [1, с. 75]. Достаточно полно и образно выразил сущность принципов трудового права И.Я. Киселев: «Они определяют характер отраслевых норм, их сущностные свойства, смысл правового регулирования труда, помогают уяснить

© Рощин Б.Е., 2010

содержание норм, правильно их истолковать и применить на практике. Можно сказать, что принципы – это своего рода скелет права, его общий осадок. Или их можно назвать "идеологической основой" или "духом отрасли трудового права" …принципы правового регулирования труда подобны камертону, настраиваясь на который законодатель формулирует нормы ("букву права"), вносит изменения и дополнения в правовые акты, применяет их» [2, с. 85].

Следует отметить, что в настоящее время взгляды некоторых специалистов на традиционный подход к отраслевым принципам существенно меняются. Основные разногласия заключаются в степени понимания отраслевых принципов. Широкое понимание представляют отраслевые принципы как объективное социально-правовое явление (как «руководящие начала», «господствующие идеи», «основополагающие ценности» и т.п.) и, следовательно, практическую возможность выявить их из смысла трудоправовых норм.

Узкое понимание отраслевых трудоправовых принципов предполагает обязательное закрепление (формулирование) их в нормах трудового права. «Некоторые принципы получают прямое закрепление в конкретных нормах. Это нормы-принципы. Другие не закреплены в конкретных нормах. Они выводятся путем абстрагирования из содержания и смысла всей совокупности отраслевых норм…» [2, с. 85].

В настоящее время, по мнению ряда ученых, некая «руководящая идея» (даже сверхценная), не облеченная в форму правовой нормы, не может являться отраслевым принципом (т.к. нарушение некой абстрактной идеи не обеспечено конкретной санкцией со стороны соответствующих субъектов) и больше относится к сфере правовой культуры или правовой науки. Однако, по мнению ряда ученых, при исследовании правовых принципов (как руководящих идей, своего рода «несущих конструкций»), неразумно (и даже абсурдно) полагаться исключительно на волю законодателя. Так, известный исследователь принципов уголовного процесса (что не меняет сути и применимо к принципам других отраслей права) профессор В.Т. Томин утверждает, что «критерием признания того или иного общего положения принципом уголовного процесса как отрасли государственной деятельности не может быть помещение (появление) его в том или ином нормативном акте. В любом нормативном акте – будь это УПК или Конституция страны… Законодателям тоже свойственно ошибаться. Как и другим нормальным людям (пораженным субъективизмом особливо)» [6, с. 17].

Следует отметить, что отраслевая система современного российского трудового права прошла достаточно тернистый, эволюционный путь и имеет «за плечами» богатое и поучительное историческое прошлое. Изучение и объективное осмысление исторического опыта позволяет не только познать свое прошлое (ощутить себя субъектом исторического процесса), но и в какой-то степени более адекватно оценить настоящее, а также осуществить определенные прогнозы на будущее. «Изучение истории развития правового регулирования труда имеет, в конечном счете, чисто прикладное значение – ибо позволяет с большим знанием дела сформулировать предложения по реформированию действующего сейчас в России механизма правового регулирования труда», – справедливо отметил Е.Б. Хохлов [7, с. 185].

Изучение российского исторического опыта правового регулирования социально-трудовой сферы свидетельствует, что основные отраслевые принципы трудового права никогда не были легально закреплены (прописаны) в соответствующих Кодексах Законов о Труде (1918, 1922, 1971 гг.). В связи с этим ученые-трудовики выводили отраслевые принципы из сути трудоправовых норм, по-своему их формулируя, что создавало определенные проблемы при правоприменении. Впервые основные принципы правового регулирования труда закрепил Трудовой Кодекс РФ (ст. 2), принятый в 2001 г.

Целью нашей работы является выявление из смысла трудоправовых норм некоторых основных отраслевых принципов российского (советского) трудового права, система которого формировалась и функционировала на начальном этапе правового обеспечения государственных мероприятий по созданию основ социалистической организации труда (октябрь 1917–1920 гг.).

Очевидно, любое социально-правовое явление (в т.ч. формирование основ советского трудового права) необходимо рассматривать с учетом конкретно-исторических условий, соответствующего периода. Рассматриваемый период имел ряд характерных специфических особенностей: а) советское правительство осуществляло коренные экономические преобразования (национализация основных средств производства круп-

ных и средних предприятий, резкое ограничение свободы торговли и денежного обращения); б) принимались меры по организации новой (социалистической) формы труда, нацеленной на построение основ социализма (как низшей фазы коммунистического общества); в) многие первоочередные меры экономической и социальной политики государства были продиктованы экстремальной (зачастую непредсказуемой) обстановкой (сопротивление контрреволюции, тотальная хозяйственная разруха, катастрофическое обнищание масс, духовный кризис, а также (с конца 1918-го по 1920 г.) Гражданская война, отягощенная иностранной интервенцией).

В деятельности советских органов государственной власти данного периода превалировали достаточно жесткие (зачастую насильственные) методы, направленные на удержание власти и установление пролетарской диктатуры. Вероятно, следует согласиться с точкой зрения ряда современных исследователей, полагающих, что эпоха «военного коммунизма» наступила не с середины 1918 г., а сразу после захвата государственной власти большевиками 25 октября 1917 г. Ключевую роль в проведении соответствующих преобразований играло советское трудовое законодательство, формирование которого незамедлительно началось при смене государственной власти.

Анализ основных трудоправовых нормативных актов позволяет определить стержневые принципы советского трудового права: а) принцип классовости советского трудового права; б) принцип всеобщности трудовой повинности; в) принцип превалирования централизованного регулирования труда над локальным; г) принцип революционного творчества масс; д) принцип огосударствления российских профсоюзов.

Конституционный принцип «классовость советского трудового права» основан на идеологических установках о классовой сущности пролетарской демократии, которая, «тем не менее, принципиально отличается от всех предшествующих ей типов демократии, в том числе и от наиболее высокого из них – буржуазного… Советская демократия направлена против эксплуататорского меньшинства общества» [8, с. 32]. Наиболее отчетливо данный принцип сформулирован в первой Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г. на заседании V Всероссийского съезда Советов. Статья № 23 основного закона гласила: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

При формировании и эволюции отраслевой системы российского трудового права узкоклассовый подход проявился во всех отраслевых институтах данного правового явления (трудоустройство, социальная защита, охрана труда и т.д.). Так, за рамками системы социального обеспечения оставались многочисленные слои российского населения, не говоря о всевозможных «классово чуждых», «буржуазных», «полупролетарских», «неблагонадежных» и т.п. элементах.

Принцип «всеобщности трудовой повинности» базировался на руководящих партийных установках РСДРП и соответствующих идеологических «предписаниях» марксистско-большевистских теоретиков по вопросам принуждения к труду (в частности, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина). Так, до принятия первой российской конституции, В.И. Ленин в статье «Удержат ли большевики государственную власть?» (опубликована в октябре 1917 г.) писал: «…Всеобщая трудовая повинность является в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов самым могучим средством учета и контроля… Это средство контроля и принуждения к труду посильнее законов конвента и его гильотины. Гильотина только запугивала, только сламывала активное сопротивление. Нам этого мало… Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо заставить работать в новых организационно-государственных рамках. “Кто не работает, тот не должен есть” – вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое… введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью» [4, с. 183–184].

А Л.Д. Троцкий в докладе на IX съезде РКП (б) (март 1920 г.) мотивировал острую необходимость милитаризации труда (его всеобщность, принудительность): «Милитаризация немыслима… без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит – он будет дезертиром, которого карают» [9, с. 94].

В своей известной работе «Экономика переходного периода», появившейся на кульминаци-

онном этапе политики «военного коммунизма» (май 1920 г.), Н.И. Бухарин (ведущий идеолог большевизма) утверждал: «Необходимо уничтожение так называемой “свободы труда”. Ибо последняя не мирится с правильно организованным “плановым” хозяйством и таким же распределением рабочих сил. Следовательно, режим трудовой повинности и государственного распределения рабочих рук при диктатуре пролетариата выражает уже сравнительно высокую степень организованности всего аппарата и прочности пролетарской власти» [5, с. 344].

Первая российская конституция, почти дословно, восприняла ленинское предписание и провозгласила: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность» (п. «е» ст. 3); «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: “Не трудящийся, да не ест!” (ст. 18). По сути, конституционное регламентирование труда российского пролетариата ограничивалось двумя этими нормами.

Механизм правового регулирования процесса привлечения к принудительному труду и отбывания трудовой повинности был установлен и закреплен в ряде основных нормативно-правовых актов, последовательно принятых в первый год становления «диктатуры пролетариата». Среди них: декрет «О воспрещении безработным отказываться от работы»; инструкция Народного Комиссариата Труда «О проведении трудовой повинности»; постановление Народного Комиссариата Здравоохранения «О трудовой повинности медицинского персонала»; положение «Об отделах по распределению рабочей силы» и другие правовые акты, в основном, подзаконного характера.

Первый Кодекс Законов о Труде РСФСР, принятый в декабре 1918 г., легализовал данный принцип. Первый раздел кодекса целиком посвящен трудовой повинности. Все последующие правовые акты по данному вопросу, принятые в период «военного коммунизма», уточняли, конкретизировали либо ужесточали данный процесс (как, например, декрет СНК «О всеобщей трудовой повинности» от 29.01.1920 г., принятый по настоянию Л.Д. Троцкого).

Следует отметить, что данный принцип в полной мере применялся на практике именно в период «военного коммунизма». При переходе к новой экономической политике (1921 г.) всеобщую трудовую повинность в целом отменили, хотя, как социальный феномен, трудовая повинность, порожденная (и официально легализованная) на «заре» становления отраслевой системы советского трудового права (хотя, справедливости ради, следует отметить, что определенные действия к введению трудовой повинности, в частности, на железных дорогах и лесозаготовках, предпринимало и Временное правительство), в той или иной форме, будет себя проявлять на протяжении всего советского периода.

В основе принципа «превалирование централизованного регулирования труда над локальным» лежат соответствующие идеологические и политические мотивы. В.И. Ленин указывал: «Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов» [4, с. 12]. Отмечается устойчивая тенденция развития централизованного (императивного) воздействия со стороны государственного аппарата на социально-трудовую сферу российского общества. Огосударствление основных средств производства и правовое регулирование императивными нормами основных трудовых аспектов позволяли советскому государству оказывать решающее воздействие на сферу труда российского пролетариата.

В то же время государство, провозгласив принцип «революционного творчества масс», не могло целиком и полностью (одномоментно) лишить рабочий класс революционной инициативы и производственной демократии. Для локального регулирования трудового процесса (т.е. на уровне предприятий, организаций, хозяйств, учреждений) было принято специальное положение «О порядке утверждения коллективных договоров (тарифов), устанавливающих ставки заработной платы и условия труда» (от 02.07.1918 г.). Данное положение устанавливало существенные (обязательные) условия коллективного договора (тем самым унифицируя данный договор): срок действия, порядок приема и увольнения работников, нормировка рабочего времени, оплата труда, порядок пользования квартирами, столовыми и другие условия. Проект данного договора разрабатывался российскими профсоюзами совместно с предпринимателями и формально утверждался Народным комиссариатом труда, даже при отсутствии воли работодателя.

Следует отметить, что заключение коллективных договоров на практике (в данный период) было редким исключением. В период «военного коммунизма» доминировал императивный (централизованный) метод регулирования труда и наметились явные тенденции к формированию административно-командной системы государственного управления. Первый в российской истории КЗоТ РСФСР, принятый в декабре 1918 г., совершенно не упоминал о коллективном договоре, хотя положение, обозначенное выше, не утратило юридической силы. Вместо понятия «коллективный договор» первый советский Кодекс законов о труде устанавливал понятие «тарифное положение», разработка которого возлагалась на российские профсоюзы.

Следует также констатировать полное отрицание советской властью (в рассматриваемый период) понятия «индивидуально-трудовой договор». Ни один нормативно-правовой акт, принятый в период «военного коммунизма», не содержал словосочетания «индивидуально-трудовой договор». Отношение новой власти к подобному локальному регулятору трудовых прав было негативным: «Пролетарская власть на местах сделала в России сначала обязательным коллективный (общий) договор вместо отдельных, частных соглашений, между столь неравными сторонами, как предприниматель и рабочий… Затем, при невозможности достигнуть соглашения с предпринимателями, коллективный (общий) договор (переставший быть договором) становился обязательным по утверждении его органами пролетарской власти… В этой области, следовательно, договор, как средство эксплуатации трудящихся, уничтожен и сохранен лишь в качестве средства для улучшения положения рабочих, по сравнению с обязательным минимумом», – отмечалось в работе Кудряшова (современника данных исторических событий) под названием «Пути Советского строительства (1917–1919)». Советская власть, решительно отвергая индивидуально-трудовой договор, трактовала его как атрибут, присущий лишь буржуазному стою, где труд человека – это такой же товар, как любая материальная вещь. К тому же возможность самого работника, в индивидуальном порядке, требовать перед работодателем установления определенных, более удобных и выгодных условий, а также фиксации их в своем трудовом договоре, расценивалось как некое «буржуазное», чуждое советскому обществу, поведение работника, нацеленное на достижение, в первую очередь, личных (местечковых) интересов.

Принцип «революционного творчества масс» в период «красногвардейской атаки на капитал» активизировал на практике возникновение и функционирование различных представительных организаций рабочей демократии (фабрично-заводских комитетов, рабочих комиссий, профессиональных союзов и т.п.). Основной формой осуществления данного принципа на практике предполагалось создание так называемого «рабочего контроля», который, по словам В.И. Ленина, должен быть «всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим…» [4, с. 180]. Одним из первых декретов советской власти (не принимая во внимание декреты о мире, о земле, о 8-часовом рабочем дне) стал декрет Совета Народных Комиссаров «О рабочем контроле», принятый 14.11.1917 г., согласно которому на законодательном уровне вводился подобный контроль на всех российских предприятиях, применявших наёмный труд. Декрет наделял контрольные органы достаточно широкими полномочиями (тотальная проверка деятельности работодателя, контроль над процессом производства, распределения, обмена, потребления и т.п.). «Организация рабочего контроля является таким же здоровым проявлением рабочей самодеятельности в области производства, как организация партийной деятельности в области политики…, организация клубов – в области культуры» [3, с. 51]. В статье А.Г. Гойхбарга «Конституция труда», опубликованной в журнале «Пролетарская революция и право» отмечалось: «Создавая органы контроля над производством, органы установления внутреннего распорядка в предприятии и сделавшись тем самым решающим фактором в судьбе предприятия, рабочий класс перестаёт себя осознавать только стороной, борющейся только за свои профессиональные интересы и незаинтересованной в успехе предприятия» [10, с. 9].

Очевидно, что подобные высказывания, в большей степени, содержали дух революционной романтики, а не отражали реального положения дел. Изначально было очевидно, что осуществление рабочего контроля на ленинских принципах («вездесущего», «всеобъемлющего» и т.п.) требовало работы специалистов, обладавших соответствующими знаниями (например, при про-

верке бухгалтерии предприятия, его финансового состояния и т.п.), умениями, навыками.

Принцип огосударствления российских профсоюзов изначально базировался на соответствующей ленинской идее о том, что российские профсоюзы «по месту их в системе диктатуры пролетариата состоят… между партией и государственной властью», а также выполняют роль воспитательной организации, организации вовлечения и обучения, становясь на практике школой управления, «школой коммунизма».

К концу 1918 г. наметилась явная тенденция к огосударствлению профсоюзов и постепенному вхождению их в систему органов государственного механизма. В последующие годы профсоюзы (из общественных рабочих организаций) постепенно становились субъектами публичного права и своего рода «приводными ремнями», посредством которых государство взаимодействовало с рабочим классом.

В заключение следует отметить, что анализ трудового законодательства периода «военного коммунизма» позволяет выявить и ряд других (по-видимому, не менее важных) отраслевых принципов (например, принцип социального обеспечения российских трудящихся, принцип всеобъемлющего действия трудоправовых норм в сфере труда и другие), отразивших специфику экономической и политической модели общества и ставших ориентиром для эволюции трудового права. С.С. Алексеев отметил: «…Понятие “принцип права” обнаруживает свой познавательный потенциал… на том уровне …на котором рассматриваются особенности правовых систем того или иного исторического типа. Именно тогда принципы права и выступают в качестве начал, в которых аккумулируются, собираются воедино, кристаллизуются характерные черты права той или иной общественно-экономической формации» [1, с. 75].

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: Учебник. – М.: Проспект, 2009. – 576 с.

2. *Киселев И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.

3. *Кудряшов А.А.* Пути Советского строительства (1917–1919). – М.: Типография И.Д. Сытина, 1919. – 69 с.

4. *Ленин В.И.* О трудовом законодательстве. – М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1959. – 519 с.

5. Цит. по: *Лацис О.Р.* Перелом: Опыт прочтения несекретных документов. – М.: Политиздат, 1990. – 399 с.

6. *Томин В.Т.* Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт, 2009. – 376 с.

7. *Хохлов Е.Б.* Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1: Правовое регулирование труда в Российской империи. – СПб.: Специальный юридический факультет по переподготовке кадров по юридическим наукам Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. – 194 с.

8. *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 года. – М.: ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2003. – 224 с.

9. Девятый съезд РКП (б). Протоколы. – М.: Изд-во Политической литературы, 1960. – 650 с.

10. Пролетарская революция и право. – 1918. – №8.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

Ермилова Анна Вячеславовна
кандидат социологических наук
Ивановский государственный университет
DanilovaSS@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Рассматривается проблема самоопределения инженерно-технической интеллигенции как механизма соотнесения себя с обществом; выявляется наиболее выраженная идентичность данной категории населения и определяется ее место в структуре современного общества. В результате фиксируется укрепление маргинального положения инженерно-технической интеллигенции в современном обществе, что ведет к разрушению стабильности власти и социума.

Ключевые слова: *идентификация, интеллигенция, личность, маргинальность, структура общества.*

Социальная структура современного российского общества характеризуется крайней неустойчивостью как на уровне процессов, происходящих в социальных группах и между ними, так и на уровне осознания личностью своего места в системе общественной иерархии.

Отношение личности к себе как общественному феномену, включенному в различные ячейки социального организма, – наиболее сложная и наиболее специфическая ее особенность. В наше время, когда происходит нарушение традиционного уклада, потребность самоопределения в совокупности социальных связей актуализируется. Человек вынужден адаптироваться к изменениям не только в экономической жизни, но следует найти ответы на вопросы: какие группы и слои он признает своими? Каковы его интересы? Содержание идентификации детерминируется, прежде всего, господствующими в обществе социальными отношениями, уровнем их стабильности и интегрированностью субъектов отношений, наличием или отсутствием единой системы ценностей.

Проблема идентификации личности как механизма соотнесения себя с обществом, природой, культурой с сохранением при этом своего «Я», своей индивидуальности является одной из актуальных проблем современного общества. Эта проблема в значительной степени касается и российской интеллигенции.

При всем разнообразии подходов к трактовке понятия «интеллигенция» исследователи выделяют основные присущие этой самой социальной общности характеристики: высокий уровень образования, занятость сложным интеллектуальным или творческим трудом, наличие статуса носителя нравственных ценностей, обладание такими качествами, как духовность, гражданственность, общественный долг.

В настоящее время, когда в условиях российской действительности усугубляется процесс поляризации населения по уровню доходов и целому комплексу иных показателей, формирующих социальное неравенство, интеллигенция оказывается расколотой на богатых и бедных. Меньшая часть ее («звезды» эстрады, кино, СМИ, политики), получая высокие гонорары, ограничивает круг своего общения «тусовкой» среди себе подобны, лишь изредка осуществляя «хождение в народ». Большая же часть интеллигенции – представители массовых профессий (врачи, учителя, культработники и др.), издавна уважаемые в России, несущие на себе и постоянно воспроизводящие сущностные черты типичного российского интеллигента, – сведены до положения работников сферы услуг (образовательных, медицинских и пр.). Властная политическая элита, поддержанная «демократическими» СМИ, фактически лишила этих людей достойной заработной платы и общественного признания высокой, одухотворяющей ценности их труда, а значит – и перспектив как людей, не приносящих прибыли стране, строящей капитализм. В России интеллигенция утрачивает свои функции, значение и общественное содержание. Остро ощущается нехватка ин-

© Ермилова А.В., 2010

Таблица 1

Социально-демографическая характеристика участников опроса, в % (N=150 чел.)

Социально-демографические характеристики		Пол	
		мужской	женский
Возраст	до 30 лет	22,2	19,7
	31–40 лет	20,4	15,2
	41–50 лет	16,7	40,9
	51–60 лет	29,6	21,2
	старше 60 лет	11,1	3,0
Образование	одно высшее	88,9	92,4
	два высших	11,1	6,1
	аспирантура	0	1,5
Стаж работы	до 10 лет	29,6	30,3
	10–15 лет	11,1	7,5
	16–20 лет	14,8	15,2
	21–25 лет	9,3	16,7
	более 25 лет	35,2	30,3

теллигентности как тенденции и качества социокультурного процесса. Массовая бедность, социальная и морально-психологическая униженность обескровили и обесценили механизмы идентификации интеллигенции, существенно снизили ее роль как референтной группы, традиционно выступавшей носителем высокой социальной ответственности, совестливости, образованности. Как отмечает исследователь Е.С. Элбакян, в наши дни происходит распад идентификации интеллигенции, деформирующий ее сознание и выражающийся в неспособности к выработке собственного устойчивого образа. По его мнению, причины этого процесса следует искать:

– в неоднозначности и колебаниях привычных рамок самоидентификации интеллигенции (в результате трансформации ценностных ориентиров);

– в снижении роли выработанных и признаваемых авторитетов и устойчивых символов;

– в сужении пространственно-временного поля, характерного для кризисных этапов в развитии общества [1, с. 82–96].

Таким образом, данная категория населения оказалась вытолкнутой из круга ранее существовавших социальных стереотипов, привычных норм, представлений и вынуждена адаптироваться к новым социальным условиям. Люди, находясь у черты бедности, не знают своего положения в социальной структуре, что способствует размыванию данного слоя населения и приводит к разрушению стабильности.

В связи с этим возникает вопрос о самоидентификации интеллигенции в социальной структуре общества, чему и было посвящено настоящее социологическое исследование, проведенное кафедрой социальной работы и прикладной социологии ИвГУ, объектом которого явились представители инженерно-технической интеллигенции.

Опрос инженерно-технической интеллигенции проходил на предприятиях ОАО «Новая Ивановская Мануфактура» и ОАО «Строммашина», в ходе которого было опрошено 150 представителей данной категории населения. Цель работы состояла в том, чтобы определить принадлежность респондентов к интеллигенции, выявить наиболее выраженную идентичность и определить место инженерно-технической интеллигенции в структуре современного общества. В ходе исследования необходимо было доказать то, что в современном обществе затруднен процесс идентификации интеллигенции, который выражается в деформации ее сознания и неспособности к выработке собственного устойчивого образа, за счет чего увеличивается маргинальная категория населения.

Инженерно-технической интеллигенцией обычно называют социально-профессиональную группу, включающую в себя ученых в области техники, инженеров, техников, то есть высококвалифицированных специалистов, профессионально работающих в сфере индустриального производства и обслуживающих его отраслей

деятельности, куда входят научное и информационное обеспечение, проектно-конструкторские работы, маркетинг и т.д.

В социологическом опросе приняло участие 45% мужчин и 55% женщин. Средний возраст опрошенных составил 43,5 лет. Социально-демографические характеристики участников опроса представлены в таблице 1.

Наиболее представительной является группа женщин в возрасте 41–50 лет – 40,9%. Уровень образования данной категории населения можно оценить как высокий, так как 89% мужчин и 92,4% женщин имеют одно высшее образование. Два высших образования имеют в основном респонденты молодых возрастных групп до 30 лет. Как среди мужчин, так и среди женщин преобладает группа, имеющая стаж работы более 25 лет (соответственно: 35,2%; 30,3%), но сохраняется значительная часть респондентов, у которых стаж работы менее 10 лет.

Несмотря на то, что степень образованности инженерно-технической интеллигенции оценивается как высокая, это не свидетельствует о высоком уровне их материального состояния. Значительная часть женщин отмечает, что их доход не превышает 120 долларов (48,5%), что говорит о низком уровне оплаты труда. Кроме того, женщины, отметившие доход ниже 60 долларов (15,2% против 3,7%), находятся в возрасте старше 41 года (43%) и имеют стаж работы более 21 года. Немного иная ситуация наблюдается у мужчин: их личный ежемесячный доход выше, чем у женщин. Так, например, доля респондентов, отмечающих уровень дохода ниже 120 долларов, составляет только 14%. Основная же часть участников опроса мужчин имеет доход 200–300 долларов (83,3%). На наш взгляд, невысокий уровень дохода инженерно-технической интеллигенции обусловлен кризисом российской экономики, когда предприятия задерживают заработную плату работникам, выплачивая ее частями. Как показало исследование, половина представителей интеллигенции не имеет никакого накопленного имущества в силу своего низкого материального положения. Важно уточнить, что 87,9% респондентов отмечают: за последний год их материальное положение ухудшилось, и лишь 12,1% считают, что оно осталось на прежнем уровне. В результате наблюдается снижение показателей среднеобеспеченных респондентов во время кризиса на 20%, в то время как доля участников опроса, считающих себя малообеспеченными, возрастает на 20%. Таким образом, значительная часть интеллигенции не адаптирована к самостоятельной и независимой жизни, особенно женщины, и не может соответственно встроиться в общественные условия в силу отсутствия необходимых ресурсов, а также вследствие личностных особенностей (например, возраста).

Анализ принадлежности к группам инженерно-технической интеллигенции показал, что 59,2% респондентов относят себя к группе инженеров, 35,8% – считают себя высококвалифицированными специалистами, 3,3% – идентифицируют себя с техниками, а 1,7% – определяют себя как ученые в области техники. При этом с увеличением стажа работы на предприятиях увеличивается число участников опроса, идентифицирующих себя с высококвалифицированными специалистами, и наблюдается одновременно сокращение группы инженеров до 38,5%.

В целом по выборке большинство респондентов считает себя представителями интеллигенции (73,7%). Однако мы можем наблюдать некоторые особенности в самоидентификации интеллигенции в зависимости от ее социально-демографических характеристик (табл. 2).

Мужчины в большей степени, чем женщины, отрицают свою принадлежность к интеллигентному слою. Следует также учитывать, что уровень образования и материального достатка у мужчин выше, чем у женщин. К тому же, как показывают данные таблицы, мы можем наблюдать тенденцию, которая заключается в том, что с увеличением уровня образования и стажа ра-

Таблица 2

Анализ принадлежности к интеллигенции в зависимости от социально-демографических характеристик, в % (N=150 чел.)

Социально-демографические характеристики		Принадлежность к интеллигенции	
		да	нет
Пол	мужской	59,3	40,7
	женский	85,9	14,1
Образование	одно высшее	72,9	27,1
	два высших	80	20
	аспирантура	100	0
Стаж (лет)	до 10 лет	57,1	42,9
	10-15 лет	72,2	27,8
	16-20 лет	81,8	18,2
	21-25 лет	82,1	17,9
	более 25 лет	86,7	13,3

Таблица 3

Анализ определения респондентами общности с различными группами в зависимости от их пола и возраста, % (N=150 чел.)

Социально-демографические характеристики		Коллеги	Люди своего поколения	Люди той же национальности	Люди той же профессии	Россияне	Люди того же материального достатка	«Советский народ»
Пол	мужской	57,4	42,6	5,6	9,3	5,6	9,3	3,7
	женский	72,4	51,5	1,5	27,3	13,6	30,3	0
Возраст	до 30 лет	72	48	0	12	4	16	0
	30–40 лет	61,9	52,4	0,0	14,3	9,5	28,6	0
	41–50 лет	63,9	50	2,8	25	8,3	19,4	2,8
	51–60 лет	63,3	46,7	10	23,3	20	26,7	0
	старше 60 лет	75	25	0	12,5	0	0	12,5

боты увеличивается число респондентов, идентифицирующих себя с интеллигентным слоем.

Однако 26,3% инженеров, которые не причисляют себя к интеллигентной категории населения, отмечают отсутствие или недостаточную выраженность таких качеств, как чувство общественного долга, гражданственность, самокритичность, духовность. Скорее всего, эта часть опрошенных испытывает кризис идентичности, так как у них затруднен процесс адаптации к новым социальным условиям.

У данной категории населения наиболее выражена идентичность с коллегами по работе (65,8%) и людьми своего поколения (47,5%), свидетельствующая об их однородном социальном окружении. Удельный вес респондентов, ощущающих единство со всеми гражданами России, составил только 10 %. По их мнению, причиной низкого уровня единства граждан нашей страны является: сильное расслоение населения РФ – 63,3%; нетерпимость обывателей к чиновникам – 15,8%; размытость взглядов, принципов, убеждений – 12,5%; подозрительность законопослушных граждан к нарушителям закона – 6,7% (см. табл. 3).

Обращает на себя внимание то, что и мужчины и женщины чаще всего испытывают чувство общности с коллегами по работе и людьми своего поколения. Женщины же в меньшей степени выделяют сходство во взглядах с людьми той национальности (1,5%), и нет ни одной участницы опроса, которая бы причисляла себя к общности «советский народ». Удивляет тот факт, что респонден-

Таблица 4

Определение места в структуре общества в зависимости от социально-демографических характеристик, в % (N=150 чел.)

Социально-демографические характеристик		Слои общества			
		верхний	средний	маргинальный	нижний
Пол	мужской	3,7	79,6	13	3,7
	женский	3	53	33,3	10,6
Возраст	до 30 лет	0	68	20	12
	30–40 лет	4,8	61,9	23,8	9,5
	41–50 лет	5,6	63,9	22,2	8,3
	51–60 лет	3,3	66,7	26,7	3,3
	старше 60 лет	0	62,5	30,5	0
Образование	одно высшее	3,7	63,3	25,7	7,3
	два высших	0	90	10	0
	аспирантура	0	0	0	100

ты практически не испытывают идентичности с россиянами, лишь у одной из старших возрастных групп (51–60 лет) явно прослеживается самоидентификация с данной общностью. Таким образом, сближение респондентов с коллегами по работе практически однородное с точки зрения чувства общности и социального окружения.

Целью работы было также определение места инженерно-технической интеллигенции в структуре современного общества.

Как показал опрос, основная масса опрошенных (65%) относят себя к среднему слою, 3,3% – приравнивают себя к верхнему слою, 7,5% – причисляют себя к нижнему слою и 24,2% респондентов добровольно назвали себя маргиналами (см. табл. 4).

Следует отметить, что женщины в большей степени определяют свое положение как маргинальное (33,3% против 13%), что объясняется их низким материальным положением и одновременно идентификацией с интеллигенцией. К тому же женщины, закончившие аспирантуру и имеющие среднеежемесяный доход ниже 120 долларов, считают себя представителями нижнего слоя. Наблюдается закономерность: образование в меньшей степени влияет на принадлежность респондентов к более высокому слою. Анализ данных показал, что наибольшее количество респондентов, считающих себя интеллигентами, причисляют себя к среднему слою (60,7%) и в меньшей степени определяют свою принадлежность к маргинальному слою (24,1%). Тогда как инженерно-техническая группа, не идентифицирующая себя с интеллигентами (26,3%), в большей мере считает себя маргинальным слоем, находящимся у черты бедности и отстраненным от участия в управлении.

Таким образом, низкий уровень дохода большинства представителей инженерно-технической интеллигенции укрепляет позиции маргинального положения в обществе, значительно ослабляя состояние среднего класса, несмотря на их высокий интеллектуальный уровень. Люди, находясь у черты бедности, не знают своего положения в социальной структуре общества, что способствует размыванию данного слоя населения. Наблюдается невостребованность инженерно-технической интеллигенции в современных условиях, которая может привести к ее исчезновению, к разрушению жизнестойкости и стабильности общества и власти.

Библиографический список

1. *Элбакян Е.С.* Российская интеллигенция как социокультурный феномен // Общественные науки и современность. – 2003. – №3. – С. 82–96.

УДК 316

Смирнова Елена Алексеевна
Северный государственный медицинский университет (г. Архангельск)
Smirnova56@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ СРЕДЫ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И СОЦИАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Качество жизни и социальное функционирование являются важнейшими составляющими оценки состояния психически больных. Эти данные позволяют выделить наиболее социально уязвимые группы. В статье описан важный метод лечебного воздействия среды и представлены результаты собственных исследований.

Ключевые слова: *качество жизни, социальное функционирование, реабилитация, социальная реабилитация, терапия средой, пациент.*

Терапия средой (от франко-англ. milieu therapy – лечебное воздействие среды, лечение средой) – использование терапевтического потенциала взаимодействия больного с окружением, средой. Под средой подразумевают все, что окружает пациента в стационаре (вещи, люди, процессы, события), – то, что является неотъемлемым фактором больничного содержания, лечения в реабилитации [1]. В ином смысле – это скорее характер складывающихся взаимоотношений больного с окружающими его людьми: персоналом, другими пациентами, семьей. В этом плане понятие «терапия средой» приближается к концепции терапевтического сообщества (therapeutic community).

Создатель системы социальных воздействий, метода работы с больными, который теперь называется социотерапией, Симон (Simon H., 1927), обосновывая свою позицию, исходил из положения, что приспособление к среде является основным принципом жизни. Оно требует от каждого индивида постоянной мобилизации всех сил и способностей. При излишне щадящем режиме ослабленные, но все же имеющиеся у больного силы бездействуют, что приводит к их дальнейшему ослаблению и патологической адаптации. Для того чтобы избежать дополнительного вреда от неблагоприятной среды психиатрического учреждения, необходимо все окружение больного организовать таким образом, чтобы оно как можно больше приближалось к «нормальному». Основная цель – максимализация адаптивных возможностей психически больного – подчинена общей цели реабилитации – восстановлению личного и социального статуса пациента [2].

В зависимости от базисных концепций выделяют соответствующие модели терапии средой [5]:

1. Социотерапевтическое сообщество, основателем которого следует считать Джонса (Jones M., 1959). В основе концепции терапевтического сообщества лежит утверждение, что противодействие болезненному процессу, а также восстановление и развитие способностей пациента к адаптивному поведению в здоровом обществе возможно путем такой организации отношений между врачами, медицинским персоналом и больными в совместной деятельности, которая обеспечивает оптимальное использование их терапевтических способностей (Jones M., 1966; Ploeger A., 1972). Необходимо не только знание психологии больного, особенности его психопатологии, но и важно знать особенности их личности, характер системы отношений, планов на будущее.

2. Психоаналитическое психотерапевтическое сообщество. Согласно этой концепции, психоаналитическое учреждение представляет собой «терапевтическое поле» (Левин), которое должно реализовать социальную жизнь пациентов с помощью деятельности малых и больших групп. При этом общество рассматривается здесь в меньшей степени как место тренинга социальных взаимодействий, а главным образом как сцена, на которой осознаются и прорабатываются невротические проявления. Модификация невротического реагирования в соответствии с требованиями реального жизненного пространства, приобретение опыта искренних и легких социальных отношений и воздержанности от чрезмерных претензий дают возможность для стабильной жизни в реальном мире и усилению Я-функций.

3. Теория научения. В соответствии с этой теорией модель терапии средой строится на различных приемах вмешательства и коррекции нарушенного поведения. Одной из таких методик,

© Смирнова Е.А., 2010

впервые примененных к госпитализированным хроническим больным, является методика подкрепления (поощрения) «экономической» стимуляцией. Отдельные социально одобряемые поступки этих больных вознаграждаются пластиковыми деньгами, которые впоследствии заменяются на необходимые или желаемые акции.

4. Интегративная модель. В подходе к организации терапии средой в настоящее время существуют две основные тенденции. Первая направлена на отказ от универсальной модели среды и создание системы специализированных терапевтических сред, обеспечивающих переход больного из одной среды в другую по мере изменения его психопатологического и личностного статуса. Вторая, противоположная тенденция состоит в разработке гибких, пластичных, полифункциональных сред, объединяющих в себе достоинства самых разнообразных видов лечения.

Эффективность терапии средой обеспечивается различными факторами [6]:

1) демократической выработкой решений и распределением ответственности;

2) ясностью терапевтических программ, ролей и лидерства;

3) высоким уровнем взаимодействия между персоналом и пациентами;

4) малым размером отделений;

5) позитивными ожиданиями персонала;

6) высоким моральным уровнем персонала;

7) практической проблемной ориентацией лечебного коллектива.

Существенное значение имеет стимуляция активности больных с учетом клинических особенностей заболевания, характеристики личности и задач каждого этапа терапии. Таким образом, понятие «терапия средой» (Millieutherapy) примыкает к психотерапии вообще и к групповой психотерапии прежде всего, так как в понятие «среда» входят и социальное окружение, и воздействие на больного (так называемая микросреда).

С целью получения комплексных данных о социальных характеристиках и качестве жизни пациентов психиатрического диспансера было обследовано 276 пациентов (140 мужчин и 136 женщин) в возрасте 18–35 лет, проходивших лечение в стационарных отделениях и дневном стационаре ГУЗ «Вологодский областной психоневрологический диспансер № 1» города Череповца. Из них сформированы контрольная группа с невротическими расстройствами и вторая основная группа, в которую вошли пациенты с диагнозом, относящимся к компетенции «большой психиатрии». Выборка целенаправленная, репрезентативная. Репрезентативность выборки была обеспечена соблюдением следующих условий: пропорцией между половозрастной структурой взрослого населения города соответствующего возраста, участие в исследовании городского населения.

В соответствии с программой исследования использовался комплекс методов: социологический, математико-статистический. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программ Excel, SPSS 10.0.

Кроме того, для оценки изменений качества жизни больных на фоне лечения и реабилитации нами повторно был заполнен соответствующий опросник. В реабилитационных мероприятиях принимали участие 52 пациента, из них 26 человек из 1 группы, 26 человек из 2 группы. Полученные данные представлены в таблице 1.

Образовательный уровень пациентов был достаточно высок: 39,8% (110 человек) больных имели высшее или незаконченное высшее образование, из них 1 группа – 26,4% (73 человек), 2 группа – 13,4% (37 человек); 30,2% (70 человек) (в 1 группе – 15,4% (36 человек), во 2 группе – 14,8% (34 человека)) – среднее специальное; 15,9% (44 человека) – среднее, из них 1 группа – 7,2% (20 человек), 8,7% – 2 групп; 14,1% – незаконченное среднее или начальное (1 группа – 1,1%, 2 – 13%).

В то же время обозначен трудовой статус больных. Исследуемый контингент больных представлен людьми трудоспособного возраста, среди которых работающих – около 228 человек (82,6%). Остальные больные имели группу инвалидности по соматическому заболеванию. Пациенты с пограничными психическими расстройствами практически все заняты трудовой деятельностью. Несмотря на образовательный уровень, значительное число работающих пациентов выполняли неквалифицированную работу (36,6%). При этом 26% больных продолжали работать, снизили квалификацию, из них 13,8%, кроме того, вынуждены были изменить специальность.

Подавляющее число пациентов (73,6%) работали на государственных предприятиях и только 6,1% – в коммерческих структурах. Более половины работающих больных (53%) за последние

Таблица 1

Удовлетворенность обследуемых больных отдельными показателями своего социального статуса, %

Показатель	Доля больных, не удовлетворенных определенной сферой своей жизни			
	1 группа		2 группа	
	поступление	выписка	поступление	Выписка
Работа	34,6	30,7	19,2	15,4
Круг общения	50,0	30,7	26,9	19,2
Отношения с родственниками	46,2	19,2	30,7	7,7
Семейное положение	38,5	19,2	19,2	7,7
Материальное положение	65,4	57,7	42,3	38,5
Отношение к жизни «в целом»	61,5	30,7	23,1	15,4

5 лет, предшествующие обследованию, ни разу не изменили место работы. Среди остальных пациентов большинство (29,4%) сменили работу 1 раз, и только 17,6% больных имели склонность к относительно частым переходам на другое место работы.

Причиной смены места работы в 13% случаев служили повышение заработной платы (1 группа – 4,3%, 2 – 8,7%). В 11,6% случаев пациенты вынуждены были изменить место работы вследствие произведенных реорганизаций и сокращений на прежнем месте работы (1 группа – 4%, 2 – 7,6%). Кроме того, у некоторых больных в решении этого вопроса большую роль играли психопатологические нарушения (5,1%) и выраженное снижение работоспособности, приводящее к неудовлетворительному исполнению должностных обязанностей. Таким образом, респонденты чаще меняли место работы вынужденно.

Досуг больных, как правило, характеризовался значительным однообразием. До поступления в стационар в преобладающем большинстве (76,8%) большую часть свободного времени пациенты посвящали пассивному просмотру телепередач. Около половины больных (47,8%) периодически читали художественную литературу, газеты, журналы. Около 10,1% больных проводили время на даче, как правило, вместе с другими членами семьи. Организация досуга вне дома (посещение парков, кинотеатров, выставок, музеев и т.п.) отмечалась лишь у небольшого числа больных.

Анализ обеспеченности больных одеждой показал, что только 37,9% пациентов имели одежду, соответствующую среднему стандарту. Очень хорошая, дорогая одежда была в основном у 1 группы обследуемых (26,8% и 4,7% соответственно). В 27,5% случаев у респондентов 1 группы в гардеробе имелись лишь самые необходимые вещи. Кроме того, у 3,1% больных отмечалось бедственное положение с одеждой, не было самого необходимого.

Большое количество пациентов 2 группы испытывало трудности с питанием. Так, у 9,3% больных качество питания оценивалось как плохое или очень плохое, они употребляли лишь ограниченный набор наиболее дешевых продуктов и нередко голодали.

Анализ социальных контактов обследуемого контингента больных выявил их значительное своеобразие. У 1,2% респондентов 2 группы круг общения был чрезвычайно узок и ограничивался лишь ближайшим окружением, а в первой группе, наоборот, данный факт составляет лишь 27%. Пациенты 1 и 2 групп, кроме того, контактировали с небольшим количеством друзей, знакомых, соседей примерно на одном уровне.

Субъективные оценки больных (276 человек) имели следующие показатели. При изучении удовлетворенности жизнью «в целом» преобладают лица, высказывающие неудовлетворительные оценки (41,2%), из них 1 группа – 27,1% и 2 – 14,1%. Подавляющее большинство обследуемого контингента (56,5%) (из них 23,9% – 1 группа и 32,6% – 2 соответственно) обнаруживали низкие показатели качества жизни, связанного с психическим состоянием.

Только около 47,8% больных были неудовлетворенны своим материальным положением, при этом у части пациентов наблюдалась тенденция

расхождения между реальным благосостоянием и его субъективной оценкой. Подавляющее большинство больных, материальное положение которых близко к бедственному, оценивали адекватно сложившуюся ситуацию – 94 человека (34,1%). В то же время 10 из этих пациентов (3,6%) были довольны своим благосостоянием, что не всегда соответствует реальному положению дел. Все пациенты с очень хорошим благосостоянием рассматривали его как достаточное для себя.

Отмечалось заметное превышение числа пациентов, имеющих удовлетворительное питание, но недовольных им (92,7%). Доля больных, высказывающих отрицательные оценки своих жилищных условий и гардероба, при среднем и хорошем их качестве, составила 56,5% и 35,5% соответственно.

Среди работающих пациенты, удовлетворенные своим трудовым статусом, составляли 55,3% (29 в 1 группе и 26,3 во второй соответственно). Эта тенденция сохранялась при выполнении ими неквалифицированных работ – 39,8%. Однако лица 1 группы, снизившие квалификацию, высказывали негативное отношение к этому факту чаще, чем респонденты 2 группы (2,1% и 0,2% соответственно). Такая же тенденция сохранялась в отношении необходимости изменения места работы. Нужно отметить, что при наблюдаемом ограничении социальных контактов и пассивном досуге большинство пациентов удовлетворено этим.

Наши данные подтверждаются исследованиями, представленными А.Б. Шмуклер (1999 г.). С учетом этих данных выделены категории больных с низким уровнем социального функционирования, нуждающихся в неотложной психосоциальной помощи.

После проведенных реабилитационных мероприятий в Центре был повторно заполнен опросник для оценки социального функционирования и качества жизни психически больных, разработанный в 1998 г. Московским НИИ психиатрии МЗ РФ. Полученные данные представлены в таблице 1.

При анализе результатов обследования при поступлении в Центр и через три месяца отмечается снижение числа пациентов с низким показателем удовлетворенности отдельными показателями своего социального статуса (при $p \leq 0,05$; 0,01).

Изменения в обеих группах касались в основном удовлетворенности кругом общения, семейным положением, отношением с родственниками, жизнью «в целом» и отдельными сферами жизни.

Таким образом, у респондентов в процессе реабилитационных мероприятий отмечалось улучшение показателей качества жизни. Среди контингента с невротическими расстройствами улучшение качества жизни в результате мероприятий было более выражено, чем у пациентов, с диагнозами, относящимися к компетенции «большой психиатрии» (психозы, шизофрения, органическое поражение головного мозга). Изучая КЖ граждан с психической патологией, мы получаем много сведений, касающихся их функционирования, что позволяет эффективно использовать реабилитационный потенциал.

Библиографический список

1. *Иванишенко Д.М.* Качество жизни больных с органическими непсихотическими расстройствами (комплексное медико-социальное и клинико-статистическое исследование): Дис. … канд. мед. наук. – Рязань, 2003. – С. 137.

2. *Кабанов М.М.* Реабилитация психически больных. – Изд. 2-е доп. и перераб. – Л.: Медицина, 1985. – 216 с.

3. *Карвасарский Б.Д.* Психотерапевтическая энциклопедия. – 2-е изд. –СПб., 2002.

4. *Шмуклер А.Б.* Социальное функционирование и качество жизни психически больных: Дис. … д-ра мед. наук. – М., 1999. – С. 432.

5. http://dic.academic.ru

6. http://mirslovarei.com

УДК 316.663:64.011.342.2:316.35

Демин Михаил Вячеславович
Малая исследовательская группа «СЛАСИС»
slasis@klax.tula.ru

НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ: ФОРМИРОВАНИЕ И ИЗМЕРЕНИЕ В БЮДЖЕТЕ ВРЕМЕНИ

В статье рассматривается один из механизмов формирования новых социальных ролей, так называемая ролевая переориентация. Представлена методика количественного измерения процесса переориентации через оценку временных затрат исполнения роли. Затрагивается взаимосвязь ролевой переориентации и социальной активности в сфере досуга.

Ключевые слова: *социальная роль, ролевая переориентация, сфера досуга, бюджет времени, группа социальная.*

«В социологии имеется немного таких понятий, которые более широко используются чем “роль”, которые представляются более важными и которые оказываются столь поколеблены при ближайшем рассмотрении» – утверждал английский социолог Р. Раддэк [3, p. 12]. Порой дискуссиям способствует сама теоретическая схема роли, полагаемая в качестве классически оформленного и неизменного элемента социума либо личности. Даже рассчитанные на реальный прикладной эффект концепции «ролевого конфликта», «ролевой перегрузки», «ролевого стресса», «ролевого диссонанса» [см., в частности: 1] – в большинстве случаев представляют роли в завершенном виде. Методологические ограничения статического подхода весьма критичны при попытке описания инновационных социальных изменений, и особенно – массового появления новых ролей, таких как предприниматели, сотрудники ИТ-отрасли и многие представители иных ныне формирующихся социальных групп. В сфере управления, сервиса и социальной работы, социальной инженерии и в других прикладных областях остра потребность в создании адекватного концептуального фундамента социального регулирования и поддержки процессов ролевой инноватики.

Среди подобных процессов важное место занимает ролевая переориентация – формирование и апробирование видоизмененных или принципиально новых ролей на основе компонентов уже имеющихся. «Переориентация» подразумевает изменение субъективно-значимых параметров ролевых действий (длительность, интенсивность и т.п.), контрагентов, символьных средств и других элементов известной «базовой» роли вплоть до ее полного преобразования. Тем самым даже эпизодическая, побочная ранее роль обретает новую функциональность и оригинальный социокультурный антураж, в свою очередь, преображая былое социальное амплуа своего автора, его имидж и статус.

Ролевое творчество присуще сфере досуга. Исходным материалом при этом служит какая-либо досуговая базовая роль. Так, начальный этап предпринимательства бывает близок по форме к досуговым увлечениям (техническое творчество и т.п.), либо к домашнему труду: частному строительству, «шопингу», изготовлению предметов обихода… Отсюда – известная сложность оценки данного явления на фоне исполнения обыденных ролей. В этой связи представляет интерес количественное измерение ролевой переориентации с выявлением некоего эмпирического предела, за которым возможно иное качественное состояние – институциализация роли (например, регистрация предпринимательства).

Общая закономерность развития роли состоит в увеличении затрат времени на ее исполнение, и потому ролевая динамика обычно отражается в бюджете времени исследуемой группы. Исполнение обновленной роли за счет сокращения других занятий ширится в общественно-необходимых масштабах, захватывая целиком свободное время, а то и некоторое время бытовых ролей. Будучи полностью «развернутой» в сфере досуга, роль способна далее перейти в специализированную область социально-профессиональных, политических и других общественных ролей.

Отмеченная закономерность может быть отражена в следующей формуле для статистической оценки изменения роли:

$$R_c = \sum_{i=1}^{n} \frac{c_{i\Delta t}}{\bar{b}_{i\Delta t} + \bar{l}_{i\Delta t}} : n,$$

© Демин М.В., 2010

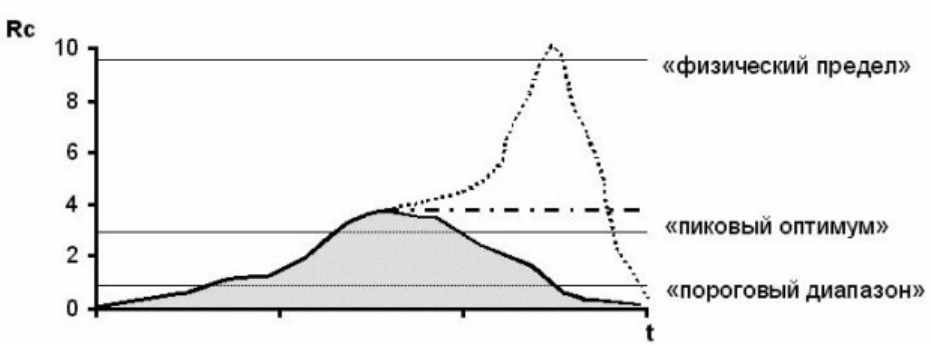

Рис. Динамика ролевой переориентации

где $c_{i\Delta t}$ – количество затраченного *i*-индивидом времени на ролевые действия в течение изучаемого периода Δt; $\bar{b}_{i\Delta t}$ – среднестатистическая длительность ролевых действий *i*-индивида за данный период; $\bar{l}_{i\Delta t}$ – среднестатистическая продолжительность свободного времени *i*-индивида за данный период; $i = 1, 2, 3\ldots n$ – наблюдения (объем выборки). Коэффициент $\boldsymbol{R_c}$ (*role creating*) отражает процесс переориентации и при значении порядка]0,5-0,7; >1[может свидетельствовать о выходе за рамки действующей ролевой системы (см. рис.)

«Пороговый диапазон» значений $\boldsymbol{R_c}$ – близких к 1,0 – отражает состояние ролевого конфликта и маргинализации всего образа жизни. Это стартовый период переориентации, когда новая роль вытесняет другие и еще не вошла в устоявшиеся временные рамки. С завершением переориентации «пиковый оптимум» $\boldsymbol{R_c}$ (≈3,0) будет сокращаться, если роль сохранится как одно из досуговых занятий или останется примерно тем же, если роль перейдет в состояние регламентированных (основных) занятий, более не требующих почти всех суточных резервов времени. В случаях исключительной самоотдачи автора значение $\boldsymbol{R_c}$ может доходить и до ≈10,0 («физический предел»), но, конечно, на очень короткий срок.

Предложенный метод окажет некоторую помощь в оценке ролевой динамики внутри обследуемой группы при условии, что имеются надежные сопоставимые данные «бюджетов времени» на интервале в несколько лет. В этом случае необходимо проанализировать, насколько статистически тяготеет полученное распределение $\boldsymbol{R_c}$ к ключевым показателям – «пороговому диапазону» и «пиковому оптимуму».

Ролевое творчество, поглощая свободное время, требует немалых затрат социальных и личностных ресурсов. В обществе и во властных структурах усиливается понимание необходимости специализированных социальных технологий для поддержки конструктивной ролевой переориентации [см., например, 2]. Учет особенностей ролевой переориентации может послужить основой мотивированных рекомендаций и решений социоинженерного характера.

Библиографический список

1. *Горлач М.Г.* Гендерный аспект семейно-ролевого диссонанса // Социологические исследования. – 2002. – №1. – С. 135–136.

2. Постановление Администрации Ярославской области от 20 октября 2003 № 224 «Об областной целевой программе “Совершенствование кадрового и информационно-консультационного обеспечения субъектов малого предпринимательства Ярославской области на 2004–2005 годы”» // Губернские Вести. – 2003. – 27 окт.

3. *Ruddock R.* Roles and relationships / Library of social work. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1969. – 117 p.

УДК 316.3

Калабекова Мадина Артуровна
Северо-Осетинский государственный университет (г. Владикавказ)
martina-kalabekova@mail.ru

ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ АНГЛОСАКСОНСКОЙ МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В данной статье автор исследует историю становления местного самоуправления и анализирует характерные особенности его организации в Англии.

***Ключевые слова**: местное самоуправление, эволюция, компетенция, местное управление, модель местного самоуправления, территория, организация местной власти, органы местного самоуправления.*

Цель работы – дать анализ англосаксонской модели местного самоуправления, показать ее отличительные черты от существующих в мире моделей местного самоуправления.

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии состоит из четырех административно-политических частей: Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии, которые в свою очередь подразделяются на графства (районы или округа), дискриты, церковные приходы и общины. Британские местные власти – выборные и сочетают законодательные и исполнительные функции. Высшим органом власти на местном уровне является совет графства, дискрита, прихода, муниципалитет [1].

Основные начала современной организации местного самоуправления в Великобритании складывались, главным образом, в результате муниципальных реформ XIX века. Однако их фундамент закладывался еще в средние века. Становление и эволюция местного самоуправления являлись продуктом борьбы за власть и влияние в обществе, борьбы идеологий. Теоретические основы учения о местном самоуправлении были заложены в трудах выдающихся ученых XIX века, таких как Алексис де Токвиль, Лоренц Штейн, Рудольф Гнейст. Во всем мире рано или поздно приходили к идее местного самоуправления.

В Англии существует англосаксонская модель местного самоуправления, которая характеризуется глубокой автономией местных органов и отсутствием выраженного прямого подчинения их вышестоящим органам, центру. Здесь каждый выборный орган самостоятелен в пределах своих компетенций. Кроме того, для англосаксонской модели характерно отсутствие на местах уполномоченных центрального правительства, которые бы опекали представительные органы, избираемые населением административно-территориальных единиц. Понятие «местное самоуправление», принятое в законодательстве для обозначения организации и деятельности муниципальных учреждений, прямо указывает на один из критериев их отграничения от государственных органов, именно, на их локальный характер и противоположность центральной власти или региональной администрации. Наряду с представительными органами, непосредственно населением могут избираться некоторые должностные лица. Значительными полномочиями зачастую наделяются комиссии (комитеты) местных представительных органов, играющие существенную роль в подготовке и принятии отдельных решений. Контроль над деятельностью местных органов осуществляется косвенным путем: через центральные министерства и через суд.

Англосаксонская система местного управления зародилась в Великобритании. Эволюция британской системы местного управления имеет длительную историю. Эта система вырастала на основе королевских хартий, предоставлявших городам и общинам привилегии в решении местных вопросов. Такие города имели право создавать собственные административные органы, иметь кооперативную собственность, избирать мировых судей. Эта система с теми или иными изменениями просуществовала до начала XIX века. Первыми органами местного управления, появившимися в XIX веке, были объединения по оказанию помощи бедным.

Наиболее заметной особенностью организации местного управления в Соединенном Королевстве можно считать традиционные различия между разными территориями, удивительным образом сочетающиеся со значительным единообразием. Местное управление на территории Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии регулируется отдельными нормативными актами (для Англии, Уэльса часто принимаются общие законы) и различаются по таким парамет-

 © Калабекова М.А., 2010

рам, как административно-территориальное деление, полномочия органов управления. Даже органы государственной власти, в ведении которых находятся вопросы взаимодействия с органами местного управления, различны: в Англии – это министерство (департамент) окружающей среды, регионов и местного управления, на остальных территориях – соответствующие управления правительства (Шотландское управление, Валлийское управление, Североирландское управление).

Вместе с тем организация местной власти в Англии всегда служила ориентиром, и особенности других территорий выглядят скорее незначительными исключениями из общего правила, формируемого по английскому образцу.

Структура органов местного самоуправления в Соединенном Королевстве внешне однородна: одни и те же принципы лежат в основе организации деятельности и структуры городских (окружных) органов управления, органов графств и унитарных образований; одни и те же принципы действуют на территории Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Однако это единство во многом остается внешним: минимум правительственной регламентации в вопросах структуры ведет к тому, что практически каждое территориальное образование имеет свои особенности [2].

На территории всей страны существуют два, а иногда и три уровня местного управления. В каждой из единиц управления, за исключением некоторых приходов и общин, есть органы управления – советы, которые Парламент наделяет специальными полномочиями. Все функции местного управления распределяются между советом графств и советом округа. Если система местного управления имеет трехуровневый вид, то функции делятся между советом графства, советом округа и приходским (общинным) советом либо собранием прихода (общины). Разграничением полномочий занимается Парламент, причем он рассматривает взаимоотношения между органами всех уровней местного управления скорее как партнерство, чем как иерархию [3].

Компетенция и полномочия местных органов закрепляются специальными законами, а в самом общем виде они могут устанавливаться и в конституциях. В федеративных государствах полномочия местных органов чаще всего регулируются актами субъектов федерации. В Великобритании важным источником компетенции местных органов являются судебные прецеденты, во многом конкретизирующие компетенцию местных органов, устанавливаемую парламентскими актами.

Основной чертой, отличающей британское местное управление от стран континентальной Европы, является отсутствие общей компетенции. Наряду с этим практическое отсутствие обязательных полномочий и возможность нормативного регулирования путем частных актов ведут к практическому разнообразию в распределении полномочий между местными органами власти. Теоретически разнообразию нет пределов, причем список конкретных полномочий данного совета формируется с его участием – через обращения к Парламенту с соответствующим запросом. На практике местные органы управления, как и во многих других странах, стремятся сконцентрировать в своих руках максимум полномочий. Это ведет к своеобразной корректировке теоретического разнообразия: несмотря на то, что нет двух советов с идентичным списком реализуемых компетенций, общие черты неизменны на всей территории Великобритании [2].

Отличительной особенностью управления местными делами является то, что даже в одном государстве разные муниципальные советы имеют различные полномочия и решают во многом не сходные задачи. Это является важным элементом демократии. Дело в том, что государственное регулирование в виде статей Конституции и отдельных законодательных актов затрагивает только общие принципы организации местного самоуправления, а неодинаковые в разных районах проблемы граждан решаются согласно волеизъявлению этих граждан.

Таким образом, одна из характерных черт англосаксонской модели – отсутствие на местах полномочных представителей правительства, опекающих местные выборные органы. Кроме того, на протяжении становления местного самоуправления в Англии сложилась стройная система разделения полномочий между местными и центральными органами власти.

Библиографический список

1. *Баранчиков В.А.* Правовое регулирование организации и деятельности муниципальных органов Великобритании. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – С. 10.

2. *Евдокимов В.Б., Старцев Я.Ю.* Органы местного самоуправления: США и Западная Европа. – Екатеринбург; Челябинск, 1999. – С. 35–36.

3. *Шугрина Е.С.* Муниципальное право. – М.: Дело, 1999. – С. 410.

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

УДК 658

Чекмарев Василий Владимирович
доктор экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tcheckmar@ksu.edu.ru

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО М.И. СКАРЖИНСКОГО И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В статье представлен аналитический обзор научного наследия М.И. Скаржинского в контексте основных тенденций развития современной экономической теории.

Ключевые слова: *история экономики, творческое наследие, экономика труда, человеческий потенциал, трудовой потенциал.*

…Да, простота нужнее людям,
но сложное понятней им.

Б. Пастернак

Матвей Исаакович Скаржинский для экономической науки оказался уникальным человеком. Привлечение внимания к непроизводственной (как когда-то говорилось) сфере было началом того пути, которым потом пошли другие исследователи. Вторжение (по Е.Ф. Сабурову) методов и подходов, издавна присущих экономике, в области человеческой деятельности вне материального производства было велением времени (вспомним хотя бы Г. Беккера и Т. Шульца). И М.И. Скаржинский оказался прозорливей многих. Обращение к проблематике инженерного труда, осуществленное им уже теперь в далеких шестидесятых годах прошлого столетия, оказалось прединтерпретационным взглядом на формирование постиндустриального общества. И в этом случае мы с полным правом можем утверждать действительную ценность интеллектуального наследия М.И. Скаржинского для развития экономической науки.

Далее в своем научном творчестве М.И. Скаржинский обратился к проблеме «атомизации» факторов производства, выбрав среди них самый основной – труд. Была выработана концепция стадийности движения фактора «труд» – трудовые ресурсы, рабочая сила, трудовой потенциал. Стадия, получившая название «трудовой потенциал», и до сегодняшнего дня остается малоизученной в экономической теории. В экономике труда понятие «трудовой потенциал» подменяется иными понятиями – мотивация, стимулирование, ответственность (возложенная и воспринятая) и т.п. Более того, существует целое научное направление, объединяющее исследователей, согласно воззрениям которых трудовой потенциал рассматривается в традиционном смысле содержания понятия «потенциал» (Ю. Одегов).

По мере изменения общества, экономики, ухода от дихотомии «материальное – духовное» меняется и предмет анализа, осуществляемого ученым-экономистом. Вот и М.И. Скаржинский расширил предмет своего анализа и сформулировал проблематику новой политической экономии. А когда предмет анализа меняется, то это происходит, как правило, либо вследствие отхода от одного и обращения к другому, либо вследствие расширения первого на основе междисциплинарного методологического подхода. В первом случае возникает вопрос перехода анализа как либо исчерпания в силу достижения зрелости проводимых исследований, либо отрицания как ложного (или якобы ложного). Так, может быть, М.И. Скаржинский, формулируя постулаты новой политической экономии, был нигилистом? Нигилисты, как сказал когда-то Базаров («Отцы и дети» Тургенева), это те, кто отрицает решительно все. А что всё? Да то, что создано человеком, что сдвигает историю, в конечном счете – человеческую жизнь. Но еще вернее сказать, жизнь тех, кого можно назвать личностями. Философ Владимир Кантор[1] утверждает нижеследующее.

Массу, толпу любой диктатор может использовать по своему усмотрению и хотению, но личность враждебна диктатуре и нигилизму по оп-

© Чекмарев В.В., 2010

ределению, ибо это то, что движет историю и создает человеческие ценности. Когда мы говорим, что народ действует, мыслит, чувствует, мы выражаемся отвлеченно; собственно чувствуют, мыслят единицы, лица, его составляющие, – писал еще в девятнадцатом веке знаменитый русский историк и философ (Кавелин). Таким образом, личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, есть необходимое условие всякого духовного развития народа. Христианский Бог обращается не к толпе, а к каждому в отдельности, Христос объяснял, что в доме Его Отца комната есть для каждого. Именно за душу отдельной личности боролся дьявол (Сатана, Мефистофель и т.д.). В концлагерях не было места для личности, там счет шел на десятки миллионов. Дьявола, который интересовался индивидом, там не было. Была убита способность к сопереживанию.

XX век – это век массы, век истребления личностей, век тоталитаризма и нигилизма, к которому призывали когда-то русские и западноевропейские анархисты. «Собственность есть кража», – написал француз Прудон. Вдохновитель русских бесов (Бакунин) утверждал, что «страсть к разрушению» есть творчество, выразив тем самым крайний нигилизм в русской культуре. Впрочем, Ленин потом позвал «грабить награбленное». Но в капитале оседала личность и творчество разных времен, написал в конце жизни Герцен, испугавшийся разбуженных «Колоколом» нигилистов. И добавлял, что разгулявшаяся сила истребления уничтожит вместе с межевыми знаками и те пределы сил человеческих, до которых люди достигали во всех направлениях с начала цивилизации.

А накануне освобождения крестьян он напечатал в «Колоколе» печально знаменитое «Письмо из провинции». Напомню, что автор этого весьма известного письма (как показывают новейшие исследования, это был поэт Огарев, друг Герцена) вполне серьезно заявлял: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не может». И подписывался не как-нибудь, а в твердой уверенности, что выражает мнение всех, – «Русский человек», показывая тем самым, что сущность национальной психеи, достижение национального единства видит в кровавой мясницкой резне. Действительно, традиция насилия имела слишком много адептов. Этот путь, как понятно, был утвержден в отечественной ментальности и татаро-монгольским игом, и тиранией Ивана Грозного, а после большевистской революцией и эпохой ленинско-сталинского террора. Да и сегодня на улице постоянно слышишь таким образом выражаемое возмущение: «Расстрелять их, и дело с концом» – И уж совсем присловьем стало: «Убить мало!» Интересно, что может быть больше? Даровать бессмертие?

Вероятно, каждая наука дает человечеству свои специфические открытия. Полагаю, что и в рамках своей науки каждый исследователь специфичен. Специфичны и его открытия. Согласно взглядам Е.В. Балацкого, характер экономических открытий не является постоянным, а с течением времени меняется[2]. Такой подход к идентификации вклада различных исследователей в развитие экономической науки следует считать методологическим. И здесь для оценки вклада М.И. Скаржинского в развитие экономической науки будут продуктивными рассуждения в целом о «методологических волнах» (по Е.В. Балацкому) в эволюции экономических открытий.

Уход от дихотомии «материальное-духовное» делает значимыми размышления о содержании понятия «человеческий потенциал».

Эта значимость характеризуется тем, что многие явления и процессы современного общественного развития требуют оценки их возможного влияния на будущее человечества. Нередко они ассоциируются с кризисными или катастрофическими последствиями для населения отдельных стран, регионов, континентов, наконец, планеты в целом, и с ними связываются перспективы существования (выживания) или развития нашей цивилизации. Выбор критериев и показателей оценки этих явлений и процессов определяется как самой конкретной задачей прогноза будущего развития человечества, так и степенью приверженности прогнозистов алармистской идеологии.

Оценка воздействий природных, социальных и научно-технических изменений на жизнь людей требует разработки специального концептуального аппарата и, прежде всего, выбора ключевых понятий: критериев и показателей оценки. В связи с этим попытка использовать в качестве базового понятия «человеческий потенциал» (ЧП) представляется перспективной и заслуживающей обсуждения[3].

Термин «потенциал» сегодня широко вошел в лексику общественных наук и публицистики.

Он характеризует явления преимущественно политические и социальные: политический потенциал партий и движений, культурный потенциал города или района, образовательный потенциал высшей или средней школы и т.п. Читатель или слушатель интуитивно чувствует, что имеется в виду, понимает смысл, спрятанный в термине «потенциал». Для обыденного сознания интуитивного представления часто оказывается достаточно, чтобы почувствовать возможные благоприятные или негативные последствия, тем более что в публицистике для описания критических ситуаций и их последствий, как правило, используются метафоры. Однако этого мало, чтобы успешно прогнозировать наступление этих последствий и управлять развитием ситуаций.

Для решения научно-практических задач содержание используемого понятия – ЧП должно быть четко зафиксировано. Это позволит уточнить улавливаемый на интуитивном уровне смысл и при необходимости избавиться от ситуативной или контекстуальной зависимости.

В концепции ЧП, предложенной в указанной статье, содержание этого понятия раскрывается на основе представления об уровне (качестве) индивидуальной и социальной жизни. Эта концепция привлекает внимание прежде всего злободневностью поставленных проблем. Действительно, необходимо найти, обосновать и предложить к использованию некоторый новый измеритель качества социальной жизни. Мы полностью разделяем основную посылку этой статьи: ЧП общества (страны) может быть использован как некоторый критерий оценки протекающих в обществе процессов – и хотим обсудить вопросы, связанные с предметной областью понятия, ЧП как такого критерия или измерителя.

Авторы рассматриваемой статьи для фиксации содержания понятия ЧП используют аналитическую стратегию, основным приемом которой является интегрирование понятия на основе семантически близких понятий. С одной стороны, понятие ЧП развертывается как конфигуратор из четырех составляющих: человеческие ресурсы, человеческий капитал, жизненный потенциал и личностный потенциал. С другой стороны, понятие ЧП интегрируется на основе двух других базовых понятий: человеческие ресурсы (человеческий капитал) и уровень жизни (качество жизни). При этом авторы отдают себе отчет в методологических сложностях включения индивидуальных проявлений ЧП в общественные процессы и считают преждевременным «исследование всего комплекса характеристик и компонентов человеческого потенциала»[4].

Такая аналитическая стратегия позволила сделать первый шаг и сформулировать общие контуры предметной области ЧП. Тем не менее для анализа понятия ЧП и решения широкого круга научно-практических задач может быть использована иная стратегия, предлагаемая в настоящей работе. Она заключается в поиске ответов на ряд принципиальных вопросов, касающихся теоретического статуса и границ понятия ЧП.

Первый вопрос связан с выявлением объекта, характеристики или содержание которого фиксируют это понятие. Здесь вариантов ответа всего два: отдельный человек, индивид – и какая-либо, но вполне определенная общность людей (социальный слой или группа, этнос, нация, народ, население города, региона, страны, общества в целом на данном этапе его развитая).

Если говорить о ЧП на индивидуальном уровне, то есть искать ответ на вопрос: каков потенциал современного человека, то, как следует из многих антропологических и психологических исследований, целесообразно использовать понятия личностного, интеллектуального или творческого потенциала. Характер потенциалов обычно определяется в результате тестирования. Набранное количество баллов и определяет этот потенциал. Конечно, такой показатель относителен, но его относительность обусловлена возможностями процедур тестирования и трудностью выделения однотипных задач. При этом не столь важно, что именно используется – личностный опросник или тест на коэффициент интеллекта.

Личностный потенциал (ЛП) – это сложная система характеристик, связанная с движущими силами духовного развития, с мотивацией и самооценкой. Именно эти характеристики делают устойчивым такое психологическое образование, как личность. Однако сложность и многомерность этих характеристик затрудняют практическое использование понятия ЛП. Поэтому иногда видят выход в использовании понятия «психофизиологический потенциал», преимущественно для определения физических или психофизиологических возможностей человека в экстремальных условиях деятельности, например в спорте или космических полетах.

По нашему мнению, атрибут «человеческий» применительно к понятию потенциала вообще не следует употреблять, когда речь идет об индивидууме, или личности. В этом случае корректней использовать понятие ЛП, фиксирующее как способность к творчеству, так и стремление к самосовершенствованию, саморазвитию.

Мы полагаем, что понятие ЧП следует относить к различным человеческим общностям (этническим, социальным, профессиональным и т.п.). Поэтому если говорить о ЧП России[5], то он должен охватывать особые характеристики населения страны. При этом ЧП приобретает другое измерение, другое содержание, пригодное как для описания развития духовного кризиса в России или, на худой конец, тревожных ситуаций вроде массовой преступности, повального пьянства или утечки мозгов, так и для характеристики перспектив выхода из этого кризиса, возрождения нации и т.п. В последнем, позитивном смысле понятие ЧП нередко употребляется в рассуждениях о высоком научном и образовательном потенциале нашего народа или потенциале, заложенном в российских культурно-исторических традициях. Близкий к позитивному смысл содержится и в специальных контекстах, когда речь идет о кадровом потенциале офицерского или инженерного корпусов, о стратегическом потенциале оборонного комплекса или об организационном потенциале успешно функционирующей государственной или предпринимательской структуры.

Здесь естественно возникают другие вопросы: в чем привлекательность понятия ЧП и чем оно отличается от рядоположенных понятий человеческих ресурсов, человеческого капитала?

Нам кажется, что ответ следует искать в физических и психологических ассоциациях.

Потенциал в физике соотносится с работой, которая еще не выполнена, но может быть сделана. Точно так же ЛП, как потенциал отдельного человека соотносится с будущим, с его возможностями в будущем что-то сделать, добиться поставленных целей. Подобно этому ЧП служит некоторой прогнозной характеристикой возможностей, если хотите, перспектив данной общности людей реализовать свои интересы, достигнуть своих целей.

Возможности как отдельного человека, так и некоторой человеческой общности (в пределе человечества как социально-биологической общности) в целом могут быть описаны в немногих терминах, например таких: возможности понять, взять, освоить, принять, потребить. Или чуть по-другому – возможности познания, созидания, освоения, реализации, производства. Наконец, это еще возможности противостоять всяким отрицательным воздействиям. В определенном психолого-генетическом смысле – это приспособительные возможности.

Как исследовать, анализировать эти возможности применительно к отдельному человеку или группе людей – более или менее понятно. Надлежит изучать и оценивать изменения функциональных психофизиологических и психологических возможностей, то есть анализировать динамику их уровней, выявлять тенденции сдвигов и т.д. Причем неважно, идет ли речь о резервных возможностях организма и экстрасенсорных способностях или о профессиональных знаниях, навыках и умениях. Методическая часть такого рода исследований отработана давно и лишь погрешности статистической обработки могут поставить что-либо под сомнение.

Следует согласиться с положениями, кратко обозначенными в статье Генисаретского, Носова и Юдина. В ней подчеркивается, что потенциал отдельного человека существенно зависит от мотивации деятельности этого человека. Его интенции – возможности взять, освоить, потребить и т.п. – могут быть реализованы, только когда человек хочет это сделать и обладает некоторой свободой выбора, то есть свободен в своем отношении к внешнему миру и самому себе и осознает это. Потенциал и состоит в «освоении» самого себя, во включении личностных качеств в социально значимую ткань деятельности, в новых личностных проявлениях, в саморазвитии. Вот почему важны современные психотехники как инструмент формирования и поддержки личного потенциала (ЛП).

Значительно сложнее определить динамику возможностей применительно к ЧП, выявить фактические условия и механизмы его формирования и реализации. Приходится признать, что современные экономические теории значительно продвинулись в понимании экономического содержания понятия человеческого капитала как фактора производства и/или ресурса труда. Этого нельзя сказать сегодня о других науках, в той или иной степени занимающихся изучением человека и его возможностей. Поэтому и представление о ЧП остается в известной мере расплыв-

чатым и основной контекст применения этого понятия является преимущественно публицистическим.

В этом нет ничего предосудительного. Это просто дань времени. Сегодня главное состоит в том, чтобы выявлять факторы, которые обуславливают рост или уменьшение ЧП, факторы (условия), способствующие или препятствующие его реализации. Если речь идет о негативных последствиях воздействия этих факторов, то их можно интерпретировать, как это сделано в статье Н.Н. Авдеевой, И.И. Ашмарина, Г.Б. Степановой «Человеческий потенциал России: факторы риска»[6], как факторы риска.

Сказанное подводит нас к третьему способу применения понятия ЧП, то есть где оно может работать эффективно?

Показатель ЧП (независимо от составляющих его предметностей), по нашему мнению, надо рассматривать как весы, на которых следует взвешивать различные политические, экономические и социальные акты. Например, когда на властных уровнях принимают какое-либо решение, то его можно оценивать с точки зрения того, в какую сторону – повышения или, наоборот, снижения или даже уничтожения ЧП – оно работает. Это вполне гуманистический индикатор, конкретизирующий многие спорные доводы об общественной полезности, экономической или социальной целесообразности, благе народа и т.п. Не столь существенно, что понятие ЧП еще остается элементом политической лексики. Именно в реальном политическом контексте оно сможет приобрести свойства реального индикатора социально-экономического, политического и культурного развития.

Но чтобы стать таковым, в понятии ЧП должно быть зафиксировано собственное содержание, отличающее его от ЛП. Ничего не поделаешь с тем, что характеристика ЧП именно как человеческого достаточно абстрактна, она относится к безликим и абстрактным общностям: массе людей, нации, народу, этносу, населению, наконец, человечеству или цивилизации в целом. Попытка же придать потенциалу таких общностей некоторые свойства, относящиеся к отдельному человеку, как это сделано в упомянутой статье Генисаретского и др., нам представляется неоправданной. Подведем некоторые итоги.

1. ЧП не может быть сложен из потенциалов или реальных возможностей отдельных личностей, это не интеграция личностных потенциалов, а некоторая другая сущность. Она в значительно меньшей степени определяется психологическими, индивидуально-личностными закономерностями. Эта сущность социальна и по происхождению, и по проявлениям. Простой пример: массовый алкоголизм – фактор, который существенным образом снижает ЧП российского населения. Но это фактор, который не характеризуется индивидуально-личностными чертами и составляющими ЛП.

2. Центральным компонентом в ЧП, по-видимому, является потенциал духовного развития людей. В нем отражаются духовные потребности данной общности в данное время и в данных условиях. Именно поэтому так трудно распутывать связанные тугим узлом социальный и духовный компоненты ЧП. Не облегчает ситуацию использование разного рода промежуточных показателей, например культурного потенциала города, рассчитываемого по количеству вузов, театров или библиотек. Другие показатели: образовательный потенциал, информационный, технологический и др. – тяготеют либо к одному – духовному, либо к другому – социальному полюсу.

3. Проблема ЧП – это проблема перспективы, оценки возможностей человеческого развития и управления им. Именно поэтому так важно изучать влияние отдельных факторов, будь то количество одаренных детей, суицидов или психических заболеваний в данном месте и в данное время для данной общности.

4. Понятие ЧП – это одна из оценочных и прогностических характеристик конкретной общности людей, определенного типа социума, если хотите – определенного типа организации социальной жизни.

В этом его политический смысл. Конечно, он ускользает, если мы распространяем понятие (и концепцию) ЧП на человечество в целом; тогда мы уходим в цивилизационные дали, где счет идет на поколения и масштаб становится планетарным.

5. Концепция ЧП выводит нас на решение крупных практических задач. ЧП – это инструмент, измерения общественных акций.

Практические приложения замыкают концепцию ЧП определенным и совершенно конкретным образом. В одном случае, как нам представляется, понятие ЧП для конкретного общества или страны не только уместно, но и необходимо использовать. Это контекст государственной идеологии, направленной на возвышение нации, на-

рода, общественного уклада. В этом случае ЧП работает на функцию национальной (в широком смысле) самоидентификации, функцию утверждения стойкости и жертвенности народа в бедственных социально-рискованных ситуациях, неиссякаемых источников народной мудрости и непробужденных сил, утверждения той особой черты этноса или населения страны, которую Л.Н. Гумилев называл пассионарностью.

Если понятие ЧП целенаправленно не служит для оценки общественно-политических решений и действий, оно теряет смысл. Конечно, хотелось бы, чтобы понятие ЧП было самостоятельным и самодостаточным, не привязанным жестко к инструментам государственной политики. Мы думаем, что эту самодостаточность понятию ЧП еще предстоит выработать.

В связи с отмеченным рассмотрим более подробно значимость концепции М.И. Скаржинского о стадийном движении факторов производства в части трудового потенциала.

Для уяснения позиций М.И. Скаржинского следует более подробно разобраться с иными подходами к понятию и категории «трудовой потенциал».

Следует вспомнить, что 6–9 октября 1987 года в г. Суздале была проведена Всесоюзная научно-практическая конференция «Трудовой потенциал советского общества». На этой конференции Институт экономики АН СССР представил доклад «Направления совершенствования условий воспроизводства трудового потенциала»[7], содержащий три раздела: совершенствование механизма использования трудового потенциала, формирование работника нового типа и пути реализации его трудового потенциала, народонаселение как фактор воспроизводства трудового потенциала. Уже исходя из названий разделов можно сделать вывод о том, что предметом доклада явилась сфера управления трудом и занятостью. В докладе констатировалось, что совершенствование условий воспроизводства трудового потенциала должно проводиться в трех относительно самостоятельных и в то же время органически связанных направлениях, обеспечивающих: отладку механизма использование трудового потенциала в соответствии с требованиями стратегии ускорения, перестройку системы формирования работника нового типа, становление нового типа народонаселения, адекватного специфике зрелого социалистического общества.

Рассмотрение первого блока вопросов обусловлено необходимостью обновления форм и методов управления трудом, сложившихся на предшествующих стадиях социалистического строительства, отражающих специфику экстенсивного типа воспроизводства. Второй и третий блоки вопросов выделены с учетом потребности в теоретическом осмысливании перспективных задач в области формирования трудового потенциала, которые возникнут в связи с развертыванием НТР в ближайшее время или стоят уже сегодня в связи с необходимостью активизации человеческого фактора.

Однако в докладе не раскрывается содержание понятия «трудовой потенциал» и уж тем более не определяется сущность трудового потенциала как экономической категории. Коллегам из ИЭ АН СССР вторят коллеги из Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР.

Так, Г. Сергеева и Л. Чижова (сотрудники НИЭИ при Госплане СССР) под трудовым потенциалом понимают формирование и использование трудовых ресурсов страны, а под эффективным использованием трудового потенциала – согласованное решение всего многообразия социально-экономических и демографических проблем занятости населения[8].

Прошло время, изменился хозяйственный способ производства, но понятие «трудовой потенциал» продолжает присутствовать в умах исследователей. Так, в 2006 году в Тамбовском госуниверситете А.В. Васильев защищает кандидатскую диссертацию «Трудовой потенциал как элемент системы рыночных отношений»[9]. В этой работе отмечается, что в современных условиях развитие трудового потенциала является проблемой, решение которой предопределяет возможности социально-экономического роста общества, национальной экономики в целом и отдельных ее составляющих. А.В. Васильев полагает, что поступательное движение человеческого трудового ресурса составляет необходимую предпосылку для становления постиндустриальной экономики, что большинство экономических, социальных, демографических явлений, протекающих в современной общественной системе, прямо или косвенно, отражают процессы, происходящие на рынке труда. Являясь неотъемлемым звеном современной экономики, рынок труда играет важную роль в системе воспроизводства трудовых

ресурсов общества. Именно на рынке труда выявляется соответствие трудового ресурса потребностям общественного производства, оценивается его полезность и общественная значимость, именно рынок труда задает направления дальнейшего формирования трудового потенциала. Недооценка значимости человеческого фактора в развитии экономической системы является одной из главных причин современного состояния российской экономики. Осознание того, что трудовые ресурсы являют собой один из важнейших элементов, способствующих выходу страны в число лидеров мирового развития, приводит к необходимости разработки новых подходов в области регулирования и управления этим элементом. Разработка регулирующих мер, направленных на трудовой потенциал, должна иметь под собой теоретическую основу, аккумулирующую лучшие достижения экономической и управленческой мысли, определяющую применимость существующих концепций и моделей к современным условиям, объясняющую новые явления в сфере труда.

Потребность в такой теоретической основе, в научном осмыслении процесса формирования и развития трудового потенциала, в разработке новых методических основ оценки данного потенциала, учитывающих особенности влияния совокупности политико-правовых, социально-экономических, демографических, научно-технических и других факторов, становится все более и более насущной. Попытка создания теоретической основы делалась и участниками международной научно-практической конференции «Трудовой потенциал как важнейший фактор социально-экономического развития территории» (Воронеж, 6 июня 2008 г.). Актуальность её проведения определяется тем, что развитие трудового потенциала в динамичных условиях современной экономики требует новых подходов, адекватных социально-экономическим трансформациям. Но декларация необходимости новых подходов ничем не подкрепляется в исследованиях практически, а анализируется все та же (как и в 80-х годах XX века) проблема занятости. Например, целью диссертационной работы А. Васильева является уточнение места трудового потенциала в системе рыночных отношений и определение возможностей его развития инструментарием, адекватным условиям современного рынка труда. А в качестве объекта исследования выступает трудовой потенциал как экономическая категория и как социально-экономическое явление, приобретающее актуальность на современном этапе становления постиндустриальной экономики и требующее управленческих воздействий, обеспечивающих его развитие. Заметим, что А. Васильев полагает, что трудовой потенциал как экономическая категория представляет собой «имеющуюся в настоящее время и непрерывно развивающуюся в процессе всей жизни совокупность реализованных и латентных трудовых возможностей, получающих свои проявления на уровне индивида, предприятия, региона, страны»[10].

Обратим внимание на то, что в литературе по экономике труда трудовой потенциал (как экономическая категория) определяется как возможные количество и качество труда, которыми располагает общество при данном уровне развития науки и техники[11].

В контексте имеющихся определений трудового потенциала через количество и качество труда проблема измерения трудового потенциала и степени его использования в экономике является первостепенной и, вместе с тем, наименее разработанной. Анализируя методологические подходы по ее решению, многие исследователи предлагают разноаспектную систему показателей, по которым можно оценить и измерить трудовой потенциал[12]. Зачастую в их методиках речь идет о тех аспектах жизнедеятельности работников, которые хотя и являются важными для понимания роли человеческого фактора, но, тем не менее, не могут однозначно оценить состояние трудового потенциала с помощью конкретных характеристик.

Актуальность и значимость решения данного вопроса заключается, на взгляд многих исследователей, в том, что достоверная оценка состояния трудового потенциала позволит объективно оценивать имеющиеся возможности использования рабочей силы на внутреннем и внешнем рынках труда, а также эффективно управлять ими, постоянно повышая качественные аспекты трудовых ресурсов. Кроме того, сопоставление трудового потенциала с конечным результатом его функционирования позволит оптимизировать степень его использования, заключающегося в дальнейшем развитии и совершенствовании.

А. Котляр количественную сторону трудового потенциала определяет численностью трудоспособного населения (трудового ресурса) и ве-

личиной рабочего времени, отрабатываемого трудоспособным населением при данном уровне интенсивности труда. По его мнению, она может быть выражена в человеко-годах. А качественная сторона включает степень здоровья, развития и физической дееспособности членов общества и т.д., которая также может быть выражена через систему показателей[13].

И.К. Бондарь, Н.В. Анишина, Ю.Г. Сватко и др., рассматривая трудовой потенциал как запас живого труда, имеющийся в распоряжении общества, предлагают оценивать его не только в единицах рабочего времени (число человеко-часов, человеко-дней и т.д.), но и в физических лицах.

Они считают, что трудовой потенциал определяется не только количеством трудовых ресурсов и их профессионально-квалификационным составом, но также и демографической структурой населения[14].

Некоторые исследователи при проведении анализа трудового потенциала основываются на рассмотрении его количественных и качественных параметров, среди которых выделяются образовательный уровень, профессионально-квалификационная подготовка, трудовая мобильность и т.д. Например, А.С. Панкратов рассматривает трудовой потенциал как «интегральную форму, количественно и качественно характеризующую способность общества в динамике обеспечить человеческий фактор производства в соответствии с требованиями его развития»[15]. Среди количественных показателей исследователь выделяет численность занятого населения, регламентированное время для занятия трудовой деятельностью (в течение суток, недели, месяца, года, всей жизни человека), а также уровень ее напряженности, регулируемый государством. К качественным параметрам, определяющим трудовой потенциал, А.С. Панкратов относит уровень общих и профессиональных знаний и их соответствие развитию современного производства, а также бытовым условиям, способствующим восстановлению и воспроизводству трудоспособности людей. Но считает, что наиболее полное представление о степени использования трудового потенциала, отражающей его количественный и качественный уровни реализации, дает производительность труда. Качественный уровень измерения трудового потенциала производится путем оценки соответствия спросу производимых живым трудом продуктов и услуг (потребительных стоимостей). Трудовой потенциал, превращаясь в продукт или услугу, будет тогда высоким, когда труд будет эффективным и в его процессе будут создаваться полезные, с точки зрения общества, потребительные стоимости и услуги[16].

Группа исследователей Всероссийского заочного финансово-экономического института (ВЗФЭИ), среди которых В.В. Адамчук, О.В. Ромашов и М.Е. Сорокина, в своем труде, посвященном основным вопросам экономики и социологии труда, уделяют особое внимание проблемам правильного определения величины трудового потенциала. В качестве объемного показателя, измеряющего трудовой потенциал, они предлагают использовать и рассчитывать человеко-час, обладающий стабильностью и возможностью его применения во всех экономических расчетах на любом уровне. Правильный выбор единого измерителя имеет не только теоретическое, но и практическое значение, потому что создает основу для привидения различных величин к единому показателю и позволяет учитывать потери рабочего времени по различным причинам. Величина трудового потенциала производственного коллектива в часах может рассматриваться как произведение численности работников на законодательно установленную продолжительность рабочего дня в часах с учетом количества дней работы в периоде.

На макроуровне ученые ВЗФЭИ предлагают учитывать неоднородность трудового потенциала отдельных граждан, входящих в различные группы и различающихся между собой. Для приведения групп лиц к базовой величине ими за основу принимается так называемый «полногодовой» работник. При этом трудовой потенциал на макроуровне (то есть, всего общества) рассчитывается путем деления потенциального фонда рабочего времени общества, измеряемого в часах, на расчетное время работы одного трудящегося в течение года, также выраженное в часах[17].

В.А. Цыганков, рассматривая теоретические подходы к измерению трудового потенциала, отмечает, что его количественная сторона, выступающая производной от численности трудовых ресурсов, может быть оценена такими составляющими, как их половозрастная структура, продолжительность рабочего времени, регламентируемая трудовым законодательством, средние физические возможности участия людей в трудовой деятельности при данном уровне интен-

сивности труда. Исследователь отмечает, что характеристикой величины трудового потенциала может служить показатель, рассчитанный путем умножения средней продолжительности жизни, приходящейся в среднем в данный период на одного трудоспособного, на численность трудоспособного населения с учетом половозрастной структуры и выраженный в человеко-годах.

Определяя трудовой потенциал как составную часть экономического потенциала общества, а также как совокупную способность народного хозяйства производить материальные блага и услуги, В.А. Цыганков говорит о том, что важнейшей формой реализации трудового потенциала служит трудовая активность общества, выступающая мерой количества и качества трудовой деятельности и выражающая отношение людей к труду через его конечные результаты. На основании этого исследователь считает возможным рассматривать уровень трудовой активности как важнейший показатель использования трудового потенциала[18].

Д.Н. Шайкин в работе «К вопросу об измерении трудового потенциала» построил и проанализировал однофакторную модель, отражающую зависимость между динамикой ВРП Северо-Казахстанской области и уровнем образования людей в 2001–2008 гг. Он считает, что трудовой потенциал, являясь интегральным показателем, может быть оценен на региональном уровне через динамику ВРП, на который оказывает влияние уровень образования. А.Д. Ревнивцев отмечает, что в потенциале национальной экономики трудовой потенциал играет ключевую роль. «Трудовой потенциал – это обобщающая характеристика меры и качества совокупных способностей к труду экономики активного населения, то есть возможность трудоспособного населения реализовывать свои физические, интеллектуальные, социальные и духовные способности в процессе общественно полезной деятельности в условиях достигнутого уровня научно-технического процесса, развития производственных сил и производственных отношений»[19].

А.С. Иванова считает, что формирование трудового потенциала в новых условиях не ограничивается подготовкой квалифицированных кадров, хорошо знающих технику и технологию, методы управления и т.п. Они должны, во-первых, обладать «инновационными способностями», т.е. умением вырабатывать инновации самостоятельно в процессе трудовой деятельности, и, во-вторых, находить новое во внешней среде, в опыте других организаций, изобретениях и открытиях, своевременно использовать их в работе своей организации[20].

Творческое отношение работников к труду исследовалось преимущественно в советской экономической науке, но почти предано забвению в современной, как будто экономический подъём возможен лишь усилиями предпринимателей и топ-менеджеров. Это означает, что в качестве факторов экономического развития рассматривается не «рабочая сила» в классическом понимании этого термина, а «человеческие ресурсы», включающие в себя множество личностных характеристик работника, его человеческих способностей.

Из выше приведенных точек зрения ясно вырисовывается отличие подхода М.И. Скаржинского и его *научная состоятельность*.

Серьезный вклад в развитие идей М.И. Скаржинского внес его ученик, ныне д-р эконом. наук, профессор, завкафедрой экономической теории Костромского государственного технологического университета А.И. Тяжов. В своей монографии[21] он осуществил глубокое и всестороннее исследование индивидуального трудового потенциала и человеческих способностей с позиции новой политической экономии. Используя гипотетические данные и фактические расчеты, А.И. Тяжов, по существу, представил модель *движения и развития* индивидуальных качеств людей в экономическом пространстве. Именно это позволяет осуществлять количественную и качественную оценку трудового потенциала каждого человека, измерять экономическую эффективность его развития в производственном процессе. Политико-экономический взгляд на человека заключается в анализе его всестороннего, индивидуального, интеллектуального и социального развития в информационно-образовательных процессах. При этом А.И. Тяжов предложил и обосновал концептуальный взгляд на пофазное движение человеческой деятельности.

В связи с развитием А.И. Тяжовым положений концепции М.И. Скаржинского возникает необходимость соотнесения человеческого потенциала и человеческой деятельности с позиций новой политической экономии.

Обсуждение проблемы человеческого потенциала (ЧП) показывает, что тема эта весьма ем-

кая, с многообразными возможностями выхода в самые различные области и на разные уровни социального и философского знания[22].

Хотелось бы также обратить внимание на проблему реализации ЧП, ее специфику. В опубликованных материалах эта проблема вскользь упоминается. Но, как представляется, она заслуживает и самостоятельного анализа, ибо потенциал, если он не реализуется или не поддерживается в состоянии готовности (военный потенциал), не имеет смысла, а его реализация не происходит автоматически.

Здесь возникает некоторое новое проблемное поле.

В докладах Программы развития ООН (ПРООН)[23] сложилось вполне определенное и однозначное понятие ЧП. Оно включает три основных показателя – ВВП на душу населения (уровень жизни, уровень образования и продолжительность жизни). Это понятие, следовательно, объемлет материально-экономическую и интеллектуальную стороны человеческого бытия и образ жизни людей, от которых в первую очередь зависит такой комплексный показатель, как продолжительность жизни. В докладах разработаны также методы расчета индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), позволяющего сопоставлять и сравнивать различные страны по их ЧП. Применение такого аппарата в докладах для выявления и оценки ЧП почти всех стран пестрого современного мира представляет значительную научную ценность, поскольку характеризует его облик с точки зрения главного критерия – человека, условий и возможностей его развития.

Хотелось бы в этой связи обратить внимание на три существенные особенности понятия ЧП.

Во-первых, понятие ЧП определяет такой подход к анализу общественных явлений и процессов, который «центрирован» на человека, то есть ориентирует на ценности гуманизма. Действительно, в докладах ООН о развитии человека четко проглядывает эта гуманистическая ориентация.

Во-вторых, с помощью понятия ЧП и разработанных на его основе методов становится возможным осуществить операционализацию общих принципов и идей, представить, что делается в данной конкретной стране для развития человека, какое место по показателям ЧП она занимает в мировой системе. Наличие объективной информации о проблемах человека в различных регионах мира уже само по себе не может не служить призывом к практическим действиям в интересах развития человека.

В-третьих, понятие ЧП имеет целостный, интегративный характер. В нем присутствует антропологическая составляющая, отражающая единство в человеке социального и биологического, социального и индивидуального. По показателям ЧП можно характеризовать и отдельного индивида – его доходы, образование и продолжительность жизни (или здоровье) – и социальную группу, и страну в целом. Показатели, касающиеся материальной и духовной сторон развития индивида или общества, также рассматриваются в единстве. Опыт свидетельствует, что было бы неверно в ущерб одной недооценивать или переоценивать значение какой-либо другой стороны. Так, рост материального богатства без соответствующего духовного и интеллектуального развития человека нередко ведет к пресыщению, разложению и т.д.

Таким образом, можно сказать: авторы ПРООН пользуются достаточно разработанной методологией исследования, дающей полезные результаты в области гуманистически ориентированного изучения ряда существенных параметров современного общества. Но в самой концепции докладов ПРООН нет запрета на увеличение числа этих параметров, их переосмысления, если это необходимо для тех или иных целей. Авторы статьи «Концепция человеческого потенциала: исходные соображения»[24] считают, что практическая значимость изучения ЧП усилится, если систему его показателей выстроить так, чтобы она давала возможность прогнозировать динамику ЧП и в большей степени отражала признаки адаптации человека к меняющимся условиям его бытия. Это особенно существенно при исследовании ЧП современной России – общества, находящегося в состоянии глубокой трансформации, общества переходного и переживающего «системный кризис». Чтобы более адекватно представить ЧП этого сложного социума, авторы названной статьи переформулировали показатели, используемые в докладах ООН о развитии человека, и дополнили их еще следующими: «адаптированность к социальной инфраструктуре общества; культурно-ценностные ориентации; психологическая компетентность»[25]. Такая реконструкция, по их мнению, как раз и придает составляющим ЧП более прогнозный характер в отношении поведения человека в условиях нестабильно-

сти. Правда, непонятно, почему авторы исключили из числа самостоятельных показателей ЧП размер доходов, который не только фиксирует экономическое положение различных групп населения, но и косвенно отражает уровень производства в стране. Вообще экономический показатель – весьма болезненный для нынешней России. Его отсечение закрывает для исследователя целый блок жизненно важных проблем ЧП.

Другой недостаток такого набора «антропологем» по сравнению с показателями докладов ПРООН – невозможность их операционализации. Как, например, выразить числом психологическую компетентность или адаптированность? Конечно, не все показатели в обязательном порядке должны поддаваться количественной обработке. Но когда ни один показатель непосредственно (а некоторые и косвенно) не имеет количественного выражения – это шаг назад по сравнению с ПРООН. Сказанное вовсе не означает, что предложенный авторами набор составляющих ЧП хуже, чем используемый в докладах ПРООН. Возможность выразить каждый показатель с помощью простой количественной оценки – в какой-то мере формальный критерий. А весь вопрос в том, *для каких целей* выбираются те или иные показатели ЧП. В одних случаях без количественных данных, без статистики и т.п. не обойтись, в других – значимыми оказываются качественные оценки.

В докладах ПРООК Россия выступает как одно из множества государств, и на основании статистических данных определяется ее место в мировой системе по уровню доходов, образованию и продолжительности жизни. Изучаются также тенденции изменения этих показателей. К сожалению, у России и ряда государств СНГ наблюдаются тенденции, обратные мировым. Если в большинстве стран, включая даже слаборазвитые, средний доход и уровень образования растут у одних быстрее, у других медленнее, а продолжительность жизни увеличивается, то в России все эти показатели имеют обратный знак. Это основное, что можно вынести из докладов ПРООН о России. Однако для более детального изучения ЧП ограничиться составляющими ЧП, принятыми ПРООН, вряд ли целесообразно. И расширение, и трансформация последних в этом смысле вполне оправданы. Возникает новый элемент, отсутствующий в докладах ПРООН, идея аспектов анализа ЧП или «горизонтов»: социально-организационного, экономического, социально-экологического и экзистенциального, – в каждом из которых понятие ЧП «переопределяется», приобретает свои особенности, конкретизируется. Я считаю эту идею весьма удачной, ибо таким путем расширяются и проблематика ЧП, и возможности практического использования результатов его исследования. Для пояснения идеи «горизонтов» используется образ проекций одного предмета на различные плоскости. При таком подходе само представление о ЧП становится более объемным и многомерным. Но части и «проекции» не могут заменить целого, и потому при анализе проблематики любого «горизонта» следует учитывать базовые характеристики ЧП.

Говоря о разнообразных «горизонтах» ЧП, нельзя сбрасывать со счетов интеллектуальный потенциал общества, выражаемый в первую очередь наукой. Российская наука находится в тяжелейшем положении, не получая (несмотря на все обещания и заверения) от государства необходимой поддержки. В науке происходят деструктивные процессы – стихийное сокращение численности работающих в этой сфере, утечка умов (и далеко не худших) за счет, в частности, выбывания наиболее продуктивного среднего возраста ученых, гибель целых направлений, распад коллективов и т.д. Падает престиж науки, сокращается приток молодежи, возникает опасность нарушения преемственности поколений в науке. Если не удастся остановить и повернуть вспять эти процессы, наука как сфера производства нового знания, как интеллектуальный потенциал нации уже не сократит свою численность, а прекратит свое существование. Для страны это будет трагедией. Вместе с тем растет волна «антинауки» – всевозможных колдунов, магов, гадалок, астрологов, шаманов, псевдорелигиозных сект, оказывающих растущее влияние на сознание людей. Куда же мы движемся? К «новому средневековью»?!

Интеллектуальный потенциал страны – часть ее ЧП и здесь не следует забывать о его интеллектуальном измерении. Возражение, что интеллектуальный потенциал может рассматриваться в рамках «горизонтов» – экономического, социально-организационного и т.п., имеющих (поскольку речь идет о человеке) и субъективную сторону (знания, квалификация кадров), – представляется неубедительным, ибо в условиях техногенной цивилизации, становления информационного общества способность ЧП к производству новых знаний и новых технологий выдвигается

в число определяющих характеристик и страны, и ее ЧП. Нет необходимости говорить и о том, какую роль играет интеллектуальный потенциал в обеспечении национальной безопасности.

Под эгидой ПРООН с 1995 г. издаются специальные доклады о развитии ЧП в РФ на основе показателей развития человека, используемых экспертами ПРООН. Общий вывод одного из докладов звучит печально: «Нынешняя ситуация в России – с точки зрения условий для развития человека, как это явствует из доклада, – представляет удручающую картину»[26]. Трудности переходного периода «усугубляются отсутствием четкой и целостной стратегии», поэтому настоятельно требуется выработка «стратегии, ориентированной на развитие человека[27]. Этот вывод вытекает из анализа экономических, демографических, социокультурных процессов современной России на основе принятых ПРООН показателей и их применения к российской действительности. Авторы статьи «Концепция человеческого потенциала: исходные соображения», как уже отмечалось, предлагают более сложную методологию, более развернутую систему показателей («антропологем») и претендуют на более углубленное изучение ЧП. Как доказать правомерность и преимущества данной концепции? Первая попытка показать разрабатываемую в Институте человека РАН концепцию ЧП в действии предпринята другими авторами в статье «Человеческий потенциал России: факторы риска»[28], где некоторые «антропологемы» использованы в качестве индикаторов состояния ЧП России. Изучение в рамках принятых показателей официальной статистики данных различного рода обследований привело авторов к заключению, что Россия в настоящее время находится в зоне повышенного риска, поскольку на ее ЧП воздействуют разнообразные факторы риска объективного и субъективного плана. Их источниками являются не только особенности предшествующего развития страны, но и способы ее нынешнего реформирования. Реформы, конечной целью которых в общем должно быть развитие ЧП, подняли такую волну негативных воздействий на ЧП страны, что пока неясно, к каким результатам все это приведет, какие последствия вызовет, какие тенденции возьмут верх. Подобная неопределенность и характеризуется как риск. Россия рискнула начать реформы с «шоковой терапии». Оправдан ли этот риск – покажет будущее. Ответ на вопрос должна дать динамика ЧП России, то есть то, как реформы скажутся на развитии человека, какие для него создадут условия. Это высший критерий.

В рассматриваемой статье внимание авторов сосредоточено на таких моментах, как физическое и психическое здоровье населения, состояние семьи, системы образования, проблемы детей и молодежи, исходя из того, что здоровье нации – основа ее ЧП, а молодежь – ее будущее. Но эти темы не ограничивают всего спектра показателей ЧП. Поэтому авторы, описав факторы риска, не стали делать обобщающих выводов о состоянии и перспективах ЧП России в целом. Их подход к проблеме оригинален, но он не снимает задачи обоснования эффективности, самодостаточности и операциональности разрабатываемой концепции ЧП. Концепция должна работать. Она для этого и создается. Для ее проверки и дальнейшей отработки следует выбрать объект исследования. Хорошо, если он будет не таким обширным, как вся страна, но и не слишком мелким. В качестве такого объекта можно было бы избрать какой-нибудь крупный город с развитой социальной инфраструктурой, промышленностью, системой образовательных и научных учреждений и т.д. Например, весьма интересно исследовать ЧП Москвы, Санкт-Петербурга или Новосибирска – любого крупного центра, власти которого заинтересуются программой исследования и выделят на него необходимые средства. Исследование может быть проведено по полной или сокращенной программе. Но независимо от того, подтвердится или нет предлагаемая концепция ЧП, сбор и обработка данных о ЧП города даст сфере управления неоценимый материал, на который можно будет опираться при принятии соответствующих решений.

Считается, что в процессе развития обычно возникает спектр разнообразных возможностей, причем реализация одних отсекает другие. В переходные периоды перед обществом стоит проблема выбора пути из нескольких возможных. Если путь выбран и общество реально на него вступило – другие возможности отпадают. Но ЧП – это особого рода возможность, которая, реализуясь, все время сохраняется как возможность дальнейшей деятельности. Здесь встает проблема не выбора возможностей, а эффективного и полного их осуществления. Собственно именно поэтому и возникает здесь проблема реализации. Наличие потенциала еще ничего не говорит

о том, насколько полно он будет реализован. Не только для формирования, но и для реализации потенциала нужны условия, которые могут быть и благоприятными, и неблагоприятными. Среди этих условий прежде всего нужно назвать средства реализации ЧП, дающие возможность человеку действовать. Вообще отношения между понятиями «потенциал» и «средство» неоднозначны. Так, если речь идет о научном потенциале, то все средства познания являются его составной частью. То же самое следует сказать и о военном потенциале. Без наличия вооружений (средств) ни о каком военном потенциале нельзя говорить. Позволю себе высказать суждение, что у ЧП дело обстоит по-иному. Материальные средства его реализации создаются людьми, но существуют объективно, вне человека, интеллектуальные средства – элемент самого ЧП, но его реализация предполагает также наличие материальных средств.

Если их недостает, ЧП от этого сразу не становится ущербнее, но реализоваться в полной мере уже не может. Для России это весьма существенно, ибо, конечно, из-за недостатка средств ее ЧП во многом остается нереализованным. Но не только для России. Безработица, неполная занятость в развитых странах означает, по существу, расхищение их ЧП. Не случайно в докладах ПРООН так много внимания уделяется проблеме занятости. Средства важны, но главным остается все же сам ЧП. Если страна имеет развитый ЧП, она сможет преодолеть все трудности, восполнить потери. ЧП реализуется, поскольку востребован обществом. Востребованность, вообще говоря, является предпосылкой любого вида человеческой деятельности. Рассматриваемый как потенциал человеческой деятельности, ЧП как таковой в принципе не востребован быть не может, ибо тогда прекратилась бы жизнь общества. Поэтому проблема востребованности касается не ЧП в целом, а его отдельных проявлений, уровней, структурных образований. М.И. Скаржинский прозорливо реализовал проблему востребованности в концепции трудового потенциала.

Где-то в начале 1980-х гг. в прессе начали появляться статьи, в которых говорилось о том, что в СССР стало *слишком* много образованных людей, возник «излишек образования»: выпускники средних школ стремятся получить высшее образование, не хотят утруждать себя «черной» работой, заниматься физическим трудом; страна нуждается в молодых рабочих разных профессии, а средняя школа дает общее образование, и кончающие ее никакой конкретной специальностью не владеют. Эта *тема* имела свое продолжение. На высоком уровне была создана комиссия во главе с членом Политбюро ЦК КПСС Г.А. Алиевым для реформирования средней школы, подготовлен соответствующий закон и т.д.

Итак, «излишек образования» не нужен, готовить «впрок» образованных людей ни к чему, нужны люди, владеющие навыками и знаниями в рамках определенной специальности. Тем самым фактически утверждалась ненужность, невостребованность того образовательного потенциала, который формировала школьная система. Кто спорит, профессиональная подготовка, удовлетворяющая потребности различных сфер деятельности, нужна, но молодежь должна иметь право на свободный выбор профессии, который реформа резко сужала, предлагая раннюю специализацию, ибо в подростковом возрасте многие еще не готовы к выбору профессий. И это в стране, где развитие человека провозглашалось высшей целью общества! Из этого примера также видно, насколько тесно связаны и взаимозависимы проблемы формирования ЧП и его реализации, связаны и в общественном сознании, и в реальной практике.

В настоящее время с катастрофической быстротой теряет свою востребованность важнейшая составная часть интеллектуального (а значит, и человеческого) потенциала России – наука, что, как уже говорилось, ведет к развитию в ней деструктивных процессов. Видимо, не все во властных структурах понимают, что деградация российской науки является угрозой национальной безопасности и поддержание научного потенциала – фундаментальной и прикладной науки – социальная проблема и политическая задача.

Наконец, следует упомянуть еще об одном факторе, существенном и для формирования, и для сохранения и развития, и для реализации ЧП, – об организации дела. Если имеется достаточно развитый ЧП и он востребован обществом, то именно от организации дела зависит, насколько полно он будет реализован. Для России, где организация дела далеко не всегда находилась на должной высоте, это особенно важно иметь в виду. Так, технологическое отставание России от Запада во многом объясняется плохой организацией связи науки и производства, особенно в гражданских отраслях. Производство не стремилось

использовать технологические новинки, оно отторгало их. За годы советской власти в стране не было создано эффективно действующей инновационной системы, что недопустимо для великой державы с развитой наукой, какой и был СССР. Итог же печален: СССР распался; в России сейчас лишь 5% высокотехнологичных предприятий, в то время как в развитых странах – 35%; зато низкотехнологичных там – 15%, а в России – 55%[29]. Атомная энергетика, космическая техника – продукция военно-промышленного комплекса, свидетельствующая об огромных возможностях интеллектуального потенциала России. Сейчас же западные эксперты рекомендуют нам отказаться от претензий на «технологический авангардизм».

Конечно, все эти процессы – результат действия многих факторов, но и недостатка организации также.

Поскольку проблема реализации ЧП может рассматриваться тогда, когда предварительно осуществлено его внутреннее структурирование, то сама постановка этой проблемы ориентирует на изучение не только его показателей, но и его внутреннего структурного многообразия. Именно это и осуществил М.И. Скаржинский применительно к фактору «труд», обосновав структурное его многообразие через стадийное движение.

Такой подход позволяет конкретизировать понятие ЧП применительно к различным видам человеческой деятельности. Если перейти от самой общей трактовки ЧП на более конкретный уровень, связанный с деятельностью по его реализации, то сразу возникает вопрос: о потенциале какой конкретной деятельности идет речь. Иначе говоря, исследованию подвергается не ЧП вообще, а ЧП, связанный с деятельностью, имеющей ту или иную направленность. И в реальной жизни меры по поддержанию ЧП в целом всегда сочетаются с работой по определению потребности в человеческих ресурсах в той или иной сфере деятельности; где имеется излишек и где – недостаток. Это отчетливо видно на примере науки. Появление новых научных направлений требует специалистов, которых высшая школа раньше не готовила. На первых порах в новое направление идут ученые из других смежных областей. Но если оно развивается, то простая мобильность научных кадров уже не может удовлетворить растущую потребность и требуется организация вузовской подготовки. Задержка тормозит развитие нового направления. Потенциал какого-то конкретного вида деятельности не является, конечно, чем-то обособленным. В нем всегда присутствует и общее, и особенное. Но выделение этого особенного необходимо при изучении вопросов практический реализации ЧП. Таким образом, реализация ЧП происходит через его особенные формы – потенциалы различных видов человеческой деятельности, проблемы реализации ЧП имеют полное право на признание их частью общей проблематики ЧП, а концепция трудового потенциала М.И. Скаржинского – на признание в части экономической деятельности[30].

Теперь остановимся на других идеях М.И. Скаржинского с позиций их роли в развитии отечественной экономической науки и выделим среди них в качестве основных проблематику *новой политической экономии* и проблематику развития *методологии экономической науки*.

М.И. Скаржинский стал одним из первых (если не первым) российских учёных, осуществивших введение в научный оборот понятия «новая политическая экономия» в ином, чем западные экономисты, контексте. Сегодня это понятие прочно вошло в умы исследователей, хотя его трактовка неоднозначна. И, как отмечает Н. Елецкий[31], в России происходит развитие направлений «новой политической экономии».

Несмотря на интенсивное развитие интеграции различных направлений мировой экономической мысли, политическая экономия сохраняет статус ядра общей экономической теории, философии хозяйства[32]. Если в России политическая экономия фактически стала запрещенной наукой (она выведена из государственных образовательных стандартов и номенклатуры диссертационных специальностей; кафедры политической экономии, за единичными исключениями, переименованы), то за рубежом политико-экономическая наука интенсивно развивается. Значительное число научных журналов содержит в названии термин «политическая экономия». Более того, возникают и развиваются конкурирующие научные направления, претендующие на статус новой политической экономии. Среди них наиболее заметны: теория общественного выбора, постфордистская теория регуляции, рациональная, позитивная, мировая политэкономия; политическая экономия развития; экономическая социология международных отношений, а также некоторые направления экономической глобалистики и радикальной политической экономии[33].

Перечисленные направления имеют как сходные, так и существенно различающиеся исследовательские программы. Многие из них (например, теории регуляции) оцениваются в мировой экономической литературе как доминирующие школы политической экономии в современной социальной науке[34].

Отличительная черта большинства зарубежных вариантов «новой политической экономии» – их междисциплинарный, пограничный характер, чаще всего – в аспекте тех или иных проблем экономической политики и регулирующих функций государства. Особое место в современной науке занимает теория общественного выбора, распространяющая инструментарий неоклассического анализа на сферу политических отношений.

Подобная междисциплинарная интеграция имеет положительное значение для расширения и обогащения предмета политической экономии, но здесь есть и опасность размывания предмета политической экономии, смешения разноуровневой проблематики общей экономической теории и частноэкономических дисциплин и даже оттеснения «новой политической экономии» на периферию системы экономических наук. Поэтому следует помнить: как бы тесно ни были связаны отдельные науки, сколь бы широки ни были их пограничные области и сильны междисциплинарные интеграционные тенденции, каждая из них сохраняет свой самостоятельный статус, пока воплощенная в ее предмете система категорий и законов отражает социально значимый фрагмент действительности. Иначе не только экономический, но и любой другой общенаучный «империализм» давно бы поглотил все ранее самостоятельные отрасли научного знания. Действительную множественность современных политико-экономических систем целесообразно было бы отличать от разнобоя в терминологии, вызванного нечеткостью понимания предмета науки и ее основного вопроса.

Требуется ясное понимание того, что можно лишь переименовать общую экономическую теорию, но нельзя ликвидировать ее необходимость. Если отдельные направления «новой политической экономии» будут уходить от исследования сущностных закономерностей экономического базиса общества, то функцию этих исследований будут выполнять научные дисциплины, имеющие другие названия. И рано или поздно их различные фрагменты все равно придется систематизировать в рамках единой теоретической модели.

В то же время взаимосвязь между экономическими процессами, политическими и иными социальными факторами – это не аргумент для ограничения предмета политической экономии рамками экономической политики или иными пограничными областями, к чему склоняются некоторые направления «новой политической экономии». При таком подходе политической экономии иногда отводится место «на границах экономической теории и политической науки»[35]. Однако общая экономическая теория, как бы ее ни переименовывали, по определению не может локализоваться на границах системы экономических наук, она – центральный, системообразующий и субстанциональный элемент их совокупности.

На границах самой политической (социальной) экономии как науки о сущности социально-экономических отношений могут и должны возникать междисциплинарные направления, в том числе весьма перспективные и динамичные, отражающие взаимодействие экономических и политических факторов. Именно так аналогичный процесс развивался исторически – в течение предшествующих веков от политической экономии постепенно отделялись специализированные отрасли исследований, превращавшиеся в самостоятельные научные дисциплины. По-видимому, и в современных условиях правильным было бы обозначать возникающие научные направления новыми терминами, не искажая уже существующие добавлением слова «новое». Общая экономическая теория – это политическая экономия с качественно определенным, сложно структурированным предметом, который развивается во взаимосвязи с модификациями сущностных закономерностей экономической цивилизации, на основе чего происходит и эволюция всей системы экономических наук.

Политическая экономия вообще и «новая политическая экономия», в частности, могут развиваться в качестве общей экономической теории лишь в том случае, если они исследуют экономическую цивилизацию с позиций философии хозяйства. Непреходящее значение в этом отношении сохраняет высказывание Дж.М. Кейнса: «Может быть, читатель посчитает, что... общее философское исследование поведения человека несколько далеко от экономической теории, являющейся предметом дискуссии. Я думаю, что это

не так. Мы изучаем наше поведение на рынке, но теория, которую мы разрабатываем, ...не должна покоряться рыночным идолам»[36].

В рассматриваемом контексте идеи М.И. Скаржинского о новой политической экономии дали толчок развитию костромской научной школы экономистов в рамках постмодернизма.

Постмодернизм претендует в настоящее время на роль господствующей общенаучной гносеологической парадигмы и философского мировоззрения. Атрибутивный для идеологии постмодернизма «скептицизм по отношению к метанарративам» предполагает ориентацию не на поиск истины, а на достижение конкретных целей безотносительно к пониманию реальности. Возможность и необходимость ее объяснения, в том числе посредством адекватных научных моделей, ставится под сомнение. Такая методологическая установка, по-видимому, отражает переходный характер с неустойчивостью, неопределенностью, мозаичностью социальных отношений на начальных этапах постиндустриальной трансформации, когда прежние теоретические конвенции и психологические парадигмы уже разрушены, а новые еще отсутствуют.

В сочетании с прагматическими крайностями позитивистской традиции, эклектической эпистемологией и модифицированными реликтами агностицизма постмодернизм наиболее заметно проявляется через так называемый антиэссенциализм – принципиальный отказ от установки на исследование сущности экономических процессов и экономической цивилизации в целом. Критерий непосредственной наблюдаемости становится в этом случае обязательным условием для признания того или иного феномена в качестве объекта экономического анализа.

Очевидно, принятие критерия непосредственной наблюдаемости в качестве исходного методолого-теоретического принципа ведет к отказу от восприятия объективной уровневой структуризации экономической системы и от попыток теоретического осмысления как самих уровней модификации этой системы, так и форм и механизмов их взаимодействия. Теоретические проблемы в этом случае решаются просто, то есть в духе мерфологии – «сложные проблемы всегда имеют простые, легкие для понимания неправильные решения»[37]. Так, поскольку «норму прибавочной ценности невозможно наблюдать на рынке», то возникает желание просто отмахнуться от «формалистической проблемы превращения форм», от «вздора о превращении ценности в цену»; таким образом, попытки «пробиться к существу дела – это не что иное, как искусное жонглерство, посредством которого оказалось одураченным не одно поколение читателей»[38]. В этом же духе многие зарубежные авторитетные ученые рассуждают, например, о проблеме сущности денег: «деньги – это то, что используется как деньги; деньги – это то, что выполняет функции денег»[39].

Проблема теоретического отражения уровневой структуры экономической системы имеет несколько аспектов. Прежде всего, это общенаучный аспект анализа сущности и явления, содержания и формы, внутренних и внешних взаимосвязей и закономерностей. Дискуссии о самом факте существования данных феноменов, по-видимому, находятся за пределами проблематики современного научного мировоззрения. Вопросы о том, зачем вообще нужна наука и чем научное мышление отличается от обыденного, принципиально решены несколько тысячелетий назад.

К сожалению, эпигонско-некритическое восприятие явно несостоятельных рассуждений о тождестве сущности и ее внешних проявлений, содержания и формы экономических процессов, их глубинных закономерностей и непосредственно наблюдаемых эмпирических фактов получило конъюнктурное распространение и в публикациях российских авторов. В то же время очевидная несостоятельность концепций, считающих непосредственную наблюдаемость чуть ли не главным критерием истины, не могла не быть отмеченной в научной литературе. «Отказ от эссенциалистской парадигмы в экономической теории привел к тому, что экономисты с непримиримостью стали относиться к любой вещи, недоступной непосредственному наблюдению, то есть, в принципе, отказ от “сущности”, от идеи чего-то, познаваемого опосредованно, косвенно привел к тому, что пострадала экономическая наука в целом... Экономист, вставший на точку зрения, согласно которой реальны лишь объекты, подлежащие непосредственному наблюдению, не может преодолеть методологический барьер и оказывается неспособным адекватно теоретизировать... И не исключено, что мы в постсоветской России, торопясь уловить “антиэссенциалистские парадигмы” мировой науки, опять окажемся по другую сторону прогресса»[40].

К тому же следует отметить, что аргументы современных антиэссенциалистов мало отличаются от тезисов, подвергнутых критике в ходе так называемой дискуссии о методе, в частности, представителями австрийской школы в их полемике со сторонниками крайнего эмпиризма в историческом направлении.

Если несостоятельность прямого отрицания сущности экономических процессов или необходимости ее теоретического отражения достаточно ясна, то с другим аспектом проблемы уровневой структуризации экономической системы, связанным с задачами изучения превращенных форм, дело обстоит сложнее. Сколь бы ни были далеки эти формы от сущности и как бы ни искажали они ее действительную природу, практическая деятельность хозяйствующих субъектов осуществляется именно в мире этих превращенных форм; на них же ориентируется и обыденное экономическое мышление, и психология.

Для успеха практической деятельности часто достаточно эмпирических знаний о правильной повторяемости событий, поэтому ее изучение становится самостоятельной задачей. Примеры практической значимости подобного рода эмпирических обобщений весьма многочисленны, в том числе и в иных, помимо экономики, сферах науки и практики. В этом контексте возможно выявление научной ценности и границ теоретической значимости в экономике. «Содержащееся в *economics* описание механизмов функционирования рынка есть адекватное и истинное (в рамках соответствующей, относительно узкой “области допустимых значений”) отражение действительных превращенных форм зрелой буржуазной экономики»[41].

Настоятельной необходимостью является и анализ структурных уровней трансформационных процессов в условиях глобализации, что особенно актуально для стран, осуществляющих переход от командной к рыночной экономике. Эти процессы характеризуются соотношением глубинных уровней стратегической целевой ориентации, рыночных способов достижения объективных целей, тактических мер и конкретных механизмов преобразований. При этом весьма часто цели, которые формулируют субъекты глобальных трансформационных процессов, маскируют их действительные интересы и задачи, связанные с переделом сфер геополитического влияния и собственности. Распространены явления сознательного стимулирования возникновения превращённых форм, способствующих искажённому восприятию хозяйственных взаимодействий в массовом сознании, но соответствующих интересам наиболее влиятельных глобальных акторов и новых собственников в странах транзитивного ареала.

В целом можно отметить, что объективная уровневая структуризация экономической системы требует адекватного отражения в теоретических моделях. Задачей науки является не только выявление собственной природы первичного, вторичного и более поверхностных уровней движения производственных отношений, но и анализ форм их взаимодействия и выработка механизмов модификации глубинных закономерностей в эмпирически наблюдаемые взаимосвязи. «Сущность никогда не исчерпывает сфер своего существования одной единицей, а исчерпывает их многими единицами»; проявляют себя «вторичные и третичные, вообще производственные, перенесённые, непервичные производственные отношения»[42].

Анализ вторичных уровней движения производственных отношений составляет особый раздел общей экономической теории, связанный с изучением хозяйственного механизма. Для политической экономии хозяйственный механизм важен как целостная система, воплощающая практическую конкретизацию и уровневую трансформацию первичных производственных отношений, сущностных противоречий собственности, а в настоящее время – глобальных закономерностей. Без анализа форм их проявления в хозяйственной практике политико-экономические модели остались бы «вещью в себе», некими идеальными конструкциями, истинность которых трудно было бы доказать или опровергнуть. Сложность применения критериев верификации и фальсифицируемости к политико-экономическим теориям затрудняет их практическую проверку, но отказ от политико-экономических исследований мирохозяйственного механизма ещё более усугубил бы проблему. Необходимость анализа хозяйственного механизма вовсе не означает отказ от признания уровневой структуризации экономической системы. Напротив, степень научной обоснованности этого анализа зависит от выявления форм и механизмов экономических процессов, характерных для тех или иных объективных уровней их движения в глобализирующейся хозяйственной системе.

Итак, краткий обзор научного творчества М.И. Скаржинского наглядно показывает тот неоценимый вклад, который профессор Скаржинский внёс в развитие экономической науки.

Примечания

[1] Владимир КАНТОР – доктор философских наук, профессор философского факультета Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ), член редколлегии журнала «Вопросы философии», член Союза российских писателей, прозаик, лауреат премии Генриха Белля (Германия, 1992). По европейскому рейтингу, публикуемому раз в 40 лет (январь 2005) парижским журналом «Le nouvel observateur (hors serie)», вошел в число 25 крупнейших мыслителей современности как «законный продолжатель творчества Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева». Произведения Владимира Кантора переводились на английский, немецкий, французский, польский, сербский, эстонский языки.

[2] *Балацкий Е.В.* О природе экономических открытий: прошлое, настоящее, будущее // Науковедение. – 2002. – №2 – С. 31–50.

[3] См.: *Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Концепция человеческого потенциала // Человек. – 1996. – №4.

[4] *Генисаретскии О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Указ. соч. – С. 6.

[5] См.: *Авдеева Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б.* Человеческий потенциал России: факторы риска // Человек. – 1997. – №1.

[6] См.: *Авдеева Н.Н., Ашмарин И.И., Степанова Г.В.* Указ. соч.

[7] Направления совершенствования условий воспроизводства трудового потенциала: препринт доклада для обсуждения на Всероссийской научно-практической конференции «Трудовой потенциал советского общества». – М.: ИЭ АН СССР, 1987. – 58 с.

[8] *Сергеева Г.П., Чижова Л.С.* Эффективное использование трудового потенциала. – М.: Знание 1987. – 64 с.

[9] *Васильев А.В.* Трудовой потенциал как элемент системы рыночных отношений: Автореф. … канд. эконом. наук. – Тамбов, 2006. – 25 с.

[10] *Васильев А.В.* Указ. соч. – С. 6–7.

[11] См.: Экономика труда: Учебник / Под ред. П.Э. Шлендера и Ю.П. Кокина. – М.: Юристъ, 2003. – 592 с. (С. 582); *Шайкин Д.Н.* К вопросу об измерении трудового потенциала. – Астана, 2008. – С. 438–441.

[12] См., например: *Измайлов И.А.* Управление трудовым потенциалом предприятия: Дис. ... канд. эконом. наук. – М., 2005.

[13] *Котляр А.* Формирование и использование трудового потенциала // Вопросы экономики. – 1987. – №9.

[14] Планирование труда в республике / И.К. Бондарь, Н.В. Анишина, Ю.Г. Сватко и др. – Киев: Наук думка, 1983.

[15] *Панкратов А.С.* Управление воспроизводством трудового потенциала. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 56.

[16] *Панкратов А.С.* Указ. соч. – С. 253.

[17] *Адамчук В.В., Ромашов О.В., Сорокина М.Е.* Экономика и социология труда: Учеб. для вузов. – М.: ЮНИТИ, 1999. – С. 27–28.

[18] *Цыганков В.А.* Теория и методология исследования качества трудовой жизни. – М.: Экономика, 2006. – С. 110, 111.

[19] *Ревнивцев А.Д.* Трудовой потенциал как фактор социально-экономического развития экономики // Интеллектуальные технологии в экономике и управлении. – СПб.: Изд-во СПб УЭФ, 2009. – С. 191.

[20] См.: *Иванова А.С.* Формирование трудового потенциала в условиях инновационной экономики // Интеллектуальные технологии в экономике и управлении. – СПб.: Изд-во СПб УЭФ, 2009. – С. 93.

[21] *Тяжов А.И.* Индивидуальный трудовой потенциал и политико-экономическая концепция человеческих способностей / Под общ. ред. и при научном консультировании д.э.н, проф. В.В. Чекмарева. – Кострома: КГУ им. Некрасова, 1999. – 320 с. (Серия «Новая политическая экономия». Вып. 5).

[22] См.: *Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек. – 1996. – №4.

[23] См., например: Доклад о развитии человека за 1997 г. – Нью-Йорк; Оксфорд, 1997. – С. 122.

[24] *Генисаретский О.П., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Указ. соч.

[25] Там же. – С. 11–12.

[26] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации [Материалы ООК]. – М., 1996. – С. 59.

[27] Там же. – С. 50.

[28] *Авдеева Н.И., Ашмарин И.И., Степанова Г.Б.* Человеческий потенциал России: факторы риска // Человек. – 1997. – №1.

[29] *Залманова Н.* Вперед к единому-неделимому? // Поиск. – 1997. – №16. – С. 4.

[30] Подробнее см.: *Крощенко М.М.* Трудовой потенциал и его воспроизводство в современных экономических условиях. – М.: НИИ труда и социального страхования, 2009 (проект 09-02-00656а РГНФ).

[31] *Елецкий Н.* Переход к глобально-информационному способу производства и модификация общей экономической теории // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – №2. – С. 26.

[32] См.: *Осипов Ю.М.* Опыт философии хозяйства; *Елецкий Н.Д.* Политическая экономия современной цивилизации. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 158–175.

[33] См.: *Hettne B.* Introduction: Towards an International Political Economy of Development // The European Journal of Development Research. – 1995. – V. 7. – №2. – P. 223–232; *Erber F.S.* The Political Economy of Technology Development // Politics of Technology in Latin America. – M.I. Bastons, Ch. Cooper (eds). L., N.Y., 1995. – P. 221–229.

[34] См.: *Шевчук А.* Постфордистские теории // Российский экономический журнал. – 1999. – №4. – С. 96; *Автономов В.* Политическая экономия переходного периода // МЭиМО. – 1996. – №6.

[35] *Радаев В.* Есть ли перспектива у российской политической экономии? // Российский экономический журнал. – 1998. – №9-10. – С. 78.

[36] *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости // Вопросы экономики. – 1997. – №5. – С. 107.

[37] Закон Мерфи. – Минск, 1998. – С. 17.

[38] *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. – М., 1994. – С. 215, 219, 265.

[39] Более подробно проблема сущности денег с позиции новой политической экономии изложены в: *Чекмарёв В.В.* Расход создаёт доход // Россия как цивилизация денег / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузеева, Е.С. Зотовой. – М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – С. 173–192.

[40] *Евстигнеева Л., Евстигнеев Р.* Проблем синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теории // Вопросы экономики. – 1998. – №8. – С. 16.

[41] *Булатов А.* К разработке интегративного курса экономической теории // Российский экономический журнал. – 2000. – №1. – С. 94.

[42] *Макрс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. – С. 248; Т. 46. – Ч. 1. – С. 46.

УДК 658.336.3:629.5 (470.46)

Василенкова Надежда Владиславовна
Астраханский государственный технический университет
Nadine0610@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ РАБОЧИХ КАДРОВ ДЛЯ СУДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА

В условиях ускоренного глобализацией научно-технического прогресса, появления инновационной техники и технологий, остро возник вопрос постоянного повышения знаний, навыков и опыта рабочих кадров отдельных отраслей и особенно на судостроительных предприятиях региона. Это означает, что модернизация должна коснуться также всего профессионального образовательного комплекса системы подготовки квалифицированных кадров. В данной статье автор предлагает основные направления совершенствования системы подготовки рабочих кадров для судостроительной отрасли Астраханского региона.

Ключевые слова: *модернизация, подготовка квалифицированных рабочих кадров, материально-техническая база, рынок труда, устойчивое развитие судостроительных предприятий.*

Доминантой в посткризисный период развития таких наукоёмких отраслей, как судостроение, должна выступать модернизация производства на основе инновационных процессов. Одновременно необходимо учитывать потребности региональных предприятий судостроительной отрасли в высококвалифицированной рабочей силе.

Начавшиеся в 1990-е годы радикальные реформы, осуществляемые без учёта инновационно-технологического и инвестиционного факторов, привели к тому, что в машиностроении и, в частности, в судостроительной отрасли региона произошли серьёзные изменения:

– парк технологического оборудования судостроительных предприятий морально и физически устарел;

– спад инвестиционной активности привёл предприятия в нестабильное финансово-экономическое положение, к неспособности поддерживать научный и технологический потенциал;

– спад инновационной активности в стране привёл к тому, что внедрением инноваций в настоящее время занимается лишь 4–5% отечественных предприятий;

– многие предприятия лишились высококвалифицированных рабочих кадров из-за сокращения производства, старения и снижения квалификации работников, не соответствующей современному уровню развития оборудования и технологий.

Так, за период с 1995 г. по 2004 г. численность трудовых ресурсов машиностроения сократилась с 4876 тыс. человек до 3199 тыс. человек, т.е. на 1677 тыс. человек. В том числе удельный вес рабочих сократился в этот же период времени с 74% до 70% [1].

Поскольку современное судно представляет собой сложное инженерное сооружение, особенно суда, предназначенные для добычи углеводородного сырья на шельфе, постольку для строительства таких судов требуются особо подготовленные, опытные, профессиональные кадры судостроителей. Это весьма актуально для оффшорного судостроения, а также для освоения новых видов судостроительной продукции, например, для строительства полупогружных буровых установок (ПБУ) на шельфе Каспия, для строительства газовозов, заказы на которые Газпром планирует разместить на судостроительных предприятиях Астраханской области.

В условиях ускоренного глобализацией научно-технического прогресса, появления инновационной техники и технологий, остро возник вопрос постоянного повышения знаний, навыков и опыта рабочих кадров отдельных отраслей и особенно на судостроительных предприятиях региона. От того, будет ли обладать Россия или отдельный регион человеческими ресурсами необходимого количества и высокого качества подготовки, зависит успех модернизации и инновационного развития всего машиностроения и судостроительной отрасли в том числе.

Это означает, что модернизация должна коснуться всего профессионального образовательного комплекса, ранее действующая система подготовки квалифицированных кадров нуждается в кардинальном совершенствовании. Для этого необходимо реформировать материально-техническую базу действующих ПТУ системы проф-

© Василенкова Н.В., 2010

техобразования, разработать современные методики обучения рабочих кадров. Современный рынок труда Астраханской области не может обеспечить существующие предприятия судостроения квалифицированными рабочими кадрами нужной специальности, что снижает конкурентные способности региональных предприятий. Известно, что рабочая сила является основным фактором формирования механизмов устойчивого развития судостроительных предприятий.

Подготовка рабочих кадров непосредственно на производстве характеризуется планомерной организацией передачи знаний, умения, опыта подготовляемым рабочим. Производственно-техническое обучение новых рабочих на производстве осуществляется через систему индивидуального, бригадного, ступенчатого и курсового обучения, причём последнее осуществляется как с отрывом, так и без отрыва от производства и охватывает такие профессии и специальности, овладение которыми занимает не более шести месяцев. Таким образом, обучение рассчитано на овладение рабочими сравнительно несложной специальностью, нужда в которой определяется самим предприятием.

Программа индивидуального обучения рабочего строится в соответствии с тем, что его подготовка происходит на рабочем месте и предусматривает постепенный переход от изучения отдельных видов работ по определённой профессии или специальности к их комплексному выполнению.

Бригадный метод обучения рабочих кадров непосредственно на предприятиях особенно распространён на тех участках производства, где преобладающей формой организации труда является бригада. Бригадное обучение является разновидностью индивидуального метода подготовки новых рабочих. Система индивидуально-бригадной подготовки рабочих, хотя и является основным видом обучения в короткие сроки, не лишена существенных недостатков: рабочие, прошедшие эту подготовку, получают невысокую квалификацию, что в ряде случаев ведёт к разрыву между уровнем техники и технологии производства и квалификационным уровнем подготавливаемых рабочих. Кроме того, отсутствие возможности получения высоких культурно-технических знаний в системе индивидуально-бригадного обучения в значительной мере способствует текучести рабочих кадров. Одним из недостатков этого метода обучения новых рабочих также является то, что производственные навыки ученика ограничиваются навыками инструктора. Слабость системы индивидуально-бригадного обучения заключается также в том, что не каждый рабочий-инструктор обладает теоретическими и методическими знаниями в широком диапазоне, а если и имеет такую подготовку, не всегда может выступать в роли квалифицированного преподавателя.

Важное направление в улучшении подготовки рабочих кадров непосредственно на производстве – более широкое внедрение ступенчатой системы обучения. В основу этой системы положена подготовка на краткосрочных курсах. Сам учебный процесс построен по восходящим этапам с таким расчётом, чтобы каждая последующая ступень являлась логическим продолжением предыдущей, обеспечивала возможность дальнейшего обучения и предусматривала расширенную сферу использования рабочих кадров. Все этапы обучения органически связаны между собой едиными учебными мероприятиями, направленными на одну общую цель. Подготовка рабочих в ступенчатой системе должна осуществляться по единым учебным планам и программам, разработанным в рамках единой профессии для каждого этапа в отдельности. В результате учебный процесс на всех предприятиях будет отвечать только одним квалификационным требованиям, что исключит многообразие подходов к подготовке рабочих одинаковых профессий.

Важным преимуществом ступенчатой системы является достижение однородности контингента обучающихся по производственной подготовке и опыту работы. Высокая пропускная способность по повышению квалификации рабочих кадров, низкие сроки окупаемости затрат на подготовку рабочих делают ступенчатую систему обучения наиболее перспективной формой воспроизводства квалифицированных рабочих кадров для судостроительной отрасли.

Помимо индивидуально-бригадного обучения подготовка новых рабочих осуществляется через систему курсов, школ и учебно-курсовых комбинатов. Последнее необходимо для подготовки рабочих более сложных профессий, овладение которыми связано с изучением значительного объёма теоретических предметов и с освоением таких видов работ, которые не могут быть изучены непосредственно на своих рабочих местах. Подготовка новых рабочих через курсы

и школы без отрыва от производства осуществляется силами и средствами самих предприятий; на курсах и в школах с отрывом от производства, где готовятся рабочие кадры для нескольких предприятий, обучение производят специалисты, преподаватели. Учебные программы и методики обучения в курсовой системе строятся по типу учебно-производственной деятельности профессионально-технических училищ, что делает этот вид подготовки квалифицированных рабочих кадров более действенным по сравнению с индивидуально-бригадным обучением. Курсовой метод подготовки делает возможным устранить значительную часть недостатков индивидуально-бригадного метода обучения, в частности, позволяет дать учащимся более глубокие теоретические и практические знания, выявить слабые и сильные стороны учащихся и быстро реагировать на это, сократить число работников, занимающихся подготовкой рабочих кадров. В то же время существующая подготовка рабочих через систему школ и курсов не может удовлетворить растущих потребностей модернизируемой промышленности в высококвалифицированных рабочих кадрах.

Для решения этой проблемы в настоящее время особенно актуальным является возрождение подготовки высококвалифицированных рабочих кадров через систему профтехобразования. Выпускники ПТУ быстрее получают высокий квалификационный разряд, а экономические показатели их труда значительно выше, чем у рабочих, подготовленных на производстве. Производственное обучение учащихся ПТУ не может удовлетворять всем потребностям судостроительных предприятий в необходимых кадрах, учесть специфику каждого производства и обеспечить их рабочими именно того профиля, который данному предприятию требуется. Для того чтобы профтехобразование стало настоящей кузницей высококвалифицированных рабочих кадров, необходимо:

1) оснастить материально-техническую базу профтехучилищ современным оборудованием, машинами, станками и приборами, тренажёрами, компьютерными технологиями;

2) обеспечить между ПТУ и предприятиями тесную двухстороннюю связь для организации заявок на обучение учащихся по той или иной специальности, необходимой для данного предприятия; для обеспечения всесторонней материальной и технической помощи учебному заведению;

3) обучение учащихся в ПТУ производить согласно современным требованиям технологии производства, применяемой на передовых предприятиях соответствующего профиля не только Астраханской области, но и других регионов, а также в мировой практике;

4) преподавательскому составу ПТУ необходимо постоянно повышать свою квалификацию: учитывать новые требования и реалии времени при подготовке квалифицированных рабочих кадров, знакомиться через Интернет и специализированные журналы с приёмами и методами работы на современном оборудовании, новыми современными технологиями производства, применяемыми на лучших отечественных и зарубежных верфях; необходимо поддерживать тесную связь с руководством участков и цехов предприятий, для которых подготавливаются новые рабочие кадры;

5) повысить роль материальных стимулов в воспроизводстве квалифицированных кадров.

Материальное вознаграждение всех работников, занимающихся подготовкой рабочей силы, следует поставить в зависимость от уровня теоретической и практической подготовки рабочих: оценки за экзамен по теории, выполнения норм выработки, качества продукции, экономии материалов и т.д. Совершенствование системы воспроизводства квалифицированных рабочих кадров способствует росту профессионально-технического уровня рабочих судостроительной отрасли, повышению эффективности их труда.

Непременным условием планомерного совершенствования производственного коллектива и его квалификационного уровня является стабильность рабочих кадров. Текучесть рабочих кадров вызывает дополнительные затраты на новый набор рабочих, их подготовку и переподготовку. Текучесть рабочей силы вызывает недоиспользование техники, задержки с освоением новой продукции, выпуск брака и т.д., что, в конечном итоге, отрицательно сказывается на экономических результатах деятельности предприятия. Поскольку судостроительные предприятия находятся у водоёмов, удалённых от областного центра, необходимо создать всю необходимую для жизни и работы в рабочих районах инфраструктуру. Значительное сокращение текучести кадров может быть обеспечено следующими путями:

– осуществлением мероприятий по повышению уровня организации труда и производства,

совершенствованием системы подготовки рабочих кадров;

– созданием и улучшением жилищных условий работающих;

– восстановлением существующих и строительством новых детских садов-яслей, школ, лечебных учреждений, объектов для занятий спортом, культурно-массовыми мероприятиями;

– организацией на предприятиях работы с молодыми кадрами – служб профессиональной ориентации и профессионального отбора рабочих кадров;

– усилением материальной и моральной заинтересованности рабочих в овладении новыми профессиями: должен соблюдаться принцип – за лучший труд более высокая оплата; своевременное и регулярное продвижение рабочего по лестнице тарифных разрядов.

Вопросы определения экономической эффективности подготовки рабочих кадров приобретают актуальное значение, поскольку от их решения, в конечном счете, зависит рациональное расходование финансовых средств предприятий и правильное использование трудовых ресурсов. Под экономической эффективностью профессиональной подготовки кадров понимается соотношение результатов производственной деятельности рабочих с затратами на их обучение.

Для выбора наиболее совершенных и гибких форм подготовки квалифицированных рабочих кадров необходимо глубокое экономическое обоснование внедрения отдельных видов обучения. С этой целью целесообразно применять современные методы определения экономической эффективности и выбора различных форм подготовки рабочих. Экономическую эффективность подготовки рабочих необходимо рассчитывать с учётом ряда факторов, в том числе:

– затрат на обучение (принимая во внимание пути формирования квалифицированных рабочих кадров и окупаемость их подготовки);

– темпов получения рабочими высшего квалификационного разряда (имеющими одинаковый уровень образования), обученными на производстве и в профтехучилищах.

Кадры высшей квалификации для промышленности, в частности для судостроительной отрасли, готовятся в вузах Астрахани. Государство призывает учащуюся молодёжь заниматься научными разработками в процессе обучения. С этой целью в Подмосковье планируется создание Кремниевой долины, подобной Силиконовой долине в США. Однако на пути создания таких научных центров могут возникнуть трудности при подготовке креативных кадров. Некоторые специалисты опасаются, что результаты исследований и соответствующие открытия из-за невостребованности могут быть проданы на Запад [2].

Таким образом, модернизация производства, оснащение его инновационной техникой и технологиями, а также модернизация системы подготовки кадров на всех уровнях позволят обеспечить судостроительную отрасль промышленности высококвалифицированными специалистами, способными выполнять всё возрастающие объёмы производства на высоком профессиональном уровне. Это повысит рентабельность изготавливаемой продукции, обеспечит её конкурентоспособность на внутреннем и внешнем рынках, будет способствовать устойчивому развитию экономики не только предприятий судостроительной отрасли, но и всего Астраханского региона.

Библиографический список

1. *Нетреба Т.* Аргументы и факты. – 2010. – №15. – С. 3.

2. Промышленность России. 2005: Стат. Сб. / Росстат. – М., 2006. – С. 35–40.

УДК 33

Глухова Светлана Михайловна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
svgluch@yandex.ru

КОНТРАКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Усложнение экономических отношений и резкое возрастание роли инноваций для успешной коммерческой деятельности привело к появлению термина «инновационный контракт». В рамках данной статьи автор представил свое видение инновационного контракта как элемента теории контрактов, имеющего свои особенности. Для этого проанализированы существующие классификации контрактов, выявлена их недостаточность для инновационной сферы и предложено расширение путем введения нового признака – степени неопределенности результата экономического взаимодействия. Для инновационного контракта ключевым признаком является высокая степень неопределенности результата экономического взаимодействия. Предложена схема инновационной деятельности, основанная на инновационном контракте и базирующаяся на особой роли государства.

Ключевые слова: *результат экономического взаимодействия, риски, неопределенность, инновация, инновационная деятельность, контракт, инновационный контракт, интеллектуальная собственность.*

Любая наука или область знаний зачастую сталкивается с ситуацией, когда реальность опережает научные представления. Это касается и гуманитарных наук. В нашем понимании теория контрактов в полной мере отвечает вышеописанной ситуации. Мы можем прокомментировать это следующим положением, что понятие инновационный контракт дается в юридических документах (ГК РФ), употребляется в научной литературе, используется в публицистических оборотах и выражениях, но при этом оно не определено в полной мере с точки зрения экономической теории, юридической и социальной сущности.

В настоящей статье мы ставим себе целью представить определенное видение инновационного контракта как элемента контрактных отношений, с одной стороны, и как нового типа контракта, формализующего существующие экономические взаимодействия с другой стороны.

В экономической литературе можно встретить различные подходы к толкованию понятия «контракт». В экономической теории контракт рассматривается как совокупность некоторых взаимных обязательств [9]. «Контракт – это соглашение об обмене правомочиями и их защите, являющееся результатом осознанного и свободного выбора индивидов в заданных институциональных рамках» [5].

В экономической теории контракты рассматриваются не только как чисто рыночные договоры, господствующие на рынке совершенной конкуренции, но и как «отношение», которое стороны стремятся поддерживать [4]. Договоренности могут быть неявными, подразумеваемыми, не выраженными словами и не зафиксированными в документе, за которыми стоит сила закона. Контракт является способом выработки правил взаимодействий экономических субъектов, корректировки этих правил, отмены правил.

Мир контрактов довольно сложен, что отражается в многообразии классификаций, которые используются в экономической теории. В экономической теории контракты классифицируются следующим образом: полные и неполные; классические, неоклассические и отношенческие; явные и неявные; краткосрочные и долгосрочные; стандартные и нестандартные (комплексные); индивидуальные и коллективные; самовыполняющиеся и выполнение которых обеспечивается третьей стороной; социальные и содержащие обещания.

Имеющиеся типы контрактов возникли в соответствии с развитием определенных экономических отношений и формированием контрактов, отображающих в рамках существующих институтов эти отношения, которые затем выделялись по определенным признакам в какие-то группы и образовали имеющуюся классификацию контрактов. Поэтому мы считаем возможным дополнение классификации контрактов как категории, которая должна отражать новые экономические явления. Это позволит провести более адекватную современным условиям классификацию контрактов и ввести новые типы, которые в большей мере отвечают существующим реалиям.

© Глухова С.М., 2010

В настоящее время контракты относятся к определенным типам на основании нескольких критериев. Мы полагаем, что эти признаки недостаточны для характеристики контрактных отношений. Мы предлагаем в качестве дополнительного классификационного признака выделить степень неопределенности результата экономического взаимодействия. Под результатом экономического взаимодействия мы понимаем разницу между полученной выгодой и затратами. Необходимость выделения этого признака обуславливается значительным усложнением экономических отношений. Если раньше большинство локальных экономических событий можно было спрогнозировать с большой степенью вероятности, то теперь этот процесс крайне затруднен. Причем, проблема кроется, на наш взгляд, не в сложности изучения стохастических процессов, а в принципиальной невозможности предсказать появление нового изобретения, меняющего существующую рыночную конъюнктуру. В соответствии с этим признаком мы выделяем контракты с высокой степенью неопределенности результата экономического взаимодействия и с невысокой степенью неопределенности результата экономического взаимодействия. Разница между высокой и невысокой степенью достаточно субъективна. Однако, если в обычной деятельности существующая неопределенность ведет как правило к ограниченным потерям, то при разработке новых проектов и при поиске кардинально новых решений существует вероятность, что выручки от проекта не будет совсем, то есть потери будут равны затратам на проект. Таким образом, если количественно риски в разных инновационных проектах будут разными, то качественно они на порядок выше обычных проектов. Поэтому этот признак принципиально отличает инновационный процесс от обычных видов деятельности. Высокая неопределенность и порождаемые ею риски создают проблемы распределения между участниками инновационного процесса ожидаемых доходов, рисков и ответственности. Эти распределения «отражаются» в договорных обязательствах между экономическими субъектами, т.е. контракте; зависят от характера контракта и существенно влияют на экономическое поведение участников инновационного процесса. Поэтому мы полагаем, что существует объективная необходимость максимально точного определения понятия *«инновационный контракт»*.

В ГК РСФСР не было норм о договорах на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Ныне в ГК содержится более детальное регулирование названных отношений, при этом они уже не отнесены к институту подряда и им отведена самостоятельная глава ГК, закрепляющая свой особый режим, отличный от подряда и вызванный творческим характером выполняемых работ. Соответственно на названные договоры не распространяются общие положения о договоре подряда (§ 1 гл. 37), однако допускается применение отдельных норм, касающихся некоторых видов подрядных работ (п. 2 ст. 770, ст. 778 ГК) [3].

В общем случае под инновационным контрактом в научной и публицистической литературе [1; 6; 7; 8; 10] понимается:

1) контракт между субъектами инновационный деятельности;

2) контракт, заключаемый в инновационной сфере экономики;

3) контракт, имеющий отличные условия, структуру и внутреннее содержание, отличающие его от иного типа контракта. Мы придерживаемся именно этой позиции.

Для того чтобы придать данному понятию содержательный смысл, требуется найти общие черты и различия взаимодействия участников инновационного процесса в зависимости, во-первых, от стадии разработки инновационного продукта и, во-вторых, от разновидности инноваций.

Общим для всех стадий и разновидностей инноваций является ключевое значение отношений, определяющих права на основу любой инновации, характеризуемую через категорию интеллектуальной собственности, кроме того, качественно иной новый уровень неопределенности, нежели при обычных экономических процессах. То есть выгоды любого из участников инновационного процесса могут быть равны нулю.

Различия зависят от субъектов инновационного процесса и объектов, которые разрабатываются в этом процессе.

В научной литературе существуют разные подходы к определению контракта. Так классический контракт определяется как двусторонний контракт, основанный на существующих юридических правилах, часто фиксирующий условия сделки и предполагающий санкции в случае невыполнения контракта. В то же время неоклассический контракт определяется через характерис-

тики, присущие данному типу контракта. То же самое касается и отношенческого контракта.

На наш взгляд, сущность инновационного контракта проявляется в его двойственной природе: с одной стороны, контракт есть соглашение о максимально точном выполнении обязательств, а с другой стороны, появление инновации и последующий результат предсказать невозможно.

В нашем понимании инновационный контракт обладает следующими характеристиками:

1) заключается для разработки продукции инновационного характера;

2) формализует экономические отношения, придает договорно-правовую форму преимущественно в инновационном секторе экономики;

3) с определенными оговорками, четко прописанными юридически, признается неопределенность результатов, при этом эта неопределенность качественно иная, чем в других типах контрактов.

4) фиксация в договоре интервальности ряда условий контракта: времени на его исполнение и финансовых ресурсов.

Полезность определения инновационного контракта можно также обосновать следующими соображениями. Основанием для выбора (или установления предпочтений) между вариантами служат два основных момента:

во-первых, это издержки подготовки и защиты каждого из типов контракта,

во-вторых, долгосрочные последствия от использования того или иного типа контракта.

Издержки подготовки и защиты контрактов включают в себя как затраты на разработку самого контракта, так и ожидаемые потери от его неисполнения, точнее, те затраты, которые нужно будет осуществить для того, чтобы принудить уклоняющуюся от исполнения сторону либо все-таки выполнить обещанное, либо компенсировать потери другой стороны. Как правило, эти две составляющие полных издержек подготовки и защиты контракта находятся в обратном соотношении друг с другом: чем меньше было потрачено на разработку качественного контракта, тем больше придется истратить на обеспечение выполнения его условий в случае, если они будут нарушены.

Долгосрочные последствия использования различных типов контрактов весьма разнообразны, но связаны, в конечном счете, с изменениями в сравнительных конкурентных преимуществах предприятия, в его потенциальных возможностях, т.е. имеют стратегический характер.

Характеризуя их кратко, нужно отметить следующие основные моменты:

– предпочтение, отдаваемое краткосрочным контрактам, и соответственно отказ от долгосрочных препятствуют формированию репутации фирмы как стабильного партнера;

– ориентация на неоклассические и отношенческие контракты, напротив, отражает интеграционные намерения предприятия, его ориентацию на развитие;

– склонность к широкому использованию внелегальных контрактов, создающих краткосрочные экономические выгоды, одновременно ограничивает круг возможных партнеров и не способствует долговременному развитию, особенно, если предприятие ищет возможностей широкого выхода на мировые рынки.

Приведенные положения относятся только к широко используемым типам контрактов. В указанных рекомендациях инновационная деятельность вообще не рассматривается, хотя она является весьма специфической и крайне важной в современных условиях.

При заключении соглашения перед агентами встает вопрос: «Какой тип контракта наиболее предпочтительней?». Эффективность инновационного процесса во многом зависит от эффективности контрактов между его участниками. Согласно неоинституциональному подходу, выбор типа контракта всегда диктуется соображениями экономии трансакционных издержек. Контракт оказывается тем сложнее, чем сложнее вступающие в обмен блага и чем сложнее структура относящихся к ним трансакционных издержек. Использование одного из типов контрактов зависит от уровня специфичности ресурсов, выступающих предметом сделки, длительности и частоты обменов между сторонами, уровня неопределенности условий сделки, трудностями измерения процесса, осуществлением и получением результатов. [8] Классические контракты в инновационном процессе практически не заключаются.

Надо отметить, что, с одной стороны, экономические отношения влияют на тип контракт, с другой стороны, тип контракт в какой-то степени влияет на экономические отношения. Выбор формы контракта очень важен для оформления отношений предприятия с его партнерами по бизнесу: поставщиками сырья, материалов и ус-

луг, потребителями продукции предприятия, а также с конкурентами. По сути дела любая бизнес-стратегия рано или поздно находит свое выражение в виде той или иной совокупности контрактов. Если избранная форма контрактов адекватна желательному содержанию, шансы на успех реализации стратегии велики. Если нет, то шансы на успех невелики.

Для наиболее эффективной инновационной деятельности мы считаем оптимальной следующий субъектный состав инновационного контракта:

1. Государство финансирует исследования с помощью специальных фондов или органов. Выделяются ресурсы, которые по заказу заинтересованной фирмы переводятся организации, разрабатывающей инновацию. Фирма-заказчик определяет эту организацию и субсидиарно участвует в финансировании разработки инновации. Особую роль приобретает в этом процессе контроль за разработкой инновации и определение организаций, которые могут этим заниматься. На первом этапе к таковым целесообразно отнести крупнейшие научные организации, в противном случае возрастает риск финансовых злоупотреблений. Результаты исследования не принадлежат государству. Это положение является ключевым, поскольку государство вкладывает средства в разработку инноваций не для обладания ими, в противном случае фирма-заказчик была бы не нужна, а для развития экономики: фирма-заказчик, внедрив инновацию, получает конкурентные преимущества, а разработчики увеличивают объем научных знаний, получают необходимые ресурсы для своей деятельности. Схожая схема используется в университетско-промышленных центрах США.

2. Собственно исследования проводятся специальными научными организациями. Интеллектуальная собственность, полученная в ходе научной работы, принадлежит этим организациям.

3. Предприниматели, благодаря определенному участию в проведении исследований, получают права пользоваться произведенной интеллектуальной собственностью. Это участие может иметь субсидиарный финансовый характер, однако не должно быть чрезмерным, так как в противном случае идея такого контракта будет уничтожена, поскольку основной спонсор исследований по логике вещей должен иметь на результаты таковых особые права.

4. В качестве дополнительного регулятора возможно создание структуры, которая разрешала бы споры, связанные с интеллектуальной собственностью между исследователем и предпринимателем. При этом государство как основный финансовый донор проектов может обязать участников разрешать споры в этой структуре, которая должна быть отделена от распорядителя средств. В то же время мы не считаем целесообразным принудительное разрешение споров в такой структуре для участников инновационных контрактов, неиспользовавших государство в качестве финансового донора.

Таким образом, мы видим, что с развитием экономики возникло понятие инновационного контракта. В то же время оно недостаточно определено в экономической литературе. В настоящей статье мы предложили наше понимание инновационного контракта: его содержания и места в системе контрактных отношений.

Библиографический список

1. *Голиченко О.* Российская инновационная система: проблемы развития // Вопросы экономики. – 2004. – №12.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М.: Норма–ИНФРА–М, 1996.

3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая (постатейный) / Е.Ю. Валявина [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: ТК Велби; Проспект, 2005.

4. *Одинцова М.И.* Институциональная экономика. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008.

5. *Олейник А.Н.* Институциональная экономика. – М.: ИНФРА–М, 2005.

6. *Попазов Д.* Перспективы инновационных контрактов // Казахстанская правда. – 20.06.2008.

7. *Соколова А.А.* Контрактные взаимоотношения бизнеса и государства (на примере Кемеровской области) // ЭКО. – 2007. – №6.

8. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. – СПб.: Лениздат, 1996. – С. 132–151.

9. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: формы, рынки, «отношенческая контрактация». – СПб., 1996.

10. *Черевикина М.Ю.* Институциональные соглашения в инновационной деятельности НИИ // ЭКО. – 2006. – №1. – С. 2–18.

УДК 658.14:005.511:629.5(470.46)

Василенкова Надежда Владиславовна
Астраханский государственный технический университет
Nadine0610@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНЫХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО СУДОСТРОЕНИЯ

Инструментом реализации стратегии подъёма отечественного судостроения призвана стать ОАО «Объединенная судостроительная корпорация», состоящая из трех центров судостроения, ориентированных в основном на военное судостроение. В данной статье автор предлагает основные направления плановой деятельности ОАО «Южный центр судостроения и судоремонта» (ЮЦСиС).

Ключевые слова: *финансовые ресурсы, акции, строительство флота, технические средства освоения шельфа, законодательная база, госзаказы, корпорации, гражданское судостроение.*

Анализ состояния мирового рынка гражданского судостроения, а также ситуации, сложившейся в российском судостроении, позволяет определить основную цель стратегии планирования судостроительной отрасли. Это создание нового конкурентоспособного облика судостроительной промышленности на основе оптимизации производственных мощностей, модернизации и технического перевооружения, совершенствования нормативно-правовой базы в целях удовлетворения потребностей государства и бизнеса в совершенной судостроительной продукции.

Известно, что инструментом реализации стратегии подъёма отечественного судостроения призвана стать ОАО «Объединенная судостроительная корпорация», состоящая из трех центров судостроения: Северный центр судостроения, Западный судостроительный центр, Дальневосточный судостроительно-судоремонтный центр, ориентированных в основном на военное судостроение [1].

Доля гражданского судостроения России не превышает 23% от общего объема выпускаемой продукции в судостроительной отрасли, что составляет ориентировочно 12,7 млрд. руб. (без учета судоремонта).

Учитывая значительные объемы выпускаемой продукции астраханскими судостроительными предприятиями, возникает вопрос о необходимости создания четвертого центра судостроения в г. Астрахани. Вопрос создания данного центра рассматривался с 2007 года совместно с руководством ОАО «Объединенная судостроительная корпорация» (ОСК). В июне 2010 года вышел указ № 696 президента РФ «О развитии открытого акционерного общества “Объединенная судостроительная корпорация”». Важным этапом в формировании оптимальных условий ускоренного развития отечественного судостроения будет являться реализация данного указа. Этим документом предусмотрено создание на Юге России ОАО «Южный центр судостроения и судоремонта» (ЮЦСиС) – дочернего акционерного общества ОАО «Объединённая судостроительная корпорация» (ОСК).

Практика показывает, что эффективность деятельности подобных центров снижается из-за отсутствия чёткого механизма формирования их финансовых ресурсов. В этой связи, в указе президента представлен порядок формирования финансовой базы ОАО «Объединённая судостроительная корпорация». С этой целью предполагается:

1) преобразование федерального унитарного предприятия «Внешнеэкономическое предприятие “Судэкспорт”» (г. Москва) в открытое акционерное общество. Сто процентов акций данного предприятия находится в федеральной собственности, с последующим внесением 100% акций минус одна акция этого открытого акционерного общества в качестве вклада Российской Федерации в уставный капитал открытого акционерного общества «Объединённая судостроительная корпорация» (г. Санкт-Петербург). Данный вклад внесен в порядке оплаты размещаемых этим акционерным обществом дополнительных акций в связи с увеличением его уставного капитала;

2) внесение акций, находящихся в федеральной собственности ряда предприятий, в том числе 44 % акций ОАО «Судостроительный завод “Лотос”» и 25,5% акций ОАО «Судостроительный завод имени Карла Маркса» в уставный капитал ОАО «Объединённая судостроительная корпорация». Данный вклад внесен в порядке оплаты размещаемых этим акционерным обществом допол-

© Василенкова Н.В., 2010

нительных акций в связи с увеличением его уставного капитала.

Образование ОАО «Южный центр судостроения и судоремонта» (ЮЦСиС) предполагает объединить также другие ведущие предприятия Поволжья, специализирующиеся на строительстве современных танкеров и сухогрузов дедвейтом до 15000 тонн, которые активно участвуют в создании флота для обеспечения работ по разведке и добыче углеводородов на шельфе.

Создаваемый центр в Поволжском регионе предполагает выполнение комплекса работ по строительству флота и технических средств освоения шельфа Каспийского моря, речного и рыболовного флота. Опираясь на большой опыт, наработанный предприятиями Астраханской области по реализации оффшорных проектов, от этапа проектирования до сдачи объекта заказчику, ЮЦСиС в перспективе способен претендовать на роль координатора работ по созданию технических средств освоения континентального шельфа в масштабе Российской Федерации.

Указанные направления развития отрасли, как сегменты судостроительного рынка, отмечены в Стратегии развития судостроительной промышленности на период до 2020 года, но еще не закреплены за предполагаемыми основными центрами судостроения (Северным, Западным, Дальневосточным и Южным).

Существующая в Астрахани производственно-техническая база и конструкторско-технологический потенциал позволяют уже сегодня, без значительных капитальных вложений, приступить к выполнению заказов обозначенных категорий судостроительной продукции, но для этого потребуется господдержка.

Как показывают исследования, основные направления плановой деятельности ЮЦСиС в регионе должны включать:

– создание эффективной системы подготовки высококвалифицированных кадров всех уровней;

– создание научно-прикладного и конструкторского характера подразделений для решения первоочередных задач в области техники и технологии освоения шельфа и гражданского судостроения;

– строительство разведывательных и нефтегазодобывающих платформ и установок;

– строительство речного, рыболовного и вспомогательного флотов.

С целью реализации планов по организации государственно-частного партнерства, предлагается рассмотрение модели создания ЮЦСиС в Астраханской области, как нового юридического лица с участием наиболее крупных судостроительно-судоремонтных корпораций Поволжья.

Следует считать целесообразным формирование оптимального уставного капитала ЮЦСиС. Уставный капитал ЮЦСиС должен формироваться из долевого вклада либо пакетов акций судостроительно-судоремонтных компаний, находящихся в частной собственности (далее акции предприятий), пакетов акций судостроительно-судоремонтных предприятий Поволжья, находящихся в федеральной собственности (далее акции ОСК), пакетов акций судостроительно-судоремонтных компаний, находящихся в областной собственности (далее акции регионов) и других ценных бумаг, денежных средств. Модель формирования финансовых ресурсов Волго-Каспийского центра судостроения представлена на рисунке 1.

Согласно разработанной модели рабочая группа по созданию ЮЦСиС определяет доли участия акционеров и окончательно формирует уставный капитал центра судостроения.

Предположительно, в состав ЮЦСиС могут войти крупные компании судостроительно-судоремонтного комплекса: ОАО «Судостроительный завод “Лотос”», ОАО «Астраханский корабел»,

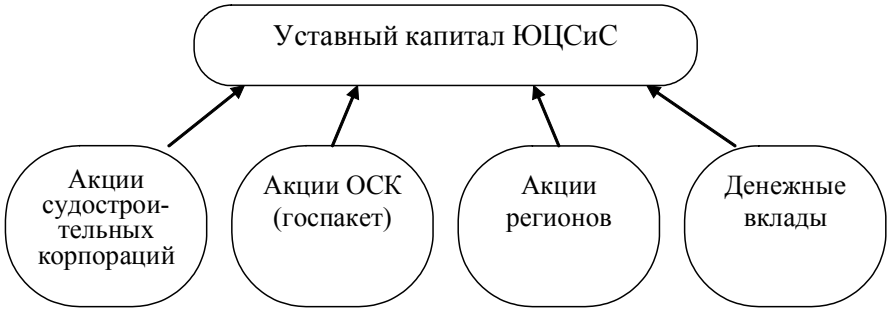

Рис. 1. Модель формирования уставного капитала ЮЦСиС

ОАО «ССЗ им. III Интернационала», ОАО «Судостроительный завод “Красные Баррикады”», ОАО «СЛИП», ОАО «Судостроительный завод им. Карла Маркса», «Красное Сормово», «Волгоградский ССЗ», «Рыбинский ССЗ», «Навашинская судоверфь», «Зеленодольский ССЗ». Государственная составляющая судостроительного центра: 44% акций ОАО «ССЗ “Лотос”», 25,5% акций ОАО «ССЗ им. Карла Маркса», 35% акций ОАО «ССЗ “Красное Сормово”» и др.

Акции регионов, в частности Астраханской области, составят: 5% акций ОАО «ССЗ “Лотос”», акции судостроительно-судоремонтных предприятий, принадлежащих другим регионам, и денежные средства.

Взаимодействие ЮЦСиС с судостроительно-судоремонтными предприятиями по размещению заказов может осуществляться на договорной основе, что будет способствовать стабилизации корпоративного планирования.

Другое направление формирования благоприятных условий развития судостроения в Астраханском регионе связано с совершенствованием плановой и налоговой сферы.

Известно, что в мировой конкуренции судостроения не могут устоять даже европейские верфи, а побеждают корпорации Юго-Восточных государств (КНР, Южной Кореи, Японии), пользующихся многосторонней поддержкой своих властей.

С целью создания равных экономических условий для корпораций отечественного судостроения по сравнению с зарубежными верфями, необходимо в комплексе решать вопросы формирования законодательной базы, а также использования экономических и организационных факторов повышения конкурентоспособности судостроительных компаний. Для этого целесообразно реализовывать региональные предложения по законодательным мерам развития судостроения, предусматривающие [2]:

– освобождение от ввозного НДС и импортной пошлины судового комплектующего оборудования, которое не производится в Российской Федерации;

– снижение НДС на суда, производимые верфями Российской Федерации, до 10%;

– освобождение от налога на имущество и от земельного налога предприятий судостроения;

– предоставление права на добычу (вылов) водных биологических ресурсов во внутренних водах, а также на территориальном море, континентальном шельфе и в экономической зоне Российской Федерации исключительно судами, построенными на верфях Российской Федерации;

– возмещение из федерального бюджета части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным российскими судоходными компаниями на закупку судов и судового оборудования на российских верфях, и российскими судостроительными компаниями по инвестиционным кредитам на технологическое перевооружение верфей;

– направление средств федерального бюджета на увеличение уставного капитала специализированных лизинговых компаний, предназначенных для реализации программы лизинга отечественных речных и рыболовецких судов;

– направление средств федерального бюджета на приобретение за рубежом российскими судостроительными компаниями лицензий на отсутствующие в Российской Федерации передовые технологии производства судов и судового оборудования, не производимого в Российской Федерации;

– предоставление государственных гарантий инвесторам по крупным кредитам, привлекаемым для создания производства в России новых судостроительных производств или для капитальной модернизации существующих судостроительных производств;

– расширение господдержки корпораций, участвующих в оффшорном бизнесе, при формировании экономических отношений в оффшорном судостроении с операторами зарубежных фирм и банков.

Положительное решение данных вопросов придаст значительный импульс развитию как отечественного судостроения в целом, так и судостроительно-судоремонтным компаниям Астраханской области.

Коррекция системы налогообложения, обеспечение судостроительных корпораций госгарантиями по кредитам будут способствовать снижению издержек производства, его развитию и повышению инвестиционной привлекательности отрасли.

На формирование благоприятных условий стратегического планирования может оказать расширение практики государственных заказов машиностроительной продукции. Мировой опыт показывает, что в рыночных отношениях роль госзаказов в экономике стран, решении общегосударственных и региональных проблем разви-

тия отдельных отраслей и комплексов остается существенной и весьма значимой [1]. Это отчетливо проявляется в реализации антикризисных программ, призванных минимизировать последствия глобального кризиса.

Госзаказы не должны вести к снижению эффективности производства и прибыли компаний и тем самым негативно влиять на систему планирования. Напротив, во многих случаях государственное присутствие в экономических процессах повышает их предсказуемость, делает выгодной деятельность корпораций, которая в чисто рыночной конкуренции могла оказаться нецелесообразной.

В нашей стране одно из направлений участия государства в хозяйственном обороте – закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд. Высокая значимость государственных закупок машиностроительной продукции обусловлена, прежде всего, их особой целевой направленностью, поскольку они нужны для удовлетворения потребностей государства, обеспечения его жизнедеятельности, выполнения государством своих функций, и возможностью разрабатывать корпорациями стратегические планы развития.

На закупку продукции для государственных нужд приходится значительная доля расходной части (40%) бюджетов различных уровней [3], в связи с чем особую актуальность приобретает задача эффективного расходования выделенных на эти цели денежных средств, которая может быть решена, в первую очередь, при размещении государственного заказа.

Основная цель создания Объединённой судостроительной корпорации (ОСК) заключается в повышении роли государства в стимулировании развития гражданского судостроения. Основу Объединённой судостроительной корпорации составляют предприятия, в которых присутствует как государственный, так и частный капитал. По опыту зарубежных судостроительных корпораций только присутствие государственного капитала способно обеспечить условия для успешной деятельности центров судостроения России, в том числе и вновь создаваемого Южного центра судостроения и судоремонта.

Библиографический список

1. Концепция формирования Государственной комплексной программы развития машиностроения России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.derrik/ru 28/08/2010

2. *Пашин В.М.* Роль науки в организации и становлении российского судостроения на современном этапе Стратегия развития судостроительной промышленности на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу // Судостроение. – 2007. – №6. – С. 10–14.

3. Приложение к бюллетеню «Конкурсные торги». – М., 2003. – №140. – С. 56–57.

УДК 658

Стулов Сергей Аркадьевич
Владимирский юридический институт ФСИН России
Stulov_SA@mail.ru,
Александрова Елена Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

КОРРУПЦИЯ И СТАТУСНАЯ РЕНТА В СИСТЕМЕ ТЕНЕВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье представлены подходы к определению «теневой» экономики и измерению ее уровня. Даются объяснения взаимозависимости между «теневой» экономикой, статусной рентой и коррупцией. Обоснованы основные направления борьбы с коррупцией как составляющей теневой экономики. Предлагается постановка наиболее важных задач по борьбе с коррупцией.

***Ключевые слова**: экономические отношения, теневая экономика, коррупция.*

Коррупция выступает неотъемлемой частью более общего явления, именуемого теневой экономикой. С институциональных позиций бурный и масштабный рост теневой экономики есть результат неэффективности государства. Неэффективные модели управления хозяйственными процессами обеспечивает максимизацию личных выгод для коррупционеров-чиновников и для субъектов бизнеса – агентов теневой экономики. Коррупция проникает в законодательство и находит свое проявление в социально-индифферентной деятельности его институтов в экономике, социальной и иных сферах.

В целом, вся теневая экономика в мире (включая криминальный сектор) оценивается примерно в 9 трлн. долл. США (см.: The Economist. – 2002. – April. – P. 13; OECD Revenue Statistics. 1998. – Paris, 2000. – P. 21). Поэтому одной из важнейших функций любого государства является борьба с «теневой» экономикой и коррупцией. До настоящего времени в теории нет однозначного и общепринятого определения понятия «теневой» экономики, хотя она занимает значительный удельный вес в валовом внутреннем продукте развитых, развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Одно из широко используемых определений «теневой» экономики включает все виды экономической деятельности, данные по которым используются при расчете валового национального продукта[1]. В то же самое время используются и другие определения «теневой» экономики, как законного, так и незаконного производства товаров и услуг рыночным сектором экономики, но не учитываемого при расчете валового внутреннего продукта[2].

Наиболее распространенное определение «теневой» экономики – это рыночное производство товаров и услуг, как запрещенных, так и не запрещенных законодательством, которое не учитывается официальной статистикой и не связано с какими-либо обязательствами по уплате налогов государству. Таким образом, «теневая» экономика оказывается полностью (или частично) свободной от обязанности уплаты налогов, что является одним из мощных стимулов для ухода в «тень» отдельных частей экономики, включая рынок труда[3].

Данное определение теневой экономики носит широкий характер и поэтому может использоваться лишь для общих выводов и оценок[4].

Деятельность, подпадающая под широкое определение теневой экономики, делится на две основные группы: а) теневой сектор легальных видов экономической деятельности, разрешенной законом; б) секторы нелегальной деятельности, которые запрещены законодательно. К ним относятся: сбыт краденого имущества, контрабанда, производство и распространение наркотических средств и их прекурсоров ((лат. *praecursor – предшественник*) – химическое вещество, исходный компонент или участник промежуточных реакций при синтезе какого-либо вещества. – http://ru.wikipedia.org/wiki), торговля нелегальным оружием, сутенерство и занятие проституцией, мошеннические действия в отношении физических и юридических лиц, торговля людьми, организация и проведение азартных игр и т.п.

К первой группе относится любая деятельность, не запрещенная законом, но не находящая отражения в налоговой и бухгалтерской отчетности (включая и деятельность хозяйствующих

© Стулов С.А., Александрова Е.А., 2010

субъектов, не зарегистрированных в установленном законодательством порядке в качестве индивидуальных предпринимателей и юридических лиц). Именно эта группа и рассматривается собственно как теневая экономика, именно она находится в тесной взаимной связи с государственной системой налогообложения.

Группирование видов теневой экономики осложняется существованием различных методов ее измерения, которые зачастую дают дифференцированные результаты. Эти методы, из-за отсутствия какой-либо официальной статистики, весьма условны. Основными являются: метод физических затрат и метод наличных денег.

Метод физических затрат основан на сравнении производства продукции и уровнем ее потребления в национальной экономике. Чаще всего берется превышение потребления электроэнергии над ее официальным производством. Полученная разность и рассматривается как основа для оценки теневого сектора экономики. В основном данный метод используется применительно к индустриально развитым странам (хотя внедрение энергосберегающих технологий в производственные процессы уменьшает его точность).

Второй метод измерения исходит из предположения, что теневая экономика функционирует преимущественно за счет оборота наличных денег. Выявляющееся превышение денежных сумм, реально функционирующих в экономике, над суммами, которые должны были бы обслуживать официально зарегистрированную экономическую деятельность, и служит базой оценки теневой экономики. Данный метод, параллельно с методом вычисления разности показателей производства и потребления электроэнергии, используется в основном в развивающихся странах, в которых широко распространено хождение наличных денег.

Кроме того существуют и другие методы – экспертные оценки, основанные на выборочном числе хозяйств, на определении расхождения между официальной и фактической занятостью. Иногда применяются многофакторные динамические модели. Все эти методы, несмотря на свою сложность, не обеспечивают достаточной степени точности.

Западные аналитики выдвигают ряд рекомендаций, которые направлены на ограничение незаконной трудовой деятельности в связи с ее отрицательными последствиями для налоговой и социальной систем. Так, они предложили снизить налог на добавленную стоимость на трудоемкие виды услуг, в то же время ограничив число необлагаемых данным налогом услуг в домашнем хозяйстве. Как известно, именно в этой сфере оказывается большинство «теневых» услуг без уплаты налогов. Ф. Шнайдер сомневается, что увеличение размера штрафов в отношении лиц, занимающихся незаконной трудовой деятельностью, может дать положительные результаты, так как до 2/3 добавленной стоимости «теневой» экономики создается совместно лицами, работающими по найму, и их работодателями, которые не хотят «выходить из тени» и платить налоги. Ф. Шнайдер указывает также на то, что в соответствии с проведенными им в Германии, Австрии и Швейцарии опросами большинство респондентов рассматривают незаконную трудовую деятельность как «незначительный проступок».

Те же тенденции прослеживаются при анализе коррупции, но если в случае разбухания «теневой» экономики прямое участие государства является проблематичным, то развитие масштабов коррупции связано со сращиванием аппарата государственных коррумпированных чиновников с субъектами предпринимательской деятельности.

Ученые считают, что есть два различных объяснения высокой взаимозависимости между «теневой» экономикой и коррупцией:

1) «теневая» экономика является попыткой устраниться от коррупции – предприниматель уходит в подполье, чтобы не платить чиновникам взяток;

2) коррупция порождает дополнительный рост «теневой» экономики. По некоторым подсчетам, увеличение индекса коррупции на один пункт приводит к росту «теневой» экономики на 7,6%. Это не согласуется с взглядами на «теневую» экономику как способа обойти коррупцию, но подтверждает определение «теневой» экономики как порождение коррупции. Некоторая доля «теневого» сектора действительно образуется как реакция на взяточничество, она значительно меньше всей той части «теневого» сектора, которая порождается коррупцией.

Кроме того, многие российские ученые (С. Никитин, М. Степанова, Е. Глазова) и западные аналитики (например, С. Кондо, заместитель Генерального секретаря ОЭСР) признают, что распространение коррупции ускорила глобализация мировой экономики.

Глобализация, отмена валютного контроля и других барьеров для свободного перемещения капиталов, а также рост использования современных электронных технологий увеличили объем международных экономических сделок, но вместе с этим вырос и объем законного и незаконного уклонения от уплаты налогов. Хотя коррупция тесно переплетается с налоговыми правонарушениями и легализацией криминальных доходов, она выделяется в самостоятельную проблему, а собственно, налоговыми правонарушениями в свете глобализации считаются пагубные формы международной налоговой конкуренции – «налоговый рай» и преференциальные налоговые режимы, которые обеспечиваются в таких странах, как Доминиканская Республика, Сейшельские острова, Кипр и другие оффшорные зоны.

Борьба с коррупцией затруднена тем, что в условиях глобализации мировой экономики коррупция приняла поистине международный характер.

В последние годы возросла прямая связь между ростом иностранных инвестиций и взяточничеством (взятки компаний иностранным государственным чиновникам). Рост международной коррупции шел рука об руку с ростом транснациональных компаний, нелегальной иммиграцией, с реализацией инвестиционных проектов международных организаций в странах с развивающейся и переходной экономиках.

Российские ученые отмечают, что в течение длительного времени законодательства многих стран относили к коррупции только внутренние взятки, а международные, прикрытые «приличными» словами (комиссионные, гонорары за консультации, представительские расходы, подарки и т.п.), считались деловыми издержками, которые иногда позволялось вычитать из налогооблагаемой базы. В законодательствах многих развитых стран стандартной была фраза о том, что подобные расходы можно считать издержками при условии, что такова общепринятая практика ведения дел в условиях конкуренции в данной стране или в данной сфере, причем доказательство общепринятости этой практики должна была представить компания-налогоплательщик, а просто факт принятия взятки иностранным гражданином таким доказательством не являлся. В качестве примера можно привести исследование международного валютного фонда (МВФ) о связи между ростом международной коррупции и военными расходами. Производители оружия дают взятки и завышают комиссионные не только, чтобы получить государственные заказы в своих странах, но и чтобы выиграть контракты с иностранными покупателями своей продукции. По экспертным оценкам, доля взяток в общей сумме военных расходов доходит до 15%.

Только с середины 90-х годов международные организации включили борьбу с коррупцией в число первоочередных задач. В частности, первой вехой в ОЭСР были (1994 г.) рекомендации странам-участницам принять необходимые меры для выявления, пресечения и борьбы с подкупом иностранных государственных служащих ради получения зарубежных контрактов и госзаказов. В результате разработанных позднее в Организации рекомендаций о принятии налоговых законов, запрещающих вычитать взятки иностранным госслужащим как деловые расходы из налогооблагаемой базы, к середине 2001 г. в большинстве стран-участниц ОЭСР вступили в силу поправки к налоговым законодательствам. Они приравнивают взятки к уголовным преступлениям, независимо от того, даются они иностранным или своим государственным служащим и судьям.

Коррупция является одним из механизмов выживания и развития теневой экономики. Коррупцию можно рассматривать как метод, с помощью которого экономические преступники проникают в государственные и общественные органы в целях их нейтрализации и перерождения. Государственные организации и организованная экономическая преступность как сложные социальные системы имеют различные ценности, цели и интересы. При этом, взаимодействуя между собой, данные системы порождают из-за этих различий конфликт, который приводит к тому, что каждая система пытается противоположной стороне навязать свои устои (цели, ценности, интересы). Если преступности на том или ином участке это удается, то налицо коррупция государственных представителей экономической, идеологической и политической сфер. Если это удается правоохранительной системе, то они создают позиции влияния во внутренней среде экономической преступности, нейтрализуя тем самым ее противоправную деятельность.

Таким образом, для теневой экономики коррупция – это один из способов разрешения конфликта с государством, способ выживания. В этой связи коррупция – это не разовые преступные посягательства со стороны криминалитета, вы-

ражающиеся в даче взяток, а фактически «закон функционирования», «линия поведения», с помощью которого он пытается расширять свою сферу влияния.

Подводя итоги, можно отметить, что при формировании современной парадигмы противодействия нарастающей коррупционной угрозе необходимо сосредоточить усилия общества на решении следующих, наиболее важных задач:

1. Разработать предложения по совершенствованию положений Закона РФ Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

2. Разработать предложения по формированию государственного федерального органа, прямо подчиняющегося Президенту РФ, который определял и координировал все государственные и общественные меры борьбы с коррупцией.

3. Разработать долгосрочную национальную программу и систему мер по повышению социальной ответственности населения, всех слоев общества в целом, в отношении преодоления административных барьеров и коррупции.

4. Осуществить комплекс мероприятий по формированию эффективной системы и атмосферы гражданской нетерпимости в отношении коррупции и корупционеров.

Примечания

[1] *Schneider F.* Measuring the Size and Development of the Shadow Economy. Can the Causes be Found and the Obstacles be Overcome? Essays on Economic Psychology. – Berlin; Heidelberg, 1994.

[2] *Smith P.* Assessing the Size of the Underground Economy: The Canadian Statistical Persvectives, Canadian Economic Observer.

[3] *Никитин С., Степанова М., Глазова Е.* Теневая экономика и налогообложение // МЭМО. – 2005. – №2. – С. 24.

[4] Наиболее полное исследование теневой экономики принадлежит австрийскому экономисту Ф. Шнайдеру, который в сотрудничестве с Д. Энсте опубликовал результаты анализа по почти 80 странам на конец XX века (см.: *Schneider F., Enste D.* Shadow Economies Around the World: Size, Causes, and Consequences. – Wash., 2000).

УДК 658

Хартанович К.В.
доктор экономических наук
Владимирский филиал РАГС,
Маньковский В.А.,
Шатрова Я.О.,
Шкабарня И.С.
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ И АНТИКРИЗИСНАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ

В статье изложены результаты исследования процесса модернизации и осуществления антикризисных региональных стратегий.

***Ключевые слова**: модернизация, стратегия, кризис, регион.*

Глобальный кризис бросил вызов экономической науке. Его преодоление может быть достигнуто только на пути смены экономических парадигм. Новая экономическая парадигма рождается не на пустом месте, а диалектически вырастает из предшествующего экономического опыта. Она диалектически отрицает (закон отрицания отрицания) предшествующую модель экономического мировоззрения.

Российская экономическая мысль при политической поддержке властей разных уровней видит новую отечественную *экономическую парадигму.*

Модернизировать экономику означает сделать ее современной, изменять ключевые ее параметры в соответствии с требованиями динамично меняющейся внешней среды, вводить необходимые усовершенствования в качественный и количественный состав ее внутренних системных переменных.

Особенно важно то, что *модернизация не должна быть самоцелью* экономического развития страны. Это средство для достижения основной социально-политической и экономической *стратегической цели* – устойчивого *повышения уров-*

© Хартанович К.В., Маньковский В.А., Шатрова Я.О., Шкабарня И.С., 2010

ня и качества жизни российских граждан путем эффективной модернизации экономики в условиях рачительного отношения к ресурсной базе.

На наш взгляд назрела необходимость перенесения центра тяжести практических экономических действий и научных исследований дальнейшей социально-экономической динамики в Российской Федерации на региональный уровень. Главным фактором обеспечения экономического прогресса нашей страны становится *регионализация, то есть модернизация региональной экономической системы, адаптация ее к новым реалиям рыночной экономики третьего тысячелетия с учетом территориальных особенностей*.

Необходимо, прежде всего, определить принципиальные основы *новой российской стратегической инновационной модели региональной экономики*, разработать механизм их внедрения в региональную практику развития экономических и управленческих процессов. Это важно потому, что именно в субъектах Федерации и их муниципальных образованьях должна быть проделана основная управленческая работа по организации конкретных экономических процессов для обеспечения главной цели экономического развития – рост благосостояния всех граждан нашей страны, проживающих в любом регионе государства.

Регионы страны имеют общие и особенные черты хозяйственной жизни. Именно особенности, в том числе и проводимой экономической политики, делают возможным выделить субъект Российской Федерации в самостоятельную хозяйственно-политическую систему и объединить их в 11 экономических районов. Эти районы имеют различный экономический статус. Одни – экономически развитые и высокоразвитые, другие – слаборазвитые, проблемные, депрессионные.

Под ***регионом*** понимают открытую территориальную управляемую систему, имеющую нормативно закрепленные административные границы, в рамках которых находятся определенные экономические ресурсы и организовано производство экономического продукта, обеспечивается реализация имеющихся преимуществ в условиях отраслевого и территориального разделения труда в целях обеспечения устойчивого развития экономики в интересах поддержания жизнедеятельности населения данной территории.

Преодоление кризисных явлений и возвращение Российской Федерации к устойчивому экономическому развитию окажется возможным только тогда, когда будет обеспечено устойчивое развитие всех ее регионов. Это предполагает формирование эффективной *пространственной* структуры экономики страны при соблюдении баланса интересов всех субъектов Российской Федерации, что предопределяет необходимость разработки и реализации антикризисных программ перехода к устойчивому развитию для каждого региона.

Среди новых актуальных тенденций XXI веков своей значимостью выделяется усиление конкуренции регионов и городов. Это явление набирает силу в последние десятилетия и становится ведущим принципом, определяющим будущую территориальную систему в Европе и мире. Проявления территориальной конкуренции становятся настолько серьезными и значительными, что региональные и местные органы власти уже не могут их не замечать или игнорировать, а должны «понять и овладеть искусством конкурентной борьбы»[1].

Большинство регионов должны обеспечить свою экономическую самодостаточность, иначе говоря, располагать потенциалом, позволяющим им самостоятельно удовлетворять основные каждодневные потребности населения за счет собственных ресурсов.

Учитывая актуальность и недостаточную проработанность темы в отечественной литературе, многие вопросы развития теории и практики региональной экономики и стратегического управления требуют своего дальнейшего обоснования. Тематика остается открытой для дальнейшего научного поиска, осмысления, дискуссий и находок.

На наш взгляд речь идет не появлении на пустом месте (вдруг не с того ни с сего) новой экономической парадигмы, а о диалектическом переходе накопившихся с годами количественных экономических изменений в новое качество хозяйственных отношений на нашей планете.

Относительно спокойный период экономического роста начала двадцать первого века вселил некоторую самоуспокоенность в научных и политических кругах. Заговорили о гладком и поступательном развитии экономики, об ее устойчивом росте.

В начале XXI века экономическая наука (теория) столкнулась с острым вызовом (противоречием) хозяйственной практики, понять суть которого без философской методологии с ее диалектической базой не представляется возможным.

Диалектика дает анализ экономического развития человеческого общества во всем его многообразии и во всей его противоречивости. Именно через преодоление противоречий социального развития диалектика видит путь прогресса, который простирается от одного качественного состояния экономических отношений до другого, более высшего по ключевым параметрам общественного благосостояния, от одной устоявшейся в общественном сознании экономической парадигмы до другой, более продвинутой и адаптированной к новым геоэкономическим условиям.

Экономическая наука («экономикс» в англоязычном варианте) призвана дать ответ историческому вызову современной эпохи, должна предложить новую парадигму экономической динамики человечества. Под парадигмой в данном случае понимается модель экономической системы, принимаемой в качестве господствующего перспективного образца организации глобальной экономической жизни.

Современные диалектические противоречия возникли как следствие некоторого отставания «экономикс» от экономической реальности. Как известно, те или иные положения и закономерности науки возникают, как правило, либо как гипотезы, которые необходимо доказать на практике, либо как обобщение фактов, событий, процессов объективной действительности. И первый и второй методы научного познания требуют определенного временного промежутка. Гипотезы должны быть доказаны, а факты выявлены и обобщены.

Экономическая наука призвана выполнять три основных социальных функции:

– Описательная функция (или дескриптивная).

– Аналитическая функция (анализ объективной фактуры).

– Прогностическая функция (прогноз и выявление тенденций, разработка механизма экономической динамики, построение теоретических моделей (парадигм), выдвижение гипотез).

На наш взгляд, отставание экономической теории от практики в определенной мере вызвано тем, что длительное время отечественная и зарубежная наука в основном сосредоточилась на описании происходящих экономических фактов и их анализе. Слабо работала прогностическая функция экономической мысли.

В нашей стране в 90-е годы прошлого века практически не разрабатывалась экономическая стратегия, как форма прогнозирования хозяйственных процессов. Страна выживала в условиях ломки старой командно-административной хозяйственной модели и пыталась найти свое место в глобализируемом мире.

Экономическое положение 90-х годов в нашем государстве усугублялось двумя обстоятельствами. Во-первых, ни одна страна в мире еще никогда резко не переходила от одной системы экономики (командно-административной) к другой (рыночной) в краткие сроки. Во-вторых, в условиях экономической трансформации заимствовалась зарубежная (по преимуществу, американская) модель организации хозяйственной жизни российского общества, со всеми ее плюсами и большими минусами.

Исторические условия формирования рыночной системы были очень сложными. Объективно, так называемые цивилизованные страны хотели быстрой ликвидации лагеря социализма и его лидера СССР. Однако никто не желал появления сильного государства с рыночной конкурентоспособной экономикой, которая потеснила бы другие страны на мировом экономическом пространстве.

Молодая российская наука о рынке и его устройстве только начала свою современную историю, что породило слепое копирование зарубежных теоретических аналогов. Однако, в мировой экономической теории и практике наблюдалась определенная «самоуспокоенность», почивание на лаврах относительно устойчивого либерального развития.

Вместе с тем, на рубеже XX–XXI веков происходили и происходят глобальные экономические подвижки, которые подвергли многие положения классической «экономикс» испытаниям новыми экономическими реалиями. Безусловно, отцы-основатели экономикс не могли предвидеть современные процессы в экономике. В свою же очередь, современная наука не смогла своевременно среагировать на новый вызов экономической истории.

Как ни странно, наша экономико-политическая мысль активно занялась разработкой экономической стратегии (прогнозированием) довольно таки своевременно, опередив многие зарубежные научные школы по целому ряду направлений. Поэтому, мы, в какой-то мере, были некоторым образом подготовлены к встрече с мировым экономическим кризисом.

Российская экономика оказалось не настолько вросшей в тело мировой экономики, как ряд

других стран. Затянулось и вступление в ВТО, что может и к лучшему, так как сильно интегрированные экономики попали в большую зависимость друг от друга.

На практике хозяйствования наша страна заблаговременно создала позитивную базу. Дальновидное политическое руководство сумело минимизировать внешний и внутренний долги, и, главное, создать «подушку безопасности» в виде создания резервных средств. Использовать накопленные резервы порывались различные политические и социальные институты. Однако у государственного руководства хватило выдержки, чтобы «не проесть» резервные ресурсы.

Многие страны оказались к новым реалиям в глобальной экономике менее подготовленными.

Так, США грелись в лучах славы как экономические «законодатели мод», то есть как эталон, модель благополучной реализации экономикс на практике. Однако, американская действительность во многом расходилась с проповедуемыми ими самими экономическими постулатами.

Господствующая либеральная парадигма рыночной экономики (монетаризм, неолиберализм, учение Милтона Фридмена и т.п.) должна была бы быть основана на неукоснительном соблюдении главной монетаристской формулы – MV=PQ. А что же в реальности? Американская экономика уже давно катастрофически нарушила данное равенство. Огромная денежная масса оказалась лишь частично обеспечена товарной массой.

Американская экономика превратилась в мирового долларового ростовщика и навязала долларизацию национальных экономик многих стран мира. Глобальная долларовая пирамида оказалась пострашнее, чем российская «МММ», так как последняя не затрагивала экономических отношений других стран.

Пошатнувшаяся пирамида вызвала волну в глобализированной экономике. Десятки тысяч ТНК пронизали своими сетями многие страны и регионы. Положение «материнских» центров прямым образом отражается на положении многочисленных «дочек».

Многие финансовые основы экономикс, которые успешно работали в прошлом, были разрушены новыми процессами в национальной американской экономике. Например, гипертрофированная и слабо регулируемая государством кредитно-банковская система, особенно в части потребительского кредита и ипотеки. Мир наблюдал крушение банковской системы США, в жизнеспособности которой ранее никто не сомневался.

Надо отдать должное европейским странам, во время введшим альтернативную доллару мировую валюту – евро, что тоже значительно смягчило финансовый удар американского доллара по мировой экономике. Жизнь показала важность сбалансированности мировых валют.

Американский фондовый рынок обвалился, как бы заигравшись сам с собой. Биржевая стоимость американских ценных бумаг (в особенности акций) оторвалась от их реальной ценности, выражаемой в части конкретной собственности юридических и физических лиц. К тому же, в игру на фондовом рынке было втянуто большинство простых граждан Америки. Это больно сказалось на их финансовом благосостоянии.

У нас же фондовый рынок не сложился в масштабном виде в общенациональной экономике. Население в незначительной части практиковало на отечественных и зарубежных фондовых и валютных биржах. В столицах эти процессы шли несколько более значительно, чем в провинции, где втянутость населения в фондовые операции была крайне слабой.

Американская модель финансовых отношений, основанная на денежно-кредитной базе и фондовых операциях, испытывает значительные затруднения в современных условиях. В данном утверждении нет никакого сарказма.

Глобальная экономика должна извлечь поучительные уроки из мировой хозяйственной ситуации. Необходимо общецивилизационной научной общественности заняться активным поиском путей преодоления экономических противоречий современности.

Итак, глобальный кризис дает вызов экономической науке. Его преодоление может быть достигнуто только на пути смены экономических парадигм.

Новая экономическая парадигма рождается не на пустом месте, а диалектически вырастает из предшествующего экономического опыта. Она диалектически отрицает (закон отрицания отрицания) предшествующую модель экономического мировоззрения.

Созданная в 1944 году Бреттон-Вудская (США) финансовая модель мировой экономики, заменила золото на американскую валюту в обслуживании мировой торговли. Был создан МВФ (Международный валютный фонд), который присвоил доллару

те же функции и нормы международных расчетов, что и золоту. А в 1975 году Ямайская конференция провозгласила окончательный уход золота из международного обращения. В качестве резервных валют признавались американские, английские, немецкие, французские денежные единицы.

Глобальная долларизация в какой-то мере сдерживалась финансовой системой социалистического лагеря и его союзниками. Они противились ей и экономически, и политически. После крушения соцлагеря и распада Советского Союза, отказа России от плановой экономики и переход к рынку финансовый монополизм доллара стал нарастать. Это поняли страны, которые могли что-то противопоставить и как то сопротивляться монопольному положению американской валюты. В 90-е годы XX века американские политики и экономисты нарушили еще один постулат классической экономикс – «монополизм гибелен для рыночной экономики». Данное положение проявилось в рамках собственной американской экономической истории в виде «великой депрессии» 1929–1933 годов. Сегодня мировой кризис показал всю пагубность глобального монополизма. Стало очевидным, что мир не может быть однополярным ни в экономике, ни в политике.

Примечание

[1] *Портер М.* Конкуренция: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. – С. 465.

УДК 658

Штукерт Анатолий Бернгардович

МУЗ «Городская клиническая больница скорой медицинской помощи» г. Владимир

МОДЕРНИЗАЦИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Статья посвящена реформе здравоохранения. Показана цель и задачи модернизации здравоохранения, раскрыты основные направления модернизации муниципального здравоохранения.

***Ключевые слова**: модернизация, здравоохранение, муниципальная экономика.*

Российская система здравоохранения, сохраняя многие ключевые принципы организации предоставления медицинской помощи населению, заложенные в советское время, претерпела с 1991 года ряд существенных трансформаций в механизмах её финансирования и управления.

Государственное финансирование здравоохранения в советской системе осуществлялось из государственного бюджета и средств государственных предприятий. Управление системой здравоохранения было централизованным, оно исполнялось государственными органами здравоохранения, административно подчинёнными друг другу по территориальному принципу. Следствием общего процесса децентрализации государственного управления в результате распада Советского Союза стала децентрализация управления здравоохранением. Вертикаль административного подчинения органов здравоохранения была разрушена, а государственная система здравоохранения оказалось разделённой на федеральную, региональные и муниципальные системы здравоохранения. А система финансирования здравоохранения в результате введения системы ОМС стала смешанной – бюджетно-страховой. Сложившаяся бюджетно-страховая система финансирования, с большим многообразием региональных моделей финансирования, оказалась громоздкой и неэффективной. Поэтому система финансирования здравоохранения требует реформирования.

Развитие рыночных отношений в российской системе здравоохранения делает особо актуальной проблему построения новой модели функционирования муниципального ЛПУ.

Модернизация муниципального здравоохранения – экономико-организационный процесс перевода системы здравоохранения на новый качественный уровень производства медицинских услуг путём рационализации и оптимизации механизмов финансирования лечебно-профилактических учреждений.

В 2011–2012 гг. будет запущен масштабный проект модернизации здравоохранения Российской Федерации, в который будет привлечено около 460 млрд. рублей. Финансироваться будут те регионы, которые представят конкретные программы модернизации. Программа модернизации представляет собой комплекс социально-эко-

 © Штукерт А.Б., 2010

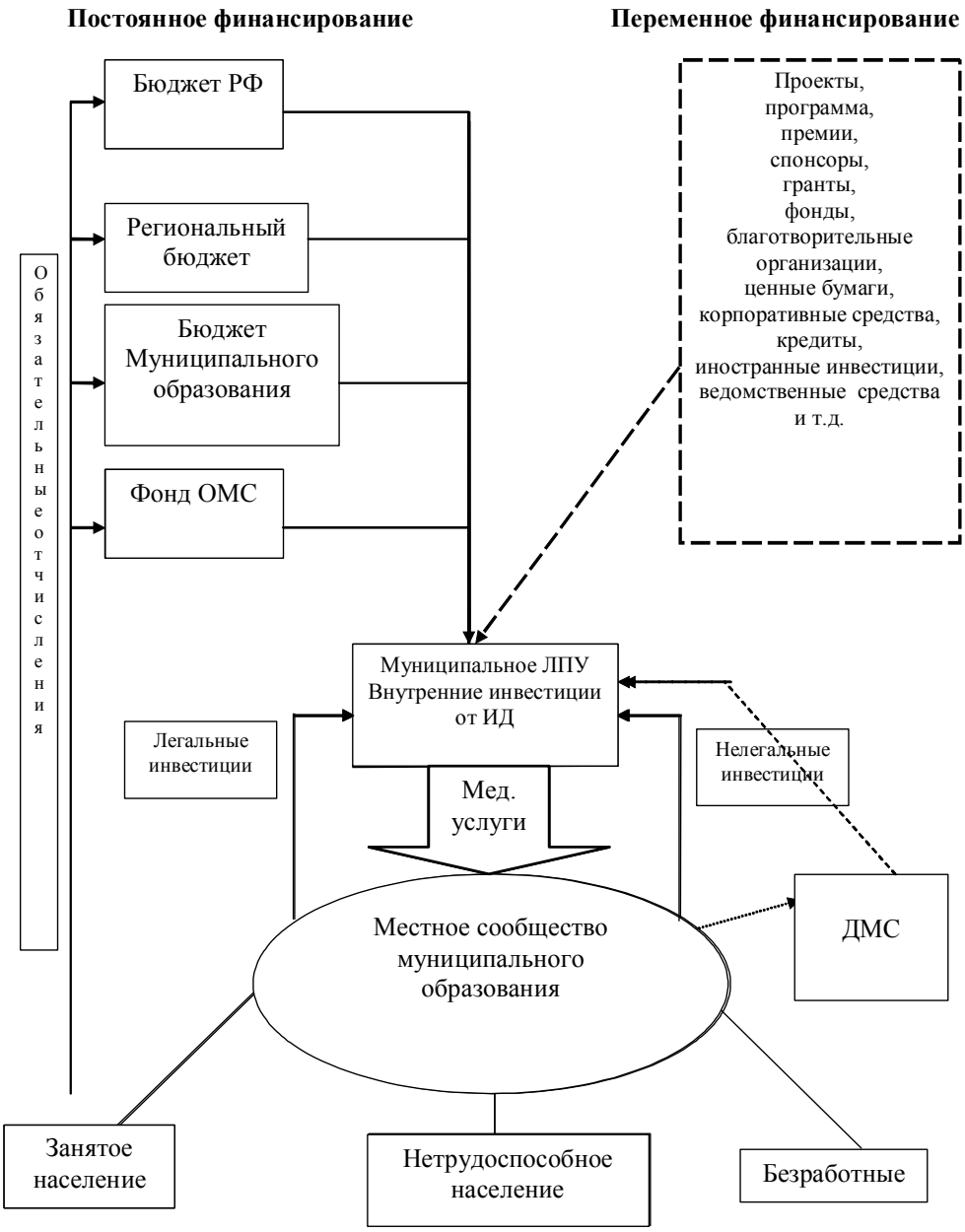

Рис. 1. Модернизированная модель функционирования ЛПУ

номических, организационных и других мероприятий, увязанных по ресурсам, исполнителям, срокам реализации и направленных на модернизацию здравоохранения в субъектах РФ. В каждом субъекте РФ программа будет иметь свои особенности, связанные в первую очередь с демографической и социально-экономической ситуацией в регионе. Целью программы является улучшение качества и обеспечение доступности медицинской помощи населению. Медицинская реформа направлена на решение трёх основных задач: внедрение современных информационных систем в здравоохранение, внедрение единых стандартов оказания медицинской помощи и укрепление материально-технической базы больниц. Здравоохранение Владимирской области претендует на 4,5 млрд. рублей. Денежные средства должны быть направлены на решение конкретных проблем. В том числе укрепление кадрового потенциала и материально-технической базы.

Для здравоохранения Владимирской области необходимо провести качественный ремонт больниц и поликлиник, закончить строительство незавершенных медицинских объектов, при необходимости провести модернизацию существующих ЛПУ для повышения качества оказываемой медицинской помощи больным с сердечно-сосудистой патологией, онкологическим, нейрохирургическим больным, больным с сочетанной травмой, ожоговым и больным с различной хирургической и терапевтической патологией. Учитывая, что Владимирская область занимает четвертое место по уровню смертности от ДТП, необходимо открыть на базе МУЗ ГКБСМП современный Центр по оказанию экстренной травматологической, нейрохирургической и хирургической помощи.

Кроме того, необходимо закончить оснащение всех лечебных учреждений необходимым оборудованием, с учётом структуры заболеваемости области и учитывая износ старого оборудования. Провести внедрение информационных систем в работу лечебных учреждений. Провести модернизацию системы профессионального образования медицинских работников, обеспечивающую освоение новых современных медицинских технологий. Провести обучение медперсонала для работы на новейшем оборудовании. Для ликвидации дефицита кадров необходимо заключать договора с медицинскими академиями, привлекать молодых специалистов, используя опыт советских времён (направления, жильё, льготы). Довести кадровый состав ЛПУ до 100%. Ввести в учреждениях здравоохранения отраслевую систему оплаты труда, позволяющие руководителям в рамках действующего законодательства утверждать положения об оплате труда, базовые ставки, фонд стимулирования.

Введение медицинских стандартов должно сочетаться с повышением оплаты труда медицинских работников, от которого, не смотря на затраты, государство получит ощутимый выигрыш и большую пользу. Существенное повышение оплаты труда врачей приведёт к улучшению результативности их работы, позволит ликвидировать совместительство, а также позволит отказаться от формальных и неформальных способов оплаты пациентами медицинских услуг. Это в свою очередь создаст материальные условия для профессионального роста врачей, медсестёр, повышения уровня их знаний и квалификации. При оплате труда должны учитываться:

– сложность, напряженность и интенсивность труда;

– квалификация, знания и опыт, обеспечивающие должный уровень качества оказанной медицинской помощи;

– результаты работы – текущие, ближайшие и отдалённые – консультаций и лечения пациентов в зависимости от степени тяжести и запущенности.

Модернизация отечественного здравоохранения должна быть подкреплена законодательно. Необходимо принятие нового закона «Об обязательном медицинском страховании в РФ», необходимо пересмотреть функции ФОМС, ввести единые тарифы, возможность реального обращения граждан за медицинской помощью независимо от региона проживания, определиться с финансированием всех статей оплаты стоимости медицинских услуг.

Для создания условий по обеспечению гарантированной бесплатной медицинской помощи и с целью эффективного использования финансовых ресурсов муниципального здравоохранения необходимо пересмотреть систему финансирования учреждений здравоохранения, поставив его объёмы в прямую зависимость от количества пролеченных больных и качества оказания медицинской помощи, осуществив тем самым переход от содержания ЛПУ к оплате выполненных объёмов медицинской помощи. Кроме того необходимо осуществить переход на оплату медицинской помощи за оконченный случай конкретного заболевания, конкретного пациента; увеличить финансово-хозяйственную самостоятельность ЛПУ и повысить прозрачность деятельности организаций здравоохранения; продолжить практику централизации финансовых ресурсов отрасли с целью обеспечения программно-целевого управления.

Совокупное использование бюджетных и внебюджетных источников финансирования деятельности медицинских учреждений для покрытия расходов рассматривается как одно из условий эффективного развития. Это требует внедрения в практику управления медицинскими учреждениями финансового менеджмента, методик сбалансированного планирования всех программ предоставления медицинской помощи. В современных условиях необходимо целенаправленное управление объемами и структурой оказания медицинской помощи на основе сочетания плановых и рыночных регуляторов.

Для ЛПУ в условиях ограниченности государственных средств финансирования на такие жизненно важные статьи как приобретение оборудования, первоочередной задачей финансового планирования встает поиск дополнительных резервов финансовых ресурсов.

Ими могут быть:

– доходы от развивающихся платных услуг;

– освобождение отрасли здравоохранения, ее учреждений от налога на прибыль от платных медицинских услуг, т.к. коммерциализация медицины в условиях России – явление вынужденное;

– более широкое внедрение и развитие медицинского лизинга как способа финансирования без кредитования. Создание и поощрение развития медицинских лизинговых компаний; использование факторинга как механизма продажи долгов лечебного учреждения государству;

– развитие ДМС как разновидности платной медицинской помощи, поскольку ДМС формирует большую ответственность пациента за свое здоровье, чем в условиях «платной медицинской помощи»; возможность использования арендной платы, как дополнительного источника финансирования (сейчас денежные средства поступают не на счет учреждения, а в городской бюджет, что не дает возможности использовать их на нужды больницы);

– разрешение накопления и формирования фонда амортизации, несмотря на то, что оборудование не приобреталось ЛПУ за свой счет. Если государство не финансирует покупку оборудования, то учреждение здравоохранения должно иметь выход для решения этой проблемы;

– прорывные медицинские научные разработки с хорошо продуманным организационно-экономическим механизмом внедрения. Реализация проектов позволит, во-первых, более эффективно решать задачи, для которых и созданы учреждения здравоохранения – лечение больных. Во-вторых, позволит заработать прибыль для модернизации и развития самого ЛПУ, повысить оплату труда работников, осуществлять научные разработки.

УДК 658

Шувалова Ольга Валентиновна
кандидат экономических наук
Всероссийский заочный финансово-экономический институт (филиал в г. Владимире)
oshuv@rambler.ru,
Тимонин Александр Юрьевич
кандидат экономических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ksu@ksu.edu.ru

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

В статье рассмотрены подходы к оценке качества жизни как экономических состояний.
***Ключевые слова**: уровень жизни, качество жизни, богатство, бедность.*

Жизнь человека насыщенна и многообразна или, напротив, скудна и невыразительна, т.е. может характеризоваться как «качественная или некачественная», что определяется большим числом факторов отнюдь не только экономического характера. А потому, если попытаться найти универсальное определение качества жизни, вряд ли это получится. Этот термин используется в различных отраслях научных знаний, каждая из которых предлагает свое видение и трактовку исследуемого понятия, придавая ему специфические черты.

Все существующие концептуальные интерпретации «качества жизни» можно условно разделить по двум направлениям:

Первое направление – это *объективизация* качества жизни, при которой оно рассматривается как объективная характеристика, определяющая материальные условия и средства жизнеобеспечения человека (общества). В структуру качества жизни в этом контексте включаются такие характеристики, как качество питания, жилищных условий, здравоохранения, образования и т.д.

Второе направление делает акцент в сторону учета только *субъективных* составляющих качества жизни, представляющих собой оценочное отношение человека к жизненным условиям и различным материальным и культурным благам. Ос-

© Шувалова О.В., Тимонин А.Ю., 2010

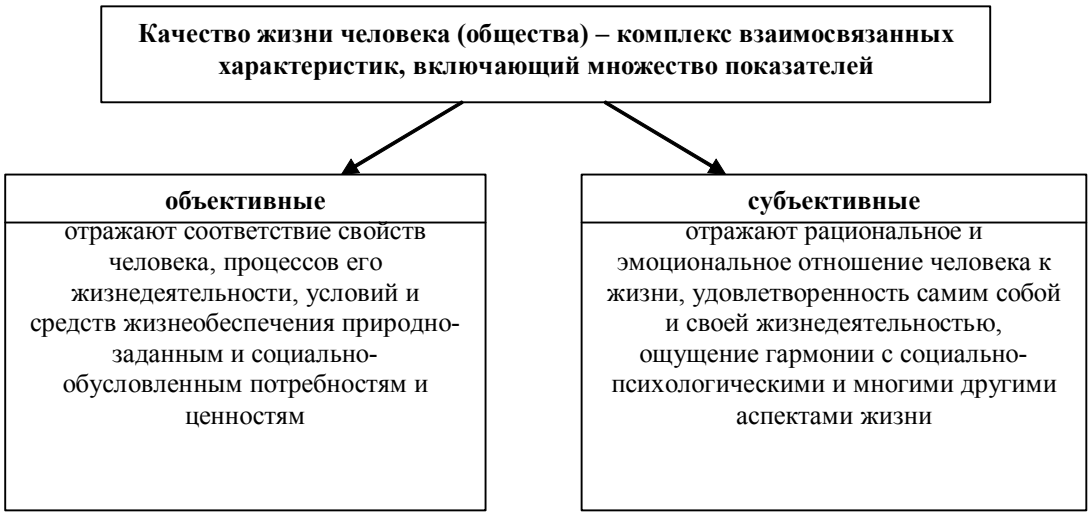

Рис. 1. Структура качества жизни

новными характеристиками здесь выступают удовлетворенность жизнью, полнота реализации человеком своего внутреннего потенциала и т.д.

Таким образом, качество жизни в широком смысле, как удовлетворенность человека (населения) жизнью с точки зрения потребностей и интересов, охватывает целый ряд факторов: характеристики и индикаторы уровня жизни как экономической категории; условия труда и отдыха; жилищные условия; социальную обеспеченность и гарантии; охрану правопорядка и соблюдение прав личности; природно-климатические условия, показатели сохранения окружающей среды; наличие свободного времени и возможности хорошо его использовать; субъективные ощущения покоя, комфортности и стабильности.

Многогранность и разноплановость исследуемой категории предполагает, что только объективный или только субъективный взгляд на сущность качества жизни не позволит раскрыть ее в полной мере

С нашей точки зрения необходимым представляется использование комплексного (системного) подхода, в соответствии с которым «качество жизни» есть субъективно-объективная категория, отражающая единство всех компонентов жизни. В соответствии с этим, структуру качества жизни можно представить следующим образом (рис. 1).

Отметим, что более распространенным является объективный подход, поскольку определяет качество жизни через параметры объективных условий в процессе жизнедеятельности. Цель его – как можно точнее измерить качество жизни населения (отдельных групп) на основе разнообразной статистической информации. Заметим, что до сих пор в научных исследованиях не наблюдается единого, общепринятого набора индикаторов для такой оценки.

Разногласия по поводу содержательного контекста качества жизни проявляются в том, что очень часто в научных в работах используются близкие термины, отождествляемые с качеством жизни - уровень жизни, уклад жизни, образ жизни, стандарт жизни, стиль жизни и пр.

Так, И.В. Бестужев-Лада определяет образ жизни как способ жизнедеятельности, взятой в единстве с ее условиями, которые характеризуются категориями уровня, качествами и уклада жизни [1].

Во многих работах российских ученых, появившихся в переходный период начала 1990-х гг., можно было наблюдать прямое сведение понятий «качество жизни» и «уровень жизни» или варианты их соотнесения или объединения. Это сугубо экономический подход, для которого характерен акцент на использование явных количественных измерителей – объективных показателей уровня жизни населения, среди которых особенно широкое применение нашли показатели дифференциации населения по уровню доходов, изменение в структуре доходов и потребления и т.п.

С нашей точки зрения экономический аспект изучения качества жизни населения является основополагающим (см. рис. 2).

Исследователи, использующие в качестве синонимов «качество жизни» и «уровень жизни»,

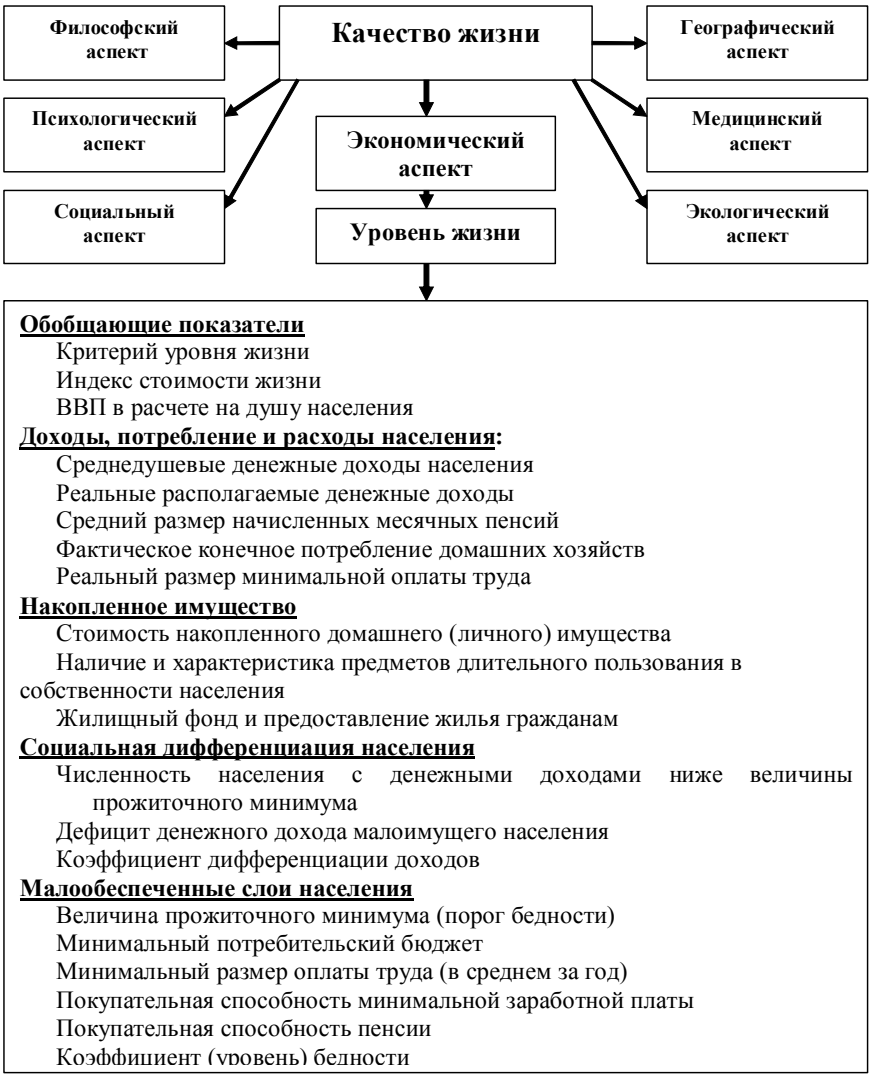

Рис. 2. Экономический аспект качества жизни

ориентируются на экономическую, материальную сторону жизни населения. Речь в данном случае идет, прежде всего, об оценке здоровья населения, уровне образования, о материальном и социальном обеспечении, структуре потребностей различных социальных групп и степени их удовлетворения.

Таким образом, уровень жизни можно трактовать как социально-экономическую категорию, характеризующую степень удовлетворения материальных и духовных потребностей, т.е. это интегрированная, существенная параметрическая величина, отражающая на определенный период степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей и выражающаяся в количестве и качестве потребляемых человеком благ и услуг, оцениваемых системой показателей.

Статистическое изучение уровня жизни населения, необходимое для решения задач, стоящих перед обществом в целях улучшения качества жизни, проводится по различным направлениям, среди которых:

1) общая и всесторонняя характеристика социально-экономического благосостояния населения;

2) анализ характера степени влияния различных социально-экономических факторов на уровень жизни, изучение их состава и динамики;

3) оценка степени социально-экономической дифференциации общества, степени различий по уровню благосостояния между отдельными со-

циальными, демографическими и иными группами населения;

4) выявление и характеристика малообеспеченных слоев населения, нуждающихся в социально-экономической поддержке.

Поскольку уровень жизни оценивает экономическую сторону качества жизни населения, а значит, является критерием при выборе направлений и приоритетов экономической и социальной политики государства, рассмотрим некоторые его компоненты, опираясь на данные официальной статистики.

По данным итогового мониторинга «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2009 году», опубликованного на сайте Минэкономразвития, среднемесячная начисленная заработная плата в 2009 году составила 18,7 тысячи рублей и по сравнению с 2008 годом выросла на 8,5%. Однако реальная заработная плата за 2009 год относительно 2008 года составила 97,4%, то есть населения потеряло 2,5% в своих доходах. Эти цифры традиционно весьма существенно варьируют по отраслям. Так, наиболее высокую заработную плату в январе-ноябре 2009 году продолжали получать в таких видах бизнеса, как транспортирование по трубопроводам, финансовая деятельность, добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (превышение общероссийского уровня в 2,2 раза). В то же время наиболее низкий уровень среднемесячной заработной платы сохраняется в текстильном и швейном производстве, в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве (48% и 51% от общероссийского уровня соответственно) [см. 2].

Средний размер трудовой пенсии в 2009 году, по предварительной оценке Пенсионного фонда, вырос в реальном выражении на 11,3% и составил 5322 рубля, что превысило прожиточный минимум пенсионера на 29,0% (превышение 17,6% в 2008 году). Более высокие темпы роста пенсий по сравнению с темпами роста заработной платы привели к увеличению коэффициента замещения (соотношение средней пенсии к средней зарплате) до 28,3% (24,8% в 2008 году).

Таблица 1

Прожиточный минимум в целом по РФ

Квартал	Нормативный акт	Величина прожиточного минимума, руб.			
		на душу населения	для трудоспособного населения	для пенсионеров	для детей
2010 год					
II	Постановление Правительства от 28 сентября 2010 г. № 763	5 625	6 070	4 475	5 423
I	Постановление Правительства от 15 июля 2010 г. № 529	5 518	5 956	4 395	5 312
2009 год					
IV	Постановление Правительства от 21 апреля 2010 г. № 259	5 144	5 562	4 091	4 922
III	Постановление Правительства от 20 февраля 2010 г. № 69	5 198	5 620	4 134	4 978
II	Постановление Правительства от 14 ноября 2009 г. № 925	5 187	5 607	4 129	4 963
I	Постановление Правительства от 19 августа 2009 г. № 666	5 083	5 497	4 044	4 857

Источник: www.afga.ru.

Величина прожиточного минимума в соответствии с ФЗ № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, включающей минимальные наборы продуктов питания, непродовольственных товаров, необходимых для сохранения здоровья человека, обеспечения его жизнедеятельности, а также обязательные платежи и сборы. В 2009 году прожиточный минимум в среднем на душу населения составил 5153 рубля (см. табл. 1) с ростом к 2008 году на 12,2%.

Увеличение прожиточного минимума более быстрыми темпами по сравнению с общим коэффициентом инфляции происходит в России уже много лет подряд, затрудняя для наименее обеспеченных слоев населения выход из бедности. При этом величина прожиточного минимума трудоспособного населения составила 5572 рубля, пенсионеров – 4,1 тыс. рублей, детей – 4,93 тыс. рублей.

Величина прожиточного минимума определяется ежеквартально и устанавливается правительством РФ – в целом по России, органами исполнительной власти субъектов РФ – в субъектах РФ.

Нарастание расслоения российского общества за годы экономического роста, предшествующие кризису 2008–2009 годов, нисколько не входит в противоречие с тем фактом, что по данным официальной статистики доля населения с доходами ниже прожиточного уровня уменьшилась за тот же период практически вдвое: быстрый рост доходов как раз и способствует неравномерности их распределения в обществе. Тем более это естественно для страны, которая живет в значительной степени за счет продажи ресурсов.

Таким образом, на современном этапе развития экономики России проблемы уровня жизни населения и факторы, определяющие его динамику, не теряют своей актуальности, напротив, становятся все более и более важными. От их решения во многом зависит направленность и темпы дальнейших преобразований в стране, политическая и экономическая стабильность в обществе.

Решение указанных проблем требует выработанной государством определенной политики, центральное место в которой занял бы ЧЕЛОВЕК, его благосостояние, физическое и социальное здоровье. Только в этом случае – при повышении уровня жизни населения – будет сформирован тот экономический фундамент, на котором можно построить качественно новую модель благосостояния общества.

Библиографический список

1. *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений / РАН. Ин-т социологии. – М.: Наука, 1993.

2. http://www.bfm.ru.

УДК 33

Бартюкова Ирина Алексеевна
Ярославский филиал Академии труда и социальных отношений

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Машиностроительный комплекс является, с одной стороны, главной отраслью промышленности, а с другой, – стратегическим вектором развития всей промышленности. Поэтому эффективное функционирование предприятий машиностроительного комплекса позволит экономике России преодолеть существующий технологический барьер, отделяющий ее от промышленно развитых стран и успешно осуществить модернизацию экономики. В настоящей статье сделана попытка обоснования и разработки экономической модели развития предприятий машиностроительного комплекса.

Ключевые слова: *машиностроительный комплекс, экономическая модель, модернизация экономики, инновационное развитие.*

Для решения проблем эффективного развития предприятий машиностроительного комплекса необходимы кардинальные преобразования, результатом которых должен стать качественный экономический рост, повышение конкурентоспособности инновационной продукции и т.д. Экономическая модель развития предприятий основана на необходимости выявления и реализации, в первую очередь, перспективных инвестиционных проектов по производству серийной продукции оборонного (двойного) назначения. Данная концептуальная модель основана на теории инновационных волн в создании поколений высокотехнологичных машин, к которым в полной мере относится производимая продукция машиностроительного комплекса. Наши выводы о существовании экспоненциальной инновационной волны подтверждаются проведенным анализом выполнения в США национальной программы IHTET по созданию научно-технического задела в авиастроении и анализом производства газотурбинных двигателей на предприятии ОАО «НПО Сатурн» (г. Рыбинск).

При создании любого образца за изготовлением первого опытного образца следует серийное производство. Однако, в связи с появления у конкурентов нового, более лучшей по ТТХ продукции, следует дорогостоящий процесс модернизации (доводки) до необходимых характеристик, в направлении заданных параметров – «потолка качества», отвечающих современным технологическим возможностям создания образца данного поколения.

Необходимость улучшения ТТХ объясняется постоянным противоборством сторон для достижения необходимых политических и экономических результатов. Л.В. Сысков своей работе указывает, что основными целями модернизации, применительно к авиационной технике, являются повышение возможностей ЛА, а также повышение экспортного потенциала самолетов. Если с первым утверждением можно согласиться, то по вопросу повышения экспортного потенциала самолетов у нас есть определенные сомнения. Сомнения основаны на том, что модернизация самолетов требует немалых инвестиционных средств, в результате чего исходная цена на продаваемый самолет существенно вырастет и это будет не выгодно отличать его от конкурентов. Попробуем это доказать.

Разработчики техники обычно встречаются с ситуацией, когда достижение предельно высокого потолка качества образца предполагает недопустимо большие затраты, поэтому с определенного момента модернизации стоимость дальнейшего повышения качества машины будет экономически не оправдана в существующих технологических условиях. С точки зрения волновой модели процесс «затраты-результаты» для модернизации выпускаемой продукции рассматривается как цепь экспоненциальных кривых с точками взаимного сопряжения, называемыми точками технологического разрыва (перехода) к новому поколению образца. Далее в работе, по мере необходимости, под образцом, производящимся на предприятиях, будем употреблять понятие «машина», а процесс модернизации образца (машины) будем заменять понятием «доводка», то есть модернизация образца есть доводка машины.

Процессом модернизации (доводки) образца (машины) называется научно обоснованная последовательность действий для улучшения эксплуатационных параметров машины, начинающихся после изготовления первого опытного образца, его

 © Бартюкова И.А., 2010

сертификация (необходимые испытания, в том числе и боевыми) и его серийное производство. Однако капитальные затраты на доводку машины в несколько раз превышают затраты на расчетно-конструкторские работы, поскольку связаны с большим объемом натурных испытаний.

В каждом поколении машин происходит развитие технологических возможностей производства, которые позволяют проводить модернизацию или существенно изменять её конструктивный облик и эффективность в эксплуатации, включая переход к новому поколению машин данного типа. Такой переход волны доводки к новому технологическому поколению (базису) будем называть «технологическим разрывом» инновационного процесса доводки машины.

Пусть к началу доводки машины фактические затраты на НИОКР составляют – K_0, а расстояние интегральной оценки параметров машины до потолка качества (новых боевых характеристик) – B_0. Параметр B_0 можно представить как расстояние (квалиметрическую шкалу) на плоскости главных компонент параметров доводимой машины между текущим состоянием параметров B и желаемым положением потолка качества B_0. Используемая процедура сжатия группы параметров с отображением их в виде одной точки на плоскость главных компонент известна в многомерных статистических методах.

Сложный процесс доводки машин состоит из множества элементов, находящихся под разнообразными воздействиями, имеющими детерминированный и случайный характер. В процессе доводки машины происходит большое количество потребления капиталовложений (инвестиций). В результате по окончании доводки общие затраты на НИОКР и доводку составляют K. Причем

$$K_0 < K \text{ и } B_0 > B, \text{ при } B \to 0.$$

Характерно, что по мере уменьшения расстояния B до потолка качества происходит возрастание затрат на каждый последующий процент, сокращение интервала B связи с падением предельной отдачи капиталовложений в доводку. Таким образом, волна доводки асимптотически стремится к потолку качества, никогда его не достигая.

В процессе движения по инновационной волне постепенно сокращается предельный продукт доводки и в некоторый момент происходит разрыв – замена волны другой волной, более крутой. Поскольку экономически не эффективно двигаться по пологой волне, происходит переход на новую более крутую инновационную волну, который технологически к этому моменту уже созрел.

НИОКР как сложный управляемый комплекс состоит из множества элементов, находящихся под разнообразными воздействиями, имеющими случайный характер. Принципиально важным для управления НИОКР является процесс приближения параметров машины к ее заданным параметрам по мере доводки.

Комплекс НИОКР закономерно рассмотреть с позиций статистической теории, опираясь на идеи теории информации, где для систем, состоящих из большого числа элементов, справедливо соотношение:

$$H = a \cdot \ln B, \qquad (1)$$

где H – энтропия[1]; a – постоянная величина; B – неупорядоченность системы.

В естественных условиях большая система стремится к беспорядку, противостоять которому могут только процессы управления.

В теории информации мера неопределенности состояния системы (в том числе наших знаний о ней) сопоставляется с термодинамическим понятием энтропии, а количество информации равно уменьшению этой неопределенности. Тогда из соотношения (1) следует, что прирост знаний о машине в процессе доводки будет оплачен затратами:

$$K = H_0 - H = K_0 \cdot \ln \frac{B_0}{B}, \qquad (2)$$

где K_0 – стоимость исходной информации в начале доводки (суммарные затраты к началу доводки); B_0 – исходная неопределенность или диапазон отклонения параметров в начале доводки машины; B – текущий диапазон отклонения параметров машины в процессе доводки.

Из соотношения (2) находим точность доводки B как производственную функцию вида:

$$B = B_0 \cdot e^{-K/K_0} \qquad (3)$$

где K – прирост затрат на НИОКР, относимый на полученную в ходе доводки информацию.

Из полученной формулы производственной функции доводки (3) следует, что полная (идеальная) доводка машины, т.е. достижение условия B=0, возможна только при бесконечно больших затратах $K \to \infty$. Таким образом, существует некоторый разумный уровень рентабельности капиталовложений в доводку, ниже которого доводку следует прекратить или воспользоваться готовым решением из научно-технического задела,

Таблица 1

Удорожание информации о машине (K/K_0) по мере доводки (B/B_0), следующее из выражения ($B/B_0 = e^{-K/K_0}$)

K/K_0	0	0,2	0,5	1,0	1,5	2,0	2,5	3,0	3,5
B/B_0	1	0,8187	0,6065	0,3679	0,2231	0,1353	0,0821	0,0498	0,0302

желательно – многократно, например, в форме принятия нового базового образца вооружения для определенного вида ВВСТ. Возрастающая стоимость информации в процессе доводки показана в таблице 1: 87% начальной информации (B/B_0) доводки стоят столько же (K/K_0), как 13% оставшейся информации.

Теперь на основе производственной функции доводки параметров машин, которая имеет убывание предельной отдачи (рентабельности) затрат на доводку, представим искомую математическую модель (производственную функцию) инновационной волны доводки машин, в виде экспоненциальной функции вида:

$$B = B_0 \cdot exp(-K/K_0), \qquad (4)$$

где B_0 и B – начальный и текущий диапазон отклонений параметров машины от «потолка качества»; K_0 и K – начальные и текущие затраты на доводку машины.

На рисунке 1 показаны основные принципы гипотезы смены (чередования) инновационных волн, описываемых зависимостью (4). При достижении процессом доводки технологического разрыва $K_{т.р.}$ текущей волны (поколения) машины происходит переход на другую более крутую волну доводки машины.

Рассматриваемая далее модель экономической эффективности процесса доводки имеет универсальный характер в отношении любых сложных технических систем, на которые может распространяться закон снижения предельной эффективности капиталовложений.

Рассмотрим адекватность предлагаемой волновой модели процесса доводки машин современным процессам создания высокотехнологических продуктов на примере выполнения национальной программы США IHPTET. Программа IHPTET была начата в 1980 г. с целью создания революционных технологий, обеспечивающих надежные характеристики силовых установок новых истребителей при низкой стоимости производства и технического обслуживания, а также для существенного улучшения характеристик существующих самолетов. Результаты работы по программе IHPTET внедряются во все области промышленности США, в которых используются газотурбинные двигатели, и должны обеспечить конкурентоспособность фирм США на ми-

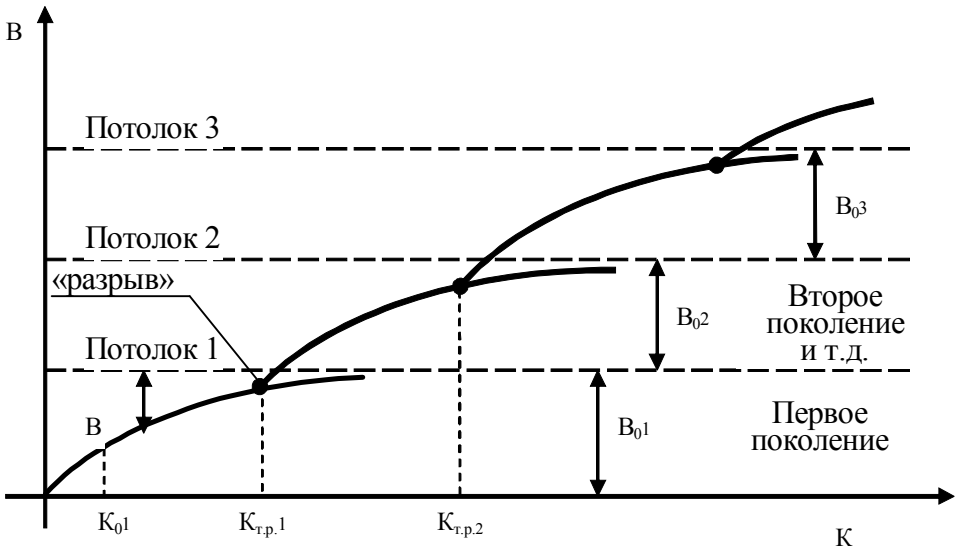

Рис. 1. Развитие и чередование инновационных волн доводки машин

Таблица 2

Основные цели и этапы программы IHPTET (США)

	Тип двигателя	Этап 1	Этап 2	Этап 3
Факт 1	ТРДД/ТРД	Увеличение отношения тяги к массе на 30%	Увеличение отношения тяги к массе на 60%	Увеличение отношения тяги к массе на 100%
Факт 2	ТВД/ГТД	Увеличение отношения мощности к массе на 40%	Увеличение отношения мощности к массе на 80%	Увеличение отношения мощности к массе на 120%
Факт 3	Двигатели одноразового применения	Увеличение отношения тяги к расходу воздуха на 35%	Увеличение отношения тяги к расходу воздуха на 70%	Увеличение отношения тяги к расходу воздуха на 100%
Общая сумма прироста кап. затрат на НИОКР		**1 млрд. долл.**	**1 млрд. долл.**	**1 млрд. долл.**
1980 г.		**1990 г.**	**2000 г.**	**2010 г.**

ровом рынке. В среднем расходы на выполнение работ по программе составляют 100 млн. долл. в год. Поставленные для программы IHPTET цели повышения качества двигателей и соответствующие капитальные затраты на доводку двигателей приведены в таблице 2.

Значительные результаты по повышению качества двигателей, полученные на первых двух этапах (1980–2000 гг.) работы по программе, позволяют модернизировать существующее семейство двигателей F100, F101, F404 и соответственно летательные аппараты, находящиеся в США, которые являются базой для создания новых двигательных установок.

Для построения экспоненциальной модели повышения качества машин по данным программы IHPTET была представлена таблице 3, в которой для трех волновых моделей (факт 1, 2 и 3) принимается следующее толкование данных из таблицы 2:

– исходное значение *B* на момент начала работ по программе равно 1;

– улучшение параметра *B* на 30% (в факте 1) означает, что до потолка остается *B*=0,7, при этом принимаем начальное B_0=2;

Таблица 3

Сравнение теоретических и фактических параметров точек экспоненциальной волны доводки по расчету авторов программы IHPTET

		Этап 1 (1980–1990 гг.)	Этап 2 (1990–2000 гг.)	Этап 3 (2000–2010 гг.)
Прогноз	Прогноз качества доводки exp (- К/$К_0$), где	0,368	0,1353	0,05
	$К_0$	**1**	**1**	**1**
	К	**1**	**2**	**3**
Факт 1	Увеличение отношения тяги к массе, фактически			
	В	**0,7**	**0,4**	**0**
	$В_0$ max	**2**	**2**	**2**
	($В/В_0$)	0,35	0,2	0
Факт 2	Увеличение отношения мощности к массе, фактически			
	В	**0,6**	**0,2**	**0**
	$В_0$ max	**2**	**2**	**2**
	($В/В_0$)	0,3	0,1	0
Факт 3	Увеличение отношения тяги к расходу топлива, фактически			
	В	**0,65**	**0,3**	**0**
	$В_0$ max	**2**	**2**	**2**
	($В/В_0$)	0,325	0,15	0

– по мере совершенствования машин растут суммарные капитальные затраты – от 1 млрд. долл. в 1990 г. до 3 млрд. долл. к 2010 г.

При адекватности зависимости (4) данным таблицы 2 (и ее преобразованию в таблицу 3) должно соблюдаться на практике условие

$$exp\left(-K/K_0\right) \approx \left(B/B_o\right)_{факт} \qquad (5)$$

для 9 точек программы (этап • факт).

В таблице 3 показано, что модель инновационной волны при исходных данных программы IHPTET обеспечивает близкие значения теоретических и фактических значений (B/B_0) в сходственных точках (для окончаний трех десятилетий интервалов реализации программы повышения качества ГТД), т.е. в 9 контрольных точках.

Значения таблицы 3 подтверждают выводы об адекватности модели (4) динамике капиталовложений в программу США.

Анализ причин возникновения технологических разрывов и последующего перехода с одной на другую волну доводки позволяет выделить две группы факторов разрыва волны:

– достижение некоторой минимальной рентабельности капиталовложений в модернизацию (доводку) образца, при котором далее продолжать процесс модернизации экономически не целесообразно;

– необходимость перехода на новую волну развития образца в связи с постоянно растущими требованиями к качеству (боевым, эксплуатационным, коммерческим возможностям) производимого образца.

Эффект перехода на новый этап технологического развития необходимо предвидеть, а также количественно оценить предельное соотношение конечных и начальных инвестиций в модернизацию образца при существующей цене капитала (или доходности альтернативных капиталовложений). Модель инновационных волн позволяет анализировать данные официальной статистики и хозяйственные процессы предприятий с учетом особенностей структуры затрат.

Таким образом, проходящая значительная модернизация авиационной техники не несет в себе экономической привлекательности для предприятий машиностроительного комплекса. Так как происходит постоянное увеличение затрат на модернизацию в связи с повышением требований к качеству производимой продукции. При сохранении такой ситуации объем инновационной продукции двойного назначения будет неизменно снижаться, что не позволит обеспечить качественный рост и технологический рост экономики. Необходима комплексная государственная поддержка производства направленная на производство новых, инновационных образцов исходя из выявленных конкурентных преимуществ. По нашему мнению, государственная поддержка должна быть основана на выявлении приоритетных проектов, аккумулирования для этого инвестиционных средств из всех возможных источников.

Примечание

[1] ЭНТРОПИЯ (от греч. entropia – поворот, превращение) – часть внутренней энергии замкнутой системы или энергетической совокупности, которая не может быть использована, в частности не может перейти или быть преобразована в механическую работу. Точное определение энтропии производится с помощью математических расчетов. Наиболее отчетливо эффект энтропии виден на примере термодинамических процессов.

УДК 330.354

Кузьмина Лариса Андреевна
Смоленский государственный университет

ИННОВАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И КАЧЕСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

В статье рассматривается взаимосвязь между качеством экономического роста и инновационным процессом, который его и обеспечивает. Экономический рост, который наблюдается в России с начала 2000-х гг., носит конъюнктурный характер, его еще называют «очаговым», поскольку он обеспечивается в основном за счет сырьевых отраслей. Важной задачей современного этапа становится разработка новой модели экономического роста, который должен носить устойчивый, инновационный характер. Основными источниками такого экономического роста, обеспечивающие его качество, являются инновации и накопление человеческого капитала. Становление нового качества экономического роста возможно при адекватной институциональной среде.

Ключевые слова: *инновации, инновационный процесс, факторы экономического роста, институциональная среда инновационного процесса.*

В последние годы в России значительно возрос интерес к долгосрочным социально-экономическим проблемам и перспективам дальнейшего развития. Это объясняется противоречивым состоянием российской экономики, отсутствием реального прогресса в становлении инновационных ее секторов. На протяжении 2000-х годов в российской экономике наблюдался экономический рост. Однако он в большей мере опирался на благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру: высокие цены нефть, газ и другие сырьевые ресурсы. Довольно масштабным был и прирост иностранных инвестиций, но направлялись они в основном не в производственные активы, а в финансовые. К 2008 г. почти 80% инвестиционных ресурсов, поступавших в экономику страны, были вложены в финансовые активы [3]. Все это не могло не сказаться на качестве экономического роста. Его без преувеличения можно назвать «ростом без развития», он не мог быть устойчивым, поскольку страна оставалась «с примитивной сырьевой экономикой и низкотехнологичной индустрией» [4].

Экономический рост представляет собой многофакторное явление, отражающее совокупность постоянно меняющихся внутренних и внешних условий национального производства. В теории экономического роста наиболее сложным вопросом является выбор факторов его обеспечивающих с учетом всего комплекса условий. Экономический рост можно рассматривать как поток непрерывных количественных и качественных изменений в его факторах. По мнению Р. Солоу, история экономического роста – это история развития факторов производства. Под факторами обычно понимаются те явления и процессы, которые определяют возможности увеличения реального объема производства, повышение его эффективности. Значительные изменения в факторах экономических динамики и их соотношении произошли под влиянием научно-технической революции второй половины XX в. На первое место вышел фактор роста эффективности ресурсов и предпринимательства на базе НИОКР и инноваций, что обусловило формирование концепций инновационного типа экономического роста. Этот тип роста, к которому перешли промышленно развитые страны, базируется не на производстве и потребление материальных благ, а на создании и потреблении информационных продуктов, в том числе и в овеществленной форме, т.е. продуктов высоких технологий. Это означает, что данный тип роста не связан с проблемой «затраты-выпуск» и определяется не количеством потребленного материального вещества и энергии, а степенью потребления информации. Основными источниками такого экономического роста являются инновации и накопление человеческого капитала. Разные авторы по-разному определяют величину вклада научно-технического прогресса в обеспечение экономического роста – от 30 до 80% в отдельные периоды. В оценке способности экономики к использованию новых факторов развития учитываются следующие параметры: объем инвестиций, расходы на НИОКР, технический уровень выпускаемой продукции, доля новейшей научно-технической продукции, численность занятых в НИОКР и пр.

Для изучения проблем экономического роста важное значение имеет понятие технологического уклада, под которым понимается устойчивое образование, в рамках которого осуществля-

© Кузьмина Л.А., 2010

ется полный макроэкономический цикл [2]. Он характеризуется ядром, ключевым фактором, организационно-экономическим механизмом регулирования. Российские исследователи долгосрочных тенденций технико-экономического развития (С.Ю. Глазьев, Д.С. Львов, Г.Г. Фетисов и др.) показали, что переход от одного технологического уклада к другому обусловлен формированием совокупности базисных нововведений, приводящих к структурной перестройке экономики и соответствующим институциональным изменениям, что приводит к повышению общего уровня эффективности производства.

С. Глазьев выделяет пять технологических укладов, три из которых составляют структуры индустриального типа. В настоящее время в развитых странах происходит замещение их пятым и шестым укладами. Пятый уклад базируются на гибких автоматизированных системах в обрабатывающей промышленности, промышленных роботах, программном обеспечении, информационных услугах и пр. При этом ядром нового, еще только формирующегося, шестого уклада составляют биотехнологии, космическая техника, тонкая химия, искусственный интеллект. По мнению ученого в России сегодня функционируют одновременно пять технологических укладов. В большинстве отраслей экономике еще не исчерпан потенциал третьего и четвертого технологических укладов, что свидетельствует о том, что современная российская экономика находится на индустриальной стадии развития. Удельный вес пятого уклада составляет не более 8% лишь в машиностроении и металлообработке, а в среднем по всем отраслям экономики только около 2%.

Технологический разрыв российской экономики с наиболее развитыми странами наблюдается с формированием еще четвертого технологического уклада, которое происходило гораздо медленнее, чем в промышленно развитых странах. Как отмечает С. Глазьев, главной особенностью экономики СССР конца 80-х гг. являлось то, что технологические циклы, начинаясь, не находили своего завершения и наслаивались друг на друга. Поэтому у нас продолжается одновременное воспроизводство трех технологических укладов – третьего, четвертого и пятого. Трансформационные реформы 1990-х гг. осуществлялись без учета этого. Сегодня развитие пятого и шестого технологических укладов тормозятся отсутствием целенаправленной государственной научно-технической и инновационной политики, главной задачей которой должно стать создание такого инновационного потенциала, который сможет обеспечить переход экономики к качественно новому типу экономического роста за счет глубокой технической реконструкции и модернизации производства при одновременной смене старых технологий на новые.

Следует отметить, что относительно выбора долгосрочной стратегии единства у российских ученых нет. Далеко не все разделяют точку зрения, что создание инновационной экономики является стратегическим направлением развития России в первой половине XXI в. Существует и другой подход: поскольку технологическая база российской промышленности устарела и изношена, то нет смысла говорить об инновациях, речь в этих условиях может идти только о модернизации. Так, В. Иноземцев считает, что стране нужна новая индустриализация, а не «инновационные мечтания» поскольку экономика, не создающая спроса на новые технологии, неизбежно будет отторгать инноваторов. «Достойная цель для России – стать к 2020 г. главной индустриальной державой Европы, а не надеяться на то, что нас прокормят технологии, которые есть пока только в проекте»[1].

Ситуацию, когда технологически отсталое производство не формирует спрос на инновации и подавляет их предложение, что в свою очередь тормозит спрос, академик В. Полтерович назвал «ловушкой недоразвитости». Выход из нее, по мнению автора, лежит в грамотном заимствовании и доработке западных технологий, но при этом можно создавать условия для роста за счет принципиально новых продуктов [8].

К числу важнейших проблем можно отнести проблему создания инновационных механизмов функционирования предпринимательских структур, которые позволят осуществить переход к новому типу экономического роста. Как уже отмечалось, инновационный рост связан с активизацией процессов разработки и коммерциализации новшеств, обеспечивающих ускорение темпов развития, повышение конкурентоспособности российской экономики, в том числе ее высокотехнологического сектора. В России сохранился мощный научно-технический потенциал, но он до сих пор не востребован ни государством, ни бизнесом.

В условиях административно-командной системы сложился особый тип экономики – невосп-

риимчивой к наукоемким технологиям. Инновационный цикл включает, как известно, несколько стадий: научно-исследовательскую (генерирования нововведений), опытно-конструкторскую (доведения разработок до товарного вида и внедрения в производство) и продвижения продукта на рынок. В СССР первая стадия инновационного цикла была поставлена достаточно хорошо. Для осуществления внедрения научно-исследовательских разработок в производство создавались научно-производственные объединения, включающие научно-исследовательские институты, конструкторские бюро, опытные заводы. Кроме этого, существовали научно-исследовательские и проектно-конструкторские подразделения непосредственно на предприятиях, т.е. существовала целая система организаций, призванных доводить разработки до опытных образцов, а затем и до промышленного производства. Тем не менее, эта система работала плохо [5]. Что же касается третьей стадии, которая в классическом виде представляется как некий механизм, осуществляющий как формирование новых потребностей потребителей продукта, так и ориентацию производства на уже существующие, то она практически отсутствовала в советской экономике. В целом, практика показала бесперспективность централизованного управления инновационным процессом. Справедливости ради следует отметить, что командно-административная организация научно-технической деятельности способна осуществить крупные общенациональные проекты, такие как первый полет человека в космос, разработка и создание ядерного оружия и др. Однако обеспечить переход к инновационному развитию такая организация не может. Объясняется это тем, что инновационный процесс основывается на инициативе и творчестве самих работников, что предполагает, в свою очередь, осуществления ряда организационных инноваций, по своей сути противоречащих природе централизованной системе управления. Речь идет о формировании соответствующей институциональной среды.

Это не означает устранения государства из инновационной сферы. Скорее наоборот: значительная часть проблем становления инновационного типа развития не может быть решена без регулирующей деятельности государства, без осуществления продуманной научно-технической политики. Под последней понимается комплекс мероприятий государства, направленных на поддержание и развитие национального научно-технического и интеллектуального потенциала, фундаментальной науки, передачу научных достижений во все сферы общественного хозяйства. На данном этапе такая политика может носить селективный характер, т.е. должны быть четко определены национальные приоритеты развития науки и технологии.

В России с начала 90-х наблюдалась сокращение таких составляющих процесса инновационного воспроизводства, как конструкторские бюро, НИИ, опытные заводы при научно-производственных объединениях. Более всего пострадали научно-исследовательские подразделения на промышленных предприятиях. Только за четыре года – с 1990 по 1994 гг. – их стало меньше в 1,6 раза, а число работников, занятых научными исследованиями и разработками на опытных заводах, сократилось в 3,8 раза. Таким образом, из года в год из процесса воспроизводства нововведений изымались компоненты, обеспечивающие его непрерывность [5]. Либерально-экономические преобразования в России только усилили тенденцию снижение темпов научно-технического прогресса в силу невостребованности науки, которая является основным фактором инновационного развития. Перехода от традиционной научно-технической к инновационной научно-технической политике так и не произошло. Под традиционной научно-технической политикой понимается концентрация усилий на создании новых знаний и технологий при игнорировании практического их использования в экономике. Инновационная же политика предполагает не только сосредоточение на создание, но и их практическое использование.

В начале реформ наблюдался всплеск экономической активности энтузиастов инновационной деятельности. В 1992 г. на этапе бурного роста малого предпринимательства, абсолютным лидером увеличения числа малых предприятий стала сфера науки и научного обслуживания. В ней число малых предприятий возросло в 3,4 раза. Это внушало определенные надежды относительно преодоления технологического отставания России и создания предпринимательской культуры инновационного типа. Но этим надеждам не суждено было сбыться, поскольку, уже начиная с 1995 г. наблюдается сокращение числа малых предприятий в инновационной сфере. Инновационность, как имманентное свойство предпринимателя, так и не реализовалась почве российс-

ких рыночных отношений, что свидетельствует о наличии серьезных проблем в действии экономических механизмов и, прежде всего тех, которые касаются инноваций. К одной из них можно отнести отсутствие связей с реальным сектором экономики. Очень часто малые инновационные фирмы, имея в своем распоряжении перспективные разработки в виде новаторских технологий, новых материалов и проч., не умеют придать им коммерческий характер, поскольку не обладают возможностями финансирования рекламных программ, сталкиваются с трудностями патентования или не имеют четкого представления о возможном экономическом эффекте своих разработок. А с другой стороны, представители промышленного предпринимательства чаще озабочены проблемами поиска поставщиков дешевого сырья, комплектующих, либо заняты решением обычных сбытовых проблем, оставаясь равнодушными к технологическим новшествам. В результате и одна, и другая стороны ограничены в своем развитии.

Все это свидетельствует о том, что в России до сих пор недооценивается роль институциональной среды в процессе становления нового типа экономического роста. Под институциональной средой понимается совокупность «правил игры», то есть основополагающих экономических, политических, юридических правил взаимодействия между субъектами, определяющих рамки их поведения. Изменение институтов обусловлено сдвигами в технологическом базисе экономики, что приводит к изменениям в экономической деятельности, поведении, мотивации субъектов экономики. Опыт промышленно развитых стран со всей очевидностью подтверждает важность институциональных изменений в генерировании экономического роста. Именно эти изменения становятся важным фактором становления экономики нового типа. Но совершенствование институциональной среды должно опираться на продуманную политику экономических изменений. Именно политика закладывает институциональный базис современного хозяйства и, следовательно, может оказывать тормозящее или стимулирующее воздействие на экономику [6]. Именно поэтому невозможно ожидать положительного эффекта от прямого импорта рыночных институтов.

Сегодня роль институциональной среды в переходе к инновационному экономическому росту признается. В Концепции развития РФ до 2020 г. к ключевым компонентам ее относятся, помимо социальных и налоговых, защита прав собственности, развитие корпоративного управления, конкуренции и финансовых рынков, повышение эффективности государственного сектора. В контексте перехода к инновационной модели развития немаловажное значение имеет сама фиксация на официальном уровне понятия «институциональная среда».

Во второй половине 1990-х гг. почти все западноевропейские страны активно разрабатывали и принимали программы стимулирования инновационной деятельности. Основное место в их реализации уделено институциональным изменениям. В основе этого лежит признание на правительственном уровне инноваций жизненно важным фактором экономического роста. Во многих странах образованы новые административные структуры, основанные на системном характере инноваций. Так, в ряде стран были созданы новые министерства – министерства по вопросам инновационной политики, инновационные советы. Большое внимание уделяется поддержке региональной инновационной политики, в том числе и оказанию помощи регионам путем содействия в разработке инновационной политики, развитии инновационной инфраструктуры. Разрабатываются и используются на практике новые механизмы стимулирования инновационной деятельности в предпринимательском секторе. В Великобритании с 2002 г. введены налоговые кредиты для малого инновационного предпринимательства, расширен и уточнен перечень работ, квалифицируемых как НИОКР, отменены более 40 норм, регулирующих деятельность предприятий в инновационной сфере [7]. Государство все активнее управляет инновационным процессом.

Мы оставим в стороне дискуссии относительно роли государства на этапе модернизации экономики, хотя этот вопрос достаточно активно обсуждается в литературе. Очевидным является тот факт, что государственные институты, сформировавшиеся при демонтаже административно-командной системы и «первоначального накопления капитала», не способны создать условия для созидания. Сегодня перед страной изменился характер задач, а, значит, необходима и институциональная реформа. Государство должно стать эффективным, только такое государство может последовательно решить такие сложные задачи, как: создание и развитие институциональной среды, благоприятной для бизнеса, осуществление

политики, направленной на ускорение научно-технического прогресса.

К комплексу мер, необходимых для создания инновационной экономики, можно отнести, во-первых, увеличение финансирование НИОКР, и в первую очередь перспективных проектов, и изменение механизма их финансирования; во-вторых, активнее использовать косвенные меры стимулирования инновационной деятельности, такие как налоговые льготы, целевое кредитование лизинг новейшего оборудования под государственные гарантии; в-третьих, формирование инновационных кластеров.

Современное состояние институциональной среды нельзя признать удовлетворительной с точки зрения формирования нового типа экономического роста. До сих пор не решены такие проблемы как слабая нормативно-правовая база регулирования инновационной деятельности, почти полное отсутствие взаимодействия с региональными властями, нехватка квалифицированных кадров, отсутствие внятной государственной политики развития и поддержки инновационного предпринимательства. Налицо явная недооценка роли институциональных факторов экономического роста. Более того, считается, что экономический рост нейтрален к таким понятиям как цель, задачи, мотивация, институты, определяющие его направленность.

Первая попытка определить цели политики в области инновационной деятельности была предпринята в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике». Но эту попытку вряд ли можно считать удавшейся, поскольку цели, обозначенные в законе, больше носят чрезвычайный характер – сохранение научно-технического потенциала, что при всей своей важности не может носить долгосрочного характера. Определение же целей и направлений государственной политики не носит целостного характера. Однако закон зафиксировал основные функции ведомств, которые должны заниматься научно-технической и инновационной деятельностью, порядок и ответственность при формировании соответствующих программ.

В правительственной программе «Основы политики РФ в области развития и технологии на период до 2010 г.» была поставлена задача добиться за счет инноваций 50% прироста ВВП (для сравнения – в промышленно развитых странах инновации обеспечивают 70–80% прироста ВВП). Однако такой инструмент как инновационные налоговые льготы в нашем налоговом законодательстве отсутствует. Более того, в России существует устаревшее понимание сущности инновационной деятельности, не соответствующее современному этапу технологического развития. Считается, что инновационный процесс – это определенный этап жизненного цикла научной разработки. Такое понимание положено в основу системы отбора и финансирования инновационных проектов, что и предопределяет низкую эффективность деятельности инфраструктуры поддержки инновационного предпринимательства.

Таким образом, есть все основания утверждать, что институциональные преобразования в России мало затронули сферу инновационной деятельности. Поэтому ключевой проблемой сегодня является формирование у экономических субъектов основы их внутренней экономической заинтересованности в инновационном характере развития. В реализации этой проблемы свои роли призваны сыграть государственные институты федерального уровня, региональные и муниципальные структуры, бизнес.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что условием обеспечения качественного экономического роста является взаимообусловленность инновационной политики и институциональных преобразований, направленная на выстраивание конструктивных взаимоотношений государства и бизнеса.

Библиографический список

1. Ведомости. – 2009. – 1 ноября.

2. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М.: ВлаДар, 1993. – С. 95–111.

3. *Замараев Б., Киюцевская А., Назарова А., Суханов Е.* Экономические итоги 2008 года: конец «тучных» лет // Вопросы экономики. – 2009. – №3. – С. 4–5.

4. *Караваев В.* Томограмма РФ экономики: анамнез и диагноз // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №3. – С. 114.

5. *Перевалов Ю.* Основы экономического развития // Вестник РАН. – 1998. – Т. 68. – №10. – С. 890.

6. *Сухарев О.* Проблемы качества институционального развития // Журнал экономической теории. – 2005. – №2. – С. 75.

7. *Шелюбская Н.* Новые направления инновационной политики ЕС // Проблемы теории и практики управления. – 2003. – №4. – С. 63–66.

8. www.rusnanonet/ru/artiles/16376.

SUMMARY

NATURAL STUDIES. ECOLOGY

A.N. Platonov

QUANTITATIVE ASSESSMENT OF THE UNZHA RIVER ICHTHYOFAUNA

In the given article a two-year study of the ichthyofauna of the Unzha River in Kostroma region is described. The indicator species of clean water were singled out; researches on quantitative dynamics of every species according to years were carried out; specific composition the ichthyofauna of the Unzha River was defined. Thanks to that, the further monitoring of the object and comparison of the watercourse's fish biodiversity is possible both before and after construction and launching of the pulp-and-paper mill in Manturovo.

Keywords: ichthyofauna, individual, order, family, species, indicator, monitoring, pulp-and-paper mill, watercourse.

A.V. Pozdeyev, V.K. Promonenkov, N.P. Lysenko

CURCUMIN CHEMICAL APPLICATION AS MEANS OF RADIATION PROTECTION

The research work deals with the investigation of curcumin chemical application as the means of radiation protection. It is experimentally proved that due to curcumin chemical application survival capability of the laboratory research animals irradiated in lethal doses has greatly increased.

Keywords: curcumin, ionizing radiation.

Ye.B. Moroshkina, O.B. Sedova

INTERACTION OF DNA WITH ACTINOCIN DERIVATIVE CONTAINING IN THE AMIDE GROUPS THE RADICAL – (BENZO-15-CROWN-5) IN THE SOLUTION WITH IONIC STRENGTH 0,1

Interaction of DNA with analogue of an antineoplastic antibiotic actinomicine D, containing in the amide groups benzo-15-crown-5 fragments are studied by spectrophotometer titration and circular dichroism in the presence of K+ or Na+ ions at ionic strength 0,1. Depending on the nature of cation this actinocin, derivative binds with DNA molecule as dimer, monomer or J-aggregate.

Keywords: actinocin, DNA, crown-group, spectrophotometric titration, circular dichroism.

T.A. Polyanskaya, I.G. Krinitsyn

ECOLOGICAL DIVERSITY OF BOREAL HYPOGAEIC STOLON-TUBER FORMING PERENNIALS

The group of hypogaeic stolon-tuber forming perennials differs by morphological and ecological features. The limiting factors determining their distribution are: ombroclimatic, soil humidity, and salt mode of soil. It is clarified that the given species can grow in wider ranges of soil conditions.

Keywords: hypogaeic stolon-tuber forming grassy perennials, ecological scales, *Trientalis europaea* L., *Adoxa moschatellina* L., *Circaea alpina* L.

PHILOSOPHY. ETHICS. ESTHETHICS

Ye.M. Berezina

THE IDEA OF MERCY IN THE RELIGIOUS MORALITY

The article is devoted to the analysis of mercy in the Christian tradition. The concepts of love and compassion as well as the associated contexts of mercy and fairness including those in the Old Testament and in the New Testament are under consideration.

Keywords: morality, religious morality, mercy, "golden rule", fairness, compassion.

V.V. Dneprovsky

THE POSTINDUSTRIAL SOCIETY UNDER INFORMATION WARFARE CONDITIONS: SUBJECT AND OBJECT DIALECTICS

The article discusses the importance of information warfare in public life and development of society. Under information warfare conditions, society becomes both an object of influence, and subject manufacturing unique intellectual resource. This article will be of interest for specialists in the field of social philosophy, political science, psychology.

Keywords: modern society, information warfare, informatization, subject, object, informational-psychological influence, public consciousness manipulation.

A.A. Zhirnov

MODERN RUSSIAN YOUTH SOCIALIZATION PROBLEMS

The article is dedicated to the status and the role of the youth and youth's lifestyle of the modern Russia. In purpose to allow the Russian young people to participate actively in the state modernization, it is necessary to change the Russian Federation youth policy with respect to education availability, labour employment, economic security, civil legal aid, leisure organization, young family support, control over

crime, drug- and alcohol abuse. In the conditions of globalization, postindustrialization, modernization, such features of the Russian young people and youth' lifestyle as patriotism, civism, panhuman values gain the leading positions.

Keywords: youth, youth's lifestyle, civicism, patriotism, panhuman values.

M.S. Kozyrev

THE CLASS APPROACH TO THE ANALYSIS OF SOCIAL STRUCTURE OF MODERN RUSSIA

In the article, the modern social structure of the Russian Federation, and also prospect of its development are analyzed. As the basic system sign of social differentiation, the concept of class is used.

Keywords: class approach, social structure, prospect of social transformations.

V.V. Koromyslov

PROBLEM OF EXISTENCE OF SOCIAL SPACE IN CONTEXT OF THE CONCEPT OF THE PERSON ESSENCE AS RESULT OF UNIFORM NATURAL WORLD PROCESS

In the article, the problem of existence of social space as forms of being of matter is observed. Approaches to its studying are analyzed, the author's vision of the decision of this problem which leans against the concretely general theory of development is offered. Existence of specific forms of space and time, peculiar to each of the basic forms of life of a matter is proved. Some features and properties of biological and social forms of space are revealed.

Keywords: social space, biological space, social time, properties of social space, concretely general theory of development.

V.A. Os'kin

SPECIFICITY OF «NEW RELIGIOUS CONSCIOUSNESS»

The main features of «new religious consciousness» are rationally shown in this article. The author draws our attention to Russian culture of the Fin de Siecle not having been studied so carefully and properly so far, especially in the questions of philosophy and religion which have a lot of similarities with modern cultural process. In this work, the author methodically traces the idea of confrontation of the concepts of the main leaders of «new religious consciousness» D.S. Merezhkovsky and N.A. Berdyaev. The systematization of features of «new religious consciousness» allowed to realize much deeper the essence of religious-philosophical quest.

Keywords: «new religious consciousness», religion, culture, historical church, human creativity, mystic.

O.V. Yankovskaya

EMBODIMENT OF NATIONAL IDEA IN AUTHOR'S SONG

The author tries to comprehend in the article the ideological roots of the social-cultural phenomenon of the Soviet reality in the 1950ies–70-ies. The Russian national style of «struggle» for justice, exposing of the evil is the spiritual searching that unites the author' s song and affected feeble-mindedness as a cultural-historical type.

Keywords: author's song, affected feeble-mindedness, exposing, singer poet.

HISTORY

V.Yu. Barunov

GROUNDING THE REGISTRATION OF RESPONSIBLE SOVIET COMMUNIST PARTY WORKERS IN THE CONDITIONS OF DISTRICT-PROVINCE SCALE IN THE BEGINNING OF THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD: THEORY AND PRACTICE

In the article, on the basis of wide range of sources, statistic material and researching literature, scarcely studied problems of creation of system of registration of responsible Soviet Communist Party workers in the conditions of district-province scale in the beginning of the new economic policy period are analyzed. It is proved that this system was bureaucratically well-grounded.

Keywords: promoted workers, workers' and peasants' intelligentsia, New Economic Policy, registration of responsible workers, reg. alloc. Department of the Communist Party Central Committee, registration-allocation departments of provinces' Party committees.

Ye.D. Borshchukova

PECULIARITIES OF SOCIAL CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SUBJECTS IN THE FIRST PERIOD OF WORLD WAR I

In the paper, the author examines the phenomenon of social consciousness of Russian subjects in the beginning of World War I and various forms of expressing patriotic awareness along with special characteristics displayed among different social groups including loyal subjects of the tsar.

Keywords: social consciousness, patriotism, loyal-subject's feelings, pacifistic movement.

V.Yu. Barunov

ROLE OF WORKERS' FACULTIES IN FORMATION OF NEW INTELLIGENTSIA IN THE BEGINNING OF THE NEW ECONOMIC POLICY PERIOD

In the article, problems of Russia's escape from "staff scarcity" in the conditions of recovery of the people's economy after the Civil War and industrialization of the USSR. Role and place of the organs of the Communist Party and the Soviets both in the centre and in periphery are shown. One of the ways of training the candidates for entering institutions of higher education became workers' faculties, which were allowed to enter after going through the hands of members of special commissions.

Keywords: People's Committee of Enlightenment, workers' faculty, New Economic Policy, agitation-propaganda Department of Russian Bolshevik Communist Party Central Committee

CULTUROLOGY. ART CRITICISM

L.A. Armeyeva

CORRESPONDENCE OF TRADITION AND AUTHOR'S FUNDAMENTALS AT COPYING ICONS IN THE SYSTEM OF TRAINING MODERN ICON PAINTER

Presently, prompt revival of traditional iconography is observed, but absence of methodological base disturbs creation constructive and canonically correct works. The main place in training icon painter should occupy copying of ancient icons and their attentive studying.

Keywords: traditional icon-painting, copying of icons, recommendations about copying, creative copying, new iconography.

Ye.Yu. Borisova, N.Yu. Pogorelova

A.D. KASTAL'SKY'S NEW CLERICAL-NATIONAL STYLE

In given article we put the problem in more details to cover creativity of a key figure of spiritually-musical revival of Russia of a boundary of the XIX-XX-th centuries of A.D. Kastalsky which has entered into a galaxy of the composers who have created on the basis of an ancient church heritage new tserkovno-national style.

Keywords: Russian sacred music, transpositions Old Russian church rospev, it is national-pesennye intonations in the spiritual products, new type of a concert sacred music.

S.A. Gubanov

ONTOLOGICAL UNDERSTANDING OF SENSE LIMITS OF SYMBOL ANTINOMIES' SEMANTIC CONNOTATION OF FR. P.A. FLORENSKY

In the given research work, the considerable part of attention is concentrated on revealing essential characteristics of sense limits of symbol antinomies concerning sense connotations introduced by them in ontological space discourse, influencing the nature of understanding them in creative work of Fr. P.A. Florensky. What become dominants of formation of the paradigm of sense connotations of symbol antinomies, is functioning of the two levels of their development: space-time model of Being, and the European Art Studies, that, at the same time, do not exhaust their polysemantic essence. What has a special place in the work, is consideration of symbol ontology which is defined in the form of one of the fundamental units of semantic cognition of cultural space of Being by the person in world-view of Fr. P.A. Florensky.

Keywords: space, discourse, sense, antinomy, spirituality, Being, dialectics, absolute, symbol, ontology.

G.A. Zlenko

THE PHENOMENON OF INTERACTION OF RUSSIAN AND GERMAN CULTURES IN V. NABOKOV'S EARLY CREATIVE WORK

The article discusses the problem of communicativeness throughout the cultural space. The article deals with analyzing theoretical aspects of cultural interaction in V. Nabokov?s early creative work.

Keywords: dialogue of cultures, peripheral vision, Nabokov's early creative work.

N.K. Kashina

ON BORDERS AND HORIZONS OF FORMALISM (TO THE PROBLEM OF PERCEPTION OF ROZANOV'S TEXTS)

One of the first who had uncovered the peculiarity of Rozanov's texts was V. Shklovsky, the author of the manifesto of formalists. During the examination of the efficiency of the term "method" in understanding of artistic process, the fields of usage of the terms "ontologism" and "artistry" are specified.

Keywords: formalism, image, convention, character, type, artistic and mythological ideation, ontologism, artistry.

M.Yu. Korolyov

REPRESENTATION IN MARC CHAGALL'S CREATIVE WORK

The article is devoted to the problem of cultural representation in creative work of Marc Chagall.

Keywords: representation, cultural representation, stained-glass windows of synagogue of Medical centre Ein Kerem in Israel, the twelve tribes of Israel, the Old Testament, stained-glass windows by Marc Chagall.

LITERARY CRITICISM

V.G. Andreyeva

SYMBOLICS IN THE NOVEL "ANNA KARENINA" BY L.N. TOLSTOY

The author of this article examines the role of symbol in organization structure of the novel "Anna Karenina", difference between the symbol and the emblem. She tries to prove the irrelevance of determining the artistic method of L.N. Tolstoy by the expression "emblematic realism".

Keywords: symbol in artistic world of novel, internal cohesions, emblematic realism, writer's religious consciousness.

T.P. Batalova

DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE POSSESSED": ON POETICS OF THE PLOT

Interaction of motifs of Beauty and Despotism is analyzed in this article. The author concludes, that despotism destroys beauty. These motifs give originality and some essayistism to this novel.

Keywords: Dostoevsky, novel, plot, motif, beauty, despotism.

V.A. Bondarenko

SOCIAL AND ESTHETIC REFLECTION OF YOUNG V.V. VERESAEV (BASED ON THE SHORT STORY «THE COMRADES»)

The article analyses social and esthetic viewpoint of young V.V. Veresaev. The short story «The Comrades» gives a rather complex «language picture» that is emphasized by "sinusoidal" composition. The reader's impression is also concentrated on the key moments of the plot with the help of frequent quotations of poems and songs that were popular at V.V. Veresaev's time. The concepts of «guilt», «duty», realization of their own help lessness by intelligentsia constitute the essence of the esthetic reflection of the author.

Keywords: esthetic reflection, social practice, duty to people.

S.N. Vasina

FUNCTIONS OF THE NARRATOR AND THE STORY-TELLER IN V.M. GARSHIN'S PROSE

In the article, the author considers opposition of two variants of coverage of events: the representation of events from the third party (narrator) and in the first person singular (story-teller). Important regularity is revealed in works by Garshin: the story-teller reflects himself in forms of statement of events in the first person singular, and the storyteller – as the third party.

Keywords: Garshin, narrator, story-teller, event, subject.

I.N. Savchuk

AUTOMETAPARATEXT AND THE FEATURES OF V.S. VYSOTSKY'S SPIRITUAL PORTRAIT (THE PROBLEMS OF THE CURSE WORDS IN THE POET'S LYRIC)

Present research work analyses the commentary (autometaparatext) by Vysotsky about the song, having been sung at the concert. The poet assured that he tried not to use the rough expressions in his works (with the exception of role poetry). Such creative behaviour of the author is an indicative of the fact that Vysotsky, apprehended in his life-time as a marginal poet, aspired to have a status of an official poet, able to be published. In our opinion, the second reason was that Vysotsky, following "the purity of the language", counted on the spiritual revival of the Russian nation.

Keywords: autometaparatext, marginal poet, creative behaviour, author's spiritual portrait.

D.V. Sokayeva

THE IDEAS ON THE NEXT WORLD IN THE NART? EPOS AND NON-FAIRY-TALE PROSE OF THE OSSETS

The objective of the proposed article is to examine the complex patterns of ideas of the Ossets on the next world in various genres of folklore. If the Nart? epos includes a detailed picture of "hell" and "paradise", the non-fairy-tale prose of the Ossets focuses on the motives of patronage, the prophecies of the dead, an artistic description of the death moment and so on.

Keywords: mythological space, ritual, Nart? epos, non-fairy-tale prose.

N.Yu. Chestnova

ON DIALECTALITY OF GENRE FORM OF "NOTES FROM UNDERGROUND"

The article is devoted to one of the aspects of genre nature of Dostoevsky's novel "The notes from

the Undeground". The author compares two viewpoints of genre nomination: author's viewpoint and the viewpoint of underground paradoxalist, creatively active narrator. The analysis of their interaction leads us to conclusion that the genre form of "The notes from the Undeground" is dialectic.

Keywords: genre, character-narrator

A.V. Vovna

PHILOSOPHICAL AND MYTHOPOETICAL CODES IN BELY' S PETERSBURG

The article is devoted to the problem of connection of mythopoetical and philosophical codes in Bely' s Petersburg. The specifics of realization of Petersburg' s space on the motive and image levels are revealed and mythological implication of Petersburg' s characters is analyzed. The author studies the semantics of illusiveness that is transformed to the main meta- motive of the novel and realized in the paradigm of semantic variants.

Keywords: space, symbol, semantics, metaphor, classical ancient mythology, myth of Petersburg, mythological structure, mythopoetics.

LINGUISTICS

O.S. Akhmedov

LEXIC-SEMANTIC ADEQUACY IN TRANSLATION OF TAX AND CUSTOMS TERMS (ON THE MATERIAL OF ENGLISH AND UZBEK LANGUAGES)

This article is dedicated to study of integral and differential peculiarities of English tax and customs terms in the process of translating them from English into Uzbek. At the moment, adequate translation of texts containing English tax and customs terms that are introduced into terminological system on the basis of cognitivity, is considered to be the most complicated and topical problem as mentioned lingual units gain new semantic peculiarities in terminosystem. As the result, this article tackles to compile bilingual (Uzbek-English, English-Uzbek) "Tax and Customs" Dictionary.

Keywords: translation, transformation, tax and customs term, adequacy, terminological system, cognitivity, integral and differential peculiarity, lexic-semantic meanings.

N.V. Bulavina

SUBSTANTIVE NEOLOGISMS IN CONTEMPORARY PERIODICAL PRESS

In this article, the authoress examines neologisms that are derived from different substantives. Each part of the work is dedicated to analysis of semantic characteristics of a certain class of nouns: personal, inanimate, abstract and collective nouns. In support of the validity of her assumptions, the authoress demonstrates numerous examples taken from the contemporary periodical press.

Keywords: substantive new formations, neologisms, personal nouns, inanimate nouns, abstract nouns, collective nouns, ways of word-formative process, lexical system of language.

A.P. Vasilenko

POLYMOTIVATION AND PSEUDOETYMOLOGIZATION OF PHRASEOLOGICAL IMAGE

Reliability of meaning of phraseological unit should always undergo etymological research brining to light the validity of statement. Through statement, goes motivation of the image taken as a principle of a phraseological unit, and, as a result, rightness of a fixed expression which comes in a case of a live speech.

Keywords: phraseological meaning, motivation of image, speculative situation, etymological version, internal form of phraseological unit.

I.V. Lobanova

ACCENTUAL STANDARDS OF CONTEMPORARY GERMAN LANGUAGE: PROBLEMS OF VARIANCE

Word stress is one of the most important phonetic characteristics of language and speech. Peculiarities of word stress in contemporary German language and its main functions are described in the article. Mechanisms of distribution of word stress in a German word are considered. Numerous examples of accent variants taken from German pronouncing dictionaries, are given. The author comes to the conclusion that rules defining the place of stress in a German word are determined by its morphemic structure and word-forming model.

Keywords: organizing (centralizing, culminating) differentiating and delimitating functions of word stress, rhythmic and accentual quasi-homonyms, accentual doublets, paradigmatic and syntagmatic models.

Ye.V. Petrova

TRAINING OF STRATEGY OF VISUALIZATION OF TECHNICAL LEXIS IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES ON THE BASIS OF NON-LANGUAGE HIGHER EDUCATION INSTITUTION

The article deals with the process of training students to visualize the technical lexis in foreign

language classes on the basis of non-language higher education institution. The stages of training are defined. The system of tasks to form the given strategy is presented.

Keywords: visualization, technical lexis, methods of work with information, text level, to structure.

A.G. Sadykova, Ye.A. Tulusina

FIXED METAPHORICAL MODELS OF PEDAGOGIC DISCOURSE IN THE GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

An attempt to represent the most common, generalized metaphorical models within the framework of pedagogic discourse has been made.

Keywords: concept, pedagogic discourse, metaphorical model, study, school.

I.Yu. Tret'yakova

SEMANTIC VIEWS OF THE OCCASIONAL TRANSFORMATIONS OF PHRASEOLOGICAL UNITS

The article describes the types of semantic transformations of phraseological units which are determined by specific context actualization agents.

Keywords: phraseological unit, occasional phraseological unit, ways of occasional transformation of phraseological units, transformation.

V.S. Tyutrina

AUTHOR'S ADAGES IN STRUCTURE OF LINGUAL PERSONALITY OF WRITER (AFTER WORKS BY SEMYON LIPKIN)

Adages in works by S. Lipkin are examined in this article in order to reveal originality of the writer's lingual personality and to determine his viewpoint specificity.

Keywords: writer's lingual personality, author's adages, creative individuality.

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Ye.V. Aleksandrova

AMATEUR ART CREATIVE WORK AS THE FACTOR OF FORMATION OF SOCIAL EXPERIENCE OF PERSON

This article is devoted to art amateur performance, which is the significant phenomenon of our public and cultural life and has the special social importance. The author studies art amateur performance proceeding from modern positions of creative activity, its social-pedagogic potential. The attempt is undertaken to consider art amateur performance in the stratum of the problem of formation of social experience, socialization, education and development of person.

Keywords: social experience, social environment (Wednesday), the person, moral of orientation, art amateur performance.

G.Ye. Anan'yin

THE INITIATION OF SYSTEMIC METHODOLOGY IDEAS IN PEDAGOGY

In the process of the work, were analyzed the notions on teaching and upbringing by specialists of the 19th – first half of the 20th century, who contributed into development of the system idea in pedagogy. This contribution consists in the consideration of the pedagogic systems to be particular investigations objects with unique properties, in substantiation of the pedagogic methodology, which is based on the conception of the system, inference of the principles and limits of system investigation and transformation of teaching and upbringing process.

Keywords: system idea, system, order, wholeness, irregularity.

A.Ye. Banyukhova, O.S. Shemelina

PERSONAL PREMISES OF STUDENTS' SOCIAL CREATIVITY

In the result of analysis of scientific literature and conducting empirical study, an attempt to define psychological meaning of social creativity was undertaken. In the structure of interrelated elements of social creativity, the unity of motivational, communicative, intellectual and existential parameters is found out.

Keywords: creative potential, types of creativity, social creativity, self-actualization, interpersonal relations.

R.V. Borisov, Sh.M. Zul'fikarov

DEFORMATION OF ETHNIC IDENTITY AS PROBLEM OF SOCIAL ADAPTATION OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS STUDENTS

The article is dedicated to investigation of deformation of ethnic identity influence on social adaptation of students. The research was undertaken in the Republic of Dagestan in 2010. The results of the research prove the fact of deformation of ethnic identity influence on the process of social adaptation of Dagestan students.

Keywords: ethnic identity, deformation of ethnic identity, social adaptation, student, Republic of Dagestan.

A.S. Volodina

TEXT COMPREHENSION DISORDERS AND WAYS OF THEIR REVEALING IN GENERAL SPEECH RETARDED CHILDREN

This article deals with question of functioning of the speech statement decoding mechanism, participating in decoding of deep sense of general speech retarded children. Forecasting operations of the text message semantic maintenance are the basis of the given process, and their condition is clearly seen through the material of the restoration of texts with passed and incomplete words.

Keywords: text decoding, closure-test, C-test, general speech retardation, lingual competence.

R.G. Golovchanskaya

TECHNOLOGICAL RECORD BOOK AS A TOOL FOR MONITORING FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE IN POSTAL TUITION STUDENTS OF NON-LINGUAL HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article uncovers the notion "Technological Record Book" as a tool for monitoring and control of competences formation of correspondence students studying at higher educational institutions where foreign languages are not profile. The article highlights the monitoring approach in the process of evaluating knowledge, abilities and skills in the sphere of foreign languages.

Keywords: higher school, foreign languages, correspondence form of study, competence, control, monitoring Technological Record Book.

Ya.Yu. Dan'kovskaya

AGRAMMATISM IN SPEECH AND WRITING OF MENTALLY HANDICAPPED PRIMARY SCHOOL PUPILS (NEUROPSYCHOLOGICAL APPROACH)

This article is about modern views of mechanism and symptoms of agrammatism in writing at primary school pupils. The author of this article finds out mental functions that influence process of forming grammar skills. The author also shows correlations between the level of forming grammar skills and mental functions at mentally handicapped school students.

Keywords: grammar generalizations, writing speech, agrammatism, disgraphy, mental retardation, neuropsychological approach, functional blocks of brain.

Ye.V. Devyaterikova

THE ESSENCE OF THE PROCESS OF THE PEDAGOGIC MAINTENANCE OF THE BOARDING SCHOOL PUPILS' EVENTS

People's life is a chain of the events each of which promotes the development of a person. There is a definition of the term "event", the essence of the social pedagogic maintenance in the given article. One can also find the criteria, the models of the effectiveness of the process and the specific character of the accompaniment of the event of junior pupils of the boarding school in this article.

Keywords: types of events, event, social pedagogic maintenance, functions and stages of social pedagogic maint.

O.I. Yefimova, A.A. Oshchepkov

PECULIARITIES OF VALUE STRUCTURE OF ADOLESCENTS' SMALL GROUPS WITH DEVIANT ORIENTATION

In the article, group value orientations are examined, which are the regulators of adolescents' social behavior within school class system of social relations. On this basis, the hypothesis about distinguishing of normal adolescents' group value systems and those of deviant adolescents is put forward and checked out.

Keywords: microgroups, deviant behavior, group value orientations, normal adolescents, deviant adolescents.

D.R. Zaimtsyan

SYNTACTICAL RULES OF LANGUAGE AND THEIR USE IN SPEECH PRODUCTION OF CHILDREN WITH UNDERDEVELOPMENT OF SPEECH

In this paper, reflecting the relevant aspects of the formation of the syntactic system of language in primary school students with underdevelopment of speech, key positions in the experimental and methodological approach are marked. The author summarizes the results of the study aimed at studying the superficial grammar in children of this contingent.

Keywords: grammatically wrong text, paradigm, representative capacity of language, usus (rule, norm).

D.Yu. Karasyov, K.E. Ketoyev

INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF PHYSICAL TRAINING OF PRESCHOOL CHILDREN IN THE CONDITIONS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTION

This article discusses the problems of physical development of preschool children 5–7 years old in

preschool educational institutions (PEI). The significance of the implementation of innovative technologies of physical training of school-age children is shown.

Keywords: preschoolers, physical training, physical development, physical qualification, innovative technologies.

I.V. Kiyan

TEST AS INSTRUMENT OF MANAGEMENT OF QUALITY OF PEDAGOGIC TECHNOLOGIES IN SYSTEM OF DISTANCE LEARNING

In the distance learning system, testing is the main form of control and therefore the test can be regarded as an important component of the educational process, upon filling which depends level of the learning process as a whole and the result of quality management teaching technology in particular.

Keywords: test, testing, quality management, educational technologies, distance learning, forms of control, virtual homework, methodological approaches, level of education.

Ye.A. Larina

THE INVESTIGATION TECHNOLOGY OF THE LEVELS OF THE INTONATION FORMATION OF JUNIOR SCHOOL PUPILS IN ORAL AND WRITTEN SPEECH ACTIVITIES

Practice needs technological investigation of speech intonation. The theoretical basis of diagnostics, the main directions of the intonation speech expression of junior school pupils in oral and written speech activities are presented in the article.

Keywords: intonational aspect of speech, functionally significant prosodico-intonational errors, specific typological errors in reading and writing, poor formation of intonational aspect of speech, junior schoolchildren.

N.V. Morozova, L.S. Zharkova

COMPETENCY APPROACH TO INNOVATIVE PROJECTING OF PEDAGOGIC ACTIVITY IN GENERAL LANGUAGE TRAINING

The questions of innovative projecting of pedagogic activity in the general language training based on the competency approach are considered.

Keywords: psychological mechanisms, competency approach, pedagogic innovations, before-university training.

M.A. Moshkina

EXTRALINGUISTIC FACTORS IN THE PROCESS OF TEACHING PUPILS WRITING SPEECH

The problem of development of written speech of pupils is considered in the article taking into account the speech environment and cultural traditions of the people. Novelty of the approach consists in creation of the educational space stimulating motivation to the statement. Leaning against numerous researches of domestic and foreign scientists-linguists, the author of the article proves the necessity of modeling speech environment taking into account the extralinguistic information as effective remedy of speech development.

Keywords: cultural traditions, educational environment, writing speech.

S.A. Murav'yov

SOCIOCULTURAL BACKGROUND OF FORMATION OF RUSSIAN NATIONAL UPBRINGING IDEAL

An attempt to determine historical background of formation of notion on Russian national ideal of personality upbringing is undertaken in the article.

Keywords: national ideal, upbringing, personality, cultural values.

V.B. Nikishina, I.V. Zapesotskaya

CONSTRUCTION OF PSYCHOLOGICAL THESAURUS OF DEPENDENCE STATE

Research is focused on the idea of categorical spaces construction of state "dependence". From a phenomenological position dependence is considered to be the state with peculiar specific characteristics: observability, autonomy, controllability, efficiency. From the point of view of categorical construction an attempt to introduce the concept "condition of dependence" into system of main and metapsychological categories through a prism of basic concept – «attitude» was undertaken.

Keywords: attitude, dependence state, basic, metapsychological levels of categorical analysis.

I.A. Nikolayeva

THE RESEARCH OF PSYCHO-ACMEOLOGICAL PECULIARITIES OF PROGNOSTIC POTENTIAL DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION STUDENTS

The author of the article gives the definition of the notion "prognostic potential" and examines the structure of prognostic potential. The main

conclusions of the scientific research are represented in the article. The peculiarities of prognostic potential development of higher education students are showed up and the program of prognostic potential realization in educational activity is described.

Keywords: prognostic potential, anticipation, development, psycho-acmeological peculiarities, higher education students.

G.Ye. Pazekova, N.Ye.Yelivanova

PSYCHOLOGICAL HARMONY OF PERSONALITY AS DETERMINANT OF HEALTH

The article is devoted to theoretical aspects of psychology of the harmonious person and determinant of its external and internal well-being from positions complete acmeological approach to health problem. Scientific approaches to the maintenance of concept "harmony" are considered, the essence of psychological harmony of the person is revealed.

Keywords: harmony, psychological harmony of personality, harmonious personality type, indicators of psychological harmony: balance, integrity, development, integrative model of health.

Ye.Ya. Polyakova, M.V. Pashkova

PERSONALITY ANXIETY AND PROFOUND INCLINATIONS IN THOSE WHO ARE SICK WITH ALIMENTARY OBESITY: CLINICAL-PSYCHOLOGICAL ASPECTS

The peculiarities of emotional-personal and motivational sphere of people sick with obesity are considered in the paper. Psychological characteristics of patients with high level of anxiety causing compulsive overeating are described. Interconnections between profound inclinations and main types of eating behavior disorders of persons with alimentary obesity are analyzed.

Keywords: alimentary obesity, eating behavior disorder, personal anxiety, profound inclinations.

V.G. Ragozinskaya

STRUCTURAL PECULIARITIES OF PSYCHOSOMATIC PATIENTS DEPRESSION

The results of the factor analyses of variables of emotional state of different groups of psychosomatic patients (hypertonic disease, ulcer of the stomach and duodenum, thyrotoxicosis) and healthy subjects are presented. According to the research results the structure of psychosomatic patients' depression is statistically different from the structure of depression of healthy probationers.

Keywords: psychosomatic disorders, emotional state, depression, anxiety.

L.A. Rapatskaya, M.N. Buchenkova

TECHNIQUES OF MUSICAL THERAPY AS A MEANS OF GENERAL REHABILITATION OF MENTALLY RETARDED CHILDREN

The article discusses a new approach to general rehabilitation of mentally retarded children, which involves design and use of means of musical therapy. A set of musical therapy techniques, aiming to carry out psychological correction of mentally retarded children has been presented; a series of measures taken to construct an effective model of musical therapy for children has been discussed.

Keywords: musical therapy, mental retardation, rehabilitation of children, techniques, means of musical therapy, infantilism, asthenia, junior pupils, level of development.

O.V. Rudyhina, O.S. Shemelina

COGNITIVE AND MOTIVATION-VALUABLE FEATURES OF TOLERANT STUDENT OF HIGH SCHOOL IN CONTEXT OF STYLE APPROACH

In the given work, in context of research of the phenomenon "tolerance", significant interrelations of tolerance with style characteristics of person (intellectual styles of thinking on A. Harrison and R. Bramson typology and characteristics of psychological types under the theory by C.G. Jung are found out as quality styles determining individual picture of the world); they influence the level of preferred values and self-actualization.

Keywords: tolerance, intellectual styles of thinking and epistemological styles, values, self-actualization.

N.N. Safukova

PSYCHO-ACMEOLOGICAL PECULIARITIES OF PERSONAL AND PROFESSIONAL SELF-CONCEPT OF STUDENTS STUDYING IN STATE AND NON-STATE UNIVERSITIES

Bearing on the psycho-acmeological approach, the article describes peculiarities, methods and results of personal and professional self-concept of students studying in state and non-state universities. The structural functional model aimed at realization of students' personal and professional self-concept in future professional activity is worked out.

Keywords: personal and professional self-concept, self-image, self-image as professional, self-appraisal, self-attitude, adaptive and desadaptive variants of development.

S.Yu. Sveshnikov

BECOMING A PARENT IN YOUTH: AN ATTEMPT TO UNDERSTAND THE PROBLEM

The article touches upon the issue of the formation of paternal qualities in youth, analyzes the factors that impede the process of educating a full-fledged men at the present stage of Russia's society, discloses the nature of paternal love, identifies the key stages of becoming a parent in early adulthood and subjects influencing this formation, as well as the results of microstudies conducted in the framework of a department topic «Spiritual and moral upbringing in various public institutions».

Keywords: youth, upbringing, family, marriage, parenthood, fatherhood.

Ye.A. Selivanova

PROBLEMS OF EMOTIONAL DEVELOPMENT OF ADOLESCENTS BROUGHT UP IN CHILDREN'S HOME

The article deals with the specific of the state of loneliness in adolescents with mental retardation, brought up in orphanage, provides psycho-educational technology, aims at correcting the negative impact of loneliness on the personal development of adolescents with mental retardation.

Keywords: loneliness, emotional development, psychological and educational technology, adolescents, mental retardation, children's home.

O.N. Stepanova, Ye.A. Osokina

USING OF COMPLEX FITNESS PROGRAMS IN THE SYSTEM OF PHYSICAL EDUCATION OF FEMALE STUDENTS

The article considers the possibilities, restricting factors and perspectives of using of complex fitness programs in the system of physical education of students in the universities. It gives the results of querying (interviewing and inquiring) of 57 teachers of the physical education and 114 female students from universities of Ivanovo region.

Keywords: student youth, physical education, fitness technologies, complex fitness programs.

S.Ya. Uvarova, T.D. Dubovitskaya

PSYCHOLOGICAL SUPPORT GRADUATES OF SCHOOLS AT ABILITY OF DECISIONS MAKING

The problem of decisions making at youth age is considered here. The concept "ability of decisions making" is proposed. Psychometrical testing of method "ability of decisions making" is held. Interconnect description of ability to make decisions and another particular features at school graduates is given. The results of forming experiment for development of ability to make decisions are presented.

Key words: psychological support, ability of decisions making, psychometrical testing of method.

PROFESSIONAL EDUCATION

M.A. Alekseyeva

THE DEVELOPMENT OF CREATIVE MENTALITY OF FUTURE TEACHERS-ARTISTS IN THE PROCESS OF THE PERSPECTIVE ANALYSIS AND GRAPHIC PICTURE RECONSTRUCTION

The knowledge of the laws of linear perspective and their sensible use in the solution of the creative tasks of the teaching process can help future teachers-artists to solve the composition tasks of their own work of art more effectively.

Keywords: teacher-artist, creative ideation, linear perspective, perspective analysis, composition, picture graphical reconstruction

N.V. Korchagina

PROFESSIONALISM OF THE TEACHER-MUSICIAN AS THE RESULT OF TRAINING THE STUDENT IN HIGHER SCHOOL (ACMEOLOGICAL APPROACH)

The article is devoted to research of professionalism of the teacher-musician from the point of view of acmeological approach. The author notes insufficient attention of researchers to development of acmeological techniques which regulate application that can promote formation of professionalism during training the future teacher-musician in higher school. The authoress offers her own program of formation of professionalism of the teacher-musician, based on to the acmeological concept and gives the description of results of its application in practical work of higher school.

Keywords: professionalism, professional, acmeology, pedagogy, art of musical performance, higher education.

N.V. Reutova, V.B. Nikishina

THE INTERRELATION BETWEEN SOCIAL PERCEPTION FEATURES AND STRUCTURE OF PROFESSIONAL IDENTITY OF ENFORCERS IN CONTEXT OF INTRA-PROFESSIONAL DIFFERENTIATION

The system of professional identity structure includes the internal and external components which are interrelated. The external component covers the

development of social space of a trade in whose spectrum priority positions are taken by subjects' social perception features. The features of social perception define the macrosocial level of interrelations with the structure of professional identity of enforcers in context of intra-professional differentiation.

Keywords: social perception, professional identity, structure of professional identity, enforcers, intra-professional differentiation.

R.Z. Sabanchiyeva

CAREER ORIENTATIONS AND PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF LECTURERS

The results of researches of self-realization of lecturers in professional activity are represented in the article. In this article, career orientations of lecturers are examined as factors of successful professional self-realization. Career orientations of lecturers are elicited.

Keywords: career orientations, self-realization, professional activity of lecturer.

O.B. Solov'yova

THE CONTENT SPECIFICITY OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATION TRAINING OF WATERWAY TRANSPORTATION SPECIALISTS

The article deals with the content specificity of the professional foreign language training at waterway transportation faculties. The author pays attention to distinguishing and systematization of the topics, texts and vocabulary necessary to meet professional demands to marine communication.

Keywords: professional communication, marine communication, professional demands, content components.

O.N. Tret'yakova

IT AND DEVELOPMENT OF REMOTE COMPUTER PRACTICAL WORK IN PHYSICS

A problem of applying IT to solving problems of 3D-modeling a remote computer practical work in Physics is stated in article.

Keywords: IT, Internet, remote education in Physics, computer 3D-modeling, software, computer data base, computer Physics practical work.

A.V. Khodykina

THEORETICAL-METHODOLOGICAL STATUS OF INTEGRATIVE APPROACH TO TEACHING FOREIGN LANGUAGES

The article author considers advantages of integrative approach to teaching foreign language.

Keywords: professional education, approach to education, integrative approach, teaching foreign language.

M.A. Milovanov, M.P. Tsvetkov

SYSTEM OF SPORTIVE HEALTH-IMPROVING ACTIVITY IN THE CONDITIONS OF CHILDREN'S-YOUTH SPORT-HALL

The article emphasizes importance of children's-youth sport-halls – facultative schools – for improving children's health.

Keywords: sportive health-improving activity, healthy lifestyle, low locomotive activity, interrelations with parents.

JURISPRUDENCE

V.V. Gruzdev

ELEMENTS OF LEGAL LEVEL OF PERSONALITY PATTERN

In the article, questions of a parity of natural and social in personality are considered. Elements of legal level of system of the person are defined. The concept of person at level of a legal subsystem is given.

Keywords: personality, social, natural, right, properties.

B.Ye. Roshchin

MAIN PRINCIPLES OF THE RUSSIAN LABOUR LAW DURING THE INITIAL STAGE OF THE SOCIALIST ORGANIZATION OF WORK (OCTOBER 1917–1920)

In the given article, in brief, the basic branch principles of the system of the Russian (Soviet) labour law during the state policy named "war communism" are revealed and analyzed. The given principles have formed a legal basis for the construction of the system of the socialistic work organization, in the conditions of the proletarian dictatorship development in Russia, and also have predetermined legal forms of the basic branch labour-legal institutions and the specific character of the further progress of the labor law.

Keywords: branch principles, socialistic organization of work, war communism, Soviet labour law, system of labour law.

SOCIOLOGY

A.V. Yermilova

PROBLEMS OF SELF-IDENTIFICATION OF ENGINEERING-TECHNICAL INTELLIGENTSIA: THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS

The problem of self-determination of engineer-technical intelligentsia as mechanism of correlation

itself with a society is considered. The most expressed identity to the given category of the population comes to light and its place in structure of a modern society is defined. As a result of the strengthening of marginal situation of modern engineer-technical intelligentsia is fixed, that conducts to destruction of stability of authority and stability of the societas.

Keyword: identification, intelligentsia, personality, marginality, society structure

Ye.A. Smirnova

INFLUENCE OF THE THERAPEUTIC ENVIRONMENT ON QUALITY OF LIFE AND SOCIAL FUNCTIONING OF CONSUMERS OF THE PSYCHIATRIC HELP

Quality of life and social functioning is the main part of the estimation of mental patients. The obtained data allows to allocate the most vulnerable groups of patients. The important method of medical influence of environment is described and results of own researches are presented.

Keywords: quality of life, social functioning, rehabilitation, social rehabilitation, milieu therapy, patients.

M.V. Dyomin

NEW SOCIAL ROLE: FORMATION AND MEASUREMENT IN BUDGET OF TIME

In the article, one of mechanisms of formation of new social roles (so-called role reorientation) is considered. The technique of quantitative evaluation of reorientation process via assessment of time for the role performing is presented. The interrelation of role reorientation and social activity in sphere of leisure is mentioned.

Keywords: social role, role reorientation, sphere of leisure, budget of time, social group.

M.A. Kalabekova

HISTORY AND DEVELOPMENT OF ANGLO-SAXON MODEL OF LOCAL GOVERNMENT IN GREAT BRITAIN

In this article, the author investigates the history of formations and analyzes the characteristics of the organization of local government in England.

Keywords: local self-government, evolution, competence, local government, self-local government model, territory, local authorities organization, self-local government bodies.

ECONOMY. MANAGEMENT

V.V. Chekmaryov

SCIENTIFIC CREATIVE WORK OF M.I. SKARZHINSKIY AND HIS CONTRIBUTION INTO ECONOMIC SCIENCE

Analytic review of scientific heritage of M.I. Skarzhinskiy in the context of main tendencies of modern economy theory development is presented in the article.

Keywords: history of economy, creative heritage, labour economy, human potential, labour potential.

N.V. Vasilenkova

PERFECTION OF HIGHLY SKILLED PERSONNEL TRAINING SYSTEM FOR THE SHIP-BUILDING BRANCH OF THE ASTRAKHAN REGION

There is a problem of constant development of knowledge, skills and experience of personnel of separate branches and especially at ship-building enterprises of the region due to the appearance of innovative techniques and technologies in the conditions of the scientific-and-technological advance, accelerated by globalization. It means that modernization should concern the whole professional educational complex of qualified personnel training system. In the given article, the author offers some basic directions of the perfection of highly skilled personnel training system for the ship-building branch of the Astrakhan region.

Keywords: modernization, qualified personnel training system, material and technical basis, labour-market, stable development of ship-building enterprises.

S.M. Glukhova

CONTRACT RELATIONS IN THE CONDITIONS OF UNCERTAINTY

Complication of economic relations and sharp increase of innovations' role for successful commercial activity has led to occurrence of the term "innovative contract". Within the limits of the given article, the author has presented the vision of the innovative contract as element of the theory of the contracts, having its own features. Existing classifications of contracts are for this purpose analyzed, their insufficiency for innovative sphere is revealed and expansion by introduction of a new sign – degrees of uncertainty of result of economic interaction – is offered. The scheme of innovative activity which is based on the innovative contract and on a special role of the state is offered.

Keywords: result of economic interaction, risks, uncertainty, innovation, innovative activity, contract, innovative contract, intellectual property.

N.V. Vasilenkova

FORMATION OF OPTIMAL CONDITIONS OF RUSSIAN SHIPBUILDING DEVELOPMENT

The public corporation "The United Ship-Building corporation", consisting of three shipbuilding centres mainly focused on the military shipbuilding, is considered to be the realization tool of Russian shipbuilding lifting strategy. In the given article, the author offers some basic directions of planned activities of the public corporation "The Southern Centre of Shipbuilding and Ship Repairing".

Keywords: financial resources, safety stocks, fleet building, technical means of continental platform development, legislative base, government business, corporations, civil shipbuilding.

S.A. Stulov, Ye.A. Aleksandrova

CORRUPTION AND STATUS RENT IN THE SYSTEM OF SHADOW ECONOMIC RELATIONS

Approaches to definition of shadow economy and measurement of its standard are presented in the article. Definition of interdependence between shadow economy, status rent and corruption is given. Basic fields of struggling with corruption as constituent of shadow economy are substantiated. Definition of the most important problems at the way of defeating corruption is proposed.

Keywords: economic relations, shadow economy, corruption

K.V. Khartanovich, V.A. Man'kovskiy, Ya.O. Shatrova, I.S. Shkabarnya

MODERNIZATION AND CRISIS-MANAGEMENT REGIONAL STRATEGY

The results of research of the modernization process and conducting crisis-management regional strategies are stated in the article.

Keywords: modernization, strategy, crisis, region.

A.B. Shtukert

MUNICIPAL PUBLIC HEALTH MODERNIZATION

The article is devoted to the public health reform. The role of problems of public health modernization are shown, main fields of municipal public health modernization are revealed.

Keywords: modernization, public health, municipal economy

O.V. Shuvalova, A.Yu. Timonin

LIFE STANDARD AS ECONOMIC LIFE QUALITY CHARACTERISTICS

Approaches to assessment of life quality as economic states are examined in the article.

Keywords: life standard, life quality, wealth, poverty.

I.A. Bartjukova

ECONOMIC MODEL OF DEVELOPMENT OF THE ENTERPRISES MACHINE-BUILDING COMPLEX

The machine-building complex is, on the one hand, the main industry, and with another, – a strategic vector of development of all industry. Therefore effective functioning of the enterprises of a machine-building complex will allow economy of Russia to break the existing technological barrier separating it from industrially developed countries and successfully to carry out economy modernization. In the present article attempt of a substantiation and working out of economic model of development of the enterprises of a machine-building complex is made.

Keywords: a machine-building complex, economic model, economy modernization, innovative development.

L.A. Kuzmina

INNOVATIONAL PROCESS AND QUALITY OF ECONOMIC GROWTH

The article considers interconnection between the quality of economic growth and the innovation process, which actually provides the former. The economic growth which has been noticeable in Russia since the beginning of 2000s bears a state of the market character (it is otherwise named "breeding ground"), in so far it is secured largely by raw-market branches. An important issue of the contemporary stage is constituted by elaboration of a new model of the economic growth, which must be sustainable and innovative. The basic sources of such an economic growth, guaranteeing its quality, are innovations and accumulation of human capital. Emergence of a new quality of economic growth is possible only under the conditions of an adequate institutional medium.

Keywords: innovation, innovational process, economic growth factors, institutional environment of innovational process.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

ИД №03618 от 25.12.2000
Подписано в печать 17.10.2010
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 40,0 л.
Тираж 999 экз.
Изд. № 37.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 31-65-61**, факс: **(4942) 31-65-61,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная